ISSN 1561-7793

ВЕСТНИК
Томского государственного университета

2017. № 420. Июль

- ФИЛОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- ПЕДАГОГИКА
- СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

- PHILOLOGY
- HISTORY
- LAW
- PEDAGOGICS
- SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2017. № 420. July

Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); **И.В. Ивонин**, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); **В.В. Демин**, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **В.Н. Берцун**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.; **С.Н. Воробьев**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.; **Л.С. Гринкевич**, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потекаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слижов**, канд. хим. наук., доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Founder – Tomsk State University

EDITORIAL COUNCIL OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **I. Ivonin**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr.of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor, **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

№ 420 Июль 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Антошина Е.В. Концепт «потустороннее» как объект пародии и рефлексии в романе В.В. Набокова «Pale Fire» («Бледный огонь») ... 5
Бонола А. Языковые формы тоталитарной и антитоталитарной коммуникации в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба» ... 16
Григорьева Т.В. Функциональная модель развития оценочного значения и ее особенности ... 23
Денисова Л.Н., Маслова А.Ю., Мочалова Т.И. Этнолингвистическая репрезентация семантического пространства «жилье» в русских говорах Республики Мордовия ... 29
Иванова Л.А. Физическое время в идиолексиконе сибирского старожила ... 38
Казаков А.А. Проблема «настоящего» в ценностной архитектонике Л.Н. Толстого ... 44
Кузнецова Е.В. «Грёзовое царство» Игоря Северянина: утопия или пародия? ... 51
Останкович А.В., Бублик Е.В. Ключевые тенденции эволюции триолета в русской поэзии XVIII–XXI вв. ... 61
Ребрина Л.Н., Петрова А.А. Закономерности лексико-семантической и дискурсивной репрезентации памяти (на материале русского и немецкого языков) ... 66
Резанова З.И., Васильева А.В., Позовкина К.С., Хабибулина А.С. Когнитивная обработка русских экспрессивных единиц: гендерное своеобразие ... 74
Степура С.Н. «Имперский архив» России в романе Дж. Джойса «Улисс» ... 82

ИСТОРИЯ

Булдыгин С.С. Концепция промышленной революции: от появления до наших дней ... 91
Крылова Д.Д. Рассказ об одержимости, как сказочный нарратив. Методология В.Я. Проппа применительно к материалам позднесредневековых английских памфлетов ... 96
Мариненко Я.С. Тенденция архаизации российского общественного сознания в свете акций Александра Бренера и Pussy Riot ... 105
Пинаева Д.А. «Помни: нужно много знать, чтобы стране полезным стать!»: о некоторых проблемах популяризации науки в СССР (на примере деятельности Всесоюзного общества «Знание») ... 108
Почеревин Е.В. Барнаульский распорядительный комитет как звено в управлении местным хозяйством Томской губернии в начале XX в. ... 119
Родионов В.А., Аюшиева И.Г. «Третий сосед» Монголии как идейно-политический концепт ... 125
Сербина А.С., Прядкина О.А. Позиция партий Великобритании и Германии по вопросу реформирования иммиграционной политики ... 131
Филькин К.Н. Методология когнитивных наук в анализе исторических источников: пространство перспектив и проблемы ... 136
Элэзович З.М., Мумович А.М., Элэзович Д.М. Григорий Степанович Щербина (1868–1903) в культуре косовских сербов ... 141

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

Multidisciplinary scientific journal

№ 420 July 2017

CONTENTS

PHILOLOGY

Antoshina E.V. The concept “other worldliness” as the object of parody and reflection in Vladimir Nabokov’s *Pale Fire* ... 5
Bonola A.P. Linguistic forms of totalitarian and antitotalitarian communication in *Life and Fate* by Vasily Grossman ... 16
Grigorieva T.V. The functional model of the evaluative meaning development and its peculiarities ... 23
Denisova L.N., Maslova A.Yu., Mochalova T.I. Ethno-linguistic representation of the semantic space of the word “dwelling” in the Russian dialects of the Republic of Mordovia ... 29
Ivanova L.A. Physical time in the idiolect of a Siberian old-timer ... 38
Kazakov A.A. The problem of originality in the value architectonics of Leo Tolstoy’s works ... 44
Kuznetsova E.V. “The Kingdom of Dream” by Igor Severyanin: a utopia or a parody? ... 51
Ostankovich A.V., Bublik E.V. Key tendencies of triolet evolution in the Russian poetry of the 18th–21st centuries ... 61
Rebrina L.N., Petrova A.A. Patterns of memory representation in lexical-semantic systems and mass media discourses of Russian and German ... 66
Rezanova Z.I., Vasilieva A.V., Pozovkina K.S., Habibulina A.S. Cognitive processing of an expressive word: gender specificity ... 74
Stepura S.N. The “imperial archive” of Russia in James Joyce’s *Ulysses* ... 84

HISTORY

Buldygin S.S. The concept of the industrial revolution: from appearance to the present day ... 91
Krylova D.D. The story of possession as a fairy tale narrative. V. Propp’s methodology in the research of Early Modern English pamphlets ... 96
Marinenko Ya.S. The tendency of archaization of the Russian public consciousness on the example of actions of Alexander Brener and Pussy Riot ... 105
Pinaeva D.A. “Remember: you have to know much to be useful to your homeland!”: Some problems of the popularization of science in the USSR (a case study of the activities of the All-Union Society “Znanie”) ... 108
Pocherevin E.V. The Barnaul County Administrative Committee as part of the local economy management in Tomsk Province at the beginning of the 20th century ... 119
Rodionov V.A., Ayushieva I.G. The “third neighbor” as an ideological political concept ... 125
Serbina A.S., Pryadkina O.A. General positions of the parties of the United Kingdom and Germany on the issue of reforming immigration policy ... 131
Filkin K.N. Methods of cognitive science in historical source criticism: perspectives and challenges ... 136
Elezovic Z.M., Mumovic A.M., Elezovic D.M. Grigoriy Stepanovich Shcherbina (1868–1903) in the culture of the Kosovo Serbs ... 141

ПРАВО

Азаров В.А., Нурбаев Д.М. Нормативное регулирование противодействия злоупотреблению правом в уголовном процессе 146
Грибунов О.П. Криминалистические аспекты досудебного соглашения о сотрудничестве 150
Груздев О.С. Производные финансовые инструменты через призму бездокументарных ценных бумаг 154
Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Некоторые подходы к рассмотрению детерминант преступности в отечественной криминологии 160
Юань В.Л. Сравнительный анализ подходов к определению объема изучения личности преступника: дискуссия и пути ее решения 167

LAW

Azarov V.A., Nurbayev D.M. Standard regulation of counteraction to abuse of right in criminal trial 146
Gribunov O.P. Criminalistic aspects of the pre-trial cooperation agreement 150
Gruzdev O.S. Derivative financial instruments in terms of book-entry securities 154
Prozumentov L.M., Shesler A.V. Some approaches to the consideration of the determinants of crime in Russian criminology 160
Yuan V.L. The comparative analysis of approaches to determining the scope of studying a criminal's personality: the problem and ways to solve it 167

ПЕДАГОГИКА

Хадиуллина Р.Р. Реализация технологии образовательного процесса студентов-спортсменов разных форм обучения в условиях виртуальной образовательной среды вуза физической культуры 172
Чапкович Ж.А., Ревякина В.И. Профессиональная социализация студентов в процессе физического воспитания: теория и практика 179

PEDAGOGICS

Khadiullina R.R. Implementation of the technology of educational process of student-athletes of different modes of study under the conditions of virtual educational environment of a physical culture higher school 172
Chapkovich Zh.A., Revyakina V.I. Professional socialization of students in physical education: theory and practice 179

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Лукина Н.П., Сазонова П.В. Аксиологические проекции современных семейно-гендерных практик 184
Щербинина Н.Г. Конструирование сакрального пространства как истока русской власти 192

SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES

Lukina N.P., Sazonova P.V. Axiological projections of modern family-gender practices 184
Shcherbinina N.G. Construction of sacral space as the source of Russian power 192

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 197

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 197

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 5–15. DOI: 10.17223/15617793/420/1

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1.09

Е.В. Антошина

КОНЦЕПТ «ПОТУСТОРОННЕЕ» КАК ОБЪЕКТ ПАРОДИИ И РЕФЛЕКСИИ В РОМАНЕ В.В. НАБОКОВА «PALE FIRE» («БЛЕДНЫЙ ОГОНЬ»)

На материале романа «Бледный огонь» обсуждается реализация концепта «потустороннее». Автор описывает происхождение и структуру сюжета, используя методы анализа дискурса («история идей»). Объектом пародии становится идея посмертного утешения и отрицания опыта. Рефлексивные аспекты рассматриваются в соотношении с понятием «места во времени». Сделан вывод, что В.В. Набоков предпочитает понимать «потустороннее» как реализацию личной субъективности в процессе самосознания.

Ключевые слова: В.В. Набоков; сюжет; «потустороннее»; «Бледный огонь»; пародия; «места во времени».

Роман «Pale Fire» («Бледное пламя», или «Бледный огонь» в русских переводах) был закончен в 1961 г., опубликован в 1962 г. в Нью-Йорке. После публикации роман получил достаточно много отзывов, так как В.В. Набоков был уже известен как автор «Лолиты». Однако отзывы американских и британских критиков, приведенные А.Г. Мельниковым [1], имели в большинстве случаев негативный характер. Наиболее лояльными к роману оказались критики (М. Маккарти, Э. Бёрджесс, Н. Денис), которые воспринимали роман как замкнутый в себе мир вымысла, как эстетический объект. Из поздних работ о «Бледном огне» наиболее известны в российском набоковедении монография П. Мейер «Найдите, что спрятал матрос: “Бледный огонь” Владимира Набокова» [2], глава в монографии Д.Б. Джонсона «Миры и антимиры Владимира Набокова» [3], а также главы из монографии Б. Бойда «Владимир Набоков: Американские годы» [4].

В данной статье мы будем рассматривать структуру и происхождение сюжета романа «Бледный огонь» в связи с темой изучения личности и ее субъективности. Русский роман описывает индивидуальное сознание в рамках представлений о субъективности и индивидуальности, доминирующих в культуре. Эти представления выявляются в процессе сопоставления русской и европейской традиций понимания индивидуальности. Исследователи [5. С. 71] выделяют несколько западных типов понимания личности, среди них «автономия», «идентичность» и «индивидуальность». В русской культуре в большей степени представлен тип «индивидуальности», заимствованный в культуре немецкого романтизма и адаптированный В.Г. Белинским [Там же. С. 74]. В.В. Набоков в своих романах создавал синтез русской и европейской традиций. В большей степени его интересовало представление об индивидуальности в связи с реализацией субъективного начала.

Субъект представляет собой концепт, который русская и европейская традиции также реализуют поразному. В истории европейской философии решающую роль в понимании субъекта сыграл Кант, который, с одной стороны, связал понятие субъекта с понятиями «Я, самосознания, спонтанности, тождества и единства сознания, рефлексии, личности и свободы» [6. С. 107]. С другой стороны, в понятие субъекта включается такая его характеристика, как «самосознающая активность сознания». В русской традиции понятие субъекта имеет отношение к дискурсу персональности, однако «в русской интеллектуальной истории отсутствуют попытки рассмотрения субъекта в его “трансцендентальном измерении”, т.е. как активной функции самосознания, обосновывающей общезначимость познания и моральных норм» [6. С. 116]. На протяжении XX в. ситуация изменилась в связи с появлением трудов М. Бахтина и М. Мамардашвили, а в конце века стали доступны труды ученых, работавших в эмиграции (Н. Бердяев).

Сюжет романа «Бледный огонь», как и некоторых других романов В.В. Набокова, связан с темой проникновения в чужое сознание. Этот сюжет, интерес к которому возобновляют романтики в связи с развитием психиатрии в конце XVIII – начале XIX в., может рассматриваться как проекция в область эстетического познания проблематики индивидуальности и субъективности. Второй сюжетный план романа Набокова связан с темой «потусторонности». Один из вариантов толкования понятия «потустороннее», или «потусторонность», предполагает контакт души с миром, лежащим за границами земного существования. Этот вариант наиболее близок той концепции субъективного, которая доминирует в русской культуре. В соответствии с этой концепцией, субъективное как частное, внутреннее, иллюзорное является противопоставленным общему, внешнему, реальному. «Потустороннее» может пониматься как сверхреальное, сохраняя при этом функции «последней оценки» субъективного опыта бытия личности. В европейской культуре уже в XVIII в. концепт «потустороннее» трансформируется, распространяется сюжет общения с умершими при помощи медиумов. В этом сюжете модель посмертной награды или низвержения нивелируется. Общение живых с умершими можно рассматривать как утверждение тотальной идентичности индивидуума, которая не исчезает после смерти. Второй аспект сюжета связан с усилением роли «самосознающей активности сознания», которая присуща как живым, так и умершим, что можно увидеть на примере оперы Глюка «Орфей и Эвридика», где классический сюжет мифа предстает в измененном виде. Постепенно реализуется другое понимание «потусто-

роннего», связанное с понятиями «субъект», «мышление», «воображение».

В.В. Набоков обладал сильной способностью чувствовать, анализировать и изображать в слове глубинные дискурсивные структуры, отражающие различия русской и европейской культур, что, тем не менее, не являлось его осознанной художественной задачей. Однако анализ сюжета его произведений с точки зрения их происхождения будет неполным без изучения понятийных различий, присущих двум культурам.

Сюжет романа «Бледный огонь» является двойным – это сюжет поэмы Джона Шейда и сюжет романа, который «на полях» комментария к поэме пишет Чарльз Кинбот. Опыт написания романа внутри романа был у Набокова как автора. Например, роман «Приглашение на казнь» был написан «на полях» четвертой главы романа «Дар». Романы поразительно отличаются по стилю, несмотря на определенное тематическое сходство. Этот опыт последовательной трансформации вымышленных миров, очевидно, имел для В.В. Набокова большое значение, так как впоследствии он использовал этот прием в отрывках, связанных с продолжением романа «Дар». В.В. Набоков реализовал сюжетную схему «роман в романе», но этот вариант «Дара» не был завершен.

В последующий период творчества Набокова на первый план выходит другая сюжетная схема, где множественные миры являются не только плодом художественного вымысла героя, создающего свой текст «внутри» текста о нем самом. Они появляются в результате расщепления личности героя («Лолита»), бредовых состояний («Ада»), самогипноза («Подлинник Лауры»). Вымышленные миры разного происхождения сосуществуют в пространстве одного текста, в результате чего формируется сюжет нового типа. В этом типе сюжета присутствует нелинейное время, множественное пространство, что дает возможность описывать альтернативные виды субъективности. В романе «Бледный огонь» можно увидеть контаминацию этих двух приемов построения сюжета. С одной стороны, Кинбот пишет свой роман «внутри» комментария. В то же время комментарий относится к поэме Шейда, которая также является своеобразным «романом в романе», так как носит автобиографический характер. История жизни Шейда вполне прочитывается сквозь преображающий ее вымышленный мир поэмы. С другой стороны, комментарий и наброски романа о короле Земблы принадлежат душевнобольному, так как Кинбот – это одна из сторон личности В. Боткина.

Личность комментатора в романе «Бледный огонь», он же повествователь, вызывает у исследователей много вопросов. В комментарии к роману А. Люксембург и С. Ильин приводят точки зрения Э. Филда и Б. Бойда, которые считали Джона Шейда автором как поэмы, так и комментария [7. С. 655]. Эта версия имеет основания в том, что сюжеты с подобной структурой (вариация сюжетного типа «роман в романе») действительно встречаются у В.В. Набокова (незавершенное продолжение романа «Дар»). Однако нельзя назвать такую структуру доминирующей. В следующем после «Дара» романе «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» возникает сюжет проникновения в сознание другого. В поздних романах сюжет развивается «на границе» контакта двух сознаний (Лолита и Гумберт, Ада и Ван Вин). Это можно объяснить тем, что для В.В. Набокова, тяготеющего к типу субъективности, описанному Л.Н. Толстым, большее эстетическое значение имела феноменология сосуществования с Другим.

В главе «Указатель и его преломление в романе “Бледное пламя”» [3] Д.Б. Джонсон путем подробного анализа комментария доказывает, что повествователем и автором комментария является русский преподаватель американского колледжа В. Боткин, страдающий шизофренией. Для Д.Б. Джонсона важно, что спутанность сознания при шизофрении является основой для языковых игр, которые становятся для исследователя основным объектом анализа, как наиболее характерная особенность стиля романов В.В. Набокова. Однако не менее яркой чертой сюжетов романов В.В. Набокова является наличие в них героев, страдающих различными душевными расстройствами. Король Земблы и Чарльз Кинбот, автор романа о короле Земблы, могут быть элементами расщепленной личности В. Боткина, автора комментария к похищенной им поэме покойного Джона Шейда. Тем не менее автором романа о короле Земблы является именно Чарльз Кинбот, поэтому это имя мы будем использовать, говоря об авторе комментария.

Взаимоотношения Кинбота и Шейда являются реализацией двух вариантов сюжета о проникновении в чужое сознание, которые В.В. Набоков использовал ранее. В романе «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» реализован сюжет написания биографии. Биограф и его герой – братья, при этом Себастьян Найт – писатель. Его романы представляют собой вымышленные миры, которые не поддаются однозначной интерпретации. Вопреки распространенному в популярных биографиях методу истолкования произведений через события жизни автора, и наоборот, брат Себастьяна пытается воссоздать «подлинную» картину его жизни. Однако биография не только не является, как понимает герой, достоверным источником вымышленных миров (созданных писателем, так как биография также является «вымышленным миром»), но и само создание ее весьма проблематично, так как «текст» жизни еще в меньшей степени поддается истолкованию.

В итоге биограф прибегает к последнему средству – он пытается вступить в прямой контакт с душой брата, слиться с ним в единое целое. Это проникновение в сознание, находящееся в состоянии перехода между мирами, напоминает сеанс гипноза, когда умирающий является медиумом, а гипнотизер желает получить информацию о посмертном существовании души (Э.А. По реализовал этот сюжет в рассказе «Месмерическое откровение», 1844). В романе Набокова героем движет чувство, похожее на сострадание. Поэтому желание получить информацию о посмертном существовании в действительности является желанием получить уверенность в том, что душа и личность другого человека, оставаясь непознаваемыми, все-таки доступны для контакта и после смерти.

Вторая вариация сюжета проникновения в чужое сознание и овладения им связана с темой преступления, которое может быть совершено как гипнотизером, так и душевнобольным человеком. Безумный ошибочно считает свои действия по отношению к другому «гипнозом». Подобные сюжетные ходы встречаются в романах «Король, дама, валет», «Отчаяние», «Камера обскура», «Лолита». Характер преступления, совершенного посредством введения жертвы в мнимый или действительный транс, может быть различным, но в романе «Бледный огонь» возникает тема овладения личностью другого с целью реализации собственного невыразительного «я». Такой мотив встречается в романе «Пнин», когда Лиза Боголепова приезжает к Пнину за тем, чтобы наладить контакт между ним и своим сыном. Лиза в данном случае выступает в роли «гипнотизера», сама она, как и ее муж, биологический отец мальчика, не имеет контакта с сыном. Но более одаренный и человечный Пнин находит в нем близкого человека.

Итак, сюжет «Бледного огня» строится на основе актуального для Набокова дискурса овладения чужим сознанием. В данном случае это пытается осуществить душевнобольной по отношению к поэту. Целью Чарльза Кинбота является создание – посредством Шейда и его дара – поэмы о Зембле и ее короле. Замысел Кинбота не осуществляется, поэтому ему приходится писать роман о Зембле «между строк» комментария, который отражает не только его замысел, но и его душевное заболевание. Убийство Шейда могло быть также частью плана Кинбота, реального или воображаемого. Устранение автора поэмы могло бы дать Кинботу возможность считать его произведение своим.

Сам Кинбот, однако, не считает себя «гипнотизером», он использует другой образ, восходящий к пьесам У. Шекспира, таким как «Сон в летнюю ночь». Кинбот говорит о том, что ему удалось «околдовать» Шейда, подобно эльфам из пьесы «Сон в летнюю ночь». Он наблюдает за Шейдом, пишущим поэму, и счастлив «увидеть его колдовские труды посреди волшебного сна летней ночи!» / «to observe him at his miraculous midsummer task!» [7. С. 357; 8. P. 73].

Роман о короле Земблы, точнее разрозненные наброски романа, данные «между строк» комментария к поэме Шейда, и сама поэма «Бледный огонь» обладают определенным тематическим сходством. Поэма и наброски романа содержат два варианта одного и того же сюжета, существующего в двух сознаниях, одно из которых омрачено душевной болезнью. Это сюжет о встрече со смертью, который имеет ценность как дискурсивная возможность реализации субъективного начала в активности самосознания. Душевное заболевание Кинбота – Боткина связано со страхом внезапной или насильственной смерти. По этой причине самым тяжелым временем суток для него является ночь. Он страдает манией преследования, которая обостряется по ночам, что заставляет его в поисках утешения следить за освещенными окнами дома Шейда. Весенние ночи в уединенном Нью-Вае, полные загадочных звуков, вызывают у героя приступы паники: «…отзвуки новой жизни в кронах деревьев томительно имитировали скрежет старухи-смерти в моем мозгу» / «...the sounds of new life in the trees cruelly mimicking the cracklings of old death in my brain» [7. С. 363; 8. P. 79].

Мир, который создает в своей поэме Шейд, остается недоступным Кинботу. В данном случае «эльфийская» тема дана в контексте проникновения в чужое сознание, которое воспринимается как тайна, с одной стороны, и как пустота – с другой. Тайна сознания Шейда непереносима для Кинбота. Свое собственное сознание он воспринимает как пустоту, где возникают пугающие фантомы. Кинбот, как и герой его романа, король Земблы, видит в этих отражениях нечто демоническое и безумное. Спасение от страха пустоты он ищет в поиске «маски» или души, в которую он мог бы «вселиться» и слиться с ней.

Страх пустоты, роковой ошибки связан со страхом смерти. Фантомы, отраженные в зеркале сознания, свидетельствуют о том, что реальность недоступна для понимания, так как опыт разума всегда ошибочен. Поэтому смерть воспринимается как уничтожение индивидуальности, что является и желанным, и страшным опытом. Слияние с Богом, описываемое Кинботом, возможно через самоубийство. В комментарии к строкам о Хейзел Шейд Кинбот дает развернутое рассуждение о блаженстве небытия, которое достигается благодаря слиянию с Богом: «Если бы я был поэт, я непременно написал бы оду сладостной тяге – смежить глаза и целиком отдаться совершенной безопасности взыскующей смерти» / «If I were a poet I would certainly make an ode to the sweet urge to close one`s eyes and surrender utterly unto the perfect safety of wooed death» [7. С. 468; 8. P. 176]. Соединение с Богом при жизни для Кинбота проблематично, несмотря на то, что «водяные знаки» присутствия высшего начала Кинбот различает постоянно. Одной из возможных причин недосягаемости близости с Богом может быть грех, упоминания о котором присутствуют в кратких репликах Кинбота. История рода короля и его собственная жизнь могут восприниматься в контексте греха, что можно рассматривать как неспособность принять собственную субъективность.

Если поэма Шейда в жанровом отношении может быть отнесена к философской лирике, то наброски романа о короле Земблы часто воспринимаются как пародия, вопреки замыслу автора, Чарльза Кинбота. Некоторые эпизоды носят гротесковый, театрализованный характер. В этих эпизодах пародируются дискурсы, в которых присутствует идея проникновения в тайну «загробного существования» усилиями человеческого разума, с использованием достижений техники. В данном случае это авиация и фотография. Так, например, в этом ключе может быть прочитана история гибели отца короля, Альфина Отсутствующего (Alfin the Vague), авиатора. Король Альфин погиб в небе, в которое поднимался с энтузиазмом на различных вновь изобретенных летательных аппаратах. Последние минуты жизни короля в воздухе были запечатлены на фотографиях, однажды найденных его сыном. Фотографии зафиксировали момент перехода из одной формы существования в другую: «Странно безмятежный авиатор» / «the strangely unconcerned aviator» в последний момент своей жизни поднимал

на снимке руку в знак «уверенности и торжества» / «raise one arm in triumph and reassurance» [7. С. 370; 8. P. 85]. Трагическая сцена гибели короля может, в то же время, выглядеть комично, поскольку король, будучи уверен в своей власти над силой тяготения, не заметил строящегося здания, которое и стало причиной крушения аэроплана. Подобную картину легко представить в кадрах старинной кинохроники или комедии, где гибель аэроплана в контрасте с «вновь обретенной уверенностью» (reassurance) короля может восприниматься как гэг раннего кинематографа.

Кинематографическая тема присутствует в романе В.В. Набокова в нескольких вариантах. Однако в приложении к наброскам романа Кинбота интересен тот аспект, который связан с экранизациями пьес У. Шекспира в 10–20-е гг. XX в. Стиль этих экранизаций отразился и в практике театральных постановок, в таком ключе работал британский режиссер Теренс Грей, который создал в Кембридже Cambridge Festival Theatre, наиболее интенсивный период работы которого приходится на 1926–1933 гг. А.В. Бартошевич [9] приходит к выводу, что Грей «прозаизировал» пьесы Шекспира, приблизив их к «современной повседневности». Исследователь отмечает: «Логика его театральных травестий находилась в прямом соответствии с приемами простодушных кинопародий на Шекспира» [Там же. С. 176].

Экранизации пьес Шекспира появились в самом начале эры кинематографа. В 1899 г. в Лондоне были сняты на пленку фрагменты спектакля по пьесе «Король Джон». В 1915 г. кинокомпания «Крикс энд Мартин» выпустила серию фильмов под общим названием «Шекспир вдребезги». В фильме «Гамлет» (1915), который открывал серию «Шекспир вдребезги», можно увидеть пародию на знаменитую пьесу: «В этой комической одночастевке, изображавшей актеров-любителей, играющих трагедию, все было поставлено с ног на голову. Толстый призрак застревал в люке и никак не мог явиться сыну своему Гамлету, суфлер засыпал в будке, декорация рушилась, открывая публике сокровенное зрелище одетой в исподнее Офелии» [10]. Шекспир был кумиром викторианского театра, а с завершением викторианской эпохи его пьесы стали объектом рефлексии по поводу разрушения былых идеалов и возникновения новых.

Комические приемы подобных экранизаций постепенно углублялись. Фильм «Гамлет» (1915), а также подобные ему «Гамлет наизнанку» (1916), «Коня! Коня!» (1916) могли восприниматься как бурлеск. В 1919 г. появились мультипликационные фильмы Э. Дайера «по мотивам» пьес Шекспира, из которых до наших дней дошла лента «Oh'phelia. A Cartoon Burlesque». В качестве прототипа Гамлета Э. Дайер использовал образ Чарли Чаплина. В неосуществленном кинопроекте 1928 г. Гамлета должен был играть сам Чаплин. В этой постановке комическое начало, вероятно, соединилось бы с трагическим, в стиле работ Чаплина этого периода. Роль Гамлета привлекала Чаплина: «Подтверждение тому, что характер Гамлета всегда привлекал великого комедиографа, мы находим хотя бы в одной из его последних работ – в “Короле в Нью-Йорке”, где Чаплин-король читает за банкетным столом «Быть или не быть», не подозревая, что тем самым принимает участие в рекламе зубной пасты» [10]. В данном примере можно видеть уже не столько пародию на Шекспира, сколько трагикомическое преломление темы личности.

В.В. Набоков не мог видеть спектаклей Теренса Грея в Кембридже, который покинул в 1922 г., однако мог видеть многочисленные кинопародии на Шекспира. Тенденция к переосмыслению классических текстов в процессе их перевода на язык кинематографа была в целом очень распространенной в начале XX в. Ее можно обнаружить и в ранних попытках экранизации классики в российском кинематографе. Написание сценариев имело обратное влияние на литературу: так, в Советской России поэт-футурист В. Каменский написал роман «Пушкин и Дантес» (1928), переделав его из киносценария. В данном случае объектом трансформации становится не классический роман или пьеса, а биография автора, чтимого в России в не меньшей степени, чем Шекспир в Англии. Однако если в Англии пародии на пьесы Шекспира были элементом свободной саморефлексии культуры, то в Советской России биография и творчество Пушкина подвергались идеологической обработке.

В.В. Набоков воспринял, скорее, британский вариант пародийных экспериментов с классическими текстами и авторами. Одним из его текстов в таком роде является жизнеописание Н.Г. Чернышевского в романе «Дар».

Стиль шекспировских экранизаций 10–20-х гг. XX в. по-своему напоминает комментарий безумного Кинбота к поэме Шейда. Если темой Шейда является личность, ее свобода и автономия, то комментарий, включающий наброски о короле Земблы, является пародийным вариантом той же темы.

Король Земблы преподает литературу в университете, выступая в образе просвещенного монарха, при котором в стране «улучшался даже климат». Тем не менее при попустительстве короля в парламенте процветают коррупция, измена и экстремизм. В это время он читает лекции «в густом гриме, в парике и с накладной бородой» [7. С. 346]. Эти детали вносят в повествование о короле элемент театральности. Король пытается создать альтернативный вариант личности, так как не уверен в собственной безопасности. В этот момент его будущий убийца уже существует, это Якоб Градус. С фигурой Градуса в романе о Зембле связана детективная сюжетная линия, а также тема тени – смерти, преследующей короля. Однако король также является тенью по своей природе, в тот момент, когда Кинбот уже отождествил себя с королем, он говорит о том, что стиль его комментария напоминает стиль литературоведческих трудов Джона Шейда. Кинбот скорее рад этому обстоятельству, так как слияние с Шейдом – это его желание. Король Земблы склонен к театральной смене масок, Кинбот выбирает роль тени. Свобода Шейда оборачивается у Кинбота утратой личности, которая расслаивается на отдельные маски или отражения, за которыми можно обнаружить пустоту. Этот образ множественных отражений связан с такой деталью, как зеркало, изготовленное мастером Сударгом из Бокаи. Пустота зер-

кала, которое можно считать образом, продолжающим или дополняющим образ окна, послужившего «зеркалом» для свиристеля, разбившегося о стекло в первой строке поэмы Шейда, является фоном игры масок или теней.

Король живет в мире, где на фоне пустоты являются тени утративших личность и память людей. Отчасти такое положение напоминает «Сон в летнюю ночь» В. Шекспира. Эта пьеса косвенно упоминается Кинботом не раз. Так, например, он отмечает, что поэма Шейда была начата «at the dead center of the year, a few minutes after midnight July 1…» [8. P. 62], т.е. в середине лета, в «неподвижной» точке летнего солнцестояния. Эта пьеса У. Шекспира привлекала В.В. Набокова, вероятно, тем, что ее сюжет построен на совмещении в одном пространстве нескольких миров – это царство фей с Титанией и Обероном, Афины, а также мир пьесы о Пираме и Фисбе.

Когда мир фей и мир людей соприкасаются, происходят чудесные и страшные метаморфозы. Влюбленные обретают друг друга, а ткач Основа получает ослиную голову. Наиболее далекими мирами являются пьеса и мир фей. Центральным мотивом в пьесе о Пираме и Фисбе является мотив роковой ошибки, которую совершают люди, стремящиеся к любви. Феи не совершают подобных ошибок, так как их представления о времени, пространстве, событиях и их логике не являются линейными. В этом смысле пьеса о Пираме и Фисбе представляет собой пародийный вариант происходящего в мире людей.

В.В. Набоков проявлял интерес к различным вариантам представления множественной реальности. Помимо Шекспира, такие варианты Набоков находил у Г.Дж. Уэллса. Множественные миры ветвящегося пространства-времени могут восприниматься как миры воображения, при этом воображение способно открывать другие измерения реальности, когда восприятие носит рациональный характер и является частью личного опыта. В этом случае главными характеристиками этих миров являются красота и чудо. Нерациональное восприятие превращает множественные миры в бесконечные «комнаты» смерти, заполненные абсурдными «чудесами» разрушающегося сознания, переходящего в безумие. В.В. Набоков исследовал эту возможность в процессе написания романов «Дар» и «Приглашение на казнь». Если герой «Дара» видит бесконечно ветвящееся пространство-время и открывает в нем все новые стороны чуда, то герой «Приглашения на казнь» должен совершить усилие, для того чтобы вернуть рациональное восприятие происходящего и разрушить абсурдный мир смерти.

Для этого варианта сюжета является характерным пространственный образ движения в лабиринте. Герой «Приглашения на казнь» блуждает по улицам города, входит в дверь своего дома и снова оказывается в камере. В данном случае множественность пространства – времени, таящая чудо, переходит в пародийный регистр и превращается в свою противоположность – застывший лабиринт улиц или комнат, где время остановилось, а «чудеса» носят абсурдный характер, связанный с разрушением смыслов. Мир, в котором обитает король Земблы, напоминает мир «Приглашения на казнь». Одним из типичных пространственных образов является образ дворца в Онгаве, где король после переворота становится пленником. В одной из комнат имеется потайной ход в подземный тоннель, начинающийся в шкафу. Король вспоминает об этом ходе и, так как его содержат именно в этой комнате, решается бежать через тоннель. Потайной ход ведет короля из одного абсурдного мира смерти в другой. Проходя через тоннель под зданием музея, он обнаруживает статую Меркурия, «сопроводителя душ в Нижний Мир» [7. С. 394]. В логике поэтики абсурда Меркурий не имеет головы, т.е. структура миров нарушена. Король выходит из подземного хода и оказывается в гримерной Королевского театра. Мир театра может рассматриваться как мир смерти, где актеры предстают как тени в масках. Одон, друг короля, помогающий ему спастись, также играет в театре. После побега сторонники короля переодеваются в одинаковые одежды и разыгрывают фарс двойников, запутывая преследователей. Бегство из дворца может прочитываться как пародия, так как личность короля представляет собой неустойчивую структуру, лишенную идентичности и автономии. В то время как безумие Гамлета является игрой, безумие короля Земблы становится все более реальным.

В момент бегства король, находясь на берегу горного озера, видит отражение в воде, которое принимает за свое. Однако это отражение его двойника, переодетого в одежду короля, стоящего на другом берегу озера. Мир, являющий свою множественную природу, вызывает у короля страх, который он пытается преодолеть с помощью молитвы: «Дрожь elfobosa (неодолимого страха, насылаемого эльфами) пробежала у него между лопаток. Он прошептал привычную молитву, перекрестился и решительно зашагал к перевалу» [Там же. С. 403]. Примечательно, что двойника король видит в естественном зеркале горного озера. Он сравнивает это зеркало с тем, которое стояло во дворце, используя слово tintarron, обозначающее темно-синее стекло, изготовляемое в том же горном селении Бокаи. Религиозное чувство в целом имеет большое значение для короля, ищущего в вере защиты от страха смерти. Множественность миров, с которой связан образ эльфов, пугает короля, так как он предпочитает существование в мире неизбежной смерти, где разум блуждает в абсурдных отражениях, а «подлинник» скрывается за границей умирания. Тема выбора между жизнью и смертью была близка В.В. Набокову в контексте «Гамлета» У. Шекспира, как и тема посмертных снов. Даже обычные сновидения он описывал как фальшивые, бутафорские, фарсовые.

В романе «Бледный огонь» шекспировская тема имеет большое значение, так как даже само название романа и поэмы Шейда восходят к пьесе У. Шекспира «Тимон Афинский». В то же время в набросках романа о короле Земблы можно различить мотивы «Гамлета». Например, мотив потерянного королевства в романе о Зембле пародийно представлен темой бегства от преследователей, мотив любви Гамлета к Офелии травестирован в теме гомосексуальных предпочтений короля, которые не позволяют ему реализовать его

любовь к королеве Дизе. В поэме Шейда также можно различить шекспировские темы, связанные с выбором Гамлета между жизнью и смертью, а также тему «посмертных снов», которую можно рассматривать, в контексте философии персонализма, как реализацию проблематики личности и личной судьбы в вечности. Нужно сказать, что присутствие «Гамлета» в романе В.В. Набокова было отмечено, в частности, одним из наиболее известных комментаторов «Бледного огня», а именно П. Мейер [2]. Однако ее интерпретация шекспировских мотивов у Набокова носит совершенно иной характер [Там же. С. 134].

Шекспир Набокова находится в контексте философских идей первой половины XX в. На наш взгляд, В.В. Набокову близки отдельные положения философии персонализма Н.А. Бердяева, который сформулировал следующий тезис в работе «Самопознание» (1939–1940): «Я всегда был персоналистом по своей религиозной метафизике. И потому проблема индивидуальной судьбы в вечности была для меня первее всех проблем. …Для меня нет более антипатичной идеи, чем идея растворения человека в космической жизни, признанной божественной» [11. С. 429].

Различие между Шейдом и Кинботом состоит в том, что Шейд является по своей природе персоналистом, отношение Кинбота к теме личности и личностной свободы проблематично. Об этом говорит его приверженность к «магии», с помощью которой он надеется поработить чужое сознание, и его страх смерти, выливающийся в манию преследования. Личность Шейда является для Кинбота, с одной стороны, объектом поклонения, с другой – он ничего не хочет знать о Шейде, так как использует его как инструмент написания поэмы о Зембле.

Итак, одной из главных тем романа «Бледный огонь» является тема взаимоотношений личности со смертью. Опыт столкновения со смертью становится главным переживанием Шейда и причиной душевного заболевания Кинбота. Эта тема рассматривается в набоковедении как тема «потусторонности». Одной из наиболее известных работ является книга В.Е. Александрова «Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика» (1991, перевод 1999). В своей работе В.Е. Александров полемизирует с наиболее распространенными концепциями творчества В.В. Набокова, восходящими к традициям «новой критики» (и элементам формального подхода в статьях В. Ходасевича) и рассматривающими его творчество как «игру приемов». В.Е. Александров пытался показать, что проза В.В. Набокова имеет выход в реальность трансцендентального. Исследователь определяет «метафизику» В.В. Набокова следующим образом: «Под “метафизикой” я разумею веру Набокова в вероятное существование трансцендентального, нематериального, вневременного, благорасположенного, упорядоченного и вносящего порядок бытийного пространства, каковое, судя по всему, обеспечивает личное бессмертие и оказывает универсальное воздействие на посюсторонний мир» [12. С. 10]. В то же время В.Е. Александров убежден, что Набоков отделял «земной опыт от потусторонности», за исключением искусства, «узоры» которого способны передать картину трансцендентального. Далее мы будем использовать термин «потустороннее» вместо принятого среди исследователей В.В. Набокова термина «потусторонность». В английском языке имеется несколько вариантов для обозначения мира, лежащего по ту сторону смерти («other worldliness», «hereafter»), но они отличаются по своему концептуальному строению от русского слова «потусторонность», например, тем, что не акцентируют наличие некой «той стороны». В.В. Набоков использовал русское «потусторонность» достаточно редко, в романе «Бледный огонь» он использует понятия «hereafter» (в названии Institute of Preparation for The Hereafter), «Life Everlasting», «survival after death».

Понятие «потустороннее» может быть рассмотрено в контексте истории идей, что делает один из основателей этого направления А. Лавджой в своей монографии «Великая цепь бытия: история идеи» (1936, перевод 2001). Лавджой возводит понятие «потустороннее» (other worldliness) к Платону и считает одним из основных концептов западной философии. В качестве такого концепта «потустороннее» понимается как «вера в то, что подлинная “реальность” и истинное благо полностью противоположны по своей сути всему, что составляет обычную человеческую жизнь, повседневный человеческий опыт – пусть даже нормальный, разумный и счастливый» [13. С. 30]. Здесь мы видим сходство с суждением о «потусторонности» у В.В. Набокова, высказанным В.Е. Александровым. В соответствии с приведенным определением «потустороннего» человек не может доверять природе и опыту в процессе познания мира: «Пусть даже мы отказываемся присовокупить хвалебный эпитет “реальности” только к временному, неполному и ошибочному опыту, данному нам, – это никак не отменяет тот факт, что все существующее, данное нам в опыте, неполно и ошибочно; по определению все существующее антитетично вечному и незыблемому существованию» [Там же. С. 35].

Такое понимание «потустороннего», как показывает Лавджой, было доминирующим, но не единственным даже для Платона, который не определял чувственный мир как иллюзию или зло. В контаминации с идеями христианства идеи Платона позволили философам Запада сформулировать представление о Боге, в котором человек должен был найти свое осуществление. Но это представление также носило двойственный характер: «Один Бог был целью “пути ввысь”, того восхождения, в котором конечная душа, отвратившись от всего тварного, возвращалась к неизменяемому совершенству, совершенству, в котором одном можно найти успокоение» [Там же. С. 87]. Если спроецировать это представление о Боге на судьбу личности, то земная жизнь может быть понята как история заблуждений, неверно истолкованного опыта. Второе представление связано с идеей нисхождения, данной в метафоре «великая цепь бытия»: «Второй Бог был источником и одушевлением того нисхождения, в котором бытие истекало по всем ступеням потенциального вплоть до самой последней» [Там же. С. 88].

В данном прочтении понятие «потустороннее» получает другой смысл, о чем предупреждает Лавджой:

«Под потусторонним я не подразумеваю веру в будущую жизнь и озабоченность этой будущей жизнью» [13. С. 29]. Эта способность анализировать собственный опыт, ценить его и доверять ему была манифестирована в английском искусстве викторианской эпохи. Лавджой называет имена Р. Браунинга и А. Теннисона и в целом отмечает роль романтизма в признании ценности опыта, пусть даже незавершенного и несовершенного, но отражающего множественность возможностей восприятия мира во всем разнообразии его проявлений.

Идея познания мира «временного и чувственного опыта», являющегося благом и высшим проявлением божественного начала, присутствует в поэзии У. Вордсворта, с которой поэма Шейда имеет глубокую связь, что не раз было отмечено исследователями [2, 12]. Наибольшую близость к поэме Шейда обнаруживает поэма У. Вордсворта «Прелюдия, или Становление сознания поэта» (1805, 1826, 1850). «Прелюдия», как и поэма «Бледный огонь», посвящена теме становления личности поэта. Предметом чувственного познания, которое и формирует личность, у Вордсворта становится природа. Самопознание посредством глубинного контакта с природой дано у Вордсворта в образах «мест во времени» (spots of time – «Прелюдия»), или личных озарений.

Как отмечают исследователи английской литературы [14], идея «мест во времени» для рубежа XVIII–XIX вв. была эстетической находкой. Обнаружение «мест во времени», которые становятся вехами на пути развития личности, связано с работой воображения. У. Вордсворт и С.Т. Колридж выдвинули учение о воображении, которое ранее понималось как аналог вдохновения [15]. Как отмечает исследователь, «Романтики стали больше ценить авторскую спонтанность, т.е. непредсказуемость, которая обусловлена игрой не внешних божественных сил, а игрой воображения, под которым они понимали внутреннюю творческую силу, подпитывающуюся работой человеческого разума и подсознания» [Там же]. При этом «моменты видения», или «места во времени» (каждый писатель давал свое метафорическое обозначение этому явлению), считались явлением, глубоко отличающимся от иллюзий, порожденных фантазией, так как были связаны с идеей духовного совершенствования личности. Автор известной на рубеже XIX–XX вв. монографии «Очерки по истории Ренессанса» У. Пейтер употребил по отношению к ренессансному искусству понятие «эпифанизации реального» [Там же]. Дж. Джойс заимствовал у Пейтера и развил понятие «литературная эпифания» [Там же], которое в современном литературоведении применяется в отношении текстов модернизма. В.Е. Александров также использует термин «эпифании», говоря о видениях Шейда [12. С. 232], при этом исследователь отмечает, что Шейд «поглощен» проблемой смерти, как и Набоков. Но если принять во внимание, что для В.Е. Александрова актуальной является модель «потустороннего», которое не может быть познано при жизни и целиком располагается вне человеческого времени и пространства, то «моменты видения» в том смысле, в каком они существуют у романтиков, теряют смысл. Они могут восприниматься как иллюзии фантазии, как ошибки восприятия, но не как глубоко личный опыт спонтанно действующего воображения.

«Моменты видения» романтиков стали возможны, потому что идея нисхождения Бога в мир стала преобладающей. В этом случае личный опыт, в котором сплавлены усилия разума, бессознательного и воображения, действительно может привести к открытию «потустороннего», пребывающего «по эту сторону», т.е. к пониманию единства мира. Очевидно, В.В. Набокову была близка эта концепция английских романтиков. Личные «места во времени» В.В. Набокова можно найти в его биографических книгах «Другие берега» и «Память, говори». Некоторые из его видений напоминают эпизоды «Прелюдии» У. Вордсворта.

Однако поэма Джона Шейда не является вариацией на темы Вордсворта, поэма которого предстает как цепочка озарений, порождающих мощный прилив душевных сил. Сюжет поэмы Шейда связан с темой достаточно мучительного выбора между личным рациональным опытом и желанием получить «достоверные» (но не личные или не рациональные) аргументы в пользу существования «потустороннего», которые неизменно разочаровывают автора. Можно сказать, что Шейд выбирает между двумя моделями присутствия Бога в мире.

Сюжет разочарования начинается в первой строфе поэмы, где появляется образ свиристеля: «Я тень, я свиристель, убитый влет / Подложной синью, взятой в переплет окна; комочек пепла, легкий прах, / Порхнувший в отраженных небесах» / «I was the shadow of the waxwing slain / By the false azure in the windowpane; / I was the smudge of ashen fluff – and I / Lived on, flew on, in the reflected sky» [7. С. 312; 8. P. 29]. В этих строках можно обнаружить не только выражение глубокой печали и разочарования, но и мотив роковой ошибки, связанной с искаженным восприятием. Так, в начале поэмы Шейд представляет себя в образе птицы, погибшей в «поддельной синеве» (false azure) неба. В «отраженном небе» движется тень птицы – это душа после смерти. Смерть предстает как крушение иллюзий о посмертном существовании, которое должно служить утешением и объяснением земных страданий и заблуждений.

Другой мотив, также присутствующий в первых строках поэмы, – это мотив чуда. Чудо состоит в одновременном присутствии героя в уютном пространстве своей комнаты с лампой и «яблоком на тарелке» и в «хрустальнейшей стране» снегопада (crystal lend), где располагаются отраженные в окне его кровать и стол. Снегопад становится первым «местом во времени», которое дарит герою надежду. Снег падает бесформенными медленными хлопьями, которые можно рассматривать как образ времени, идущего тоскливо и монотонно (В.В. Набоков усиливает это впечатление, используя слово «retake», что означает «пересъемка», «переснятый кадр», так что читатель должен вообразить снегопад, снятый на черно-белую кинопленку), это время земной жизни, которое тянется длительно и безнадежно, полное утрат. Однако утром на снегу обнаруживаются загадочные следы в форме стрелок, это снова птица, на сей раз

это фазан. Следы фазана ведут в «Китай», этот неожиданный образ далекой страны усиливает тему чудесного намека, который «написан» на снегу.

Способность видеть подобные намеки связана с наличием воображения, которое, в свою очередь, зависит от общей восприимчивости. Шейд обладает прекрасной способностью восприятия цвета, которая позволяет ему более глубоко проникать в реальность. Кроме этого, он способен запоминать и точно воспроизводить картины реальности, почему-либо вызвавшие его сочувствие. Часто реальность представлена картинами природы. Пятая строфа Песни первой посвящена описанию любимого дерева героя, это пекан (shagbark). Прекрасное дерево обладает в описании поэта чем-то напоминающим личную историю. Эта история своей реальностью контрастирует с фантомом качелей маленькой дочери Шейда, которые когда-то висели на дереве. Если для Шейда это действительно фантом, то для дерева – это часть его реальности. То же можно сказать о доме, который и в несколько перестроенном виде остается прежним, т.е. его реальности умножаются (до перестройки и после), но в то же время не теряют связи друг с другом.

Сидящая на антенне птица – пересмешник (mockingbird) – снова подает «знак», она зовет, повторяя «come here» («иди сюда»). Этот призыв можно понимать как голос природы, для которой он означает присутствие в единой реальности. Птицы могут выступать «связными» для героя еще и по той причине, что его родители, рано умершие, были орнитологами. И птицы «принимают» роль связных между «этим» и «тем» мирами, которые сосуществуют в единой реальности.

Похожую роль птица (малиновка) играет в повести английской писательницы Ф. Бёрнетт «Таинственный сад» (1911). Ф. Бёрнетт писала для детей, и ее книги были очень популярны в Англии и США. Малиновка помогает девочке-сироте найти вход в запертый сад, который воспринимается как мертвый. Девочка входит в сад и обнаруживает, что он живой, здесь она переживает свое «место во времени», обретает единую реальность. Повесть воспроизводит «общие места», характерные для культуры викторианской Англии и эпохи романтизма, но воспроизводит так точно и изящно, что напоминает миниатюру, отражающую картину сложного и разветвленного дискурса. Нужно отметить, что этот дискурс является настолько значимым и востребованным, что повесть была экранизирована 10 раз: первый немой фильм появился в 1919 г., последний – в 2001 г., также повесть стала основой для мюзикла и оперы (американский композитор Н. Гассер, 2013). В связи с повестью Бёрнетт нельзя не отметить топос сада, который играет роль одного из ключевых знаков рассматриваемого дискурса. В поэме Шейда образ сада также имеет значение, сад представлен как «место во времени» и пространство Сибилл, любимой жены Шейда.

Религиозность Шейда, в ее традиционном понимании, исчезает рано, молился он только в детстве. Позднее он поклоняется природе, но в то же время ощущает ее как «прекрасную клетку» (for we are most artistically caged), слово «cage» можно также перевести как «садок для насекомых или рыб». В следующей строфе упоминаются сверчки (crickets), чьи звуки создают «стены» садка. Звучание сверчков воспринимается как бредовое, безумное (delirious trill). Бредящая природа уподоблена песочным часам, время «протекает», как песок, и наступает смерть.

В возрасте 11 лет герой поэмы переживает смерть как опыт развоплощения личности, впадая в своеобразный обморок (swoon). Приступ начинается с ощущения солнечных лучей, появляющихся из-за тучи (sunburst), этот яркий свет затопляет разум. При этом герой ощущает себя так, будто рассыпался на атомы и присутствует во всех временах и пространствах одновременно. Этот опыт также можно было бы назвать «видением» или «местом во времени», однако это не так. Шейд испытывает стыд, который сравнивает с ощущением «утраты невинности», получением преждевременного сексуального опыта. Таким образом, событие может восприниматься не как видение, а как искушение. Е.В. Халтрин-Халтурина в ранее цитированной статье [15] упоминает о наличии «демонических эпифаний», контрастирующих с «местами во времени». Если видения, которые называют «места во времени», обязаны своим возникновением действию воображения, то источник «демонических эпифаний» «не конкретизирован в терминах эстетики рубежа XVIII–XIX вв., т.е. не пояснено, какая сила проявляет себя в этих видениях: фантазия, вдохновение или что-либо другое» [Там же]. В случае поэмы Шейда очевидно, что «обмороки» героя отвергаются им по той причине, что здесь действует не личность, а некая сила, которая овладевает сознанием героя извне, подобно гипнотизеру или провоцирующей соблазнительнице.

Еще одной разновидностью отвергаемых «эпифаний» для Шейда являются проявления причудливого характера тетушки Мод, заменившей ему родителей. Мод обладала способностью подмечать странные и смешные совпадения, которые воспринимались ею как игра, однако игра, скорее, бессмысленная. После инсульта разум тетушки погружается в туман, а жизнь предстает как безумное (mad), невозможное, невыразимое предзнаменование (unutterably weird), волшебная бессмыслица (wonderful nonsense). Здесь мы видим одну из вариаций темы совпадений («узоров»), которая появляется во многих романах В.В. Набокова. Совпадения отличаются от «мест во времени» или видений тем, что часто оказываются мнимыми, но даже если они реальны, то герой, воспринимающий совпадение как «знак», часто оказывается на ложном пути. В романе «Бледный огонь» тема совпадений связана с Кинботом, который видит их, и в результате поэма Шейда получает «невыразимый» комментарий, состоящий из ошибочных суждений. В этом контексте автор поэмы определяет жизнь как «послание, неразборчиво написанное в темноте» («a message scribbled in the dark»). Неразборчивость «почерка» защищает от искушения единственного истолкования.

Имя тетушки Шейда совпадает с именем героини поэмы А. Теннисона «Мод» (1855). В отличие от тетушки Мод, героиня Теннисона является своему поэту в саду среди цветов. В наиболее известном фрагменте поэмы герой ждет Мод в саду и беседует с лилиями и розами. Здесь герой переживает откровение,

душа Мод (в тот момент отсутствующей) является ему посредством розы: «And the soul of the rose went into my blood, / As the music clash'd in the hall» [16. С. 164]. Душа розы входит в кровь поэта, подобно музыке. В этом состоянии он видит мир Мод – это лес, где протекает ручей. Так открывается «вторая природа» героини, она не только «королева роз», но и существо, подобное фее или эльфу, обитающему среди цветов леса или сада.

Мод в поэме Шейда менее всего напоминает фею, в отличие от другой героини, Сибилл. Это жена Шейда, которая проводит в саду много времени и таким образом становится близка героине Теннисона. Сибилл и Шейда связывает глубокое чувство, возникшее во время школьной прогулки к местному водопаду. Если знаком Мод у Теннисона является роза, то знак Сибилл – бабочка Vanessa, красный Admirable (Красная Обожаемая). В данном случае бабочка, которая часто воспринимается исследователями В.В. Набокова как образ души, обретающей подлинное существование после смерти (выхода из кокона), получает другое значение. Бабочка, как и роза, становится эквивалентом «второй» природы личности. Это не идеальное «я», осуществление которого возможно после смерти, это один из уровней бытия личности, проявляющийся в момент откровения.

Следующий период в жизни Шейда связан с поисками информации о жизни после смерти (survival after death). Рождение дочери вносит в жизнь Шейда трагическую ноту, так как Хейзел не суждено превратиться в красавицу, подобную ее матери. Некрасивая, болезненная девочка становится для родителей проявлением необъяснимого каприза природы, которая в данном случае отказывается стать материалом для воплощения любви поэта. Разочарование Шейда может быть связано с его идеей о том, что природа в состоянии «воспринимать» идеи личности, ее чувства и «воспроизводить» их. А любимой идеей Шейда постепенно становится идея красоты, которая, являя себя в «местах во времени» в природе, позволяет личности проникнуть в логику «потустороннего».

Природа «отвергает» дочь Шейда. Он находит, что это так, потому что его дочь некрасива. Таким образом, красота предстает как один из атрибутов природы, проявлением некой скрытой истины, имеющей отношение и к личности. Индивидуальный разум входит в контакт с природой, когда воспринимает ее как явление красоты. «Другая реальность» природы воспринимается с точки зрения красоты, обитающей «по ту сторону» линейного времени. Поэтому Шейд расстроен тем, что на рождественском представлении в школе его дочь изображает не эльфа или фею, а Время (Mother Time).

Позднее становится очевидной другая причина, по которой природа может «отвергать» дочь Шейда. Хейзел увлекается спиритизмом. Оставаясь довольно равнодушной к миру природы, она пытается изучать «потусторонние» явления. Этот эпизод из жизни Хейзел реконструирует в своем комментарии Кинбот. Он описывает, со слов Шейда, контакт Хейзел со световым пятном неизвестного происхождения, которое «явилось» ей в старом сарае. Попытки Хейзел перевести на человеческий язык «ответы» призрака оборачиваются неудачей. Записи Хейзел пытается расшифровать Кинбот. Он надеется найти в ее записях предупреждение о близкой смерти – Шейда или самой Хейзел. Ему удается составить две строки путем множественной перестановки слогов и чтения в обратном порядке. Эта игра была также одним из любимых занятий Хейзел. Таим образом, поиск совпадений в духе тети Мод приводит Хейзел к трагическим выводам о бессмысленности существования, и она выбирает смерть. Ее тело находит сторож (Father Time), который играет роль ее символического супруга.

Смерть Хейзел становится результатом разочарования, неверного прочтения «текста» (о загробном существовании), в котором не могло быть смысла. Эта ошибка восприятия близка той, что выражена в образе свиристеля в начале поэмы. Шейд совершает (не по своей воле) путешествие в мир смерти. В результате сердечного приступа он оказывается в пограничном состоянии и видит некий «фонтан». В поисках подтверждения своего видения он находит подобный случай, однако в опубликованной заметке обнаруживается опечатка, и женщина, пережившая такое же состояние, как Шейд, видела «гору». Здесь также можно увидеть тему ложных совпадений, опечаток, ошибок и неверного прочтения (fountain – mountain). Шейд отвергает поиск «вечной жизни», свидетельства о которой основаны на опечатках («Life Everlasting – based on a misprint!»).

Четвертая и заключительная песнь поэмы Шейда начинается темой красоты. Красота дана поэту как видение летнего утра, когда он находит себя в состоянии сомнамбулического вдохновения среди луга. Утро середины лета (midsummer morn) дано Шейду от рождения, как печать (secret stamp), врожденная тайна (mystery inborn). Вдохновение он понимает как результат воздействия красоты и сравнивает его с чарами эльфов. Эта метафора вдохновения ближе располагается к образам «мест во времени», чем к представлению о «потустороннем» происхождении искусства. Множество миров сосуществуют в одном пространстве, что Шейд выражает в необычной метафоре, представляющей процесс бритья. В то время как лезвие движется сверху вниз и снизу вверх, происходит множество событий (на пространстве щеки и лица в целом): машины движутся по скоростной трассе (cars on the highway pass), грузовики ползут по челюсти (big trucks around my jawbone creep), между ртом и носом располагаются поля Земблы, по которым идут рабы и косят сено.

Эта строфа завершается следующим резюме: «Man's life as commentary to abstruse / Unfinished poem. Note for further use» [8. P. 57]. Определение жизни человека как «комментария к трудной для понимания, неоконченной поэме» выражает тип субъективности, в котором смерть лишена однозначности, линейности. Она не является итогом, «приговором» жизни. «Текст» продолжает существование и трансформации. Комментарий может открывать новые и новые значения этого «текста», который остается незавершенным. Финал поэмы контрастирует с ее началом. Образ птицы, убитой «поддельной синью», исчезает,

на ее месте оказывается бабочка (a dark Vanessa), которая связана с идеей множественной реальности, данной в образах красоты.

Заключительные строки комментария представляют логическое завершение концепции Кинбота. Похищение поэмы после гибели Шейда становится фактором, усиливающим душевное заболевание Кинбота. Он находит в поэме множество «подсознательных заимствований», убеждая себя, что его гипноз был успешным. Однако страх смерти не покидает Кинбота. Поэма о Зембле и ее короле могла бы служить доказательством его существования, тогда как в ее отсутствии доказательств не остается и личность Кинбота продолжает распадаться. Утрата идентичности, которая выражается в том, что Кинбот играет с возможными будущими масками, связана со страхом растворения в небытии, самоубийства. Он надеется на помощь Бога, однако последние его слова свидетельствуют об ожидании Градуса, т.е. неизбежной смерти. Последнее безумие Кинбота не воспринимается как пародия, в большей степени пародийным является его текст о короле. В последних пассажах комментария интонации Кинбота начинают светиться «отраженным светом» поэмы, но актуальной и понятной для него остается первая ее строка, которой, как предполагал Кинбот, поэма должна была быть окончена. Однако Шейд, написав 999 строк, не повторил первой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: Критические отзывы, эссе, пародии. М. : Новое литературное обозрение, 2000. 688 с.
2. Мейер П. Найдите, что спрятал матрос: «Бледный огонь» Владимира Набокова / пер. с англ. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 312 с.
3. Джонсон Д.Б. Миры и антимиры Владимира Набокова. СПб. : Симпозиум, 2011. 352 с.
4. Бойд Б. Владимир Набоков: американские годы: Биография. М. : Независимая Газета ; СПб. : Симпозиум, 2004. 928 с.
5. Плотников Н. От «индивидуальности» к «идентичности» // Новое литературное обозрение. 2008. № 91. С. 64–83.
6. Плотников Н. К истории понятия субъект в русской мысли // Интеллектуальный язык эпохи. История идей, история слов. М. : Новое литературное обозрение, 2011. С. 106–116.
7. Набоков В.В. Собрание сочинений : в 5 т. СПб. : Симпозиум, 2004. Т. 3. 702 с.
8. Nabokov V. Pale Fire. Penguin books, 2000. 248 p.
9. Бартошевич А.В. Шекспир на английской сцене. М. : Наука, 1985. 303 с.
10. Липков А.И. Шекспировский экран. М. : Искусство, 1975. 353 с. URL: http://www.w-shakespeare.ru/library/shekspirovskiy-ekran4.html
11. Бердяев Н.А. Самопознание. Сочинения. Москва : Эксмо-Пресс ; Харьков : Фолио, 1997. 624 с.
12. Александров В.Е. Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика / пер. с англ. СПб. : Алетейя, 1999. 320 с.
13. Лавджой А. Великая цепь бытия: история идеи. М. : Дом интеллектуальной книги, 2001. 376 с.
14. Халтрин-Халтурина Е.В. Ключ к поэме У. Вордсворта «Прелюдия, или Становление сознания поэта» // Известия РАН. Серия Литературы и языка. 2007. Т. 66, № 2. С. 54–62.
15. Халтрин-Халтурина Е.В. От романтических «вспышек воображения» к модернистским «эпифаниям»: преемственная связь. URL: http://ekhalt.freeshell.org/Articles/epiphanies.htm
16. Теннисон А. «Волшебница Шалот» и другие стихотворения / пер. с англ. М. : Текст, 2007. 399 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 30 мая 2017 г.

THE CONCEPT "OTHER WORLDLINESS" AS THE OBJECT OF PARODY AND REFLECTION IN VLADIMIR NABOKOV'S *PALE FIRE*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 5–15.
DOI: 10.17223/15617793/420/1
Elena V. Antoshina, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: arancia@mail.ru
Keywords: V.V. Nabokov; plot; "other worldliness"; *Pale Fire*; parody; "spots of time".

The problem of author's philosophy of life is one of the key problems in Nabokov studies. In this article the author tries to solve the problem of interpretation of the concept "other worldliness", one of the most discussed by researchers. The object of research here is Nabokov's novel *Pale Fire*. In this novel the author realized two variants of understanding the "other worldliness" concept and showed it in the double plot. The origin and structure of the novel's double plot is analyzed in this article. Analysis of historical discourses (history of ideas) is used as a research method. The parody aspects of the plot are realized in the sketches of the novel about Zembla King by Charles Kinbote. The object of Nabokov's parody is the idea of consolation after death and acceptance of life as meaningless and wrong experience. The king of Zembla (and so Kinbote) feels the fear of the puzzling world. The reason of the fear is the loss of traditional cultural and religion ways of connection with "other worldliness". The king of Zembla totally mistrusts and detests his life experience. It is the reason why he changes masks and can not find his original personality. Charles Kinbote has a panic fear of death, which made him a mentally-ill person. As a result, fear transforms him into a hypnotist. He tries to control the poet John Shade's personality. The parody aspects of the plot are analyzed in connection with the discourse of American and English Shakespeare's cinema parody that was so popular in the first quarter of the 20th century. On the other hand, Shakespeare's plays *Hamlet* and *Midsummer Night Dream* give images for the representation of the "other worldliness" concept both for John Shade's poem and for Charles Kinbote's novel sketches. Reflection aspects of the representation of the "other worldliness" concept are analyzed in connection with the notion "spots of time". The notion "spots of time" has its origin in Wordsworth's poetry. "Spots of time" can be understood as a personal experience of contact with the world where connection with God is possible in the realization of individual subjectivity. John Shade described the same experience in his poem. The author's conclusion is that Nabokov prefers to understand "other worldliness" as a realization of personal subjectivity. By this preference he overcomes the tradition of understanding "other worldliness" that dominates in Russian literature and creates his own language for personal subjectivity.

REFERENCES

1. Mel'nikov, N. (2000) *Klassik bez retushi. Literaturnyy mir o tvorchestve Vladimira Nabokova: Kriticheskie otzyvy, esse, parodii* [A classic without retouching. Literary world about the works of Vladimir Nabokov: Critical reviews, essays, parodies]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Meyer, P. (2007) *Naydite, chto spryatal matros: "Blednyy ogon'" Vladimira Nabokova* [Find what the sailor hid: "Pale Fire" by Vladimir Nabokov]. Translated from English by M.E. Malikova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
3. Johnson, D.B. (2011) *Miry i antimiry Vladimira Nabokova* [Worlds and anti-worlds of Vladimir Nabokov]. Translated from English. St. Petersburg: Simpozium.
4. Boyd, B. (2004) *Vladimir Nabokov: amerikanskie gody: Biografiya* [Vladimir Nabokov: American years: Biography]. Translated from English. Moscow: Nezavisimaya Gazeta; St. Petersburg: Simpozium.
5. Plotnikov, N. (2008) Ot "individual'nosti" k "identichnosti" [From "individuality" to "identity"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 91. pp. 64–83.
6. Plotnikov, N. (2011) K istorii ponyatiya sub"ekt v russkoy mysli [On the history of the concept of subject in Russian thought]. In: Zenkin, S. (ed.) *Intellektual'nyy yazyk epokhi. Istoriya idey, istoriya slov* [Intellectual language of the era. History of ideas, history of words]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
7. Nabokov, V.V. (2004) *Sobranie sochineniy: v 5 t.* [Works: in 5 vols]. Vol. 3. St. Petersburg: Simpozium.
8. Nabokov, V. (2000) *Pale Fire*. Penguin books.
9. Bartoshevich, A.V. (1985) *Shekspir na angliyskoy stsene* [Shakespeare on the English stage]. Moscow: Nauka.
10. Lipkov, A.I. (1975) *Shekspirovskiy ekran* [Shakespeare's screen]. Moscow: Iskusstvo. [Online] Available from: http://www.w-shakespeare.ru/library/shekspirovskiy-ekran4.html.
11. Berdyaev, N.A. (1997) *Samopoznanie. Sochineniya* [Self-knowledge. Works]. Moscow: Eksmo-Press; Kharkov: Folio.
12. Aleksandrov, V.E. (1999) *Nabokov i potustoronnost': metafizika, etika, estetika* [Nabokov and the otherworld: metaphysics, ethics, aesthetics]. Translated from English by N.A. Anastas'ev. St. Petersburg: Aleteyya.
13. Lovejoy, A. (2001) *Velikaya tsep' bytiya: istoriya idei* [The Great Chain of Being: The History of the Idea]. Translated from English. Moscow: Dom intellektual'noy knigi.
14. Khaltrin-Khalturina, E.V. (2007) Klyuch k poeme U. Vordsvorta "Prelyudiya, ili Stanovlenie soznaniya poeta" [The key to W. Wordsworth's poem "The Prelude"]. *Izvestiya RAN. Seriya Literatury i yazyka.* 66 (2). pp. 54–62.
15. Khaltrin-Khalturina, E.V. (n.d.) *From romantic "manifestations of imagination" to modernist "epiphanies": a case of continuity*. [Online] Available from: http://ekhalt.freeshell.org/Articles/epiphanies.htm. (In Russian).
16. Tennyson, A. (2007) *"Volshebnitsa Shalot" i drugie stikhotvoreniya* ["The Sorceress of Shalott" and other poems]. Translated from English by G.M. Kruzhkov. Moscow: Tekst.

Received: 30 May 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 16–22. DOI: 10.17223/15617793/420/2

УДК 81'42+ 81'367.322

А. Бонола

ЯЗЫКОВЫЕ ФОРМЫ ТОТАЛИТАРНОЙ И АНТИТОТАЛИТАРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В РОМАНЕ В. ГРОССМАНА «ЖИЗНЬ И СУДЬБА»

Автор анализирует, как разные коммуникативные подходы представлены в романе «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана. Целью статьи является исследование не столько стиля, сколько типов коммуникативных процессов, выделяемых на основе разграничения манипулятивной и неманипулятивной коммуникаций. Таким образом, исследование проводится в методологических рамках не литературоведения, а лингвистики. Автор выделяет связи между лингвистической формой вопроса и темой свободы в творчестве Василия Гроссмана.

Ключевые слова: тоталитарный язык; антитоталитарный язык; проза В.С. Гроссмана, коммуникативная манипуляция; «Жизнь и судьба»; прагматика вопросов; диалог.

Целью настоящей статьи является исследование разных коммуникативных подходов, представленных в романе «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана. Речь идет не столько о стиле, сколько о типе коммуникативных процессов, выделяемых нами на основе различения между манипулятивной и неманипулятивной коммуникации[1]. Таким образом, **методологически** наше исследование находится не в сфере литературоведения, а в области лингвистики текста, прагматики, теории коммуникации.

Лингвистический подход оправдан тем, что главная тема романа В. Гроссмана – борьба между отдельной личностью и тоталитарным государством, но одно из основных средств такой борьбы, как уже отмечено многими российскими и зарубежными исследователями (например, [2–6]), как раз коммуникация: в тоталитарном государстве статус слова, как мы покажем, тесно связан с властью. О том, что В. Гроссман осознавал такое влияние власти на человека, свидетельствуют многие металингвистические комментарии автора, на которых основаны наши замечания. Под металингвистическими комментариями мы понимаем высказывания, в которых автор описывает и комментирует механизмы и стиль коммуникации между героями романа или в обществе.

На первых же страницах романа сам В. Гроссман утверждает, что трагедия двадцатого века происходит и на уровне коммуникации: взаимопонимание людей невозможно по идеологическим причинам:

В этом мычании немых и в речах слепых, в этом густом смешении людей, объединенных ужасом, надеждой и горем, в непонимании, ненависти людей, говорящих на одном языке, трагически выражалось одно из бедствий двадцатого века (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 16)[2].

Правда, здесь автор описывает немецкий концентрационный лагерь, но в романе коммуникативные процессы (и не только), которые читатель наблюдает как в нацистском, так и в коммунистическом лагерях, по мнению Гроссмана, повторяются и в соответствующих обществах[3].

Коммуникация тоталитарных обществ изучена уже давно разными исследователями (подробный обзор этих работ представлен в [13]). В частности, Ф. Том [12] описывает основные лингвистические характеристики такой коммуникации в советском обществе. Понятия тоталитарного и антитоталитарного языков обсуждались в начале 1990-х гг. в рамке социолингвистического анализа манипулятивных механизмов коммуникации в Советском Союзе (см. [2, 4, 5, 14, 15]).

Что касается тоталитарной коммуникации, основываясь на результатах исследований предшественников и собственных работ, посвященных творчеству В. Гроссмана (см. [8]), коротко суммируем следующие ее характеристики.

1. В тоталитарном государстве слово может обладать «решающей силой», как говорит партийный руководитель Гетманов, т.е. исполнительной властью, которой партия наделяет своих, и может решить судьбу людей:

Сила партийного руководителя не требовала таланта ученого, дарования писателя. Она оказывалась над талантом, над дарованием. Руководящее, решающее слово Гетманова жадно слушали сотни людей <...> Сила его решающего слова заключалась в том, что партия доверила ему свои интересы в области культуры и искусства (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 68).

В терминологии теории речевых актов можно сказать, что одна из основных характеристик тоталитарного слова – это его перлокутивная сила [9]. Решающей силой слова наделяется тот, в руках которого находится наивысшая власть:

Одно его слово могло уничтожить тысячи, десятки тысяч людей. Маршал, нарком ... сегодня по одному гневному слову Сталина могли обратиться в ничто, в лагерную пыль» (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 573).

2. Решающая, т.е. перлокутивная, сила слова – это самое очевидное влияние власти на коммуникативные процессы в тоталитарном обществе, но не единственное. «Логократия» тоталитарных государств [10] касается и референции, так как пропагандой власть может влиять на связь между опытом и словом, изменяя референциальное значение слова в соответствии с идеологией. Независимость идеологии от опыта подчеркивала и Ханна Арендт [11. С. 627, 644–645]. Это явление Д. Оруэлл изображал художественными средствами в романе «1984» как наивысшее выражение власти по отношению к языку: *newspeak* являет собой средство новой категоризации мира, по представлению партии. По Д. Оруэллу[4], пропаганда опре-

деляет новый референт, в особенности посредством редукции полисемии слова. Советскому новоязу посвящены исследования [12, 13].

3. Наконец, влияние власти на коммуникацию выражается и в том, что партия решает, что можно и что нельзя сказать. Посредством цензуры и, еще важнее, самоцензуры она определяет предел выразимого и невыразимого. Такой запрет является ядром тоталитарной коммуникации: можно говорить только то, что соответствует идеологическому представлению реальности. Невыразимое, в свою очередь, становится содержанием доноса, обычного средства социального контроля в тоталитарном обществе. На самом деле, под угрозой доноса в каждом общении устанавливается строгий контроль и самоконтроль, присутствует постоянное, утомляющее напряжение.

Повседневная жизнь отравлена идеологическим ядом: шаблонными словами, стереотипными формулами (*кулак*, *враг народа* и т.д.), которые почти не имеют отношения к реальному опыту людей. Они производят двойное действие: препятствуют возможности вольной мысли и распространяют недоверие в человеческих отношениях. В. Клемперер замечает, что при нацизме стереотипные формулы были знаком «страха перед мыслящим существом, ненависти к рассуждению» [3. С. 18]. В «Мы» Е. Замятина ежедневное общение в тоталитарном обществе является автоматическим повторением формул, разработанных Единым Государством, определяющим даже способ произношения (скорость и ритм) речи.

В своем романе В. Гроссман противопоставляет новоязу так называемую **антитоталитарную речь** [14], т.е. особую форму «языкового сопротивления». Н.А. Купина употребляет термин «языковое сопротивление», обозначающий или активную борьбу против новояза, или безразличие к нему и продолжение употребления дореволюционной речи [14]. Языковое сопротивление принимает, по Н.А. Купиной, разные формы: народную (шутки и частушки), субкультурную (песни бардов и т.д.) или индивидуальную (например, тексты Е. Замятина или М. Зощенко) [Там же].

В «Жизни и судьбе» антитоталитарная речь чаще всего принимает форму повседневного разговора (и его шутливого варианта, вспомним знаменитые политические шутки советского периода) и борьбы с партийной терминологией [16].

В приватном диалоге люди переходят от обобщенных партийных категорий к личным подробностям, даже к пустякам, которые тоже становятся частью сопротивления тоталитаризму. Сила этих кухонных разговоров хорошо знакома, например, Марье Ивановне Соколовой, которая посещает друга своего мужа, Штрума, в день, когда Институт физики официально обвинил его в антисоветизме из-за его «идеалистических теорий». Марья Ивановна приходит и начинает разговор о детях, о продуктах, кажется, ее совсем не волнует тяжелое положение Штрума. Но Штрум хорошо понимает смысл ее поведения и комментирует про себя:

Она как бы подчеркивала, что нет силы, способной помешать людям оставаться людьми, что само могучее государство бессильно вторгнуться в круг отцов, детей, сестер и что в этот роковой день ее восхищение людьми, с которыми она сейчас сидит, в том и выражается, что их победа дает им право говорить не о том, что навязано извне, а о том, что существует внутри (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 526).

Кроме искреннего домашнего диалога В. Гроссман показывает в романе еще одну форму лингвистического сопротивления: борьба с терминологией партии и ее эвфемизмами. Манипулирующая функция эвфемизма в новоязе очевидна [12. С. 53–57]. Хороший пример этого явления – скрытая полемика между двумя нацистами, «бреннером» Розенбергом, который занимается кремацией евреев, и его шефом, шарфюрером Эльфом:

Шарфюрер Эльф требует, чтобы тела называли фигурами, – сто фигур, двести фигур, но Розенберг зовет их: люди, убитый человек, казненный ребенок, казненный старик. Он зовет их так про себя, иначе шарфюрер впустит в него девять граммов металла, но он упорно бормочет: вот ты выходишь из ямы, казненный человек... не держись руками за маму, дитя, вы будете вместе, далеко ты не уйдешь от нее... «Что ты там бормочешь?» «Я ничего, это вам кажется». И он бормочет – борется, в этом его маленькая борьба... Позавчера была яма, где лежало восемь человек. Шарфюрер кричит: «Это издевательство, команда в двадцать бреннеров сжигает восемь фигур». Он прав, но что делать, если в деревушке было две еврейских семьи. Приказ есть приказ – раскопать все могилы и сжечь все тела... (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 141–142).

Мы кратко перечислили основные характеристики тоталитарной и антитоталитарной коммуникации в романе «Жизнь и судьба». Сопоставление двух типов коммуникации позволяет наметить контуры каждой из них и исследовать особенности их языковой организации.

В этой статье мы сосредоточимся на основных характеристиках еще одного типа антитоталитарной коммуникации, также представленной в романе. Мы назовем ее языком «жизни и свободы», так как жизнь и свобода для В. Гроссмана – две стороны одной медали:

В ее неповторимости, в ее единственности душа отдельной жизни – свобода. Отражение Вселенной в сознании человека составляет основу человеческой мощи, но счастьем, свободой, высшим смыслом жизнь становится лишь тогда, когда человек существует как мир, никогда никем не повторимый в бесконечности времени. Лишь тогда он испытывает счастье свободы и доброты, находя в других то, что нашел в самом себе (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 415).

Стремление к жизни-свободе – природа человека, что-то новое, непобедимое, вечное. В. Гроссман открыто утверждает это:

Претерпевает ли природа человека изменение, становится ли она другой в котле тоталитарного насилия? Теряет ли человек присущее ему стремление быть свободным? В ответе этом – судьба человека и судьба тоталитарного государства. Изменение самой природы человека сулит всемирное и вечное торжество диктатуре государства, в неизменности

человеческого стремления к свободе – приговор тоталитарному государству. <... >. Природное стремление человека к свободе неистребимо, его можно подавить, но его нельзя уничтожить. Тоталитаризм не может отказаться от насилия (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 152–153).

Но подчеркнем, что задача статьи – изучение не философской, а собственно лингвистической природы этого типа антитоталитарной коммуникации: как выражается вечно новая жизнь-свобода, которую В. Гроссман в конце рассказа «Сикстинская Мадонна» обозначает и формулой «человеческое в человеке»?

Представим основные **результаты** исследования антитоталитарной коммуникации с заявленных позиций. Можно выделить следующие характеристики «языка свободы» В. Гроссмана.

1. *Слово как речевой акт отрицания.* Как известно, легче определить зло, чем добро, так как первое является отрицанием второго; таким же образом легче лгать, чем сказать правду; зло может быть многословным (вспомним, например, разговорчивого беса у Ф.М. Достоевского), а добро – апофатическим. Это положение вещей описывается и в «Жизни и судьбе»: язык идеологии – вредный, а доброта и истина выражаются немногими короткими словами, реализующими точные и ясные речевые акты, как, например, быстрое и решительное «нет» Иконникова, русского заключенного, отказывающегося сотрудничать с нацистами; за это он заплатит своей жизнью: его лагерный товарищ, итальянский священник Гуарди, признает священное значение отказа Иконникова почтительным поцелуем:

Я скажу 'нет'! Je dirai non, mio padre, je dirai non! <...> он поднес грязную руку Иконникова к губам и поцеловал ее (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 224).

Еще один пример преодоления апофатического добра – это заключительные строки письма Анны, матери главного героя романа, физика Штрума. В своем письме она прощается с сыном, она понимает, что скоро погибнет, как и другие евреи. Анна задает себе вопрос: *«Есть ли человеческие слова, способные выразить мою любовь к тебе?»* (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 62). И сама сразу дает ответ. Мать находит короткую формулу любви, ту, что выражает ее желание вечной жизни для сына, речевой акт оптативного повеления: *«Живи, живи, живи вечно... Мама»* (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 62).

2. «*Свободные» и «умные» диалоги.* Вторая лингвистическая форма свободной и живой коммуникации – откровенный диалог. Как известно, диалог осуществляется только при активном сотрудничестве собеседников (это необходимое условие его успеха). Поэтому в диалоге больше, чем в других формах общения, показывается, как искреннее общение, ясное и правдивое слово зависят от свободы участников. Думая о разговорах с Крымовым, Штрум восклицает: *«О, чудная, ясная сила* ***откровенного*** *разговора,* ***сила правды****! Какую страшную цену платили люди за несколько* ***смелых, без оглядки высказанных*** *слов»* (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 211).

Диалог – текстуальная форма встречи людей. Но в каждом диалоге есть риск неуспеха, когда участники (например, в случае Ерёменко и Чуйкова) не умеют произнести ясное, освобождающее слово: *«Нет, не высказал Чуйков перед командующим фронтом всех своих опасений, тревог, мрачных мыслей. Но ни тот, ни другой не знали, в чем была причина их неудовлетворенности этой встречей. Главным в их встрече было надделовое, то, что оба они не сумели вслух высказать»* (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 36).

А когда диалог – успешный, он становится сильным средством сопротивления государственному насилию; достаточно подумать о вечерних разговорах друзей-ученых у Соколовых или о разговоре Жени с Лимоновым, тепло которого оживляет, хотя бы ненадолго, Евгению, уничтоженную мраморным холодом советского бюрократа Гришина:

Придя в теплую, полную книг и журналов комнату Лимонова, куда вскоре пришли еще двое пожилых остроумных, любящих искусство людей, она все время холодеющим сердцем чувствовала Гришина.

Но велика сила свободного, умного слова, и Женя минутами забывала о Гришине, о тоскливых лицах в очереди. Казалось, ничего нет в жизни, кроме разговоров о Рублеве, о Пикассо, о стихах Ахматовой и Пастернака, драмах Булгакова.

Она вышла на улицу и сразу же забыла ***умные*** *разговоры* (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 85).

Во время успешного диалога можно найти слова, открывающие истину, может быть и ту, что относится к личной жизни, как случается в диалоге солдата Грекова с Крымовым. Партийная самоуверенность Крымова исчезает перед проницательностью, с которой Греков угадывает тоску комиссара по бывшей жене: *«Глаза у вас хорошие <...>. Тоскуете вы»* (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 318). Эти слова останутся навсегда в глубине души Крымова и в момент отчаяния помогут ему снова найти себя.

3. *Авторские высказывания и комментарии.* «Свободное, умное слово» произносится не только во время откровенного диалога, но и в высказываниях, которыми не повествователь, а сам автор эксплицитно открывает читателям смысл данного нарративного эпизода. Например, в Саратовском госпитале Людмила ищет Толю, раненого сына. Ее неловко встречают знакомые люди: хирург Майзель скрывает свои руки, которыми он не только не смог спасти раненого солдата, но даже ускорил его смерть; комиссар говорит с матерью, не смотря ей в глаза; медсестра Терентьева не может сдержать слезы... и после всей этой неловкости автор открывает всем простую историческую и человеческую правду: *«Все люди виноваты перед матерью, потерявшей на войне сына, и тщетно пробуют оправдаться перед ней на протяжении истории человечества»* (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 104).

В своих авторских высказываниях В. Гроссман выражает «ясную силу»[5] свободного и умного слова, к которому стремятся многие герои романа. Их сила состоит в том, что они сводят сложную реальность жизненных и исторических событий к ясной простой истине, и не только окончательной, но и обыденной, ежедневой: ведь сила истины действует одинаково. Образцовый пример этого приема – авторский ответ на многочисленные вопросы, которыми задается

Александра Владимировна перед разрушенным бомбами домом, вопросы о судьбе ее родственников. В этом ответе В. Гроссман объясняет и название романа:

...стоит и смотрит на развалины своего дома, и любуется весенним небом, и даже не знает того, что любуется им, стоит и спрашивает себя, почему смутно будущее любимых ею людей, почему столько ошибок в их жизни, и не замечает, что в этой неясности, в этом тумане, горе и путанице и есть ответ, и ясность, и надежда, и что она знает, понимает всей своей душой смысл жизни, выпавшей ей и ее близким, и что хотя ни она и никто из них не скажет, что ждет их, и хотя они знают, что в страшное время человек уж не кузнец своего счастья и мировой судьбе дано право миловать и казнить, возносить к славе и погружать в нужду, и обращать в лагерную пыль, но не дано мировой судьбе, и року истории, и року государственного гнева, и славе, и бесславию битв изменить тех, кто называется людьми, и ждет ли их слава за труд или одиночество, отчаяние и нужда, лагерь и казнь, они проживут людьми и умрут людьми, а те, что погибли, сумели умереть людьми, – и в том их вечная горькая людская победа над всем величественным и нечеловеческим, что было и будет в мире, что приходит и уходит» (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 644).

4. *Вопросы.* Отдельные слова в качестве речевых действий, диалоги и авторские высказывания – вот языковые средства, с помощью которых автор передает смысл сложных исторических и личных событий, т.е. признает тот факт, что в человеке всегда остается неизменным желание вечной жизни и свободы. К этому списку средств языка жизни и свободы надо добавить еще один лингвистический элемент: высшую форму свободного слова, т.е. вопрос.

Как известно, далеко не все вопросительные предложения выражают вопрос[6]. Вопросительное предложение, хотя является предпочтительным лингвистическим выражением вопросов, может выполнять и другие прагматические функции[7]. Например, играть роль скрытого ассерта [17. С. 93], что в русском языке отмечается возможностью графически завершить фразу точкой: *«Понять это трудно, но разве все в жизни легко поймешь»* (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 369).

Содержательные и коммуникативные условия настоящих вопросов давно являются объектом философских и лингвистических исследований[8] [17–19]. Обобщая, можно сказать, что настоящий вопрос ориентирован на дополнение со стороны собеседника, поэтому пропозициональное содержание вопросов всегда открытое; какую бы ни исполнял вопрос прагматическую функцию, общая характеристика вопроса – это призыв к ответу собеседника, следственно ассертивная и повелительная функции не конгруэнтны открытости вопроса, даже когда они выражаются вопросительными предложениями [17. С. 71].

Существуют разные типы вопросов: 1) *информативные вопросы*, исполняющие классическую прагматическую функцию просьбы об информации или мнении; 2) так называемые *проблемные вопросы*, которые тематизируют неясный или трудный вопрос и 3) *вопросы-просьбы об утверждении*; эту функцию в русском языке можно сигнализировать маркером *ли*: «*Вы согласны со мной, не так ли?*», – хотя это не обязательно, или более разговорной частицей *же*.

В романе В. Гроссмана, конечно, можно найти всевозможные типы вопросительных предложений, с канонической функцией вопроса или другими неканоническими прагматическими функциями. Наша цель – это анализ только тех типов вопросительных предложений, которыми, по нашему мнению, чаще всего выражается «сила свободного, умного слова» в «Жизни и судьбе».

Речь идет о двух типах вопросительных предложений:

1. Вопросы, выражающие удивленную, иногда и изумленную констатацию положения дел, часто маркированные частицей *неужели* [20, 21]. Имплицитное речевое содержание таких вопросительных предложений – просьба об объяснении неожиданного и немыслимого.

2. Проблемные вопросительные предложения, на которые нет очевидного ответа; они являются стимулом для размышления, совместного или самостоятельного (во внутренних монологах). Поэтому проблемные вопросы обычно отменяют призыв к ответу, но это не значит, что ответ исключается – вопросы же настоящие, только ответы пока не находятся.

Первый тип вопросительных предложений часто маркирует переход в сознании героев романа, благодаря которому открывается некая истина. Они возникают, когда герой переживает что-то важное, что ему трудно осознать, что не совпадает с его представлением о реальности, неожиданное.

Например, перед знаменитым и уже разрушенным немцами домом 6/1 единственный случайно спасшийся солдат спрашивает себя: *«Неужели всех вас убило, братья мои?»* (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 325), и читателю понятно, что это не столько вопрос, а удивленная констатация положения дел, которая маркируется в русском языке словом *неужели* [20. С. 146–155]; не случайно двойственная прагматическая функция предложений этого типа отмечается тем, что в конце фразы иногда ставят вопросительный, а иногда восклицательный знак: *«Неужели он не увидит её!»* (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 568). Подумаем еще об изумленных вопросах Анны Штрум перед человеческим злом (В. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1, гл. 18), или Крымова, лишнего человека своего времени.

Такого же типа, как кажется, и смущенный вопрос старого Андреева, получившего известие о смерти жены: *«Неужели он сидел когда-то в светлой комнате, завтракал перед работой и рядом стояла жена и глядела на него: давать ли ему добавку? Да, осталось ему умереть одному»* (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 190). Или вопрос Штрума после восторга от открытия нового физического закона (открытия целой исследовательской жизни), вопрос, который свидетельствует, что ученый еще не пережил шок от убийства матери, что в сердце у него незажившая рана: *«Штрум пожимал плечами, морщил лоб, – неужели мама никогда, никогда не узнает о нынешних делах своего сына»* (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 262).

Удивленный вопрос возникает и в голове Мостовского, смутившегося от неожиданных слов нациста Лисса: *«Михаил Сидорович смотрел на Лисса и думал: “Неужели эта подлая болтовня на миг смутила меня? Неужели я мог захлебнуться в этом потоке ядовитой, смердящей грязи?”»* (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 298); *«И снова страх охватил его: неужели Лисс не лгал, неужели без тайной жандармской цели человеку хотелось говорить с человеком?»* (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 396).

Такой же вопрос передает удивление Крымова, осознавшего низость своих действий, и говорит об ответственности каждого, живущего в тоталитарном обществе:

А вот имеются какие-то люди – обычно это старухи, домашние хозяйки, беспартийные мещанки, – через них посылают в лагеря посылки, на их адрес получают из лагерей письма, и они почему-то не боятся. Иногда эти старухи – домашние работницы, безграмотные няньки, полные религиозных предрассудков, они берут к себе сирот, оставшихся от арестованных отцов и матерей, спасают детей от жизни в приемниках и детдомах. А члены партии боятся этих сирот как огня. Неужели эти старые мещанки, тетки, безграмотные няньки честней, мужественней большевиков-ленинцев, Мостовского, Крымова? Но почему, почему, неужели страх? Одна лишь трусость? (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 394).

Наконец, вопросом этого типа выражена боль от неизмеримого горя лагерей: *«Неужели можно существовать, видя, как с новой силой вспыхнуло зарево в небе – то горят руки, которые он целовал, глаза, радовавшиеся ему, волосы, чей запах он узнавал в темноте, то его дети, жена, мать?»* (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 404).

Вопросов *второго типа*, проблемных[9], в размышлениях героев «Жизни и судьбы» очень много. Например, в монологе Софьи Осиповны в темном вагоне эшелона, на дороге в лагерь:

Она слушала бормотания, вскрикивания и думала, что в спящих, воспаленных головах сейчас с ужасной живой силой стоят картины, которые словами уже не передать. Как сохранить, как запечатлеть их, – если человек останется жить на земле и захочет узнать о том, что было?» (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 141).

Они характеризуют не только размышления угнетенных, но и угнетающих, к примеру нацистского Лейтенанта Баха:

Он не убивал детей и женщин, никого не арестовывал. Но он сломал хрупкую плотину, отделявшую чистоту его души от мглы, клокотавшей вокруг. И кровь лагерей и гетто хлынула на него, подхватила, понесла, и уж не стало грани между ним и тьмой, он стал частью этой тьмы.

Что же это произошло с ним, – бессмысленность, случай или то законы его души? (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 552–553).

Проблемные вопросы, на которые ответ есть, но не непосредственный, свидетельствуют о человеческой способности размышлять. Поэтому они являются наивысшим выражением «ясного и умного слова», особенно когда их задает не герой, а сам В. Гроссман, свидетель своего времени (не забудем, что В. Гроссман одним из первых вошел в Треблинку вместе с солдатами Красной Армии).

Здесь видна сугубо позитивная функция вопроса: искренний, открытый вопрос – начало новой жизни, потому что его коммуникативная природа – это обращение к собеседнику, призыв ответить. Проблемные вопросы далеко не риторические, они предполагают существование собеседника и ответа (хотя и трудно уловимого), они маркируют открытое коммуникативное положение говорящего.

Вопросы автора в романе В. Гроссмана особенно сильны по отношению к главной трагедии тоталитаризма, и мы встречаем их во многих авторских рассуждениях романа. Завершить эту статью мы хотели бы тоже проблемным вопросом, но не из «Жизни и судьбы», а из финальной части рассказа «Сикстинская Мадонна»:

Мы стоим перед ней, молодые и седые люди, живущие в России. Стоим в тревожное время... Не зажили раны, еще чернеют пожарища, еще не устоялись курганы над братскими могилами миллионов солдат, наших сыновей и братьев.

Еще стоят опаленные, мертвые тополи и черешни над сожженными заживо деревнями, растет тоскливый бурьян над сгоревшими в партизанских селах телами дедов, матерей, хлопцев, девчат. Еще заваливается, шевелится земля над рвами, где лежат тела убитых еврейских детей и их матерей. Еще стоит вдовий плач по ночам в несметном числе русских изб, белорусских и украинских хат. Все пережила Мадонна с нами, потому что она – это мы, потому что сын ее – это мы.

И страшно, и стыдно, и больно – почему так ужасна была жизнь, нет ли в этом моей и твоей вины? Почему мы живы? Ужасный, тяжелый вопрос – задать его живым могут лишь мертвые. Но мертвые молчат, не задают вопросов (В. Гроссман. Сикстинская Мадонна).

Правда, «мертвые молчат, не задают вопросов», но в творчестве В. Гроссмана их голоса снова стали слышны, они спрашивают, хотят узнать смысл своей жизни и своей судьбы. В таком вопросе о смысле – больше, чем в ответе, который писатель смог найти (человеческое в человеке) – и скрывается сила умного и свободного слова В. Гроссмана, сила истины.

Таким образом, в тексте В. Гроссмана выявлены лингвистические формы свободной и живой коммуникации: 1) слово как лингвистический акт отрицания, приобретающего в рассматриваемых ситуациях огромную утвердительную силу; 2) откровенный диалог; 3) авторское «свободное слово»; 4) вопросы, среди которых следует выделить прежде всего неужели-вопросы, представляющие собой удивленную констатацию положения дел, и проблемные вопросы, очевидного ответа на которые нет.

Исследуемая в настоящей статье речь героев и автора романа и есть проявление гуманизма в высшем философском смысле этого слова.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В основном коммуникация бывает манипулятивной, когда говорящий сообщает часть информации, но представляет ее как исчерпывающую, т.е. как абсолютную. В этом отношении манипуляция отличается от простой неправды [1. С. 124].
[2] Роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба» цитируется по следующему изданию: Гроссман В. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Вагриус, 1998. Т. II.
[3] О сходстве коммуникации при нацизме и коммунизме см. [5, 6].
[4] Orwell G. 1984. Milano : Mondadori, 2005. 308 p.
[5] «О, ясная сила свободного, веселого слова! Она в том и проявляется, что вопреки страху его вдруг произносят» (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 212); «Но велика сила свободного, умного слова!» (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 85).
[6] Полное представление таких исследований невозможно в рамках настоящей статьи. Здесь достаточно вспомнить классическое размышление о вопросе Квинтилиана (Quintiliano, *De oratore*, IX, 2, 7–16). Хороший синтетический обзор типологии вопросов в [17]: на него мы будем опираться для классификации вопросов в настоящей статье.
[7] Кажущиеся вопросы преобладают в этикетной речи. Всем известно, например, что «Вам налить?» выражает предложение, «Передашь мне соль?» – просьбу, «А маме помочь у тебя нет времени?» – упрёк. Невопросительные функции вопросительных предложений иногда маркируются специальными лингвистическими единицами; как, например, частицы *разве* и *неужели*, маркирующие соответственно удивленную констатацию или скрытую ассерцию.
[8] Дж. Гоббер выделяет традиционное различение между так называемыми верифицирующими (общими, удостоверительными) вопросами и комплементативными (частными). В первых (простых или альтернативного типа [17. С. 374]) текст опирается на общий опыт, контекст и общие знания. Например, «Ты был на балете?» подразумевает, что собеседники знают, о чем идет речь, и спрашивается о том, совершилось ли известное или нет. Во втором типе вопросов незнакомый элемент связан с определенной вопросительной рамкой (*objectum quaestionis*), выражаемой вопросительным предложением. Например: «Что продается в этом магазине?» [19. С. 11]. Эти вопросы открытым предложением описывают несовершенное положение дел.
[9] Когда герои романа спрашивают себя о будущем, они задают себе проблемные вопросы, которые помогают развить нарративный кругозор читателей: уже процитированные вопросы Анны Владимировной перед развалинами Сталинграда выполняют такую нарративную функцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Rigotti E., Cigada S. La comunicazione verbale. Milano : Apogeo, 2006. 333 p.
2. Głowiński M. Nowomowa po polsku. Warszawa : Wyd. PEN, 1991. 146 p.
3. Klemperer V. LTI. Notizbuch eines Philologen. Leipzig : Reclam Verlag, 1975. 355 p.
4. Купина Н.А. Тоталитарный язык. Словарь и речевые реакции. Екатеринбург ; Пермь : Изд-во Урал. ун-та; ЗУУНЦ, 1995. 144 с.
5. Young J.W. Totalitarian Language: Orwell's Newspeak and its Nazi and Communist Antecedents. Charlottesville : University Press of Virginia, 1991. 320 p.
6. Сарнов В. Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма. М. : Материк, 2002. 600 с.
7. Weiss D. Was ist neu am “Newspeak”? Reflexionen zur Sprache der Politik der Sowjetunion // Slavistische Linguistik 1985 / R. Rathmayr. München : Otto Sagner Verlag, 1986. S. 247–325.
8. Bonola A. Discorso totalitario e dissenso linguistico in Vita e destino di Vasilij Grossman // Il romanzo della libertà. Vasilij Grossman tra i classici del XX secolo / G. Maddalena, P. Tosco. Rubbettino : Soveria Mannelli, 2007. P. 89–129.
9. Austin J. How to do things with words. Oxford : Clarendon Press, 1962. 179 p.
10. Besançon A. Court traité de soviétologie à l’usage des autorités civiles, militaires et religieuses. Paris : Hachette, 1976. 125 p.
11. Arendt H. Le origini del totalitarismo. Milano : Edizioni di Comunità, 1989. 710 p.
12. Thom F. Newspeak. The Language of Soviet Communism. London ; Lexington : The Claridge Press, 1989. 218 p.
13. Seriot P. Analyse du discours politique soviétique. Paris : Institut d’Etudes slaves, 1985. 362 p.
14. Купина Н.А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. 176 с.
15. Вежбицка А. Антитоталитарный язык в Польше: механизмы самообороны // Вопросы языкознания. 1993. № 4/4. С. 37–53.
16. Bonola A. Forza chiara e libera della parola. Forme linguistiche in Vita e Destino // L’umano nell’uomo. Vasilij Grossman fra ideologie e domande eterne / P. Tosco. Soveria Mannelli : Rubbettino, 2011. P. 301–331.
17. Gobber G. Pragmatica delle frasi interrogative. Con applicazioni al tedesco, al polacco e al russo. Milano : ISU-Università Cattolica, 1999. 316 p.
18. Paducheva E.V. Question-answer correspondence Question-answer correspondence // Language and discrourse: test and protest. A Festschrift for Petr Sgall / l. Mey. Amsterdam : Benjamins, 1986. P. 373–382.
19. Gobber G. Una nota sul contenuto proposizionale delle domande // Analisi Linguistica e Letteraria. 2011. XIX/1. P. 7–32.
20. Rathmayr R. Die russischen Partikeln als Pragmalexeme. München : Otto Sagner, 1985. 353 p.
21. Bonola A. Le particelle come manifestazioni del connettivo nella lingua russa (con esempi da Il giocatore – *Igrok* – di F.M. Dostoevskij) // Sýndesmoi. Connettivi nella realtà del testo / G. Gobber, S. Cigada. Milano : Vita e Pensiero, 2006. P. 199–220.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 июня 2017 г.

LINGUISTIC FORMS OF TOTALITARIAN AND ANTITOTALITARIAN COMMUNICATION IN *LIFE AND FATE* BY VASILY GROSSMAN

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 16–22.
DOI: 10.17223/15617793/420/2
Anna P. Bonola, Catholic University of the Sacred Heart (Milan, Italy). E-mail: anna.bonola@unicatt.it
Keywords: totalitarian speech; antitotalitarian speech; prose by V. Grossman; manipulation of communication; *Life and Fate*; pragmatics of questions; dialogue.

The author focuses on the linguistic forms of a confrontation between heroes of the novel *Life and Fate* by V. Grossman and the so-called “Newspeak” of the Soviet Era. The main idea is that it is not only the author’s own speech but also the speech of his characters that conveys the invincibility of the human desire for freedom. The study describes the different communicative approaches represented in Grossman’s novel. The author does not provide a stylistic analysis, but a linguistic one, trying to distinguish between manipulative and non-manipulative communication. So, the methodological approach of this study is a linguistic one, and its first presents the author’s arguments, explaining the importance of using linguistic analysis for *Life and Fate.* The study begins with a short analysis of the main characteristics of totalitarian communication (perlocutionary effect of the word, changes in word’s refer-

ence, reduction of polysemy, logocracy and label-words, censorship, denunciation and self-denunciation) and then shows two types of anti-totalitarian speech represented in the novel as well. The first one is a reactive linguistic resistance, expressed by everyday, non-ideological and colloquial conversation, on the one hand, and a more or less evident struggle against ideological euphemisms, on the other hand. The second type of anti-totalitarian speech is the so called language of life and freedom (in Grossman's thought these are two sides of one reality). Linguistic forms of free live communication are the following: 1) a word as a linguistic act of denial, acquiring a huge affirmative force in these situations; 2) free and intellectual dialogue; 3) the author's comments; 4) questions, in which the author is primarily focusing on do-issues of a surprised statement and problem questions that do not suppose any obvious answer. The article analyzes the four forms, and numerous examples show that in the novel they express a positive idea that the free human nature does not change even in a totalitarian society. The linguistic analysis points out the relationship between the linguistic form of questions and the theme of freedom in Grossman's novel.

REFERENCES

1. Rigotti, E. & Cigada, S. (2006) *La comunicazione verbale* [The verbal communication]. Milan: Apogeo.
2. Głowiński, M. (1991) *Nowomowa po polsku* [The newspeak in Polish]. Warsaw: Wyd. PEN.
3. Klemperer, V. (1975) *LTI. Notizbuch eines Philologen* [LTI. Notebook of a philologist]. Leipzig: Reclam Verlag.
4. Kupina, N.A. (1995) *Totalitarnyy yazyk. Slovar' i rechevye reaktsii* [Totalitarian language. Dictionary and speech reactions]. Ekaterinburg; Perm: Ural State University; ZUUNTs.
5. Young, J.W. (1991) *Totalitarian Language: Orwell's Newspeak and its Nazi and Communist Antecedents*. Charlottesville: University Press of Virginia.
6. Sarnov, V. (2002) *Nash sovetskiy novoyaz. Malen'kaya entsiklopediya real'nogo sotsializma* [Our Soviet newspeak. A small encyclopedia of real socialism]. Moscow: Materik.
7. Weiss, D. (1986) Was ist neu am "Newspeak"? Reflexionen zur Sprache der Politik der Sowjetunion [What is new on "Newspeak"? Reflections on the language of the Soviet Union policy]. In: Rathmayr, R. (ed.) *Slavistische Linguistik 1985* [Slavic Linguistics 1985]. Munich: Otto Sagner Verlag.
8. Bonola, A. (2007) Discorso totalitario e dissenso linguistico in Vita e destino di Vasilij Grossman [Totalitarian Discourse and Language Discourse in "Life and Fate" by Vasily Grossman]. In: Maddalena, G. & Tosco, P. (eds) *Il romanzo della libertà. Vasilij Grossman tra i classici del XX secolo* [The novel of freedom. Vasily Grossman among the classics of the twentieth century]. Rubbettino: Soveria Mannelli.
9. Austin, J. (1962) *How to do things with words*. Oxford: Clarendon Press.
10. Besançon, A. (1976) *Court traité de soviétologie à l'usage des autorités civiles, militaires et religieuses* [Short treatise on sovietology for the use of civil, military and religious authorities]. Paris: Hachette.
11. Arendt, H. (1989) *Le origini del totalitarismo* [The origin of totalitarianism]. Milano: Edizioni di Comunità.
12. Thom, F. (1989) *Newspeak. The Language of Soviet Communism*. London; Lexington: The Claridge Press.
13. Seriot, P. (1985) *Analyse du discours politique soviétique* [Analysis of the Soviet political discourse]. Paris: Institut d'Etudes slaves.
14. Kupina, N.A. (1999) *Yazykovoe soprotivlenie v kontekste totalitarnoy kul'tury* [Language resistance in the context of totalitarian culture]. Ekaterinburg: Ural State University.
15. Wierzbicka, A. (1993) Antitotalitarnyy yazyk v Pol'she: mekhanizmy samooborony [Antitotalitarian language in Poland: mechanisms of self-defense]. *Voprosy yazykoznaniya*. 4/4. pp. 37–53.
16. Bonola, A. (2011) Forza chiara e libera della parola. Forme linguistiche in Vita e Destino [Clear and free strength of the word. Linguistic Forms in Life and Fate]. In: Tosco, P. (ed.) *L'umano nell'uomo. Vasilij Grossman fra ideologie e domande eterne* [Human in man. Vasily Grossman among ideologies and eternal questions].
17. Gobber, G. (1999) *Pragmatica delle frasi interrogative. Con applicazioni al tedesco, al polacco e al russo* [Pragmatics of interrogative phrases. With applications to German, Polish and Russian]. Milan: ISU-Università Cattolica.
18. Paducheva, E.V. (1986) Question-answer correspondence. In: Mey, L. (ed.) *Language and discrourse: test and protest. A Festschrift for Petr Sgall*. Amsterdam: Benjamins.
19. Gobber, G. (2011) Una nota sul contenuto proposizionale delle domande [A note on the propositional content of the questions]. *Analisi Linguistica e Letteraria*. XIX/1. pp. 7–32.
20. Rathmayr, R. (1985) *Die russischen Partikeln als Pragmalexeme* [The Russian particles as pragmalexemes]. Munich: Otto Sagner.
21. Bonola, A. (2006) Le particelle come manifestazioni del connettivo nella lingua russa (con esempi da Il giocatore – Igrok – di F.M. Dostoevskij) [Particles as manifestations of the connective in Russian (with examples from The Player by F.M. Dostoevsky)]. In: Gobber, G. & Cigada, S. (eds) *Sýndesmoi. Connettivi nella realtà del testo* [Sýndesmoi. Connected to the reality of the text]. Milan: Vita e Pensiero.

Received: 18 June 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 23–28. DOI: 10.17223/15617793/420/3

УДК 81

Т.В. Григорьева

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ОЦЕНОЧНОГО ЗНАЧЕНИЯ И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ

Рассматривается одна из моделей развития оценочного значения – функциональная. С опорой на данные современных толковых словарей, а также художественные и публицистические тексты Национального корпуса русского языка автор описывает особенности представления этой модели на примере «работы» трех оппозиций: ‘глубокий – поверхностный’, ‘острый – тупой’, ‘полный – пустой’, в которых функциональность имеет разное ценностное наполнение и по-разному направляет развитие оценочной семантики.

Ключевые слова: оппозиция; семантический; метафорическое значение; глубокий; поверхностный; острый; тупой; полный; пустой.

Одним из способов изучения развития семантики слов в современной лингвистике является использование разнообразных моделей, упрощающих понимание сложных семантических процессов (см., напр.: [1]). Модели помогают описать самые разные явления семантики от представления знаний в сознании человека до отражения их в структуре многозначного слова. В своем исследовании я применяю модель в качестве лингвистического инструмента, позволяющего схематично представить процесс семантических изменений и помогающего понять особенности развития оценочной семантики.

Материалом для исследования послужили метафорические оппозиции, основанные на перцептивных признаках и служащие в языковом коллективе для оценки умопостигаемых явлений (например: ‘острый – тупой’, ‘ясный – тусклый’). Такие оппозиции содержат информацию о значимости тех или иных признаков для человека, поэтому являются мировоззренческой системой координат, направляющих оценочную деятельность человека.

Ведущим методом исследования, подчиняющим себе все остальные, является анализ сочетаемости языковых репрезентантов оппозиции. Он позволяет «увидеть» значимые свойства оппозиции и понять закономерности появления оценочных значений. Мы используем когнитивный подход к сочетаемости, представленный в работах А. Вежбицкой, Е.В. Рахилиной, Л.О. Чернейко и базирующийся на том, что сочетаемость имен не случайна и не свободна – она отражает некоторые их существенные, глубинные характеристики, связанные с образами конкретных предметов в естественном языке; сочетаемостные характеристики не существуют сами по себе: они «мотивированы содержательными, т.е. семантическими, свойствами» [2. С. 12].

Лексемы, именующие компоненты рассматриваемых оппозиций, при метафоризации становятся «вещными» сущностями – словами, обозначающими единицы вещного мира и их свойства – в их несобственно вторичных знаковых функциях» [3. С. 213]. Они являются символами, знаками, в которых воплощены ценностные смыслы, накопленные в процессе освоения мира человеком. Изучение закономерностей вторичного знакового переосмысления таких явлений на конкретном языковом материале поможет понять действие универсального механизма, ставшего «когнитивным достижением здравого смысла в освоении непредметных сущностей» [4. С. 109].

Анализ языковых единиц исследуемых оппозиций, представленных в толковых словарях [5] и в Национальном корпусе русского языка [6], показал, что в основе их оценочного семантического развития лежат разные модели. Для одних оппозиций процесс появления оценочных значений связан с выделением доминантных компонентов первичной семантики и переносом их с трансформацией в другие эмпирически не постигаемые сферы: эмоциональную, гносеологическую, религиозную, этическую и др. (‘свет – тьма’, ‘чистый – грязный’). Такую модель семантического развития и сами оппозиции предлагаем назвать полисферическими. Для других появление оценки продиктовано экспериенциальной природой признака, отражающей нефизическую комфортность / некомфортность субъекта в различных умственно постигаемых сферах (‘легкий – тяжелый’, ‘горячий – холодный’). Для такой модели семантического развития и самих оппозиций используем термин «экспериенциальные». Для третьих важным при оценке является функциональная пригодность / непригодность признака, лежащего в основе оппозиции (‘глубокий – поверхностный’, ‘полный – пустой’). Такую модель семантического развития и сами оппозиции можно назвать функциональными. Каждая из представленных семантических моделей имеет свои нюансы.

Рассмотрим подробнее функциональную модель, объединяющую такие оппозиции, как ‘широкий – узкий’, ‘глубокий – поверхностный’, ‘глубокий – мелкий’, ‘острый – тупой’, ‘полный – пустой’ и др., которые в своей семантике отражают функциональные особенности признаков и отношение коллектива к их «работе». Описываемая модель по-разному демонстрирует функциональную направленность признаков, формирующих оппозиции. Покажем функциональный механизм на примере трех оппозиций, имеющих разную перцептивную природу: ‘глубокий – поверхностный’, ‘острый – тупой’ и ‘полный – пустой’.

Для оппозиции ‘глубокий – поверхностный’, которую относят к пространственным (см. напр.: [7]), главной для развития оценочной семантики является функциональная пригодность формы объекта-контейнера: «чем глубже объект, тем он больше, полнее и, следовательно, лучше», «чем глубже человек в него проникает, тем полнее, т.е. в большей мере (и, значит,

опять-таки лучше) он его охватывает, использует» [2. С. 130]: *Это была любовь к артисту, в жизни которого случилось несколько настоящих больших ролей. Глубоких. Мощных*. «Домовой», 2002; *Просто необходимо спокойно и внимательно прочесть такую пьесу, попытаться войти в её мир, почувствовать её глубину*. «Известия», 2003; *Разумеется, обвинения в поверхностности не могли прийтись по вкусу ведомству, претендующему на звание интеллектуального штаба реформ*. «Независимая газета», 2003; *Описания природы у Тургенева она пропускала, находя их поверхностными*. А. Солженицын.

Анализ оценочных значений языковых единиц оппозиции ‘глубокий – поверхностный’ показывает, что основная сфера, в которой происходит метафоризация оппозиции, – гносеологическая. Эту не поддающуюся непосредственному восприятию сферу человек интерпретирует и описывает через знаки более знакомой и понятной предметной области: «нефизическое концептуализируется в терминах физического» [8. С. 96].

Оценочная семантика у языковых единиц компонентов ‘глубокий’ и ‘поверхностный’ развивается симметрично, что позволяет говорить о равной ценностной значимости признаков для языкового коллектива. Главным элементом прототипической ситуации, участвующим в процессе метафоризации признаков ‘глубокий’ и ‘поверхностный’, является контейнер определенного размера, который помогает осмыслить объекты гносеологической сферы, изначально не принадлежащие к топологическому классу «контейнер», но воспринимаемые человеком как емкости, имеющие определенный размер. К таким емкостям в русском языке относятся:

1) «результаты мыслительной деятельности» – мысль, суждение, идея, замысел, знание, содержание, смысл и др. (*Есть не только откровение Бога в человеке, но откровение человека в Боге, Христианство имеет и более глубокий, сокровенный смысл*. Н. Бердяев; *И в этой радости, освещённой глубокой мыслью и благородным чувством, была тайна его обаяния*. К. Чуковский; *Только на кафедре философии моё поверхностное и весьма приблизительное знание соответствующей терминологии вкупе с физтеховским нахальством не сработали*. (За науку. 2014));

2) «продукты умственной и др. гносеологической деятельности» – произведение, текст, статья, экскурс, работа, диссертация и др. (*И с трудом достал книгу «Мужчина и женщина», том второй. Очень глубокая книга*. И. Грекова; *Он выступил в болезнь незрелым иконописцем, он вышел из болезни созревшим, его иконы стали иные, зрелые, глубокие*. Митрополит Антоний (Блум). *Все последние пьесы его отличаются, чем бы ты думала? Силою и глубиною!* С. Бочаров; *Диссертацию его не допустили к защите, посчитав вздорной, путаной, поверхностной, в целом – антинаучной* (Русская жизнь. 2012));

3) «процессы мыслительной деятельности, переработки информации» – проработка проблемы, анализ, понимание, порыв, понимание, подход и др. (*Живая наблюдательность искрилась в них; нежная любовь к русскому человеку и глубокое понимание его милых и оригинальных свойств проникали их*. (А. Кони); *Процесс воцерковления в сегодняшней России оказывается в значительной мере поверхностным* (Эксперт. 2013));

4) «субъекты познавательной деятельности» – натура, личность, психотерапевт и др. (*Прислушиваясь к беседам Короленко с Тарле, я впервые увидел, каким глубоким знатоком старины был Владимир Галактионович* (К. Чуковский); *Нужно сказать, что странного и загадочного во всех действиях Арчибальда Арчибальдовича вовсе не было и странными такие действия мог бы счесть лишь наблюдатель поверхностный* (М. Булгаков));

5) «инструменты для переработки информации» – ум (*У него был оригинальный, странный, видимо, глубокий ум, но он был мелок в житейских делах, – всегда тревожился, что ему дали меньше, хуже, чем другим, что ему сократили прогулку, что во время прогулки кто-то ел его сухари* (В. Гроссман); *Ум поверхностный и неприлежный или ум, удаленный от науки, объяснит вам, что привыкание к очкам в том проявляется, что вынужденный к ношению их уже не берется за чтение или письмо, не вооружась вспомогательными сими стеклами* (Ю. Даниэль)).

Результаты и продукты гносеологической деятельности мыслятся как некие емкости, и чем глубже они, тем больше всего: знаний, информации и под. – вмещают в себя, и это оценивается языковым сообществом положительно; если же они неглубокие, близкие к поверхности, они мало могут вместить, и это плохо. Процесс познавательной деятельности предстает как погружение в глубокую емкость для получения гносеологической информации – и чем глубже это погружение, тем лучше. Субъект познавательной деятельности является создателем результатов и продуктов гносеологической деятельности. Можно выделить два вида таких субъектов:

1) люди, способные / не способные глубоко понимать, познавать, перерабатывать поступающую информацию, проникать в суть вещей (*глубокая / поверхностная натура, глубокая / поверхностная личность, глубокий / поверхностный человек* и под. – *В момент любого кризиса нужно стремиться к тому, чтобы ощутить индивидуальность своего пути, которого не знает никто – ни один психотерапевт, какой бы он ни был глубокий и знающий, ни один друг* (Домовой. 2002); *Поверхностный любитель «восточной мудрости» может еще порассуждать о «карме»…* (Русская жизнь. 2012));

2) люди, создающие глубокие / неглубокие творения, произведения (*глубокий / поверхностный художник, глубокий / поверхностный артист, глубокий / поверхностный исследователь* и под. – *Стихи его, посвящённые истории, совсем иные, они написаны ещё при свете исторического дня. Но Тютчев глубже, чем думают. Он – вещее явление* (Н. Бердяев); *Лейбль не поверхностный художник, изображающий жанровые сценки, – его скромные герои всегда наделены яркими личностными характеристиками* (Культура и искусство)).

Итак, компоненты оппозиции ‘глубокий – поверхностный’, в основе метафорической картины которой лежит функциональность емкостной формы объекта, описывают гносеологическую сферу. Сочетаясь с

лексемами, обозначающими «результаты», «продукты», «процессы», «субъектов» и «инструменты» познавательной деятельности, языковые единицы оппозиции помогают «оформить» умственно ощущаемую, зрительно не воспринимаемую сферу и передают устоявшиеся и уже не осознаваемые представления о явлениях гносеологической сферы как о неких емкостях, которые чем глубже, тем больше вмещают познавательной информации и тем более ценными являются.

Для оппозиции ‘острый – тупой’ главными при развитии оценочной семантики становятся функциональная успешность предмета-инструмента и реакция субъекта, который воспринимает действия этого инструмента: *острый взгляд, слух, острое зрение* – «такое, которое наилучшим образом выполняет свои функции»; *притупленный взгляд, обоняние* – «такое, которое стало хуже выполнять свои основные функции». Слух, взгляд, зрение, обоняние и другие чувства и способности выступают в качестве инструментов, которые в остром состоянии качественно выполняют свои функции и положительно оцениваются языковым сообществом (*острый слух* – «хороший слух»), а в притупившемся состоянии, как правило, – отрицательно (*притупившийся взгляд* – «не способный все увидеть»).

Следует отметить, что контексты метафорического употребления языковых представителей компонентов оппозиции несимметричны: *острая память*, но не *тупая*, а *притупившаяся память* или *память притупилась*. Отсутствие контекстов типа **тупые слух, память* и т.д. можно связать с тем, что признак ‘тупой’ характеризует неспособность инструмента выполнять свои основные функции (*нож не режет – он тупой*), а слух, зрение и другие органы восприятия, не будучи в остром состоянии, продолжают выполнять свои функции, но не в полной мере, что находит отражение в сочетаемости, смягчающей оценку: *притупившиеся чувства.*

Главные сферы, которые описывает данная оппозиция как оценочный маркер в русском языке, – гносеологическая, отражающая интеллектуальные и познавательные способности человека, и эмоциональная, связанная с проявлением чувств. Однако характер метафоризации в этих сферах различается.

При осмыслении гносеологической сферы компоненты ‘острый’ и ‘тупой’ оценивают объекты интеллектуальной деятельности (*острые / тупые слово, высказывание, текст, шутка*, *статья, передача*), средство создания этой деятельности (*острый язык*) или самого субъекта (*тупой человек*). Они с разных сторон высвечивают участников перцептивной ситуации. В зоне ‘острый’ субъект предстает как наделенный способностью создавать объекты интеллектуальной деятельности и умело пользоваться ими, как острым оружием, что хорошо его характеризует (*Павлу Алексеевичу всегда нравилась острота и бесстрашие мысли его друга...* (Л. Улицкая)). У адресата же этой деятельности данные объекты могут вызывать неприятную, болезненную реакцию, ранить его (*Интеллигенция тут же сочинила злую остроту насчёт очередной «утечки» мозгов* (Г. Горин)). В зоне ‘тупой’ субъект интеллектуальной деятельности оценивается как не обладающий достаточными умственными способностями (*тупой ученик, тупица, тупоголовый, тупоумный*) для создания осмысленного, интересного, содержательного продукта, результата этой деятельности (*Включила телевизор. Передавали какую-то тупую игру. Тупой текст наполнял комнату* (В. Токарева)), это может выражаться и внешне (*тупые взгляд, выражение лица, улыбка*), и во внутренних качествах (*тупое самодовольство, высокомерие, упрямство*). При описании гносеологической сферы проявляется именно аксиологическая природа оппозиции – ее компоненты становятся символами: ‘острый’ – символом хороших умственных способностей – умения чувствовать ситуацию и отражать ее в своем интеллектуальном произведении (слове, тексте и т.п.), хотя и вызывая в адресате не всегда приятные чувства; ‘тупой’ – символом недостаточной развитости умственных способностей или неумения их продемонстрировать в данной ситуации.

При интерпретации эмоциональной сферы компоненты оппозиции выступают как самостоятельные единицы, реализуя каждый свои собственные перцептивные признаки, не в составе оценочной оппозиции, и в своей семантике отражают особенности восприятия человеком внутреннего состояния (*острое любопытство, болезнь обострилась, тупая обида*) или внешнего события (*острый матч*), нашедшего отклик в его эмоциональном мире. При описании процессов, происходящих внутри человека, часто передается субъективное усиление этого процесса или состояния (*острая ненависть*), при этом оценочность уходит на второй план, уступая место интенсивности. Однако в контекстах с лексемой *тупой* типа *тупое отчаяние*, в которых интенсивность не выражается, в определённой степени проявляется оценка (ср.: *почувствовать приятную / тупую усталость*).

Характеризуя в целом оценочную работу компонентов оппозиции ‘острый – тупой’, важно заметить, что участвуют они в этой работе по-разному, высвечивая разное восприятие острого и тупого языковым сообществом. Так, для ‘острого’ определяющими являются следующие признаки:

– выполнение главной функции (*острые слух, чутье*);

– умелое использование умственно-коммуникативных способностей и в результате необходимое воздействие на адресата (*острые слово, высказывание, текст, шутка, статья, передача, язык*);

– воздействие на адресата, вызывающее эмоциональную реакцию (*острые борьба, игра, спор, беседа, интервью*).

Для ‘тупого’:

– характеристика субъекта как не обладающего достаточными умственными способностями (*тупой человек, туп как валенок, тупоумный*), что проявляется в результатах интеллектуальной деятельности (*тупые слово, высказывание, текст, шутка*), внешне (*тупой взгляд, выражение лица*), во внутренних качествах (*тупое самодовольство, высокомерие*);

– ограничение функциональных возможностей (*тупые усталость, терпение, молчание*).

Таким образом, компоненты ‘острый’ и ‘тупой’, будучи в составе **единой** оппозиции, описывая **общую** прототипическую ситуацию, в оценочной деятельности по-разному отражают ее. Компонент ‘острый’ подчеркивает функциональную успешность и (или) реакцию воспринимающего лица (*острая память, острая шутка*), а ‘тупой’ характеризует либо субъекта с точки зрения воспринимающего его действия лица (через отрицательную оценку этих действий – *тупица, тупой анекдот*), либо состояние субъекта как ограничивающее его функциональные возможности с его личной точки зрения (*тупая усталость, тупо лежать*).

Метафорическое развитие оппозиции ‘полный – пустой’ определяет функциональная пригодность / непригодность предмета-контейнера и реакция субъекта, который воспринимает рациональность использования этого вместилища. При метафоризации признаков ‘полный’ и ‘пустой’ участвуют два элемента прототипической ситуации – контейнер (Х) и его содержимое (У), которые помогают осмыслить объекты, изначально не принадлежащие к топологическому классу «контейнер», но воспринимаемые человеком как имеющие свойства контейнера содержать в себе что-то. При этом важно отметить, что компоненты оппозиции, отражая единую прототипическую ситуацию, неодинаково участвуют в оценочном осмыслении действительности, отражая разные, несимметричные аксиологические приоритеты языкового коллектива.

Признак ‘полный’ в метафорическом употреблении реализуется в прототипической конструкции «*Х полный (наполниться) У*», в которой одинаково важны оба участника – и сам контейнер, и его содержимое: ср. *Счастье переполняло его душу*. Контейнером могут выступать:

– человек и его сердце, душа, глаза, взгляд и др. (*Её маска «белой дьяволицы» вдруг растворялась, оставались нарумяненные щёки и незабываемый взгляд бесцветных полных жизни глаз* (В. Крейд));

– речевые продукты – слова, речь, фразы, текст и т.п. (*Не должна ли быть истинная философия объяснением в любви влюбленных? О, тогда поймут друг друга, тогда все слова будут полны реального содержания и смысла* (Н. Бердяев); *Тот Гай Юлий был полон великих надежд*… (С. Смирнов));

– интеллектуальные процессы – объяснение, ответ, описание и др. (*В философии онтология изучает абстрактные и общие категории, такие как бытие, субстанция, причина, действие, явление и т.д., и как наука претендует на полное объяснение причин всех явлений* (Информационные технологии. 2004));

– результаты умственной и творческой деятельности – книги, фильмы, постановки и т.п. (*Или написали мемуары, полные раскаяния и покаяния?* (Завтра. 2003)).

Содержимым контейнера могут быть разные в оценочном отношении явления – эмоции, состояния, результаты физического или умственного труда и др.: *глаза полны ужаса*; *взгляд, полный ненависти и злобы* [5]. И знак оценки самого предложения будет зависеть от оценочности этого содержимого; в таких контекстах нельзя вести речь о фиксированной, устоявшейся оценке, закрепленной за рассматриваемым компонентом оппозиции. Поэтому и словари не отмечают у слов, выражающих признак ‘полный’, оценочных значений.

Похожая ситуация наблюдается при анализе метафорического значения, реализующегося в конструкции «*полный* Х», в которой один участник – контейнер, как бы заполняющий собой само содержание [9. С. 114]: *полная победа; полная неудача*. Контейнерами в таких метафорических контекстах выступают как градуированные (счастье, деградация), так и неградуированные (выигрыш, провал) явления, которые мыслятся как проявляющиеся абсолютно, заполняя собой контейнер полностью и представляя его содержание. И характер оценки таких контекстов, как и в предыдущей конструкции, зависит от Х (=У): *А если рядом море и солнце встаёт каждый день – это уже полное счастье и благополучие* (А. Дорофеев); *Именно такой срок займёт полная деградация римской военной машины*… (С. Смирнов). Не случайно такого рода метафорические выражения исследователи называют квазиоценочными [10. С. 62] или говорят о вымывании значения прилагательного и превращении его в лексическую функцию Magn (см., напр.: [9. С. 115]).

При этом стоит отметить, что есть контексты, в которых языковые единицы, выражающие признак ‘полный’, содержат оценочные семы, например: *живет полной жизнью, наполненной жизнью*. В них в качестве контейнера выступает мысленно постигаемый объект – жизнь, который должен иметь определенное прототипическое содержание – цели, мечты, увлечения, интересные дела и т.п. – и если такое содержание есть, языковой коллектив этот «контейнер» положительно оценивает, если нет – отрицательно: ср. *Ныне они с женой ведут никчёмную, пустую жизнь, но так довольны собой и своей жизнью и той великой работой, которую исполняют, что видеть это невыносимо противно* (В. Астафьев).

Признак ‘пустой’ в метафорическом употреблении реализуется в конструкции «*пустой Х*», в которой эксплицируется один элемент ситуации – контейнер, которому уподобляется нечто, протипически не являющееся контейнером, но осмысляемое языковым коллективом как призванное иметь определенное содержание: *пустые слова*. Причем содержание (У) этого контейнера (Х) в конструкции не выражено, но имплицитно тоже присутствует в качестве пресуппозиции, позволяющей домыслить функциональное предназначение описанного объекта, которое он не выполняет, что делает его функционально непригодным, а значит, в понимании коллектива, плохим. Так, голова является «контейнером» для мыслей, сердце – для чувств, эмоций: *Голова не то что болела, а была какая-то совсем пустая, гремучая* (Ю. Домбровский); *Пустое сердце бьется ровно, В руке не дрогнул пистолет* (М. Лермонтов). Для речевых актов «содержанием» является значение, смысл: *Исчезали некоторые абсурдные и пустые формулировки, появлялись разумные идеи* (М. Кронгауз). Для действия «содержанием» является его результат: *Если бы удалось вернуться домой… Пустые мечты…* (В. Крейд).

Итак, компоненты оппозиции ‘полный – пустой’ при метафоризации играют разную «ценностную» роль в представлении прототипической ситуации – контейнера и его содержимого: первый компонент является нейтральным «проводником» некоего содержания, усиливающим его оценочность; второй компонент указывает на функциональную непригодность контейнера и служит его оценочным маркером.

Таким образом, функциональность является важным фактором, направляющим развитие оценочности слов и позволяющим говорить о единой семантической модели, объединяющей разнотипные оппозиции, в основе метафоризации которых доминирует функциональная значимость признака, заложенная в прототипической ситуации. Эти оппозиции, хотя и имеют разную перцептивную природу, отражают похожий механизм оценочной концептуализации. В метафорической сочетаемости языковых единиц функциональных оппозиций содержится информация о том, какие признаки важны для языкового коллектива с точки зрения реализации их функционального предназначения и как именно они могут быть использованы в оценочной деятельности человека. В их семантике хранятся устоявшиеся представления о том, для «опредмечивания» каких умственно постигаемых объектов предназначены (необходимы) функциональные возможности признаков, на которых базируются данные оппозиции, и какую информацию о прототипической ситуации они передают этим объектам. Компоненты оппозиций асимметричны в оценочном поведении – положительный компонент развивает дополнительную интенсифицирующую семантику при интерпретации определенных нефизических объектов, демонстрируя разную когнитивную природу высшей степени проявления признака, ср.: глубокий усиливает чувства, которые находятся внутри человека, на большой глубине (*глубокая ненависть, глубокое счастье*); полный – градуированные (*полное счастье, полная деградация*) и неградуированные (*полный выигрыш, провал*) явления, которые мыслятся как проявляющиеся абсолютно, заполняя собой контейнер полностью и представляя его содержание; острый – состояния, процессы, события и т.п., которые воспринимаются как достигшие пика проявления интенсивности и воздействующие на человека с максимальной силой (*острая ненависть, острый интерес*). Отрицательный компонент, как правило, последовательно выполняет работу оценочного маркера (*поверхностные эмоции, пустой взгляд, тупая обида*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М. : Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
2. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М. : Азбуковник, 2010. 448 с.
3. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М. : Знак, 2008. 656 с.
4. Рябцева Н.К. Размер и количество в языковой картине мира // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 109–116.
5. Большой толковый словарь русского языка / ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
6. Национальный корпус русского языка. URL: http://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 21.09.2016).
7. Мухачева А.М. Пространственные метафоры как фрагмент языковой картины мира : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2003. 299 с.
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. ; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
9. Холкина Л.С. Качественные признаки в китайской лексике: опыт типологического описания : дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 357 с.
10. Вольф Е.М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. М. : Наука, 1988. С. 52–65.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 19 июня 2017 г.

THE FUNCTIONAL MODEL OF THE EVALUATIVE MEANING DEVELOPMENT AND ITS PECULIARITIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 23–28.
DOI: 10.17223/15617793/420/3

Tatiana V. Grigorieva, Bashkir State University (Ufa, Russian Federation). E-mail: tagrig8@mail.ru

Keywords: opposition; axiological; evaluative meaning; function; model.

The article describes one of the models of evaluative meaning development – the functional model. The object of research is binary oppositions: pairs of opposite concepts reflecting objective reality phenomena, their parameters and properties, and used as a metaphor by a language community to evaluate non-physical spheres of human activity. Based on the data of Russian explanatory dictionaries and texts containing language units of the opposition from the Russian National Corpus, the author describes the features of the functional model on the example of three functional binary oppositions: ‘deep – shallow’, ‘sharp – blunt’, ‘full – empty’. In these oppositions, functionality has a different value content and directs the development of evaluative semantics in different ways. So, for the first opposition the functional use of the shape of the object container is important in evaluation. Combining with lexemes that indicate “results”, “products”, “processes”, “subjects” and “tools” of cognitive activity, language units of the opposition help to “shape” the phenomenon of the mentally perceived epistemological sphere and express the fixed representations of them as containers: the deeper they are, the more cognitive information they contain and the more valuable they are. For the opposition ’sharp – blunt’, the functional success of the tool-object and the reaction of the subject who perceives the action of the tool are essential in the development of evaluative semantics. Components describing the general prototypical situation reflect its evaluated activity differently. ’Sharp’ emphasizes the functional success and (or) the reaction of the perceiving person, and ’blunt’ characterizes either the subject in terms of a person perceiving their actions or the state of the subject as limiting their functionality from their personal point of view. The metaphorical development of opposition ’full – empty’ is determined by the functional suitability / unsuitability of the container object and the reaction of the subject who perceives the rationality of using containers. Components of the opposition play different “value” role in the representation of the prototypical situation – the container and its contents: the first component is a neutral “conductor” of content enhancing its value; the second component indicates the functional unsuitability of a container and is an

evaluative marker. Analysis of linguistic units compatibility within oppositions showed that despite the fact that they (oppositions) have a different perceptive nature, they reflect a similar mechanism of evaluative conceptualization. Their meanings represent long-held ideas on what kind of mentally comprehended objects can be "objectivized" by the functional features the oppositions are based on, and what information about the prototypical situation these features transfer to the objects.

REFERENCES

1. Kustova, G.I. (2004) *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of derived values and mechanisms of language expansion]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
2. Rakhilina, E.V. (2010) *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost'* [Cognitive analysis of subject names: semantics and compatibility]. Moscow: Azbukovnik.
3. Baranov, A.N. & Dobrovol'skiy, D.O. (2008) *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology]. Moscow: Znak.
4. Ryabtseva, N.K. (2000) Razmer i kolichestvo v yazykovoy kartine mira [Size and quantity in the language picture of the world]. In: Arutyunova, N.D. & Levontina, I.B. (eds) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki prostranstv* [Logical analysis of the language. Languages of spaces]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
5. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Great explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint.
6. Russian National Corpus. [Online] Available from: http://ruscorpora.ru/. (Accessed: 21.09.2016).
7. Mukhacheva, A.M. (2003) *Prostranstvennye metafory kak fragment yazykovoy kartiny mira* [Spatial metaphors as a fragment of the linguistic picture of the world]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
8. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004) *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Translated from English by A.N. Baranov. Moscow: Editorial URSS.
9. Kholkina, L.S. (2014) *Kachestvennye priznaki v kitayskoy leksike: opyt tipologicheskogo opisaniya* [Qualitative features in Chinese vocabulary: the experience of typological description]. Philology Cand. Diss. Moscow.
10. Vol'f, E.M. (1988) Metafora i otsenka [Metaphor and evaluation]. In: Teliya, V.N. (ed.) *Metafora v yazyke i tekste* [Metaphor in language and text]. Moscow: Nauka.

Received: 19 June 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 29–37. DOI: 10.17223/15617793/420/4

УДК 81’37:81’282(470.345)

Л.Н. Денисова, А.Ю. Маслова, Т.И. Мочалова

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА «ЖИЛЬЕ» В РУССКИХ ГОВОРАХ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

На материале русских говоров Республики Мордовия рассматриваются лексические и фразеологические единицы, связанные с наименованиями дома и его частей. В статье представлен лексико-семантический анализ понятийного поля изба, жилье: обозначаются номинации, характеризующие жилье по размеру, функциональной принадлежности, описывается материал, из которого возводилось жилище, отмечаются особенности внутреннего устройства и планировки помещений.
Ключевые слова: русские говоры; жилье; дом; значение; диалектоноситель; синонимический ряд; диалектный.

В рамках современной антропоцентрической парадигмы особую значимость приобретает сохранение народного слова. Как отмечает Е.В. Брысина, «диалект, являясь формой резервирования и трансляции этнокультурной информации, с удивительной точностью и полнотой вбирает в себя специфические черты истории и культуры того или иного этноса, вербализуя в языковом знаке обобщенную информацию о его прошлом и настоящем» [1]. В жизни сельского жителя особое место занимает строительство дома, так как крестьянин обычно строит жилище для своей семьи сам, соблюдая традиции, обычаи. Особенности возведения дома, функционирование различных построек неразрывно связаны с историей, бытом, культурой народа, проживающего на определенной территории.

Изба – русский крестьянский дом – обладает этнокультурной значимостью, поскольку является средоточием и материальной, и духовной культуры русских как представителей значительной части этноса России. К изучению номинаций жилья на диалектном материале был проявлен исследовательский интерес (см., напр.: [2–6] и др.). Отметим, что именно изучение материала различных говоров позволяет описать диалектную картину мира и представить ее во всем территориальном многообразии. Поэтому изучение понятийного поля с архисемой *изба*, *жилье* в русских говорах Мордовии приблизит исследователей к пониманию особенностей культурно-исторического развития русского населения Республики Мордовия и даст возможность составить более полную картину представлений о народной жизни.

В данной работе остановимся на рассмотрении понятийного поля *изба*, *жилье*, которое структурировано рядом микрополей, характеризующихся семантическим разнообразием. Исследование проводится на материале «Словаря русских говоров на территории Республики Мордовия» [7], в котором зафиксировано 647 лексических и фразеологических единиц рассматриваемого семантического поля.

На территории Республики Мордовия традиционное жилище русских представляло собой сложный комплекс взаимосвязанных элементов: жилой дом, хозяйственные постройки и земельный участок, на котором они расположены [8. С. 57]. Интерес для лексико-семантического анализа понятийного поля *изба, жилье* представляют отраженные в номинациях построек материал, из которого возводилось жилище, собственно этапы его строительства, дополнительные пристройки, особенности внутреннего устройства и планировки помещений; номинации, характеризующие жилье по размеру, функциональной принадлежности.

Характеристика жилья по признаку «новый–старый». В русских говорах Мордовии зафиксировано значительное количество лексем, обозначающих наименование жилого дома. Основу их составляет синонимический ряд с архисемой ‘изба, жилье’: *домовьё, дым, жилянка, кордон, кутор, перт*. Например: *Вот на етим парятки третий кардон на ту сторъну и будит ихний* (Енгалычево, Дубенский р-н).

Несмотря на то, что в сельской местности доходов практически не было, крестьяне старались постоянно уделять внимание своему дому: ремонтировали его, при необходимости перестраивали или строили вновь. В исследуемых говорах зафиксировано лишь несколько наименований *тырлы'га*, *кильди'м*, которые имеют значение ‘ветхая, почти развалившаяся изба, лачуга’: *И жывёт он ф кильдими-тъ, взял бы и пиришол в новый дом* (Гордеевка, Ельниковский р-н). Причем такие лексические единицы нередко используются с пометой «неодобрительное»: *Дъ рази бы харошъй мужык стал бы ф такой тырлыги жыть, он бы как никак, а пастроилси* (Кергуды, Ичалковский р-н). Определения *кильди'мый, карагатый* обозначают ветхий, полуразрушенный (дом): *Таперь кильдимых хат нет уш у нас* (Булаево, Темниковский р-н).

Во второй половине XX в. жизнь народа постепенно улучшается; русские, проживающие на территории Мордовии, начинают возводить новые жилища, например: *Сицас фсе дама пънастроили, клуний уш нет* (Старая Фёдоровка, Старошайговский р-н). *В нашъм силе сичяс уш нет кельиф, у фсех бальшыи дама* (Пятина, Ромодановский р-н). Причем нередко рядом с построенными домами могли существовать и старые, используемые в качестве жилых или хозяйственных помещений, ср.: *Новый дом паставили, а зъсыпушку сламали* (Муравлянка, Ельниковский р-н); *В зъсыпушки сами стали жыть, пусть ани в даму-тъ* (Новые Русские Пошаты, Ельниковский р-н). Как видим, оппозиция «новый–старый» представлена с нулевым компонентом, поскольку специальные номинации для нового жилья отсутствуют; факты новых построек говоры фиксируют нейтральным литературным сочетанием *новый дом*.

Характеристика жилья по размеру. Анализ диалектного материала показал, что большинство слов со значением ‘изба’ имеет дифференциальные признаки, одним из существенных при этом является указание

на размер жилой постройки. Следует заметить, что диалектных слов со значением ‘большая изба’ типа *ка'лдас* в исследуемых говорах немного: *Если изба бальшая, завут калдъс* (Каймар, Краснослободский р-н). Интересен тот факт, что одна и та же языковая единица в разных населенных пунктах может иметь противоположные значения. Так, например, существительное *фли'герь* может служить для обозначения избы в одну комнату, а также для номинации пятистенного дома. Ср.: *Малиньку избу флигирим нъзываим* (Куракино, Ардатовский р-н) – *Дабротный флигирь ана сибе пасставилъ* (Подверниха, Старошайговский р-н).

В говорах преобладают лексемы, обозначающие маленькую, небольшую избу: *кильди'нка, киньён, фли'герь, халубёнка, шке'рка* и т.д. Нередки случаи бытования словообразовательных синонимов, поскольку к одной производящей основе существительного могут присоединяться разные суффиксы субъективной оценки, ср.: *келья, кельёнка, кельёночка, кельюшка.* Обилие наименований небольшой избы объясняется прежде всего тем, что диалектоносителями являются, как правило, люди старшего поколения, детство которых пришлось на 20–40 гг. XX в. В довоенный и военный периоды крестьяне жили бедно и жилые постройки были небольшими: *Чяво уш, раньшъ-тъ фсе ф кельих жыли* (Шишкеево, Рузаевский р-н). Хотя в сельской местности преобладали небольшие по размеру дома, семьи были большими, что подтверждается в контекстах: *И у миня был полный кардон дитей, их ф кажнъм кардони былъ многъ* (Енгалычево, Дубенский р-н).

Для обозначения маленькой ветхой избушки под соломенной крышей в исследуемых говорах используются такие наименования, как *шала'шик, шуру'шник* и т.п.: *Жыли ф шалашыкъх, дамоф бальшых не былъ. Цэлый парядък адних шалашыкъф* (Александровка, Лямбирский р-н).

Характеристика жилья по строительному материалу. Крестьяне могли позволить себе возведение дома только из таких природных материалов, для приобретения которых не требовалось больших денежных затрат: дерево, глина, солома, драть, тес, щепа, мох и т.п. Как известно, первыми жилищами древних славян были землянки, представляющие собой подземные и полуподземные постройки. Бедняки, проживавшие на территории Мордовии, также использовали в качестве жилого помещения этот древнейший вид утепленного жилья, о чем свидетельствуют зафиксированные в речи диалектоносителей лексемы типа *клу'ня, бедя'нка* – ‘землянка’, *засыпу'шка* – ‘жилая постройка с засыпными стенами’.

Русское население на территории Мордовии исторически предпочитало селиться вблизи лесных массивов, поэтому большинство домов строилось из дерева. В русских говорах Мордовии представлена лексика, обозначающая название строевого леса: существительные *долготьё, флига'ль, избня'к* обозначают ‘длинные бревна, строевой лес’, прилагательные *звённый, рубной* – ‘бревенчатый’. Например: *Нъ пастройку домъ дългатьё вазили* (Ишейки, Темниковский р-н); *Звённыи – этъ из брёвин, ис сасны и из асины. Сени звённыи, а то и двары звённыи бывают* (Дубасово, Зубово-Полянский р-н). Несмотря на то, что в качестве материала для строительства использовались почти все породы – сосна, ель, береза, липа, ольха и др., чаще всего выбирались деревья определенных пород; наиболее дорогими и прочными материалами являлись дуб и сосна, например: *Сасет сибе дом съвиршыл, сасновый* (Сивинь, Краснослободский р-н). Поскольку до настоящего времени в сельской местности существуют различные обряды и обычаи, связанные с жилыми постройками, реже строили дома из осины, считавшейся нечистым деревом [8. С. 58].

Деревянные дома обычно возводили срубным способом, что в русских говорах Мордовии закономерно отражает синонимический ряд со значением ‘сруб’: *вью'шка, стру'бец, стопа', стру'б* и т.п. Например: *У вас в диревни, видать, многъ новых дамоф будит. Вон скокъ струбъф-ть стаит* (Карпеловка, Торбеевский р-н). *Срубиц чашшы делъли дубовый* (Грибоедово, Кочкуровский р-н). Зафиксированы существительные *тристе'нок, приде'л*, обозначающие ‘сруб из трех стен для пристройки к дому’. Например*: Я хачю прадать тристенък. Мы вот в этъм гаду толькъ пристроили тристенък* (Большое Чуфарово, Ромодановский р-н). Диалектное слово *стопа'* употребляется в говорах со значением ‘сруб с кровлей и полом без отделки’: *Дом-тъ ужэ ф стапу собрън, г зиме адделъм* (Кайбичево, Дубенский р-н). В диалектных материалах представлены лексические и фразеологические единицы со значением ‘ставить сруб дома (на место)’: *составля'ть, стака́н станови'ть* и т.п. Например: *У нас нарот стакан становит, а дальшъ плотник работъит. Биз народу ничяво ни зделъш. А как стакан становют, пают, пляшут* (Дубасово, Зубово-Полянский р-н).

В исследуемых говорах имеются лексические и фразеологические единицы для наименования бревен в срубе. Так, лексема *вено'к* обозначает ‘ряд бревен в срубе’, *ко'мель* – ‘бревно, употребляющееся для постройки’, *подста'вка* – ‘нижнее бревно в срубе’, фразеологизм *черепно́е бревно́* используется со значением ‘предпоследнее бревно в срубе’, *нахлупно́е (нахлопно́е) бревно́* или *охлупно́е бревно́* – ‘верхнее бревно в срубе, накрывающее матицу’. Например: *Есть ишчо чырепнэи брёвны, оне идут пирит нъхлопнэми. Хотели зъменить токъ нъхлопнэи брёвны-ти, пъглядели, бают, там и чырепнэи-ти згнили, нъхлопнэи сняли, давай чырепнэи снимать, а оне на самъм дели одно гнильё* (Суподеевка, Ардатовский р-н). Кроме того, для наименования верхнего бревна в срубе употребляются существительные *прави'льня, нахлу'пник, подма'точник.* Например: *Када избу строют, то на матку накладъвъют нахлупники* (Новое Акшино, Старошайговский р-н). Отметим внутридиалектные словообразовательные связи, характерные для анализируемой группы слов. Диалектные глаголы, образованные от существительных, могут обозначать конкретные действия, которые сопровождают процесс строительства. Так, глагол *нахлупля'ть* имеет значение ‘класть на верх сруба нахлупное бревно’. Например: *Давай падгоним адин сутунък, тада будим нъхлуплять* (Челмодеевский Майдан, Инсарский р-н) (*суту'нок* – ‘короткое бревно в оконном простенке’).

Наряду с бревенчатыми жилищами в регионе строили саманные или глинобитные дома, которые во многих селениях почти полностью вытеснили бревенчатые постройки. Для обозначения глинобитного дома используются такие наименования, как *лито'й, литу'ха, топча'н* и т.п. Например: *Я везде роботълъ, дажъ литухи приходилъсь лить* (Бутырки, Атяшевский р-н). Распространение таких домов в ряде районов (например, в Краснослободском, Лямбирском, Ромодановском, Чамзинском, Кочкуровском, Большеберезниковском) было связано с природными залежами глины: *Ф Пичоуръх многъ литух, пъчытай, фсе избы – литухи* (Пичеуры, Чамзинский р-н). Это объясняется тем, что такой тип жилища обходился дешевле, а по прочности и теплоизоляции не уступал бревенчатой избе.

По рассказам информантов, для строительства жилища из самана в специальных формах изготавливали кирпич. Его называли сырцовым. Из этих кирпичей выкладывали стены, а щели между ними заливали жидкой глиной, смешанной с мелко изрубленной соломой. Для строительства глинобитных домов сначала возводили каркас стены из столбов, а затем с обеих сторон столбов прибивали доски. В промежутки между досками забивали до отказа глину. По мере ее просыхания доски переносили выше. В таких домах в основном жили одинокие крестьяне или особенно бедные семьи, которые не в состоянии были поставить рубленую избу [8. С. 58–59].

Указание на строительный материал может содержаться в смысловой структуре слов, называющих процесс возведения дома или само строение. Так, диалектный глагол *лить* употребляется в диалектной среде со значением ‘строить из кирпичей, самана’, например: *Старый клуп снисли, новый толькъ събираюцъ лить* (Авгуры, Старошайговский р-н); *Мы сами литухи льём* (Елизаветинка, Большеберезниковский р-н). Номинация *кирпи'чник* функционирует в русских говорах Мордовии со значением ‘дом, сделанный из кирпича’. Например: *С тех пор стали у нас кирпишники делъть, а то фсё диривянны дама строили* (Каменный Брод, Ельниковский р-н). Материал, применяемый при строительстве дома или какого-либо другого объекта, может быть указан в контексте. Например: *Школу нову пъстънавили, этъ каминнъ* (Стрелецкая Слобода, Рузаевский р-н).

Отражение поэтапного возведения жилья (закладка фундамента, настил полов, сборка сруба, сооружение потолка, крыши, планировка жилья). Особенности культурно-исторического развития народа находят отражение в диалектных словах, связанных со строительством дома.

Строительством домов занимались плотники, которых нанимали за определенную плату. Перед началом работы и после постройки дома хозяева хорошо угощали плотников и помощников [Там же. С. 59]. Например: *Дом уш пъснавили, застолицъ у них щас* (Хлебино, Теньгушевский р-н). Хозяин, если не был плотником, рубил лишь мелкие хозяйственные постройки. В диалектных материалах зафиксирован глагол *мастерова'ть* со значением ‘плотничать’, например: *Што мъстиравать, што плотничить, этъ фсё равно. У миня сам-тъ мъстирут в Рузафки* (Стрелецкая Слобода, Рузаевский р-н). Следует заметить, что мужчины в сельской местности, даже не будучи плотниками, нередко имели навык плотницко-столярной работы. Например: *Мой хазяин адин фсе окны зъ ниделю акасячил* (Хлебино, Теньгушевский р-н); *Муш у миня любит шырыкъть. Пъстаяннъ што-тъ шырыкът* (Новая Михайловка, Лямбирский р-н). Глагол *ширы'кать* имеет значение ‘резать пилой, пилить’.

Возведение жилья обязательно предполагало «помочи», т.е. приглашение помощников, обычно знакомых или родственников. Например: *Вот съставляли дом-тъ и на помъчь яво пазвали* (Силино, Ардатовский р-н).

Не случайно в исследуемых говорах употребляется глагол *вы'строить* – ‘помочь кому-либо построить дом’*: Выстръит он мать, сёстру, зятьёф и уежжат* (Гудимовка, Большеигнатовский р-н).

Процесс строительства дома связан с обычаями, традициями и ценностными установками, которые передаются из поколения в поколение. Место, выбранное для постройки дома, называется *жи'тельство*: *На новъя жытильствъ дом паставили* (Кользиваново, Краснослободский р-н). В исследуемых говорах зафиксирован ряд диалектных слов, обозначающих непосредственно процесс строительства, а также различные действия, сопровождающие этот процесс. Многочисленный синонимический ряд составляют диалектные глаголы с общим значением ‘построить, выстроить’: *сконадо'бить, определи'ть, отпра'вить, поснови'ть, постанови'ть, пусти'ть, разде'лать, собра'ть, соверши'ть, состря'пать, сустро'ить* и т.п. Например: *Харошый он дом скънадобил* (Семивражки, Торбеевский р-н); *Этът дом пъстънавили ищё маи радитили* (Чеберчино, Дубенский р-н); *Он сам сибе дом апридилил* (Матвеево, Темниковский р-н).

Как известно, строительство дома начинается с фундамента, имеющего в русских говорах Мордовии наименования типа *забо'рник, подбо'рник* и т.п. Материалом для фундамента служили чаще всего бревна, реже – камень или кирпич, что подтверждается в следующих контекстах: *Заборник из дубъ делъют, каминный аль ис кирпичя кладут* (Внуковка, Кочкуровский р-н); *На каминнъм заборники дом-тъ луччи ставить* (Кочкари, Ичалковский р-н); *Два-три брёвна у земли – вотэтъ и есть подборник* (Суподеевка, Ардатовский р-н); *А нъподборник самъ къренноя бревно бёрут крепкъя, вить на ём-ът дом стоит* (Большие Поляны, Ардатовский р-н). Закладка фундамента являлась важным этапом при строительстве дома. Подтверждением тому является наличие в русских говорах Мордовии фразеологизма *справля'ть берёзку*, обозначающего ‘отмечать угощением закладку фундамента дома’: *Слабъвы нынчи бирёску справляют, фундаминт зълажыли* (Кушки, Темниковский р-н).

Следует заметить, что фундамент под домом имелся не всегда; под домами, построенными из самана, фундамента, как правило, не было, что объясняет немногочисленность использования лексем с рассматриваемым значением. Чаще всего вместо фундамента под углы деревянного строения подводились

дубовые столбы, которые в русских говорах Мордовии назывались *подва'лка* или *подва'лок, стул* и т.п. Например: *Изба стаит нъ падвалкъх. Падвалки вроим в землю, а патом дом ставим на них* (Малый Азясь, Ковылкинский р-н); *Дубовая падвалка избу пиристаит* (Максимовка, Темниковский р-н); *Падвалък-тъ – этъ столп, чятыри их, на них дом стаит* (Дубасово, Зубово-Полянский р-н).

На определенной высоте над землей устраивали пол, образуя подполье, чаще называемое в Мордовии *по'дполом*. Например: *Пирит тем, как избу ставить, роют потпъл, а нъ палу тварилъ режут* (Дмитриев Усад, Атюрьевский р-н). В говорах зафиксировано еще несколько наименований помещения под полом, подполья*: го'лбе'ц, западня'* и др. Диалектные слова *казёнка, твори'ло* употребляются со значением ‘лаз в подполье’: *Закрой казёнку, а то ис потпълъ холът идёт* (Ирсеть, Старошайговский р-н). Вышеприведенный контекст свидетельствует о том, что в подполье температура воздуха ниже, чем в доме, обычно это помещение используется для хранения каких-либо продуктов, заготовленных на зиму: *В голпцъ храним картошку* (Безводное, Ардатовский р-н).

Для наименования половых досок, или половиц, используются диалектные единицы *мостови'на, половi'к, половьё, стлань (стлан)*, существительное *черепи'ца* обозначает дощечки для паркетного пола. Например: *Пътому оне и нъзывающцъ пълъвиком, штъ нъ полы идут* (Суподеевка, Ардатовский р-н); *Пол што-тъ у нас рассохси, и мъставины скрипят. Адну мъставину зъминить нады, згнила фся* (Лесной, Большеигнатовский р-н); *Пъловьё-тъ шчас труднъ достать, а уш строщцъ – тем боли* (Красные Поляны, Ардатовский р-н); *Мужык-тъ у миня рукадельный: пол вон фпириди ис чирипицы сам зделъл* (Кулишейка, Рузаевский р-н). В процессе настила пола использовались *переру'бы*, т.е. ‘балки, служащие опорой для досок пола’. Особенности этого процесса отражены в следующем контексте: *Лес ездили выбирать на хату. Нъ пирирубы идёт сасна али дуп. Пасля пирирубъх доски нъстилающцъ* (Дмитриев Усад, Атюрьевский р-н).

В отличие от литературного языка говоры характеризуются большей детализацией различных номинаций, отсутствующих в нормированном языке. В русских говорах Мордовии зафиксировано несколько существительных, связанных с настилом пола, типа *закро'й* – ‘выемка, углубление на краю доски для плотного соединения досок’, *шкант* – ‘небольшой выступ на половых досках для их скрепления, шип’. *Штоп щилей не былъ, делъют закрой* (Ключарёво, Рузаевский р-н); *Для крепъсти пол збивают нъ шканты* (Елизаветинка, Большеберезниковский р-н). В рассматриваемой группе слов можно проследить внутридиалектные словообразовательные связи: так, от существительного *шкант* образовался глагол *шканти'ть*, обозначающий ‘скреплять доски при помощи шканта’, например: *Штобы доски крепчи диржались, их шкантили* (Ключарёво, Рузаевский р-н). Диалектные слова *горбуши'на, заболонка* называют крайнюю доску при продольной распилке бревна, выпуклую с одной стороны. При описании качества материала, используемого для настила пола, в речи диалектоносителей подчеркивается бедность большинства сельских жителей: *Ф стърину-тъ палы делъли из гърбушыны, дъ сафсем пацти ни мыли их. Сицас гърбушынъми толькъ ф сараи пол нъстилают* (Новоникольское, Ельниковский р-н).

Мужчины занимались сборкой и складыванием сруба. Женщины в основном укладывали мох либо паклю между бревен или готовили угощение [8. С. 59]. После возведения стен их дополнительно конопатили мхом или паклей. Зафиксированы диалектные глаголы типа *пропази'ть* со значением ‘проконопатить’: *Им лень былъ пръпазить избу, сичяс мёрзнут* (Нижняя Вязера, Инсарский р-н).

В верхней части сруба вырубали потолок, опорой которому служили более толстые поперечные бревна, врубавшиеся в верхние венцы. Для обозначения внутреннего покрытия помещения в русских говорах Мордовии используются существительные *перекры'тие, черда'к*, глагол *опотоло'чить* имеет значение ‘настелить потолок’, например: *Асталъсь апъталочить, а там можнъ печьку класть* (Тазино, Большеберезниковский р-н); *У нас пирекрытия нискъя, зато зимой дроф меньшъ надъ, изба быстръ съгревацъ* (Кучкаево, Большеигнатовский р-н).

Возведение дома нередко сопровождалось соблюдением разнообразных обрядов, в том числе при укладке потолочной балки, например: *Когда сруп кладут, под матку деньги на шшасья фкладывъют, а посли на матку кладут ешшо один венец и ставют конёк* (Манадыши, Атяшевский р-н). В исследуемых говорах находим несколько наименований матицы: *ма'тка, ма'тца, сцеп* и т.п., причем практически повсеместно на территории Мордовии используется лексема *ма'тка: В ызбе ф стърину балку нъзывали маткъй, а сичяс, матри, так и ни завут* (Каймар, Краснослободский р-н).

Существительные *кладь, ла'га* обозначают ‘брус, опирающийся на что-либо в нескольких точках, балка’. Особенности использования такого бруса представлены в следующем контексте: *Нъ паследня брявно кладуцъ клади, а на них пъталок нъстилают* (Каймар, Краснослободский р-н). Диалектные наименования *шар, по'яс, по'ле* имеют общее значение ‘ряд потолочных досок между двумя матицами’: *Пъталок състаит ис трёх пъясоф, каторыи прибиты к маткъм* (Шишкеево, Рузаевский р-н); *Сталъ к Паски пъталок мыть, два шаръ вымылъ, атнялась правъ рука. Пришлось Аксютку звать, штоп третий шар вымълъ* (Шаверки, Краснослободский р-н). Единичные существительные типа *постано'вка* обозначают ‘столб для опоры матицы внутри дома, подпорка’ и употребляются в том случае, когда речь идет о ветхом доме. Например: *Раньшъ мы как жыли: в ызбе пъстанофкъ нъ пъстанофки стаит* (Протасово, Лямбирский р-н). Как можно заметить, в представленном контексте используются средства, указывающие на повторяемость, обычность ситуации (*Раньше мы как жили*).

В исследуемых говорах существуют немногочисленные существительные, обозначающие наименование крыши: *вей, кро'вель, пове'ть*. Например: *Ты бы хъть кровиль пъчынил нъ избе, а на сенцъх-тъ и вофси кровиля нет* (Кергуды, Ичалковский р-н). Крыши

домов различались по конструкции, форме и материалу покрытия. Нами зафиксированы лексемы, описывающие конструкцию или форму крыши: *шатёр* – ‘четырехскатная крыша без фронтона’, *фли'гель* – ‘под острым углом’, *шала'ш* – ‘с высокими скатами, образующими угол’, например: *Дом флигилим крыт* (Силино, Ардатовский р-н). Для обозначения гребня двускатной крыши в говорах используется наименование *князёк (князь): У домъ книзёк высокъй ндравицъ* (Кулишейка, Рузаевский р-н). Примыкают к этой группе слов наименования дымовой трубы на крыше дома: [1]*рука'в* в 1 знач., [1]*вью'шка* в 3 знач., *ствола́*. Отдельно следует выделить также наименования купола церкви: *верши'нка, ку'мпол (ко'мпол),* например: *Вершынку столкнули, а потом ы цэркъфь стали ломать* (Вечерлей, Атяшевский р-н); *Цэркъфь была ап сими кампалоф* (Яковщина, Рузаевский р-н).

Для покрытия изб часто использовалась солома – самый доступный, но непрочный строительный материал. По наблюдениям исследователей, соломенные крыши были распространены до 1940-х гг., причем в безлесных уездах встречались соломенные крыши с глиняной обмазкой, что предохраняло постройки от пожаров [8. С. 62]. Существительные *пове'ть, повета'* и др. используются со значением ‘соломенная крыша, кровля’: *Тёсъм крытыи крышы паветими ни нъзывали, токъ саломинны* (Чеберчино, Дубёнский р-н). *Жъваронкъ, жъваронкъ, аддай нашъ летъ, зима нъдаелъ, весь хлеп паелъ, фсю кудель пирламалъ, паветь пиркидалъ* (Белотроицкий, Лямбирский р-н); *Дети, дети сидели нъ павети, гарох мълатили, цапы пирибили* (Михайловское, Ковылкинский р-н).

Распространение соломенных крыш в русских говорах Мордовии подтверждает многочисленный синонимический ряд слов со значением ‘жердь для закрепления соломы на крыше’: *ве'трениця, наве'ха, полу'зи'на, перевесло', пово'р, пово'ра, пово'рина, пову'зина, повязёнка, полу´зинка, поме'тина, переме'тник, понёбина, привя'зина, приту'га, приту'жка, приту'жня* и т.п. Существительное *тычи'на* обозначает ‘небольшой колышек, поддерживающий снизу соломенную крышу’. Например: *Пълузинъ – штоп салому с крышы ни здувалъ. Типерь ани ни пълузины завуццъ, а пиримётины* (Муравлянка, Ельниковский р-н). Строительство крыши из соломы можно проследить в следующем контексте: *Крышу строют, сначалъ делъют убрешотку, потом кладут солому, а нъ солому – пиреметник* (Суподеевка, Ардатовский р-н).

Устройство крыши предполагало использование различных бревен, имевших разные наименования в русских говорах Мордовии. В приведенном иллюстративном материале демонстрируется предназначение тех или иных бревен. Так, диалектные слова *перекла'д, перемётник, переру'б, прого'н* обозначают ‘брус, служащий опорой для стропил’; *бык* – ‘длинная жердь, которая кладется на стропила и скрепляет их’. Например: *Пиримётник старый, згнил, страпилъ ели доржуццъ* (Тепловка, Кочкуровский р-н); *Бык надъ выбирать ни толстый, штоб он ни давил нъ страпилы, а токъ укриплял ых* (Ефево, Краснослободский р-н).

Для настила кровли готовят покрытие из обрешетин. В русских говорах Мордовии встретилось несколько диалектных единиц с вышеназванным значением: *обреше'т, полукры'шник, полува'лина.* Например: *Пълувалины зделъли, теперь можнъ крышу крыть* (Манадыши, Атяшевский р-н). Существительное *жердни'к* обозначает материал, применяемый для обрешетки крыш, решетник. Например: *Крышу ищё ни пакрыли: жырдника нет. Ныни жырдник делъют ис палък* (Слободские Дубровки, Краснослободский р-н). В наших материалах зафиксированы единичные глаголы типа *стопори'ть* со значением ‘крыть крышу’. Например: *Мужыкоф-тъ у нас не былъ, мы сами крышу стъпарили* (Русские Найманы, Большеберезниковский р-н).

Планировка крестьянской избы. Планировка крестьянской избы долгое время была традиционной; жилой дом делился пополам: часть крестьянского дома, отделенная капитальной стеной, называлась *и'зба* или *изба'*: *Дом-тъ у них бальшой, две избы'* (Вярьвель, Атюрьевский р-н). Чистая половина крестьянской избы − *пере'дняя,* или *пере'дняя изба', го'ренка, передо'к,* а половина крестьянской избы с русской печью – *за'дняя,* или *за'дняя изба'* [9. С. 88]. Ср: *Ф передний-тъ у их как фсё убрънъ дъ чыстъ, хотя оне туда и ни заходют, ежъли ток тилевизър смотреть* (Безводное, Ардатовский р-н); *Мы фсю зиму в задний жыли, пиредню-тъ ни ухетъли, печькъ плохъ грелъ* (Еремеево, Лямбирский р-н).

Таким образом, изба – это не только название жилой постройки, но и теплое помещение в составе жилой постройки, отапливаемое русской печью, а также любое помещение вообще. Обратим внимание, что аналогичное значение слова *изба* находим в материалах других русских говоров. Т.Е. Баженова, анализируя наименование построек в самарских говорах, отмечает, что изба имеет в говорах диалектное значение ‘*одно из жилых помещений в доме, комната*’ [10. С. 398].

Традиционная русская печь для сельских жителей имела огромное значение. Она выполняла в крестьянской избе различные функции (отопление жилища, приготовление пищи, просушивание вещей, место отдыха и др.). Г.В. Киселева отмечает, что «русская печь исстари занимала центральное место в русской избе, являясь не только центром избы, но и центром всей крестьянской жизни, поскольку велика была ее роль в жизни человека: печь и кормила, и грела, и лечила» [11. С. 73]. Это обусловило разнообразие наименований русской печи, а также частей крестьянского дома, так или иначе соотносимых с ее расположением: *упечи', у'печь, чула'н* – ‘отгороженная часть избы с русской печью’, *задняя (изба)* – ‘половина крестьянской избы с русской печью’, *запечный ход* – ‘пространство между стеной и русской печью’ и др.

Кроме людей в холодное время года в доме нередко находились животные. Для их содержания в избе существовало специальное место, имеющее свое название в русских говорах. Так, диалектные наименования *за'городь, клевушок* обозначают отгороженное в избе место для ягнят, поросят и т.п. Например: *Как ить былъ-тъ: тут жъ в ызбе люди, тут жъ и ягняты в загъръди* (Протасово, Ичалковский р-н).

Каждая часть дома имела свое предназначение.

В задней избе отгораживалась небольшая часть, в том числе для приготовления пищи и хранения посу-

ды. Существительное *чулан* употребляется в исследуемых говорах и для наименования кухни. Лексема *полчула'нье* означает ‘дощатая перегородка, отделяющая часть крестьянской избы с русской печью’. Например: *А я нынчы пълчуланья покрасилъ гълубой краскъй* (Кергуды, Ичалковский р-н). В речи диалектоносителей находим следующую информацию: *А в упичы хозяйкъ с ухватъми, и уш хозяин туда не ходит. А упич пътому, штъ с печкъй рядъм!* (Большие Поляны, Ардатовский р-н); *Гастей-тъ многъ пъна-ехълъ, я тък ис чюланъ ни выхажу: фсё варю дъ жарю* (Хилково, Ичалковский р-н).

Под крышей в домах устраивали чердачное помещение, которое активно использовалось в качестве кладовых. В исследуемых говорах представлен довольно многочисленный синонимический ряд существительных со значением ‘чердак’: *гори'ще, и'стка, и'стовка, и'сто'пка, и'стропка, навы'шка, пето'вка, по'дловка, по'жня, пои'бстка, пои'мстка, пои'поска, пои'стопка, пои'стопок, пои'ступка, свес, сушни'к, суши'ло* и т. п. Например: *Сынок, слазий на истъпку, ни розмылъ ли там дожжом трубу* (Суподеевка, Ардатовский р-н); *Зачэм палес нъ пятофку? Матри с пятофки-тъ ни упади* (Русские Найманы, Большеберезниковский р-н). Наряду с собственно лексическими в названной группе используются лексико-семантические диалектные единицы *балко'н, двор, вы'шка, потоло'к* и т.п. Например: *Балкон – этъ нът пъталком* (Московка, Торбеевский р-н); *Вазьми лесницу и лесь нъ сушылъ* (Авгуры, Старошайговский р-н); *Лет дваццъть назат я сама на вышку лофкъ лазилъ, а таперь внукъ пъсылаю* (Вырыпаево, Ромоданоский р-н).

Нами зафиксированы многочисленные примеры, в которых толкование значения слова чердак представлено в речи самих диалектоносителей. Например: *Давичи нъ сушылъ лазил. У нас ф Питини чирдак сушылъм завут* (Сиалеевская Пятина, Инсарский р-н); *У вас чирдаком, а у нас подлъфкъй завут* (Апраксино, Чамзинскийц р-н); *У других – чирдак, а у нас пъталком завут* (Жуково, Торбеевский р-н). Заметим, что нередко в одном населенном пункте используется несколько лексем для обозначения чердака: *Што истъпкъ, што подлъфка – адно и то жъ* (Енгалычево, Дубёнский р-н); *Можът, кто и пътолком зовёт, а мы иступкъй* (Горки, Большеигнатовский р-н); *А у нас што подлъфка, што вышка, кто как хочит, так ы нъзыват* (Смольково, Лямбирский р-н); *Иной рас и истъфку нъзывают пожний, а больша так завут местъ пат крышай нът скатинай* (Петровка, Дубёнский р-н).

В редких случаях можно встретить описание чердака как просторного и чистого помещения: *На подлъфки-тъ у нас сухъ и светло, хъть жыви, и окошкъ есть* (Безводное, Ардатовский р-н). Иногда эта часть дома предназначается для сушки белья или других целей: *Ф сушнике висит бильё* (Спасское, Ичалковский р-н). *Маи ръбятишки любют спать нъ пъталке* (Дмитриев Усад, Атюрьевский р-н). Кроме наименования чердака в исследуемых материалах встретилось диалектное слово *духо'вка* со значением ‘окно для освещения и проветривания чердака’. Например: *А этъ акошка духофкъй нъзывацъ* (Тенишево, Краснослободский р-н).

В послевоенное время крестьяне чаще стали возводить пятистенные дома, т.е. деревянные дома, разделенные на две части капитальной стеной, имеющие следующие наименования: *пятери'к, пятери'ца, пятисте'нник, фли'герь*. Например: *А посли вайны мы с Питром питирик ацстроили* (Каменный Брод, Ельниковский р-н); *Спирва мы жыли ф киньёни, а таперь ф питистенники* (Пушкино, Ромодановский р-н). Со значением ‘половина пятистенного дома’ в русских говорах Мордовии употребляется существительное *трёхсте'нок*. Например: *Мне ф серётки жыть хочыцъ. Кто бы какой трёхстенък прътовал, я бы купилъ. Трёхстенък – этъ пъловинъ пятистеннъвъ домъ* (Суподеевка, Ардатовский р-н).

В диалектной среде выделяются лексические и фразеологические единицы, относящиеся к характеристике различных частей жилого дома или его расположению по отношению к улице: *лоб* – ‘передняя сторона дома’, *низу'шка* – ‘нижняя часть стены жилого помещения’: *Избу скрось накрасили, а лоп асталси, надъ ищё краски купить* (Новые Русские Пошаты, Ельниковский р-н); *С падгонъ тикёт вада-тъ и пъ низушки, вот и сыреит* (Куликово, Теньгушевский р-н). Фразеологизм *стоя'ть гу'сем* указывает на дом, стоящий задней стеной на улицу: *Старый дом наш стаял гусим, сицас в улицу, висилей сталъ* (Синяково, Краснослободский р-н); *фли'гелем стоя'ть* – на дом, все окна которого выходят на улицу: *Вы там увидити дом-тъ, он флигилим стаит* (Сиалеевская Пятина, Инсарский р-н).

Характеристика внешнего устройства жилья. Зимы в средней полосе России были морозными и снежными, поэтому сельские жители старались утеплить жилые дома к зиме. В русских говорах Мордовии зафиксированы глаголы со значением ‘утеплить (утеплять)’: *учи'хивать, защища'ть, щитить, объюрти'ть, охе'тать, ухороши'ть* и т. п., причем в наших материалах представлено несколько видовых пар: *ухе'тать – ухе'тывать; ухи'тить – ухи'чивать; пеледить – запеле'дить (упеледить)*. Например: *Ну, вон вы как сваю избу ухетъли, и тёсъм апшыли, и аштукатурили, никакой типерь марос ни пръбирёт* (Грачевник, Краснослободский р-н); *Изба-тъ нисподатнъ, ниспособнъ, быстръ выстыват, её надъ ухичывъть* (Суподеевка, Ардатовский р-н); *Мать натащит фсяких тряпък – избу учихивъм* (Трофимовщина, Ромодановский р-н).

Для сохранения тепла в доме вдоль наружных стен насыпали завалину – невысокую земляную насыпь. В русских говорах Мордовии зафиксировано несколько наименований завалины: *зава'льница, замётник, со'коль (со'кол), сто'коль, цо'коль* и т.п. Например: *Зъвалили завальницу мы типерь, биз завальницы холъднъ зимой* (Слободские Дубровки, Краснослободский р-н); *Сокъль зделъл вокрук, толькъ нечо внутрь ни насыпъл, вот и хълъдноватъ былъ зимой. Под доски ф сокъль надъ толи пъложыть, а так быстръ венец згниёт, землю не надъ, преит* (Манадыши, Атяшевский р-н). Заметим, что лексема *со'коль (со'куль)* используется также для обозначения нижней части

наружной стены здания, цоколя, например: *Сокъль уш у миня начил пъдгнивать. Абнавить сокъль надъ* (Новое Баево, Большеигнатовский р-н); *Сокуль-ът высокъй, окошки шыроки – не дом, а игрушкъ* (Безводное, Ардатовский р-н).

Зажиточная часть крестьян нередко к основному жилищу возводила приделы. Для обозначения пристроенных помещений употребляются существительные *приде'лок, приде'лушка*, например: *Ф прошлъм году приделък поставил, осел здоръвъ* (Манадыши, Атяшевский р-н). Кроме того, в исследуемых говорах встречаются диалектные слова типа *трёхсте'нок (трехстенка), уго'льничек*, имеющие дифференциальный компонент значения ‘трехстенная пристройка к дому’: *Он кухню пристраивът, трёхстенък* (Суподеевка, Ардатовский р-н); *Угольничик нидавнъ приделъли, таперь сын с нами жывёт* (Подверниха, Старошайговский р-н).

Большое внимание сельскими жителями уделялось внешнему декору жилища. Украшались чаще всего карнизы, наличники, фронтоны и т.п. В исследуемых говорах резные украшения на разных частях дома имели свои наименования. Так, существительные *полупла'тик, рису'нок* и др. обозначают ‘резной узор на карнизе дома’; *вы'резки, наре'зки* используются в значении ‘резные украшения дома (карнизы, наличники и т.п.)’. Диалектное наименование *офро'н* обозначает ‘деревянное резное украшение избы, конек’; *червёнка* – ‘резное украшение в виде сердечка на фронтоне, наличниках дома’. Например: *Рисунък нъ карнизи Бывалъчи нъзывацъ пълуплатикъм. Панижъ пълуплатика – платок* (Чеберчино, Дубёнский р-н); *Ранъшъ-тъ у нас многъ былъ исп ф силе с афронъми, а типерь афронъф сафсем пацти нет* (Ивановка, Старошайговский р-н). Кроме того, диалектные существительные *червёнка, лоб, подбо'й* обозначают в русских говорах Мордовии фронтон дома.

Номинации жилья, характеризующие особенности быта. В речи диалектоносителей можно обнаружить уникальные сведения об особенностях жизни и быта народа, населяющего ту или иную территорию.

Дом служил не только для проживания семьи, в избах зимними вечерами сельская молодежь собиралась для вечернего времяпрепровождения. В русских говорах Республики Мордовии существует несколько наименований изб такого типа: *избёнка, ке'лья, бра'тчина, сиде'нка.* По словам информантов, *ф кажнъм селе тогда избёнкъ была* (Пичеуры, Чамзинский р-н). В приведенных примерах отражены традиционные занятия сельской молодежи на вечерних собраниях, которые назывались *посиде'лки, посе'дки, сиде'лки, заси'дки, обра'тчина, обря'дье, су'пря'дка, сы'пчина* и т.п.: *В ызбёнкъх дефки придут, а парни лапти плитут бывалъ. Там вечир и пръвадили* (Соколов Гарт, Чамзинский р-н); *Па холъду, зимой чящи ф сиденку з гармонью прихадили. Плясали, пели ф сиденкъх* (Скрябино, Лямбирский р-н); *Ф кельи девушки хадили пъ вичирам, там ани визали, пряли, пели* (Новое Баево, Большеигнатовский р-н).

Такие избы чаще всего могли предоставлять одиноко проживающие хозяева, а также для этой цели использовали пустовавшие дома. Например: *С осини хадили нъ сиделки. Были сиделки у бабы-вдавухи аль у старъй дефки* (Покассы, Зубово-Полянский р-н). Иногда за нахождение в избе молодые люди вносили определенную плату: *Абряшшывъли (‘снимали’) комнътку для сиделък, платили зъ ниё диньгами и зярном* (Надеждино, Ельниковский р-н). Посещающие посиделки парни и девушки должны были принимать участие в содержании дома: *Пъчирёднъ мыли келью и падворнъ пракуривъли* (‘*протапливали*’) (Куликово, Теньгушевский р-н). Приведенные многочисленные примеры свидетельствует о том, что подобные избы и такой вид зимнего вечернего времяпрепровождения были распространены повсеместно.

Социальные изменения, происходящие в обществе, отражаются в речи диалектоносителей. Так, в середине XX в. в сельской местности население было многочисленно, включая большую долю молодых людей, например: *Нъ сиделкъх весилъ былъ, тада мъладёжы ф силе многъ былъ* (Усыскино, Инсарский р-н). Однако в концу XX – началу XXI в. села практически опустели, о чем свидетельствуют наименования нежилого, заколоченного дома типа *пустови'к, пусты'рь* и т. п. Например: *В нашъм силе многъ пустъвикоф* (Ямщина, Инсарский р-н).

Диалектные наименования жилья отличаются от соответствующих названий русского литературного языка большей детализацией, семантизацией. Однако наименования дома, в смысловой структуре которых присутствуют компоненты, связанные с указанием на предназначение, функциональное использование жилища, представлены единичными примерами. Например: *кордо'н* в 1 знач. – ‘дом лесника’, *до'нька* – ‘дом для престарелых’: *В доньку-тъ я ищё ни хачю итти* (Марьяновка, Большеберезниковский р-н).

Итак, в русских говорах на территории Мордовии наименования дома и его частей, действий, связанных с постройкой жилища, составляют многочисленную группу лексических и фразеологических единиц. Интересно, что фразеосочетания с такими компонентами могут как служить для обозначения частей крестьянского дома (*небыльное окно* – ‘окно с раздвижными створками’, *волчье окно* – ‘задвижное отверстие для выхода дыма в курной избе’, *косевая дверь* – ‘дверь, сделанная из мелких дощечек, уложенных по определенному рисунку’, *горшечная труба* – ‘труба из обожженной глины’), так и, приобретая в народной среде метафорическое значение, употребляться для характеристики внешнего вида человека (*как в погребе расти* – ‘быть очень бледным’, *из окошка продать* – ‘о человеке, имеющем красивую внешность’), указывать на накопленный жизненный опыт (*только печь одна не стояла* – ‘о ком-либо много испытавшем, пережившем’), изменение его социального статуса и места жительства (*войти во двор* – ‘женившись, перейти жить в дом родителей жены’) и др. [12. С. 407–408].

В настоящее время уклад жизни на селе меняется, бытовые условия улучшаются, и жилище претерпело значительные изменения. Национальная самобытность русских, проживающих на территории Мордовия, нивелируется, постепенно исчезают традиции и обряды, относящиеся к понятийному полю *изба, жи-*

лье. Сведения, отражающие процесс строительства дома в территориально замкнутом социуме, дают возможность сохранить информацию об этнической специфике и традиционном укладе жизни русского народа на территории Мордовии, проследить происходившие на протяжении XX в. изменения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брысина Е.В. Диалект как форма трансляции традиционных ценностей. URL: http://narfu.ru/university/library/books/2194.pdf (дата обращения: 08.05.2017).
2. Андреев В.К. Названия построек и их частей в псковских говорах (номинативный аспект) : дис. … канд. филол. наук. СПб., 1993. 200 с.
3. Забродкина Е.А. Семантическое поле концепта «дом» в русских народных говорах // Личность. Культура. Общество. 2007. Т. 9, вып. 4 (39). С. 341–347.
4. Руделев В.Г. Лексика жилища и жилищно-хозяйственного строительства в некоторых южнорусских рязанских говорах : дис. … д-ра филол. наук. Оренбург, 1958. 425 с.
5. Шубина Н.Г. Наименования жилых и хозяйственных построек в говоре села городище Старооскольского района Белгородской области : дис. … канд. филол. наук. Елец, 2004. 257 с.
6. Чернетских Т.И. Лексико-семантическая группа «жилище» как репрезентант фрагмента региональной картины мира: (на материале словаря русских говоров Алтая) : дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 2000. 179 с.
7. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1978–2006. Т. 1–8.
8. Народы Мордовии: историко-этнографическое исследование / Л.И. Никонова [и др.]. Саранск, 2012. 608 с.
9. Человек и его мир в диалектной фразеологии русских говоров Мордовии / Э.Н. Акимова, А.Ю. Маслова, Т.И. Мочалова [и др.]. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2015. 156 с.
10. Баженова Т.Е. Наименование построек в пределах традиционного комплекса крестьянского дома в Самарских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 2011. СПб. : Наука, 2011. С. 396–404.
11. Киселева Г.В. Русская печь как явление духовной культуры // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 1995. СПб. : Изд-во ИЛИ РАН, 1998. С. 73–76.
12. Мочалова Т.И., Маслова А.Ю. Фразеокомпоненты «строения, предметы быта» как отражение диалектной картины мира в русских говорах Республики Мордовия // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 2013. СПб. : Нестор-История, 2013. С. 407–411.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 июня 2017 г.

ETHNO-LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE SEMANTIC SPACE OF THE WORD “DWELLING” IN THE RUSSIAN DIALECTS OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 29–37.
DOI: 10.17223/15617793/420/4

Larisa N. Denisova, N.P. Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation). E-mail: denisova208@mail.ru
Alina Yu. Maslova, N.P. Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation). E-mail: al_mas@mail.ru
Tatyana I. Mochalova, N.P. Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation). E-mail: mochalova2014@rambler.ru

Keywords: Russian dialects; dwelling; house; meaning; dialect speaker; synonym cluster; dialectal.

The study of the conceptual field of the words with the archiseme *peasant’s log house, dwelling* in various dialects gives an idea of the originality of the people’s views on the world, the value system of rural dwellers, allows to trace the specific attributes of the cultural-historical development of Russian ethnicity, to represent the dialectal picture of the world in its territorial diversity. The aim of this work is to make the analysis focusing on the ethnolinguistic aspect of the semantic space of the word “dwelling” drawn on the lexis and phraseology of the Russian dialects in the Republic of Mordovia. The scientific novelty is determined by the lack of an analytical description of the ethnic experience presented by the semantic space of the word “dwelling” in the Russian dialects of the Republic of Mordovia, of the specifics of naming fragments of reality, attributable to the national-cultural originality of the language situation in the context of bilingualism. The study is carried out on the basis of the *Dictionary of Russian dialects on the territory of the Republic of Mordovia* which contains 647 lexical and phraseological units of the semantic field under consideration. In the course of study the following methods were used: descriptive, analytical, component, seme-onomasiological, as well as linguistic and cultural method of interpretation. The results of the study revealed unique information about the life and household activities of the Russian population in the Republic of Mordovia; the paper provides examples attesting to the fact that the purpose of the peasant’s log house was not only for permanent living, but also for other purposes (household, ritual, etc.). The conceptual field of the word *peasant’s log house, dwelling* in the studied dialects is structured by a number of microfields, which are characterised by semantic diversity: 1. Characterisation of a dwelling by the attribute “new – old”. 2. Characterisation of dwelling by size. 3. Characterisation of dwelling by building material. 4. Reflection of the gradual construction of a dwelling (laying the foundation, flooring, erecting the walls, making a ceiling, roofing, laying out). 5. Layout of a peasant’s house. 6. Characterisation of the exterior of a dwelling. 7. Names of a dwelling that characterise everyday household activities. The Russian dialects in the Republic of Mordovia have a significant number of lexemes denoting the name of a house, stages of its construction, as well as various activities accompanying this process. Unlike the literary language, the dialects are characterised by a greater detail in different names that are not available in the standardised language. In addition, the paper presents numerous synonymic rows of lexemes and phraseological units to name rooms as well as items used when building a house. Therefore, information reflecting the process of construction and specific attributes of peasant’s houses interior in a geographically confined society, gives the opportunity to store information about the ethnic specificity and traditional way of life of the Russian people on the territory of Mordovia, to trace changes occurring during the twentieth century.

REFERENCES

1. Brysina, E.V. (2013) *Dialekt kak forma translyatsii traditsionnykh tsennostey* [Dialect as a form of translation of traditional values]. [Online] Available from: http://narfu.ru/university/library/books/2194.pdf. (Accessed: 08.05.2017).
2. Andreev, V.K. (1993) *Nazvaniya postroek i ikh chastey v pskovskikh govorakh (nominativnyy aspekt)* [Names of buildings and their parts in the Pskov dialects (nominative aspect)]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.

3. Zabrodkina, E.A. (2007) Semanticheskoe pole kontsepta “dom” v russkikh narodnykh govorakh [Semantic field of the concept “house” in Russian folk dialects]. *Lichnost’. Kul’tura. Obshchestvo*. 9:4 (39). pp. 341–347.
4. Rudelev, V.G. (1958) *Leksika zhilishcha i zhilishchno-khozyaystvennogo stroitel’stva v nekotorykh yuzhnorusskikh ryazanskikh govorakh* [Vocabulary of dwelling and housing construction in some South Russian Ryazan dialects]. Philology Dr. Diss. Orenburg.
5. Shubina, N.G. (2004) *Naimenovaniya zhilykh i khozyaystvennykh postroek v govore sela gorodishche Starooskol’skogo rayona Belgorodskoy oblasti* [Names of residential and household buildings in the dialect of the village Gorodishche of Starooskolsky district of Belgorod Oblast]. Philology Cand. Diss. Elets.
6. Chernetskikh, T.I. (2000) *Leksiko-semanticheskaya gruppa “zhilishche” kak reprezentant fragmenta regional’noy kartiny mira: (na materiale slovarya russkikh govorov Altaya)* [The lexico-semantic group “dwelling” as a representative of a fragment of the regional picture of the world: (on the material of the dictionary of Russian dialects of the Altai)]. Philology Cand. Diss. Barnaul.
7. Bol’shakova, E.S. et al. (1978–2006) *Slovar’ russkikh govorov na territorii Respubliki Mordoviya: uchebnoe posobie po russkoy dialektologii* [Dictionary of Russian dialects on the territory of the Republic of Mordovia: a textbook on Russian dialectology]. Vols 1–8. Saransk: Mordovia State University.
8. Nikonova, L.I. et al. (2012) *Narody Mordovii: istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [The peoples of Mordovia: historical and ethnographic research]. Saransk: Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia.
9. Akimova, E.N. et al. (2015) *Chelovek i ego mir v dialektnoy frazeologii russkikh govorov Mordovii* [Man and his world in the dialectal phraseology of the Russian dialects of Mordovia]. Saransk: Mordovia State University.
10. Bazhenova, T.E. (2011) Naimenovanie postroek v predelakh traditsionnogo kompleksa krest’yanskogo doma v Samarskikh govorakh [Names of buildings within the traditional complex of the peasant house in the Samara dialects]. In: Gerd, A.S. (ed.) *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (materialy i issledovaniya) 2011* [Lexical atlas of Russian folk dialects (materials and research) 2011]. St. Petersburg: Nauka.
11. Kiseleva, G.V. (1998) Russkaya pech’ kak yavlenie dukhovnoy kul’tury [Russian stove as a phenomenon of spiritual culture]. In: *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (materialy i issledovaniya) 1995* [Lexical atlas of Russian folk dialects (materials and research) 1995]. St. Petersburg: IL RAS.
12. Mochalova, T.I. & Maslova, A.Yu. (2013) Frazeokomponenty “stroeniya, predmety byta” kak otrazhenie dialektnoy kartiny mira v russkikh govorakh Respubliki Mordoviya [Phraseocomponents “buildings, objects of life” as a reflection of the dialectal picture of the world in the Russian dialects of the Republic of Mordovia]. In: Gerd, A.S. (ed.) *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (materialy i issledovaniya) 2013* [Lexical atlas of Russian folk dialects (materials and research) 2013]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

Received: 18 June 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 38–43. DOI: 10.17223/15617793/420/5

УДК 811.161.1

Л.А. Иванова

ФИЗИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ В ИДИОЛЕКСИКОНЕ СИБИРСКОГО СТАРОЖИЛА

Статья посвящена описанию физического времени в идиолекте русского старожила Сибири. Описаны способы вербализации основных свойств времени, таких как последовательность, протяженность, делимость на отрезки, движение от прошлого к будущему. Анализируются единицы, номинирующие данные свойства, и их реализация в дискурсивной практике языковой личности диалектоносителя. Восприятие времени синкретично связано с восприятием пространства. В результате делается вывод, что в идиолексиконе проявляются характерные черты традиционной культуры: стремление к соблюдению установленного порядка, пассеизм, несвойственность планирования событий далекого будущего.

Ключевые слова: идиолект; диалектная языковая личность; время; физическое время; народно-речевая культура.

В рамках антропоцентрической парадигмы, утвердившейся в современной лингвистике, особую актуальность приобретает проблема исследования *языковой картины мира.* В ее изучении центральным объектом становится языковая личность как субъект осмысления мира. В качестве субъекта может выступать человечество в целом, отдельный народ (этнос), группа людей в пределах этноса, конкретный человек. Таким образом, в основе построения картины мира может находиться как обобщенный носитель языка, так и индивидуальный, наделенный реальными характеристиками.

Основное внимание современных исследователей направлено на изучение типизированной языковой личности как некоего собирательного образа человека, но ее конструкт создается именно на основе конкретной языковой личности, репрезентирующей тип культуры, к которому она относится, представляя непосредственную реализацию языка, а не усредненную модель. При обращении к конкретной языковой личности чаще изучаются носители элитарной культуры (писатели, телеведущие, ученые, общественные деятели). Так, существуют работы, посвященные изучению языковой личности профессора К.И. Бендера [1], Д.С. Лихачева [2], А.С. Пушкина [3], И.С. Тургенева [4] и др. Однако не менее важно исследование рядового носителя языка в его естественной коммуникации, а особенно носителя традиционной народной культуры, поскольку диалекты репрезентируют основы национального видения мира.

Существенным элементом любой картины мира являются *представления о времени* как об универсальной категории, сквозь призму которой воспринимается бытие человека.

Изучение категории времени осуществляется с разных позиций. Ученые (Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, Б.А. Успенский и др.) описывают существующие модели времени, из которых наиболее разработанной является модель, в которой выделяют время циклическое, определяемое природными циклами – солнечными и лунными, и время линейное, определяемое течением событий. Циклическая модель выражает наивные представления о времени, рисует картину мира, существующую как цикл – некоторый промежуток времени, по прошествии которого события начинают повторяться. Линейная концепция времени репрезентирует научные представления о нем и подразумевает, что события происходят в определенный временной промежуток. Линейный временной процесс представляет собой «ленту времени» и связан с историей как последовательностью уникальных событий.

Аспекты описания времени различны. В современной лингвистике на первый план выходят когнитивный и тесно связанный с ним лингвокультурологический, в русле которых рассматриваются явления внутренней ментальной природы человека, их воплощение в языке и взаимодействие с культурой. С этих позиций время является малоизученной проблемой. Концептуальное осмысление категории отражено в работах В.И. Постоваловой, Т.В. Булыгиной, А.Д. Шмелева, рассматривающих время через систему языковых универсалий – концептов. В сборнике статей «Логический анализ языка. Язык и время» под ред. Н.Д. Арутюновой [5] особое место также уделяется способам концептуализации этой категории. Когнитивный аспект времени рассматривается и в работе Е.С. Яковлевой «Фрагменты русской языковой картины мира» [6], при этом речь идет о наивных представлениях о времени. Как лингвокультурологическая категория время рассматривается и в исследовании Л.Н. Михеевой [7].

Категория времени привлекает внимание и исследователей традиционной народно-речевой культуры. На материале говоров юга Тюменской области она получает детальное лингвокультурологическое описание в работе С.М. Беляковой [8]. Семантический аспект вербализации единиц времени в архангельских народных говорах анализирует Е.В. Первухина [9]. В исследовании Д.И. Лалаевой [10], выполненном на материале донского казачьего диалекта, рассматривается этнолингвокультурологический аспект категории. В том же ключе категория времени интерпретируется Г.В. Калиткиной. Ее работа «Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке» посвящена исследованию ключевых темпоральных концептов в среднеобских диалектах [11]. Исследователи традиционной народной культуры описывают время как культурный феномен, отражающий народное мировосприятие и миропонимание.

С точки зрения конкретного диалектоносителя категория времени не рассматривалась, т.е. данное исследование представляет собой первый опыт обращения к проблеме времени в идиолекте сибирского старожила. Объектом исследования является Вера Прокофьевна Вершинина (1909–2004), жительница села

Вершинино Томской области. В качестве источника в работе использовался «Полный словарь диалектной языковой личности» [12], включающий собранную у информанта в течение 24 лет лексику и фразеологию, а также лежащие в основе словаря записи текстов, фиксирующие речевые практики языковой личности.

В идиолексиконе Веры Прокофьевны находят отражение разные сферы существования человека, связанные со временем. Можно говорить о времени биологическом, характеризующем периоды существования человека от рождения до смерти; культурном, связанном с культурными традициями, принятыми в социуме; социальном, отражающем динамику развития общества в целом и отдельного человека в нем и др. Основное место среди них занимает время физическое как априорная характеристика мира. Оно существует объективно и не зависит от представлений человека, но именно оно определяет ход всех других процессов. Целью данной работы является описание фрагмента темпоральной картины мира диалектоносителя, отражающего время физическое.

Время, как и пространство, является основным ориентиром человека в мире, но, в отличие от пространства, представляет собой умозрительную категорию, эмпирически не наблюдаемую, не имеющую денотата в действительности, поэтому нет универсального определения времени. Исследователи предлагают ориентироваться на модель понятия, согласно которой время есть объективная сущность, обладающая количественными и качественными свойствами [7, 13, 14]. Количественная сторона времени связана с временно́й последовательностью и существует как внешняя рамка для его измерения. Качественный аспект «учитывает различия моментов с точки зрения их отношения к процессу становления» [Там же. С. 15], связан с внутренней, онтологической сущностью событий. Фундаментальными свойствами времени, определяющими его сущность, являются *протяженность*, которая складывается «из смены последовательно существующих событий и состояний» [Там же. С. 16], и *последовательность*, т.е. существование событий в определенном порядке.

Как и все другие категории, организующие человеческую жизнь, время находит вербальное выражение. «Без языка время навсегда осталось бы лишь сопутствующим устройству мира физическим обстоятельством. Вербальное осознание времени обогащает ценностный компонент картины мира» [15. С. 94]. В идиолексиконе диалектоносителя получают отражение общие свойства времени.

Лексическими маркерами *протяженности* являются единицы, обозначающие длительность события во времени, которую можно описать через оппозицию «продолжительный / кратковременный»: **БОЛЬШО'Й** ‘Продолжительный по времени’, **ДАВНО'ШНЫЙ** ‘Существующий долгое время, давно созданный, сделанный’, **ДЛИ'ННЫЙ** ‘Протяженный по времени’, **КОРЫ'СТНЫЙ** ‘Продолжительный по времени’, **ДАВНО'** ‘В течение долгого времени, с давних пор до настоящего момента’; **ДО'ЛГО** ‘В течение длительного времени’; **НАДО'ЛГО** ‘На значительный срок, на продолжительное время’ / **КОРО'ТКИЙ** ‘Непродолжительный, небольшой по времени’; **КРАТКОВРЕ'МЕННЫЙ** ‘Продолжающийся короткое время’; **МАЛЕ'НЬКО** ‘Непродолжительное время’; **МА'ЛО** ‘Непродолжительное время, недолго’; **НЕДО'ЛГО** ‘В течение небольшого промежутка времени’; **НА МИНУ'ТКУ** ‘На очень короткое время, ненадолго’: *«Свадьбы-то **больши** были. А гуляли-то по неделе»; «А избушечка веселенька така' у него, шифонер, гардероб **давношний** стоит»; «Са'ма **длинна** операция четырнадцать часов. Ой! Долго, ага»; «Декабрь-то – все **коротки** дни»; «**Недолго**, кажется, и разговаривала – попала впросак [сожгла пироги]».*

Наполняющие человеческую жизнь события следуют в определенном порядке: в идиолексиконе существуют единицы для обозначения порядка следования событий. Любое событие, действие, совершаемое во времени, имеет начало и конец: **НАЧА'ЛО** ‘Первый момент, первый период чего-л., протекающего во времени), **КРАЙ** ‘Конец или начало чего-л., протекающего во времени’; **КОНЕ'Ц** ‘Последний момент чего-л., протекающего во времени, а также время, связанное с этим моментом’: **ВСЕ** ‘Конец, кончено’. Материал показывает, что последовательность событий описывается через единицы пространства: *«Если милицию вызвать, то не жить уж это [с мужем], дело **к концу** уж надо»; «Ну, он на войне был. От **края до края**»; «Ну, **с краю** уж [начну рассказ]».* Кроме того, в идиолексиконе время характеризуется как движение в пространстве и потому предполагает разнородные параметры, характеризующие это движение. Точкой отсчета выступает некое временное событие: **БЛИ'ЗКО**[1], **НАЗА'ДЬ**, **ДАЛЕКО**[1], **ГДЕ'НИДЬ**, **ВПЕРЕД**[1]: *«Так они уж, наверно, тода' **близко** к выезду? [скоро приедут в гости]»; «Миша-то уж **далеко** [умер], дак… а тут **близко** [племянник]»; «Вы деньги отдали **вперед** али нет, не отдали?»; «Ну **где-нибудь** в шесь ли как ли я шла, вчера»; «Убежит куды'-то, уедет зайчиком и… года два-три **назадь**».* Это архаическая черта, присущая традиционной картине мира, для которой характерно «взаимопроникновение пространственных и других качественных категорий и проявленность категории пространства в различных сферах бытия» [16. С. 81].

В идиолексиконе есть и другие единицы, с помощью которых человек стремится упорядочить время относительно точки отсчета. Событие может происходить в начале какого-либо временного отрезка: **СРА'ЗУ** ‘Сначала’, **СНО'ВА** ‘Сначала, в первое время’, **СНАЧА'ЛА** ‘Вначале, в первое время’; **ПЕ'РВО ВРЕ'МЕЧКО** ‘На первых порах, вначале’; **В ПЕ'РВУ(Ю) О'ЧЕРЕДЬ** ‘Прежде всего’; **ПОПЕ'РВОСТИ** ‘Сначала, на первых порах’; **ПЕ'РВО** ‘Сначала’: *«А Володя там, и Алла была ешо, **сразу-то**»; «Они мя'гки, **сно'ва-то**, пуши'стеньки. А потом поспят на них, они как эти… ну, как песок там изде'лаются»; «Че-то у его признали, **перво** говорили, с сердцем плохо, а потом признали как язва желудка»; «Мне надо привезти **в перву очередь**, хочу я тележку навозу привезти ешо».*

Действия могут выполняться одновременно либо сменять друг друга через разные временные промежутки: **ВМЕ'СТЕ** ‘Одновременно, в то же время’;

ВРАЗ ‘Одновременно и в совокупности’; **ПОПУ'ТНО** ‘Одновременно, наряду с чем-л. другим, основным’; ♦ **С ОДНЕ'Х РУК** ‘В один прием, одновременно с чем-л.’: *«И все [угощение на свадьбе] ставили **враз**, не то что там холодное или горячее там выбирают, по'лны столы»; «Ты принеси мне ее [салатницу]. И тазик принеси **попутно**».*

Разновременность можно охарактеризовать как шкалу, где порядок событий обозначается в зависимости от длительности временного промежутка:

1. Действие выполняется непосредственно за предшествующим, временной промежуток между двумя событиями, действиями очень короткий: ♦ **НА РАЗУ'** ‘Сразу’, ♦**С ОДНЕ'Х РУК** ‘Сразу’; **СРА'ЗУ** ‘В ближайший момент после чего-л.; немедленно’: *«Так и не ши'бко мороз был, а потом **сразу** как-то холод потянул»; «Ступай, делай сразу, **на разу**»; «Поло'жь [ружье], давай суды' **сейчас же**».*

2. Действие совершается спустя какое-то время после предыдущего, но временной промежуток больше: **ВСКО'РЕ** ‘Спустя немного времени после чего-л.’; **ПО'СЛЕ** ‘Спустя некоторое время, позже, потом’; **ПОТО'М** ‘Следуя за каким-л. событием, явлением, действием; спустя некоторое время после них’; **ТАМ** ‘Потом, затем’: *«Его че-то сняли, **потом** опе'ть поставили, п**отом** опе'ть сняли»; «Я **после** яички сварю, окрошечку им налажу».*

3. Действие происходит через длительный отрезок времени: **ВЗАДО'ЛГЕ** ‘Спустя длительное время’: *«Зою-то вот эту хотела нанять – она не пришла. «Загуляла, загуляла!» – после этого **взадо-олге** пришла!»*

Для любого события в жизни человека есть время, специально предназначенное для него. Своевременность в идиолексиконе Веры Прокофьевны маркируется единицами **ВО'ВРЕМЯ**; **ВОВРЕ'МЯ**; **КАК РАЗ**; **ПО ЧАСАМ**; **ВРЕ'МЯ**[2], **ПОРА'** ‘О наступлении срока для чего-л.’, **СРОК**; **СТРОК**; **ГОДА' ПОДОШЛИ'**; **К ТЕМ ПОРА'М** ‘Ко времени, названному говорящим ранее’. С временной последовательностью связана оппозиция РАНЬШЕ / ПОЗЖЕ, выражающая наступление события по отношению к сроку – моменту, специально предназначенному для этого события. Преждевременность характеризуется единицами **ЗАДО'ЛГЕ**; **ЗАДО'ЛГО**; **ЗАРА'НЬШЕ**; **ПОПЕ'РВОСТИ**; **РА'ННИЙ**; **РА'ННЫЙ**; **РА'НО**[1]; **РА'НО**[2]; **РАНОВА'ТО**; **РАНЬ**; **БЕЗО ВРЕ'МЯ**; опоздание: **ПО'ЗДНО**[1]; **ПО'ЗДО** ‘После обычного, установленного или нужного времени; **ПО'ЗЖЕ**; **ПОПО'ЗЖЕ**.

Наступление события РАНЬШЕ / ПОЗЖЕ отведенного для него времени оценивается диалектоносителем чаще отрицательно, и в этом также видится стремление к порядку, характерное для традиционной культуры в целом: *«Звала вовре'мя, дак не пришла, а тут **безо время**»; «Говорят – на голый лес, как **рано** кукует кукушка – худо»; «Я выполоть выполола, а подбивать ешо **рановато** мале'нько»; «До Петрова дня всегда сено поставят, где вот есь широкопер, вот тода' его скот едят. А если **попозже** – сено плохое»; «Поди, **рано** ешо. Его [табак] как-то **попозже** всегда со'дют».* Значима и своевременность выполнения различных видов домашней работы: ***«Не ко время** прясь худо кажется, зимой-то кажется как вроде кстати».*

Среди качественных свойств времени выделяют его **делимость на отрезки,** а также **движение от прошлого к будущему.**

Течение времени всюду и везде в мире одинаково и не может изменяться. В связи с этим в физике был выработан способ измерения времени, основанный на определенной последовательности событий. Человек не может постичь время как объективную категорию в чистом виде, все существующие способы его измерения – конструкции субъективные, созданные человеком. В качестве одного из таких способов человек использует шкалу времени, состоящую из временных отрезков разной длительности.

Для обозначения больших временных промежутков используются следующие единицы: **ВЕК**[1]; **ГОД**; **ПОЛГО'ДА**; **КВА'РТАЛ** ‘Четвертая часть года’; **МЕ'СЯЦ**; **НЕДЕ'ЛЯ**; **ДЕНЬ**; **СУ'ТКИ**. Небольшие промежутки времени описываются лексическими единицами **ЧАС**[1], **МИНУ'ТА**, **СЕКУ'НДА**: *«А так… гляжу на пульс-то, а у меня сердце от так бьется-бьется, потом перестанет. Ну, там может **секундочку,** ли сколько − перестанет, мне опе'ть плохо»; «Аксинья-то на меня: «Ты ходишь!» А я **полгода** в магазин почти не была»; «За' **три [месяца плачу]:** апрель, май, июнь – **квартал-то**».*

Время может измеряться и через чередование природных циклов разной величины, таких как смена времен года (**ЛЕ'ТО**; **О'СЕНЬ**; **ЗИМА'**; **ВЕСНА'**); месяцев (**ЯНВА'РЬ**; **ФЕВРАЛЬ**; **МАРТ и др.)**, частей суток, которые маркируются как номинативно, так и описательно: **ДЕНЬ**; **ПО'ЛДЕНЬ**; **РАНЬ** ‘Раннее утреннее время’; **РА'НО-ПРЕРА'НО** ‘Очень рано’; **СВЕТА'ТЬ** ‘О наступлении рассвета’; **ВВЕЧЕРУ'** ‘В вечернее время’, **НОЧЬ-ПОЛНО'ЧЬ** ‘О позднем времени суток; очень поздно’; **ТЕМНЯ'ТЬСЯ** ‘О наступлении сумерек, вечера; темнеть’: *«Вот вчера посмотри: **светло,** а все двенадцать часов. Щас-то че, **светло** ешо»; «[Коля идет?] В таку' **рань**-то? Поди, Зоя».*Существует также недельная структура времени, обусловленная не природными факторами, а социальными конвенциями: (**ПОНЕДЕ'ЛЬНИК**; **АВТО'РНИК**; **ВТО'РНИК; СЕРЕДА**; **СРЕДА'**; **ЧЕТВЕРЕГ**; **ПЯ'ТНИЦА**; **СУББО'ТА**; **ВОСКРЕСЕ'НЬЕ**). В отличие от месяцев, деление на недели даже формально не связано с границами сезонов.

Также человек стремится измерить время с помощью специальных приборов: **БУДИ'ЛЬНИК**; **КАЛЕНДА'РЬ**; **ТИ'СЛЕННИК**; **ЧИ'СЛЕННИК**; **ХО'ДИКИ**; **ЧАСЫ**: *«Я это, **в ти'сленнике, в календаре** видала – Макар кода' родился»; «А я кода' стаю', мне надо время посмотреть, я холодильник, это открою, а свет-то видать на **цясах-то**»; «А другая и под **будильник** проспит».*

Человек фиксирует события на временной шкале «хронометрически, хронографически, хронологически – при помощи даты и, превращая их в факты, он придает им определенность. Из независимого от воли субъекта сирконстанта время превращается в параметр измерения явлений и событий» [15. С. 79]. Люди

пытаются соотносить ход времени и происходящие в жизни события, например, с помощью **РАСПИСА'НИЯ**: *«Если она [врач] рабо'тат – како' у ей **расписание** там кода'».*

Время физическое воспринимается чаще как линейное, поэтому в идиолексиконе оно характеризуется как однонаправленное движение, что позволяет говорить о наличии трех временных периодов, к которым человек, так или иначе, обращается в своей жизни: прошлое, настоящее и будущее.

Наибольшее осмысление получают события, относящиеся к прошлому как времени осмысленному. Они могут относиться как к далекому, так и к недавнему прошлому относительно близости к моменту речи. В качестве маркеров далекого прошлого выступают единицы **РА'НЕШНЫЙ**; **ДАВНО'**; **ДАВНЫ'М-ДАВНО'**; **ДАЛЕКО** 'Много времени тому назад; давно'; **КОГДА'-ТО** 'Некогда в прошлом'; **ТАМ** 'В то время, тогда'; ♦**ПО-РА'НЕШНЕМУ** 'Так, как в прежнее время'; ♦**ПО-СТАРИ'ННОМУ** 'Как было принято раньше, в старину': *«Татары приехали **давно,** годов триста уж и жили»; «Может, это и **раньше** така' пословица была»; «Конфеты каки'-то барнау'льски – таки' как **по-старинному** завернуты»; «**Те годы** бы не разрушили бы, так все было бы и было бы [о церкви, религии]».*

Отнесенность событий к недавнему прошлому характеризуется единицами **ВЧАРА'ШНЫЙ**, **ТРЕТЕВНИШНЫЙ** (позавчерашний); **БЛИ'ЗКО** 'Немного времени тому назад; недавно'; **ВОТ** 'Недавно, в недалеком прошлом'; **ДА'ВЕ** 'Немного времени тому назад'; **НЕДА'ВНО**; **ТО'ЛЬКО**[3] 'Совсем недавно'; **ТО'ЛЬКО-ТО'ЛЬКО**; ♦ **ПОСЛЕ'ДНЕ(Е) ВРЕ'МЯ** 'Недавно'; ♦ **Э'ТИ ГОДА'** 'Недавно, в последние годы': *«Посолила **даеча** [огурцы], они же не просоле'ли ешо»; «Дочка вышла у их вза'муж, вот **недавно** свадьба была»; «Иван [валенки] подшил ей – **только-только** надела, наверно, первый раз – и надо же так! [потеряла]»; «Я ешо вот **эти года** – прибавили огород Коле – копала, дерно', топором рубила».*

Настоящее отмечено единицами **НО'НЕШНИЙ**; **СЕЙЧА'ШНЫЙ**; **ЩА'СНЫЙ**; **ДНЕ'СЬ** 'Ныне, теперь, сегодня'; **НО'НЧЕ**; **СЕЧА'С**; **ТАПЕ'РИЧА**: *«Двое детей, говорю, в **нонешних** годах как ро'стить одне'х-то, без отца-то?»; «**Нонче** я сильно уже не могу [помогать], ста'ра стала, больна'»; «Утром посули'ла [испечь пироги], дак **таперича** рыбу надо взять там»; «А вот **чечас** у Вали свекор, он не может говорить».*

Будущее в идиолексиконе также шкалировано, можно говорить о далеком и ближайшем будущем. Диалектоносителю не свойственно характеризовать далекое будущее, в качестве показателей отнесенности к нему выступают единицы **ДАЛЕКО-ПРЕДАЛЕКО**; **ЗА ГОРА'МИ** 'В отдаленном будущем'; **КОГДА' (КОДА') ЕЩЕ**; **ДАЛЕКО** 'О не близком, не скором наступлении чего-л.': *«**Далеко** ей [до пенсии], надо много пахать»; «Никуды'шна. Как будет жить **дальше** [больная], не знаю»; «Молода'-то [картошка] ешо **кода будет**, со'дим только».* Ближайшее будущее маркируется большим количеством единиц в сравнении с далеким будущим: **ВОТ-ВОТ**[1]; **ЗА'ВТРА**[1]; **НАЗА'ВТРЕ**, **НАПОСЛЕЗА'ВТРА**, **СКОРЕХОНЬКО**; **НА МАЗЕ'** 'Близко к осуществлению, завершению чего-л.'; **НЕ ЗА ГОРА'МИ** 'Быстро, скоро наступит что-л.'; **НЕ СЕДНЯ-ЗА'ВТРА** 'Очень скоро, в ближайшем будущем'. *«Она вот-вот приедет»; «Дык от – **назавтре** я сижу за ворота'ми, он едет»; «**Скоро** будут частники продавать [огурцы]»; «Ну они тут уж я чувствую, что они как вроде **на мазе**, что вроде сва'тат он ее».*

Наблюдается тяготение диалектоносителя к описанию событий прошлого (пассеизм). При этом отбор событий прошлого производится с точки зрения их актуальности для настоящего времени, что может быть связано с повторением событий прошлого в настоящем либо с явным контрастом событий прошлого и настоящего: ***Как сейчас же, как и сейчас. – «Как сейчас же**, все равно, стряпают [пироги на поминки], с морковью, с я'блокими, с яйцами, со всем»; **[Не] как сечас / сейчас**. «Ну все угошшали, конешно, по-особому [на свадьбе], **не как сечас** – всячина' стояла была наставлена на столе»; «Вот, мы раньше работали, да мы… как-то все время было, да все делали. А это ниче не делают, да мне покой надо, да на заслуженном вотдыхе, никакого покою нету, все только делашь, и делашь, и то ва'ришь, то то, то друго…».*

Будущее представлено слабо по сравнению с ПРОШЛЫМ и НАСТОЯЩИМ. Планирование событий, отнесенных к будущему, в целом не свойственно для диалектоносителя. Планируются лишь события, связанные с ближайшим будущим: *«**Завтра** письмо напишу ей»; «**Седня ли завтра** ко мне нагры'нут гости? Приходи **завтре**»; «А я ешо седня думаю: однако, завести ма'ленько, говорю, **к завтраму** состряпать».* Будущее в целом рассматривается как неизвестное, неопределенное, в отличие от прошлого и настоящего, что связано с непредсказуемостью жизни: *«**Дальше**-то не знаю; Дровишки пока есь у меня. А **дальше** там, может, че… мо'жеть, и эти не сожгу», «Пока ходишь день, а **завтра** че-нибудь изде'латся, лежишь».*

Отчетливо прослеживается оппозиция РАНЬШЕ/ ТЕПЕРЬ, настоящее и прошлое наполняются разными ценностными смыслами. В зону осмысления попадают реалии и события, связанные с сельским хозяйством: *«**Раньше-то** вручну' все было. А сейчас все техника»; **Раньше** никто «навоз» не звал, все – «назем»; «Огурцы я садила помно'го **раньше**»;* досугом: *«Так играли всегда, а **щас** как-то не играют. Ну **теперь** телеви'зер смотрют»*; пищей: *«Пошто'-то **раньше** все вкусным казалось, ели»,* рассматривается религиозная сфера *«**Раньше** же знашь как, ши'бко же религию-то соблюдали, а теперь…»*, Период времени, отнесенный к РАНЬШЕ, чаще оценивается как лучший по сравнению с ТЕПЕРЬ, что связано с возрастом диалектоносителя. Осмысляется утрата физического здоровья, наступление старости: *«Так бы откинула лет десять назадь»; «Рад бы не лежал, раньше сидишь – то вяжешь, то прядешь, то че-то де'лашь, а теперь ниче: и руки не работают, и… сама ниче не могу»*; события прошлого переосмысляются с точки зрения времени настоящего, приобретают другие смыслы. Жизнь РАНЬШЕ связывается с молодостью, начинает цениться то, на что ранее, в про-

шлом не обращалось внимания: *«Волосы-то у меня раньше были хоро'ши, а щас ни воло'сьев, ниче нету»*. Но можно отметить неоднозначность оценки, поскольку настоящее может оцениваться как время, лучшее по отношению к прошлому: *«Все равно раньше же мало грамотных было в деревне. Это теперь уж все гра'мотны»; «Раньше из-под горы [воду] таскала, а теперь в ограде»; «Теперь хоть яблок или конфеты че-то купил, а тогда и не было ниче давно уж»*; что связано с введением различных новшеств в жизни и общим улучшением уровня жизни по сравнению с прошлым состоянием.

Таким образом, время в идиолексиконе Веры Прокофьевны воспринимается и как универсальная сущность, и как индивидуальная ценность, организующая все сферы жизни человека. В идиолексиконе находят выражение общие свойства времени, характеризующие его как объективную сущность: последовательность, протяженность, делимость на отрезки, движение времени от прошлого к будущему. Любое событие всегда оценивается с позиций времени: характеризуется его длительность (*«Вы **надолго** ездили в отпуск прошлого'д-то?»; «**Давно** у нас конфеты не возют»*), а также место среди других событий, происходящих в жизни человека (*«Сено **перво** продала, **потом** корову покупа'т!»; «Гена ездит в гости, **попутно** и мне прихватит пару бутылок»*). Наблюдается стремление к упорядоченности событий во времени, характерное для традиционной культуры в целом, все должно происходить в определенное, специально отведенное время. Нарушение этого порядка оценивается скорее негативно.

Делимость времени на отрезки выражается в наличии в идиолексиконе единиц измерения времени различной длительности. Течение времени связано с изменением состояния окружающего мира: смена дня и ночи, дней недели, месяцев, времен года.

Движение времени от прошлого к будущему позволяет говорить о трех периодах: прошлое, настоящее и будущее. Наиболее выделенными предстают события, относящиеся к прошлому как времени осмысленному. Прогнозирование событий будущего для диалектоносителя свойственно гораздо меньше.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кочеткова Т.В. Языковая личность в лекционном тексте. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1998. 216 с.
2. Романова Т.В. Языковая личность Д.С. Лихачева как элитарная языковая личность русского интеллигента // Мир русского слова. 2006. № 4. С. 7–13.
3. Исаева Л.А., Катермина В.В. Языковая личность А.С. Пушкина: особенности проявления в номинации персонажей // Поэтика русской литературы: (Пушкин. Эпоха. Серебряный век) : сб. науч. ст. / отв. ред. Л.А. Степанов. Краснодар, 1999. С. 45–53.
4. Алиомарова Д.М. Языковая картина мира в прозе И.С. Тургенева : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2010. 24 с.
5. Арутюнова Н.Д., Янко Т.Е. Логический анализ языка. Язык и время. М. : Индрик, 1997. 352 с.
6. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М. : Гнозис, 1994. 343 с.
7. Михеева Л.Н. Время как лингвокультурологическая категория. М. : Флинта : Наука, 2006. 96 с.
8. Белякова С.М. Образ времени в диалектной картине мира / под ред. Л.Г. Бабенко. Тюмень, 2005. 264 с.
9. Первухина Е В. Наречия времени и пространства в архангельских народных говорах (семантический аспект) : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2002. 23 с.
10. Лалаева Д.И. Лексико-семантическое поле «Время» в донском казачьем диалекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 28 с.
11. Калиткина Г.В. Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 296 с.
12. Полный словарь диалектной языковой личности : в 4 т. / под ред. Е.В. Иванцовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. Т. 1–4.
13. Рейхенбах Г. Направление времени. М. : Изд-во иностр. лит., 1962. 395 с.
14. Носков А.В. Онтология времени и онтология пространства как основания различения фундаментальных ориентаций в философии) : автореф. дис. … канд. филос. наук. Томск, 1996. 25 с.
15. Рябцева Н.К. Аксиологические модели времени // Логический анализ языка. Язык и время. М. : Индрик, 1997. С. 78–95.
16. Гынгазова Л.Г. Физическое и духовное пространство в дискурсе носителя традиционной культуры // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / Р.Н. Порядина, Л.Г. Гынгазова, Ю.А. Эмер и др. ; отв. ред. З.И. Резанова. Томск : UFO_Plus, 2007. С. 78–110.
17. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Языки русской культуры, 1997. 824 с.
18. Иванцова Е.В. Лингвоперсонология: основы теории языковой личности : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 160 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 30 мая 2017 г.

PHYSICAL TIME IN THE IDIOLECT OF A SIBERIAN OLD-TIMER

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 38–43.
DOI: 10.17223/15617793/420/5

Lyudmila A. Ivanova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ludon26@mail.ru

Keywords: idiolect; dialect language personality; time; physical time; folk speech culture.

The article analyzes the fragment of the temporal picture of the world reflecting physical time in the idiolect of a folk speech culture representative. Time is an important element of any picture of the world. The concept of time permeates language and all our consciousness as a whole and, therefore, belongs to the essential categories of human consciousness. Time is perceived as a universal entity and as an individual value that organizes all spheres of a person's life. Different spheres of human existence are reflected in Vera Prokofyevna's idiolect. We can talk about biological time, which characterizes the periods of human existence from birth to death; about cultural time, associated with cultural traditions adopted in society; about social time, reflecting the dynamics of the development of society as a whole and of the individual in it, etc. Physical time occupies a major place among them as an a priori characteristic of the world. The *Complete Dictionary of the Dialect Language Personality* served as a source of research. Physical time is the main type of time: it determines all processes and phenomena in human life and has properties that characterize it as an objective entity: sequence, extent, divisibility into segments, the movement of time from past to future. The dialect language personality assesses any event from the perspective of time: characterizes its duration and place among other events occurring in human

life. The property "extent" of units denoting the duration of an event in time can be described through the opposition "long / short". Events that fill the human life follow a certain order. Any event, action has a beginning and an end. Traditional culture tends to observe the established order: everything must happen at a certain specially designated time. Violation of this order is assessed negatively. The perception of time is syncretically connected with the perception of space, which is also an archaic feature. Units of time of different duration represent such a property of time as divisibility into segments. Time flow is associated with a change in the state of the surrounding world: the change of day and night, days of the week, months and seasons. The movement of time from past to future allows us to talk about three periods: the past, the present and the future. Events of the past receive a deeper reflection, because they are more relevant. Forecasting events of the future for the dialect language personality is much less common.

REFERENCES

1. Kochetkova, T.V. (1998) *Yazykovaya lichnost' v lektsionnom tekste* [Language personality in the lecture text]. Saratov: Saratov State University.
2. Romanova, T.V. (2006) Yazykovaya lichnost' D.S. Likhacheva kak elitarnaya yazykovaya lichnost' russkogo intelligenta [Language personality of D. Likhachev as an elite language personality of a Russian intellectual]. *Mir russkogo slova*. 4. pp. 7–13.
3. Isaeva, L.A. & Katermina, V.V. (1999) Yazykovaya lichnost' A.S. Pushkina: osobennosti proyavleniya v nominatsii personazhey [Language personality of A.S. Pushkin: features of expression in naming characters]. In: Stepanov, L.A. (ed.) *Poetika russkoy literatury: (Pushkin. Epokha. Serebryanyy vek)* [The poetics of Russian literature: (Pushkin. Era. The Silver Age.)]. Krasnodar: Krasnodar State University.
4. Aliomarova, D.M. (2010) *Yazykovaya kartina mira v proze I.S. Turgeneva* [The language picture of the world in the prose of I.S. Turgenev]. Abstract of Philology Cand. Diss. Makhachkala.
5. Arutyunova, N.D. & Yanko, T.E. (1997) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyk i vremya* [Logical analysis of the language. Language and time]. Moscow: Indrik.
6. Yakovleva, E.S. (1994) *Fragmenty russkoy yazykovoy kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)* [Fragments of the Russian language picture of the world (models of space, time and perception)]. Moscow: Gnozis.
7. Mikheeva, L.N. (2006) *Vremya kak lingvokul'turologicheskaya kategoriya* [Time as a linguistic cultural category]. Moscow: Flinta: Nauka.
8. Belyakova, S.M. (2005) *Obraz vremeni v dialektnoy kartine mira* [The image of time in the dialect picture of the world]. Tyumen: Tyumen State University.
9. Pervukhina, E.V. (2002) *Narechiya vremeni i prostranstva v arkhangel'skikh narodnykh govorakh (semanticheskiy aspekt)* [Adverbs of time and space in Arkhangelsk folk dialects (semantic aspect)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
10. Lalaeva, D.I. (2007) *Leksiko-semanticheskoe pole "Vremya" v donskom kazach'em dialekte* [The lexico-semantic field "Time" in the Don Cossack dialect]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.
11. Kalitkina, G.V. (2010) *Ob"ektivatsiya traditsionnoy temporal'nosti v dialektnom yazyke* [Objectivization of traditional temporality in dialect language]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Ivantsova, E.V. (ed.) (2007) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti: v 4 t.* [Complete Dictionary of the Dialect Language Personality]. Vols 1–4. Tomsk: Tomsk State University.
13. Reykhenbakh, G. (1962) *Napravlenie vremeni* [The direction of time]. Moscow: Izd-vo inostr. lit.
14. Noskov, A.V. (1996) *Ontologiya vremeni i ontologiya prostranstva kak osnovaniya razlicheniya fundamental'nykh orientatsiy v filosofii* [Ontology of time and ontology of space as the basis for distinguishing fundamental orientations in philosophy]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Tomsk.
15. Ryabtseva, N.K. (1997) Aksiologicheskie modeli vremeni [Axiological models of time]. In: Arutyunova, N.D. & Yanko, T.E. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyk i vremya* [Logical analysis of language. Language and time]. Moscow: Indrik.
16. Gyngazova, L.G. (2007) Fizicheskoe i dukhovnoe prostranstvo v diskurse nositelya traditsionnoy kul'tury [Physical and spiritual space in the discourse of the bearer of traditional culture]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: prostranstvennye modeli v yazyke i tekste* [Pictures of the Russian world: spatial models in language and text]. Tomsk: UFO_Plus.
17. Stepanov, Yu.S. (1997) *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture. Experience of the study]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
18. Ivantsova, E.V. (2010) *Lingvopersonologiya: osnovy teorii yazykovoy lichnosti* [Linguopersonology: the foundations of the theory of language personality]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 30 May 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 44–50. DOI: 10.17223/15617793/420/6

УДК 801.73

А.А. Казаков

ПРОБЛЕМА «НАСТОЯЩЕГО» В ЦЕННОСТНОЙ АРХИТЕКТОНИКЕ Л.Н. ТОЛСТОГО

Рассмотрен один из ключевых аспектов ценностной архитектоники художественного мира Л.Н. Толстого: проблема «настоящего», подлинного, действительно существующего и экзистенциально насущного (и противоположного ему мнимого, миражного, фиктивного). Событийный характер любого рода ценности заставляет с особым вниманием отнестись к аксиологическому феномену, в основе которого бытийная подлинность сама по себе. Проблема подлинного (и миражного) предельно важна для художественной антропологии Толстого и его эстетики (в том числе в связи с проблемой реализма).

Ключевые слова: Л.Н. Толстой; ценностная архитектоника; реализм; авторская позиция; настоящее; подлинное.

Методологической подоплекой данного исследования стало представление о том, что сущность художественного произведения (и в аспекте того, что обычно называют содержанием, и в аспекте формы) заложена в ценностной архитектонике, сложном плетении трагического, комического, героического, низменного и других ценностных комплексов.

Поскольку ценностное по своей природе не предметно, а событийно (как это определяет М.М. Бахтин [1. С. 12]), или, в другой терминологии, является «модусом бытия» (в генетически связанных системах М. Хайдеггера [2. С. 98–100] и Г.-Г. Гадамера [3. С. 338–345]), проблема подлинного, истинного, действительно существующего приобретает особый статус. Эта ценность делает предметом аксиологического отношения саму свою событийность, бытийную полновесность.

Вот пример такого проступания подлинного, действительно существующего, экзистенциально насущного в мире Л.Н. Толстого:

«Вдруг весь мир для него [Николая Ростова] сосредоточился в ожидании следующей ноты <...> Эх, жизнь наша дурацкая! – думал Николай. Все это, и несчастье, и деньги, и Долохов, и злоба, и честь – все это вздор... а вот оно – настоящее... И это что-то было независимо от всего в мире и выше всего в мире. Какие тут проигрыши, и Долоховы, и честное слово!.. Все вздор! Можно зарезать, украсть и все-таки быть счастливым...» [4. Т. 5. С. 64–65].

Здесь очень характерно вступают в интерференцию разные смыслы слова «настоящее». В первую очередь речь идет о бытийной полновесности, «немиражности», насыщенности присутствия. Но важен и временной смысл этого слова: обратим внимание на момент сосредоточения героя «в ожидании следующей ноты»[1].

Ценностный аспект художественного мира Л.Н. Толстого часто становился предметом исследовательского интереса [6, 7], но, как правило, аксиология писателя рассматривалась опредмеченно, с утратой исходного событийного измерения. Исследование ценностей в субстантивированном виде (земля и небо, война и мир и пр.) позволяет ухватить только один из аспектов художественной аксиологии Л.Н. Толстого, более полная картина открывается при изучении ценности как модуса бытия. Наиболее очевидна роль бытийной полновесности (или отсутствия таковой) в случае рассмотрения проблемы «настоящего».

Художественный мир Л.Н. Толстого невозможно связать с единой непротиворечивой ценностной моделью организации реальности (наподобие разделения ценностных полномочий между Я и Другим в мире Достоевского). Автор «Войны и мира» пробует разные варианты смыслового собирания действительности, перемешивая их, испытывая и отбрасывая их как неудовлетворительные, совмещая в поисках полноты взаимоисключающие варианты.

И вот мы видим у Толстого, ***во-первых***, традиционную конвенциональную модель аксиологической организации жизни, которая характерна для народного бытия (и судьбы героев, стремящихся к народу): жизнь будет осмысленной, если делать то, что считает правильным народ (который выступает здесь в роли авторитетной анонимной Другости).

Поле ценностного напряжения организуется здесь следующим образом: живущее Я вкладывает в поступки материал для возможной оценки окружающих (т.е. ценностную выстроенность с точки зрения Другого), все делается с учетом существующих представлений о том, что хорошо и что плохо, по которым потом поступок будет оценен.

Вот один из хрестоматийных примеров взаимодействия толстовского героя с позицией Другого: «“<...> Это удивительно, как я умна – и как... она мила”, – продолжала она [Наташа Ростова], говоря про себя в третьем лице и воображая, что это говорит про нее какой-то очень умный, самый умный и самый хороший мужчина... “Все, все в ней есть, – продолжал этот мужчина, – умна необыкновенно, мила и, потом, хороша, необыкновенно хороша, ловка – плавает, верхом ездит отлично, а голос! Можно сказать, удивительный голос!”» [4. Т. 5. С. 202].

Заметим, что Другой здесь – именно некий анонимный (но авторитетный) представитель общественного мнения. И героиня рассчитывает, что «кирпичики», из которых составлено ее бытие, обязательно будут оценены Другим по достоинству, аксиологические субстантивы, «заслуги», которые она может предъявить Другим, имеют доказательную силу, поскольку выработка этих «заслуг» изначально происходит именно в контексте негласного соглашения с Другими по поводу того, что́ делает девушку «необыкновенно милой».

Такую систему аксиологической организации жизни М.М. Бахтин характеризует как «биографическое» смысловое целое [1. С. 215–229]. Похожую нравственную философию, опирающуюся на стратегию поступка, выстроенного в ценностно напряженном контексте среды и традиции, можно найти также в трудах Х.-Г. Гадамера [3. С. 371–383].

Во-вторых, мы сталкиваемся с ценностной феноменологией позиции Я. Ценностная выстроенность реальности, как предполагает эта тенденция, обеспечивается внутренней работой, которая возможна только наедине с самим собой.

Событие встречи с Другим здесь тоже учитывается во всей его важности и многомерности, но в конечном счете Другой оказывается угрозой. Я – единственный источник ценностей в рамках описываемой модели. В «Отце Сергии» говорится: «Чем меньше имело значение мнение людей, тем сильнее чувствовался Бог» [4. Т. 12. С. 384].

Человек должен сам проделать внутреннюю работу инкарнации ценностей, чтобы они обрели бытие и в его конкретной жизни. Нельзя переложить этот труд на Другого, воспользоваться плодами духовной работы последнего (передача от человека к человеку происходит только в обезличенно-стертой форме). То, что мы размещены событийно всегда перед лицом Другого, искушает нас отказаться от собственной работы.

Ценностная феноменология Я определяется у Толстого исключительно мерой долга и вины. Эти долг и вина опознаны как выходящие за пределы полномочий Других («Мне отмщение и Аз воздам» – библейский эпиграф к «Анне Карениной»), но преодолеть долженствование и виновность, обрести оправданность и искупление, прощение, исполнение долга изнутри себя оказывается проблематичным.

В-третьих, ведется поиск аксиологических субстантивов, ценностных «кирпичиков», из которых можно было бы выстраивать свое бытие по типу «народной» модели (первой в этом перечне), но в перспективе Я, без зависимости от авторитетного мира Других – такого рода авторитетность дискредитируется, низводясь до относительности общественного мнения. Как представляется Толстому, подобное самовыстраивание возможно, нужно лишь найти безусловные, безотносительные – «Божьи» – аксиологические субстантивы (позиция Бога при этом понимается не как нечто архитектонически иноприродное человеку, не как Другой, а как еще одно Я, только свободное от ошибок, обладающее знанием безусловно правильного, бытийствующее ценностно оправданно необходимым образом).

В-четвертых, событийная полновесность человеческого присутствия иногда может вообще отрываться от ценностного контекста и пониматься виталистически. Непредметный характер событийного присутствия человека предполагает, что его практически невозможно ухватить для положительного рассмотрения, если не видеть позиционной архитектоники Я и Другого. Этим можно объяснить тот факт, что у Толстого событийность иногда подменяется ее объективированным суррогатом – витальной силой.

Попробуем проследить, как происходит ценностная «самоорганизация» жизни в произведениях Толстого, помня о том, что здесь наблюдается интерференция нескольких противоположных тенденций.

Вопрос о событийной полновесности человека в мире Толстого связан со следующей специфической проблемой: *одни герои обладают ценностными основаниями бытия, другие нет*. Одни связаны с некими подлинными источниками ценностной осмысленности жизни, другие нет. Мы позволяем себе вводить такое феноменологически расплывчатое понятие («подлинные источники»), поскольку нет возможности определить четче продукт взаимодействия разнородных концепций аксиологической организации жизни: здесь есть нечто и от ценностных «кирпичиков» конвенциональной «народной» модели, есть и пафос проверки этих «источников» на вечность, неотносительность, внеконвенциональность, присутствует и критика такого рода субстантивов с точки зрения феноменологии Я, наблюдаются и следы внеценностного виталистического видения.

Лучше всего видно действие этих «подлинных источников» в поведении героев, лишенных аксиологической оправданности: либо в их симулировании причастности к подлинному (отношения родителей и детей в обоих направлениях, помощь ближнему, патриотизм, трагическая значительность смерти и т.д.), либо в их ориентации на мнимые источники ценностной оправданности (преданность императору или императрице, рыцарское благородство, светское красноречие или остроумие и т.д.).

Особенно важен первый вариант. Жизнь у Толстого черпает свою оправданность из одних и тех же источников – либо прямо, либо паразитически. Симулирующий, фиктивный вариант обращения к ценностным основам бытия наиболее удобен для анализа, так как масочный характер симуляции предполагает акцент на формальной стороне феномена[2]. Примеров такого рода паразитического использования того, что могло бы дать подлинную бытийную обоснованность, в романе «Война и мир» огромное множество: обращения к образу сына («римского короля») и организация «дома моей матери» у Наполеона, «моя бедная мать» в мечтах мадемуазель Бурьен о ее связи с каким-либо князем, трудность и возвышенность родительского долга в разговоре Василия Курагина и Анны Павловны Шерер и т.д.

Подробно проанализируем такое симулирующее обращение к подлинным источникам жизни на примере поведения княгини Анны Михайловны Друбецкой в связи со смертью Безухова-старшего и, самое важное, ее интерпретации случившихся событий. Как все помнят, она активно вмешалась в интригу на стороне Пьера, отстояла его интересы, не преминула напомнить и о своих интересах в разговоре с ним: «Peut-etre plus tard je vous dirai, mon cher, que si je n'avais pas ete la, Dieu sait ce qui serait arrive. Vous savez, mon oncle avant-hier encore me promettait de ne pas oublier Boris. Mais il n'a pas eu le temps. J'espere, mon cher ami, que vous remplirez le desir de votre pere. [После я, может быть, расскажу вам, что если б я не была там, то Бог знает, что бы случилось. Вы знаете, что дядюшка третьего дня обещал мне не забыть Бориса, но не успел. Надеюсь, мой друг, вы исполните желание отца]» [4. Т. 4. С. 110].

Вот как она интерпретирует происшедшее:

«Она говорила, что граф умер так, как и она желала бы умереть, что конец его был не только трогателен, но и назидателен; последнее же свидание отца с сыном было до того трогательно, что она не могла

вспомнить его без слез, и что она не знает, – кто лучше вел себя в эти страшные минуты: отец ли, который так все и всех вспомнил в последние минуты и такие трогательные слова сказал сыну, или Пьер, на которого жалко было смотреть, как он был убит и как, несмотря на это, старался скрыть свою печаль, чтобы не огорчить умирающего отца. “C'est penible, mais cela fait du bien; ca eleve l'ame de voir des hommes, comme le vieux comte et son digne fils” [Это тяжело, но это спасительно; душа возвышается, когда видишь таких людей, как старый граф и его достойный сын], – говорила она» [4. Т. 4. С. 110–111].

Для создания этой ценностной симуляции привлечены важнейшие «подлинные источники» ценностной оправданности жизни: позиции отца и сына в их соотнесенности (в родовой перспективе сын и отец придают друг другу ценностную весомость и оправданность), драматическая значительность смерти, извлечение нравственного урока из неблагоприятных обстоятельств бытия и т.д.

Заметим, впрочем, что здесь мера подлинности этих ценностных основ человеческого бытия размывается, сами первоисточники до некоторой степени фальсифицируются, приобретая приметы морализаторского дискурса в сентиментально-просветительском либо масонском стиле (именно эти парадигмы образуют культурный кругозор Анны Михайловны).

Скажем больше, интерпретация Анны Михайловны имеет все признаки литературности (в морально-дидактическом либо художественном варианте). Позволим себе назвать это так: Анна Михайловна (и герои, подобные ей) «пишут романы», предлагая фиктивную модель аксиологической интерпретации собственной жизни или ее конкретного элемента[3]. Вводя такого рода квазитермин, мы сознательно соотносим его с тем, что Л.Н. Толстой отрицательно относился к романа в европейском понимании.

Художественная феноменология имеет основания в экзистенциальных структурах жизни. Л. Толстой показывает, что и мнимая художественность, искажающая сущность реальности, тоже имеет экзистенциальные истоки. Автор получает право ценностного оформления, обращаясь к жизненным стратегиям аксиологического обустройства реальности. Представители псевдолитературы также обращаются к укорененным в самой жизненной практике стратегиям симуляции ценностной обоснованности.

Иерархия уровней здесь примерно такая: то, что обычно считается литературой («романы») – люди, симулирующие ценностную оправданность своей жизни – творчество Толстого – жизнь с ее подлинной аксиологической обоснованностью.

Можно выделить и еще одну ступень этой иерархии, стоящую ниже «романов» (симуляции жизненной осмысленности в контексте «подлинных источников», а, возможно, и псевдолитературы). Выше говорилось также, что паразитическая организация собственной ценностной весомости может строиться у живущего человека и на основе заведомо ложных (для Толстого) источников.

В мире Толстого представлена еще одна система отсчета, которая называется «умением жить», т.е. способность адекватно вести себя и добиваться успеха в мире социальных условностей:

«“Вы думаете?..” – сказала Анна Павловна, чтобы сказать что-нибудь и вновь обратиться к своим занятиям хозяйки дома, но Пьер сделал обратную неучтивость. Прежде он, не дослушав слов собеседницы, ушел; теперь он остановил своим разговором собеседницу, которой нужно было от него уйти. Он, нагнув голову и расставив большие ноги, стал доказывать Анне Павловне, почему он полагал, что план аббата был химера.

– Мы после поговорим, – сказала Анна Павловна, улыбаясь.

И, отделавшись от молодого человека, *не умеющего жить,* она возвратилась к своим занятиям хозяйки дома» (курсив мой. – *А.К.*) [4. Т. 4. С. 16].

Можно вспомнить, что и Левин в «Анне Карениной» – «дикарь» с точки зрения социального окружения, человек, не умеющий жить (особенно это акцентируется в эпизоде первого сватовства к Кити).

Дополнить наше представление о подлинном у Толстого мы можем, обращаясь к народному идеалу, как его представляет великий писатель. Здесь категория «подлинное» в большей степени переакцентируется как «правильное», но, как будет видно дальше, «правильное» немыслимо у Толстого без аспекта «действительно существующее».

Представление о том, что жизненный идеал Толстого связан с простым народом, крестьянским мировоззрением, традиционно лежит в основе любой попытки истолкования творчества писателя. Но понимаем ли мы четко сущность «народной мудрости» по Толстому? Народный идеал как некое содержательное учение оказывается чем-то ускользающим от четкого определения; любая попытка достроить и додумать недоговоренное писателем наталкивается на специфику его мировоззрения – приходится считаться с тем, что у Толстого многие прописные истины подвергнуты ревизии, должны доказать свою жизнеспособность.

Обычно в народной правде по Толстому видятся такие содержательные свойства, как простота, особая гармония отношений с миром и другими людьми и т.д. Но в мире этого писателя мы не можем довольствоваться неким стереотипным предубеждением, что это хорошо; он отвергает многие само собой разумеющиеся ценности (например, образование в европейском понимании). И здесь мы тоже должны задавать вопрос: почему лучше быть простым, почему нужна гармония (дисгармония тоже может стать основой позитивного, например развития, роста).

Максимально заострим проблему: чему именно такой человек, как Платон Каратаев, может научить Пьера? Заметим, что образ толстовского крестьянского «учителя жизни» специфичен: это не человек, наделенный некоей жизненной авторитетностью, не какой-нибудь народный седобородый патриарх, обладающий правом учить. В образе Платона Каратаева много черт, которые делают невозможным для современного (в широком смысле, включая европейски образованного Пьера) человека ученичество у него. Эта же концепция народной правды последовательно реализуется у продолжателей традиции Толстого; яркий

пример – «Матренин двор» А.И. Солженицына, где Матрена в своем жизненном окружении открыто объявляется деревенской сумасшедшей. Такие черты есть и в образе Платона Каратаева. Это герои, у которых мы не стали бы учиться, потому что они не только ничем зримым не превосходят нас, но даже выглядят ниже, как люди неразвитые, нелепые и смешные. Но, по мысли Толстого и его продолжателей, мы все же должны стать их учениками, потому что, даже будучи такими непритязательными, они обладают знанием чего-то очень важного, чего так не хватает нам.

Главное здесь не в каком-то связном содержательном учении, идеологии, а в чем-то ином. Знал ли Пьер до встречи с Платоном, как строить отношения с женой, с отцом (до его смерти), с людьми своего круга; чем заниматься утром, днем, вечером, зимой, весной, летом, осенью; как поступать, когда кто-то рождается или умирает, получает удары или подарки судьбы; как вести себя в мирной жизни или на войне – т.е. *что делать в самых разных, больших и малых жизненных обстоятельствах, чтобы все сделанное было правильным, уместным, имеющим смысл*? Пьер (и шире – современный человек вообще) таким знанием не обладает. Народный человек, в том числе самый незамысловатый (как Платон Каратаев), знает ответы на эти вопросы. Подчеркнем еще раз, что это народное чувство жизни не какое-то сформулированное учение, идеология, а некий простой жизненный навык – именно так структурируется толстовский идеал (похожий контекст мы увидим и в «Анне Карениной»).

Эту разницу между собой и народом Пьер обнаруживает еще на Бородинском поле, правда, пока в узком контексте: он видит, как вся огромная масса русской армии, в отличие от него, знает, что именно от нее требуется в эту решающую минуту национальной истории. В Платоне он видит то же самое в более всеобъемлющем варианте.

В «Анне Карениной» эта же модель показана с преимущественным акцентом на ее кризисных проявлениях. В этом романе изображена эпоха, когда люди не знают, что делать и в мельчайших, и в крупных обстоятельствах жизни. Вспомним мучения матери Кити: она не знает, как выдавать замуж; по-старому не выдают, а как это делать по-новому, никому не известно. Несколько по-другому с Левиным: он не знает, что делать с умирающим братом Николаем. Вопрос ставится вполне по-толстовски, как это было и с Пьером Безуховым: речь идет о непосредственном навыке, умении жить, и о знании, что делать в конкретных обстоятельствах (рождения, свадьбы, смерти), в конкретных позициях (мужа, брата и т.д.). Левин, видя, что Кити известно, как вести себя с умирающим Николаем, понимает, что это и есть подлинное знание смерти, в отличие от философствования о метафизике смерти, характерного, например, для его старшего брата Сергея Кознышева.

Это знание, как жить правильно, что делать, чтобы все было осмысленно и уместно, сопоставляется в романе с его социальным двойником, симулякром. Читателю показан мир искусственных социальных позиций: председатель, мировой судья, земской депутат, защитник братьев славян и т.д. В этом мире совершенно свободно ориентируются Каренин, Кознышев и Стива Облонский, но не Левин – он оказывается «дикарем», человеком, «не умеющим жить». Это фиктивное знание жизни, соотносимое с социальной условностью и неподлинностью, развенчивается у Толстого. Вспомним, как в судьбе Каренина эта фикция разрушается, когда он терпит крах в по-настоящему серьезном контексте жизни (разрушение семьи приводит и к крушению его карьеры). Оказывается искусственной и позиция борца за всеобщее счастье, за интересы народа, к которой Левин тяготеет сначала. Он будет приносить пользу народу только тогда, когда откажется от абстрактных идей и станет жить по правилам реальной жизни, думая о себе и своей семье, а не о безликом всеобщем благе.

У Толстого ценностная организация реальности не привносится Другим с его вненаходимостью, а порождается самой жизнью, будь ли это движение Я в уже осмысленной анонимным Другим ценностной среде (в духе «народной» модели), или аксиология долга и вины с точки зрения напряженно экзистирующего одинокого Я, или внеценностная витальная сила, результаты деятельности которой опознаются в ценностном контексте (кто нужен жизни – тот прав, кто не нужен – тот «пустоцвет», как сказано о Соне в «Войне и мире»).

Другой (возможный автор) в этой связи может быть нужен только для того, чтобы «усвоить» уже присущую жизни ценностную выстроенность и – в некой высшей форме рецептивной адекватности – «очистить». «После спора Пьер, к радости и удивлению своему, находил не только в словах, но и в действиях жены свою ту самую мысль, против которой она спорила. И не только он находил ту же мысль, но он находил ее очищенною от всего того, что было лишнего <...> в выражении мысли Пьера» [4. Т. 7. С. 282].

Для интерпретации мира Толстого 1850–1860-х гг. оказывается адекватным понимание сущности авторской активности как *прояснения сути феномена* – при том, что сама эта суть, само ценностное наполнение вырастает из жизни, из реального бытия феномена (не привносится автором). Именно такая модель автора действует еще в «Поэтике» Аристотеля. Эта же идея важна для классической немецкой философской эстетики (например, Гегеля). Х.-Г. Гадамер, актуализируя ценностно-событийную структуру художественного мира, также усматривает сущность авторской активности именно в прояснении сущности феномена, артикуляции его структуры (с опорой на Аристотеля) [3. С. 156–167].

Что такое прояснение, как оно возможно событийно, как оно соотносится с другими ценностными процедурами, чему оно, наконец, соответствует в контексте наших экзистенциальных нужд, в чем нужность (прибыльность) такого рода авторской активности с точки зрения жизни?

Аристотель, впервые вводя принцип прояснения, говорит следующее:

«Складывая сказания и выражая их в словах, следует как можно [живее] представлять их перед глазами: тогда [поэт], словно сам присутствуя при событиях, увидит их всего яснее и сможет приискать все

уместное и никак не упустить никаких противоречий» [9. С. 664].

Контекст всего трактата Аристотеля позволяет видеть две составляющие в требовании «видеть всего яснее». Во-первых, речь идет о создании правдоподобного «подражания» (мимезиса). Во-вторых, может иметься в виду принцип отбора фабульного материала, в котором «ясно» проступает его неслучайность. Уяснение второго аспекта греческий мыслитель считает одной из важнейших задач всего трактата, как он определяет это во вступлении: «...о том, как должны составляться сказания (mythoi), чтобы поэтическое произведение было хорошим» [Там же. С. 646].

В современном понимании Аристотеля принцип прояснения видится обслуживающим сугубо специальные технические нужды искусства (проблема технического же мастерства и товарной привлекательности продукта). Вопрос о событийной нужности для реальности такого рода авторской активности, об укорененности ценностных процедур художественного творчества в событийных координатах человеческого бытия не ставится. (Греческому мыслителю приписывается представление о том, что результат творчества – в удовольствии от узнавания удачного подражания [Там же. С. 648–649], т.е. в познавательно-педагогической и гедонистически-развлекательной сферах).

Как представляется, аристотелевская модель прояснения несводима к позитивно-технической проблематике. В том числе здесь потенциально представлена и событийная составляющая – ее актуализируют Гегель и Гадамер, развивая, каждый по-своему, теорию прояснения.

Эта событийная составляющая «очищения» реальности представлена и у Толстого – применительно к обеим составляющим прояснения, выявленным Аристотелем.

Во-первых, и для Толстого значимо мерцание реального и мнимого, правды и иллюзии, которое у греческого мыслителя актуализируется в связи с вопросом о правдоподобии мимезиса (как следствии осуществленного автором прояснения).

Известное высказывание Л.Н. Толстого гласит:

«<…> цемент, который связывает всякое художественное произведение в одно целое и оттого производит иллюзию отражения жизни, есть не единство лиц и положений, а единство самобытного нравственного отношения к предмету» [4. Т. 15. С. 240].

Наиболее интересна чрезвычайно важная мысль великого прозаика о том, что именно в поле ценностного напряжения возникает «иллюзия отражения жизни». Иначе говоря, здесь идет речь о проблеме «реальности» как ускользающей бытийной основы реализма – и основой для решения этого вопроса оказывается именно ценностный модус присутствия. Впрочем, для Толстого важен и аспект иллюзорности художественного, его «неполноценной» бытийности – этому положению еще нужно найти место.

Такого рода мерцание реального и мнимого у Толстого не нужно понимать в структуралистском или постструктуралистском ключе – здесь дело не в заведомой сделанности произведения искусства, мнимости правдоподобия, любого рода эффекта присутствия[4]. Точнее, эта сделанность не изолирует искусство от реальности. *Проблема реального и мнимого, бытийно полновесного и иллюзорного присуща, по Толстому, самой человеческой жизни* – подступы к такого рода видению реальности были уже намечены выше в связи с вопросом о причастности (или непричастности) героев к «подлинным источникам» бытия.

Во-вторых, для русского писателя чрезвычайно важен аспект прояснения сюжетного ряда. Эта сторона художественного освоения действительности достигает у Толстого крайней формы проблематизации: самым радикальным образом ставится вопрос, возможны ли вообще сюжетность, история, фабульный ряд как нечто адекватно отражающее реальную жизнь.

Такого рода проблематизация реализуется, например, в известном толстовском размышлении в «Войне и мире» о специфической ошибке восприятия прошлого, когда на основе знания, чем закончилось дело, все случившееся выстраивается в осмысленный прямой сюжетный ряд, совершенно не соответствующий реальному проживанию происходящего[5]:

«Теперь нам ясно, что было в 1812-м году причиной погибели французской армии. <…> Но тогда не только никто не предвидел того (что теперь кажется очевидным), что только этим путем могла погибнуть восьмисоттысячная, лучшая в мире и предводимая лучшим полководцем армия в столкновении с вдвое слабейшей, неопытной и предводимой неопытными полководцами – русской армией; не только *никто не предвидел этого,* но все усилия *со стороны русских* были постоянно устремляемы на то, чтобы помешать тому, что одно могло спасти Россию, и *со стороны французов* <...> сделать то самое, что должно было погубить их» [4. Т. 6. С. 105–107].

Вновь мы сталкиваемся с тем, как герои Толстого «пишут романы», искусственно фабулизируют жизнь, приписывают ей несуществующую сюжетность и мнимую осмысленность, связь с подлинными источниками жизни.

Добавим важные штрихи к модели прояснения жизни автором, как она проявляет себя в точке максимальной реализации.

У Толстого прибыльность авторского участия основывается не на полномочиях Другого, а на востребованности твоего Я в этом мире. Каждый с позиции Я соучаствует в наполнении мира смыслом, прояснении жизни, придании реальности бытийной напряженности, *в сотворении мира*. Причем каждому Я (по крайней мере такому, которое выпало из единства народной жизни) приходится это делать, не имея возможности узнать о творческом вкладе других Я, так, как будто от тебя единственного зависит, будет ли существовать мир. (Народная культура, которая у Толстого строится на основе всеобщности такого рода «возделывания» жизни, тоже предполагает, что вклад каждого нужен, без него может не получиться итоговая сумма, необходимая для общей победы, но нет одиночества, изолированности Я.)

Автор у Толстого – это именно такое Я, которое берет на себя функцию прояснения реальности – то, что жизнь может сделать и сама (без автора). Но автор не может снять с себя этот долг, поскольку изнутри его Я нет никакой уверенности, что жизнь дей-

ствительно это сделает сама, – приходится участвовать в сотворении мира так, как будто только от тебя зависит, будет бытие или ничто.

В самом общем виде прояснение у Толстого – это проявление в жизни осмысленного, оправданного измерения бытия, того, что не просто есть, но и правильно, должно быть так (характер этой правильности и долженствования подлежит уточнению). Иллюстрация такого рода «настоящего» в понимании Л.Н. Толстого (на примере Николая Ростова, слушающего поющую Наташу) была приведена в начале статьи.

Впрочем, акценты, поставленные в эпилоге «Войны и мира», все же указывают на то, что писатель не удовлетворен результатами «художественной апробации» модели прояснения «настоящего», которая была осуществлена в этом романе: «Для того чтобы представить его себе свободным, надо представить его себе в настоящем, в грани прошедшего и будущего, то есть вне времени, что невозможно» [4. Т. 7. С. 346–347].

Путь позднего Толстого будет связан с отказом от непредметной событийной феноменологии человеческого бытия (к которой относится и усилие прояснения) в пользу аксиологических субстантивов, которые писатель хочет освободить даже от конвенциональности народного типа, поскольку в последней ему видится относительность. Писатель будет вести поиск безотносительно «Божьих» правил и найдет последние в Евангелии, которое он, как все помнят, будет понимать именно как перечень «выполнимых правил»[6].

Но и на этом он не сможет остановиться: возникнет вопрос об аутентичности самого Евангелия, о его соответствии изначальному смыслу сказанного Христом – отсюда толстовские переработки священного текста. Феноменология Я не позволяет достичь какой-то определенности, удовлетвориться аксиологическим субстантивом, остановить путь поиска.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. анализ этой сцены [5. С. 7–10].

[2] Размышления Ю.Н. Тынянова о формализующем характере пародии могут быть рассмотрены как параллель к разбираемому случаю – симулирующее подражание родственно пародическому (при отделении его от пародийного) [8. С. 198–226].

[3] Этот эффект можно сблизить с рассказыванием «героических» историй о прошедшем бое (как у Николая Ростова).

[4] Эта линия «сделанности» эффекта реальности в мимезисе развивается в классической работе Эриха Ауэрбаха [10].

[5] О критике «точки зрения итогов» у Толстого см. также размышления С.Г. Бочарова: [11. С. 252–253].

[6] Ср. в «Воскресении»: «не отвлеченные, прекрасные мысли и большею частью предъявляющие преувеличенные и неисполнимые требования, а простые, ясные и практически исполнимые заповеди» [4. Т. 13. С. 456].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. М., 2003. Т. 1.
2. Хайдеггер М. Бытие и время. М. : Ad Marginem, 1997.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М. : Прогресс, 1988.
4. Толстой Л.Н. Собрание сочинений : в 22 т. / гл. ред. М.Б. Храпченко. М. : Худож. лит. 1978–1985. Т. 1–22.
5. Бочаров С.Г. Роман Л. Толстого «Война и мир». М., 1987.
6. Абдуллина Д.А. Художественная аксиология в автобиографической трилогии Л.Н. Толстого : дис. … канд. филол. наук. Магнитогорск, 2005.
7. Жилина Н.П. Эволюция аксиологической картины мира Андрея Болконского в романе Л.Н. Толстого «Война и мир // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер. Филология, Педагогика, Психология. 2017. № 1. С. 36–42.
8. Тынянов Ю.Н. Достоевский и Гоголь. (К теории пародии) // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977.
9. Аристотель. Поэтика / пер. М.Л. Гаспарова // Аристотель. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4.
10. Ауэрбах Э. Мимесис: изображение действительности в западно-европейской литературе : пер. с нем. М. : Прогресс, 1976.
11. Бочаров С.Г. Л. Толстой и новое понимание человека. «Диалектика души» // Литература и новый человек. М. : Изд-во АН СССР, 1963.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 19 июня 2017 г.

THE PROBLEM OF ORIGINALITY IN THE VALUE ARCHITECTONICS OF LEO TOLSTOY'S WORKS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 44–50.
DOI: 10.17223/15617793/420/6

Alexey A. Kazakov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: akaz75@mail.ru

Keywords: L.N. Tolstoy; value architectonics; realism; author's viewpoint; originality; true.

This article describes one of the key aspects of value architectonics of Tolstoy's fiction world: the problem of originality, of something that is "true", original, real, actually essential and vital in the existential area (and the opposite aspect of something fictitious or spurious). The event-trigger character of any type of values makes us study the axiological phenomenon (based on the originality of being as such) profoundly. The problem of originality (and bluff) is extremely important for Tolstoy's fiction anthropology and aesthetics (including its connection with the problem of realism). The question of a person's event-trigger soundness is related to the following specific problem: some characters have the value basics of being, and others do not. In this article the author analyzed the fiction organization of Tolstoy's characters connected with life's true origins in contrast with characters without this connection. The action of these "true origins" can be clearly seen in the behavior of characters that lack the axiological propriety: in feigning of their connection with the true (relationships between parents and children in both directions, giving help to a neighbor, patriotism, tragic significance of death etc.) or in their focusing on fake origins of value propriety (loyalty to emperor or empress, knightly nobleness, eloquence or wittiness of high society). This pretending, fake variant of appeal to the value basics of being is most convenient for analysis because the shadow-mask-type character of simulation emphasizes the formal side of the phenomenon. There are a lot of such examples of parasitic using of something that could create a true existential validity in Tolstoy's novel *War and Peace*: appeal to the son's image ("Roman king") and organizations of "my mother's home" by Napoleon, "my poor mom" in mademoiselle

Boorienne's dreams about her connection with some prince, difficulty and loftiness of parenthood in conversation between Basil Kuragin and Anna Pavlovna Sherer, etc. In this article the author analyzed this type of fake, simulating appeal to true life origins by the example of a specific interpretation of the story about Bezukhov's death made by Anna Mikhailovna Drubetskaya and Pierre's behavior in this situation. Anna Mikhailovna (and persons like she) "writes novels" using the spurious model of axiological interpretation of her own life or its specific part (this action could be compared with narrating "heroic" stories about a fight – like Nicholas Rostov did). This statement ("write novels") expressly emphasizes Tolstoy's rejection of the novel genre in its European understanding. Further, the author analyzes the axiological category "originality" against the background of a detailed analysis of Tolstoy's understanding of the folk truth. The model of the author activity, which traces back to Aristotle, was also used to clarify the essence of this phenomenon.

REFERENCES

1. Bakhtin, M.M. (2003) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Works: in 7 vols]. Vol. 1. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoy kul'tury.
2. Heidegger, M. (1997) *Bytie i vremya* [Being and time]. Translated from German. Moscow: Ad Marginem.
3. Gadamer, H.-G. (1988) *Istina i metod: osnovy filosofskoy germenevtiki* [Truth and method: the basis of philosophical hermeneutics]. Translated from German. Moscow: Progress.
4. Tolstoy, L.N. (1978–1985) *Sobranie sochineniy: v 22 t.* [Works: in 22 vols]. Vols 1–22. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
5. Bocharov, S.G. (1987) *Roman L. Tolstogo "Voyna i mir"* [Tolstoy's novel "War and Peace"]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
6. Abdullina, D.A. (2005) *Khudozhestvennaya aksiologiya v avtobiograficheskoy trilogii L.N. Tolstogo* [Artistic axiology in the autobiographical trilogy of L.N. Tolstoy]. Philology Cand. Diss. Magnitogorsk.
7. Zhilina, N.P. (2017) Evolution of Andrey Bolkonsky's axiological worldview in Leo Tolstoy's War and Peace. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser. Filologiya, Pedagogika, Psikhologiya – IKBFU's Vestnik. Ser. Philology, Pedagogy, And Psychology*. 1. pp. 36–42. (In Russian).
8. Tynyanov, Yu.N. (1977) *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Cinema]. Moscow: Nauka.
9. Aristotle. (1983) Poetika [Poetics]. Translated from Old Greek by M.L. Gasparov. In: Dovatur, A.I. (ed.) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Mysl'.
10. Auerbach, E. (1976) *Mimesis: izobrazhenie deystvitel'nosti v zapadno-evropeyskoy literature* [Mimesis: a depiction of reality in Western European literature]. Translated from German by Al.V. Mikhaylov. Moscow: Progress.
11. Bocharov, S.G. (1963) L. Tolstoy i novoe ponimanie cheloveka. "Dialektika dushi" [L. Tolstoy and a new understanding of man. "Dialectics of the Soul"]. In: Ermilov, V.V. (ed.) *Literatura i novyy chelovek* [Literature and the new man]. Moscow: USSR AS.

Received: 19 June 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 51–60. DOI: 10.17223/15617793/420/7

УДК 82-1

Е.В. Кузнецова

«ГРЁЗОВОЕ ЦАРСТВО» ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА: УТОПИЯ ИЛИ ПАРОДИЯ?

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02709).

Целью данной статьи является анализ утопических образов символистов и И. Северянина. Материалом исследования стали поэтические произведения поэта, созданные до революции 1917 г. Основным методом является сравнительно-типологический анализ – сопоставления пар наиболее репрезентативных текстов. В ходе исследования мы отталкиваемся от того, что в творчестве поэта-постсимволиста мы встречаем весьма разработанный топос «страны Мечты», или Миррэлии, который кажется продолжением поэтики символизма. Далее анализируется стилистика этих утопических произведений и делается вывод о двойственной, лиро-иронической, природе утопического топоса в поэзии И. Северянина.

Ключевые слова: И. Северянин; утопия; пародия; ирония; символизм; постсимволизм; трансформация символистской поэтики.

Понятие «утопия» многозначно и имеет как давнюю культурную традицию, так и множество современных интерпретаций [1. С. 113–117]. В данной статье, говоря об утопии, мы имеем в виду только функционирование этого семантического комплекса в культуре Серебряного века. В России на рубеже XIX–XX вв. в связи с осмыслением феномена конца века в философско-религиозном сознании и художественном творчестве представителей культуры модернизма актуализируются представления о двух взаимосвязанных мировоззренческих концепциях: утопической и эсхатологической. Под «утопией» в это время понимаются как проекты справедливого социального устройства, так и литературные сюжеты и образы, связанные с идеей счастливого существования человека в гармонии с собой, миром и другими людьми [2. С. 43]. Е.И. Кириченко справедливо указывает, что «попытка реализации первой из великих эстетических утопий XX в. приходится на конец XIX – нач. XX в. Это была всепроникающая идея жизнестроительной функции искусства. Она основывалась на фундаментальном для того времени представлении о пересоздании мира и жизни человечества по законам прекрасного» [3. С. 21]. Художниками, философами, писателями разрабатываются различные представления, помещающие мир утопии либо в прошлое (например, ретроспективная утопия образа дворянской усадьбы в культуре модернизма [4. С. 196–210]), либо в будущее человечества (мистический «Солнечный град» А. Белого [5. С. 496–518]), либо в область сна, мечты и фантазии созидающего субъекта (концепция «творимой легенды» Ф. Сологуба [6. С. 334–368]).

Творческая утопия или, другими словами, созданная воображением художника волшебная страна, живущий по своим законам мир, в котором можно спрятаться от суровой и страшной реальности, была особенно широко представлена в произведениях символистов прежде всего старшего поколения. О.С. Давыдова полагает: «Несмотря на предчувствие скрытого в природе утопии эсхатологического начала, символисты глубоко ценили и культивировали свою индивидуальную веру в спасительный мечтательный дар творческого воображения, отказаться от которого были не в силах» [7. С. 297]. Е.И. Кириченко пишет: «Пересоздание мира средствами искусства и панэстетизм создаваемой искусством рубежа столетий картины мира – такова в общих чертах суть первой утопии XX века» [3. С. 23]. В качестве примера символистских художественных утопических проектов можно привести «страну Ойле» на звезде Маир Ф. Сологуба, «сказочную страну» из стихотворений К. Бальмонта, образ иного мира, «залетейских немых берегов», в творчестве В. Брюсова. В рамках художественного утопического топоса лирический герой символистов, как правило, именуется «королем», «царем», «властелином» волшебной страны и т.д. Утопии символистов несут в себе представления о мире сакральных смыслов и ценностей, они маркируются «высокими» образами-символами, лексемами и устойчивыми поэтизмами.

В поэзии Игоря Северянина также присутствует весьма разработанный утопический образ «страны Мечты», которая в одних текстах именуется Миррэлия, в других – «Грёзовое царство», «Светлое царство» и т.д. В качестве масок лирического героя в контексте утопического топоса он зачастую также использует образы «короля», «царя», «властелина» волшебной страны. Возникает вопрос: можно ли на основании этого утверждать, что, создавая образ «грёзового царства», поэт-постсимволист следует в русле утопических исканий своих старших собратьев? Или утопия в его творчестве приобретает у него и другие функции и коннотации?

Наличие в творчестве поэта символистских клише отмечал еще К. Мочульский в статье 1921 г., только оценивал это явление однозначно негативно, как характеризующую поэта неоригинальность, подражательность: «Так поэзия Северянина препарирует “изыски” символической школы, фабрикуя из них популярное издание “для всех”. (Пора популярить изыски! – Мороженое из сирени). <…> Обнажая язвы учителей, он не глумится над ними, но своим преклонением он еще подчеркивает их безобразие. <…> В творчестве И. Северянина в искаженном и извращенном лике изживается культура русского символизма. <…> Солнечные дерзания и “соловьиные трели” Бальмонта, демоническая эротика Брюсова, эстетизм Белого, Гиппиус и Кузмина, поэзия города Блока – все это слилось во всеобъемлющей пошлости И. Северянина» [8. С. 547]. Современные исследователи также указывают на связи его футуристической поэтики с мотивами, образами и темами символистов:

«В значительной мере основы русского футуризма намечались его главными оппонентами – символистами. Темы города, машинной цивилизации, всеобщего хаоса и разрыва привычных связей, отступления от нормативной поэтики, сложные виды рифм – все это уже наблюдалось в их поэзии. Поколение футуристов не только выросло в атмосфере символизма, но и получило в наследство от него разнообразные связи с европейской культурой…» [9. С. 140].

Однако наследие символизма не перешло в футуризм в неизменном виде, оно особыми способами преобразовывалось в авангардном искусстве. О сложном взаимоотношении с символизмом всех постсимволистских течений, в котором сочетались и диалог, и преодоление, начал размышлять еще В.М. Жирмунский в статье «Преодолевшие символизм» [10]. Продолжено исследование в этом направлении было в работах О.А. Клинга, который писал: «Литературно-эстетические программы новых литературных направлений – акмеизма в меньший степени, футуризма в большей – строились на отталкивании от символизма, его преодолении. С символизмом произошло то, что в 1890-е гг. уже было с реализмом: он стал восприниматься как литературное «вчера». Однако на самом деле диалог с символизмом продолжался» [11. С. 8].

Каждый автор шел своим путем, разрабатывая свои приемы трансформации символистского наследия. На наш взгляд, в «извращенном лике» поэзии Северянина, как писал К. Мочульский, заключается не ущербность, а несомненное новаторство и достоинство лирики автора «Громокипящего кубка» дореволюционного периода, ***состоящее в том, что зачастую он пародийно использует темы, мотивы, образы и маски символистов.*** На эту грань творчества поэта указывали некоторые его современники. Можно привести проницательное суждение Н. Гумилева о первых сборниках начинающего поэта: «Пусть за всеми «новаторскими» мнениями Игоря Северянина слышен твердый голос Козьмы Пруткова, но ведь для людей газеты и Козьма Прутков нисколько не комичен, недаром кто-то из них принял всерьез «Вампуку» [12. С. 171]. Некоторые современные исследователи русского футуризма также отмечали пародийность автора «Громокипящего кубка». По мнению В.Н. Альфонсова, красочные фантазии поэта нельзя воспринимать всерьез, так, как подобные же иллюзии Сологуба или Белого: «Греза, мечта получают *свойство пародийности* (курсив мой. – *Е.К.*), игра ведется не только с читателем, но и с самим собой» [13. С. 84]. Но глубокого исследования этой проблемы с опорой на сопоставительный анализ текстов символистов с произведениями Северянина проведено еще не было. Сама природа эволюции модернистского утопического топоса в его поэзии, механизм усвоения и трансформации им предшествующей поэтической традиции все еще подробно не проанализированы.

Пародийность в широком смысле слова, на наш взгляд, является отличительной чертой поэтики Северянина дореволюционного периода, направленной на «литературный выдвиг» и создание собственного яркого стиля. Она представлено в его творчестве в разной степени: от легкой иронии до откровенного сарказма. Напомним, что сам себя поэт характеризовал как «лирический ироник». А иронию многие исследователи называют основным приемом в одной из разновидностей пародии – ***иронической имитации*** [14. С. 81]. Таким образом, ирония, сарказм, парадокс – это приемы или риторические фигуры, которые присутствуют в поэтике Северянина.

Ю. Тынянов, один из первых исследователей пародии, анализируя, как создается пародийный эффект, приходит к выводу: «Суть пародии – в механизации определенного приема; эта механизация ощутима, конечно, только в том случае, если известен прием, который механизируется; таким образом, пародия осуществляет двойную задачу: 1) механизацию определенного приема; 2) организацию нового материала, причем этим новым материалом и будет механизированный старый прием» [15. С. 210]. Исследователь утверждает, что основа существования пародии как жанра – это присутствие в произведении двух планов: пародирующего и пародируемого. Второй план должен просвечивать сквозь первый, и чем он конкретнее и определеннее, чем более все детали носят двойной оттенок, тем сильнее пародийность. Пародийность может быть подчеркнута, но может быть и завуалирована, тогда скрытая пародийная природа произведения ощущается только на фоне совершенно не совпадающего с ним по стилистике основного текста. Пародийные произведения могут быть некомическими, и под влиянием ряда факторов они зачастую «не опознаются современниками» [Там же. С. 286].

Особую сложность представляет собой анализ образа Миррэлии, или «Грёзового царства», в поэзии Северянина в связи с его важностью, многоплановостью и неоднозначностью, а также вследствие того, что сам поэт говорил о двойственной, лироиронической, природе своего искусства и мировоззрения. Лирическая сторона образа Миррэлии связана с традиционным литературным топосом «земли обетованной», волшебной страны, созданной поэтической фантазией и мечтами о лучшей жизни» [16. С. 308], и наиболее полно раскрывается поэтом в сборнике «Миррэлия. Новые поэзы», подготовленная к печати в 1922 г. в Эстонии. В это время поэт находится под обаянием северной природы и прибалтийского фольклора. В.Н. Терехина и Н.И. Шубникова-Гусева справедливо указывают на творчество двух поэтов, мотивы которых отразились в образе Миррэлии, – это Федор Сологуб и Мирра Лохвицкая, от имени которой и происходит неологизм «Миррэлия» [Там же. С. 311]. Если рассматривать этот топос с лирической стороны, то он вполне соотносится с утопическими проектами русских символистов, выражая представление о безгрешном и прекрасном мире, не существующем в реальности. Перед нами вариация все того же модернистского процесса пересоздания реальности по законам искусства.

Одновременно с лирикой в этом образе присутствует и ирония, причем она возникает в произведениях, созданных до эмиграции, например в стихотворении «В Миррэлии» 1912 г., что было отмечено в исследованиях, но еще не стало предметом детального анализа. Например, В.Н. Терехина и Н.И. Шубникова-Гусева отмечают: «Поэтическое преобразование

реального мира в «Миррэлию» нивелировало ценности окружающего, поэтому в поэзии Северянина появляется *ирония, травестирование символистских образов* (курсив мой. – *Е.К.*) <…> Миррэлия становится больше похожа на планету Иронию» [16. С. 312]. Причем иронизированию подвергается как окружающая действительность, так и образы символистов.

В связи с вышесказанным представляется возможным и продуктивным рассмотреть ряд произведений Северянина, в том числе те, объектом которых явились утопические мотивы старших символистов в русле тыняновской теории пародирования.

Обратимся к анализу конкретных текстов, чтобы проверить выдвинутый тезис о пародийной трансформации в творчестве поэта-эгофутуриста утопических топосов старших собратьев по перу. Частотный символистский образ «царь (король) волшебной страны» обыгрывается в раннем стихотворении Северянина «Сонет» 1909 г., вошедшем в первую книгу стихов поэта «Громокипящий кубок»:

Мы познакомились с ней в опере, – в то время,
Когда Филина пела полонез.
И я с тех пор – в очарованья дреме,
С тех пор она – в рядах моих принцесс.

Став **одалиской в грезовом гареме**,
Она едва ли знает мой **пароль**...
А я **седлаю Память: ногу в стремя**, –
И еду к ней, **непознанный король**.
Влюблен ли я, дрожит в руке перо ль,
Мне все равно; но вспоминать мне сладко
Ту девушку и данную ей роль

[17. С. 69].

«Одалиска в грёзовом гареме» напоминает провокационные образы стихов Сологуба, увлекавшегося описанием наложниц, скрашивающих досуг короля «страны Мечты». Напомним одно из стихотворений поэта-декадента «Воздвигнет мне царство…»:

Воздвигнет мне **царство**
Живая мечта, –
Там с радостью мука
Чудесно слита.
Нагой красотою
Украшу мой двор.
Пажей наготою
Насыщу мой взор.
И дев обнаженных
Светла красота,
И радостна сердцу
Моя нагота

[18. С. 70].

Царство мечты, творимая легенда, земля Ойле – все это в творчестве Сологуба синонимичные обозначения иного мира, созданного фантазией поэта, в котором он – полновластный царь и господин. «Грёзовый гарем» Северянина может быть пародийной аллюзией на подобные мотивы в лирике старшего собрата. Обоих поэтов роднил иронический взгляд на жизнь и самого себя, но в художественном творчестве возникает ощутимая дистанция в коннотации утопических образов. На наш взгляд, обращаясь к тем же топосам, Северянин не следует за поэтом-декадентом, как ученик за учителем, а ***трансформирует его поэтику.*** Этот «сдвиг» состоит прежде всего в том, что трепетно-серьезное и возвышенное отношение к «царству Мечты» нивелируется. Вл. Соловьев мог писать в поэме «Три свидания» с иронией о своих самых глубинных душевных переживаниях – трех встречах с Софией, и это никак не лишало Премудрость Божию ее сакрального статуса для него самого и его последователей. В произведениях Северянина подобного трепета, скрытого за иронией, уже не ощущается, его ирония тотальная и разрушительная, потому что отсутствуют какие-либо тексты, в которых тот же топос был описан им без иронической дистанции, с использованием других художественных приемов.

С одалиской-принцессой из «царства Мечты» он сравнивает случайную знакомую, минутную возлюбленную, встреченную в опере. Лирический герой едет к ней на свидание как «непознанный король», т.е. властелин несуществующей волшебной страны. Сугубо бытовая ситуация любовной интриги (флирт на оперном представлении) описывается в выражениях и образах «высокой» символисткой лирики, что и придает в конечном счете комизм и двойственность всему тексту. Поэт смело смешивает планы быта и бытия, которые в сознании символистов являли собой мучительное несовпадение. На лексическом уровне это проявляется столкновением традиционных «высоких» поэтических лексем и словосочетаний, таких как «очарованья дрёма», «дрожит в руке перо», с лексемами и словосочетаниями прозаическими или даже абсурдными: «пароль», «седлаю Память», «ногу в стремя». Именно несоответствие приема материалу, которое мы наблюдаем в данном случае, есть отличительный признак пародийности. Это и создает внутреннюю контрастность этого иронического текста.

Приведем высказывание В.Л. Новикова: «Все, что делает пародист, – это преувеличение. Он преувеличивает, когда заменяет поэтическую лексику прозаической или прозаическую поэтической, когда *переносит приемы пародируемого автора на другой, контрастирующий материал*, <…> когда буквально «цитирует» пародируемый текст, *иронически его переосмысляя* (курсив мой. – *Е.К.*), когда доводит авторские излюбленные приемы до абсурда, заменяя смелые (или претендующие на смелость) образы и выражения явной бессмыслицей» [14. С. 69–70]. В анализируемом примере мы наблюдаем схожие тенденции: приемы пародируемого автора, т.е. Сологуба, переносятся на контрастирующий материал.

Характерные мотивы Сологуба, связанные с образом «властелина волшебной страны», поэт иронически обыгрывает и в стихотворении «Грёзовое царство» 1910 г., которое, так же как и «Сонет», вошло в «Громокипящий кубок»:

Я – царь страны несуществующей,
Страны, где имени мне нет...
Душой, созвездия колдующей,
Витаю я среди планет.

Я, **интуит с душой мимозовой**,
Постиг бессмертия процесс.

В моей стране есть терем грёзовый
Для **намагниченных принцесс.** <…>
Их много, дев не рассуждающих,
В экстазе сбросивших плащи,
Так упоительно страдающих
И переливных, как лучи.

Им подсказал инстинкт их звончатый
Избрать мой **грёзовый гарем**.
Они вошли душой бутончатой,
Вошли – **как Ромул и как Рем.**

И распустилось **царство новое**,
Страна безразумных чудес…
И, восхищен своей основою,
Дышу я душам принцесс!..

[17. С. 89].

Напомним стихотворение Сологуба, которое можно считать одним из своеобразных претекстов для произведения Северянина:

Я – **бог таинственного мира**,
Весь мир в одних моих мечтах,
Не сотворю себе **кумира**
Ни на земле, ни в небесах.

Моей **божественной природы**
Я не открою никому,
Тружусь как раб, а для свободы
Зову я ночь, покой и тьму

[19. С. 79].

Северянин сохраняет узнаваемые текстуальные переклички: личное местоимение «я» открывает первую строку всего стихотворения, затем следует существительное, обозначающее верховного правителя – «царь» вместо контекстуального синонима «бог». «Божественная природа» сологубовского героя преобразуется в «мимозовую душу» «интуита» Северянина. Снова совпадают размер и мелодика стихотворений так, что даже можно перепутать, какое из них какому автору точно атрибутируется. Похожие стихотворения-самоутверждения встречаются и у других символистов, например у К. Бальмонта, но, на наш взгляд, ориентация Северянина на Сологуба в данном случае очевиднее.

О том, что перед нами, возможно, ***скрытая пародия***, а не использование всерьез той же стихотворной модели поэтического самоутверждения, свидетельствует тот факт, что Северянин «переворачивает» самые заветные мотивы Сологуба: веру в бессмертие и перерождение душ («постиг бессмертия процесс»), сокровенный рай Мечты, эротические мотивы и фантазии («в экстазе сбросивших плащи», «грёзовый гарем») и мотивы насилия («так упоительно страдающих»), а также аллюзии на исторических и мифологических персонажей («как Ромул и как Рем»). Перевертыш заключается в том, что все эти мотивы и образы либо получают в северянинском тексте «сниженное» по подбору лексем словесное выражение, либо оказываются в чуждом контексте. «Принцессы» характеризуются антипоэтическим эпитетом «намагниченные», их влечение к лирическому герою объясняется биологическим термином «инстинкт», страна сологубовской мечты получает конкретную «прописку»: «Среди планет», в «междупланетном тереме». Поэт разрушает прежде всего намеренную туманность и таинственность образов символистов, используя лексику с предметным, вещественным значением. Доведение мысли до абсурда мы наблюдаем в строке Северянина: «Дышу я душами принцесс», а в целом содержание стихотворения получает пикантную окраску.

Используя чужие мотивы и темы, поэт немного хвастливо описывает свой успех у молодых поклонниц, который действительно был оглушительным. Вплетением образов «творимой легенды» Сологуба в описание обыденной жизненной ситуации Северянин добивается снижения и пародирования, профанирования образов своего предшественника. Столкновение двух поэтических систем рождает напряженность и внутреннюю контрастность текста: «Два “концепированных автора” смотрят друг на друга. Точнее сказать – они поставлены друг перед другом в глазах читателя. Два повествующих голоса слышатся вместе. Пародирование, основываясь на взаимосоотнесении, взаимоналожении этих двух разных направленностей, двух стилевых поверхностей, реализуется в том, что субъект пародирования «концепированный автор» стремится и предоставить слово предмету пародирования, и подчинить его себе» [20. С. 43].

Федора Сологуба и Игоря Северянина связывали достаточно близкие отношения. В 1912 г. начинающий и еще не известный широкой публике поэт появился в салоне Сологубов в Петербурге. Мэтр символизма, самый последовательный из декадентов, «подарил» поэту название его лучшего сборника «Громокипящий кубок» и написал восторженное предисловие к нему, в котором Сологуб, по всей видимости, искренне похвалил начинающего поэта за смелость и дерзание, за пренебрежение всеми условностями и творческую свободу: «Воля к свободному творчеству составляет ненарочную и неотъемлемую стихию души его, и потому явление его – воистину нечаянная радость в серой мгле северного дня…» [17. С. 23].

Обладая и сам весьма своеобразным и хорошо развитым чувством юмора, Сологуб, скорее всего, понял, как используют младший собрат по перу его поэтические мотивы, но не обиделся, а наоборот, приветствовал подобную дерзость. Возможно, ему было интересно посмотреть на реакцию других писателей и критиков на тот коктейль из узнаваемых тем, словесных клише, топосов, масок и образов-символов современной модернистской поэзии, который представлен в целом ряде произведений Северянина, вошедших в «Громокипящий кубок». Или ему казалось, что творчество основателя «эго-футуризма» соответствовало тенденции к самоиронии, свойственной духу русского символизма и породившей «Три свидания» Вл. Соловьева, «Балаганчик» А. Блока и сатирические стихотворения А. Белого.

Еще в 1907 г. в статье «Демоны поэтов» Сологуб писал: «Но познавший великий закон тождества совершенных противоположностей не убоится дракона и бесстрастно вступит в область вечной Иронии. Снимая покров за покровом, личину за личиной, Ирония открывает за покровами и личинами *вечно двой-*

ственный (курсив мой. – *Е.К.*), вечно противоречивый, всегда и навеки искаженный лик. За ангельским сладкогласием поэтов, *за образами из золотого сна* (курсив мой. – *Е.К.*) обличает она сонмище уродливых демонов» [21. С. 326]. Не увидел ли поэт-декадент в творчестве младшего современника «тождество совершенных противоположностей», двусмысленность и противоречивость? Не за смелость ли «новичка», вступившего в «область вечной Иронии», он столько сделал для его успеха на литературном поприще?

На наш взгляд, на примере цикла стихотворений о Миррэлии наглядно видна сознательная игра Северянина с литературным стилем символизма, с его утопическими декорациями, ставшими клише к 1910-м гг. Набор подобных «стертых» образов и поэтизмов представлен в стихотворении «Увертюра» 1916 г., которое открывает книгу стихов «Миррэлия. Новые поэзы»:

Миррэлия – светлое царство,
Край ландышей и лебедей.
Где нет ни больных, ни лекарства,
Где люди не вроде людей.

Миррэлия – **царство царицы**
Прекрасной, премудрой, святой,
Чье имя в веках загорится
Для мира искомой **Мечтой**!

Миррэлия – вечная Пасха,
Где губы влекутся к губам.
Миррэлия – дивная сказка,
Рассказанная мною вам.

Миррэлия – греза о юге
Сквозь северный мой кабинет.
Миррэлия – может быть, в Луге,
Но Луги в Миррэлии нет!..

Качает там лебедя слива,
Как символ восторгов любви…
Миррэлия! как ты счастлива
В небывшем своем бытии!

[17. С. 468].

Расположение стихотворения в самом начале сборника маркирует то, что в нем содержится не просто очередной перепев уже ранее звучавшей темы сказочной страны, но прежде всего авторская установка, дающая ключ к прочтению и всех последующих текстов. К этому же отсылает и заглавие, для которого был взят музыкальный термин, обозначающий оперную прелюдию. Уже в первом четверостишии «Увертюры» читатель спотыкается о косноязычную часть описательного каскада: «…Где люди не вроде людей». Поэт сознательно вводит в текст оборот, свойственный речи малообразованной публики. Далее следует тавтологическое повторение однокоренных слов – «царство царицы», сбой ритма в строке – «Рассказанная мною вам», а также иронический парадокс, заключающийся в том, что вся эта утопия «может быть, в Луге, но в Луге Миррэлии нет». Особенно примечательно абсурдное последнее четверостишие, завершающееся оксюмороном: «В небывшем своем бытии». И в прямом, и в переносном смысле нелепым представляется образ «лебедя», качающегося на «сливе», или «сливы», качающей «лебедя». Но подобная несообразность, очевидно, намеренно вводится автором. Возможно, «слива» возникает в стихотворении Северянина как аллюзия на «лазоревую сливу» из стихотворения М. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива…», также содержащего в себе утопические мотивы.

Все вышеперечисленное не позволяет согласиться с утверждением С.А. Викторовой, относящимся к этому стихотворению, что подобные «поэзы Северянина просты, в них минимум неологизмов, барочных образов, а формы – традиционно восходят к романтической традиции баллады…» [22. С. 17–18]. На основании этого утверждения и тематических совпадений С.А. Викторова рассматривает утопические стихотворения Северянина как прямое продолжение поэтической традиции Сологуба, с чем также трудно согласиться: «Игорь Северянин вслед за Ф. Сологубом считал, что воображение, мечта способны заменить «здешний мир» лирическому герою и поэту. <…> Образ блаженного, под иной звездой края Ойле, где все не так, как на Земле, конструируется фантазией поэта как некий Антимир (отсюда утопическая Миррэлия Северянина)» [Там же. С. 17]. Миррэлия Северянина, действительно, возникает под огромным влиянием Ойле, но это не прямое подражание или углубление той же темы. Поэт-футурист ***иронически преломляет, трансформирует*** сологубовскую утопию и обращается не только к его мотивам.

Текст «Увертюры» футуристический, построенный по принцу коллажного смешения лексем и образов, которые можно обозначить вслед за М.М. Бахтиным как «чужое слово». Целью подобного подбора художественных средств было, скорее всего, создание впечатления неумелого стихотворства, литературно необработанного и от этого еще более искреннего текста. Хотя на самом деле все стихотворение предельно «литературно» и двусмысленно. Перед нами очевидный пример языковой игры с попыткой воссоздать в стихе способ мышления примитивного сознания через упрощенную, косноязычную речь, в которой намешены обрывки символистского и романтического дискурса: «царство Мечты», бальмонтовские ландыши, лермонтовская слива. Все это «работает» как на искренность восприятия, так и на снижение «высокого» образа иного мира, свойственного поэтике символизма (а ранее – романтизма). Е.Н. Матвеева полагает: «Языковая игра в творчестве Игоря Северянина показывает “наивное”, близкое к детскому, мироощущение и одновременно демонстрирует стремление к эстетизации действительности, моделирование пространства, каждый фрагмент которого имеет аналог в искусстве и эстетически значим» [23. С. 70].

Действительно, анализируемый текст имеет множество перекличек (мажорное настроение, перечислительные конструкции, образность, тема) с известным стихотворением К. Бальмонта «Песня без слов», также воспроизводящим утопический топос и вошедшим в его первый сборник «Под северным небом»:

Ландыши, лютики. Ласки любовные.
Ласточки лепет. Лобзанье лучей.
Лес зеленеющий. Луг расцветающий.
Светлый свободный журчащий ручей.

День догорает. Закат загорается.
Шепотом, ропотом рощи полны.
Новый восторг воскресает для жителей
Сказочной светлой свободной страны.

Ветра вечернего вздох замирающий.
Полной Луны переменчивый лик.
Радость безумная. Грусть непонятная.
Миг невозможного. Счастия миг

[24. С. 38].

Для поэта, избравшего себе псевдонимом топографическое определение «северянин», сборник с названием «Под северным небом», был, очевидно, особенно актуален. Северянинский «край ландышей и лебедей» проявляет свою аллюзивную природу по отношению к «сказочной светлой свободной стране» Бальмонта, в которой тоже цветут ландыши и «лепечут» ласточки. Следует отметить, что, описывая свою утопию, Бальмонт ориентируется на фетовские мотивы и звукопись, которые уже не слышны у Северянина.

Намеренная тавтология, алогизмы, оксюмороны, парадоксы, нанизывание однокоренных слов – все это свидетельствует о том, что стиль поэзии Северянина антитрадиционен. Перед нами игра в традицию, а не произведения, написанные с ориентацией на классическую поэтику русской лирики XIX в. Чрезмерное восхваление чего-либо в литературном тексте чаще всего служит маркером двусмысленности и ироничности, на которой основываются пародия и сатира, а также указанием на то, что заявленное следует понимать от противного. Как объясняет А.Ф. Лосев, сущность иронии «заключается в том, что я, говоря «да», не скрываю своего «нет», а именно выражаю, выявляю его» [25. С. 73].

В лирике символистов, в частности в поэзии В. Брюсова, разрабатывалась также концепция платоновского двоемирия. Иное бытие у Платона – это высший мир, в котором пребывают души до своего земного воплощения, это также мир идей и образов. А для модерниста Брюсова это прежде всего чистая эстетическая реальность. Она представляется утерянным раем, по которому грустит и томится лирический герой в оковах земного бытия. Характерным примером модернистской разработки платоновской утопии является стихотворение В. Брюсова «Я вернулся на яркую землю…» 1896 г.:

...Я вернулся на **яркую землю**,
Меж людей, как в тумане, брожу,
И шумящему говору внемлю,
И в горящие взоры гляжу.

Но за ропотом снежной метели,
И под шепот ласкающих слов –
Не забыл я полей асфоделий,
Залетейских немых берегов.

И в сияньи земных отражений
Мне все грезятся – ночью и днем –
Проходящие **смутные тени**,
Озаренные **тусклым огнем**

[26. С. 59].

Брюсов выстраивает стихотворение на контрастном сопоставлении двух миров: «яркая земля» и «тусклый огонь» иного мира, «шумящий говор» и «залетейские немые берега». Среди всех соблазнов и ласковых слов обыденной реальности лирический герой помнит об ином мире, о полях асфоделий, которые чище и прекрасней всего того, что окружает его сейчас. Своеобразной пародией на символистский мотив тоски по иному бытию и, в частности, на вышеприведенный текст Брюсова представляется стихотворение Северянина «Извне» 1909 г.:

Я не живу душой на свете,
Хотя реально в нем живу;
Но где **мой край, где шири эти**, –
Я вам навряд ли назову.

Мне **непонятна жизнь земная**,
Темна, ненужна и гадка;
Зачем мне жить – не понимаю:
Я здесь без чувств, без языка…

Ведь жизнь души моей – в пространстве,
Ни на земле, ни на луне,
Ни в миге и ни в постоянстве,
Но царства злобного – извне

[17. С. 317].

Пародийность в данном тексте достигается за счет приема буквального изложения авторской мысли: лирический герой физически живет на земле, но подлинная его жизнь проходит в ином пространстве, которое находится в другом измерении, «извне злобного царства» обыденного существования. Как мы видим, идейное содержание обоих стихотворений идентично, но художественное выражение поэтической мысли разительно отличается. Импрессионистичное стихотворение Брюсова стремится создать зыбкий образ двойственного бытия, а Северянин снова играет на парадоксальном столкновении противоречащих друг другу утверждений: «Я не живу душой на свете, хотя реально в нем живу!». Текст Брюсова отличается «высокой» поэтической лексикой, аллюзиями на греческую мифологию и философию Платона. Лексика стихотворения Северянина характеризуется подбором разговорных слов и оборотов речи: «Я вам навряд ли назову», «Темна, ненужна и гадка». Существительное во множественном числе «шири» является авторским неологизмом, подобной формы не существует в русском языке. В целом все стихотворение «Извне» является примером изложения сложной философской концепции максимально примитивным и корявым языком, и на этом контрасте формы и содержания возникает комический, пародийный эффект.

Можно отметить существенное отличие утопий Северянина от утопий декадентов: мотивы душевного томления в оковах земного бытия, страдания и трагического разлада в миром, свойственные символистам, не присутствуют в утопических стихотворениях «певца Миррэлии». О.С. Давыдова пишет: «Художники модерна понимали, что утопия органично сочетает в себе идеальный план и дисгармоничные элементы недостижимого и непоправимого, обращавшего творческие образы в исповедальные высказыва-

ния» [7. С. 292]. Писали об этом и сами символисты, например Сологуб выражает эту мысль, обращаясь к антитезе Дульсинея–Альдонса: «Невозможность воплощения мечты, невозможность дульцинирования Альдонсы погружает душу в беспредельную мечтательность и в смертную истому» [6. С. 356]. В постсимволистской утопии Северянина элементы дисгармонии, такие как мотивы хрупкости мира мечты или его недостижимости, невоплотимости фантазии в реальности, отсутствуют. Напротив, в них доминируют мотивы счастья, беззаботного наслаждения, они отличаются приподнятым настроением, танцующим ритмом, короткими синтаксическими конструкциями. Подобное «облегчение» формы может говорить о том, что перед нами не полноценные утопии, а подобия, лишенные своего философского содержания. Отмечал эту особенность постсимволистской поэзии и В.М. Жирмунский: «…Словесные завоевания символизма сохраняются, культивируются и видоизменяются для передачи нового душевного настроения, зато душевное настроение, породившее эти завоевания, отбрасывается как надоевшее, утомительное и ненужное» [10. С. 109].

В лирике Северянина 1910-х гг. не обнаруживается сложности и стереоскопической глубины в сосуществовании двух миров, реального и ирреального, на уровне содержания, зато стилистика, наоборот, усложняется. Создается впечатление, что оба локуса всегда в равной мере доступны лирическому герою; внутри его поэтического мира переключение из обыденного дискурса в фантастический и обратно происходит мгновенно и незатруднительно, не вызывая чувства мучительной раздвоенности, свойственного лирическому герою символистов. Возможно, это происходит благодаря введению игрового начала, о важности учета которого применительно к поэзии Северянина писал К.Г. Исупов, который отмечал также важность взаимодействия «высокой» и пародийной, сатирической, юмористической словесности в процессе литературной эволюции: «В литературном быте среди пестрого соседства пародийной и «серьезной» словесности можно разглядеть зерна будущих литературных формаций в их генетическом, элементном составе» [27. С. 6]. То, что ими проживалось в творчестве, уже проигрывалось Северяниным.

Маска «простака», наивного «дитя природы» – это все та же игра с читателем. Не зря в одном из стихотворений поэт называет сам себя «иронизирующее дитя». Его «Увертюра» столь же иронична, как и стихотворения, в которых основатель эгофутуризма выступает в роли «царственного паяца», высмеивающего «площадь», т.е. вкусы и нравы обывателей. Таким образом, само утопическое мировоззрение символизма, пропущенное через призму «наивного» сознания, подается как нелепица, сказочка, приятное фантазирование, а не сакральное действо, творящее новый мир. Косвенно это подтверждает тот факт, что в творчестве Северянина форма превалирует над содержанием, а это является отличительной чертой литературной пародии как жанра. Основа пародии, с точки зрения В.Я. Проппа, – имитация «внешних признаков любого жизненного явления (манер человека, приемов искусства и пр.), чем совершенно затмевается или отрицается внутренний смысл того, что подвергается пародированию» [28. С. 72]. Приведенная цитата представляется чрезвычайно важной для понимания того механизма, которым пользуется Северянин в своем творчестве. В.Я. Пропп делает акцент на том, что пародия всегда переносит фокус внимания с того, «что сказано», на то, «как сказано», актуализирует форму, затмевая и разрушая тем самым содержание [Там же].

Можно ли говорить о серьезности поэта, терпеливо создающего свое заповедное царство Мечты, если он столь пренебрежительно охарактеризовал утопические духовные чаяния своей эпохи в следующих строках из стихотворения «Пролог» 1911 г.:

<…> Не терпим мы дешевых копий,
Их примелькавшихся тонов,
И потрясающих утопий
Мы ждем, как розовых слонов...

Душа утонченно черствеет,
Гнила культура, как рокфор...
Но верю я: завеет веер!
Как струны, брызнет сок амфор!

Придет Поэт – он близок! близок! –
Он запоет, он воспарит.
Всех муз былого в одалисок,
В своих любовниц претворит…

[17. С. 101].

«Утопии» Сологуба, Бальмонта, Брюсова, если исходить из логики вышеприведенного текста, – это порождения больной фантазии поэтов, стремящихся завладеть вниманием публики, это экзальтированная и нелепая жажда чуда, сравнимая с ожиданием «розовых слонов». «Пролог» – программное стихотворение Северянина, и в нем отражена рефлексия автора над положением дел в современной ему литературе начала 1910-х гг. Эстетические и философские искания старших собратьев по перу, как и их музы, должны пройти ревизию и поступить в услужение к грядущему Поэту, которому отводится роль обновителя, борца с «розовыми слонами» художественных миров, порожденных «гнилой культурой» модернизма.

Маловероятно, что Северянин разделял утопические надежды своих предшественников, но просто выражал их иным, авангардным, способом. К.Г. Исупов справедливо отметил: «В иронически-игровой поэзии Северянина состоялось самоотрицание декаданса не путем прямого присвоения его ценностей, а в театрализованном (трагическом по существу) отстраненно-эстрадном изживании его как особого стиля жизни и стиля поэтического мышления» [29. С. 16].

Хотя образ «страны Мечты» важен для него в связи со своим художественным потенциалом и богатой культурной традицией, но в целом утопические, как и эсхатологические, тенденции в русском искусстве были более свойственны его предшественникам, порождены психологией людей конца XIX в. У А. Блока и А. Белого, которые были уже представителями поколения начала XX в. они были связаны с сильнейшим влиянием философии Вл. Соловьева. Автор «Громокипящего кубка» был человеком нового столе-

тия, как поэт он в полной мере сформировался на рубеже 1910-х гг. В это время все теории и проекты, которыми «болела» русская интеллигенция на рубеже веков, находились в кризисе после отгремевшей Первой русской революции 1905–1907 гг. И поэзия Северянина, в том числе его пародийные стихи с утопическим топосом, отражают по-своему этот кризис.

Поэт играет с актуальными концепциями философского и художественного дискурса эпохи, прежде всего утопической. Проанализированные стихотворения поэта можно прочесть как завуалированные пародии потому, что в них утрируются и доводятся до предела символистские характеристики «иного» мира и чувств лирического героя, стремящегося к нему: Северянин описывает это как «страстное влечение», Миррэлия становится «эмблемой наслаждения», изображается как сад всевозможных чувственных удовольствий. Конечно, подобное прочтение не единственно возможное и в ряде текстов, созданных уже в эмиграции, можно говорить о преобладании лирической стороны этого топоса, ирония может уступать место и подлинной мечте. Миррэлия становится, по мнению В.Н. Терехиной и Н.И. Шубниковой-Гусевой, метафорой творческого мира поэта [16. С. 312]. Тем не менее представляется ценным раскрытие именно иронического потенциала образа «грёзового царства», которое существует по заданным самим поэтом правилам игры: «Мои двусмысленные темы // Двусмысленны по существу!» [17. С. 554]. Двойственность, столь любимая поэтом, а также диффузия лирики и иронии становятся возможными, в том числе, исходя из свойств последней, которая для того, чтобы состояться, всегда предполагает соучастие читателя, его интерпретацию заданной автором ситуации с применением всего своего опыта и всех знаний: «Поэтому можно утверждать, что ирония двойственна и по своей сущности, и по своему существованию, ибо ее восприятие столь же важно, как и само действие» [30. С. 17].

Можно предположить, что травестирование «высоких» образов неземных миров модернистов стало одним из способов борьбы Северянина за новое искусство и обретение собственного голоса. Необходимость обновления понимали и сами символисты. Не только Сологуб, но и Брюсов приветствовал дерзость молодого поэта, направленную на разрушение застывших форм прежнего искусства. Эта мысль звучит в стихотворном послании Брюсова «Игорю Северянину» 1912 г.:

<…> Юных лириков учитель,
Вождь отважно-жадных душ,
Старых граней разрушитель, –
Встань пред ратью, предводитель,
Сокрушай преграды грезы,
стены тесных склепов рушь!
[31. С. 359].

Скорее всего, Брюсов, как и Сологуб, чувствовал, в чем наиболее силен Северянин, ценил особенность его таланта и в этом направлении даже называл его «учителем». Блестящий стилист, чуткий к художественным трендам, создатель эгофутуризма отличался иронической точкой зрения и на действительность, и на литературу. «Миррэлия» Северянина, его «страна Мечты», – это собирательный, гротескный, утрированный образ утопических проектов его старших собратьев, поэтов-символистов, прежде всего старшего поколения, актуальный для его поэтики доэмигрантского периода. До 1918 г. «Грёзовое царство» Северянина существует прежде всего на уровне стиля и авангардной поэтики, но оно уже оторвано от утопического мировоззрения и философских исканий эпохи рубежа XIX – начала XX в. Основными маркерами пародийного использования поэтом символистских утопических образов и иронического к ним отношения являются специфические художественные средства, к которым он прибегает в данных произведениях: поэтика парадокса, абсурда и двусмысленности, имитация «наивного» стихотворства, стилистическое смешение «высоких» поэтизмов и разговорной, прозаической лексики, буквализация содержания, утрирование и гиперболизация образов и т.д. Но очевидно, что в эмиграции топос Миррэлии начинает наполнятся новым лирическим и личностным содержанием в связи с тяжелыми событиями в жизни самого поэта, вызванными крушением всего прежнего мира и социального, и литературного, поэтому, видимо, следует говорить о двойственной, лиро-иронической природе образа «грёзового царства».

Размышляя над особенностями «игровой» лирики XX в. Н.А. Петрова предлагает разделять пародийность и пародичность. Они обе построены на совмещении двух планов, двух точек зрения. Но первая «лишь комически обыгрывает тематические и стилистические особенности текста, выходящие за пределы сложившейся к данному времени художественной системы», т.е. ощущаемые как устаревшие, а вторая «служит выработке нового видения мира и новых художественных форм» [32. С. 119]. Творчество Северянина, безусловно, выходит за пределы чисто пародийного, представленного, например, произведениями Козьмы Пруткова. Если символисты старались превратить искусство и жизнь в грезу, то их младший современник превратил трагедию жизни в «грезофарс». Оттолкнувшись от пародии, он смог создать новые формы, влияние которых на современную и последующую литературу, в частности на творчество Маяковского, хорошо знавшего и высоко ценившего произведения «короля поэтов», еще предстоит изучить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Медведева Т.Б. Концепт утопия: современные исследования и многообразие интерпретаций // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2009. № 2. С. 113–117.
2. Полтавцева Н.Г. Модерн как стиль культуры и утопия: некоторые аспекты взаимодействия // Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма. М. : Индрик, 2016. С. 42–62.
3. Кириченко Е.И. Эстетические утопии «Серебряного века» в России // Художественные модели мироздания. XX век. Взаимодействие искусств в поисках нового образа мира : в 2 т. М. : Наука, 1999. Т. 2. С. 21–28.

4. Богданова О.А. Дворянская усадьба Серебряного века в пространстве ретроспективной утопии // Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма. М. : Индрик, 2016. С. 196–210.
5. Спивак М.Л. «Солнечный град» Андрея Белого с Кампанеллой и без Кампанеллы // Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма. М. : Индрик, 2016. С. 496–518.
6. Сологуб Ф. Искусство наших дней // Критика русского символизма : в 2 т. М. : Олимп, АСТ, 2002. Т. 1. С. 334–368.
7. Давыдова О.С. Символизм как предчувствие утопии: скрытые смыслы модерна // Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма. М. : Индрик, 2016. С. 278–302.
8. Мочульский К. Игорь Северянин. Менестрель. Новейшие поэзы // Игорь Северянин. Царственный паяц. Автобиографические материалы. Письма. Критика. СПб. : Росток, 2005. С. 543–548.
9. Терехина В.Н. Русский футуризм: становление и своеобразие // Авангард в культуре XX века (1900–1930 гг.): Теория. История. Поэтика : в 2 кн. М. : ИМЛИ РАН, 2010. Кн. 1. С. 139–208.
10. Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л. : Наука, 1977.
11. Клинг О.А. Влияние символизма на постсимволистскую поэзию в России 1910-х годов. Проблемы поэтики. М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 2010.
12. Гумилев Н. Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии. М. : Современник, 1990.
13. Альфонсов В. Н. Поэзия русского футуризма // Русская литература XX века. Школы, направления, методы творческой работы. СПб. : Logos; Высшая школа, 2002. С. 60–111.
14. Новиков В.Л. Книга о пародии. М. : Советский писатель, 1989.
15. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977.
16. Терехина В.Н., Шубникова-Гусева Н.И. «За струнной изгородью лиры…»: Научная биография Игоря Северянина. М. : ИМЛИ РАН, 2015.
17. Северянин И. Полное собрание сочинений. М. : Альфа-книга, 2014.
18. Сологуб Ф. Неизданный Федор Сологуб. М. : Новое литературное обозрение, 1997.
19. Сологуб Ф. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Интелвак, 2004. Т. 7 (дополнительный).
20. Скобелев В.П. О структурно-семантических первоосновах поэтики литературного пародирования // Проблемы изучения литературного пародирования : межвуз. сб. ст. Самара : Самар. ун-т, 1996. С. 41–61.
21. Сологуб Ф. Демоны поэтов // Критика русского символизма : в 2 т. М. : Олимп; АСТ, 2002. Т. 1. С. 321–334.
22. Викторова С.А. Поэтический диалог Игоря Северянина и Федора Сологуба // Ярославский педагогический вестник. 2006. № 1. С. 16–20.
23. Матвеева Е.Н. Языковая игра в поэзии И. Северянина // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 69–71.
24. Бальмонт К. Собрание сочинений : в 2 т. М. : Можайск-Терра, 1994. Т. 1.
25. Лосев А.Ф. Ирония античная и романтическая // Эстетика и искусство: Из истории домарксистской эстетической мысли. М. : Наука, 1966. С. 54–84.
26. Брюсов В. Собрание сочинений : в 2 т. Т. 1 : Стихотворения. Поэмы. М. : Худ. лит., 1987.
27. Исупов К.Г. Игра в литературном творчестве и произведении : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Донецк, 1975.
28. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре. М., 2005.
29. Исупов К.Г. Историко-бытовые архетипы в творческом поведении Северянина // О Игоре Северянине : тез. докл. науч. конф. Череповец, 1987. С. 14–17.
30. Нечаев А.В. Смеховое отношение. Ирония как ценность // Проблемы изучения литературного пародирования : межвуз. сб. ст. Самара : Самар. ун-т, 1996. С. 9–19.
31. Игорь Северянин глазами современников. СПб. : Полиграф, 2009.
32. Петрова Н.А. Из наблюдений над функцией пародирования в лирике XX века // Проблемы изучения литературного пародирования : межвуз. сб. науч. ст. Самара : Самар. ун-т, 1996. С. 110–119.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 5 мая 2017 г.

“THE KINGDOM OF DREAM” BY IGOR SEVERYANIN: A UTOPIA OR A PARODY?

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 51–60.
DOI: 10.17223/15617793/420/7

Ekaterina V. Kuznetsova, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).
E-mail: katkuz1@mail.ru

Keywords: utopia; parody; irony; symbolism; post symbolism; transformation of symbolist poetics.

The purpose of this article is to analyze the correlation of the utopian imagery of the symbolists and of Igor Severyanin. The material of research was the poetic works of the poet created before the revolution of 1917. The main research method is comparative-typological analysis that studies pairs of the most representative texts. The article puts forward and proves the thesis that the utopian poems by Severyanin have a dual lyric-ironic nature: they express the idea of a different being, a wonderful life transformed by the laws of art, but on the stylistic level they parody symbolist works with that topos. This allows to determine a number of stylistic devices characteristic for Severyanin’s works as parody. In the study, the author starts from the fact that the creation of literary and philosophical utopian projects was a current trend in the Russian culture of the 19th–20th centuries. Images of a fairyland, the kingdom of dream, the “golden dream” in one form or another are present in the poetry of symbolism (K. Balmont, F. Sologub, V. Bryusov, A. Bely, etc.). Severyanin also has a very developed topos of the “kingdom of dream” or Mirrelya (he was often referred to as its “singer”). Such common motifs were noted by the contemporaries of the poet (N. Gumilev, K. Mochulsky) and by later researchers of his works, e.g., by S.A. Viktorova. But the very nature of the evolution of the modernist utopian topos in Severyanin’s poetry, the mechanism of his assimilation and transformation of the earlier poetic tradition have not yet been thoroughly analyzed, although some observations have been made (V.N. Alfonsov). The main markers of Severyanin’s game use of the symbolist utopian images and an ironic attitude toward them are specific artistic means to which he resorts in these writings: the poetics of paradox, absurdity and ambiguity, the stylistic mixture of “high” poetic and colloquial prosaic words, exaggeration and hyperbolization of images, etc. Researchers of parody, e.g., V.L. Novikov, characterize such techniques as belonging to the arsenal of the genre of literary parody. The key findings on the comparison of the poetics of Severyanin and of the symbolists are that his “Mirrelya”, his “kingdom of dream”, is a collective grotesque exaggerated image of the utopian projects of his older predecessors. He did not develop their utopian search in terms of content, but parodied their main themes and motifs. The “kingdom of dream” of Severyanin exists primarily on the level of style and avant-garde poetics, but it is already detached from the utopian worldview and philosophical spirit of the time of the turn of the 20th century.

REFERENCES

1. Medvedeva, T.B. (2009) Kontsept utopiya: sovremennye issledovaniya i mnogoobrazie interpretatsiy [Concept Utopia: modern research and a variety of interpretations]. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. 2. pp. 113–117.
2. Poltavtseva, N.G. (2016) Modern kak stil' kul'tury i utopiya: nekotorye aspekty vzaimodeystviya [Modernity as a style of culture and utopia: certain aspects of interaction]. In: Bogdanova, O.A. & Gacheva, A.G. (eds) *Utopiya i eskhatologiya v kul'ture russkogo modernizma* [Utopia and eschatology in the culture of Russian modernism]. Moscow: Indrik.
3. Kirichenko, E.I. (1999) Esteticheskie utopii "Serebryanogo veka" v Rossii [Aesthetic utopias of the Silver Age in Russia]. In: Tolstoy, V.P. et al. (eds) *Khudozhestvennye modeli mirozdaniya. XX vek. Vzaimodeystvie iskusstv v poiskakh novogo obraza mira: v 2 t.* [Artistic models of the universe. The 20th century. The interaction of the arts in search of a new image of the world: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
4. Bogdanova, O.A. (2016) Dvoryanskaya usad'ba Serebryanogo veka v prostranstve retrospektivnoy utopii [The noble manor of the Silver Age in the space of a retrospective utopia]. In: Bogdanova, O.A. & Gacheva, A.G. (eds) *Utopiya i eskhatologiya v kul'ture russkogo modernizma* [Utopia and eschatology in the culture of Russian modernism]. Moscow: Indrik.
5. Spivak, M.L. (2016) "Solnechnyy grad" Andreya Belogo s Kampanelloy i bez Kampanelly [The "Sunny City" by Andrei Bely with Campanella and without Campanella]. In: Bogdanova, O.A. & Gacheva, A.G. (eds) *Utopiya i eskhatologiya v kul'ture russkogo modernizma* [Utopia and eschatology in the culture of Russian modernism]. Moscow: Indrik.
6. Sologub, F. (2002) Iskusstvo nashikh dney [The art of our days]. In: Bogomolov, N. (ed.) *Kritika russkogo simvolizma: v 2 t.* [Criticism of Russian Symbolism: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Olimp, AST.
7. Davydova, O.S. (2016) Simvolizm kak predchuvstvie utopii: skrytye smysly moderna [Symbolism as a premonition of utopia: hidden meanings of modernity]. In: Bogdanova, O.A. & Gacheva, A.G. (eds) *Utopiya i eskhatologiya v kul'ture russkogo modernizma* [Utopia and eschatology in the culture of Russian modernism]. Moscow: Indrik.
8. Mochul'skiy, K. (2005) Igor' Severyanin. Menestrel'. Noveyshie poezy [Igor Severyanin. Minstrel. The newest poetry]. In: Terekhina, V.N. & Shubnikova-Guseva, N.I. (eds) *Igor' Severyanin. Tsarstvennyy payats. Avtobiograficheskie materialy. Pis'ma. Kritika* [Igor Severyanin. A regal clown. Autobiographical materials. Letters. Criticism]. St. Petersburg: Rostok.
9. Terekhina, V.N. (2010) Russkiy futurizm: stanovlenie i svoeobrazie [Russian futurism: formation and originality]. In: Girin, Yu.N. (ed.) *Avangard v kul'ture XX veka (1900–1930 gg.): Teoriya. Istoriya. Poetika: v 2 kn.* [Avant-garde in the culture of the twentieth century (1900s–1930s): Theory. History. Poetics: in 2 books]. Book 1. Moscow: IWL RAS.
10. Zhirmunskiy, V.M. (1977) *Teoriya literatury. Poetika. Stilistika* [Literature theory. Poetics. Stylistics]. Leningrad: Nauka.
11. Kling, O.A. (2010) *Vliyanie simvolizma na postsimvolistskuyu poeziyu v Rossii 1910-kh godov. Problemy poetiki* [The influence of symbolism on post-symbolist poetry in Russia in the 1910s. Problems of poetics]. Moscow: Dom-muzey Mariny Tsvetaevoy.
12. Gumilev, N.S. (1990) *Pis'ma o russkoy poezii* [Letters on Russian poetry]. Moscow: Sovremennik.
13. Al'fonsov, V.N. (2002) Poeziya russkogo futurizma [Poetry of the Russian Futurism]. In: Timina, S.I. (ed.) *Russkaya literatura XX veka. Shkoly, napravleniya, metody tvorcheskoy raboty* [Russian literature of the twentieth century. Schools, directions, methods of creative work]. St. Petersburg: Logos; Vysshaya shkola.
14. Novikov, V.L. (1989) *Kniga o parodii* [A book about parody]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
15. Tynyanov, Yu.N. (1977) *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Cinema]. Moscow: Nauka.
16. Terekhina, V.N. & Shubnikova-Guseva, N.I. (2015) *"Za strunnoy izgorod'yu liry…": Nauchnaya biografiya Igorya Severyanina* ["Behind the string hedge of the lyre . . .": the academic biography of Igor Severyanin]. Moscow: IWL RAS.
17. Severyanin, I. (2014) *Polnoe sobranie sochineniy: v 1 t.* [Complete works: in 1 vol.]. Moscow: Al'fa-kniga.
18. Sologub, F. (1997) *Neizdannyy Fedor Sologub* [The unpublished Fyodor Sologub]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
19. Sologub, F. (2004) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Works: in 6 vols]. Vol. 7, additional. Moscow: Intelvak.
20. Skobelev, V.P. (1996) O strukturno-semanticheskikh pervoosnovakh poetiki literaturnogo parodirovaniya [On the structural and semantic primordial principles of the poetics of literary parody]. In: Rymar', N.T. & Skobelev, V.P. (eds) *Problemy izucheniya literaturnogo parodirovaniya* [Problems of studying literary parody]. Samara: Samara State University.
21. Sologub, F. (2002) Demony poetov [Demons of poets]. In: Bogomolov, N. (ed.) *Kritika russkogo simvolizma: v 2 t.* [Criticism of Russian Symbolism: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Olimp, AST.
22. Viktorova, S.A. (2006) Poeticheskiy dialog Igorya Severyanina i Fedora Sologuba [Poetic dialogue between Igor Severyanin and Fyodor Sologub]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. 1. pp. 16–20.
23. Matveeva, E.N. (2009) Yazykovaya igra v poezii I. Severyanina [Language game in the poetry of I. Severyanin]. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistik*a. 1. pp. 69–71.
24. Balmont, K. (1994) *Sobranie sochineniy: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Mozhaysk-Terra.
25. Losev, A.F. (1966) Ironiya antichnaya i romanticheskaya [Irony of antiquity and romanticism]. In: Trofimova, P.S. (ed.) *Estetika i iskusstvo: Iz istorii domarksistskoy esteticheskoy mysli* [Aesthetics and art: From the history of pre-Marxist aesthetic thought]. Moscow: Nauka.
26. Bryusov, V. (1987) *Sobranie sochineniy: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
28. Isupov, K.G. (1975) *Igra v literaturnom tvorchestve i proizvedenii* [Game in literary creation and work]. Abstract of Philology Cand. Diss. Donetsk.
29. Propp, V.Ya. (2005) *Problemy komizma i smekha. Ritual'nyy smekh v fol'klore* [The problems of comism and laughter. Ritual laughter in folklore]. Moscow: Labirint.
30. Isupov, K.G. (1987) [Historical and everyday archetypes in the creative behavior of Severyanin]. *O Igore Severyanine* [About Igor Severyanin]. Proceedings of the conference. Cherepovets. pp. 14–17. (In Russian).
31. Nechaev, A.V. (1996) Smekhovoe otnoshenie. Ironiya kak tsennost' [A laughing attitude. Irony as a value]. In: Rymar', N.T. & Skobelev, V.P. (eds) *Problemy izucheniya literaturnogo parodirovaniya* [Problems of studying literary parody]. Samara: Samara State University.
32. Terekhina, V.N. & Shubnikova-Guseva, N.I. (eds) (2009) *Igor' Severyanin glazami sovremennikov* [Igor Severyanin through the eyes of his contemporaries]. St. Petersburg: Poligraf.
33. Petrova, N.A. (1996) Iz nablyudeniy nad funktsiey parodirovaniya v lirike XX veka [From observations on the function of parody in the lyrics of the twentieth century]. In: Rymar', N.T. & Skobelev, V.P. (eds) *Problemy izucheniya literaturnogo parodirovaniya* [Problems of studying literary parody]. Samara: Samara State University.

Received: 05 May 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 61–65. DOI: 10.17223/15617793/420/8

УДК 82-193

А.В. Останкович, Е.В. Бублик

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ ТРИОЛЕТА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII–XXI вв.

Содержится описание, обоснование, анализ, классификация триолетов в русской поэзии с точки зрения наличия и варьирования релевантных признаков формы: триолет-инвариант, «строгие», «вольные», модифицированные триолеты; анализируются закономерности использования триолета в виде строфы-произведения и в качестве структурной единицы циклических образований и жанрово-тематических единств.

Ключевые слова: стих; триолет; ритмико-синтаксическая модель; цикл; строфа; жанр; композиция; образ; рифма; рефрен; повтор; инвариант; структура.

Триолет в русской поэзии – жанрово-строфическая форма, основанная: 1) на функционировании и эволюции через многочисленные вариации, сохраняющие ориентацию на строфический инвариант формы; 2) на расширительном развитии через создание циклов, жанрово-тематических единств и жанрово-строфических образований; 2) на активно выраженной способности к жанровому и строфическому взаимодействию.

Классический **триолет-инвариант** – это восьмистишие на две рифмы с чередующимися мужскими и женскими каталектиками следующих вариантов рифмовки, равнозначно представленных в истории русского триолета, – **abaaabab** или **abbaabab**; при этом первый стих полностью повторяется в четвертом и седьмом, а второй стих – в восьмом стихе. Единства 1-го и 2-го стихов, 3-го и 4-го стихов и 5-го – 8-го стихов образуют ритмико-синтаксические группы: после ритмически и синтаксически цельных, оформленных как одно предложение первых двух пар стихов следует синтаксическая конструкция из четырех стихов. Сюжетно-композиционная система триолета-инварианта достаточно динамична, так как объединяет идеи структурной завершенности (2-й и 4-й стихи оканчиваются знаком конца предложения) и структурной открытости (7-й, 8-й рефренные стихи не являются отдельным синтаксическим единством). В ней четвертым стихом заканчивается второй сюжетно-композиционный этап развития темы, образующий с первым внутреннее композиционное кольцо, а со следующим пятым однократным стихом содержание триолета выходит на следующий виток композиционно-образной спирали, включающий во вновь образованный контекст повторяющуюся группу – 7-й, 8-й стихи. Следовательно, повторяющиеся элементы содержательно не эквивалентны, поскольку занимают различные в структурном отношении позиции, определяемые оригинальными закономерностями становящегося внутри себя «подвижно-равновесного целого» [1. С. 360].

Искусство и задача триолета состоят в том, чтобы рефрены воспринимались как естественные и необходимые, чтобы повторяющиеся стихи являлись и источником нового контекста, и возникали из него. Система заданных повторов образует композиционно-образную сетку, концентрирующую синергетические возможности формы. Формально идентичный повтор стихов в триолете символизирует развитие поэтической мысли замкнутое кругом, но осложненное «пульсацией» неполным круговым возвратом при повторе 1-го стиха в 4-м стихе. Реально же композиционно-образное движение осуществляется по принципу сжимающейся и разжимающейся спирали, что обнаруживается в рекуррентных (закономерно вариативно возвращающихся) отношениях композиционно-образной структуры произведения. Заданная повторяемость является гармоническим каркасом, она же актуализирует кульминацию, которая предсказывает композиционно-образное содержание финала. Повторяемость рекуррентна и вариативна, потому что, развивая, повторяет заданные инварианты и отношения в развивающемся контексте на новых витках смыслов.

Таким образом, повтор в триолете – принцип системной организации его лирического целого. В триолете он наполнен следующими жанрово-строфическими функциями: 1) будучи наиболее выраженным средством связи его архитектонических частей; он структурно определяет композиционно-образную материю всего текста; 2) содержит в себе фермент вариативной упорядоченности, рекуррентности, композиционно-образной троичности – когда заданные в начале отношения в результате достигают катастрофической напряженности в кульминации триолета и разрешаются в финальном повторе двух стихов.

Своими количественными характеристиками триолет ориентирован на пропорцию золотого сечения: 8 стихов; 3 группы рефренов; 5 рефренных стихов; 3 неповторяющихся стиха, 3 ритмико-синтаксических этапа, определяющих архитектонику формы, их числовое соотношение 2 – 1 – 2; 2 рифменных созвучия восьмистишия (1, 2, 3, 5, 8 – число ряда Фибонначи). Согласно пропорции золотого сечения гармонический центр триолета тяготеет к расположению в 5-м стихе: меньшая часть так относится к большей (3 : 5), как большая к целому (5 : 8), но не закреплен за ним неизменно: например, в триолетах с открытой ритмико-синтаксической структурой на втором сюжетном шаге и / или закрытой ритмико-синтаксической структурой на третьем сюжетном шаге он может быть смещён с 5-го в 6-й стих (триолеты Н.М. Карамзина «Триолет Лизете», И.С. Рукавишникова «Пляши, Мариула!», «К тебе, мой нежный триолет», Е.Л. Кропивницкого «Скрыться бы в глухую нору…» и др.).

Гармоническая задача, предлагаемая триолетом, заключается в соразмерной реализации антитетичных начал симметрии и асимметрии, традиции и новаторства. Задача для всех, но каждый поэт должен решить ее по-своему, полностью подчиняясь условиям жанрово-строфической традиции или частично видоизменяя ее, в

соответствии с замыслом, художественной задачей, индивидуальным пониманием возможностей формы.

Анализ корпуса русских триолетов XVIII–XXI вв. (более 300 триолетов) показал, что использование триолета-инварианта весьма ограничено (триолеты М.Н. Муравьёва «Мая первого числа…», К.Ф. Рылеева «Триолет Наташе», М.А. Богдановича «Триолет XVIII века», «На солнце загляделся я…», Игоря Северянина «VI. Триолет», Д. Ейской «Пришёл январь на пустошь берегов…» и др.). Один из них – триолет В.Я. Брюсова «Ф. Сологубу» 1913 г. (**AbbAAbAb)**, содержательно ориентированный на традиции посвящения, обыгрывает ассоциацию облика поэта с орхидеей. О поэзии Сологуба Брюсов писал: «Она слишком строга и серьезна, она скорее отпугивает при первом знакомстве, чем привлекает, ее «необщее выражение» надо высматривать» [2. С. 108]. Но, несмотря на те трудности, которые представляет творчество поэта для понимания, к нему обращены широкие круги читателей [Там же]. Возможно, выраженное восприятие подтолкнуло Брюсова к сравнению Сологуба с экзотическим цветком:

1. Зев беспощадной орхидеи –
2. Твой строгий символ, Сологуб.
3. Влечет изгибом алчных губ
4. Зев беспощадной орхидеи.
5. Мы знаем, день за днем вернее,
6. Что нам непобедимо люб –
7. Зев беспощадной орхидеи,
8. Твой строгий символ, Сологуб!

[3. С. 201].

Триолет-инвариант отличает однотипность сюжетно-композиционных решений, что обусловлено однократной открытостью ритмико-синтаксической модели на третьем сюжетном шаге, что архитектонически подразумевает поглощение повторяющейся группы 7-го, 8-го стихов заданным контекстом 5-го, 6-го стихов. В этих условиях рефрен может обрести смысловые приращения через изменение риторической установки. Наиболее часто встречающееся решение следующее: рефренные 7-й, 8-й стихи выступают в роли пояснительной конструкции отличного от первого употребления смысла в бессоюзном предложении или выступают в форме прямой речи, устанавливающей или меняющей характер субъектно-объектных отношений.

Триолеты реализуют восемь вероятностно возможных ритмико-синтаксических моделей: 1) закрыто-закрыто-закрытая; 2) закрыто-закрыто-открытая; 3) закрыто-открыто-закрытая; 4) открыто-закрыто-закрытая; 5) открыто-открыто-открытая; 6) открыто-открыто-закрытая; 7) открыто-закрыто-открытая; 8) закрыто-открыто-открытая. Инварианту формы соответствует вторая модель. Семь других моделей при сохранении идентичности или вариативном характере рефренных стихов используются в «строгих» и «вольных» триолетах.

Ритмико-синтаксические этапы «строгого» – с идентичными рефренами – триолета-мадригала В.Я. Брюсова «Мой маяк» (1914) соответствуют восьмой модели: 1-й, 2-й стихи; 3-й – 5-й стихи; 6-й – 8-й стихи:

1. Мой милый маг, моя Мария, –
2. Мечтам мерцающий маяк.
3. Мятежны марева морские,
4. Мой милый маг, моя Мария,
5. Молчаньем манит мутный мрак.
6. Мне метит мели мировые
7. Мой милый маг, моя Мария,
8. Мечтам мерцающий маяк!

[3. С. 204].

Как и в триолете-инварианте, 1-й, 2-й стихи – тема и её минимальное развитие – рема, это первый сюжетный шаг, который представляет собой расширенное атрибуцией обращение к Богоматери – покровительнице моряков. В рамках двух следующих сюжетных этапов происходит монологическое развитие ремы, сопровождающееся рефреном темы. Гармонический центр триолета при количественном соотношении рифм 5 : 3 (**AbAAbAAb**) традиционно располагается в 5-м стихе, завершающем тему страха мореплавателя из-за подстерегающих опасностей. В рамках следующего «шага» она сменится уверенностью в защите Марией от опасностей.

Художественно-изобразительная функция звукописи не ограничивается в триолете отражением лишь слуховых и зрительных впечатлений. Диапазон ее выразительных возможностей шире: благодаря дублированию в повторяющихся строках аллитерация (все слова начинаются на [м]) усиливается ассонансом (многократный повтор сочетаний [мо], [м`и], [ма], [м`э]), что приводит к актуализации темы Марии – хранительницы моряков в плавании – образная система организуется вокруг образов-инвариантов – Мария, море, маяк.

Наличие вариативного лексико-синтаксического повтора в рефренных стихах определяет триолеты в нашей классификации как «вольные». Как правило, основная цель вариаций заключается в подготовке кульминационной и итоговой поэтической мысли произведения. Разработка темы средствами вариативного повтора способствует образованию и активизации возникающих контекстов, переходу смыслов на новый виток, формированию событийного сюжета.

Ритмико-синтаксический состав триолета Игоря Северянина «Интродукция» (1909) имеет три части: 1-й, 2-й стихи; 3-й, 4-й стихи; 5-й – 8-й стихи:

1. За струнной изгородью лиры
2. Живёт неведомый паяц.
3. Его палаццо из палацц –
4. За струнной изгородью лиры...
5. Как он смешит пигмеев мира,
6. Как сотрясает хохот плац,
7. Когда за изгородью лиры
8. Рыдает царственный паяц!..

[4. С. 144].

Структурно данный триолет соответствует инвариантному закрыто-закрыто-открытому типу: первая группа рефренных стихов – завершенное ритмико-синтаксическое целое, группа, включающая 4 рефренных стиха, – многоточием, а после 6-го стиха следует группа 7-го, 8-го стихов, включенная в контекст в качестве условно-временного конкретизатора. Первый сюжетный шаг воспринимается как экспози-

ция, констатирующая факт и сказочное место жизни загадочного паяца-поэта. Оградой его дому от внешнего мира служат струны лиры. Второй сюжетный шаг посвящен развитию темы жилища. Паяц живет в живописном и великолепном палаццо, располагающемся за оградой из струн, сквозь которые, чтобы дойти до хозяина загадочного дома, преломляются звуки и краски внешнего мира. На третьем сюжетном шаге инверсионно осуществляется обратная трансляция: рыдания царственного паяца, преломляясь сквозь струны лиры, вызывают смех и хохот потребителей искусства поэта-паяца.

Замены-вариации лексических единиц в рефренах оживляют сюжет и привносят в него драматичные нотки. Эмоционально нейтральное повествование, использующее слово *«живет»*, преобразуется в итоге в знак творческого пересоздания – чувственное *«рыдает»*. То же самое возвышающее начало содержится и в оппозиции-замене «*неведомый» / «царственный*». Приём лексической вариации приводит к акцентному смещению: тип логико-семантической конструкции первой группы рефренных стихов и группы 3-го, 4-го стихов – бытийность – сменяется в рефренной с неполным повтором группе 7-го, 8-го стихов на время-причинную характеризацию. Нужно признать, что прием варьирования при сохранении опорных рефренных единиц стиха, находящихся в сильной стиховой позиции, позволил Северянину в полном смысле лирически, а не риторически презентовать свое эстетическое кредо.

В процессе эволюции триолета явственно заявила о себе тенденция к модернизации формы (триолеты с кодой, триолеты в оправе, купированные триолеты, моноритмические триолеты, перевернутые триолеты, потайные триолеты, японские триолеты). Эти модифицированные триолеты объективно ориентированы на строфическую традицию, однако имеют либо отличное от 8 количество строк (9 стихов в триолетах с кодой, 7 стихов в купированных триолетах), либо изменённый способ рифмовки (одна рифма в восьми стихах моноритмических триолетов, полное отсутствие рифмы в японском триолете), либо изменённое положение рефренных строк в рамках целого (рефренное воспроизведение 2-го стиха не в 4-м, а в 5-м стихе). Кроме явных новаций, стремящихся к признанию в традиции, имеются примеры конструктивистского переосмысления форм (триолет расширенный, триолет в оправе (оправу образуют собою терцины), рондель триолетный, сонет триолетно-октавный, рондолеты, триоли). Триолет в модернизированных образования не утратил релевантных жанрово-строфических свойств, так как сохранил выраженную ориентацию на инвариант формы.

Один из первых опытов подобного рода – сонетизированный триолет Константина Липскерова «Азия» (1915), четырнадцатистишие, условно названное М.Л. Гаспаровым **«расширенным триолетом»** [5. С. 183]:

1. Азия – желтый песок и колючие желтые травы...
2. Азия – розовых роз купы над глиной оград...
3. Азия – кладбище битв, намогилье сыпучее Славы...
4. Азия – желтый песок и колючия желтые травы,
5. Голубая мечеть, чьи останки, как смерть, величавы,
6. Погребенный святой и времен погребальный обряд; –
7. Азия – розовых роз купы над глиной оград...
8. ***Азия – желтый песок и колючия желтые травы,***
9. ***Узких улиц покой, над журчащими водами сад...***
10 Азия – розовых роз купы над глиной оград,
11. Многопестрый базар, под чалмою томительный взгляд,
12. Аромат истлеваний и ветер любовной отравы; –
13. Азия – желтый песок и колючия желтые травы...
14. Азия – розовых роз купы над глиной оград

[6. С. 21].

Авторские новации реализуются на уровне архитектоники в вариациях сочетаний повторяющихся стихов. Визуально стихотворение можно разделить на две равные по объему части: 1–7-й и 8–14-й стихи. Место стыка – рокировка стихов первого двустишия. В результате возникшего стяжения количество стихов в триолете «расширено» до 14, а не до 16 стихов. Но композиционно обоснованное членение: 1–8-й и 9–14-й стихи. Место стыка – гармонический центр триолета, содержащий идею слияния прошлого и настоящего: *«Азия – желтый песок и колючие желтые травы, / Узких улиц покой, над журчащими водами сад...».* Умершее прошлое выражено посредством образов *«жёлтых трав»*, *«останков мечети».* Образ *«журчащих вод»* в 9-м стихе открывает новый смысловой виток, транслирующий изображение живого настоящего: в этой части триолета изображены одушевлённые предметы – *«многопёстрый базар»*, *«томительный взгляд»*, но и они лишены какого-либо движения. И прошлое, и настоящее представлены исключительно в зрительном восприятии. Статичность картины подчёркивает четырежды употреблённый в тексте триолета образ *«розовых роз» – «погребальный наряд времен»*.

Триолет активно взаимодействует как со смежными жанровыми и строфическими формами (например, сонет триолетно-октавный, рондель триолетный, мадригал, рондолет, жанры альбомной лирики, посвящения, послания), так и в пределах собственной формы, ассоциируясь в лирические циклы, в которых триолеты составляют структурное целое благодаря очевидному сюжетному или образно-тематическому единству («двойчатки» триолетов «Любовь и дружба» П.А. Пельского, «Как силуэт» Владислава Ходасевича, «тройчатки» триолетов «Окна готический узор…» Д.А. Магулы, «В семнадцать лет душа ясна…» С.В. Ильяшенко, цикл из четырёх триолетов «Брызжет золотом заря» Е.А. Христиани), книги стихов («Триолеты» Рукавишникова, первая часть книги стихов «Очарования земли» Сологуба), «гирлянды» триолетов (Северянин), «цепочки» триолетов (сетевой поэт с псевдонимом «Планета триолета»), сказки («Белая Лилия» и «Принцесса Мимоза» Северянина, «Триолет» К. Фофанова), баллада в триолетах «Вина Балькис. Триоли» Северянина и др.).

Лирические циклы и жанрово-строфические образования, подчиняясь условиям триолета, образуются на основе структурных, сюжетных, тематических, ассоциативных связей триолетов-строф или триолетов-частей циклов. Образно-смысловые связи между ними создают контекст цикла или жанрово-тема-

тического образования, в котором предшествующий триолет, транслируя строфическую закономерность, становится основой для последующих.

Таким образом, реализуя качества самоорганизации, саморегуляции и саморазвития триолет реализует себя и как жанр, и как строфа. Если в поэтическом повествовании преобладает стремление к выражению завершенного в логике своего развития явления, а событийное начало явлено в качестве фонового, то триолеты в большей степени реализуют жанровый потенциал. Триолет в рамках лирических циклов сохраняет относительную автономность как структурно завершенное целое, в котором заявленная тема композиционно-содержательно разрешена. В случае преобладания установки на реализацию средствами формы событийной канвы изображаемого явления доминирует строфическое начало, а функция триолета заключается в ритмико-строфической организации повествования. Триолеты-строфы с точки зрения художественной завершенности целого не самодостаточны: они – звенья в развитии сюжета.

История развития триолета свидетельствует о том, что постепенно он стал представлять собой сложное синтетическое единство. Установка на системность сформировала его многоуровневое диалектически цельное гармоническое единство. Невыполнение или изменение каких-либо структурных норм из свода традиционных правил, обеспечивающих эстетическую системность, не привело к разрушению триолета как жанра и строфы. Триолет остается легко узнаваемым и однозначно идентифицируемым. Во-первых, возможные отступления компенсируются актуализацией жанровой идеи в системе других уровней художественного целого (звукового, лексического, ритмического, композиционного, сюжетно-событийного); во-вторых, только на ее фоне и воспринимаются их новизна и оригинальность, поэтому индивидуальные отступления, в конечном итоге, поддерживают общую традицию; в-третьих, с течением времени сами новшества иногда приобретают статус нормы (например, ритмико-синтаксические варианты структуры «строгих» триолетов).

Эстетический потенциал триолета реализуется в гибкой жанрово-строфической программе развития, определяющей динамику, законы развития и коррекции формы: во-первых, строфически организованное стихотворное произведение само по себе представляет динамическое единство, характеризующееся системными взаимоотношениями упорядоченных горизонтальных и вертикальных структур; во-вторых, данные качества в триолете реализуются наиболее полно, так как обеспечены поддержкой традиции, ориентированной на структурный инвариант; в-третьих, твердая форма триолета, имеющая многовековую историю существования в национальных поэтических культурах и в индивидуальных художественных системах, при каждом применении вариативно реализует свою инвариантную идею, выраженную в восьми моделях ритмико-синтаксических структур триолета; в-четвёртых, триолет, обладая способностью к развитию жанрового и строфического потенциала, обнаруживает возможность образования циклических и жанрово-строфических образований (двойчатки триолетов, тройчатки триолетов и т.д., «гирлянда» триолетов, «цепочка» триолетов) и жанрово-тематических единств (лирическая поэма, сказка в триолетах, баллада в триолетах) и, следовательно, в-пятых, может выступать как в качестве отдельного и самодостаточного художественного целого, так и в роли строфы – архитектонической единицы развернутого жанрово-строфического образования; в-шестых, в процессе функционирования наметилось стремление триолета к модернизации формы (триолет расширенный, триолеты с кодой, в оправе, купированные, моноритмические, перевернутые, потайные, прошитые, японские) и к взаимодействию с сопредельными строфическими формами (триолет в оправе (оправа представляет собой терцины), рондель триолетный, сонет триолетно-октавный); в-седьмых, триолет как открытая система проявляет интерес и способность к содержательному взаимодействию с сопредельными формами лирики (лирическое послание, путевые заметки, пейзажные и портретные зарисовки). Следовательно, триолет в русской поэзии обладает выраженными качествами и развивающимся потенциалом синергетической системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики // Из ранних произведений. М. : Правда, 1990. 656 с.
2. Брюсов В.Я. Федор Сологуб как поэт // Далекие и близкие. М. : Скорпион, 1912. 214 с.
3. Брюсов В.Я. Стихотворения 1909–1917 // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Худож. лит., 1973. Т. 2. 496 с.
4. Северянин И. Сочинения: в пяти томах. СПб. : Logos, 1995. Т. 1. 592 с.
5. Гаспаров М.Л. Русские стихи 1890-х – 1925-го годов в комментариях. М. : Высш. шк., 1993. 272 с.
6. Липскеров К. Туркестанские стихи. М. : Альциона, 1922. 52 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 19 июня 2017 г.

KEY TENDENCIES OF TRIOLET EVOLUTION IN THE RUSSIAN POETRY OF THE 18TH–21ST CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 61–65.
DOI: 10.17223/15617793/420/8

Anatoliy V. Ostankovich, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: ost_av@mail.ru
Evgeniya V. Bublik, Sercons LLC (Moscow, Russian Federation). E-mail: shpak-ev@rambler.ru

Keywords: verse; triolet; rhythmic and syntactic model; cycle; stanza; genre; composition; form; rhyme; refrain; repetition; invariant; structure.

The article contains description, analysis and interpretation of triolets of Russian poets of the 18th–21st centuries. In terms of availability of relevant attributes of the form the authors distinguish triolent-invariant, “fixed”, “free”, modified triolets. The triolet-invariant is the octette for two rhymes **abaaabab** or **abbaabab** with interchanging male and female catalexes. Verse 1 completely

repeats in verses 4 and 7, and verse 2 in verse 8. The system of set repetitions forms a composition-image net, refrains are perceived as natural and are the source of a new context. The plot-composition system of the triolet-invariant unites ideas of closedness (verses 2 and 4 end with the end-of-sentence character) and openness (verses 7 and 8 are not a separate syntactic unity). The use of the triolet-invariant in the Russian poetry has a limited nature. Forms with a different grade of deviation from the invariant model – "fixed" and "free" are represented more broadly. The "fixed" triolet is the octette in which non-observance of the rhythmical-syntactic division set by the genre tradition is permitted while preserving the lexical-syntactic identity of refrain verses. Availability of variable lexical-syntactic repetition in refrain verses refers triolets of such kind in the classification to "free" ones. Invariant, "fixed" and "free" triolets realise eight probabilistically possible rhythmical-syntactic models each of which, in its turn, may use different variations of lexical and syntactical elements in the composition of refrain verses. Evolution of the triolet in the Russian poetry resulted in modified triolets which have a number of deviations from the tradition: a number of lines differing from 8 (docked triolets, triolets with cauda, rimmed triolets), a modified manner of rhyming (mono-rhythmic, Japanese triolets), a modified position of refrain lines within the frames of the whole (reversed triolets). There are examples of the constructivist re-thinking of forms (extended triolet, rondolets, triols, triolet-octaval form, etc.). The triolet actively interacts both with contiguous genre forms (triolet-octaval sonnet, triolet rondel, madrigal) and within its own form, being associated into poetry books, lyric cycles and genre-stanza formations (triolet "garlands", fairy tales, ballads in triolets). Within lyric cycles the triolet to a greater extent realises its genre potential, in genre-stanza formations it acts as the stanza – a structural unit of the whole. The history of the triolet in the Russian poetry shows that gradually it began to represent a complicated, dialectically integral synthetic unity whose formation was facilitated by the orientation on systemacity. Non-performance or alteration of any structural norms from the code of traditional rules which provide for aesthetic systemacity has not resulted in the destruction of the triolet as a genre and a stanza. The triolet remains easily recognisable and univocally identifiable.

REFERENCES

1. Losev, A.F. (1990) Muzyka kak predmet logiki [Music as a subject of logic]. In: Makhan'kov, I.I. (ed.) *Iz rannikh proizvedeniy* [From early works]. Moscow: Pravda.
2. Bryusov, V.Ya. (1912) Fedor Sologub kak poet [Fyodor Sologub as a poet]. In: Bryusov, V.Ya. *Dalekie i blizkie* [The far and the close]. Moscow: Skorpion.
3. Bryusov, V.Ya. (1973) Stikhotvoreniya 1909–1917 [Poems of 1909–1917]. In: Antokol'skiy, P.G. et al. (eds) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Works: in 7 vols]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
4. Severyanin, I. (1995) *Sochineniya: v pyati tomakh* [Works: in five volumes]. St. Petersburg: Logos.
5. Gasparov, M.L. (1993) *Russkie stikhi 1890-kh – 1925-go godov v kommentariyakh* [Russian poems of the 1890s–1925 in the commentaries]. Moscow: Vysshaya shkola.
6. Lipskerov, K. (1922) *Turkestanskie stikhi* [Turkestan verses]. Moscow: Al'tsiona.

Received: 19 June 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 66–73. DOI: 10.17223/15617793/420/9

УДК 811.161.1 + 811.112.2'37

Л.Н. Ребрина, А.А. Петрова

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ И ДИСКУРСИВНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПАМЯТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Статья написана при финансовой поддержке РФФИ (проект 15-04-00068 «Функционально-семантический потенциал глагольных коллокаций памяти при формировании образа прошлого в российских и германских СМИ»).

Излагаются результаты исследования репрезентации феномена памяти глагольными коллокациями русского и немецкого языков, функционирующих в германских и российских СМИ, и изучения специфики манифестации коллективной памяти в медиадискурсе двух лингвокультур при формировании ценностного отношения к прошлому посредством его интерпретативной реактуализации. Выявляются общие и национально-специфичные закономерности лексико-семантической и дискурсивной репрезентации феномена памяти.

Ключевые слова: глагольные коллокации; репрезентация; память; дискурс СМИ; образ прошлого.

1. Введение. Роль памяти в процессах адапциогенеза человека, сложность и многомерность данного феномена, его соотнесенность с ключевыми философскими категориями (сознание, время, пространство) обусловливают огромный и неослабевающий интерес к памяти в рамках самых разных сфер знания. Память функционирует в собственном времени и пространстве, при этом, в отличие от их физических коррелятов, мнемоническое время характеризуется повторяемостью и обратимостью, а мнемоническое пространство – семантической природой и нелинейностью [1].

Язык в своей когнитивной и коммуникативной функциях является важнейшим средством манифестации функционирования памяти, память и язык объединяются принципом семиозиса, средой существования и способом организации знания [2–4]. Учитывая вышесказанное, а также социальную, коммуникативную, реконструктивную и интерпретативную природу и этнокультурную обусловленность памяти, лингвистика способна внести весомый вклад в ее осмысление, изучая память через призму языка, как денотат, концепт, семиотический механизм, фрагмент языковой картины мира или дискурсивный конструкт (см. Д.Ю. Апресян, Н.Г. Брагина, М.А. Дмитровская, А.Н. Павленко, Л.Н. Ребрина, О.Г. Ревзина, М.Г. Сабадашова, Н.В. Скоромыслова, В.В. Туровский, Е.В. Урысон, ОВ. Шаталова, О.В. Щиленко, A. Keppler, A. Linke, H. Weinrich и др.).

Мы исходим из понимания памяти как открытой, саморегулирующейся системы процессов, нацеленных на накопление и организацию информации, которая функционирует как информационная, когнитивная динамическая структура на основе взаимодействия субъекта, объекта и окружающей среды, где объект социально или личностно значим (индивидуальный, коллективный прошлый опыт), а субъект – единичный или множественный (совокупный).

Несмотря на наличие определенной исследовательской парадигмы, на данный момент отсутствуют сопоставительные комплексные исследования языковых моделей и закономерностей репрезентации памяти в разных лингвокультурах на уровне языка и речи; недостаточно исследованы языковые аспекты функционирования отдельных подсистем памяти. Проблематика работы помимо указанных аспектов включает и такие важные лингвистические вопросы, как когнитивная и волюнтативная функции языка, семантическая схематизация опыта, синтагматика и формирование значений сверхсловных единиц, воздействие в массовой коммуникации.

2. Методология исследования. При проведении исследования используется фрагмент разработанного нами ранее алгоритма интегративного подхода к лингвистическому изучению категории памяти [5], опробованного на материале немецкого языка. В рамках данной работы уточнен состав глагольных коллокаций памяти немецкого языка с учетом статистических параметров, представляемых корпусным менеджером DWDS; расширен анализ структурно-семантических, синтагматических и парадигматических признаков коллокаций; дискурсивный анализ дополнен описанием реализации разных форм воздействия (убеждение и внушение), диспозиции сообщений и продуктивности схем выдвижения в германских СМИ; выполнен сопоставительный анализ на материале двух языков, что в совокупности позволило получить новые данные об общих и этноспецифичных характеристиках лексико-семантической и дискурсивной репрезентации данного феномена в немецко- и русскоязычной лингвокультурах.

I. Ввиду динамичности памяти ее сущностные свойства наиболее полно отражаются глагольными единицами, называющими мнемические процессы. Закономерности лексико-семантической репрезентации памяти изучаются нами на материале глагольных коллокаций (ГК) памяти. Данные единицы были извлечены из публикаций СМИ Германии и России, нацеленных на формирование определенной (детерминируемой современными потребностями социума) картины прошлого. Ключевыми словами в анализируемых коллокациях являются лексические единицы (ЛЕ) семантического поля «Память». Реализуемый коммуникативно-функциональный подход позволяет исследовать соотнесенность групп ЛЕ с объектами внешней среды – со сферой сознания и коммуникации. Использование лингвистических корпусов, обеспечивающих объективность анализа благодаря репрезентативности, типичности и полноте представления языковых фактов в естественном контексте, делает возможным привлечение большого объема данных и количественных методов.

ГК являются неслучайными, статистически устойчивыми сочетаниями ЛЕ, актуализирующих тенденцию к совместной встречаемости. Они реализуют отличающийся от однословных единиц способ номинации, характерный для конкретного типа текстов [6–9], и адекватно отражают современный языковой узус. ГК памяти представляют собой воспроизводимые единицы, отличающиеся осложненным способом выражения содержания. Данные конституенты функционируют как целое, образуемое компонентами, сохраняющими семантические доли в составе общего значения коллокации, и характеризуются ограниченной сочетаемостью [6, 9]. ГК, как единицы вторичной номинации на основании допущения о подобии (на что указывает модус фиктивности, используемый при толковании их значения), генерируют дополнительное, выводное знание о денотате, наглядно моделируют денотативные ситуации [6, 7, 10].

Анализируемые русскоязычные и немецкоязычные ГК памяти отобраны на основе статистических параметров (меры ассоциаций logDice, MI log Freq, Log-likelihood score, частотность) из исследовательских лингвистических корпусов с морфосинтаксической разметкой (немецкоязычный корпус DWDS и русскоязычный корпус Университета г. Лидс). Меры ассоциаций отражают соотнесение частоты именного и глагольного компонентов в соответствующем корпусе и частоты их совместной встречаемости, контекстно-связанных (зависимых) и независимых частот.

Описываемые ЛЕ представляют собой аналитические сочетания, что проявляется в их контекстуальности, а также в осознаваемой семантичности и модификации отвлеченности значения и глагольного, и именного компонентов [11. С. 20–21]. Синтагматические связи статистически устойчивых словосочетаний заданы предметно-логически, обусловливаются семантическими долями компонентов, их референцией, внутренней формой ГК.

Анализ структурных, синтагматических, семантических и парадигматических признаков ГК памяти позволяет сделать выводы об элементах языковой модели памяти и о типичных чертах ее репрезентации. Выполненные исследовательские мероприятия включают:

а) определение структуры словосочетания (простая; сложная, т.е. включающая дополнительные синтаксические связи помимо связи коллоката и ключевого слова); количества компонентов; значения падежных форм именных компонентов [12];

б) характеристику ГК как объектных (описывают действие, направленное на объект) или субъектных (направленность на субъект, ЛЕ могут быть одно- и двусубъектными, предполагая одушевленный и / или неодушевленный субъект); как внутренне переходных (включение в состав беспредложного винительного падежа в позиции прямого объекта) или внешне переходных (сочетаемость ГК с прямым дополнением) [Там же. С. 16–18];

в) описание образуемых коллокатом или ключевым словом серий ГК (серия – совокупность коллокаций с повторяющимся именным или глагольным компонентом, объединяющихся способом схематизации представлений об объекте номинации) [11]; определение структурно-семантических моделей ГК (схематизированные инварианты корреляций формальных и семантических признаков) [13. С. 84–85];

г) анализ предметно-тематических кодов (лежащие в основе переносной номинации сферы отождествления, к которым принадлежат конкретные образы) [14]; прагматических компонентов лексического значения ГК (ассоциативно-образное основание, оценка).

Из названных корпусов были отобраны немецко- и русскоязычные ГК памяти. Объем выборки составил около 600 единиц. При этом структурные особенности языков (например, специфика системы склонения, свободный / несвободный порядок слов и, соответственно, дистантное / недистантное расположение ключевого слова и коллоката / частей коллоката и пр.) обусловливают степень релевантности мануальной проверки результатов выборки.

Коллокаты (глаголы) в отобранных глагольно-именных словосочетаниях сочетаются со следующими ключевыми словами:

а) в русском языке – лексемы, обозначающие квазиорганы памяти (соматизмы *мозг, голова, глаза, сердце, уши, язык*), объекты операций памяти (*прошлое, воспоминания, время, история*), способность забывать / помнить (*память, воспоминание, забвение, забывание*), результирующие признаки, процессы или состояния объектов (*бессмертие, бессмертность, вечность, увековечивание, небытие*);

б) в немецком языке – ЛЕ, называющие квазиорганы памяти (соматизмы *Vergessen, Kopf, Auge, Hinterkopf, Ohr, Lippe, Gehirn*), объекты операций памяти (*Erinnerungen, Gedanken, Zeit, Vergangenheit, Gestern, Geschichte* и др.), способности (*Denken, Gedächtnis, Erinnerung, Andenken, Gedenken, Sinn*), признаки и состояние объектов (*Vergessenheit, Ewigkeit, Unsterblichkeit*).

II. Второй этап исследования сопряжен с изучением используемых в германских и российских СМИ стратегий и тактик формирования образа прошлого и с определением закономерностей дискурсивной реализации коллективной памяти (КП) в двух лингвокультурах. Интерпретация прошлого и формирование ценностного отношения к прошлому – важная задача общественных коммуникационных систем государств, целенаправленно конструирующих исторические оценки для решения актуальных политических задач. Предъявляемое и транслируемое СМИ массовому адресату видение прошлого обусловливается актуальными потребностями и может быть нацелено на поддержание национальной и групповых идентичностей, общественную консолидацию; последовательное, гармоничное соединение событий, ценностей прошлого и существующего строя; создание желаемого образа настоящего. Данные задачи решаются посредством реактуализации и реинтерпретации фрагментов КП [15].

КП понимается нами в рамках теории социальной коммуникации как социально конструируемый феномен, движение социальных смыслов в социальном пространстве и времени [16]. Выполняя интерпретативную и селективную функции, КП предусматривает совокупность действий социума по символической

реконструкции прошлого как объекта нравственной рефлексии [17–19] и манифестируется в дискурсивных практиках посредством релевантных стратегий и тактик [20–24].

В рамках коммуникативного действия «управление», характеризующегося субъект-объектным отношением адресанта и адресата, смысловое взаимодействие осуществляется в форме внушения или убеждения, что предусматривает, соответственно, обращение к подсознанию или сознанию адресата. При этом осуществляется «тиражирование», «внедрение» трансформируемого образа прошлого посредством «упаковки» смысла в содержание для его последующего присвоения адресатом как готового, собственного знания. Воздействие чаще всего направлено на снижение осознанности и критичности восприятия, редукцию анализа связей предъявляемого содержания с прошлым и настоящим адресата, на изменение когнитивной и аксиологической составляющих образуемого коммуникативного пространства.

Интерпретативная реактуализация содержания КП предполагает применение обусловленных целевыми установками стратегий позитивной, негативной и десенсибилизирующей презентации прошлого, тактик формально-логической аргументации (база – логические выводы и фактические данные), психологической аргументации (база – этические, эмоциональные доводы) и композиционных тактик (учитывают механизмы внимания и восприятия, используют возможности диспозиции) [25]. Композиционные тактики нацелены на модификацию информационной структуры сообщений в соответствии с теорией выдвижения путем создания маркированных позиций в сообщении, например с помощью конвергенции, градации, сцепления, а также нарушения градации или сцепления [26].

3. Результаты.

I. Выполненный анализ структурных, синтагматических, семантических и парадигматических характеристик ГК памяти, функционирующих в российских и германских СМИ, позволил выявить закономерности лексико-семантической репрезентации памяти, данные конституентами в двух лингвокультурах.

К общим характеристикам языковой репрезентации названного феномена мы относим:

1. Исследуемые парадигматические объединения ГК: а) имеют схожую внутреннюю структуру организации, отвечающую выделяемым базовым мнемическим процессам (четыре подгруппы – воспроизведение, хранение, запечатление, утрата информации в памяти; наличие микрогрупп ГК, обозначающих каузацию перечисленных операций памяти); б) характеризуются асимметричностью лексического представления соответствующих ситуаций, одинаково широкой репрезентацией операции воспроизведения информации в памяти (в русском языке количественный состав подгруппы «воспроизведение информации в памяти» составляет около 55% от общего числа всех извлеченных ГК, в немецком языке – около 46%) и наименьшей лексической представленностью операции хранения информации в памяти (в русском – около 9%, в немецком языке – около 8% от совокупного количества ГК).

2. Оба лексических подмножества включают, помимо глагольных, большое количество именных серий ГК, что свидетельствует о значимости событийно-процессуальной составляющей в языковой модели памяти (пример серии в русском языке – *уходить / кануть / отойти / погружаться / возвращаться в прошлое;* в немецком языке – *durch den Kopf geistern / fahren /schießen / ziehen*). Наличие серий указывает на регулярность семантических переносов и возможность моделирования ГК посредством соотнесения их семантических и структурных признаков и последующего схематичного представления инвариантов получаемых корреляций. Выполненное структурно-семантическое моделирование ГК позволяет определить базовые элементы языковой модели памяти, в частности локализацию, а именно указание на источник, направление, конечную цель как один из элементов модели (наряду с субъектом, объектом, собственно процессом / действием / состоянием). На материале обоих языков выделены такие структурно-семантические модели ГК, как, например, «перемещать куда»; «перемещать откуда»; «перемещаться где»; «перемещаться куда»; «не перемещаться откуда»; «быть где»; «иметь где»; «совершать действие где» и др.

3. Среди анализируемых русско- и немецкоязычных ГК превалируют внешне непереходные коллокации (например, *вертеться в голове, гордиться прошлым, покончить с прошлым; das Gedächtnis auffrischen, aus Gedächtnis schwinden, im Gedächtnis verblaßen*).

4. Для репрезентации процессов памяти глагольными коллокациями релевантна концептуальная интеграция ментальных и физических ситуаций. Представления о денотативных ситуациях схематизируются посредством соответствующего семантического переноса – уподобления движению или действию над объектом (например, *всплывать в памяти, приходить на память, вернуться из забытья, ворошить прошлое, будить воспоминание, восстанавливать память*; *in den den Sinn / Kopf kommen, in die Vergangenheit eintauchen, Vergangenheit begraben, Erinnerung(en) streichen / auslöschen / löschen*). При этом имеет место трансформация отвлеченности собственных значений глагольного и именного компонентов посредством использования модуса фиктивности. Значение именного компонента становится более конкретным, а глагольного – менее конкретным. Например: 1) *возвращать из забвения* (*что-либо*) означает «вспоминать: заставлять объект (содержание воспоминания) переместиться откуда-то на прежнее место (из забвения в память), как если бы объект был активным и мог сам передвигаться, а забвение и память были бы некоторыми разными пространствами»; 2) *изглаживаться из памяти* означает «забываться, исчезать из памяти, как если бы память была некоторой поверхностью, а ее содержание – некоторыми объектами, оставляющими на ней след, и теперь эта поверхность выравнивается, следы исчезают»; 3) *Erinnerungen austauschen* означает «делиться воспоминаниями: осознанно воспроизводить информацию и сообщать ее кому-либо, как если бы воспоминания были предметами и ими можно было бы обмениваться»).

5. Функции падежных форм в русско- и немецкоязычных ГК заключаются, прежде всего, в указании

на объект или локализацию: например, *скрывать / отпустить прошлое*, *уходить в забытье*; *Erinnerung vertreiben, aus Vergessenheit aufsteigen*).

6. Анализ сфер отождествления, обусловливающих номинацию, указывает на преобладание пространственного, предметного, персонифицирующего тематических кодов, например: *уходить из памяти*; *потерять память, убивать память*; *in Erinnerungen schwelgen, Erinnerungen ausgraben, Erinnerung erwecken, Erinnerungen verscheuchen.*

7. ГК отражают амбивалентность ценностного отношения к памяти в двух лингвокультурах. Анализ прагматического компонента значения ГК показывает, что при схожих аспектах и мотивах оценки (память – нечто важное, нужное, желанное, мешающее, опасное, надежное, ненадежное, доставляющее приятные или неприятные ощущения или переживания, интенсивное, неконтролируемое, неупорядоченное и пр.) память может получать как положительную, так и отрицательную оценку. Например: *чтить / уважать / беречь память*, *жить / дышать памятью, доверять воспоминаниям, осквернять память, мучиться / терзаться воспоминаниями, память изменяет; sich an die Erinnerungen klammern, an Vergangenheit hängen, den Erinnerungen nachhängen; von Erinnerungen zehren / leben, im Kopf hämmern, in die Vergangenheit flüchten.*

Перечисленные характеристики свидетельствуют о реализации в немецкой и русской лингвокультурах схожих способов оязыковления представлений о памяти; о преобладающей антропометричной пространственно-деятельностной интерпретации процессов памяти; о регулярной апелляции к физическому миру и соответствующему опыту носителей языка и совпадающих элементах языковой модели мнемических процессов.

По результатам анализа были выявлены специфичные характеристики языковой репрезентации памяти в двух лингвокультурах.

а) Немецкий язык характеризуется большей степенью семантической дифференциации при номинации мнемических процессов, что обусловливается значительным превосходством в количественном отношении парадигматического объединения немецкоязычных ГК памяти по сравнению с русскоязычными ГК. Как следствие в семантической структуре значения немецкоязычных ГК содержатся дополнительные дифференциальные семантические признаки, указывающие на характер субъекта, объекта, оценку объекта, характер процесса / действия / состояния.

Операции утраты и запечатления информации в памяти отличаются разной степенью лексической представленности, свидетельствующей о значимости для лингвокультуры соответствующих ситуаций. В немецком языке подгруппа «утрата информации из памяти» – вторая по количеству конституентов (около 26%), в русском языке – после ситуаций воспроизведения информации в памяти – наиболее лексически представлена операция запечатления информации в памяти (около 22%).

б) ГК памяти в русском и немецком языках различаются степенью релевантности определенных синтагматических характеристик. Например, среди русскоязычных ГК превалируют субъектные коллокации, что указывает на преобладающую интерпретацию операций памяти как активных действий или состояний субъекта или же как непроизвольных, неконтролируемых действий самих объектов (*жить в памяти, тосковать по прошлому, оглядываться в прошлое, врезаться в память, вставать перед глазами, откладываться в памяти и мн. др.*).

в) Ключевые слова демонстрируют разную активность при образовании серий ГК, свидетельствующую о важности соответствующих понятий при репрезентации процессов памяти. В немецком языке наибольшее количество серий образуют именные компоненты *Gedächtnis, Erinnerung*, в русском – *память* и *прошлое.*

г) Лексико-семантическая репрезентация памяти в русском языке характеризуется меньшей ролью указывающих на квазиорганы памяти соматизмов, меньшей частотностью анатомического тематического кода по сравнению с группой немецкоязычных ГК. При этом, однако, в отличие от немецкого языка в русском языке в качестве квазиоргана памяти может выступать *сердце* (*оставаться / хранить в сердце, оставаться сердцем с кем-либо*). Для носителей немецкого языка *Kopf, Ohr, Auge* являются наиболее релевантными метафорическими квазиорганами памяти.

II. Анализ отобранных из газетных корпусов немецко- и русскоязычных контекстов, иллюстрирующих реализацию разных стратегий при реактуализации фрагментов коллективного прошлого (стратегии негативной, позитивной, деактуализирующей презентации), позволил сделать вывод о закономерностях дискурсивной реализации КП в указанных лингвокультурах.

Определены общие черты, характеризующие обращение к двум формам воздействия – убеждению и внушению – в соответствующих дискурсивных практиках СМИ, нацеленных на воссоздание определенной картины прошлого. Убеждение предполагает обращение к рациональной сфере адресата и соответствующую аргументационную базу. И в германских, и в российских СМИ при реализации убеждения наиболее частотна апелляция к фактической аргументации, что объясняется ее большей наглядностью и достоверностью. Логические построения и уловки сопряжены с дополнительными усилиями адресата для оценки предъявляемых адресантом доводов и поэтому менее релевантны. Внушение в анализируемом материале базируется на латентности, асимметричном, субъект-объектном отношении адресанта и адресата, обращении к эмоциональной сфере последнего и его эмоциональном вовлечении в прошлое посредством включения концептуальной информации в эмоциональный подтекст, что способствует разделению адресатом предъявляемых вместе с содержанием смыслов как собственных. По сравнению с убеждением и в германских, и в российских СМИ внушение оказывается более эффективной, частотной формой воздействия; продуктивными способами при этом являются отождествление позиции адресанта и адресата, а также идентификация этноса с его традиционными представлениями и адресата.

Использование возможностей диспозиции при предъявлении образа прошлого базируется на разных

схемах выдвижения, акцентирующих содержательные элементы в соответствии с транслируемыми смыслами, что предполагает сгущение или избегание изобразительных языковых средств, использование сцепляющих элементов, градацию признаков, воспрепятствование автоматизму восприятия. Наиболее продуктивна схема выдвижения, использующая эффект неожиданности.

Количественный анализ контекстов германских СМИ свидетельствует: 1) о наибольшей релевантности негативной презентации прошлого (≈ 44%), что указывает на преимущественное обращение к содержанию КП для формирования и трансляции адресату положительного образа настоящего, для обеспечения поддержки нововведений или легитимации современной власти; 2) о примерно одинаковой частотности стратегий отчуждающей (≈ 30%) и позитивной презентации фрагментов прошлого (≈ 26%) (цели: развитие, поддержание позитивной групповых, национальной идентичностей; предъявление оппозиционного отношения к современному порядку; деактуализация конфликтующих образов прошлого).

В российских СМИ релевантность стратегий негативной и позитивной презентации прошлого практически одинакова (≈ 42 и 39% соответственно), менее частотна деактуализирующая презентация прошлого (≈ 19%). Сделанное наблюдение отражает большую амбивалентность оценок прошлого в данной лингвокультуре, актуальность для социума разнонаправленных действий: содействие консолидации нации и формирование позитивной картины настоящего с целью поддержания современного порядка.

Стратегии позитивной и негативной презентации прошлого в дискурсивных практиках СМИ Германии и России базируются на общих психологических и мыслительных механизмах и, соответственно, актуализируются схожим набором разнонаправленных тактик.

При негативной презентации прошлого в германских СМИ наиболее релевантны из тактик формально-логической аргументации тактики апелляции к авторитету (≈ 17,1%) и апелляция к фактам (≈ 12,38%); наименее – тактика логической аргументации (≈ 4,76%). Из тактик психологической аргументации наиболее эффективны тактики апелляции к отрицательным образам и стереотипам (≈ 15,2%) и апелляции к этическим доводам этноса (≈ 15,2%); наименее эффективна тактика признания вины (≈ 1,9%). Самые частотные композиционные тактики – насыщенное акцентирование (≈ 28,6%), контрастирующее обрамление (≈ 19,6%) и обман ожиданий (≈ 15,2%); наименее частотна тактика рекуррентного акцентирования (≈ 10,9%).

Актуализация стратегии позитивной презентации прошлого в германских СМИ характеризуется следующими параметрами: из тактик формально-логической аргументации наиболее релевантна тактика фактической аргументации (≈ 10,8%); среди тактик психологической аргументации наиболее частотны утверждение ценности прошлого (≈ 16,2%), идентификация (≈ 13,5%), апелляция к этическим доводам (≈ 12,6%), апелляция к положительному индивидуальному опыту адресата (≈ 8,1%); наименее релевантна тактика ностальгической мифологизации (≈ 6,3%). Среди композиционных тактик наиболее часто используются тактики негативного контрастирующего контекстуального обрамления (≈ 33%), насыщенного акцентирования (≈ 19%); градации (≈ 15,2%), обмана ожиданий адресата (≈ 13%); наименее релевантна тактика рекуррентного акцентирования (≈ 6,5%).

Таким образом, при предъявлении негативного образа прошлого в СМИ Германии важными оказываются последовательность и расширяющийся характер аргументирования; превалирует ситуация, когда адресат, в целом, разделяет позицию адресанта, но необходимо сформировать доверие адресата к адресанту. При формировании позитивного образа прошлого наиболее эффективным является дублирование воздействия (оценка настоящего и противопоставление прошлого настоящему).

Стратегия деактуализирующей презентации прошлого в германских СМИ преимущественно реализуется тактиками переноса акцента с события на его коммеморацию (≈ 32,19%), морализующей интерпретации (≈ 20,69%), обобщающей иллюстративной теоретизации (≈ 18,4%); реже всего применяется дереализирующая анонимизация (≈ 3,45%). Коммеморация обладает высоким манипуляционным потенциалом как инструмент селективного «менеджмента» прошлого и укрепления стереотипов коллективного сознания. При этом фрагмент прошлого фетишизируется, соотносится с искусственным носителем, не предполагает интериоризацию, а доступ к событию опосредуется. Дереализирующая анонимизация формирует фаталистическую позицию, осложняющую выполнение воспитательной, обучающей, пропагандисткой функций СМИ.

В российских СМИ при актуализации стратегий негативной и позитивной презентации прошлого наиболее релевантной тактикой формально-логической аргументации является тактика фактической аргументации (соответственно ≈ 44,5 и ≈ 38,8%). При формировании отрицательного образа прошлого тактики апелляции к отрицательному коллективному / индивидуальному опыту адресата (≈ 24,5%), идентификации с адресатом (≈ 22,5%), описания неприятных последствий (≈ 20,6%), апелляции к этическим доводам этноса (≈ 19,3%) наиболее частотны среди тактик психологической аргументации. Наименее релевантна тактика утверждения необходимости вытеснения прошлого (≈ 5,5%). Наиболее продуктивные композиционные тактики – нарушение ожидания (≈ 27%), контрастирующее обрамление, обратная аргументация (по ≈ 17,3%) и рекуррентное аргументирование (≈ 15,4%). Менее частотны композиционные тактики концентрированного аргументирования и расширяющейся, последовательной аргументации (по ≈ 11,5%).

При актуализации стратегии позитивной презентации прошлого в СМИ России регулярно используется тактика апелляции к авторитету (≈ 37%). Психологическая аргументация преимущественно реализуется тактиками апелляции к этическим доводам этноса (≈ 26,8%), утверждения ценности прошлого (≈ 14,9%), идентификации (≈ 13,4%), отрицания вины (≈ 11,9%). Наименее релевантна при этом тактика ностальгической мифологизации (≈ 6%). Среди композиционных тактик превалируют тактики негативного

контрастирующего контекстуального обрамления (≈ 29,8%), обратной аргументации (≈ 19,1%), обмана ожиданий адресата (≈ 17,9%); наименее продуктивна тактика градации (≈ 8,9%). При негативной презентации прошлого, таким образом, важно исходить из вероятной обратной позиции получателя сообщения и вызвать интерес адресата. При формировании положительного отношения к прошлому при доминирующей амбивалентности оценок у адресата значимым является дублирование воздействия на адресата и уменьшение дистанции между адресантом и адресатом.

Деактуализирующая презентация прошлого в российских СМИ реализуется, в первую очередь, тактиками морализующей интерпретации (≈ 32%), метаисторической рефлексии (≈ 24%), переноса акцента с события на его коммеморацию (≈ 18%); наименее релевантны тактики дереализирующей анонимизации (≈ 4%) и классифицирования (≈ 8%).

Сопоставление полученных результатов анализа стратагемно-тактической реализации манифестации КП в двух лингвокультурах на материале СМИ указывает на наличие множества сходных закономерностей, базирующихся на общих принципах мышления и психологических механизмах: актуализация и инициация разделения амбивалентных оценок коллективного прошлого; наличие тенденций как к формированию ценностного отношения к прошлому, так и к десенсибилизации массового адресата по отношению к прошлым событиям; использование формально-логической и психологической аргументации при преобладании последней; реализация коммуникативного действия «управление»; использование схем выдвижения и высокая релевантность схемы выдвижения, нарушающей автоматизм восприятия; схожий набор аргументационных тактик; отражение интерпретативного и интенционального характера феномена КП.

Обнаруженные различия касаются степени релевантности выявленных стратегий и тактик. В отличие от манифестации функционирования КП в российских СМИ, в СМИ Германии преобладает установка на формирование отрицательной картины прошлого, что соотносится с концепцией «негативного национализма» [27], со стремлением официальной политики памяти в этой стране к переработке негативного опыта и устойчивых переживаний вины, к созданию современного позитивного образа нации для внешнего окружения. Менее частотны и при этом одинаково релевантны установки на поддержание позитивной групповых, национальной идентичностей или минимализация конфликтующих образов прошлого.

Анализ дискурсивных практик реактуализации фрагментов КП в российских СМИ указывает на такое существенное отличие от соответствующих практик в германских СМИ, как одинаковая релевантность установок на формирование позитивной и негативной картин прошлого, значительно меньшая релевантность деактуализирующей презентации прошлого.

Данные факты свидетельствуют: 1) об особенности менталитета россиян, для которых прошлое неизменно вызывает двоякую (положительную и отрицательную) интерпретацию, о широкой распространенности в российском обществе феномена двоемыслия, проявляющегося в одновременном господстве в сознании нескольких подходов к оценке важных проблем; 2) о более ярко выраженном эмоциональном индексе функционирования КП. При формировании ценностного отношения к прошлому в российских СМИ исходным посылом адресанта является предполагаемое наличие в сознании адресата амбивалентной точки зрения на события прошлого, что часто требует от адресанта дополнительных усилий при целенаправленной реинтерпретации содержания КП. К примеру, в отличие от германских СМИ, для СМИ России более частотным является обращение к рекуррентным образам как эффективному средству психологического воздействия, требующему, однако, очень тщательного отбора лексических средств. Психическое отношение «вина» также по-разному используется в дискурсивных практиках двух лингвокультур: для германских СМИ более типично обращение к чувству вины при формировании негативной картины прошлого, в российских СМИ – обращение к отрицанию вины при формировании положительной картины прошлого.

В отличие от германских СМИ формирование негативной картины прошлого в СМИ России базируется, прежде всего, на обращении к индивидуальному опыту адресата и идентификации с ним. При формировании положительного образа прошлого в обеих лингвокультурах доминируют этические доводы, указание на ценность прошлого и уменьшение дистанции между адресатом и адресантом. Выстраивая сообщения, немецко- и русскоязычные адресанты регулярно прибегают к противопоставлению; при этом в российских СМИ чаще используется нарушение читательских ожиданий или обратная аргументация (что связано с исходной установкой на амбивалентность оценок адресата).

4. Выводы. Результаты анализа указывают на общие характеристики лексико-семантической репрезентации памяти в немецком и русском языках, проявляющиеся во внутренней структуре организации подмножеств ГК; в общих элементах языковой модели памяти; схожей семантической схематизации представлений о мнемических процессах посредством концептуальной интеграции ментальной и физической сфер и трансформации отвлеченности собственных значений глагольного и именного компонентов; в асимметричности лексического представления данных процессов, отражающей их значимость для конкретной лингвокультуры; в преобладании пространственного, предметного и персонифицирующего тематических кодов в качестве сфер отождествления при номинации; в наличии серий ГК. Семантические и синтагматические признаки анализируемых ГК отражают характеристики элементов модели памяти, а прагматический компонент значения ГК – амбивалентность ценностного отношения к памяти русских и немцев. Выявленные различия касаются величины подгрупп ГК и степени семантической дифференциации признаков называемых ситуаций; активности ключевых слов в образовании серий ГК; релевантности тематических кодов; структурных и синтагматических признаков. Обнаруженные отличия указывают на значимость для русской лингвокультуры (помимо воспроизведения информации) ситуаций сохранения

информации в памяти, а для немецкой – ситуаций утраты информации в памяти; на большую значимость репрезентации признаков самого глагольного действия для немцев; на преобладающую интерпретацию операций памяти как активных действий или состояний субъекта и меньшую значимость квазиорганов памяти при ее представлении в русском языке.

Дискурсивная репрезентация КП в СМИ России и Германии также обнаруживает схожие закономерности: сочетание установок на формирование ценностного отношения к прошлому и его деактуализацию; манипулятивный характер воздействия и преобладание внушения в качестве его формы; схожий репертуар аргументационных и композиционных тактик; преобладание психологической аргументации; объективация амбивалентности аксиологического измерения памяти как интерпретативного, дискурсивного конструкта; доминирование при формировании положительного образа прошлого апелляции к этическим доводам, указания на ценность прошлого и уменьшения дистанции между адресатом и адресантом; высокая релевантность схемы выдвижения «нарушение ожидания»; регулярное использование аргументационного потенциала противопоставления. Различия в частотности выявленных стратегий и тактик свидетельствуют об остающейся релевантной для немецкого социума ориентации на переработку негативного опыта, о конкуренции установок на поддержание позитивной национальной идентичности и на нивелирование конфликтующих образов прошлого; о распространенности в российском обществе феномена двоемыслия и высоком эмоциональном индексе функционирования КП, что обусловливает преобладание в российских СМИ обращения к индивидуальному опыту адресата и идентификации, большую частотность тактик нарушения читательских ожиданий и обратной аргументации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакиева Г.А. Философский анализ феномена социальной памяти : дис. … д-ра филос. наук. СПб., 2001. 339 с.
2. Благутина В.В. Как устроена память? Системы памяти и их взаимодействие // La Recherche. 2009. № 7–8. URL: http://www.inauka.ru/analysis/article96468/print.html
3. Ревзина О.Г. Память и язык // Критика и семиотика. 2006. Вып. 10. С. 10–24.
4. Макаров А.И. Феномен надындивидуальной памяти: стратегии концептуализации и онтологический статус : дис. … д-ра филос. наук. СПб., 2010. 38 с.
5. Шамне Н.Л., Ребрина Л.Н. Лингвистическая проекция категории памяти // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2013. Вып. 3. С. 14–112.
6. Бялек Э. Коллокация как единица перевода // Cuadernos de Russistica Espanöla. 2004. № 1. С. 223–231.
7. Горина О.Г. Применение методов корпусной лингвистики для определения контекстно-специфических слов и коллокаций // Вестник Ленинградского государственного университета. 2011. № 3, т. 7. С. 27–36.
8. Хохлова М.В. Исследования лексико-семантической сочетаемости в русском языке с помощью статистических методов (на базе корпусов текстов) : автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2010. 26 с.
9. Ягунова Е.В., Пивоварова Л.М. Природа коллокаций в русском языке. Опыт автоматического извлечения и классификации на материале новостных текстов // Сб. НТИ. Сер. 2. 2010. № 6. С. 30–40.
10. Hausmann F.J. Kollokationen im deutschen Wörterbuch: ein Beitrag zur Theorie des lexicographischen Beispiels // Lexicographie und Grammatik. H. Bergenholtz & J. Mugdan (Eds). Tübingen : Max Niemeyer, 1985. P. 118–129.
11. Дидковская В.Г. Системно-функциональное описание фразеологических сочетаний современного русского языка (на материале глагольно-именных сочетаний) : автореф. дис. … д-ра филол. наук. СПб., 2000. 32 с.
12. Жакина Ю.С. Процессуальные фразеологизмы субкатегории деятельности : автореф. дис. … канд. филол. наук. Курган, 2003. 23 с.
13. Chernyseva I.I. Feste Wortkomplexe des Deutschen in Sprache und Rede. M. : Высш. шк., 1980. 141 с.
14. Леонтьева Т.В. Интеллект человека в зеркале русского языка : автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 24 с.
15. Shamne N.L., Rebrina L.N. Category of memory: principles of linguistic description // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2013. № 6 (7). P. 1085–1092.
16. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 2002. 461 с.
17. Адорно Т. Что означает «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 40–41.
18. Кемеров В. Память коллективная // Философская энциклопедия. Лондон ; Франкфурт-на-Майне ; Париж ; Люксембург ; Москва ; Минск : Панпринт, 1998. 1064 с.
19. Karitzki O. Nation heißt sich erinnern. In: Erinnerung. Philosophische Perspektiven. München : Wilhelm Fink Verlag, 2004. S. 199–228.
20. Löfller H. Vergangenheit in mündlicher Überlieferung aus germanistischer Sicht. In Vergangenheit in mündlicher Überlieferung. Stuttgart : Teubner, 1988. P. 100–113.
21. Ребрина Л.Н. Композиционные тактики негативной презентации коллективного прошлого в германских СМИ // Научный диалог. 2014. № 10 (34): Филология. С. 70–82.
22. Shamne N., Rebrina L., Petrova A., Milovanova M. Phenomenon of Memory and Category of Space: Gnoseological and Communicative Status // XLinguae. European Scientific Language Journal. 2014. Vol. 7, is. 3. P. 32–49.
23. Gugushvili A., Kabachnik P., Kirvalidze A. Collective memory and reputational politics of national heroes and villains // Nationalities Papers. 2017. P. 1–21.
24. Wylegała A. Managing the difficult past: Ukrainian collective memory and public debates on history // Nationalities Papers. 2017. P. 1–18.
25. Хазагеров Г.Г. Политическая риторика. М. : Никколо Медиа, 2005. 313 с.
26. Daft R.L., Lengel R.H. Organizational information requirements, media richness and structural design // Manag. Sci. 1986. Vol. 32. P. 554–571.
27. Müller-Funk W. Zur Narrologie des kulturellen und kollektiven Gedächtnisses. In: Geschichtsdarstellung. Medien – Methoden – Strategien. Bd. 6. Köln: Böhlau Verlag, 2004.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 6 июня 2017 г.

PATTERNS OF MEMORY REPRESENTATION IN LEXICAL-SEMANTIC SYSTEMS AND MASS MEDIA DISCOURSES OF RUSSIAN AND GERMAN

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 66–73.
DOI: 10.17223/15617793/420/9

Larisa N. Rebrina, Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: lnrebrina@volsu.ru
Anna A. Petrova, Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: petrova.anna@volsu.ru

Keywords: verbal collocations; representation; memory; media discourse; image of past.

The article presents the results of the research involving two stages: 1) representation of memory by verbal collocations functioning in Russian and German media is studied; 2) manifestation of collective memory in media discourses of Russian and German with the aim of forming a value attitude to the collective past is analyzed. The article issue is related to cognitive, voluntant functions of the language, impact in mass communication, semantic scheming of experience, syntagmatic relations and meaning formation of lexical units. The applied communicative and functional approach provides paradigm formation of collocations in relation with consciousness and communication. Social, communicative, reconstructive, interpretative and ethnic and cultural nature of memory makes it possible to speak about universal and nation-specific patterns of memory representation in language and speech. The verbal memory collocations of Russian and German were selected by the method of associations from newspaper corpuses (Leeds University and DWDS). The key words of the semantic field "Memory" are substantive components denoting quasi-organs, corresponding abilities and objects of memory operations. The complex of semasiologically and onomasiologically oriented methods of analysis allows to obtain information about co-occurrence of structural, semantic and syntagmatic characteristics of collocations in the languages, semantic scheming of mnemic processes, similar elements of the linguistic and mental memory model, semantic modeling, the asymmetry and axiological ambivalence of the lexical representation of memory processes. The image of the past sent by media to the mass addressee is determined by the actual society challenges and needs. It implies re-actualization and reinterpretation of the fragments of collective memory as well as certain strategies and tactics of composition and argumentation based on schemes of extension. Collective memory is a system of society activities on the symbolic reconstruction of the past as an object of moral reflection. Discursive manifestation of memory in both languages is characterized by similar patterns: combination of orientations on forming a value attitude to the past and its de-actualization, similar composition and argumentation tactics, manipulative effects of influencing the recipient with predominance of persuasion and psychological argumentation, the ambivalence of axiological approach as an interpretative construct. These means of influence aim to reduce the criticism of perception and analysis of the content distribution relevant to the addressee's past and present. The article presents specific characteristics of lexical and discursive manifestation of memory in Russian and German.

REFERENCES

1. Bakieva, G.A. (2001) *Filosofskiy analiz fenomena sotsial'noy pamyati* [Philosophical analysis of the phenomenon of social memory]. Philosophy Dr. Diss. St. Petersburg.
2. Blagutina, V.V. (2009) Kak ustroena pamyat'? Sistemy pamyati i ikh vzaimodeystvie [How is memory arranged? Memory systems and their interaction]. *La Recherche*. 7–8. [Online] Available from: http://www.inauka.ru/analysis/article96468/print.html.
3. Revzina, O.G. (2006) Pamyat' i yazyk [Memory and Language]. *Kritika i semiotika – Criticism and Semiotics*. 10. pp. 10–24.
4. Makarov, A.I. (2010) *Fenomen nadyndividual'noy pamyati: strategii kontseptualizatsii i ontologicheskiy status* [The phenomenon of supra-individual memory: conceptualization strategies and ontological status]. Philosophy Dr. Diss. St. Petersburg.
5. Shamne, N.L. & Rebrina, L.N. (2013) Lingvisticheskaya proektsiya kategorii pamyati [Linguistic projection of the memory category]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie – Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics*. 3. pp. 14–112.
6. Byalek, E. (2004) Kollokatsiya kak edinitsa perevoda [Collocation as a unit of translation]. *Cuadernos de Russistica Espanöla*. 1. pp. 223–231.
7. Gorina, O.G. (2011) Primenenie metodov korpusnoy lingvistiki dlya opredeleniya kontekstno-spetsificheskikh slov i kollokatsiy [Application of methods of corpus linguistics for determining context-specific words and collocations]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3 (7). pp. 27–36.
8. Khokhlova, M.V. (2010) *Issledovaniya leksiko-semanticheskoy sochetaemosti v russkom yazyke s pomoshch'yu statisticheskikh metodov (na baze korpusov tekstov)* [Studies of lexico-semantic compatibility in the Russian language with the help of statistical methods (on the basis of text corpuses)]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
9. Yagunova, E.V. & Pivovarova, L.M. (2010) Priroda kollokatsiy v russkom yazyke. Opyt avtomaticheskogo izvlecheniya i klassifikatsii na materiale novostnykh tekstov [The nature of collocations in the Russian language. The experience of automatic extraction and classification on the material of news texts]. *Sb. NTI. Ser. 2*. 6. pp. 30–40.
10. Hausmann, F.J. (1985) Kollokationen im deutschen Wörterbuch: ein Beitrag zur Theorie des lexicographischen Beispiels [Collocations in the German dictionary: a contribution to the theory of the lexicographical example]. In: Bergenholtz, H. & Mugdan, J. (eds) *Lexicographie und Grammatik* [Lexicography and grammar]. Tübingen: Max Niemeyer.
11. Didkovskaya, V.G. (2000) *Sistemno-funktsional'noe opisanie frazeologicheskikh sochetaniy sovremennogo russkogo yazyka (na materiale glagol'no-imennykh sochetaniy)* [System-functional description of phraseological combinations of the modern Russian language (on the basis of verb+noun combinations)]. Abstract of Philology Dr. Diss. St. Petersburg.
12. Zhakina, Yu.S. (2003) *Protsessual'nye frazeologizmy subkategorii deyatel'nosti* [Procedural phraseological units of the subcategory of activity]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kurgan.
13. Chernyseva, I.I. (1980) *Feste Wortkomplexe des Deutschen in Sprache und Rede* [Solid word complexes of German in language and speech]. Moscow: Vysshaya shkola.
14. Leont'eva, T.V. (2003) *Intellekt cheloveka v zerkale russkogo yazyka* [Intellect of man in the mirror of the Russian language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ekaterinburg.
15. Shamne, N.L. & Rebrina, L.N. (2013) Category of memory: principles of linguistic description. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 6 (7). pp. 1085–1092.
16. Sokolov, A.V. (2002) *Obshchaya teoriya sotsial'noy kommunikatsii* [General theory of social communication]. St. Petersburg: Izd-vo Mikhaylova V.A.
17. Adorno, T. (2005) Chto oznachaet "prorabotka proshlogo" [What the "study of the past" means]. *Neprikosnovennyy zapas*. 2–3. pp. 40–41.
18. Kemerov, V. (1998) Pamyat' kollektivnaya [Collective memory]. In: Kemerov, V.E. (ed.) *Filosofskaya entsiklopediya* [Philosophical Encyclopedia]. London; Frankfurt; Paris; Luxembourg; Moscow; Minsk: Panprint.
19. Karitzki, O. (2004) Nation heißt sich erinnern [Nation is called to remember]. In: *Erinnerung. Philosophische Perspektiven* [In remembrance. Philosophical perspectives]. Munich: Wilhelm Fink Verlag.
20. Löfller, H. (1988) Vergangenheit in mündlicher Überlieferung aus germanistischer Sicht [Past in oral tradition from a Germanist perspective]. In: *Vergangenheit in mündlicher Überlieferung* [tHE past in oral tradition]. Stuttgart: Teubner.
21. Rebrina, L.N. (2014) Kompozitsionnye taktiki negativnoy prezentatsii kollektivnogo proshlogo v germanskikh SMI [Compositional tactics of negative presentation of the collective past in the German media]. *Nauchnyy dialog*. 10 (34). pp. 70–82.
22. Shamne, N., Rebrina, L., Petrova, A. & Milovanova, M. (2014) Phenomenon of Memory and Category of Space: Gnoseological and Communicative Status. *XLinguae. European Scientific Language Journal*. 7 (3). pp. 32–49.
23. Gugushvili, A., Kabachnik, P. & Kirvalidze, A. (2017) Collective memory and reputational politics of national heroes and villains. *Nationalities Papers*. 45:3. pp. 1–21. DOI: http://dx.doi.org/10.1080/00905992.2016.1261821
24. Wylegała, A. (2017) Managing the difficult past: Ukrainian collective memory and public debates on history. *Nationalities Papers*. 45:5. pp. 1–18. DOI: http://dx.doi.org/10.1080/00905992.2016.1273338
25. Khazagerov, G.G. (2005) *Politicheskaya ritorika* [Political rhetoric]. Moscow: Nikkolo Media.
26. Daft, R.L. & Lengel, R.H. (1986) Organizational information requirements, media richness and structural design. *Manag. Sci.* 32. pp. 554–571.
27. Müller-Funk, W. (2004) Zur Narrologie des kulturellen und kollektiven Gedächtnisses [On the narrology of cultural and collective memory]. In: *Geschichtsdarstellung. Medien – Methoden – Strategien* [History. Media – Methods – Strategies]. Vol. 6. Köln: Böhlau Verlag.

Received: 06 June 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 74–81. DOI: 10.17223/15617793/420/10

УДК 81’23

З.И. Резанова, А.В. Васильева, К.С. Позовкина, А.С. Хабибулина

КОГНИТИВНАЯ ОБРАБОТКА РУССКИХ ЭКСПРЕССИВНЫХ ЕДИНИЦ: ГЕНДЕРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

Исследование выполнено при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ, договор №14Y26.31.00.14

Представлены результаты экспериментальных исследований когнитивной обработки экспрессивных слов русского языка мужчинами и женщинами. В серии поведенческих экспериментов, проводимых с использованием программного обеспечения E-Prime, получены статистически достоверные доказательства того, что обработка экспрессивных стимулов мужчинами и женщинами зависит не только от типа и степени экспрессивности, но и от особенностей ее референтной отнесенности. Значимым является одушевленность / неодушевленность объекта, соотносимого с экспрессивным словом, а также референция признака, действия, обозначенного экспрессивным словом, к мужчине и женщине.

Ключевые слова: экспрессивность; гендер; поведенческий эксперимент; когнитивная обработка; прайм.

Введение. В современной гуманитарной науке, в широком спектре ее частнонаучных направлений, в число которых входит лингвистика, не ослабевает интерес к проблемам гендерных оппозиций, являющихся отражением в культуре биологически детерминированных различий мужчин и женщин. Языкознание в этой парадигме исследует широкий круг проблем, начиная от изучения различий в речевом поведении представителей разных полов до исследований отражения гендерных оппозиций в языковых структурах. В качестве базового эмпирического материала, на основе анализа которого выстраиваются концепции гендерной лингвистики, используются прежде всего тексты, противопоставленные по гендерным различиям субъектов, их породивших. Текстологические исследования гендерных различий в процессах текстопрождения, их результатах – особенностях текстовых структур – имеют длительную историю, и к настоящему времени получены интересные, значимые выводы о моделях речевого поведения, противопоставляющих мужчин и женщин, на материале разных языков, в том числе русского [1–5], о специфике использования языковых единиц разных уровней в мужской и женской речи в различных дискурсах и конкретных жанрах [6–10].

Одним из значимых выводов, полученных в рамках данного направления, в том числе и выполненных на материале русского языка, является вывод о различии *эмоционального фона* мужской и женской речи, что, являясь отражением различий коммуникативных стратегий и тактик, находит воплощение в различии использования языковых единиц – лексических (эмоционально-оценочных единиц разных классов), синтаксических (конструкции экспрессивного синтаксиса), фонетических (или в особых графических маркеров эмоционального фона речи в письменной, прежде всего компьютерно опосредствованной коммуникации) [1, 2, 10]. Заметим сразу, что, говоря об использовании каких-либо языковых единиц как признаке, противопоставляющем мужскую и женскую коммуникацию, исследователи имеют в виду различия в количественном преобладании единиц и тенденциях их разнотипного использования.

Накопленные объективные данные о характере эмоциональности мужской и женской речи позволяют выдвинуть гипотезу о различии *восприятия данных единиц мужчинами и женщинами*, т.е. в тех ситуативных ролевых позициях, когда мужчина и женщина не порождают, но воспринимают экспрессивные языковые единицы.

Постановка данной исследовательской проблемы требует применения прежде всего экспериментальных методик, позволяющих представить объективированные данные о процессах восприятия и обработки языковых единиц. Такого рода исследования проводятся в настоящее время применительно к материалу различных языков. Экспериментально изучается специфика восприятия и обработки экспрессивных единиц как безотносительно к своеобразию социальных типов коммуникантов, при этом, в частности, отмечается, что ускорение когнитивной обработки экспрессивных слов может быть вызвано «мотивированным вниманием и аффективными состояниями» (см. обзор работ в [11]), так и в аспекте гендерно обусловленных различий. Так, например, в работе B. Gohier с соавт. рассматриваются гендерные различия в восприятии стимулов с положительным и отрицательным значением. Для определения гендерных различий в восприятии эмоциональной информации исследователи использовали данные о наличии или отсутствии прайминг-эффекта, т.е. о различиях в скорости реакции испытуемых при обработке положительных и отрицательных слов-стимулов в случае, когда им предшествовали положительные, отрицательные или нейтральные праймы (предшествующие восприятию целевых стимулов элементы, оказывающие влияние на их восприятие) различных модальностей. Так, прайминг-эффект у мужчин был сильнее, чем у женщин, только в том случае, когда и слово-стимул, и прайм имели отрицательную коннотацию. Различия в восприятии негативных стимулов авторы статьи объясняют бóльшей чувствительностью женщин к отрицательным стимулам [12].

Психолингвистические исследования восприятия языковой экспрессивности и эмоциональности проводятся на материале различных языков, русскоязычная коммуникация в качестве объекта в данную парадигму только начинает вовлекаться. Вместе с тем, как представляется, формирование эмоционального фона коммуникации, своеобразие привлечения единиц разных языковых уровней определяются как привычными культурными кодами, имеющими этническую маркированность, так и ресурсами языковых систем.

Цель нашего исследования – выявить наличие или отсутствие влияния экспрессивности языкового стимула на его восприятие русскоязычными мужчинами и женщинами.

Метод. Как было отмечено ранее, поставленная цель достигалась с использованием экспериментального метода. В данной статье представлены результаты серии поведенческих экспериментальных исследований влияния гендерных различий на процессы восприятия и когнитивной обработки экспрессивных лексем носителями русского языка с его особой семантической и морфологической структурой. Основные характеристики дизайна экспериментов определялись базовой гипотезой о возможности различий в обработке экспрессивных лексических единиц в зависимости от типов экспрессивности лексем и типов их референции.

Все эксперименты проводились с использованием программы E-Prime 2.0 (Copyright 1996–2012 Psychology Software Tools) и в соответствии с принципами организации подобного типа экспериментов, при проведении которых экспериментаторы исходят из положения о том, что различия в скорости реакции (Reaction Time – RT) испытуемых свидетельствует о различиях в когнитивной обработке вербальных стимулов (используемое программное обеспечение позволяет измерять время реакции в миллисекундах (мс) и обрабатывать значительное количество данных).

Стимулы предъявляются на экране монитора испытуемым, которые, в соответствии с инструкцией, реагируют в качестве ответа на задание нажатием на обозначенную клавишу клавиатуры компьютера. Стимулы предъявляются в случайном порядке.

Время предъявления стимулов – 3 000 мс, перед началом новой пробы появлялся пустой экран (ITI – intertrial interval) – 250 мс, время предъявления фиксационного креста – 250 мс. Типовая схема проведения экспериментов представлена на рис. 1, однако в одном из экспериментов схема предъявления стимулов была осложнена введением прайма.

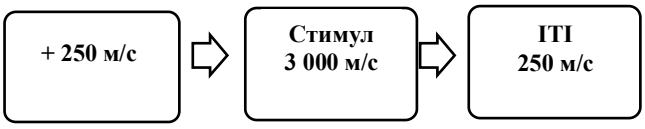

Рис. 1. Типовая схема процедуры эксперимента

Принципиально важным в организации эксперимента является то, что испытуемый выполняет задание, не связанное с исследуемым языковым явлением, и это позволяет выявить действие факторов, сознательно не контролируемых испытуемым. В обсуждаемых далее экспериментах мы использовали три типа заданий: задание на принятие лексического решения (lexical decision task), при выполнении которого испытуемому предлагается определить, является ли появляющееся на экране слово реальным словом соответствующего языка или это незначимая комбинация символов; задание на категоризацию, при котором испытуемым предлагается квалифицировать появляющееся на экране слово как относящееся к какому-либо классу (например, в нашем эксперименте – определить, к какому грамматическому роду относится слово); задание на понимание прочитанного (reading comprehension task), при котором испытуемым предлагается читать предложения и отвечать на вопросы, диагностирующие понимание / непонимание прочитанного.

Действие исследуемых факторов проверяется строгим подбором стимулов, противопоставленных по изучаемым факторам. Для проверки сформулированной нами гипотезы в серии проводимых экспериментов мы последовательно манипулировали совокупностью параметров экспрессивных слов: 1) наличие vs. отсутствие эмоциональной оценки (или другого типа экспрессивности) в семантике слова (*платьице, коленце, копытце* vs. *прокачка, раскачка, солонка*); 2) тип эмоциональной оценки: положительная vs. отрицательная (*счастьице, реченька, папенька* vs. *мебелишка, репортеришко, пиджачишко*); 3) тип экспрессивности: оценочная семантика vs. значительная степень проявления признака *(дороженька* vs. *набухаться, щекастый*); 4) положение предъявляемого стимула относительно контекста: изолированный стимул vs. стимул в минимальном контексте (*взбеситься*, *сфотографироваться* vs. *он вчера разожрался, она вчера уволилась*); 5) положение стимула в экспериментальном задании – целевой стимул (таргет) vs. стимул в позиции прайма. Праймом в психолингвистических и когнитивных экспериментах называют единицу (вербальную или невербальную), которая предшествует целевому слову, воспринимается испытуемым ранее и вследствие этого может оказать влияние на его обработку: скорость выполнения задания, его точность и т.д. Подробное описание типов праймов, используемых в психолингвистической литературе, представлено в работе М.В. Фаликман, А.Я. Койфман [13]. В наших экспериментах мы прослеживали влияние экспрессивного прайма, который является эмоциональным (в противопоставление когнитивному), осознаваемым (противопоставляется неосознаваемому, предъявляемому в эксперименте в течение 50 мс), семантическим (противопоставляется перцептивному, сублексическому уровню обработки слова).

В серии экспериментов в качестве стимулов были использованы единицы разных частей речи – существительные, глаголы, прилагательные (*кроваточка, репортеришко* vs. *надраться, намалеваться* vs. *простецкий*), однако влияние грамматической характеристики слова не было предметом специального исследования, в пределах дизайна одного эксперимента стимулы на основании различий части речи не противопоставлялись.

Степень экспрессивности, психологическая реальность оценочной семантики языковых стимулов для русскоговорящих, субъективная частотность проверялась в серии претестов с использованием психометрического метода шкалирования Лайкерта, заключающегося в выявлении субъективной оценки респондентами того или иного явления по 9-, 7- или 5-балльной шкале (в наших экспериментах мы использовали семибалльную шкалу). Выявление мнения респондентов проводилось при помощи Google-анкет, в

процессе проведения которых участникам предлагалось оценить предложенные лексические единицы на шкале Лайкерта по трем параметрам: степень экспрессивности стимулов; оценка обозначаемого явления, которую выражает слово (положительная, отрицательная, нейтральная); степень субъективной частотности стимулов. Каждый из претестов прошли не менее 20 испытуемых, что соответствует требованиям примененной парадигмы экспериментальных исследований. В результате применения данной методики мы получили усредненное значение субъективной оценки по данным параметрам каждого анализируемого слова.

С применением Т-тестов программы SPSS STATISTICS из состава единиц, включенных в Google-анкеты, отбирались стимулы, которые не имели статистически значимых различий по усредненной оценке стимулов по признакам частотности, а также по объективным параметрам слоговой и буквенной длины. Необходимость контроля по данным параметрам вызвана наличием доказанного во множестве поведенческих экспериментов эффекта влияния длины и частотности стимула на скорость реакции испытуемого. Отсутствие статистически значимых различий по трем признакам в группе противопоставленных стимулов (буквенная и слоговая длина слова и частотность) позволяет избежать влияния данных факторов на результаты проводимых экспериментов, в которых проверяется влияние других факторов – наличие экспрессивности в семантике слов и ее типа.

Именно потому, что данные признаки являются основными независимыми переменными дизайна проводимых экспериментов, способными повлиять скорость реакции испытуемого, по гипотезе авторов проекта, в составе стимулов были оставлены единицы, имеющие статистически значимые различия по данным признакам, что также проверялось с использованием Т-теста. Например, в состав стимулов второго эксперимента включались единицы двух противопоставленных групп: в первую группу были включены, например, единицы *актеришка, бумажонка, душонка*, имеющие длину 4 слога, 9 букв (в целом колебания в стимулах 8–11 букв, 4–5 слогов) и колебания частотности в диапазоне от 2,1 до 2,5. При этом в группе субъективная эмоциональность варьировала в диапазоне от 4,8 до 5,3, оценочность – в диапазоне от 1,6 до 1,7. Во вторую группу были включены единицы *горожанка, перегонка, медогонка,* характеризующиеся тождественной длиной и колебаниями частотности в том же диапазоне от 1,4 до 2,4, однако имеющие значимые различия в оценке эмоциональности по отношению к единицам первой группы (диапазон варьирования от 1,7 до 2,5; варьирование оценочности – от 0,1 до 0,3). Повторим, что статистически значимое различие определялось в целом для усредненных значений всех единиц группы. Из исходного списка 150 стимулов в результате оценки на соответствие всем необходимым критериям осталось 22 стимула, которые были введены в дизайн эксперимента.

По данной схеме отбирались стимулы для всех экспериментов.

В экспериментах приняли участие студенты томских вузов различных факультетов (ТГУ, ТПУ) в возрасте от 17 до 23 лет. В каждом эксперименте приняли участие по 44 человека, равное количество мужчин и женщин. Эксперименты проводились в разное время, для участия в них привлекались разные группы участников.

Результаты обрабатывались с помощью пакетов программ IPM SPSS STATISTICA и STATISTICS.02.

Описание экспериментов. Итак, в соотнесенных экспериментах мы последовательно манипулировали различным набором признаков экспрессивных единиц, чтобы проследить их влияние на обработку предъявляемых стимулов.

В двух первых экспериментах была проверена частная гипотеза о возможности различного восприятия мужчинами и женщинами имен существительных-диминутивов. При формулировании гипотезы мы основывались на выработанных в гендерной лингвистике положениях не только о повышенной эмоциональности и экспрессивности женской речи, но и ее асимметрии в сторону *положительной эмоциональной оценочности,* что было также подтверждено в исследованиях на материале обыденной электронно опосредствованной коммуникации [14, 15]. Кроме того, основанием выдвижения гипотезы явились сформированные в современных этнокультурологических и этнолингвистических исследованиях положения о значительно развитой зоне эмоционально-экспрес-сивного словообразования в качестве яркой этнокультурной специфики русской деривационной системы (см., напр.: [16–19]).

1. В первом эксперименте испытуемые выполняли задание лексического выбора со стимулами – нейтральными существительными и существительными с уменьшительно-ласкательным значением. При отборе материала мы использовали в качестве первичного источника «Обратный словарь русского языка» [20], оценка эмоционально-экспрессивной окрашенности лексем определялась по данным «Русской грамматики» [21] и «Словаря русского языка» [22], субъективная экспрессивность и частотность определялись, как было уже отмечено, в серии претестов. Экспрессивные стимулы вводились в эксперименты в оппозиции с псевдословами, сконструированными с финалями, идентичными уменьшительно-ласкательным суффиксам (*счастьице, реченька, папенька, свечечка* и т.д. vs. *насечка, осечка, подгонка* vs. *вазалинка, веречка, волонка, доринка*). Всего каждому информанту было предъявлено по 100 стимулов: 25 экспрессивных слов, 25 неэкспрессивных и 50 псевдослов. В дальнейшем псевдослова из анализа исключались. Таким образом, дизайн первого эксперимента – 2 × 2, в нем в качестве независимых переменных выступили: стимулы экспрессивные (с положительной эмоционально-оценочной коннотацией) vs. неэкспрессивные; пол испытуемых – мужской vs. женский. Как отмечалось ранее, в качестве зависимой переменной в данном и последующих экспериментах выступало время реакции (RT).

Однофакторный анализ ANOVA показал, что различия реакции у мужчин и женщин на экспрессивные и неэкспрессивные слова не являются статистически значимыми ($p = 0,52$), однако выявлена тенденция к

различию в скорости реакции при взаимодействии факторов пола испытуемого и уменьшительно-ласкательной семантики диминутива.

Этот факт явился основой предположения о том, что, возможно, степень влияния фактора экспрессивности может увеличиться с изменением типа оценочной семантики суффикса и введением еще одного контролируемого признака – признака одушевленности / неодушевленности референта экспрессивного имени.

2. Во втором эксперименте в качестве стимулов были избраны слова с уничижительной и пренебрежительной или снисходительной эмоциональной оценкой (*мебелишка, репортеришко, пиджачишко*), которые отбирались в том же порядке и по тем же источникам, что и в первом эксперименте. Кроме того, стимулы были противопоставлены по категориальному признаку одушевленности – неодушевленности (*огородишко vs. лгунишка*).

Таким образом, в отличие от предыдущего, в данном эксперименте мы увеличили количество исследуемых взаимовлияющих факторов, дизайн эксперимента – 2 × 2 × 2: стимулы экспрессивные (с отрицательной коннотацией) vs. неэкспрессивные; одушевленные vs. неодушевленные; пол испытуемых – мужской vs. женский. Как отмечалось ранее, в качестве зависимой переменной в данном и последующих экспериментах выступало время реакции (RT).

При обработке результатов мы использовали статистический анализ Repeated Measures ANOVA, который применяется, когда по крайней мере один из факторов изменяется по внутригрупповому признаку. Данный вид анализа показал наличие статистической значимости при взаимодействии всех трех независимых переменных. Так, было выявлено, что мужчины реагируют значимо медленнее на экспрессивные стимулы, нежели неэкспрессивные, проявляя также зависимость скорости реакции от типа референции экспрессивности, реагируют значимо быстрее при предъявлении неодушевленных неэкспрессивных стимулов, нежели одушевленных неэкспрессивных ($p = 0{,}0002$). Что касается женщин, то в их реакциях фактор экспрессивности стимула оказался нерелевантен, однако была проявлена маргинальная значимость фактора референтной отнесенности признака при восприятии экспрессивных единиц, существует тенденция в увеличению скорости реакции у неодушевленных экспрессивных единиц по отношению к одушевленным (рис. 2).

Таким образом, проведенный эксперимент не выявил статистически значимых различий в когнитивной обработке экспрессивных стимулов у мужчин и женщин, однако показал значимость фактора одушевленности / неодушевленности денотата при восприятии экспрессивных слов мужчинами и женщинами, а также то, что влияние данного фактора проявляется как гендерно специфичное. Кроме того, полученные результаты могут быть проинтерпретированы и как влияние внутреннего контекста реализации экспрессивного значения суффикса на его интерпретацию мужчинами и женщинами. (Влияние разных типов внутреннего контекста, под которыми понимается тип корня (мотивирующей единицы) на реализацию экспрессивного значения диминутивного суффикса исследовалось в [17, 18].) Это наблюдение явилось основанием предположения о том, что фактор референтной отнесенности стимула может быть проявлен и в других его типах и вариантах языкового маркирования.

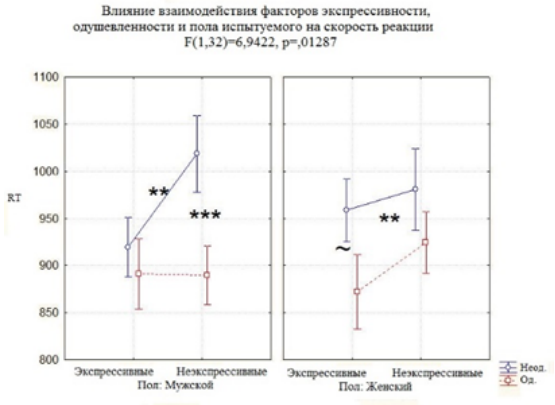

Рис. 2. Взаимодействие факторов экспрессивности, одушевленности стимула и пола испытуемого

3. Влияние фактора «тип референтной отнесенности экспрессивности» на когнитивную обработку слова нами проверялось в дизайне эксперимента с другим, по отношению к двум первым экспериментам, типом экспрессивности. В третьем из представляемых в данной статье экспериментов в качестве стимулов были избраны экспрессивные глаголы, называющие интенсивно производимое действие и обладающие признаками разговорной маркированности (*бабахнуться, взбеситься, намалеваться, разожраться, окочуриться, разбуяниться, размалеваться, разрыдаться*). Данным стимулам были противопоставлены стилистически нейтральные глаголы, обозначающие действия без дополнительных признаков стилевой маркированности (*сфотографироваться, устроиться*), 25 стилистически маркированных и 25 стилистически нейтральных единиц. Основанием выбора данных стимулов для дизайна эксперимента явилась частная гипотеза о различном характере влиянии фактора сниженной стилевой маркированности на восприятие таких слов мужчинами и женщинами, что, в свою очередь, основывается на выводах гендерной лингвистики о тенденциях к стилевой сниженности мужской речи по отношению к женской.

Наличие / отсутствие экспрессивности, ее тип и характер стилевой маркированности отбираемых для экспериментальных сессий стимулов также определялись по названным источника [21–23], субъективная частотностсть и степень экспрессивности определялись в системе претестов. Стимулы были введены в задачу reading comprehension. Для данных стимулов были подобраны минимальные контексты следующего типа: субъект (личное местоимение) + обстоятельство времени (наречие) + предикат (глагол в прошедшем времени, коррелирующий по форме рода с местоимением) (*он вчера разожрался, она вчера окачурилась, он вчера освободился, она вчера уволилась*).

Таким образом, дизайн данного эксперимента – 2 × 2 × 2, где независимыми переменными являются:

пол испытуемого (мужской / женский), экспрессивность (экспрессивный / неэкспрессивный) и *род субъекта действия (мужской / женский)* в микроконтекте.

В процедуру эксперимента по отношению к базовым был введен дополнительный компонент. Сначала на экране появлялся фиксационный крест (+) в течение 250 м/с, затем – стимул-предложение (до нажатия пробела), затем вопрос по тексту или пустой экран, далее следовал intertrial interval. В инструкции участнику сообщалось о том, что на экране будут появляться предложения, которые нужно прочитать и понять, а далее ответить на вопросы по прочитанному тексту. Задача испытуемого заключалась в том, чтобы сразу после прочтения нажать на пробел, так как именно время данной реакции учитывалось при анализе данных.

Статистический анализ показал высокий уровень значимости фактора экспрессивности (p = ,00000***): как мужчины, так и женщины реагировали на экспрессивные слова медленнее, чем на нейтральные. При этом интеракции гендерного фактора (пола испытуемого) и фактора экспрессивности обнаружено не было. Однако была выявлена статистическая значимость влияния взаимодействия факторов грамматического рода субъекта предложения, экспрессивности и пола испытуемого (p = 0,02*). Скорость реакции на экспрессивный стимул-глагол у мужчин и женщин меняется в зависимости от того, с каким референтом (мужчиной или женщиной) соотносится экспрессивно названное действие, то есть, фактор пола референта имени существенно влияет на характер когнитивной обработки экспрессивного стимула, противопоставляя мужские и женские реакции (отмечается статистически значимая разница при обработке предложений, в которых экспрессивное, стилистическое слово соотносится с женщиной-референтом: женщины реагируют значительно дольше, мужчины подобной разницы в реакциях не проявляют (рис. 3)).

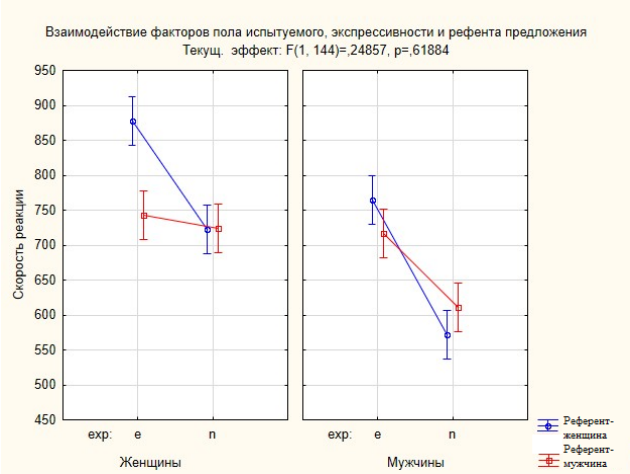

Рис. 3. Влияние факторов пола испытуемого, экспрессивности стимула и референта предложения

Если во втором эксперименте мы выявили влияние оппозиции признаков одушевленности / неодушевленности референта самого экспрессивного имени, то в данном эксперименте нами была установлена, по сути, та же закономерность, но проявленная иным способом. Значимость фактора экспрессивности языкового стимула проявляется в сочетании с фактором грамматического рода референта имени, с которым сочетается экспрессивное слово. Различие референтов маркируется грамматически противопоставленными формами (грамматический род личного местоимения и формы прошедшего времени глагола), т.е. тип референта – мужской vs. женский пол производителя действия – маркировался дважды, в структуре самого глагола и во внешнем контексте – в согласуемом имени.

Таким образом, в двух экспериментах, проводимых с использованием в качестве стимулов экспрессивных единиц разных типов, разных частей речи, при выполнении разных когнитивных задач было выявлено влияние контекстных факторов на актуализацию гендерного противопоставления при восприятии экспрессивных единиц.

В трех экспериментах экспрессивный стимул находился в поле произвольного внимания испытуемых. Несмотря на то, что испытуемые решают когнитивные задачи, не связанные с оценкой экспрессивности, при их решении они манипулируют единицами, противопоставленными по данному признаку. Однако при восприятии текста экспрессивный стимул может оказаться вне поля произвольного внимания реципиента.

4. Дизайн следующего эксперимента был направлен на решение исследовательского вопроса: оказывает ли влияние экспрессивность лексической единицы, не находящейся в сфере произвольного внимания, на обработку контекстно связанных единиц, занимающих в дизайне эксперимента позицию целевого стимула. В четвертом эксперименте мы проверяем, может ли проявиться праймирующий эффект экспрессивного стимула. Вследствие этого в дизайн эксперимента были внесены следующие изменения.

В качестве экспрессивных праймов были избраны прилагательные, противопоставленные по наличию и отсутствию оценочной экспрессивности (*щекастый, обрюзглый, простецкий* vs. *общительный, невежливый, разговорчивый*), – в 20 экспрессивных и 20 нейтральных единиц. Наличие оценочной семантики и ее характер определялись на основе анализа толкований слова в указанных источниках, психологическая реальность данных смыслов также выявлялась в серии претестов.

В качестве целевых слов в эксперименте использовались личные сокращенные имена, называющие мужчин и женщин, однозначно соотносимые с полом (*Маша*, *Рома* и др., 20 женских и 20 мужских имен). То есть, по сравнению с дизайном предыдущего эксперимента, в данном экспрессивное слово и обозначение референта, к которому может быть отнесено экспрессивная лексема, поменялись местами.

Следует отметить еще одно существенное отличие дизайнов третьего и четвертого экспериментов. В третьем эксперименте все слова были связаны синтаксической связью, одновременно появлялись на экране монитора и находились в поле произвольного внимания – испытуемый выполнял задание на понимание смысла минимальной предикативной единицы. В четвертом эксперименте процедура была иной: испытуемые выполняли задание на категоризацию, они должны были ответить на вопрос, является ли предъявляемое имя мужским или женским, т.е. в поле произвольного

внимания находилось только личное имя. Экспрессивное прилагательное появлялось на экране до появления личного имени, выполняя функцию прайма, который демонстрировался фиксированное время и испытуемый не должен был на него реагировать никакими действиями до появления следующего стимула. При этом грамматическая форма экспрессивного стимула, ее совпадение / несовпадение по признаку грамматического рода с целевым стимулом-словом было введено в дизайн эксперимента в качестве независимой переменной, способной повлиять на активацию праймирующего эффекта экспрессивного стимула. Мы предположили при формировании дизайна эксперимента, что совпадение грамматической формы экспрессивного прилагательного-прайма и целевого стимула – личного имени – усиливало прайминг-эффект.

В инструкции испытуемым предлагалось определить, какому полу принадлежит личное имя, появляющееся на экране.

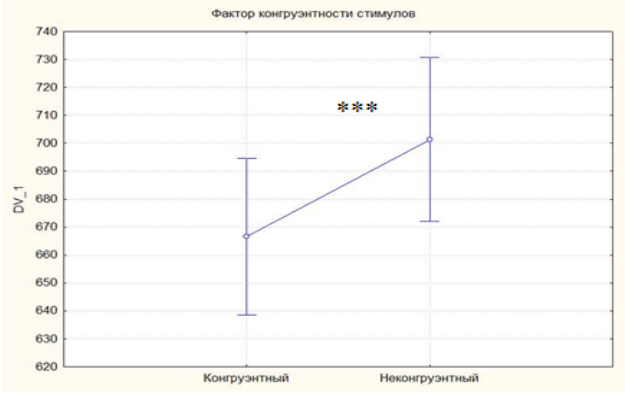

Рис. 4. Наличие или отсутствие конгруэнтности стимула и прайма

Полученные в данном эксперименте результаты подтвердили общую тенденцию, выявленную в первых трех экспериментах, проведенных с экспрессивными стимулами как положительной, так и отрицательной эмоционально-оценочной коннотации.

Одиночная активация экспрессивного стимула не приводит к существенным различиям в характере их восприятия мужчинами и женщинами.

Однофакторный анализ ANOVA показал, что скорость обработки личных имен при предъявлении экспрессивных и неэкспрессивных стимулов у мужчин и женщин не имеет статистически значимых различий.

При этом установлена статистическая значимость (p = ,00004) главного эффекта по принципу наличия / отсутствия грамматической сочетаемости (конгруэнтности) праймирующего слова и стимула, указывающая на то, что маркирование в прайме отнесенности признака к референтам, обозначенным мужскими и женскими именами, значительно ускоряет время реакции (рис. 4), однако это противопоставление утратило значимость в интеракции с различием пола испытуемого (p = ,21053).

Заключение. Результаты серии проведенных психолингвистических экспериментов позволили нам сделать следующие выводы.

Наблюдения о повышенной эмоциональности женской речи, различиях в характере эмоциональности и средствах ее лексической маркированности, полученные в лингвистических исследованиях, не находят непосредственной корреляции с противопоставлением когнитивной обработки экспрессивных стимулов мужчинами и женщинами в процессе их восприятия. Во всех четырех экспериментах нами были получены данные о не имеющей статистически достоверного значения асимметрии в скорости восприятия экспрессивных стимулов мужчинами и женщинами. Основной значимый результат проведенных экспериментальных исследований заключается в получении статистически достоверных данных о том, что отличия в обработке экспрессивных стимулов мужчинами и женщинами появляются в ситуациях интеракции признака экспрессивности семантики слова и типа референта имени: значимыми оказывается одушевленность/неодушевленность имени и в большей степени – референция признака, действия, обозначенного экспрессивным словом, к мужчине и женщине. Мужчины и женщины реагируют поразному на экспрессивное имя в его отнесенности к мужчине или женщине. Данные выводы непосредственно коррелируют с полученными ранее результатами экспериментальных исследований гендерного своеобразия обработки метафорических наименований мужчин и женщин [23]. Однако праймирующий эффект противопоставления референции признака к мужчине и женщине обнаружен не был, что требует дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык и его функционирование. М. : Наука, 1993. С. 90–136.
2. Вернер Ф. Речевое поведение женщин и мужчин // Языкознание: РЖ ИНИОН РАН. Сер. 6. М., 1984. С. 116–135.
3. Горошко Е.И. Теоретическая модель мужского и женского вербального поведения // Маркеры вербального и невербального поведения мужчин и женщин. Вена ; Киев, 1996. С. 1–80.
4. Першай А. Гендерные аспекты речевого поведения // Иной взгляд : международный альманах гендерных исследований. Май 2000. Минск, 2000. С. 11–12.
5. Гришаева Л.И. Пол коммуниканта как прагматический феномен // Гендер: язык, культура, коммуникация : материалы Первой международной конференции. 25–26 ноября 1999 г. М., 1999. С. 38–39.
6. Курилович Н. Языковая репрезентация гендера // Иной взгляд : международный альманах гендерных исследований. Май 2000. Минск, 2000. С. 26–27.
7. Mukherjee A., Liu B. Improving Gender Classication of Blog Authors // Proceedings of the 2010 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing, 2010. P. 32–38.
8. Yan X., Yan L. Gender Classification of Weblog Authors // Computational Approaches to Analyzing Weblogs. AAAI, 2006. P. 18–26.
9. Argamon Sh., Koppel M., Fine J., Shimoni A.R. Gender, Genre, and Writing Style in Formal Written Texts // Text & talk. 2003. Vol. 23, is. 3. P. 321–346.

10. Степаненко А.А. Гендерная атрибуция текстов компьютерной коммуникации: статистический анализ использования местоимений // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 17–25.
11. Sereno S.C., Scott G.G., Thaden E.J., Bo Yao, O'Donnell P.J. Emotion word processing: does mood make a difference? // Frontiers in Psychology. 24 August 2015. URL: http://journal.frontiersin.org/article/10.3389/fpsyg.2015.01191/full#B38
12. Gohier B., Senior C., Brittain P.J., Lounes N., El-Hage W., Law V., Phillips M.L., Surguladze S.A. Gender differences in the sensitivity to negative stimuli: Cross-modal affective priming // European Psychiatry. 2013. № 28. P. 74–80.
13. Фаликман М.В., Койфман А.Я. Виды прайминга в исследованиях восприятия и перцептивного внимания // Вестник Московского университета. 2005. Сер. 14. Психология. № 3, 4. С. 86–97.
14. Васильева А.В. Коммуникативно-прагматические аспекты проявления экспрессивности в мужских и женских коротких электронных сообщениях // Вестник науки Сибири. 2014. № 4 (14). С. 190–195.
15. Хабибулина А.С. Формальные показатели экспрессивности речи в коротких электронных сообщениях : сб. материалов XIV Междунар. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2014. С. 102–106.
16. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1996.
17. Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования: русское производное имя. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1996.
18. Резанова З.И. Именная деминутивная деривация в механизмах выражения оценки // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 194–231.
19. Нагель О.В. Деривационная специфика наименований лица в славянских языках (на материале параллельного подкорпуса НКРЯ) // Русин. 2015. № 3 (41). С. 226–240.
20. Обратный словарь русского языка. М., 1974.
21. Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Наука, 1970. Т. 2.
22. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981–1984.
23. Rezanova Z., Nekrasova E., Shilyaev K. Gender-marked metaphors: influence of grammatical gender and animateness of referential choice of metaphorical name of the person in the Russian language // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 154. P. 280–285.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 8 мая 2017 г.

COGNITIVE PROCESSING OF AN EXPRESSIVE WORD: GENDER SPECIFICITY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 74–81.
DOI: 10.17223/15617793/420/10

Zoya I. Rezanova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: resso@rambler.ru; resso@mail.tsu.ru
Alina V. Vasilieva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alvasilevaaa@mail.ru
Ksenia S. Pozovkina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: senya.gl@mail.ru
Alfia S. Habibulina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: abibulina_a@mail.ru
Keywords: expressiveness; gender; behavioral experiment; cognitive processing; prime.

The paper describes results of experimental studies of Russian expressive words processing by men and women. The objective of this study is revealing the dependence of the processing of an expressive word by men and women on the features of their reference to animate vs. inanimate objects, men vs. women. The authors used the program E-Prime 2.0 (Copyright 1996-2012 Psychology Software Tools). The subjects performed three types of tasks (lexical decision task, categorization task and reading comprehension task) in our experiments. The authors manipulated a set of stimuli parameters step-by-step: 1) presence vs. lack of emotional evaluation (or other type of expressiveness) in the semantics of the word (*plat'itse* [small and good dress], *kolentse* [small knee and good attitude of the speaker], *kopytse* [small hoof and good attitude of the speaker] vs. *prokachka* [pumping], *raskachka* [swaying], *solonka* [salt shaker]); 2) type of emotional evaluation (positive vs. negative): *schast'itse* [happiness and good attitude of the speaker], *rechen'ka* [river and good attitude of the speaker], *papen'ka* [dad and good attitude of the speaker] vs. *mebelishka* [furniture and speaker's contemptuous attitude], *reporterishko* [reporter and speaker's contemptuous attitude], *pidzhachishko* [jacket and speaker's contemptuous attitude]; 3) type of expressiveness: evaluation vs. the degree of manifestation of feature (*dorozhen'ka* [road and good attitude of the speaker] vs. *nabukhat'sya* [to drink alcohol beyond measure], *shchekastyy* [with big cheeks]); 4) the position of the stimulus in the context: isolated stimulus vs. stimulus in a minimal context (*vzbesit'sya* [to get mad, angry], *sfotografirovat'sya* [take a picture of oneself] vs. *on vchera razozhralsya* [he was eating a lot yesterday and the speaker emphasizes this], *ona vchera uvolilas'* [she quit yesterday]; 5) the position of the stimulus in the experimental task: the target stimulus vs. priming position. Nouns, verbs and adjectives were used as stimuli in the experiments; however, the influence of the grammatical characteristics of the word was not the subject of the study. The stimuli were aligned in literal and syllabic lengths. The degree of expressiveness, the psychological reality of the evaluative semantics of the stimuli for Russian speakers, subjective frequency were tested in a series of pretests. From 20 to 30 people took part in each survey. Students of different faculties of Tomsk universities (TSU, TPU), aged 17 to 23, took part in the experiments. Each experiment involved 44 participants, an equal number of men and women. The experiments were conducted at different times, various groups of participants were involved. In all four experiments, the authors obtained data only on the lack of a statistically significant asymmetry in the rate of cognitive processing of expressive stimuli by men and women. The main significant result of the experimental studies is statistically reliable data that differences in the processing of expressive stimuli by men and women are manifested in situations of interaction of the word expressiveness and the type of its reference. The animacy vs. inanimacy of the name and, to a greater extent, the reference of the attribute or action denoted by the expressive word to the man and the woman reveal statistical significance. Men and women cognitively process the expressive name in different ways when it refers to a man or a woman. The authors emphasize that this mutual influence manifests itself in a position where the expressive word is not in the zone of the subject's voluntary attention. These conclusions directly correlate with the results of experimental studies of the gender peculiarity of processing metaphorical names of men and women obtained earlier.

REFERENCES

1. Zemskaya, E.A., Kitaygorodskaya, M.A. & Rozanova, N.N. (1993) Osobennosti muzhskoy i zhenskoy rechi [Features of male and female speech]. In: Zemskaya, E.A. & Shmelev, D.N. (eds) *Russkiy yazyk i ego funktsionirovanie* [Russian language and its functioning]. Moscow: Nauka.
2. Verner, F. (1984) Rechevoe povedenie zhenshchin i muzhchin [Speech behavior of women and men]. *Yazykoznanie: RZh INION RAN. Ser. 6*. pp. 116–135.

3. Goroshko, E.I. (1996) Teoreticheskaya model' muzhskogo i zhenskogo verbal'nogo povedeniya [The theoretical model of male and female verbal behavior]. In: *Markery verbal'nogo i neverbal'nogo povedeniya muzhchin i zhenshchin* [Markers of verbal and nonverbal behavior of men and women]. Vienna; Kiev.
4. Pershay, A. (2000) Gendernye aspekty rechevogo povedeniya [Gender aspects of verbal behavior]. *Inoy vzglyad: mezhdunarodnyy al'manakh gendernykh issledovaniy*. May. pp. 11–12.
5. Grishaeva, L.I. (1999) [The sex of the communicant as a pragmatic phenomenon]. *Gender: yazyk, kul'tura, kommunikatsiya* [Gender: language, culture, communication]. Proceedings of the 1st international conference. Moscow. 25–26 November 1999. Moscow: MSLU. pp. 38–39. (In Russian).
6. Kurilovich, N. (2000) Yazykovaya reprezentatsiya gendera [Language representation of gender]. *Inoy vzglyad: mezhdunarodnyy al'manakh gendernykh issledovaniy*. May. pp. 26–27.
7. Mukherjee, A. & Liu, B. (2010) Improving Gender Classication of Blog Authors. *Proceedings of the 2010 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. pp. 32–38.
8. Yan, X. & Yan, L. (2006) Gender Classification of Weblog Authors. *Computational Approaches to Analyzing Weblogs*. *AAAI*. pp. 18–26.
9. Argamon, Sh., Koppel, M., Fine, J. & Shimoni, A.R. (2003) Gender, Genre, and Writing Style in Formal Written Texts. *Text & Talk*. 23 (3). pp. 321–346.
10. Stepanenko, A.A. (2017) Gender attribution in social network communication: the statistical analysis of pronouns frequency. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State Universtiy Journal*. 415. pp. 17–25. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/415/3
11. Sereno, S.C. et al. (2015) Emotion word processing: does mood make a difference? *Frontiers in Psychology*. 24 August 2015. [Online] Available from: http://journal.frontiersin.org/article/10.3389/fpsyg.2015.01191/full#B38.
12. Gohier, B. et al. (2013) Gender differences in the sensitivity to negative stimuli: Cross-modal affective priming. *European Psychiatry*. 28. pp. 74–80.
13. Falikman, M.V. & Koifman, A.Ya. (2005) Vidy prayminga v issledovaniyakh vospriyatiya i pertseptivnogo vnimaniya [Types of priming in studies of perception and perceptive attention]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14, Psikhologiya – Bulletin of Moscow University. Ser. 14, Psychology*. 3, 4. pp. 86–97.
14. Vasil'eva, A.V. (2014) Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty proyavleniya ekspressivnosti v muzhskikh i zhenskikh korotkikh elektronnykh soobshcheniyakh [Communicative-pragmatic aspects of expression in male and female short electronic messages]. *Vestnik nauki Sibiri.* 4 (14). pp. 190–195.
15. Khabibulina, A.S. (2014) [Formal indicators of speech expressiveness in short electronic messages]. *Proceedings of the XIV international conference of students and young scientists*. Tomsk: Tomsk Polytechnic University. pp. 102–106. (In Russian).
16. Wierzbicka, A. (1996) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Russkie slovari.
17. Rezanova, Z.I. (1006) *Funktsional'nyy aspekt slovoobrazovaniya: russkoe proizvodnoe imya* [Functional aspect of word formation: Russian derivative name]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Rezanova, Z.I. (2005) Imennaya deminutivnaya derivatsiya v mekhanizmakh vyrazheniya otsenki [Nominal deminutive derivation in the mechanisms of evaluation expression]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: aksiologiya v yazyke i tekste* [Pictures of the Russian world: axiology in language and text]. Tomsk: Tomsk State University.
19. Nagel', O.V. (2015) Derivation Peculiarities of Nominal Nouns in Slavic Languages (Based on the Parallel Subcorpus of the National Russian Corpus). *Rusin*. 3 (41). pp. 226–240. (In Russian).
20. Lazova, M.V. (ed.) (1974) *Obratnyy slovar' russkogo yazyka* [The reverse dictionary of the Russian language]. Moscow: Sov. entsiklopediya.
21. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1970) *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian grammar: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
22. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. 2nd ed. Moscow: Rus. yaz.
23. Rezanova, Z., Nekrasova, E. & Shilyaev, K. (2014) Gender-marked metaphors: influence of grammatical gender and animateness of referential choice of metaphorical name of the person in the Russian language. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 154. pp. 280–285.

Received: 08 May 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 82–90. DOI: 10.17223/15617793/420/11

УДК 82.091

С.Н. Степура

«ИМПЕРСКИЙ АРХИВ» РОССИИ В РОМАНЕ ДЖ. ДЖОЙСА «УЛИСС»

Роман Дж. Джойса «Улисс», известный как ярчайший образец высокого модернизма, рассматривается здесь в постколониальной перспективе, тем самым входя в новое направление критической теории конца XX – начала XXI вв. На примере семнадцатого эпизода «Итака» романа «Улисс» показана ключевая роль такого явления, как «имперский архив». Устанавливается прямая параллель архивных данных с географией как наукой и ее сжатой формой – картой, отражающей каждый отдельный фрагмент воображаемой структуры архива.

Ключевые слова: Джойс; Улисс; Россия; постколониальная критика; география; картография; морские пути; имперский архив.

В 1922 г. в Париже на английском языке вышел в свет уже успевший нашуметь роман ирландского писателя Дж. Джойса, «Улисс». Так случилось, что в этом же году было провозглашено Ирландское Свободное государство. Однако большую часть своих произведений Джойс создал в период, когда Ирландия входила в состав Великобритании. Все это, конечно, никак не влияет на единственно неизменный факт того, что «Улисс» Джойса – модернистский роман как по времени своего создания, так и по содержанию. Но с момента своего появления роман привлекал к себе внимание и рассматривался с точки зрения разных подходов, включая постмодернизм, деконструктивизм, учения Бахтина и Лакана, феминистскую критику и гендерные вопросы. Не составляет исключения и постколониальная критика, играющая важную роль в данном исследовании. В нашем понимании это литературоведческий подход, изучающий и объясняющий культурное наследие империализма и колониализма. Беря истоки в постмодернизме, постколониализм исследует как столкновение культур, вовлеченных в колониальный опыт, так и процесс деколонизации. Известно, что «постколониальная теория характеризуется отсутствием общей теоретической матрицы. В ней присутствует широкий спектр авторских моделей интерпретации феноменов колониализма, антиколониализма и постколониализма» [1. С. 161]. Считается, что постколониальная теория возникла в 1980-е годы под влиянием идей постструктурализма, но истинное начало ее развития обычно датируется выходом книги Э. Саида «Ориентализм» (1978). Постколониальная критика имеет дело с литературой тех стран, которые были или являются колониями. Она базируется вокруг основных концептов «непохожести» и «сопротивления». К постколониальной литературе чаще всего принято относить литературу бывших британских колоний в Карибском море, Африке и Индии. Большинство постколониальных писателей пишет на английском языке, и фокусируется на таких общих темах, как борьба за независимость, эмиграция, национальная индивидуальность и самоопределение, верность и детство. По сути постколониальный дискурс затрагивает культурную продукцию «англофонного и отчасти франкофонного мира», связанную «с бывшими британскими и французскими колониями, но зачастую переносит этот сугубо локальный опыт на весь мир, отыскивая определенные универсальные категории, которые разделяют все человеческие сообщества, пережившие колониально-имперский комплекс взаимоотношений» [2].

Долгое время постколониальные критики не замечали Джойса. Леонард Орр в своей вступительной статье «From high-modern aesthete to postcolonial subject. An introduction to the political transformation of Joyce studies» («От эстета высокого модернизма к постколониальному субъекту. Предисловие к политической трансформации исследований работ Джойса» (перевод мой. – *С.С.*) к книге «Joyce, Imperialism, & Postcolonialism» («Джойс, империализм и постколониализм») пишет, что существенную роль в этом сыграла канонизация Джойса как бесспорного представителя высокого модернизма, а его добровольное изгнание увело критиков от политической направленности его творчества. Роман «Улисс» всегда оценивали как аполитичный. На протяжении всего XX в. на Джойса смотрели как на высокомерного интеллектуала, не имеющего корней. Но и сам автор «Улисса» только поддерживал мысль о необходимости дистанцироваться от политики [3].

Однако существовала еще одна объективная тому причина – это отрицание Ирландии как постколониальной страны, несмотря на существование Республики. Популярные сборники избранных художественных произведений разных авторов, такие как «Антология постколониальной литературы Арнольда» (1996), рассказывая об Африке, Азии, Австралии, Канаде, Карибских островах, Новой Зеландии, Новой Гвинее и островах Тихого океана, игнорируют Ирландию [4]. Весьма краткие упоминания о ней содержатся в большинстве вводных книг по теории и практике постколониальной критики [5, 6]. Ни в одной из них не упоминается имя Джойса [3]. Читать Джойса как «деколонизированного писателя»[1] значило признать, что его историческая перспектива на финальных стадиях имперской эпохи совпадает с созданием текста, который тематически и формально задает вопросы структурам власти, от которой унаследовано письмо [Там же]. Этот факт был также началом процесса переосмысливания места Джойса в контексте европейского модернизма особенно потому, что модернизм представляет привилегированную эстетическую сферу влияния империалистического европейского общества [7]. Осознание этого парадигматического сдвига сделало невозможным применение учеными постколониальных идей к Джойсу на протяжении целых десятилетий. Лишь спустя годы американ-

ские и европейские ученые начали применять постколониальное учение к европейским писателям, находившимся в политическом изгнании, среди которых оказался и Джойс. Но ряд критиков оспаривал право ирландцев быть включенными в категорию «постколониализма» наравне с писателями из стран, находящихся на большом расстоянии от своих европейских имперских угнетателей [3]. Существует также некоторая путаница в терминологии. Термин «белый постколониализм» использовался для авторов, которые вышли из «европейских национальных сообществ», исторически существовавших внутри колониальных условий, это Джеймс Джойс и Кэтрин Мэнсфилд. Дерек Аттридж и Мариори Хоуз вывели в заглавии своего сборника сочинений о Джойсе слово «полуколониальный» (semicolonial), чтобы обозначить его статус как человека, находящегося в особой пограничной ситуации, являющегося частью европейской культуры в целом и британской культуры в частности, космополита, владеющего европейскими языками, представителя городской культуры [8].

Так, начиная с 1990-х гг. в результате сдвига парадигмы в критической теории в сторону новых подходов, стало невозможным игнорировать такие аспекты творчества Джойса, как вопросы империи, национализма, колониализма и постколониализма, вместе определяемые как политические вопросы. В англоязычном литературоведении им посвящено значительное количество работ (Colin MacCabe, 1978, 1985, 2003; Hunt Hawkins, 1992; Enda Duffy, 1994; Vincent J. Cheng, 1995, 1997, 1998, 2000; Paul B. Armstrong, 1996; Derek Artridge and Majorie Howes, 2000; Jon Hegglund, 2008; Trevor Williams, 2008; Leonard Orr, 2008 и мн. др.). Леонард Орр, в частности, выдвигает ряд таких вопросов, как, например: квалифицирует ли сама Ирландия себя как «постколониальную» страну и, если это так, когда начинается это «постсостояние»; где находится место Джойса в полемике, вызванной постколониальной теорией и дискурсом последнего десятилетия (первое десятилетие XXI в. – *С.С.*); какие полезные концепции, возникшие из постколониальной теории, кажутся наиболее продуктивными в работе с Джойсом? Предполагается, что фикциональные ситуации и персонажи в работах Джойса охватывают широкий спектр вопросов относительно империалистического, колониального и постколониального подходов, сами работы насыщены техниками, ассоциируемыми с постколониальной литературой: мимикрия (mimicry), гибридность (hybridity), присвоение (appropriation). Также Леонард Орр задумывается над тем, кем может являться Джойс: постколониальным писателем, постимперским субъектом или «колонизированным субъектом» в ссылке; может ли он быть националистом или антинационалистом или, возможно, разочаровавшимся революционером, оружием массового уничтожения которого является чрезвычайно экспериментальная и «не английская» проза; как его работы соотносятся с произведениями постколониальных писателей из других стран, написанными на других языках, принадлежащими другим традициям и колониальным историям; каким образом модернистский канон преобразован постколониальным учением и т.д.? Леонард Орр подчеркивает, что все это серьезные вопросы и на них еще не даны адекватные ответы.

Однако совершенно точно известно, что Джойс – эмигрант. Э. Саид придавал большое значение экспатриантам, так как ставил «под сомнение возможность внеинтеллектуального (физического) сопротивления имперскому и постимперскому дискурсам. Трагедия сопротивления – в копировании независимой национальной элитой имперских политических моделей, в превращении ее в «толпу диктаторов» [1. С. 164]. С его точки зрения противоположное и очень важное значение имеют интеллектуалы, находящиеся в эмиграции: «национальная элита материковая» находится в проигрыше, а «национальная элита нематериковая» оказывается «над ситуацией», так как она способна рассматривать ее «в интерпретации разных дискурсов (имперского, антиколониального, постколониального)» [Там же]. Этот момент очень важен для исследований работ Джойса как интеллектуала, находящегося в эмиграции, а потому пребывающего «над ситуацией». С.С. Хоружий в «Русском зеркале» пишет, что Джойс, предав «анафеме ирландскую жизнь, <…> в то же время зорко запоминает и тщательно сберегает ее в уме, делая всю ее своим художественным предметом» [9. С. 18]. У А.К. Кубатиева в книге о Джойсе одним из основных мотивов, проходящим красной нитью, является мысль о том, что Джойсу, чтобы писать об Ирландии, нужно было уехать из Ирландии: «Джойс был достаточно честен сам с собой, чтобы признать, что его отъезд перевешивал все счеты с иезуитами и желание стать врачом. Он увеличивал расстояние между собой и родиной, чтобы понять ее через понимание чужого мира» [10]; «Изгнание, вернее, самоизгнание, окончательно сделало Джойса дублинцем» [Там же].

Так, подводя небольшой итог, можно сказать, что в зарубежном литературоведении существовала точка зрения, мешавшая изучению романа «Улисс» в свете постколониализма, о чем и свидетельствует Леонард Орр в 2008 г., заявляя при этом, что появилось достаточно много работ, уже опровергающих данную установку. А в английском издании «Улисса» 2010 г. Седрик Уотс во введении к роману, по-прежнему делая упор на модернизм, перечисляет все составляющие романа и называет «Улисс» разноплановой политической вещью, учитывая тот факт, что роман появился спустя три года после подписания Версальского мирного договора 1919 г., формального прекращения «Великой Войны» и через шесть лет после Пасхального восстания в Дублине. В связи с этим Уотс вспоминает слова национального лидера Патрика Пирса, заявившего в 1913 г., что кровопролитие очищает и освящает и что нация, которая расценивает его (кровопролитие. – *С.С.*) как окончательный ужас, уже успела потерять свою мужественность. В этом контексте роман «Улисс» убедителен благодаря акценту на значимости мира и пониманию того, что эта «мужественность» чаще всего агрессивна и опасна [11. P. XXXII]. В романе представлены разные проблемы: с одной стороны, это антисемитизм, с другой – положение Ирландии и ирландцев, зависимых от англичан

и еще больше от религии, центр которой расположен далеко от родины – в Риме. Угнетенные ирландцы в свою очередь угнетают евреев, несмотря на то, что оба народа знакомы со страданием, преследованием и вынужденным изгнанием.

Явление постколониализма достаточно сложное, что можно утверждать исходя из разных его трактовок в литературоведении в целом, поэтому прежде чем говорить о постколониальных исследованиях работ Джойса в отечественной науке, закономерно задаться вопросом, как явления империализма, колониализма и постколониализма рассматриваются на постсоветском пространстве?

С.Е. Голубкина утверждает, что в течение долгого времени на колониализм смотрели, прежде всего, с экономических, политических и военных позиций. Советская историография разрабатывала методы экономической эксплуатации, стратегии колониального управления, практики военного завоевания территорий и национальных движений за независимость. «Вектор направлений мысли в этом проблемном поле значительно изменился с появлением постколониальной теории, выдвинувшей на первый план культурное и идеологическое измерение, что привело к пониманию колониализма как «системы дискурсивного осуществления власти» [12, 13]. В настоящее время в отечественной науке наблюдается существенный рост внимания к данной теме, что, как отмечается, связано с нехваткой «больших теорий» при осмыслении имперского опыта и изучении вопросов по истории колониальных империй» [14. С. 74].

Теория Э. Саида вызвала определенный интерес в нашей стране только в первом десятилетии XXI в. [Там же]. «В целом, в применении к российскому опыту, постколониальная теория позволила выявить некоторые новые ракурсы, задать новые вопросы и оказала влияние на методологию исследований, связанных с имперской проблематикой. Однако завоевать столь сильный авторитет, как это произошло в западной науке, у нее не получилось. На настоящий момент в России не сформировалось центров постколониальных исследований[2], а сам предмет только начинает входить в университетские программы (например, в РГГУ)» [12]. Основная причина данной ситуации может находиться в спорности приложения теоретических принципов, сформированных на опыте империй морского типа, к отечественной истории. Известно, что постколониальная теория на постсоветском пространстве воспринимается неоднозначно. Причинами этому служат: первое – то, что постколониальные концепты и методологии дают сегодня возможность ставить новые вопросы и открывать новые ракурсы в исследовании «имперской проблематики и феномена колониализма»; второе – существуют определенные ограничения или опасности, появляющиеся при чрезмерно «прямолинейном перенесении теории, в основе которой – значительная географическая дистанция между колонизатором и колонизованным, на опыт советской / российской империй», что с необходимостью ведет к переоценке первоначальных теоретических установок и замедлению институционального развития [Там же]. Нечто подобное происходит и в масштабах отечественного литературоведения относительно применения постколониальной теории в исследовании работ Джойса и особенно его романа «Улисс». Но вектор уже задан: Е.Г. Фоменко затрагивает вопрос постколониализма относительно лингвотипологических свойств «Поминок по Финнегану» (2007); Т.С. Жилина информирует об исследованиях творчества Джойса в англоязычном литературоведении с точки зрения нового историзма, колониализма и постколониализма при изучении романа «Портрет художника в юности» (2008); Е.Ю. Чемякин упоминает имя Джойса в связи с его влиянием и влиянием других европейских писателей на творчество Салмана Рушди в постколониальном ключе при исследовании историко-культурных вопросов (2012). Но до сих пор вопросы империализма, колониализма и постколониализма в творчестве Джойса в отечественном литературоведении подробно не изучались.

Хотя следует отметить, что русский переводчик «полного» «Улисса» С.С. Хоружий в комментариях к роману достаточно подробно затрагивает вопросы ирландского национализма и идейного противостояния Англии и Ирландии как один из двух центральных конфликтов книги, что вполне логично для освещения романа, написанного на английском языке ирландцем, покинувшим родину. Однако напрямую идеи колониализма и постколониализма у Хоружего не звучат. Здесь надо иметь в виду другое – Джойсов способ изложения материала. Приведем достаточно большую цитату из «Комментария» С.С. Хоружего к «Улиссу», так как считаем ее необходимой для дальнейшего рассмотрения вопроса: «В отличие от старых романов, автор “Улисса” желает не просто “поведать историю”, хотя бы и поучительную. Он смотрит иначе на литературное дело. У него многое найдется поведать – о человеке, о жизни, об искусстве, но он убежден: все по-настоящему важное литература доносит, не «рассказывая историю» и не вкладывая «идейное содержание», а уже самою своею формой, письмом, способом речи – *тем, как все говорится*. На это читатель Джойса и должен направить внимание. Русский читатель привык к серьезным книгам, но он привык, чтобы они учили и проповедовали. Здесь же надо не столько внимать идеям, сколько всматриваться и вслушиваться в текст. <…>. Это значит, что читатель должен быть не пассивным, а активным, не учеником автора, а самостоятельным соучастником в событии текста» [15. С. 779]. Далее Хоружий приводит в пример Мартина Хайдеггера, который советует для понимания своих текстов «следить за ходом показыванья».

Так, в англоязычной критике Джойс как символ высокого модернизма сегодня стал символом литературы против империи. В романе «Улисс» в аспекте колониализма и национализма принято анализировать такие эпизоды, как «Телемах» (1), «Циклопы» (12), «Цирцея» (15), в которых открыто рассматриваются вопросы британского империализма и ирландского национализма. Семнадцатый эпизод «Итака» никогда не привлекал внимания критиков в колониальном ключе, так как напрямую не обращался к вопросу колониальных отношений Великобритании и Ирландии. Ситуация начинает меняться в начале 1990-х гг. в ан-

глоязычной критике: Леонард Орр указывает на 1994 г. как на точку отсчета в изучении творчества Джойса в постколониальной перспективе [3. P. 5], тогда как в России первая полная книжная публикация романа «Улисс» состоялась в 1993 г. В этом же 1993 г. выходит в свет книга американского исследователя Томаса Ричардса, изучавшего тексты Р. Киплинга, Э. Чайлдерса, Г. Уэлса и Б. Стокера: «The Imperial Archive: Knowledge and the Fantasy of Empire» (Имперский архив: знания и иллюзии империи (перевод мой. – *С.С.*)). Позже Джон Хегглунд, занимающийся исследованием творчества Джойса, использует идею «имперского архива» в своей работе «Hard Facts and Fluid Spaces[3]. "Ithaca" and the Imperial Archive» («Неопровержимые факты и изменчивые пространства. "Итака" и имперский архив» (перевод мой. – *С.С.*); данная работа была опубликована в книге, вышедшей под редакцией Леонарда Орра в 2008 г.). Эта идея берет начало в XIX в., когда Британия превращается в первое в истории информационное общество, накопившее знания из отдаленных уголков своей империи раньше, чем оно могло его усвоить. Стремительный информационный поток поставил перед Британской империей колоссальную административную задачу, для решения которой викторианские должностные лица проводили съемки, переписи, создавали карты и занимались статистикой. В результате этой деятельности был получен новый симбиоз знания и силы, а художественные тексты конца XIX в. были полны иллюзий об империи, объединенной не силой или гражданским контролем, а информацией. Викторианская организация знания была завербована на службу Британской империи: такие области знания, как биология, география и геология, были привлечены к решению задач государственного уровня [16]. Ричардс доказывает, что техники, придуманные для управления этого информационного взрыва, установили непреходящую связь между знанием и государством; они же предложили новое яркое мощное направление для развития романа [Там же].

Один из повторяющихся мотивов в изучении европейского империализма – вопрос взаимодействия географии, знания и силы (Said 1978, 1994; Driver 1992; Edney 1997). В процессе роста имперского доминирования Великобритании в XIX в. управление колониальными территориями осуществлялось систематизацией и контролем знания. Хегглунд указывает на то, что Томас Ричардс определял «имперский архив» как общую сумму знаний об империи, включавшую такие разнообразные формы, как путевые заметки, полевые наблюдения, карты, административные записи, результаты научных экспериментов и другие документы [17]. Согласно Ричардсу, «имперский архив» представляет собой воображаемую конструкцию, внутри которой собирается любая информация, записываются все данные; каждый отдельный образец этой структуры должен занять свое место. Несмотря на то, что «имперский архив» – это утопический образ, чьи реальные проявления фрагментарны и размещены в определенных институциональных пространствах, таких как музеи, государственные архивы, профессиональные сообщества, он является руководящей идеей империи, благодаря своей способности обеспечивать концептуальную целостность большому объему информации [17]. Ключевым компонентом имперского архива является отдельный, индивидуальный факт. В воображаемой структуре архива каждый отдельный факт функционирует как «сырое знание, ожидающее порядка». Изолированный факт – это просто часть информации, но сама идея архива обещает, что эти изолированные фрагменты информации могут быть собраны и структурированы в полную, исчерпывающую систему знания [Там же].

Архив, таким образом, представляет собой эпистемологическую форму форм, предлагая путь для каждого отдельного наблюдения и артефакта, чтобы войти в «общее тело знания», которое позже может быть мобилизовано как культурная сила на службе колониального закона. Несмотря на то, что имперский архив является, в конечном счете, утопией, его существование невозможно рассматривать без ссылки на реально существующую географию. География обеспечивает пространственное поле, в которое попадают разнородные данные архива и, таким образом, приобретают первостепенное значение в организации и репрезентации информации о колониальном пространстве [Там же]. В семье имперских наук география занимает главенствующее место [18]. Для географов архивный идеал индивидуального, недвусмысленного знания заключается в первичном требовании географии как науки представлять реальный мир. Целью географии считается производство корпуса данных, который постоянно растет и корректирует себя, чьей важной целью является охват и дублирование реального мира [19]. Наиболее удобной и сжатой формой географического архива является карта. Каждый фрагмент данных, каждое наблюдение и каждое описание, таким образом, имеют свое собственное место на карте. Каждый отдельный фрагмент данных в имперском архиве может быть размещен на своем географическом месте посредством картографии. Так, слово «карта» совершенно не случайно означает не просто репрезентацию географического пространства, но любую визуальную или концептуальную иерархию или систематизацию знаний. Начиная с XVII в. карты рассматривались как воплощение энциклопедического знания, они определяли саму империю, давали ей территориальную целостность и ее основное существование. Но карты были не только нейтральной репрезентацией имперской территории; они преобразовывали многообразие и хаотичность отдаленных колониальных территорий в безупречную сетку координат абстрактного пространства, пользуясь общим языком широты и долготы [17].

География как дисциплина и ее соответствующие картографические репрезентации предлагали самое убедительное доказательство того, что имперский архив отображал существование полного и позитивного знания о мире. «Научный» поворот в картографии, который опирался на тщательно записанные наблюдения и математическую точность, не давал места конфликтам или спорам. Карты XIX в., основанные на данных картографического агентства «The

Irish Survey», продолжали оставаться «официальными» картами Ирландии достаточно долгое время после приобретения независимости. Большинство карт, массово выпускаемых с 1850-х по 1920-е гг., основывались на этих данных, включая те карты, которые присоединялись к дублинскому изданию справочника Тома 1904 г. – «Thom's Official Directory», легендарному источнику топографической детали в «Улиссе».

Несмотря на то, что карты Дублина в справочнике Тома достоверны и идеологически нейтральны, их фактическим источником была имперская съемка колониального пространства. Этот факт важен не потому, что использование Джойсом этих карт каким-то образом вовлекает его в ситуацию колониального господства над его собственной страной, но потому, что «Улисса» часто читают в соответствии с пространственными предположениями, установленными картографией эпохи XVII–XIX вв., согласно которому все географическое знание вмещается в один полный архив, а каждый географический факт внутри архива эмпирически позитивен, существует вне наблюдателя и независим от условий наблюдения [17].

Предполагая, что мир может быть воспроизведен как серия бесспорных и разрозненных фактов, «Итака» принимает форму «имперского архива» – воображаемой репрезентации идеального хранилища знаний, посредством которого разнородные данные об империи могут быть в любой момент востребованы и систематизированы.

«Итака» фиксирует все события в форме вопросов и ответов (катехизис): это возвращение Блума и Стивена в дом Блума; «незаконное проникновение» Блума в дом; чашка какао, которую выпивают Блум и Стивен; уход Стивена; обмен словами между Блумом и Молли; а также размышления Блума перед сном. Так, данный эпизод представляет собой уход из общественной сферы политики, культуры и истории в семейную сферу как пространство, часто скрытое от внимания постколониальной критики и теории. Кроме этого, «Итака» часто анализируется с точки зрения своей формы. Действительно, 17-й эпизод всегда рассматривался со ссылкой на его стиль или отсутствие такового. Фактуализм «Итаки» часто принимают за чистую монету, отказываясь признавать, что очевидный антистиль эпизода является еще одним стилистическим выбором. Однако если допустить, что «Итака» имеет свой особый стиль и формат, как и все остальные эпизоды «Улисса», то, как считает Хегглунд, необходимо внимательно присмотреться к политике ее формы. «Объективной» организацией вопросов и ответов эпизод представляет собой хранилище нейтральных фактов, не опосредованных каким-либо субъективным восприятием или очевидной пародией. Подобной организацией повествования как серии несвязанных эмпирических фактов «Итака» имитирует структуру, посредством которой знания о колониальных территориях организовывались и распространялись в пределах Британской империи в XIX и начале XX в. [Там же].

Любой источник информации, любое наблюдение или описание имеют свое собственное место на карте, что прослеживается и в «имперском архиве» Джойса, т.е. в «Итаке». Вопрос, открывающий эпизод, нацелен на фиксацию двух главных персонажей на карте Дублина. Голос эпизода вопрошает: «Какими параллельными курсами следовали Блум и Стивен на обратном пути?» [20. С. 650]. Хотя, буквально говоря, речь идет о короткой прогулке двух героев из сцены в предыдущем эпизоде, этот вопрос фактически сводит предыдущие шестнадцать эпизодов к их структурному существу: маршруту движения двух главных героев на протяжении целого дня [17]. Голос архива дает ответ языком, обнажающим все побочные линии сюжета, предоставляющим едва ли не все возможные детали обсуждаемого предмета. Он уменьшает и уравнивает обоих героев до движущихся точек на двухмерной карте Дублина: «Тронувшись совместно, нормальным прогулочным шагом, с Бересфорд-плейс, они проследовали по Нижней и Средней Гардинер-стрит и по Маунтджой-сквер, в указанном порядке, на запад; затем, замедленным шагом, оба забирая влево, по ошибке через Гардинерс-плейс до самого угла Темпл-стрит; затем, замедленным шагом, с остановками, забирая вправо, по северной стороне Темпл-стрит до Хардвик-плейс» [20. P. 650]. Так, в начале эпизода у читателя может возникнуть вопрос: зачем голосу вопрошающему нужно знать такие конкретные вещи о двух скромных дублинцах? И кем могли быть эти два таинственных собеседника? Существует предположение, что форма «Итаки» напоминает «отчет полицейского расследования с типовыми ответами» – запись дознания, которое могло иметь место быть, например, в комнате для ведения допросов в местном полицейском участке на «Store Street», мимо которого Блум и Стивен прошли в предыдущем эпизоде [21]. В то время как модель полицейского расследования работает не на всем эпизоде, организация знания в этом эпизоде тем не менее имеет особое всеобъемлющее или всевидящее чувство, так как исходные вопросы предлагают связь между обладанием знанием и упражнением власти [17].

Архив «Итаки» содержит информацию и о России, которая представлена в полном согласии с механизмом допроса в полицейском участке. Голос эпизода интересуется о последнем зрительном впечатлении, которое сообщилось Блуму посредством зеркала. Голос архива сообщает, что это были беспорядочно расположенные книги, идущие не по алфавиту. Предлагалось составить каталог этих книг, в перечень входила «История русско-турецкой войны» Хозьера[4], прилагались подробные данные по этому изданию, напоминающие библиотечные или аукционные сведения (коричневый переплет, два тома, с ярлычком Гарнизонной библиотеки, Губернаторская площадь, Гибралтар, на обороте обложки). Всего беспорядочно лежащих книг было двадцать две.

Что вызвало в сознании Блума это видение? – Необходимость порядка, все должно находиться на своих местах. Какое издание было самым большим по объему? – «История русско-турецкой войны» Хозьера.

«Что находилось во втором томе указанного сочинения наряду с прочими сведениями?» [20. С. 696] – Название решающей битвы было забыто, но майор

Твиди, отец Молли Блум, после амнезии сумел восстановить ее название, Плевна.

На этом ссылка на Россию в данном эпизоде заканчивается, но при необходимости каждый может восстановить события, упомянутые в «архиве» Джойса: Плевна, город на севере Болгарии, расположенный в 35 км от Дуная. Плевна была превращена турками в сильно укрепленный район и представляла большую опасность, так как находилась в 60 км от переправ через Дунай. Русская армия воевала на стороне союзных ей балканских государств[5].

Если сложить немногочисленные русские аллюзии, рассеянные по всему тексту «Улисса», так или иначе связанные с морскими путями, то образуется личный «имперский архив» России, где текст «Улисса» – своеобразная «Итака» всего романа, а русские аллюзии – серия несвязанных эмпирических фактов, создающих имперскую структуру России, являвшейся частью имперской системы мира. Архив России представлен разнородными данными, география примеров организует колониальное пространство России, и если нанести на карту указанные точки, становится очевидно, что все примеры так или иначе связаны с водными путями:

Впервые в тексте «Улисса» русская аллюзия появляется в 4-м эпизоде: «Знаете, для японцев русские – только закуска к завтраку» [20. С. 60]. Речь идет о русско-японской войне: в январе 1904 г. японские корабли напали на русскую эскадру, стоявшую на рейде Порт-Артура. В декабре 1904 г. Порт-Артур пал. В феврале 1905 г. произошел разгром русской армии. Военные действия проходили в Желтом море и велись за контроль над территорией Маньчжурии и Кореи.

Первая точка на карте – **Порт-Артур, Желтое море.**

В этом же 4-м эпизоде есть упоминание о Плевне. Название болгарского города возникает в связи с отцом Молли, офицером британской армии. Есть вероятность, что он имеет отношение к русско-турецкой кампании, и именно поэтому Молли Блум достался в наследство двухтомник об истории этой войны.

«По части денег старик Твиди кремень. Да, сэр. Было дело под Плевной. Я вышел из рядовых, сэр, и горжусь этим» [Там же. С. 59].

Вторая точка на карте – **Плевна, Дунай, выход в Черное море.**

Следующая аллюзия находится в 7-м эпизоде.

Стивен Дедал заходит в редакцию, в офисе которой находятся его знакомые. Его и еще одного молодого человека, шутя, обвиняют в убийстве генерал-губернатора Финляндии Н. И. Бобрикова, проводившего политику русификации Финляндии. По этой причине он был непопулярен в среде финских националистов и революционно-либеральной общественности России. 15 (3) июня 1904 г. он был смертельно ранен в Гельсингфорсе (Хельсинки).

Третья точка – **Хельсинки.** Город расположен на берегу **Финского залива Балтийского моря**, в описываемое в романе время это территория Российской империи.

16-й эпизод. Считаем необходимым привести пример из оригинала, так как перевод С.С. Хоружего смягчает всю ситуацию в целом, игнорируя параллельную конструкцию автора. Пример представляет собой слова моряка в кучерской чайной о его морских путешествиях: «I *was* (выделено мной. – *С.С.*) in the Red Sea. I *was* in China and North America and South America. I **seen** (выделено мной – С. С.) icebergs plenty, growlers. I *was* in Stockholm and the Black Sea, the Dardanelles, under Captain Dalton <…>. I **seen** Russia. *Gospodi pomilooy*. That's how the Russians pray» [22. P. 535].

Подстрочный перевод: Я *был* в Красном море; *был* в Китае и Северной Америке и Южной Америке; я **видел** айсбергов много, небольших айсбергов; я *был* в Стокгольме и (на) Черном море, Дарданеллах, под капитаном Долтоном <…>; я **видел** Россию. Господи помилуй. Вот так русские молятся.

Перевод С. С. Хоружего: «На Красном море я *был* (выделено мной. – *С.С.*). В Китае я *был*, в Северной Америке *был*, в Южной тоже. Айсбергов **перевидал** (выделено мной. – *С.С.*) тьму, ледяных гор этих самых. Ходил и в Стокгольм, и в Черное море через Дарданеллы с капитаном Долтоном… В России *был*. Гоусподьи поомилью. Это русские так молятся» [20. С. 605].

Айсберг для мореплавателей всегда расценивается как потенциальная угроза, то же чувство, вероятно, вызывает и Россия. В данном примере любимая Джойсом форма имеет свое содержание: параллельная конструкция с глаголами *был* и **видел**, уравнивает айсберги и Россию либо как угрозу, либо как заморскую диковинку. В переводе данного отрывка у Хоружего уравнивание России с айсбергом опущено, Россия находится на одном уровне с другими географическими точками.

В этом же 16-м эпизоде моряк показывает свою татуировку: «Видя, что все рассматривают его грудь, он ради их удобства распахнул рубаху еще пошире <…>. – Наколка, – комментировал демонстратор. Это когда мы стояли в штиль у Одессы на Черном море, с капитаном Долтоном» [Там же. С. 612].

Четвертая точка – **Одесса, Черное море, Российская империя.**

Русская аллюзия из 12-го эпизода не ставит метки на карте, но представляет собой квинтэссенцию всего связанного с Россией в тексте «Улисса». Действие эпизода происходит в таверне, и это именно тот эпизод, где вопросы империализма и национализма ставятся Джойсом открыто. Присутствующие в таверне дублинцы, преимущественно ирландцы рассуждают об ухудшении экономики в стране и мире, упоминаются военные действия британцев на море, но в данном высказывании вся вина возлагается на Россию: «Я полагаю, акции поднимаются <…> Войны за границей, вот что всему причина! <…> Всё русские, так и рвутся тиранить» [Там же. С. 318]. И это ключевая мысль, в которой зафиксировано по С.С. Хоружему обычное западное «отношение к Российской Империи, усиленное русско-японской войной» [15. С. 891].

Делать окончательные выводы относительно «имперского архива» России в романе Джойса рано, и ключевая идея архива как такового, предусматривающая хранение информации и ее более позднее использование, позволяет не спешить с выводами, ведь в воображаемой структуре архива каждый отдельный

факт функционирует как «сырое знание, ожидающее порядка». Но вспомним слова Хайдеггера «следить за ходом показыванья»: при всей энциклопедической разрозненности архива перед нами возникают на первый взгляд ничем не связанные примеры о России, представляющие в «Улиссе» часть Российской империи в виде сжатой формы географического архива – карты или визуальной систематизации знания, актуальной на начало XX в. Примеры показывают ту часть империи, которая имеет выход к морю, благодаря чему Россия становится частью «некоторого единого Большого Текста» [15. С. 785]. Противопоставление моря и суши у Джойса создает третье пространство, характеризующееся эпистемологической неопределенностью или подвижностью, характерной для архива «Итаки». Предназначение архива есть материализация информации в защищенных, ограниченных пространствах, таких как библиотеки или музеи; архив должен был быть безопасным домом для знания; утопией, которая могла бы сохранить проявления мира, даже если этот мир уже распался. Но Джойс в «Итаке» напоминает нам, что символы, используемые для фиксирования мира в логичном образе, будь то словесный или графический образ, повествование или карта, никогда не бывают ограниченными и закрытыми, как бы этого от них ни ожидалось. За пределами герметично запечатанного мира архива существуют места, в которых происходит борьба истории и географии и где факты отказываются сохранять свою форму [17]. Поэтому рассуждая о дискретных фактах, можно сказать, что их природа амбивалентна. Собирая факты, Джойс не дает однозначных оценок, как в примере с историей русско-турецкой войны. Неизвестно, как интерпретировать данное упоминание о России, ведущей войну с другим государством, насколько эта война имеет оправдывающие мотивы или напротив – выражает агрессию, если автором книги является полковник британской армии и в недалеком будущем тесть премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля, Сэр Генри Монтэгю Хозьер. Или пример с убийством генерал-губернатора Финляндии Н.И. Бобрикова, русского генерала, проводившего политику русификации Финляндии – Джойс не видел смысла в политическом конформизме, но «не мог одобрить революционера, швыряющего бомбу в театре, чтобы убить царя и всех его детей» [10]. Неоднозначен и пример из 12-го эпизода, в котором особенно ярко демонстрируется яростный национализм: Россия – империя, но почему в проблемах ирландцев виновата именно она?

Также примечательно то, что Россия не является империей морского типа. Однако выходы России к морю и попытка завоевать еще один выход (Желтое море) в указанный период все-таки были зафиксированы. Вероятно, это подтверждает мысль о том, что доминирование на море было признано важным компонентом национальной мощи; море концептуально и метафорически превратилось в продолжение земли [17]. Российское государство также видело насущную необходимость морских путей для своего существования. Вода имеет больше, чем просто символическое значение в контексте «Улисса»: она обладает действительным геополитическим и историческим значением в истории Британской империи. Для идеологов Британского имперского экспансионизма геополитический контроль воды был ключевым элементом в росте и поддержании имперской мощи. В качестве мировых сухопутные пространства мира все больше и больше привязывали к той или иной имперской силе, море становилось жизненно важным театром геополитического соперничества [Там же. P. 68].

Так, небольшой «имперский архив» Российской империи рубежа XIX–XX вв. в романе Джойса «Улисс» 1) сохранил образ уже исчезнувшей Российской империи описываемой эпохи и 2) указал на неоднозначность интерпретации каждого отдельного факта – его амбивалентность.

Одновременно с этим роман Джойса «Улисс», широко известный как высокий образец модернизма со свойственными ему чертами начала XX в., рассматривается здесь в имперской, колониальной и постколониальной перспективах, тем самым входя в отечественном литературоведении в новое направление критической теории конца XX – начала XXI в., в которой существенное место занимает понятие «имперский архив».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Т.е. писателя, принадлежащего стране, некогда оккупированной страной-колонистом, и являющейся на данный момент независимой с признанием суверенитета.

[2] Международный журнал *Ab Imperio*, основанный в Нью-Йорке и Казани и являющийся ассоциированным членом Американской Ассоциации Содействия Славянским Исследованиям, и серия *Historia Rossica* созданы для представления малоизученных или ранее запретных тем в свете новых методологических подходов. Однако их нельзя назвать сегодня центрами постколониальных исследований в России.

[3] В английской версии названия очевидна игра слов и семантическая оппозиция: твердые факты и жидкие места.

[4] Сэр Генри Монтегю Хозьер (1838–1907), автор двухтомника, полковник британской армии, корреспондент газеты «The Times», военный историк, отец Клементины Спенсер-Черчилль (1885–1977), дамы Большого Креста ордена Британской империи, жены премьер-министра Великобритании Уинстона Спенсер-Черчилля.

[5] Осада Плевны – 1877–1878 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юрчук Е. А. Теоретические аспекты постколониальных студий // Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология. 2013. № 3. С. 161–166.
2. Тлостанова М. В. Постколониальная теория, деколониальный выбор и освобождение эстезиса // NB: Культуры и искусства. 2012. № 1. С. 1–64. DOI: 10.7256/2306-1618.2012.1.141. URL: http://e-notabene.ru/ca/article_141.html.
3. Orr Leonard. From High-modern Aesthete to Postcolonial Subject. An Introduction to the Political Transformation of Joyce Studies // Joyce, Imperialism, & Postcolonialism / ed. by Leonard Orr. New York : Syracuse University Press, 2008. P. 1–11.
4. The Arnold Anthology of Post-Colonial Literatures in English / ed. by John Thieme. London : Hodder Education Publishers. 1996. 960 p.

5. Loombia Ania. Colonialism/Postcolinialism. New York : Routledge, 1998.
6. Bill Ashcroft, Gareth Griffiths, Helen Tiffin. Key Concepts in Post-Colonial Studies. London : Routledge, 1998.
7. Spurr David. Writing in the wake of empire // Joyce and the Scene of Modernity. MNL III (5). Gainesville : Univ. Press of Florida, 2002. P. 872–888.
8. Attridge Derek and Marjorie Howes. Semicolonial Joyce. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2000.
9. Хоружий С.С. *Улисс* в русском зеркале. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 384 с.
10. Кубатиев А.К. Джойс. М. : Молодая гвардия, 2011. 479 с
11. Watts Cedric. Introduction. *Ulysses*. By James Joyce. Wordsworth Editions Limited : 2010. P. V–XLIX.
12. Голубкина С.Е. О некоторых тенденциях развития постколониальных исследований. 2015. URL: http://www.studfiles.ru/preview/5850219/.
13. Fisher-Tine H. Postcolonial Studies. *European History Online (EGO).* Leibniz Institute of European History (IEG), Mainz 2010-12-03. URL: http://ieg-ego.eu/en/threads/theories-and-methods/postcolonial-studies.
14. Цибенко (Иванова) В.В. Концепции постколониализма и постриентализма в применении к кавказской проблематике // Метаморфоз vs Трансформация Мультидисциплинарный подход к изучению истории адыгов в XIX–XXI вв. : материалы Международной научной конференции 6 декабря 2013 г., г. Ростов-на-Дону. Ростов н/Д : СКНЦ ВШ ЮФУ, 2013. С. 74–86.
15. Хоружий С.С. Комментарий // Улисс. Джеймс Джойс. СПб. : Азбука-Классика, 2009. С. 779–984.
16. Richards Thomas.The Imperial Archive: Knowledge and the Fantasy of Empire. London : Verso Press, 1993. 188 p.
17. Hegglund Jon. Hard Facts and Fluid Spaces. «Ithaca» and the Imperial Archive // Joyce, Imperialism, & Postcolonialism / ed. by Leonard Orr. New York : Syracuse University Press, 2008. P. 58–74.
18. Avery Bruce. The subject of imperial geography // Prosthetic Territories: Politics and Hypertechnologies / ed. by Gabriel Brahm Jr. and Mark Driscoll. Boulder : Westview Press, 1995. P. 55–70.
19. Edney Matthew. Reconsidering Enlightenment Geography and Map-making: Reconnaissance, Mapping, Archive. *Geography and Enlightenment*, ed. Davis N. Livingstone and Charles W. J. Withers. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1999. P. 165–98.
20. Джойс Джеймс. Улисс / пер. В. Хинкиса, С. Хоружего. СПб. : Азбука-классика, 2009. 992 с.
21. Duffy Enda. Subaltern Ulysses. Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 1994. P. 181.
22. Joyce James. Ulysses. Wordsworth Editions Limited, 2010. 682 p.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 8 мая 2017 г.

THE "IMPERIAL ARCHIVE" OF RUSSIA IN JAMES JOYCE'S *ULYSSES*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 82–90.
DOI: 10.17223/15617793/420/11

Svetlana N. Stepura, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Lana3670@rambler.ru; stepura@tpu.ru

Keywords: Joyce; *Ulysses*; Russia; postcolonial criticism; geography; mapping; sea ways; imperial archive.

The article examines the novel *Ulysses* (1922) of the Irish writer James Joyce in the light of the postcolonial theory which has become a major theme in Anglophone literary criticism for the last four decades. The interest of Russian literary critique in postcolonial readings is only beginning to manifest itself. Within the mentioned period of about forty years *Ulysses* has been subjected to analysis in terms of the most diverse literary approaches but having been the highest manifestation of modernism it appeared to be hidden from postcolonial reflection. Besides, Ireland was considered to be the country without any colonial experience. Since the mid-1990s in Anglophone literary criticism the view on Joyce as a modernist writer has changed; however, attention was initially paid to the episodes that openly considered the issues of British imperialism and Irish nationalism. The 17th episode "Ithaca" which is in the spotlight of postcolonial readings today does not directly address the colonial relations between England and Ireland due to its retreat to the family sphere. The change in the perspective is owing to the form of Ithaca which reproduces catechism or school textbook. It also fits the definition of the "imperial archive" known to be the structure that organizes knowledge into a series of discrete experiential facts about the empire. Though the "archive" is an imaginary construction, its existence is impossible without any reference to real geography. It therefore includes travel notes, maps, administrative records or other documents that are to be stored in certain institutional spaces such as museums or Public Record Offices. The compressed form of the geographic archive is the map as a visual systematization of knowledge. Each separate piece of data in the "imperial archive" can be placed on its geographical location by means of cartography. The "Ithaca" archive contains information about Russia thereby including it into the world system. The Russian allusions of *Ulysses* which create the imperial structure of Russia seem to be a series of absolutely unrelated empirical facts having been united by waterways. Sea dominance was recognized to be an important component of national power and the sea conceptually and metaphorically turned into a continuation of the land. The examples of geography focused on the border between the sea and the land organized the colonial space of the Russian Empire of the early 20th century. So, the "archive" had to become a safe house for knowledge; a utopia that could preserve the materializations of the world even if this world has already disintegrated. But Joyce in "Ithaca" shows that the symbols which are used to fix the world in a logical image whether narrative or map are never limited and closed. Outside the hermetically sealed world of the archive there are places in which the struggle of history and geography takes place and where the facts refuse to maintain their form.

REFERENCES

1. Yurchuk, E.A. (2013) Teoreticheskie aspekty postkolonial'nykh studiy [Theoretical aspects of postcolonial studies]. *Vestnik MGLU. Seriya 1. Filologiya*. 3. pp. 161–166.
2. Tlostanova, M.V. (2012) Postcolonial Theory, Decolonial Choice and Liberating Esthesis. *Man and Culture*. 1. pp. 1–64. DOI: 10.7256/2306-1618.2012.1.141. [Online] Available from: http://e-notabene.ru/ca/article_141.html. (In Russian).
3. Orr, L. (2008) From High-modern Aesthete to Postcolonial Subject. An Introduction to the Political Transformation of Joyce Studies. In: Orr, L. (ed.) *Joyce, Imperialism, & Postcolonialism*. New York: Syracuse University Press.
4. Thieme, J. (1996) *The Arnold Anthology of Post-Colonial Literatures in English*. London: Hodder Education Publishers.
5. Loombia, A. (1998) *Colonialism/Postcolinialism*. New York: Routledge.
6. Ashcroft, B., Griffiths, G. & Tiffin, H. (1998) *Key Concepts in Post-Colonial Studies*. London: Routledge.
7. Spurr, D. (2002) Writing in the wake of empire. *Joyce and the Scene of Modernity.* MNL III (5). pp. 872–888.
8. Attridge, D. & Howes, M. (2000) *Semicolonial Joyce*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Khoruzhiy, S.S. (2015) *Uliss v russkom zerkale* [Ulysses in the Russian mirror]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus.
10. Kubatiev, A.K. (2011) *Dzhoys* [Joyce]. Moscow: Molodaya gvardiya.

11. Watts, C. (2010) Introduction. In: Joyce, J. *Ulysses*. Wordsworth Editions Limited.
12. Golubkina, S.E. (2015) *O nekotorykh tendentsiyakh razvitiya postkolonial'nykh issledovaniy* [On some trends in the development of postcolonial research]. [Online] Available from: http://www.studfiles.ru/preview/5850219/.
13. Fisher-Tine, H. (2010) *Postcolonial Studies*. [Online] Available from: http://ieg-ego.eu/en/threads/theories-and-methods/postcolonial-studies.
14. Tsibenko (Ivanova), V.V. (2013) [Concepts of postcolonialism and post-imperialism in application to the Caucasian problems]. *Metamorfoz vs Transformatsiya: Mul'tidistsiplinarnyy podkhod k izucheniyu istorii adygov v XIX–XXI vv.* [Metamorphosis vs Transformation: A multidisciplinary approach to the study of the Adygs' history in the 19th–21st centuries]. Proceedings of the international conference. Rostov-on-Don. 6 December 2013. Rostov-on-Don: SFU. pp. 74–86. (In Russian).
15. Khoruzhiy, S.S. (2009) Kommentariy [Commentary]. In: Joyce, J. *Uliss* [Ulysses]. Translated from English by V. Khinkis, S. Khoruzhiy. St. Petersburg: Azbuka-Klassika.
16. Richards, Th. (1993) *The Imperial Archive: Knowledge and the Fantasy of Empire*. London: Verso Press.
17. Hegglund, J. (2008) Hard Facts and Fluid Spaces. "Ithaca" and the Imperial Archive. In: Orr, L. (ed.) *Joyce, Imperialism, & Postcolonialism*. New York: Syracuse University Press.
18. Avery, B. (1995) The subject of imperial geography. In: Brahm Jr., G. & Driscoll, M. (eds) *Prosthetic Territories: Politics and Hypertechnologies*. Boulder: Westview Press.
19. Edney, M. (1999) Reconsidering Enlightenment Geography and Map-making: Reconnaissance, Mapping, Archive. In: Livingstone, D.N. & Withers, Ch.W.J. (eds) *Geography and Enlightenment.* Chicago: University of Chicago Press.
20. Joyce, J. (2009) *Uliss* [Ulysses]. Translated from English by V. Khinkis, S. Khoruzhiy. St. Petersburg: Azbuka-klassika.
21. Duffy, E. (1994) *Subaltern Ulysses*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
22. Joyce, J. (2010) *Ulysses*. Wordsworth Editions Limited.

Received: 08 May 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 91–95. DOI: 10.17223/15617793/420/12

ИСТОРИЯ

УДК 930.85

С.С. Булдыгин

КОНЦЕПЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ОТ ПОЯВЛЕНИЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Анализируется развитие научных концепций промышленной революции в Великобритании второй половины XVIII – первой половины XIX столетий. Уделяется внимание появлению и развитию понятия «промышленная революция» в европейской историографии. Анализируется эволюция взглядов историков и экономистов в контексте историографических эпох. Установлена зависимость в развитии определения промышленной революции и её исторической роли от экономического состояния современной глобальной мир-системы.

Ключевые слова: промышленная революция; индустриализация; Великобритания; социально-экономическая трансформация; историография.

Историческим пионером индустриализации в Европе выступила Великобритания во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Эта страна достигает пика своего могущества, завоевав статус крупнейшей промышленной и торговой державы мира. Британия вызывала восхищение современников и являлась образцом развития для мыслителей из других стран.

Мало кто оспаривает, что первая в мире «промышленная революция» произошла на Британских островах, однако не британцы стали авторами данного понятия. Вероятнее всего, термин «промышленная революция» был придуман в начале XIX в. представителями французской политической экономии, которые были поражены социально-экономическими изменениями по ту сторону Ла-Манша. Они отождествляли важность промышленной революции (révolution industrielle) и революции политической (révolution politique). Строгое определение отсутствовало. Но уже тогда с промышленной революцией связывали экономический рост, основанный на применении новых технологий и машин [1. P. 271].

Интерес к событиям в Британии также определялся попыткой осмыслить недавнюю историю Франции. Так, А. Сен-Симон называет причиной революционных перемен рубежа XVIII–XIX вв. переход «от феодальной и теологической системы к системе промышленной и научной» [2. С. 5].

Значительно развил понимание индустриальной революции Ф. Энгельс в работе «Положение рабочего класса в Англии». Промышленная революция, по его мнению, является важнейшим этапом в истории, так как привела к появлению широкого класса пролетариев. Особое внимание Ф. Энгельс уделил техническим нововведениям. Так, применение прялки «Дженни» Д. Харгривса вызвало «решительные изменения в положении английского рабочего» [3. С. 245]. Прогресс в хлопчатобумажной промышленности и металлургии в короткий срок вывели Великобританию в промышленные лидеры. По словам Ф. Энгельса, «промышленная революция имеет такое же значение для Англии, как политическая – для Франции». При этом «самым важным детищем этого промышленного переворота является английский пролетариат» [Там же. С. 256]. Энгельса интересовали социальные последствия промышленной революции. Он сконцентрировал свое внимание на положении рабочего класса. Такой подход определялся развитием рабочего движения и чартизмом в 1830–1840-е гг.

В работах английских исследователей, в отличие от континентальной Европы, понятие «промышленная революция» (industrial revolution) появляется только в 1840-е гг. Так, профессор политической экономии Оксфордского университета Т. Твисс в 1847 г. писал, что на фоне социальных экспериментов, ставших результатом революции во Франции «тихая промышленная революция в Англии привела к результатам еще более примечательным и важным» [4. P. 226]. В это же время Д.С. Милль доказывает преимущества крупных промышленных предприятий. Развитию промышленности и торговли в Британии способствовали такие природные условия, как островное положение страны и наличие доступных ресурсов в виде каменного угля и железа [5. С. 110–128].

Осознание больших перемен в Великобритании наблюдается и у более ранних авторов. В 1814 г. шотландец П. Колкхун в «Трактате о богатстве, мощи и ресурсах Британской империи» пишет, что «нельзя не заметить без удивления всех достижений Великобритании в промышленности за последние тридцать лет» [6. P. 68]. Другой шотландец Э. Ур в 1835 г. писал о Британии следующее: «Этот остров выделяется на фоне остальных цивилизованных стран колоссальным уровнем промышленного производства и потому является объектом зависти правительств иностранных держав» [7. P. 6].

В историографии первой половины XIX в. сам термин «промышленная революция» ещё не был твердо введён в научный оборот. При этом признавались масштабность перемен и их социальные последствия. Складываются представления, что общество XIX в. вступило в новую индустриальную эпоху.

Английский историк и экономист А. Тойнби первым предложил целостную концепцию промышленной революции. В 1884 г. были изданы его «Лекции по промышленной революции в Англии» (в России эта работа была издана под названием «Промышленный переворот в Англии в 18 столетии» в 1898 г.). А. Тойнби подобно Ф. Энгельсу симпатизировал рабочему классу. Однако он предлагал собственную картину динамики промышленного переворота.

За точку отсчёта промышленной революции А. Тойнби берёт 1760 г. Он указывает на то, что «до 1760 года в Англии держалась старая промышленная система; ни одно великое механическое изобретение не было ещё введено» [8. С. 13]. Под промышленной системой понимается совершенно новая схема хозяйственных, торговых и общественных отношений. Эта система порождена главным образом характером складывавшейся капиталистической системы. А промышленная революция заключается «в замене средневековой системы регламентации, которой подчинены были до сего времени производство и распределение богатства, конкуренцией» [Там же. С. 121].

Популярность работ А. Тойнби послужила толчком к появлению в конце XIX в. экономической истории. Родоначальник данного направления У. Каннингем находит предпосылки промышленной революции с началом Великих географических открытий и борьбы за колонии. В этой борьбе победила Англия, что открыло ей рынки Востока и Нового Света [9. С. 1].

Основным достижением промышленной революции, по мнению историка, был отказ Великобритании от национальной политики в области экономики в пользу космополитической экономической системы. Историческое значение промышленного переворота в Англии У. Каннингем видел в том, что он выполнит миссию распространения промышленных улучшений во всех частях земного шара [Там же. С. 223–229].

По мнению Г. Гиббинса, промышленная революция превратила Англию в «средоточие всемирной торговли и фабричного капитализма. Сельское же хозяйство сделалось второстепенной отраслью, год от года преходящей в упадок» [10. С. 24]. Главным условием применения технических изобретений Г. Гиббинс видел в развитии путей сообщения, в первую очередь строительстве каналов. Развитие внутренней торговли являлось одной из причин такого успеха [11. С. 76–80].

Свои концепции промышленной революции предлагали и французские учёные того времени. Так, историк Э.Г. Бутми, делит английское общество XVIII–XIX вв. на «две нации». Одна нация представляет собой «старое» сельское хозяйство в лице деревенских работников и джентри. Вторая же нация представляет собой «многочисленность человеческих существ, быстро и искусственно вылупившейся из яйца под влиянием теплоты всюду зажженных горнил» [12. С. 153]. Так Э.Г. Бутми характеризует промышленников и рабочих, которые в XIX в. первую нацию и по количеству, и по богатству.

Его коллега П. Манту пришел к выводу, что «промышленная революция есть расширение ранее сжатых сил, внезапное распускание и пышный рост зародышей, остававшихся до тех пор в скрытом или дремлющем состоянии» [13. С. 415]. Он так же, как У. Каннингем и Г. Гиббинс, трактовал промышленную революцию как часть более длительных процессов, происходивших до нее. По мнению П. Манту, необходимо рассматривать промышленную революцию с трёх точек зрения: с технической, экономической и социальной [Там же].

Среди русских историков экономики в первой трети XX в. особое место занимал И. Кулишер. Он подверг внимательному анализу и критике всю предшествующую историографию. Историк отмечал, что в Англии рано проявилась потребность в технических улучшениях. Успехи в естественных науках позволяли её удовлетворить. Обезземеливание крестьян подготавливало рабочую силу для новых промышленных центров. Зародился новый тип предпринимателя, чертами которого были инициатива и расчётливость. Все условия экономической жизни в Англии способствовали промышленному перевороту, и толчком к нему явилось внедрение машин [14. С. 493].

По мнению И.М. Кулишера, промышленная революция выступает последним этапом в формировании условий перехода от одного хозяйственного уклада к другому. Хозяйственный уклад от XVI до конца XVIII в. учёный именует периодом *национального хозяйства.* С начала XIX в. наступает период международного, или мирового, хозяйства [Там же. С. 457].

Исследователи-позитивисты конца XIX – начала XX в. рассматривали промышленную революцию как важнейший исторический этап, подчеркивая «революционность» и значимость всех технических изменений. Термин «промышленная революция» занял прочное место в трудах историков, экономистов и социологов. Под ним понимались относительно кратковременный насыщенный период «великих» изобретений в промышленности и появление современного фабричного капитализма. При этом историки признавали промышленную революцию результатом длительной эволюции социальных, экономических, политических предпосылок.

В 1920–1940-е гг. появляются исследования с критикой сложившихся представлений о промышленной революции. В период мировых войн и экономических кризисов усложнилось видение сущностной динамики капитализма и факторов социально-экономического развития.

Так, австрийский экономист Й.А. Шумпетер исходил из того, что в истории капитализма было несколько «промышленных революций». Ученый привязывает их к «длинным волнам» Н.Д. Кондратьева продолжительностью приблизительно в 50 лет. По словам Шумпетера, «мы можем статистически и исторически выделить фазу подъема длинной волны в конце 1780-х гг., её высшую точку около 1800 года, а затем спад и некоторое оживление, которое окончилось к началу 1840-х гг. Это и была «промышленная революция», столь близкая сердцам авторов учебников» [15. С. 445].

Английский историк Д.У. Неф считал неуместным употребление термина «промышленная революция» применительно к XIX в. и находил её черты в Англии уже в XVII в. [16. P. 23–24]. А медиевист Е.М. Карус-Вильсон находила признаки промышленной революции в усовершенствовании технологии производства английского сукна уже в XIII в. [17]. В межвоенный период на фоне экономических кризисов и развития экономической науки речь уже идет скорее о множестве промышленных революций, происходивших в различных отраслях в разное время, нежели о всеохватывающей промышленной революции как единичном историческом факте. Во времена «Великой депрессии» промышленный бум XIX столетия казался

лишь частью подъема длительного цикла, за которым последовал очередной спад, а далее рост.

В послевоенной историографии происходит отказ от циклической модели. Исследователи вновь возвращаются к классическому определению промышленной революции. Примечательна концепция У. Ростоу, в которой он выделяет короткий промежуток времени, когда «пережитки прошлого прекращают своё сопротивление». Применительно к Великобритании ученый определяет конкретные сроки между 1783 и 1802 гг., называя этот период «взлетом» (take off) и связывая его с понятием «промышленная революция». Он акцентировал внимание на долгом формировании структурных предпосылок к стадии «взлёта» [18. P. 4–11].

Историк Э. Хобсбаум назвал промышленную революцию «самой значимой трансформацией человеческой жизни в мировой истории, зафиксированной документально» [19. P. XI]. Это стало следствием общеевропейского хозяйственного подъёма и роста населения. Социальная, политическая и экономическая подготовленность Англии способствовала индустриальной революции в конце XVIII в. [20. С. 49].

В 1970-е гг. в западной историографии взгляды на промышленную революцию опять подвергаются пересмотру. Мировой экономический кризис заставил вновь задуматься о цикличном развитии капиталистической экономики. Так, С. Кузнец связывал долгосрочные экономические подъемы (промышленная революция один из них) в истории с «эпохальными инновациями». Одной из таких инноваций был паровой двигатель Д. Уатта [21. P. 247]. Р. Камерон продолжил развитие этой идеи и ввел понятие логических циклов длинною в 200–300 лет [22. С. 204]. Данная концепция близка взглядам Й. Шумпетера, но отличается тем, что за единицу анализа взяты более длительные циклы, нежели циклы Кондратьева, которые характерны для последнего логического цикла, или периода «современного экономического роста», начавшегося в конце XVIII в.

В конце XX в. на основе трудов представителей «новой экономической истории» (Р. Фогель, С. Кузнец, Р. Камерон) Дж. Мокир доказывает исключительность событий конца XVIII в., когда «технический прогресс, свободное предпринимательство и эффективное управление смогли сбросить оковы нужды и бедности» [23. P. 127]. А. Мэддисон выделил два периода в экономическом развитии Европы. С 1000 по 1820 г. – период протокапитализма. С 1820 г. по настоящее время – период современного экономического роста [24. P. 28]. Промышленная революция представляется как своеобразный «водораздел», отделяющий традиционные общества от модерных.

В 1990–2000-е гг. в США в работах так называемой «Калифорнийской школы» (Р.Б. Вон, Дж. Голдстоун, К. Померанц, Д. Ли, В. Фэн, А. Г. Франк) происходит ревизия взглядов на причины и факторы индустриальной революции в Европе XVIII–XIX вв. [25. P. 177]. В основе их лежал тезис, что именно промышленная революция обеспечила гегемонию Европы в XIX–XX вв. В ранее Новое время Восток не только не уступал, но и вовсе превосходил Европу экономически и политически. Отсюда получалось, что европейцы воспользовались неожиданными «бонусами» в виде удачного расположения природных ресурсов [26. P. 207], присвоения богатств других народов или эксплуатации рабского труда в Америке [27. P. XXV]. Оппоненты «Калифорнийской школы» (Д. Лэндис, Р. Аллен, П. Врис) указывали им на недостаточное внимание к культурным особенностям, экономическим институтам [28. P. 71], религии и духовным ценностям европейцев [29. P. 253].

Зарубежные теории экономического развития стали предметом критического анализа отечественных исследователей А.В. Коротаева и Л.Е. Гринина. Они предложили концепт социального ароморфоза, под которым понимается совокупность универсальных инноваций в развитии социальных организмов, повышающих их сложность, приспособленность, интегрированность и способствующих прогрессивному развитию [30. С. 7–8]. По мнению исследователей, промышленная революция XVIII–XIX вв. является одним из этапов в становлении современной мир-системы. Наступление индустриальной эпохи было бы невозможно без достижения мир-системой определенного уровня населения. Так, «мировое население по приблизительным оценкам возросло с 225–300 млн в I в. н. э. до почти миллиарда в 1800 г. Индустриальная революция не могла произойти в Вавилоне в 1500 г. до н. э. и в Греции в 500 г. до н. э. ввиду недостатка критической массы населения и технологий» [Там же. С. 23]. А в мире XVIII в. все условия были созданы и промышленная революция, даже если не в Англии, так или иначе все равно бы произошла.

Мы видим, что представления о промышленной революции и ее роли во всемирной истории изменялись на разных этапах развития науки и общества. В работах первой половины XIX в. были заданы общие контуры теории, отмечались скорость и важность социально-экономических перемен. В конце XIX в. термин «промышленная революция» утверждается в историографии. Автор статьи выделяет три основных концептуальных направления: эволюционное, циклическое и системное.

Эволюционные теории предполагают, что промышленная революция – один из этапов постепенного развития человеческого общества, пройдя через который оно полностью трансформируется, меняя социально-экономический уклад (Ф. Энгельс, А. Тойнби, И. Кулишер, У. Ростоу, А. Мэддисон). Циклические теории определяют промышленную революцию как один из циклов подъема мировой экономики (Й. Шумпетер, С. Кузнец, Р. Камерон), системные – исходят из того, что промышленная революция есть важнейший этап развития глобальной мир-системы (А.Г. Франк, А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин). У первых они заимствовали предмет исследования, у вторых методологию. Таким образом, третий подход представляет собой синтез циклического и эволюционного направлений. Представляется, что он отражает современный уровень развития проблематики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fazy J.J. Principes d'organisation industrielle pour le development des richesses en France. Paris, 1830. 298 p.
2. Сен-Симон А. О промышленной системе // Избранные сочинения : в 2 т. М., 1948. Т. 2. С. 5–101.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. М., 1955. Т. 2. 652 с.
4. Twiss T. View of the progress of political economy in Europe since the sixteenth century. London, 1847. 355 p.
5. Милль Д.С. Основания политической экономии. Киев, 1896. 866 с.
6. Colquhoun P.A. Treatise on the Wealth, Power and Resources of the British Empire. London, 1814. 568 p.
7. Ure A. The Philosophy of Manufactures. An Exposition of the Factory System of Great Britain. London, 1835. 508 p.
8. Тойнби А. Промышленный переворот в Англии в 18-м столетии. М., 1898. 340 с.
9. Каннингем У. Западная цивилизация с экономической точки зрения. М., 1903. 274 с.
10. Гиббинс Г. Промышленная история Англии. СПб., 1898. 238 с.
11. Гиббинс Г. Очерк английской торговли и колоний. СПб., 1899. 123 с.
12. Бутми Э.Г. Развитие конституции и политического общества в Англии. М., 1897. 175 с.
13. Манту П. Промышленная революция XVIII столетия в Англии. М., 1937. 440 с.
14. Кулишер И.М. История экономического быта Западной Европы : в 2 т. Челябинск, 2004. Т. 2. 1030 с.
15. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М., 2008. 864 с.
16. Nef J.U. The Progress of Technology and the Growth of Large-Scale Industry in Great Britain, 1540–1640 // The Economic History Review. 1934. Vol. 5 (1). P. 3–24. doi: 10.1111/j.1468-0289.1934.tb00858.x
17. Carus-Wilson E.M. An Industrial Revolution of the Thirteenth Century // The Economic History Review. 1941. Vol. 11 (1). P. 39–60. doi: 10.1111/j.1468-0289.1941.tb01589.x
18. Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960. 173 p.
19. Hobsbawm E. Industry and Empire: From 1750 to the Present Day. New-York. 1999, 411 p.
20. Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789–1848. Ростов н/Д, 1999. 480 с.
21. Kuznets S.S. Modern Economic Growth: Finding and Reflection // The American Economic Review. 1973. Vol. 63(3). P. 247-258.
22. Камерон Р. Краткая экономическая история мира. От палеолита до наших дней. М., 2001. 544 с.
23. Mokyr J. Editor's Introduction: The New Economic History and Industrial Revolution // The British Industrial Revolution: An Economic Perspective. Colorado ; Oxford, 1998. P. 1–127.
24. Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective. Paris, 2001. 385 p.
25. Goldstone J.A. The rise of the West – or not? A revision to socio-economic history // Sociological Theory. Davis, 2000. P. 173–194.
26. Pomeranz K. The great divergence: China, Europe, and the making of modern world economy. Princeton, 2000. 393 p.
27. Frank A.G. ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley and Los Angeles, 1998. 557 p.
28. Vries P. Via Peking Back to Manchester: Britain, the Industrial Revolution, and China. Leiden, 2003. 121 p.
29. Landes D.S. The Wealth and Poverty of Nations: Why Some Are So Rich and Some So Poor. New York, 1999. 658 p.
30. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Макроэволюция и Мир-Система: новые грани концептуализации // История и современность. Волгоград, 2008. № 1. С. 3–31.
31. Grinin L., Korotayev A. The Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective // Springer. 2015, 260 p. URL: http://www.springer.com/ us/book/9783319177793 (дата обращения: 15.03.2016).

Статья представлена научной редакцией «История» 30 апреля 2017 г.

THE CONCEPT OF THE INDUSTRIAL REVOLUTION: FROM APPEARANCE TO THE PRESENT DAY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 91-95.
DOI: 10.17223/15617793/420/12

Sergey S. Buldygin, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: buldygin.sergey@mail.ru

Keywords: industrial revolution; industrialization; Great Britain; social-economic transformation; historiography.

The article analyzes the development of scientific concepts of the industrial revolution in Great Britain in the second half of the 18th and the first half of the 19th centuries. The main aspects, which the authors paid attention to, are noted. The sources of research are the work of historians, sociologists and economists devoted to the industrial revolution and, to a large extent, affecting this historical phenomenon. In the last two centuries, the industrial revolution is one of the most important objects of research in historiography. The author of the article notes that already in the works of the beginning of the 19th century technical, economic and social effects of mass introduction of machines are singled out. In addition to English authors, this was seen by researchers from the continent. A. Saint-Simon and J. Fazy sought the answers to the social and economic questions France faced in that era in the events on the other side of the English Channel. It was the French who proposed the term "industrial revolution". The author of the article distinguishes three main approaches to the definition of the industrial revolution in historiography: evolutionary, cyclical, systemic. The evolutionary approach appeared at the end of the 19th century. Researchers of that era based their concepts on positivism and evolutionism. The industrial revolution was defined as a relatively short period of "great" inventions in industry and the emergence of modern factory capitalism. Among the historians of the supporters of this approach, the author singles out I. Kulisher, P. Mantou, W. Cunningham, W. Rostow, D. Landis, A. Maddison. The cyclical approach appears in the interwar period and from the very beginning was under the great influence of economic science. The main feature of these concepts is the idea of an industrial revolution as one of the cycles of the development of the capitalist economy. Each of these ascents in the framework of this approach was fully consistent with the definition of the industrial revolution. Supporters of the cyclical approach were J. Schumpeter, S. Kuznets, R. Cameron. The third systemic approach was the result of the synthesis of the first two directions. The author of the article considers it correct to define it as a system one. Great influence on it was the development of macrosociology in the second half of the 20th century and the school of world-system analysis. Representatives of the system approach turned to statistical sources on demography and economic history. At the same time, they presented their views in the form of extensive macrohistorical concepts, to which, to a certain extent, evolutionism is inherent. Among the representatives of the system direction, the author of the article singles out A.G. Frank, A.V. Korotaev, L.E. Grinin. The author comes to a conclusion that the system direction reflects the current level of development of the problem.

REFERENCES

1. Fazy, J.J. (1830) *Principes d'organisation industrielle pour le development des richesses en France* [Principles of industrial organization for the development of wealth in France]. Paris.
2. Saintn-Simon, A. (1948) O promyshlennoy sisteme [On the industrial system]. In: Volgin, V.P. (ed.) *Izbrannye sochineniya: v 2 t.* [Selected works: in 2 vols]. Vol. 2. Translated from French by L.S. Tseytlin. Moscow; Leningrad: USSR AS.
3. Marx, K. & Engels, F. (1955) *Sobranie sochineniy* [Works]. Translated from German. Vol. 2. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
4. Twiss, T. (1847) *View of the progress of political economy in Europe since the sixteenth century*. London: Longman, Brown, Green and Longmans.
5. Mill, D.S. (1896) *Osnovaniya politicheskoy ekonomii* [Foundations of political economy]. Translated from English by E.I. Ostrogradskaya. Kiev: Kharkov: Tip. I.I. Chokolova.
6. Colquhoun, P.A. (1814) *Treatise on the Wealth, Power and Resources of the British Empire*. London: J. Mawman.
7. Ure, A. (1835) *The Philosophy of Manufactures. An Exposition of the Factory System of Great Britain*. London: C. Knight.
8. Toynbee, A. (1898) *Promyshlennyy perevorot v Anglii v 18-m stoletii* [Industrial Revolution in England in the 18th century]. Translated from English. Moscow: Tipografiya A.G. Kol'chugina.
9. Cunningham, W. (1903) *Zapadnaya tsivilizatsiya s ekonomicheskoy tochki zreniya* [Western civilization from an economic point of view]. Translated from English. Moscow: T-vo tip. A.I. Mamontova.
10. Gibbins, G. (1898) *Promyshlennaya istoriya Anglii* [Industrial History of England]. Translated from English. St. Petersburg: Izdanie O.N. Popovoy.
11. Gibbins, G. (1899) *Ocherk angliyskoy torgovli i koloniy* [Essay on English Trade and Colonies]. Translated from English by A.V. Kamenskiy. St. Petersburg: Izd. O.N. Popovoy.
12. Butmy, E.G. (1897) *Razvitie konstitutsii i politicheskogo obshchestva v Anglii* [Development of the constitution and political society in England]. Translated from English by M. Karov. Moscow: M.V. Klyukin.
13. Mantou, P. (1937) *Promyshlennaya revolyutsiya XVIII stoletiya v Anglii* [Industrial revolution of the 18th century in England]. Translated from English. Moscow: Sotsekgiz.
14. Kulisher, I.M. (2004) *Istoriya ekonomicheskogo byta Zapadnoy Evropy: v 2 t.* [History of the economic life of Western Europe: in 2 vols]. Chelyabinsk: Sotsium.
15. Schumpeter, J.A. (2008) *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya* [The theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy]. Moscow: Eksmo.
16. Nef, J.U. (1934) The Progress of Technology and the Growth of Large-Scale Industry in Great Britain, 1540–1640. *The Economic History Review*. 5 (1). pp. 3–24. DOI: 10.1111/j.1468-0289.1934.tb00858.x
17. Carus-Wilson, E.M. (1941) An Industrial Revolution of the Thirteenth Century. *The Economic History Review*. 11 (1). pp. 39–60. DOI: 10.1111/j.1468-0289.1941.tb01589.x
18. Rostow, W.W. (1960) *The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto*. Cambridge: Cambridge University Press.
19. Hobsbawm, E. (1999) *Industry and Empire: From 1750 to the Present Day*. New-York: Abacus.
20. Hobsbawm, E. (1999) *Vek revolyutsii. Evropa 1789–1848* [Age of the Revolution. Europe of 1789–1848]. Translated from English by L.D. Yakunina. Rostov-on-Don: Feniks.
21. Kuznets, S.S. (1973) Modern Economic Growth: Finding and Reflection. *The American Economic Review*. 63(3). pp. 247–258.
22. Cameron, R. (2001) *Kratkaya ekonomicheskaya istoriya mira. Ot paleolita do nashikh dney* [Brief economic history of the world. From the Paleolithic to our days]. Translated from English. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
23. Mokyr, J. (ed.) (1998) *The British Industrial Revolution: An Economic Perspective*. Colorado; Oxford: Westview Press. P. 1–127.
24. Maddison, A. (2001) *The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: OECD.
25. Goldstone, J.A. (2000) The rise of the West – or not? A revision to socio-economic history. *Sociological Theory*. 18:2. pp. 175-194.
26. Pomeranz, K. (2000) *The great divergence: China, Europe, and the making of modern world economy*. Princeton: Princeton University Press.
27. Frank, A.G. (1998) *ReOrient: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
28. Vries, P. (2003) *Via Peking Back to Manchester: Britain, the Industrial Revolution, and China*. Leiden: CNWS Publications.
29. Landes, D.S. (1999) *The Wealth and Poverty of Nations: Why Some Are So Rich and Some So Poor*. New York: W.W. Norton.
30. Grinin, L.E. & Korotaev, A.V. (2008) Makroevolyutsiya i Mir-Sistema: novye grani kontseptualizatsii [Macroevolution and the World System: new facets of conceptualization]. *Istoriya i sovremennost'*. 1. pp. 3-31.
31. Grinin, L. & Korotayev, A. (2015) *The Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective*. [Online] Available from: http://www.springer.com/ us/book/9783319177793. (Accessed: 15.03.2016).

Received: 30 April 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 96–104. DOI: 10.17223/15617793/420/13

УДК 930.2

Д.Д. Крылова

РАССКАЗ ОБ ОДЕРЖИМОСТИ КАК СКАЗОЧНЫЙ НАРРАТИВ. МЕТОДОЛОГИЯ В.Я. ПРОППА ПРИМЕНИТЕЛЬНО К МАТЕРИАЛАМ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ АНГЛИЙСКИХ ПАМФЛЕТОВ

Исследуется проблема изучения рассказа об одержимости в английских памфлетах XVI–XVII вв. как сказочных нарративах. Предлагается применение структурного анализа, предложенного В.Я. Проппом, для анализа волшебных сказок к памфлетным сюжетам об одержимости, в целях получения ранее неизвестных данных, касающихся представлений о колдовстве и сверхъестественном, характерных для массовой культуры позднесредневекового английского общества. Определяется механизм возникновения, развития и передачи нарратива об одержимости внутри английского общества на примере анализа истории одержимого Томаса Дарлинга, случившейся в г. Бертон-на-Тренте в 1596 г.

Ключевые слова: одержимость; памфлеты; представления о сверхъестественном; сказочный нарратив; Англия; XVI–XVII вв.; структурный анализ.

Погожим весенним днем из дома в близлежащий лес на охоту отправилось два человека – мужчина и его племянник-подросток. Мужчина так увлекся охотой, что упустил из виду мальчика, который вскоре окончательно заблудился и, проблуждав в лесу до самого вечера, решил возвращаться домой в одиночку. Ему повезло, он вышел на знакомую тропу и уже двинулся по направлению к дому, как вдруг перед ним появилась маленькая сгорбленная старуха. Пытаясь пройти мимо нее, мальчик нечаянно испортил воздух, на что оскорбившаяся старуха произнесла гневную тираду, наклонилась к земле и коснулась ее рукой. Мальчик остолбенел и несколько минут не двигаясь, следил за действиями женщины; придя в себя, он двинулся дальше по тропе домой, а старуха отправилась в глубь леса. По возвращению домой мальчик почувствовал себя плохо, его бросало в жар, у него отнимались части тела, его преследовали страшные мучительные видения животных, предметов и т.д. Никто не мог ему помочь – врачи не могли поставить диагноз, знахари и священники не могли принести ему облегчение. По прошествии недолгого времени местный знахарь и семья мальчика пришли к выводу, что он околдован, и начали поиск ведьмы, наведшей порчу на подростка и того, кто бы мог спасти его. На протяжении нескольких месяцев мальчика тяготил его недуг, и даже после нахождения в соседней деревне таинственной старухи и ареста виновницы всех его бед, состояние юноши никак не улучшилось. Так продолжалось до тех пор, пока в город не приехал известный проповедник, который определил его состояние как одержимость и, произведя несколько сеансов экзорцизма, не освободил его от болезни.

Эта на первый взгляд неправдоподобная история случилась на самом деле. Такова вкратце история знаменитого Бертонского мальчика – Томаса Дарлинга, имевшая место в городке Бертоне-на-Тренте в период с 27 февраля по 8 июня 1596 г. [1. P. 157–191]. Подобного рода истории были крайне популярны и имели широкое распространение в Англии конца XVI – начал XVII столетия, большинство из них были записаны и разошлись по территории страны в виде памфлетов [2. С. 144–181]. В указанный промежуток времени жанр памфлетной литературы стал одним из самых востребованных в Англии, и на сегодняшний день является исключительным источником для изучения позднесредневековых представлений о колдовстве и одержимости. Именно этот вид популярной и доступной литературы знакомил английскую общественность с произошедшими в стране судебными процессами над ведьмами и участившимися случаями проявления демонической одержимости [3. P. 14–15].

Среди общего количества позднесредневековых памфлетов согласно их содержанию выделяются памфлеты одновременно и о колдовстве, и об одержимости, а также исключительно об одержимости [4. P. 179]. Для данных категорий характерны: субъективное изложение и повествовательный характер описания событий; компилятивность содержания – текст памфлета строился на базе нескольких независимых документов, это, в свою очередь, обнаруживает наличие нескольких авторов памфлета, чей труд чаще всего обобщался анонимным редактором; общее стремление к стереотипизации содержания и описания сюжетов об одержимости [5. С. 91–98]. То есть в большинстве случаев события, описываемые в памфлетах об одержимости, до мельчайших деталей повторяют друг друга, несмотря на то что они описывают события, произошедшие в разное время и в разных уголках страны. Таким образом, содержание позднесредневековых памфлетов об одержимости строится по определенному клише, или структуре, которая, в целом, не может быть объяснена только соответствующими жанровыми требованиями или литературным образцом, принятым в Англии в указанное время.

Кроме этого описательного и стереотипизированного характера текстов памфлетов, исследователи отмечают сильное влияние на них фольклорных, литературных поворотов и сюжетов [2. С. 159], формирующих особый художественный стиль изложения реальных событий, что в целом не отменяет их исторической достоверности [4. P. 113]. Вместе с тем определенное влияние фольклора на содержание памфлетов об одержимости не стало определяющим в процессе понимания смысла, заключенного в этих текстах, чьи содержание и значение до сих пор остаются до конца не понятыми и не исследованными. К тому же, по мнению таких исследователей, как Ж.Н. Кепферер, сюжеты, изложенные в памфлетах, формировались под воздействием определенного мас-

сового представления о колдовстве и одержимости [6. P. 26–27], чтобы, в свою очередь, самим воздействовать на эти массовые представления, что обращает нас к проблеме восприятия этими массами текстов памфлетов.

Тем самым встает вопрос: каким образом рассматривать и анализировать эти тексты? Стоит ли их рассматривать исключительно в рамках прямого смысла, или же под этой общей структурой повествования и изложения сюжетов об одержимости кроется нечто другое, смысл которого не улавливается современным читателем по причине культурной и временной отдаленности от создателей этих текстов? О чем же говорят эти истории об одержимости, о чем сообщал своим слушателям рассказчик и как его понимал слушатель?

Одной из первых ответ на этот вопрос попыталась найти отечественная исследовательница И.О. Тогоева. Обнаружив общую похожесть построения структуры и содержания свидетельских нарративов обвинения, она предположила, что под нарративами обвинения против ведьм и колдунов кроется некий сказочный нарратив, понятный всем членам общины и судьям, по клише, по которому и строилось стереотипизированное обвинение в колдовстве, порче и других преступлениях [7. С. 206]. Применив методологию В.Я. Проппа к материалам судебного процесса над Жилем де Ре [8. С. 254–294], она пришла к выводам, что «для свидетельских показаний сказочный нарратив представлял собой единственно возможную доступную повествовательную форму», а в «формулах» судей и в статьях обвинения ими совершенно осознанно усиливается сказочный эффект для формирования в лице обвиняемого образа идеального сказочного злодея [7. С. 208]. Также ею отмечается, что форма записи обвинения, представляет собой совершенно очевидную фольклорную схему, что в целом позволило ей расшифровать некоторую часть элементов повествования, обнаружив в них указание на обряд инициации, древние сюжеты о лесных духах и т.д. [Там же. С. 222–231]. Так как нарратив об одержимости представляет собой один из вариантов свидетельских показаний и обвинения против ведьм (одержимые нередко становились обвинителями на подобного рода процессах) [9. С. 136–138], то, возможно, и эти нарративы представляют собой вариант сказочного повествования или обладают сходными с ним чертами, такими как единообразная структура, сходный набор сюжетов, образов и других, определяющих их реальное значение.

В связи с этим главной задачей данной статьи является определение сути и значения рассказов об одержимости, представленных на страницах английских позднесредневековых памфлетов. С целью реализации представленной задачи применим методологию структурного анализа волшебной сказки, разработанной В.Я. Проппом [10] и его учениками [11], используем разработки В.Я. Проппа относительно ключевых элементов сказочного повествования и их исторического значения [12], а также применим классификацию сказочных сюжетов Аарне–Томпсона [13] для определения соответствия нарративов об одержимости жанровой специфике и обнаружения в них новых уровней интерпретации феномена в истории и в общественной жизни эпохи на предложенном выше примере – истории Томаса Дарлинга, а также проанализируем полученные выводы.

Итак, как уже было сказано, история Томаса Дарлинга случилась в городке Бертон-на-Тренте в промежутке между 27 февраля и 8 июня 1596 г. и была записана в форме памфлета в 1597 г. Как и большинство памфлетов того времени, памфлет о Бертонском одержимом является продуктом коллективного творчества. Главным редактором и издателем является Д. Денисон [14. P. 150–154], записавший и опубликовавший эту историю по требованию заказчика публикации дедушки Томаса Дарлинга, г-на Волкедена. К тому же текст прошел еще ряд корректив и правок со стороны непосредственных участников событий – местного знахаря Дж. Би, проповедника и реформатора А. Хилдершема и протестантского экзорциста Дж. Даррела, в целях преувеличения своей роли в истории [15. P. 127–144]. Однако главным рассказчиком и героем истории, безусловно, является тринадцатилетний Томас, чья прямая речь все же проглядывается сквозь большое количество исправлений и накладок, и которая для нас является главным материалом для анализа, поскольку представляет собой типичный рассказ жертвы околдования или одержимого. Именно эта часть памфлетного повествования будет исследована нами на трех основных уровнях: 1) сюжетном (определим нарратив об одержимости на соответствие типам сказочных сюжетов, представленных в классификации Аарне–Томпсона); 2) структурном (проверим структуру текста об одержимости Томаса Дарлинга на соответствие структуре волшебной сказки, предложенной В.Я. Проппом, рассмотрим круг действующих лиц рассказа в соответствии с функциями персонажей волшебной сказки, а также выделим основные элементы нарратива в соответствии с основными элементами волшебной сказки и проинтерпретируем их); 3) образном (рассмотрим главные образы, представленные в рассказе и определим их происхождение, значение и т.д.).

Согласно классификации сказочных сюжетов, разработанной А. Аарне и С. Томпсоном [13], рассказ об одержимости Томаса Дарлинга может быть отнесен к группе так называемых архаичных сказочных сюжетов по типу «отданных во власть лесных демонов», «невинногонимых», «семейногонимых» и т.д. [11. С. 12–20] под кодом 327, 480, 510, 709 и обнаруживает следующие сюжеты: S143 – покинутые в лесу дети, S240 – случайно запроданные дети, обещанные духу воды и т.д. [13. P. 116–119]. Для этого типа сказок характерно нанесение ущерба самому герою, при котором он становится жертвой колдунов, Бабы-Яги, лешего и т.п., что полностью совпадает с сюжетом истории Томаса в той ее части, где он оказывается в лесу, встречается с ведьмой и получает вред с ее стороны. Также сюжет об одержимости может быть отнесен к типу волшебных сказок под кодами 300–359, «Сверхъестественный противник», с обязательной победой над ним в конце сказки, сюжеты под кодом 314 – в услужении Дьявола, 326 – юноша, который хотел узнать страх и др. [13. P. 114], в той части рас-

сказа об одержимости, когда жертва находится во власти демона или духа и активно сопротивляется его вмешательству, и дополнительно, когда описывается борьба экзорциста с демоном, а изгнание демона, прочитывается как окончательная победа над противником. Также в тексте присутствуют сюжеты, относящиеся к категории «сверхъестественные силы и знания», например, под кодом 670А – понимание языка животных [13. P. 225], в тех моментах, когда одержимый демонстрирует свои сверхъестественные способности – глоссолалию, ясновидение, подражает животным и т.д., также сюда могут быть отнесены сюжеты, относящиеся к категории религиозных сказок, в частности тип 810В – прячущиеся под личной зверя от демона и т.д. [Там же. P. 275]. В целом как сама история об одержимости, так и ее отдельные части могут быть рассмотрены как сказочный сюжет и, в общем, попадают под классификацию сказочных сюжетов Аарне-Томпсона, что дает нам возможность более детально обратиться к анализу текста уже на структурном уровне.

Обратимся к структуре повествования об одержимости Томаса Дарлинга и проанализируем ее при помощи структурной методики В.Я. Проппа [10]. Пропп выделяет особую структуру сказочных ходов, или уровней, повествования волшебной сказки, для обычной волшебной сказки характерно 22 основных хода, среди которых выделяются такие ходы, как Исходная ситуация (не является отдельным ходом, однако формирует начало сказки, является описанием героя, семейных или иных условий жизни и т.д.); Отлучка, Запрет / Благополучие; Нарушение запрета, Выведывание, Подвох, Пособничество, формирующие подготовительную часть сказки; Вредительство, Нехватка, Посредничество, Противодействие, Покидание дома / Появление дарителя, Испытание, Реакция, Снабжение, Путеводительство, Борьба, Клеймение, Победа, Ликвидация, Возвращение, Преследование, Спасение, формирующие основную часть сказки [Там же. С. 55]. После хода спасение чаще всего сказка заканчивается, однако иногда в сказке возникает дополнительный круг ходов, и их количество становится равным 31 ходу, когда сюжет сказки делает виток и повторяется по кругу. Стоит отметить, что в разных сказках некоторые ходы могут неоднократно повторяться или же, наоборот, отсутствовать [Там же. С. 26–61].

В истории Томаса Дарлинга обнаруживаются три составные части: 1) начало и завязка; 2) основная часть; 3) избавление или конец, состоящие из 32 основных уровней повествования, часть из которых по своему содержанию и функциям относится к ходам одной группы. В частности, начало и завязка включают в себя 6 основных этапов: 1) поход мальчика с дядей в лес на охоту, 2) потеря в лесу; 3) поиск дороги домой; 4) встреча со старухой; 5) оскорбление старухи и ее реакция на это; 6) возвращение домой и начало болезни. Представленный круг действий в целом совпадает с подготовительной частью сказки и частично совпадает с ее основной частью, выделяемыми В.Я. Проппом, где каждый из этапов совпадает с такими ходами, как: 1 – Отлучка, 2 и 3 – Запрет и его нарушение, 4 и 5 – Выведывание, Подвох, Пособничество, сюда же входит и Вредительство, 6) Нехватка или Беда.

В памфлете, точнее, в заголовке и предисловии памфлета уже представлена некоторая исходная ситуация, в которой указывается возраст, происхождение и семейное положение мальчика. В.Я. Проппом отмечается, что чаще всего в исходной ситуации есть указание на некоторую изначальную недостачу героя, например, сюжет о сироте или сообщение о бедности героя, либо же сообщается об общем благополучии, на фоне которого последующий вред будет смотреться более ярко. В отношении Томаса Дарлинга следует отметить, что к нему в равной степени относятся обе характеристики исходной ситуации. С одной стороны, сообщается о его благочестии, юном возрасте – 13 лет, достойном происхождении: Томас, сын и внук эсквайра [1. P. 157–159]. На протяжении всего рассказа мальчик находится на попечении своих дяди и тети мистера Туна и миссис Сандерс, а также своих деда и бабушки мистера и миссис Волкеден, из текста также следует, что дядя является учителем и воспитателем мальчика, у которого, по всей видимости, он живет и находится на содержании. Мать же мальчика в тексте памфлета появляется всего один раз, и ее имя никак не обозначается, а об отце ребенка вообще не говорится ни слова, из чего можно сделать вывод о наличии у Томаса некоторых признаков сиротства, хоть и неназванных напрямую.

В.Я. Пропп также пишет о том, что часть ходов подготовительной части может указываться косвенно, например, как ход Запрет, наличие в сказке которого определяется опосредованно и не указывается напрямую. Большая часть запретов связана со страхом вредоносного вмешательства, при этом опасность видится во всем, и в первую очередь в отлучке из дома детей, для которых внешний мир наиболее опасен, так как населен злобными существами – духами, демонами и т.д. [12. С. 29] В рассказе о Томасе также нет прямых указаний на запрет, однако его присутствие обнаруживает себя в сцене поиска дороги и встречи с ведьмой, которые можно в целом проинтерпретировать как существование некоего запрета посещать лес в одиночку, общаться с незнакомцами и т.д.

Дальнейшее повествование об одержимости Дарлинга в ее основной части, состоящей из 19 уровней, в общем, также тяготеет к структуре, описанной В.Я. Проппом, однако имеет ряд серьезных отличий. Так, В.Я. Проппом подчеркивается, что для сказок об изгнанных, околдованных героях, как в нашем случае, такие ходы, как Посредничество и Противодействие могут отсутствовать, что и наблюдается в истории об одержимости. Но и в отношении других ходов, таких как Покидание дома, Испытание, Реакция, Снабжение, можно сказать то же самое, все ходы вплоть до Путеводительства и Борьбы в тексте памфлета отсутствуют, что выглядит довольно странным. Центральное место в основной части памфлета занимают определение болезни, поиск средства избавления от болезни, поиск ведьмы и состояние мальчика. При этом важное место занимают троекратные циклы повторения одних и тех же действий, например, поход к врачу и знахарю, рассказ о встрече в лесу – и мальчиком, и

ведьмой, испытания ведьмы, припадки и видения Томаса, поиски оптимального лечения и т.д. [1. P. 157–183].

И только в третьей части памфлета, состоящей из шести уровней повествования, ходы вновь встают на место. С момента приезда Дж. Даррелла начинается следующий круг действий – Путеводительство, Борьба, Клеймение, Победа, Ликвидация, Возвращение, Преследование и Спасение, при этом одним из главных героев становится экзорцист. Экзорциста находят, сообщают о беде, он спешит ликвидировать беду, борется, помечает Дарлинга, одерживает победу, ликвидирует беду, и уже Томас проходит круг – Возвращение, Преследование и Спасение.

Тем самым, в этой части текста прослеживаются сильное влияние агиографической литературы или ее сюжета об изгнании святыми демонов, чудо об экзорцировании бесоодержимых [16. P. 7–17]. Данная ситуация не представляется собой нечто уникальное, любой средневековый тест так или иначе испытывал влияние христианской идеологии. Так, О.И. Тогоева отмечает, что для стереотипизированных рассказов о колдовстве характерны элементы христианской учености, например, идеи договора с дьяволом, вызова демона в целях обогащения и т.д., а также отмечается некоторое сходство сюжетов о колдовстве с агиографическими сюжетами [7. С. 212]. То же самое прослеживается в сюжетах и об одержимости, например, исследователи феномена справедливо сравнивают поведение Томаса Дарлинга с поведением святых, искушаемых дьяволом, или с жизненным путем самого Христа, называя Томаса примером пуританского благочестия или пуританским мучеником [14. P. 150; 15. P. 128]. Часть образов, увиденных Дарлингом во время трансов, также носит исключительно христианскую семантику: молочно-белый голубь – символ Святого Духа, Агнец Божий – символ Христа и т.д. [1. P. 188–191]. Таким образом, в тексте памфлета наблюдается наличие двух отдельных частей повествования: 1) сюжет об околдованном мальчике; 2) сюжет о сильном экзорцисте, изгоняющем беса, связанных некой перемычкой из официальных документов и свидетельств о припадках, видениях одержимого, занимающих большую часть текста. Первая часть памфлета может быть определена как типичный сказочный сюжет, вторая – как типично агиографический сюжет.

Данная ситуация может быть объяснена наложением друг на друга двух независимых концептов в тексте памфлета, что определяется не только редакторской политикой, но и столкновением двух мировоззрений ученого и народного, в частности ученого концепта одержимости и народного концепта околдования. Само понятие «одержимость» было чуждо жителям Бертона, так как ни один из его жителей вплоть до приезда Даррелла даже не предлагал ее в качестве предполагаемого диагноза, все использовали понятие «околдование». Это во многом объясняет дальнейшее развитие истории Томаса, когда через несколько лет его обвинят в симуляции одержимости, он откажется от своих показаний и его осудят как мошенника. Однако с самого начала Томас был не согласен с трактовкой Даррелла относительно его болезни и даже сопротивлялся, когда его называли одержимым. Находясь внутри своего понятийного аппарата, он был не согласен с понятием «одержимость», которое было ему чуждо и непонятно (свидетельствует из текста), поэтому ему действительно пришлось перестраиваться и менять свои рассказ и поведение согласно другому культурному образцу, что в целом и могло расцениваться им как обман.

Таким образом, круг ходов от Покидания героем дома до Снабжения даром, в тексте памфлета как бы отсутствует, но если рассмотреть каждую из частей памфлета более детально, то обнаруживается некоторое сращивание или наложение двух кругов ходов в первой части памфлета. Возможно, оно обусловлено тем, что в изначальную структуру повествования об одержимости включаются элементы, не присущие ей, чуждые, в частности детальные описания припадков, что вынуждает сворачивать изначальную структуру, убирая из текста памфлета возможное начало и завязку. При этом сращивании двух кругов ходов в первой части имеется и покидание дома – поход мальчика в лес; испытание или встреча с дарителем, т.е. встреча со старухой; реакция героя на испытание со стороны дарителя, которая может быть как положительной, так и отрицательной; снабжение даром, т.е. одержимостью.

Данный вывод можно сделать исходя из характера появления и поведения такого персонажа, как старуха или ведьма, появляющаяся на лесной тропе. Согласно выводам В.Я. Проппа встреча с дарителем происходит чаще всего именно в лесу, в поле или на дороге [10. С. 77], как в предложенном случае, тогда как вредитель появляется совершенно внезапно, например, как змей, прилетающий издалека, вторгающийся на территорию героя. К тому же такой персонаж, как ведьма, может выступать в сказке и как вредитель, и как даритель, и обладает двоякими чертами, о чем более подробно речь пойдет далее. При этом герой может подвергаться нападению и со стороны дарителя, и не всегда испытание заканчивается в пользу героя, но именно после его прохождения герой становится обладателем некого волшебного средства, которое должно помочь ему ликвидировать изначальную недостачу [Там же. С. 41–42].

Если рассматривать старуху как дарителя, а изначальную недостачу видеть, например, в детском возрасте Томаса, его низком социальном статусе, это дает повод прочитывать одержимость как волшебный дар, который позволил ему не только изменить отношение взрослого окружения к себе, и привлек колоссальное внимание к его персоне. Как уже отмечалось ранее, одержимость может пониматься и как вариант волшебных умений или навыков, которые были крайне полезны для окружения одержимого, что в целом позволяет расценивать это состояние как дар. К тому же одержимость – это способ демонстрации благочестия и чистоты Томаса Дарлинга, что также служит подтверждением нашего мнения об одержимости как даре. Проверим эти выводы при анализе действующих лиц сквозь призму функций персонажей волшебной сказки, предложенной В.Я. Проппом.

Исходя из выполняемых функций, В.Я. Пропп выделяет определенный круг персонажей-героев, обла-

дающих характерными чертами, признаками и т.д., – Вредитель, Даритель, Помощник, Царевна и ее Отец, Отправитель, Герой и Ложный герой [10. С. 73–74]. Сами персонажи, также как и ходы, в сказках разного типа могут либо присутствовать, либо отсутствовать, а их функции могут либо полностью соответствовать одному персонажу, либо совпадать частично, или же в лице одного персонажа может совмещаться круг действий двух персонажей, или же один круг действий может делиться между несколькими персонажами [Там же. С. 74–77].

В Бертонской истории упоминаются следующие персонажи: 1) Томас Дарлинг, мальчик 13 лет; 2) Алиса Гудридж, старуха 60 лет, предполагаемая ведьма; 3) Роберт Тун, охотник, дядя и учитель мальчика; 4) миссис Сандерс, тетя мальчика; 5) Джесси Би – местный знахарь; 6) Томас Грейсли – мировой судья, глава общины, эсквайр; 7) Артур Хилдершем – проповедник; 8) Джон Даррелл – главный экзорцист; 9) мать Томаса Дарлинга; 10) демон (Сатана); 11) незнакомец. В тексте упоминаются и другие действующие лица, уважаемые члены общины, свидетели, но серьезной роли они не играют, и потому могут быть упущены из виду.

В.Я. Проппа выделяет четыре типа героев, но наибольший интерес вызывают первый и четвертый тип: герой – жертва и герой искатель – спаситель. «Герой ВС – это персонаж, непосредственно пострадавший от действия вредителя или согласившийся ликвидировать беду или недостачу другого лица» [Там же. С. 47]. Как уже отмечалось, в памфлете обнаруживаются оба типа героев, к первому типу относится Томас Дарлинг, ко второму – Джон Даррелл. При этом Томас обладает характерными чертами не только жертвы, но и борца, например, в сюжетах об отчаянном сопротивлении искушениям Сатаны.

Исходя из выводов, сделанных в первой части статьи относительно совмещения в лице Адисы Гудридж функций вредителя и дарителя, наиболее острым становится вопрос о главном антагонисте, определении в тексте памфлета главного врага, т.е. вредителя. Согласно определению, предложенному В.Я. Проппом, вредителем считается тот, кто, появившись внезапно, наносит ущерб главному герою и чье поражение означает ликвидацию состояния нехватки, однако не только фигура старухи удовлетворяет этому определению. В тексте присутствует фигура, обозначаемая через других лиц и не выступающая самостоятельно, которая на первый взгляд может быть упущена из виду. Эта фигура – демон, или сатана, как в последующем его назовёт Томас Дарлинг, а возможно, и редакторы текста. Именно демон причиняет вред мальчику, мучает его и создает ситуацию нехватки. Именно с ним ведется борьба, против него идет сражение и именно его в конченом счете побеждает экзорцист. Победа над демоном является кульминационной точкой текста памфлета, именно с поражением и отбытием демона восстанавливается здоровье и благополучие Томаса, что определяет ликвидацию беды и спасение героя.

Таким образом, ведьма выступает лишь в роли второстепенного вредителя и не играет ведущей роли, совмещая в одном лице функций двух персонажей. С одной стороны, в тексте указан момент встречи с ведьмой, а с демоном – нет, также именно ведьму разыскивают как главного врага, а демона – нет; с другой стороны, сюжет о ликвидации демона есть, а сюжета о ликвидации ведьмы – нет. Это странно и рождает ряд вопросов, так как жанр требует абсолютной ликвидации абсолютного зла, которым и является, по версии авторов памфлета и жителей Бертона ведьма, хотя все же частные отсылки на этот момент в тексте имеются. Так, редактор текста пишет: «если ведьма не мертва, то она будет казнена» [1. P. 191]. Косвенно об этом свидетельствует наличие в тексте серьезной взаимосвязи между самочувствием мальчика и ведьмы: чем лучше становится одному, тем хуже другому. Согласно одному из примеров в тот момент, когда Томас находился в состоянии поединка с демоном и смог победить его, заключенная в тюрьму Алиса Гудридж почувствовала себя крайне плохо, ее трясло и било в судорогах, бросало в жар и т.д. [Там же. P. 187]. Подобная связь может указывать на то, что выздоровление Томаса означало для ведьмы смерть или серьезное ухудшение ее состояния.

Однако Алиса Гудридж наделена и другими чертами – она молится за Томаса, хочет ему помочь, отдает ему свою кровь. С этой стороны, ведьма действительно выступает в качестве дарителя, если его функции заключаются в проведении обряда инициации, проведении героя через испытание. Опираясь на выводы Е.В. Мелетинского о генетической связи испытания и обряда инициации, представляющего собой специфический искус или посвящение, по результатам которого герой получает в награду духа-защитника или помощника, проявляющихся наиболее ярко в архаических сказках и мифологических сюжетах [11. С. 18], можно сделать вывод, что в случае Томаса Дарлинга имело место именно такое посвящение, а дух-мучитель был получен им в дар от ведьмы.

Далее в тексте обнаруживается круг персонажей с одинаковыми функциями, например, группа помощников, состоящая из родственников и общинников, во главе с Робертом Туном и местным знахарем Джесси Би, серьезную роль в поиске и разоблачении ведьмы сыграли мс. Грейсли и мс. Хилдершем. Интересно, что все они в какой-то мере исполняли роль Дж. Даррелла до его прибытия, проводили испытания Дарлинга, проверяли его способности, пытались его вылечить, но безуспешно. В тексте встречается и ложный герой – некий незнакомец, появившийся в качестве зрителя на одном из испытаний Томаса и обвинивший его в мошенничестве [1. P. 168]. Вместо того чтобы он совершал действия, предписанные настоящему герою или помощнику, он осуществляет действиям, обратные им, и в итоге оказывается повержен силой истинного героя – Томаса Дарлинга.

Теперь обратимся к расшифровке отдельных элементов повествования, исходя из выводов В.Я. Проппа относительно элементов волшебной сказки. В.Я. Пропп в своей работе предполагает, что сама сказка является отражением древних религиозных практик, определяемых спецификой первобытного мышления, мифологией и обрядовой стороной жизни, в первую очередь ритуалом. Таким образом, возможно и нарратив об

одержимости есть отражение некого ритуала, сущность и значение которого со временем были забыты культурой, но память о котором осталась в форме определенной устной практики. Притом, что сам сюжет об одержимости, согласно классификации Аарне-Томпсона, является довольно архаичным, т.е. наиболее тесно связан с мифом и ритуалом [11. С. 32].

В тексте памфлета можно выделить следующие элементы: Таинственный лес, Избушка в лесу, Ведьма, Изгнанные и заведенные в лес дети, Испытание, Временная смерть и воскрешение, Обряд посвящения. Согласно концепции В.Я. Проппа, каждый из элементов и все вместе могут быть расценены как отсылка к обряду инициации, который, в первую очередь, мыслился как временная смерть посвящаемого. Обряд инициации ознаменовал вступление юного человека во все мифологические представления, обряды, ритуалы, пляски, означая тем самым переход во взрослую жизнь и получение в дар всех полномочий, знаний взрослого полноценного члена общины, в частности получение духа-хранителя [12. С. 89]. Таким образом, одержимость может пониматься как средство обучения и трансляции культурных кодов.

Интересным представляется и тот факт, что волшебная сказка на пространстве Британских островов как жанр записана очень поздно, в связи с тем что главные носители народной мудрости – крестьяне – исчезают в Англии довольно рано как класс [17. С. 6]. Таким образом, рассказы об одержимости и колдовстве могут быть расценены как форма сохранения устного сказочного наследия, передающегося в кругу одной общины из поколения в поколение. Об этом косвенно может свидетельствовать обнаружение схожести между нарративами об одержимости и записанными позже сказочными сюжетами. Например, текст памфлета изобилует сценами искушений Томаса демоном, в особенности различными дарами – богатством (одеждой, золотом, различными предметами), славой и властью, знаниями и т.д. [1. P. 164–171], в том случае, если юноша пожелает присоединиться к нему. Подобный сюжет обнаруживается в сборнике «Народных английских сказок и легенд» английского фольклориста К. Бригс, в котором ведьма по имени Элисон Гросс искушает свою жертву – милого юношу, предлагая ему богатства – одежду и золото за поцелуй, а после отказа превращает его в червя. Жертва кодовства продолжал мучиться в этом облике вплоть до следующего Хэллоуина [18. P. 25]. В обоих сюжетах, как и в сюжете о дарении духа-хранителя, обнаруживается некоторое изменение в культурной практике и восприятии фольклорных сюжетов. Прежний древний смысл забылся, при этом характер и оценка ритуала дарения становятся диаметрально противоположными и воспринимаются негативно. Несмотря на то, что ведьма дарит хранителя, обладающего полезными свойствами, новая культура прочитывает его как врага и стремится избавиться от него.

В целом история о Томасе Дарлинге, с точки зрения ее анализа на базе выводов о корнях волшебной сказки, может быть расценена как история о временной смерти или поход в мир мертвых. Так, для архаических сказок и мифов прохождение посвящения, понимавшегося как временная смерть, раз и навсегда давало герою известную власть над духом, своего рода шаманское, колдовское могущество. Герой при этом всегда живой или шаман, желающий поникнуть в мир мертвых. Собственно это самое могущество и пытался продемонстрировать Томас на протяжении всей истории, сопротивляясь и борясь с демоном, оставаясь живым, он так или иначе имел связь с миром мертвых и «тем светом», об этом говорят его видения – Небес и восставших мертвецов.

Более детальный разбор каждого элемента повествования об одержимости указывает именно на обряд инициации или временной смерти героя. «Обряд посвящения юношества при наступлении половой зрелости был тесно связан с представлениями о смерти. Предполагалось, что мальчик во время обряда умирал и затем вновь воскресал уже новым человеком» [12. С. 39]. Данный обряд требовал соблюдения строгих правил, в частности при наступлении определенного возраста, чаще всего 13 лет, мальчика уводил в лес мужчина из его рода, отец, а если такового не имелось, то дядя, часто со стороны матери; женщины к обряду не допускались. В лесу мальчику надо было добраться до скрытого в чаще дома, где и должен был состояться обряд посвящения; довольно часто искать и найти путь до этого дома он должен был самостоятельно. Внутри дома посвящаемый мальчик подвергался ряду физических испытаний и истязаний – огнем, ранениям, клеймением, сопровождаемых состоянием безумия и болью. Также для посвящаемого были характерны временная слепота, немота, глухота, а также он должен был воздерживаться от еды и питья, что ознаменовало его смерть, хоть и временную [Там же. С. 65–72].

Подобного рода сюжеты наблюдаются и в истории Томаса. Мальчик, достигнув возраста инициации, уведен в лес мужчиной своего рода и оставлен там. Он самостоятельно ищет дорогу, встречается с той, кто проведети обряд инициации, – со старухой. Она вводит его в состояние, крайне близкое к состоянию посвящаемого, он испытывает боль, наблюдаются немота, глухота, слепота и оцепенение, во время трансов он выглядит совершено бесчувственным, что делает его похожим на труп, при этом он также отказывается от еды и воды. Столь популярное у одержимых подражание крикам и повадкам животных, наблюдаемые и у Дарлинга, также является отсылкой на смерть. Так, оборачивание в шкуру животного, которое символически можно определить как переодевание, связано с традицией зашивания трупа в шкуру животного для переноса таким способом души в загробный мир. К тому же этот обряд мог быть защитой от вредоносного воздействия демонов или духов, защитой своей души от похищения. Многочисленные видения Томаса Дарлинга другого мира и чудеса всезнания также относятся к миру загробному, а не к миру живых: живой человек не имеет связи с миром духов, не видит мертвых, а одержимый видит.

Особый интерес в этом вопросе вызывает употребление в заглавии памфлета словосочетания «чудесное избавление Томаса Дарлинга» (marvelous deliverance) [1. P. 155], но что же здесь подразумевается

под понятием чудо? Как уже было сказано, в агиографии одним из популярных сюжетов было чудо избавления от демона бесноватого, которое демонстрировал святой. Тем самым демонстрировалась сила и власть святого, христианской веры, но само избавление чудом не было. Но если понимать состояния одержимости как временной смерти, то определение чуда и чудесного становится более понятным. Таким образом, в тексте памфлета речь идет о воскрешении мальчика из мертвых, что подтверждается следующим: сразу после изгнания демона мальчик в первую очередь «отрывает свои глаза» [1. P. 191], и на этом делается особый акцент в тексте, т.е. мальчик символически оживает.

В этом отношении интересны проводимые параллели в смене сезонов года и календарной привязке одержимости Томаса Дарлинга. Одержимость юноши наблюдается при переходах от зимы к лету, от поста к Пасхе, что также отсылает к теме смерти и воскрешения, но в этот раз в глобальном масштабе – природном, климатическом и даже религиозном, и может пониматься как борьба света и тьмы, тепла и холода, жизни и смерти. Например, большая часть интеллектуальной элиты понимала под одержимостью пророчество приближающегося конца света и видела в одержимом поле битвы между добром и злом. Также привязка избавления от одержимости к пасхальным торжествам указывает на смерть и воскрешение Христа, которому так подражал Дарлинг. Здесь серьезное значение приобретает тезис В.Я. Проппа о ритуальном и магическом воздействии на силы природы во время сезонного цикла, например, пляской, которой его обучали во время обряда инициации в лесу. Со временем пляска теряет свой изначальный смысл, превратившись в игру, театрализацию и драматизацию [12. С. 84]. Возможно, и одержимость представляет собой остаток подобного рода ритуала воздействия, пожэтому она так привязана к сезонным циклам, например к осенне-зимнему или зимне-весеннему, носит публичный характер и воздействует на широкий круг зрителя.

Более того, о временной смерти героя свидетельствую образы, представленные в тексте памфлета, все вместе и каждый в отдельности. В первую очередь, это образ Алисы Гудридж, которая в тексте описана, как «маленькая старуха в сером с черным подолом платье, в широкой шляпе с бахромой и тремя бородавками на лице» [1. P. 159]. Появляется она в лесу, но живет на окраине города в доме на холме за лесом. Само ее появление и описание являются отсылками к образу типичной ведьмы, однако корни этого образа намного древнее и глубже и указывают на хозяйку леса, зверей и стихий, в первую очередь, связанную с зимой и смертью. В.Я. Пропп приводит множество примеров, указывающих на то, что Баба-Яга и схожие с ней персонажи являются персонификацией трупа и смерти, в частности ее внешние признаки – синюшность, костяная нога или разложившиеся части тела [12. С. 51–53]. Подобные персонажи есть и в английском фольклоре, например, Синяя Старуха Верхней Шотландии, персонификация зимы и смерти, Черная Эннис из Лейстрешира, она же Старуха-с-гор в Уэльсе, и многие другие, встреча с которыми означает неприятности [19]. Данные персонажи имеют под собой мифологическую основу и отсылают к образам древних кельтских богинь, например, Дану или Данаан – богини – прародительницы всех богов, а также Бадб или Морриган – богини сражений и смерти, главным цветом которых является серый, а аватарой – ворона [20].

Старуха всегда обитает в лесу, который также связан с миром мертвых и представляет собой пограничную зону, мост, соединяющий два мира. Все существа, населяющие лес, так или иначе носят демонический характер и являются духами – хранителями природы и могут сами выступать в роли помощников, вредителей и дарителей по отношению к главному персонажу, но во главе их стоит именно старуха [12. С. 56–60]. Старуха или ведьма как категория довольно часто становится дарителем в сказках, проводящей обряд инициации, проводником из одного мира в другой. При этом крайне важна реакция ведьмы на героя, его опознавание, чаще всего через обоняние [Там же. С. 48]. Запах живого человека неприятен старухе-ведьме, так как она мертва, и воспринимается ею как вонь, сама жизнь является для нее оскорблением. Нечто подобное обнаруживается и в истории Томаса.

Большая часть видений и образов, возникших у Дарлинга во время его приступов, также имеют отсылки к духам – хранителям леса, т.е. эльфам, которые, в свою очередь, являются душами мертвых или мертвецами [19]. Среди видений Томаса упоминаются образы зеленой или черной кошки с огненными глазами, черной собаки из Ада, ревущих медведей, драконов, диких плотоядных лошадей, зеленых ангелов, жаб, мух и др. [1. P. 157–191]. У каждого представленного в списке образа обнаруживается сильная связь не только с лесом, но и со смертью. Так, образ диких плотоядных коней имеет аналог в английском фольклоре и указывает на коней-оборотней, или келпи, живущих в лесных водоемах – реках и озерах. Они караулят потерявшихся в лесу детей и предлагают им прокатиться на них, а когда те садятся на их спину, уволакивают детей под воду и там съедают [19]. Черная собака в английском фольклоре является отсылкой к дикой охоте, а также служит персонификацией душ умерших, призраков [18. P. 135–136]. Такие животные, как кошки, лягушки и жабы, по мнению К. Бригс, связаны с эльфами, т.е. лесными духами своего собственного рода с весьма недобрым характером [19]. Дракон и его Образ в Англии в первую очередь связан со змеем, который довольно часто является автарой демона или Дьявола [21]. Важное значение имеет и цвет животных – зеленый, который является эльфийским, и указывает на смерть и лес [21; 22. P. 283–305; 23. С. 117–139]. Интересно, что большая часть этих существ так или иначе связана с водой, однако прямых указаний на какой-либо водоем в тексте нет, но тенденция интересная, хотя истоки ее не до конца понятны. Представленные сюжеты показывают, что у большинства образов из видений Томаса Дарлинга существуют фольклорные или сказочные аналоги с определенным содержанием и значением. Тем самым, одержимые использовали некие общие для английского позднесредневекового общества

смыслы, закодированные в этих образах и персонажах, что создавало особый эффект при прочтении и пересказе истории Томаса Дарлинга, находившей искренний отклик в сердцах людей.

Подводя итог проведенному анализу позднесредневековых рассказов об одержимости, стоит отметить, что данные тексты и отдельные его части можно рассматривать как сказочные сюжеты. В текстах об одержимости обнаруживается определенное структурное и содержательное единообразие, подобное по своему характеру единообразной структуре волшебной сказки, что особенно ярко проявляется в начальной и заключительной частях памфлетов. Анализ текста памфлета позволил выявить в его структуре новые черты: совмещение в одном тексте концептов и понятий разных культурных сред – народной и элитарной, сведение в тексте памфлета агиографических и фольклорных сюжетов, а также своеобразное сращивание двух кругов ходов в начальной части повествования. Рассмотрение одержимости сквозь призму выводов В.Я. Проппа относительно исторических корней волшебной сказки и семантического значения отдельных элементов сказочных нарративов позволило сделать вывод о ритуальной природе явления одержимости, ее генетической связи с фольклорным, мифологическим наследием Британских островов. Большая часть образов и сюжетов, описанных в истории Томаса Дарлинга, имеют отсылку к английскому фольклору, и могут быть проинтерпретированы как маркеры проведения обряда инициации, или посвящения, который, в свою очередь, может пониматься как временная смерть, а избавление от одержимости в этом контексте означает возрождение, возвращение к жизни.

В целом явление одержимости стоит понимать как реликтовый обряд или ритуал, изначальное значение которого позднесредневековая английская культура утратила, но продолжала транслировать его из поколения в поколение. Однако онае читала его по-новому, изменив оценку и восприятие, что наиболее ярко выразилось в понимании роли ведьмы, которая из дарителя и проводника в массовом сознании превратилась во вредителя. Метод В.Я. Проппа применительно к памфлетам об одержимости оказался весьма результативным, и представленные в работе выводы формируют новый образ явления. Вместе с тем полученный материал не является окончательным и изучение рассказов об одержимости, подобно сказочному нарративу, в будущем может дать еще множество новых, ранее неизвестных фактов относительно этого явления и его понимания в период позднего Средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

1. I. D. A true report of the strange torments of Thomas Darling, a boy of thirteen years of age that was possessed by the devil, with his horrible fits and terrible apparitions by him uttered at Burton upon Trent, in the county of Stafford and of his marvelous deliverance. London, 1597 // Almond Philip C. Demonic Possession and Exorcism in Early Modern England: Contemporary Texts and their cultural context. 2004. P. 155–191. URL: http://faculty.history.wisc.edu/sommerville/367/J.D.%20Wonderful.htm
2. Игина Ю.Ф. Ведовство и ведьмы в Англии: антропология зла. СПб., 2009.
3. Sharpe J.A. Instruments of Darkness: Witchcraft in England 1550–1750. London : Hamish Hamilton, 1996.
4. Gibson M. Reading witchcraft. London ; New York, 1999.
5. Крылова Д.Д. Английский позднесредневековый памфлет об одержимости как исторический источник // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 409. С. 91–98.
6. Kapferer J.-N. Rumors: Uses, Interpretations and Images. 1987. Trans. Bruce Fink. New Brunswick ; London : Transaction Publishers, 1990.
7. Тогоева О.И. «Истинная правда»: языки средневекового правосудия. М., 2006.
8. Тогоева О.И. Сказка о Синей Бороде, или Две жизни Жиля де Ре // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 2003. Вып. 5. С. 254–294.
9. Роббинс Р.Х. Энциклопедия колдовства и демонологии. М., 1996.
10. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М., 2001.
11. Неклюдов С.Ю. Структура волшебной сказки. Традиция–текст–фольклор. М., 2001.
12. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2000.
13. Aarne A., Thompson S. Types of Folktale. Helsinki, 1961.
14. Almond Philip C. Demonic Possession and Exorcism in Early Modern England: Contemporary Texts and their cultural context. 2004.
15. Sands Kathleen R. Demon Possession in Elizabethan England. 2004.
16. Tamm Marek. Saints and the demoniacs: exorcistic rites in medieval Europe (11th–13th century) // Folklore 23. 2003. P. 7–17.
17. Важдаев В. Сказки английского народа // Английские народные сказки. М., 1957. С. 3–10.
18. Briggs K. British Folk Tales and Legend. N.Y., 2003.
19. Бриггс К. Эльфы в традиции и культуре / пер. С.М. Печкин. Нешер ; Иерусалим, 1998–2007. URL: http://pechkin.rinet.ru/x/smp/xlat/Briggs_KM/FITAL/kmb_fital_0_1_acknowledgments.html
20. Кельтская мифология : энциклопедия. М. : Эскмо, 2002. URL: http://royallib.com/read/sbornik_entsiklopediya/keltskaya_mifologiya.html#0
21. Бриггс К. Эльфийский словарь / пер. С.М. Печкин. Нешер ; Иерусалим, 1998–2000. URL: http://www.docme.ru/doc/336381/katarin-briggs-e-l._fijskij-slovar._---darksign.domoj
22. Wilby Emma. The Witch's Familiar and the Fairy in Early Modern England and Scotland // Folklore 111. 2000. P. 283–305.
23. Пастуро М. Символическая история европейского средневековья. СПб., 2012.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 апреля 2017 г.

THE STORY OF POSSESSION AS A FAIRY TALE NARRATIVE. V. PROPP'S METHODOLOGY IN THE RESEARCH OF EARLY MODERN ENGLISH PAMPHLETS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 96–104.
DOI: 10.17223/15617793/420/13

Diana D. Krylova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: diana.krylova90@mail.ru

Keywords: possession; pamphlets; cultural beliefs in the supernatural; England; 16th–17th centuries; fairy tale narrative; structure analysis; V. Propp.

The article raises the problem of interpretation and analysis of accounts about possession presented on the pages of early modern English pamphlets. The story of Thomas Darling is analyzed as a typical plot of English early modern popular literature. The genre of pamphleteering literature and its characteristics are considered. The structure of texts about possession is uniform. The content of pamphlets is influenced by folklore. O.I. Togoeva's experience in the analysis of the narratives of the prosecution at the trial of Gilles de Rais with the methodology of Vladimir Propp is studied. She defined testimony as a fairy tale narrative. She discovered elements of a fairy tale in the narratives of the prosecution that indicate the rite of initiation, ancient stories about forest spirits, etc. The story about possession is analyzed as the narrative of the prosecution. The significance of stories about possession is determined using the method of structural analysis of fairy tales by Vladimir Propp, his conclusions regarding historical roots of the basic elements of a fairy tale, as well as the classification of fairy plots by A. Aarne and S. Thompson, on the example of the history of Thomas Darling. There were three levels of analysis: 1) plot; 2) structure; 3) image. Stories about possession comply with the classification of Aarne-Thompson: the plots of the "innocent persecuted", "in the power of the forest demons", the "supernatural adversary" type, etc. The structure of stories about possession is similar to the structure of a fairy tale. Stories about possession comply with the initial and final circle of moves of a fairy tale. A hagiographic story about exorcisms by the saints was discovered in a pamphlet. Two narratives merge in the story about possession: 1) people about being bewitched; 2) the intellectual about possession. There are two types of characters: the victim and the savior. Two circles of moves overlap in the first part of the pamphlet. One person combines functions of two characters: the witch as a pest / giver, the possessed as a hero / victim, possession as a trouble / gift, etc. The story about possession is a form of preservation of oral fairy tale heritage. Elements of the narrative about possession are a reflection of relic ritual practices. Possession is a rite of initiation or a temporary death. Images and personalities in stories about possession are folk and mythical characters. These images are connected with themes of death and rebirth, change of seasons, etc. Possession is an ancient ritual, the culture lost its original meaning, but continued to use it interpreting it in a new way, changing its evaluation and perception. A conclusion is made about the efficiency of application of Propp's methodology to the materials of the late medieval pamphlets and the importance of its further use in order to obtain new information about the phenomenon.

REFERENCES

1. I.D. (2004) A true report of the strange torments of Thomas Darling, a boy of thirteen years of age that was possessed by the devil, with his horrible fits and terrible apparitions by him uttered at Burton upon Trent, in the county of Stafford and of his marvelous deliverance. London, 1597. In: Almond, Ph.C. *Demonic Possession and Exorcism in Early Modern England: Contemporary Texts and their cultural context*. [Online] Available from: http://faculty.history.wisc.edu/sommerville/367/J.D.%20Wonderful.htm.
2. Igina, Yu.F. (2009) *Vedovstvo i ved'my v Anglii: antropologiya zla* [Witchcraft and witches in England: anthropology of evil]. St. Petersburg: Aleteyya.
3. Sharpe, J.A. (1996) *Instruments of Darkness: Witchcraft in England 1550–1750*. London: Hamish Hamilton.
4. Gibson, M. (1999) *Reading witchcraft*. London; New York: Routledge Press.
5. Krylova, D.D. (2016) English early modern pamphlets about possession as historical sources. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State Universtiy Journal*. 409. pp. 91–98. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/409/14
6. Kapferer, J.-N. (1987) *Rumors: Uses, Interpretations and Images*. New Brunswick; London: Transaction Publishers.
7. Togoeva, O.I. (2006) *"Istinnaya pravda": yazyki srednevekovogo pravosudiya* ["Real Truth": languages of medieval justice]. Moscow: Nauka.
8. Togoeva, O.I. (2003) Skazka o Siney Borode, ili dve zhizni Zhilya de Re [Tale of the Bluebeard, or two lives of Gilles de Rais]. *Kazus: Individual'noe i unikal'noe v istorii*. 5. pp. 254–294.
9. Robbins, R.H. (1996) *Entsiklopediya koldovstva i demonologii* [Encyclopedia of witchcraft and demonology]. Translated from English. Moscow: Lokid; MIF.
10. Propp, V.Ya. (2001) *Morfologiya volshebnoy skazki* [Morphology of a fairy tale]. Moscow: Labirint.
11. Neklyudov, S.Yu. (2001) *Struktura volshebnoy skazki. Traditsiya–tekst–fol'klor* [The structure of a fairy tale. Tradition—text–folklore]. Moscow: RSUH.
12. Propp, V.Ya. (2000) *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [Historical roots of a fairy tale]. Moscow: Labirint.
13. Aarne, A. & Thompson, S. (1961) *Types of Folktale*. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica.
14. Almond, Ph.C. (2004) *Demonic Possession and Exorcism in Early Modern England: Contemporary Texts and their cultural context*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Sands, K.R. (2004) *Demon Possession in Elizabethan England*. Westport: Praeger.
16. Tamm, M. (2003) Saints and the demoniacs: exorcistic rites in medieval Europe (11th–13th century). *Folklore*. 23. pp. 7–17.
17. Vazhdaev, V. (1957) Skazki angliyskogo naroda [Fairy tales of the English people]. In: Shereshevskaya, N. & Klyagina-Kondrat'eva, M. (eds) *Angliyskie narodnye skazki* [English folk tales]. Translated from English. Moscow: Goslitizdat.
18. Briggs, K. (2003) *British Folk Tales and Legends*. A sampler. New York: Routledge Classics.
19. Briggs, K. (1998–2007) *El'fy v traditsii i kul'ture* [Elves in Tradition and Culture]. Translated from English by S.M. Pechkin. [Online] Available from: http://pechkin.rinet.ru/x/smp/xlat/ Briggs_KM/FITAL/kmb_fital_0_1_acknowledgments.html.
20. Anon. (2002) *Kel'tskaya mifologiya: entsiklopediya* [Celtic mythology: encyclopedia]. Moscow: Eskmo. [Online] Available from: http://royallib.com/read/sbornik_entsiklopediya/keltskaya_mifologiya.html#0.
21. Briggs, K. (1998–2000) *El'fiyskiy slovar'* [Elvish Dictionary]. Translated from English by S.M. Pechkin. [Online] Available from: http://www.docme.ru/doc/336381/katarin-briggs-e-l._fijskij-slovar._—darksign.domoj.
22. Wilby, E. (2000) The Witch's Familiar and the Fairy in Early Modern England and Scotland. *Folklore*. 111. pp. 283–305.
23. Pasturo, M. (2012) *Simvolicheskaya istoriya evropeyskogo srednevekov'ya* [Symbolic history of the European Middle Ages]. Translated from French by E. Reshetnikova. St. Petersburg: Aleksandriya.

Received: 30 April 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 105–107. DOI: 10.17223/15617793/420/14

УДК 93

Я.С. Мариненко

ТЕНДЕНЦИЯ АРХАИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В СВЕТЕ АКЦИЙ АЛЕКСАНДРА БРЕНЕРА И PUSSY RIOT

Исследуются особенности проявления архаизации современного российского общества на примере анализа двух акций: перформанса Александра Бренера «Убить постмодерниста» в Елоховском соборе 1995 г. и панк-молебна Pussy Riot «Богородица, Путина прогони!» в Храме Христа Спасителя 2012 г. Делается вывод о распространении процесса архаизации социального дискурса, нашедшего отражение, в частности, в реакции общества, государства и Русской Православной Церкви на акты современного искусства.

Ключевые слова: перформанс; акция; молебен; архаизация.

«Возвращение к прошлому, в том числе архаическому, можно назвать универсальным социальным механизмом, присущим практически всем обществам на протяжении всей их истории» [1. С. 35]. В России за последние годы особое распространение получила тенденция архаизации, которая выражает себя как социальный процесс со своей специфической природой. Проявление данного процесса находит отражение в одной из наиболее остро воспринимаемых и неоднозначных сфер общественной жизни – в современном искусстве и реакции на него.

В данной работе осуществляется сравнительно-исторический анализ двух достаточно известных и показательных перформансов российского акционизма периода 1990–2000-х гг., позволяющих проследить рассматриваемую тенденцию. В качестве базовой предпосылки выдвигается тезис о распространяющейся в последние годы архаизации российского общественного сознания, нашедшей отражение в острой и болезненной реакции православной церкви, власти и общества на некоторые проявления современного искусства.

Под архаизационными тенденциями подразумевается направленность и стремление общества к архаическому социокультурному опыту, что проявляется в разных по формам ориентациях на архаические социальные практики и культурные смыслы, возникающие в условиях социальных изменений. Архаизационные изменения являются универсальным механизмом, позволяющим обществу сохранять идентичность и социальный порядок в кризисных условиях [2. С. 9]. Таким образом, одной из причин тенденции архаизации является распространение в обществе кризисного самочувствия.

В качестве объектов исследования данной статьи послужат два перформанса, которые позволят проследить процесс распространения архаизации внутри российского общества в хронологическом аспекте.

Хронологически первой из рассматриваемых нами акций стал жест Александра Бренера, который был совершен в 1995 году и получил название «Убить постмодерниста». Во время службы в Елоховском соборе художник неожиданно подбежал к алтарю и стал скандировать: «Чечня! Чечня!». Как позже объяснил акционист, этим жестом он пытался предложить себя прихожанам в качестве Иисуса Христа. Многие считают, что именно с этого момента у современного искусства начались проблемы с православной общественностью [3].

На сайте, посвященном хронике протестного искусства, говорится о том, что многие приняли Бренера в церкви за очередного юродивого. «Но это только домыслы. На самом деле служители церкви вызвали милицию, и Бренера отвезли в участок». Он мог стать героем, но не стал из-за либерализма ельцинской власти. Его отпустили тогда под мое поручительство через несколько часов, – утверждает галерист Марат Гельман.

Таким образом, площадкой для выражения своей позиции в отношении актуальнейшей на тот момент проблемы российский акционист выбрал храм как помещение с максимальной концентрацией сакрального. Отметим также, что временем для своего «вторжения» Бренер избрал момент литургии.

Александр Бренер как «классик» отечественного акционизма стал одной из «икон» для девушек из феминистской панк-группы Pussy Riot. Гельман считает, что свою самую громкую акцию они сделали буквально по его «следам» в Елоховском соборе, причем они сами подчеркивали эту преемственность. Речь идет о панк-молебне «Богородица, Путина прогони!», который был совершен 21 февраля 2012 г. в Храме Христа Спасителя. В этот день 5 девушек в ярких платьях и балаклавах вошли на территорию главного храма страны, взобрались на амвон (на который, согласно христианской догматике, женщинам вход запрещен) и течение нескольких минут пели так называемый панк-молебен «Богородица, Путина прогони!». В сравнении с акцией 1995 г. феминистки исполнили свою акцию не во время литургии, на тот момент в храме не совершались вообще какие-либо богослужения. Текст панк-молебна содержал в себе призыв к Богородице прогнать еще не избранного на тот момент нынешнего президента РФ. Кроме того, девушки указывали на слияние государственной и церковной власти, а также на слепое повиновение прихожан воле политиков и русского патриархата.

Оценки, данные последней акции, были различны – от восторга до отвращения, от стремления подарить девушкам все премии мира до желания закидать их камнями. Есть и оценка судебного приговора: трем участницам Pussy Riot Хамовнический суд Москвы дал два года колонии общего режима по статье «Хулиганство по мотивам религиозной ненависти».

За этим решением последовали бурная реакция общества, дискуссия в СМИ и социальных сетях, а также жесткая позиция власти, в частности, президен-

та нашего государства (прогнать которого девушки просили Богородицу в своем панк-молебне). Вот что говорил в интервью В.В. Путин после оглашения приговора участницам Pussy Riot: «На самом деле правильно, что их арестовали, и правильно сделали, что суд у нас такое решение принял. Потому что нельзя подрывать основы морали, нравственности, разрушать страну. Мы с чем останемся тогда?». Они «докатили до суда, а суд залепил им двушечку. Я здесь ни при чем. Они этого хотели, они это получили» [4].

Таким образом, девушки – участницы акции были осуждены на 2 года тюремного заключения, а сам казус по масштабу своего влияния на общественное сознание россиян превзошел все предшествовавшие ему схожие представления, в том числе во многом идентичный перформанс в Елоховском соборе 1995 г.

Марат Гельман, сравнивая судьбу Бренера, акциониста «первой волны», и судьбу Pussy Riot, акционистов «второй» волны, приходит к выводу о «здоровье» общества 1990-х и «болезни» общества 2010-х: «Сравните акцию Pussy Riot с акциями Александра Бренера в 1990-х. Бренер на Лобном месте вызывал Ельцина на бой. Его забрали в кутузку и наутро выпустили. Когда шла вторая Чеченская война, он ворвался в Елоховский собор, срывал с себя одежды, переворачивал стулья, кричал: «Чечня, Чечня». Ущерб от него был гораздо больше, чем от Pussy Riot. Его снова забрали – оштрафовали на 500 рублей. Сегодня об этом почти никто не помнит, а о Pussy Riot знает весь мир, при том, что художественные жесты были практически идентичны. Так *что художники проверяют состояние общества* – при Бренере оно оказалось здоровым и правильно отреагировало на его акции, а сейчас общество и власть в первую очередь не здоровы» [5].

Следует обратить внимание на то, что именно казус Pussy Riot стал важным символом, обозначившим начавшийся с третьим президентским сроком Владимира Путина процесс архаизации общественного дискурса. Факт наличия в обвинительном заключении по делу ссылок на решения Трульского (VII в.) и Лаодикийского (IV в.) соборов выглядел как абсурдная деталь, давшая повод для сарказма. Однако по сути это был лишь один из маячков глубокого и серьезного процесса архаизации общественного сознания, определенно набравшего обороты в России за последние годы. Этот процесс проявляется в разных формах. Это и постоянные апелляции власти к «духовным скрепам» и поиски ею все новых «сакральных мест». Это и законы об «оскорблении чувств», которые уже дают работу судам. Это и «мироточение» разнообразных неживых объектов, которое становится предметом общественного обсуждения. Это и вытеснение в нынешнем дискурсе власти разговоров о реформах концептом «славного прошлого». Признаков архаизации много. И неверно ее рассматривать только как манипулятивную стратегию власти. Как кажется, речь идет о серьезном срыве общественного сознания, реагирующего таким образом на стресс постсоветского транзита.

Примечательно, что в этом смысле панк-молебен Pussy Riot сумел угодить в важную и болезненную точку и ярко обнажить наметившуюся тенденцию общественного сознания. Слова художника и галериста Марата Гельмана о «здоровье» общества 1990-х и «нездоровье» общества 2000-х можно трактовать и в аспекте распространяющегося в последние годы процесса архаизации. Данная проблема есть предмет для изучения, в том числе учеными-историками, поскольку в связи с данной тенденцией имеет ряд важных последствий. Стремление найти как можно больше «сакральных мест», «духовных скреп», оскорбления чьих-либо чувств (в первую очередь, верующих людей) приводит к столкновению между различными социальными группами, недоверию к власти со стороны общества, антиконституционному альянсу православной церкви и государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ламаджаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций // Гуманитарные науки: теория и методология. 2011. Вып. № 3. С. 35–42.
2. Ламажаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций (социально-философский анализ тувинского феномена) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2011. 41 с.
3. Pussy Riot: искусство или политика? // Look at me. М., 2012. URL: http://www.lookatme.ru/mag/archive/experience-interview/159845-hlystom-i-pryanikom (дата обращения: 09.04.2017).
4. Путин о Pussy Riot: «Суд залепил им двушечку. Я здесь ни при чем». URL: http://newizv.ru/news/society/07-10-2012/170998-putin-o-pussy-riot-sud-zalepil-im-dvushechku-ja-zdes-ni-pri-chem.html?format=html&slug_for_redirect=lenta%2F2012-10-07%2F170998-putin-o-pussy-riot-sud-zalepil-im-dvushechku-ja-zdes-ni-pri-chem (дата обращения: 09.04.2017).
5. Исторический фон и сериальность антивоенных акций Бренера // Запрещенное искусство. URL: http://artprotest.org/cgi-bin/news.pl?id=3324 (дата обращения: 09.04.2017).

Статья представлена научной редакцией «История» 2 мая 2017 г.

THE TENDENCY OF ARCHAIZATION OF THE RUSSIAN PUBLIC CONSCIOUSNESS ON THE EXAMPLE OF ACTIONS OF ALEXANDER BRENER AND PUSSY RIOT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 105–107.
DOI: 10.17223/15617793/420/14

Yana S. Marinenko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: janemarin@mail.ru

Keywords: performance; action; prayer; archaization.

The purpose of the paper is to highlight the features of the manifestation of the archaization of modern Russian society by the example of two Russian actions – the performance of Alexander Brener at the Elokhov Cathedral in 1995 and the punk-prayer of the feminist group Pussy Riot in the Cathedral of Christ the Savior in 2012. One of the problematic questions the author answers in this paper is why two similar actions that took place in one country, but in different time intervals, gave rise to such different reactions

from both the state and society? To solve the problem, the following tasks were set. It was necessary to identify the markers that predetermined the result of the performance in the Cathedral of Christ the Savior, to reflect the reasons why Alexander Brener's gesture turned out to be almost unnoticed in public circles and the punk-prayer of the feminists became known all over the world. In addition, one of the main tasks of this paper was reflection on specific examples of the archaization of Russian public discourse which took the most radical forms in the course of Putin's third presidential term. The source of this paper is Pussy Riot's punk-prayer service in the church, Brener's action in the Elokhov Cathedral and the reaction of the state authorities, the church and society to them. In the course of the study, it was concluded that Pussy Riot's punk-prayer managed to hit an important and painful point of the all-Russian historical discourse, to brightly reveal the emerging trend of social consciousness and, thus, cause a powerful social resonance. Performance in the Elokhov Cathedral did not cause such an effect, and the words of the famous artist and gallery owner Marat Gelman about the "health" of the society of the 1990s and the "ill health" of the society of the 2000s in this context can also be interpreted in the aspect of the archaization process that has spread in recent years. Specific signs of social discourse archaization were also noted. These are constant appeals of the authorities to the "spiritual bonds" and their search for new "sacred places". These are laws about "insulting the feelings", which give work to courts. This is a variety of inanimate objects "crying oil", which becomes a subject of public discussion. This is the repression in the modern discourse of power of the talk about reforms by the concept of the "glorious past". The study of such problems is important, especially by historians. These trends imply a number of important implications for modern Russian society. The desire to find a lot of "sacred places", insults of people's feelings (especially people who believe in God) lead to a clash between different social groups, the distrust to the authorities from society, anti-constitutional merging of the Orthodox Church and the state.

REFERENCES

1. Lamadzhaa, Ch.K. (2011) Arkhaizatsiya obshchestva v period sotsial'nykh transformatsiy [Archaization of society in the period of social transformations]. *Gumanitarnye nauki: teoriya i metodologiya*. 3. pp. 35–42.
2. Lamazhaa, Ch.K. (2011) *Arkhaizatsiya obshchestva v period sotsial'nykh transformatsiy (sotsial'no-filosofskiy analiz tuvinskogo fenomena)* [Archaization of society in the period of social transformations (socio-philosophical analysis of the Tuvan phenomenon)]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Moscow.
3. Look at me. (2012) Pussy Riot: iskusstvo ili politika? [Pussy Riot: art or politics?]. [Online] Available from: http://www.lookatme.ru/mag/archive/experience-interview/159845-hlystom-i-pryanikom. (Accessed: 09.04.2017).
4. Newizv.ru. (2012) *Putin o Pussy Riot: "Sud zalepil im dvushechku. Ya zdes' ni pri chem"* [Putin about Pussy Riot: "The court has closed them for a little bit. I have nothing to do with it."]. [Online] Available from: http://newizv.ru/news/society/07-10-2012/170998-putin-o-pussy-riot-sud-zalepil-im-dvushechku-ja-zdes-ni-pri-chem.html?format=html&slug_for_redirect=lenta%2F2012-10-07%2F170998-putin-o-pussy-riot-sud-zalepil-im-dvushechku-ja-zdes-ni-pri-chem. (Accessed: 09.04.2017).
5. Artprotest.org. (1995) *Istoricheskiy fon i serial'nost' antivoennykh aktsiy Brenera* [Historical background and seriality of the anti-war actions of Brener]. [Online] Available from: http://artprotest.org/cgi-bin/news.pl?id=3324. (Accessed: 09.04.2017).

Received: 02 May 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 108–118. DOI: 10.17223/15617793/420/15

УДК 94(470)19

Д.А. Пинаева

«ПОМНИ: НУЖНО МНОГО ЗНАТЬ, ЧТОБЫ СТРАНЕ ПОЛЕЗНЫМ СТАТЬ!»: О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НАУКИ В СССР (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»)

Публикация осуществлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта № 15-11-16004

Рассматривается деятельность Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (с 1963 г. – общество «Знание») как одной из основных просветительских организаций СССР второй половины XX века. Показана эволюция организационной структуры Общества, виды и масштабы его деятельности. Указано, что наряду с успехами, в деле организации научного просвещения в СССР были серьезные объективные и субъективные недостатки. Отсутствие самостоятельности в деятельности Общества, идеологическая ангажированность большинства просветительских мероприятий порождали системные проблемы, справиться с которыми Общество было не в силах.

Ключевые слова: популяризация науки; научное просвещение; пропаганда знаний; общество «Знание»; лекционная пропаганда.

Переход к инновационной модели развития во многом определяется тем, насколько сформировано инновационное сознание общества, ключевой характеристикой которого является ориентация на ценность научной и инновационной деятельности. Важным фактором динамики науки, призванным обеспечить условия функционирования инновационной модели развития, является эффективная система научного просвещения, популяризация науки.

Популяризация науки – это процесс распространения научных знаний в доступной и интересной форме среди широкого круга людей [1. С. 5]. Научное просвещение широких масс крайне важно, поскольку в обществе, в котором не формируется запрос на новые знания, не формируется психологический климат, при котором овладение новыми знаниями становится потребностью для каждого человека, постепенно истощается интеллектуальный и инновационный потенциал. По мнению нобелевского лауреата, академика В.Л. Гинзбурга, «…важно создать устойчивый общественный интерес, я бы даже сказал “общественный энтузиазм”, если не по поводу науки в целом, то хотя бы в отношении тех направлений, где у нас есть шансы быть в числе мировых лидеров» [2. С. 10].

В современной России проблема сохранения и развития интеллектуального потенциала является одной из ключевых. В 2011 г. ВЦИОМ опубликовал данные опроса 1 600 россиян, целью которого было выявление научных заблуждений. Оказалось, что 55% россиян считают, что радиоактивность – исключительно дело рук человеческих, а треть опрошенных уверена, что Солнце вращается вокруг Земли (причем с 2007 г. число таких респондентов выросло с 28 до 32%) [3].

Создание эффективной модели научной популяризации – задача чрезвычайно сложная. Необходим поиск эффективных форм взаимодействия науки и общества, создание теоретической модели научной коммуникации, определение соотношения научного и популярного в различных формах просветительской деятельности, определение того, кто должен быть популяризатором: ученый или посредник (например, журналист), и еще целый ряд вопросов, от которых зависит качество научного просвещения. В модели научного просвещения должны быть сконструированы эффективные коммуникации между научным сообществом, являющимся генератором и носителем знаний, заинтересованными группами (в первую очередь, государством, задачей которого является сохранение и развитие интеллектуального потенциала) и СМИ, являющимися на сегодняшний день основным проводником знаний (или заблуждений) широких масс. С.М. Медведевой предложена пятиступенчатая модель научной коммуникации: этап генерации идеи (этап ученого), продвижения идеи внутри научных кругов (этап научного сообщества), этап заинтересованных групп (коммуникация ученых с государством, бизнесом), этап популярной науки (продвижение научных идей в массовой культуре) и этап художественного творчества, когда предметом коммуникации становятся не знания, а миф о науке [4. С. 278]. На наш взгляд, наиболее существенным в процессе популяризации науки является вопрос осуществления качественного перехода научного знания от узких специалистов (научного сообщества) к широким массам, не имеющим специальных знаний, а соответственно, и возможностей самим разобраться в сложных научных проблемах. Важной проблемой является разработка системы оценки качества научно-просветительских мероприятий и текстов для определения того, насколько научные знания в популярной форме сохранили свою научную ценность, насколько правильно формируется образ научной деятельности в сознании масс. Недопустима ситуация, при которой люди начинают считать, что они способны разобраться в сложнейших проблемах науки на основании просмотра двух-трех популярных фильмов или прочтения пары заметок в популярных журналах [5. С. 29].

При разработке системы научного просвещения в современной России, как минимум, необходимо изучить опыт СССР в создании единой, институционально развитой системы научного просвещения, получившей окончательное оформление во второй половине XX в.

В СССР мобилизационная модель развития общества породила особую модель научной популяризации, в основе которой лежала идея тотального про-

свещения [6. С. 112]. Во второй половине XX в. своеобразным коммуникатором между властью, научным сообществом и широкими массами стало Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний (с 1963 г. – общество «Знание»), координировавшее деятельность практически всех просветительских объединений страны.

Задачей данной статьи является изучение деятельности общества «Знание» как популяризатора науки в СССР на предмет анализа эффективности этой деятельности, выявления ее сильных и слабых сторон. В целях подтверждения выводов автора в статье использован большой массив документов из архивов Республики Татарстан. В значительной степени деятельность Общества исследована на примере этого региона. Вместе с тем приведены данные по другим регионам и Союзным республикам СССР, что свидетельствует о типичном для всей страны характере исследуемых процессов.

Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний – крупнейшая в СССР и не имевшая аналогов в мире пропагандистско-просветительская структура – была создана в 1947 г. Считается, что инициаторами его создания выступили известные в стране ученые и деятели искусства: поэт К. Симонов, балерина Г. Уланова, физик Н. Бруевич, геолог К. Сатпаев, экономист Е. Варга, историк Е. Тарле и др. [7. С. 32]. В число учредителей Общества вошли Академия наук СССР, Академии наук Союзных республик, университеты, Всесоюзное географическое общество, ВЦСПС, Министерство высшего образования СССР и др., что говорит о масштабах деятельности Всесоюзного общества и его значении.

Вместе с тем подробное изучение документов, характеризующих этап создания Общества, говорит о том, что научная общественность выполняла партийно-государственный заказ на мобилизацию населения страны к выполнению масштабных планов послевоенной модернизации [8]. Даже фигура Сергея Ивановича Вавилова в качестве первого Председателя Общества не случайна. В секретной справке Наркомата государственной безопасности СССР о научной и общественной деятельности действительных членов Академии наук СССР от 8 июля 1945 г. говорилось: «…По специальности Вавилов – физик. Автор широко известных научных работ по флюоресценции (создал теорию), по изучению природы света. Автор многих книг и переводов (труды Ньютона). Участник международных конгрессов. Политически настроен лояльно <…> Вавилов обладает организационными способностями и находится в хороших взаимоотношениях с большинством ученых Академии наук СССР и пользуется у них авторитетом. В обращении прост, в быту скромен.

Вавилов сейчас находится в расцвете своих творческих сил и ведет лично научно-исследовательские работы. Имеет крупных учеников и последователей. Известен в СССР и за границей.

Брат Вавилова С.И. – Вавилов Николай Иванович – генетик, в 1940 г. был арестован и осужден на 15 лет за вредительство в сельском хозяйстве. Находясь в Саратовской тюрьме, в январе 1943 г. умер» [9. С. 162–163]. Как известно, 17 июля 1945 г. С.И. Вавилов был избран Президентом АН СССР, а в 1947 г. возглавил Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Думается, что сплотить широкие круги в основном беспартийной интеллигенции под эгидой научного просветительства могла только фигура с безупречной научной и общественной репутацией.

Государство всячески способствовало совершенствованию материально-технической базы Общества, с помощью которого решались сразу две важные задачи: распространение новых знаний, формирование позитивного облика советской (российской) науки, а также осуществление контроля над беспартийной в большинстве своем интеллигенции. Постановлением Совета Министров СССР № 4032 от 16 декабря 1947 г. «О мерах помощи Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний» Обществу были переданы: Центральный лекторий, Политехнический музей, Центральная политехническая библиотека в Москве, Центральная станция юных техников, Московский дом техники. Советы Министров Союзных республик обязывались закрепить за Обществом лучшие аудитории для проведения лекций, выставок и других мероприятий. Доходы от публичных лекций и других научных и просветительских мероприятий не облагались налогом. Обществу выделялись значительные средства на закупку новейшей импортной кино-радио-фотоаппаратуры. Министерство машиностроения и приборостроения, легкой промышленности и еще более десятка министерств союзного значения обязывались изготовить по заказу Общества оборудование для технического оснащения лекционных залов, библиотек, выставок, аудиторий [10. С. 32].

Довольно быстро отделения Общества появились в Союзных республиках и регионах РСФСР. Уже к началу июля 1947 г. были созданы оргкомитеты в 14 Союзных республиках и семь отделений общества в крупнейших городах РСФСР [11. С. 45].

Показательны цифры, характеризующие деятельность Общества: за первые полгода существования количество действительных членов Общества увеличилось почти в пять раз, с 1 414 в июле 1947 г. до 6 000 человек в январе 1948 г. [12. С. 10]. Качественный состав лекторов говорит о том, что Общество на начальном этапе своего развития было объединением научных работников. Так, в 1947 г. в рядах Общества находилось 17% академиков и членов-корреспондентов Академии наук, 30% докторов наук и профессоров, 27% кандидатов наук [Там же. С. 22]. За первые полгода работы Обществом было организовано 5 500 лекций, опубликовано 66 брошюр-стенограмм прочитанных лекций общим тиражом более 6,5 млн экз. [11. С. 50–51]. Действительные члены Всесоюзного общества приняли участие в создании серии короткометражных фильмов «Рассказы о великом плане», «Над чем работают советские ученые», «Наша Родина – путешествие по СССР» и др., которые рассказывали о достижениях советских ученых в области науки и техники, знакомили зрителей с обычаями и традициями разных народов, населявших

СССР. С января 1948 г. печатным органом Общества стал научно-популярный журнал «Наука и жизнь», основанный еще в 1890 г. Была расширена программа журнала, в котором наряду с естествознанием и техникой начинают освещаться вопросы социально-экономических наук. Кроме того, в журнале были созданы новые рубрики: «В помощь лектору» и «Ответы на вопросы слушателей лекций» [13. Л. 6].

Несмотря на успехи в просветительской работе, уже в 1949 г. организационная структура общества претерпела изменения, целью которых было массовое вовлечение интеллигенции в ряды Общества. Организационная структура Общества была дополнена городскими и районными отделениями, а также первичными организациями [14. С. 193–197]. Городские и районные отделения создавались в крупных промышленных центрах, где имелась возможность дополнительно привлечь в члены Общества квалифицированную интеллигенцию. Первичные организации образовывались в высших учебных заведениях, НИИ и опытных станциях, в общественных и государственных учреждениях, на крупных заводах и фабриках.

В 1957 г. Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний были переданы функции органов Министерства культуры по проведению лекционной пропаганды [15. С. 86–88]. Таким образом исключался параллелизм в работе и повышалась значимость общественных институтов, что было характерно для второй половины 1950-х гг.

В целом к концу 1950-х гг. организационная структура Общества была сформирована. Вся его деятельность (см. схему) сводилась к трем основным видам работы: лекционная, издательская и справочно-библиографическая.

Отдельно необходимо отметить институт народных университетов, который возник на основе лекционных циклов по актуальным проблемам науки и в создании которого Общество выступило одним из учредителей [16].

Вся работа по направленности и содержанию научного просвещения осуществлялась научно-методическими советами, которые разрабатывали планы лекционных циклов и редакционно-издательской деятельности.

В состав общества «Знание» в 1977 г. в качестве коллективных членов входили 23 научно-технических общества СССР, 23 Всесоюзных медицинских общества, Всесоюзное астрономо-геодезическое общество, Московское общество испытателей природы, Всесоюзное общество филателистов, Союз писателей СССР, Союз композиторов СССР, Союз кинематографистов СССР, Союз художников СССР и др.

В целом данная система представляла собой хорошо организованный механизм научного просвещения, позволяющий осуществлять разнообразные просветительские мероприятия как целенаправленно для определенных групп населения, так и работать с широкими аудиториями. Масштабы деятельности Общества поражают воображение: в 1976 г. лекторами Общества было прочитано свыше 24 млн лекций, издательство «Знание» выпустило 758 наименований книг, журналов, брошюр тиражом около 60 млн экз. 33 серии подписных изданий-брошюр по различным отраслям знаний под общим девизом «Новое в жизни, науке и технике», вышедших в 1976 г., были изданы тиражом свыше 36,1 млн экз. [17. С. 26]. Среди наиболее популярных ежегодников издательства «Знание» необходимо назвать международный ежегодник «Наука и человечество», «Будущее науки», «Наука сегодня» и ряд других. Интересно, что даже обложки популярных журналов несли определенную эстетику, они как будто настраивали читателя на творческий поиск, пробуждали интерес к познанию. Так, над обложками одного из старейших просветительских журналов «Знание – сила» в разные периоды трудились Юрий Соболев, Эрнст Неизвестный, Илья Кабаков, Юло Соостер и Владимир Пивоваров. У журнала «Техника – молодежи» стиль обложек менялся часто, но почти всегда заслуживал внимания: в 1960-х гг. обложки журнала заполняла динамичная психоделика, в 1970-х – футуристические иллюстрации и игра с рамками.

Всесоюзным обществом «Знание» также координировалась деятельность различных кружков и секций для школьников: юных натуралистов, краеведов, моряков, автомобилистов и др.

Мощная, хорошо структурированная система научного просвещения сыграла большую роль в формировании интеллектуального потенциала СССР, способствовала развитию научно-технического прогресса, формируя в широких слоях населения идею необходимости постоянного освоения новых знаний, закрепляя в сознании людей значимость науки и научного мировоззрения как источника прогресса, в том числе, и в общественных отношениях [18].

Однако, не умаляя значение созданной во второй половине XX в. в СССР системы научного просвещения, нельзя не обратить внимание на следующие факты. Во-первых, социологические исследования, начатые, в 1960-е гг., показали, что часть населения, в большей степени молодежь, не участвовала ни в каких формах научного просвещения, более того, была враждебно к ним настроена [19. С. 34]. Во-вторых, мощная система научного просвещения практически перестала существовать сразу после распада СССР. Эти факты говорят о том, что недопустим упрощенный подход к понимаю советского проекта научного просвещения. Необходимо детальное изучение этой системы.

Как отмечалось выше, непосредственное руководство деятельностью Общества осуществлялось отделом агитации и пропаганды ВКП(б) (с 1952 г. – КПСС). Примечательно, что подготовку Учредительного собрания Общества курировал секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов [13. Оп. 1. Д. 2а. Л. 21]. Подобное руководство, с одной стороны, способствовало укреплению кадровой и материально-технической базы Общества, повышению его статуса. С другой стороны, тотальная индоктринация, осуществляемая партией посредством Общества, порождала тенденцию подмены глубокого анализа общественно-политических процессов цитированием и повторением речей руководителей ЦК КПСС и классиков марксизма-ленинизма без должного и критического их анализа. Такая ситуация затрудняла как процесс составления качественных лекций, так и делала практически бесполезным их рецензирование.

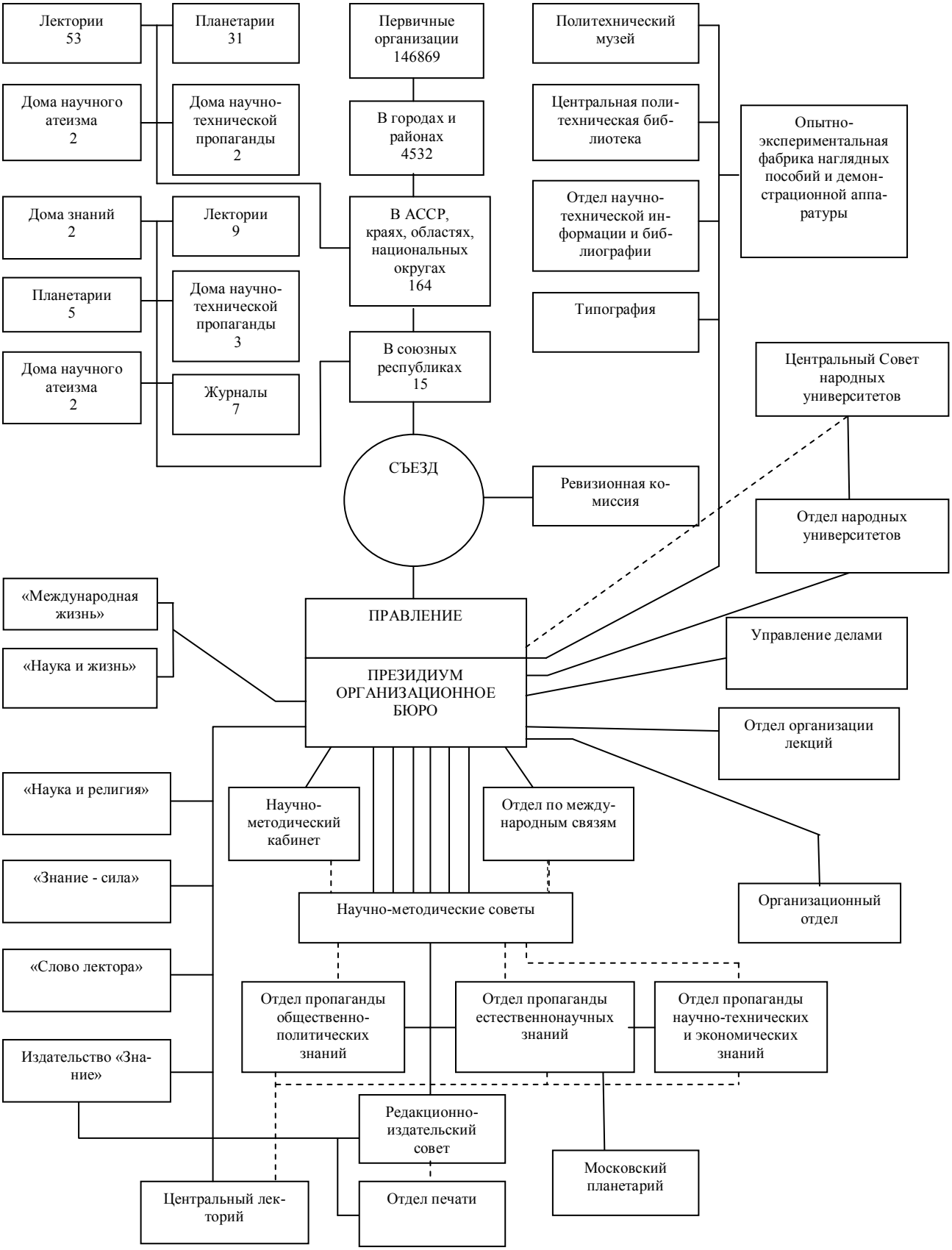

Рис. 1. Организационная структура Всесоюзного общества «Знание», 1977 г.:
сплошная линия обозначает прямое подчинение; пунктирная – научно-методическое руководство.
Составлено по: Наука и жизнь. 1977. № 5. Вкладка. С. 1

Например, в отзыве на лекции Г.М. Беспалова на тему «Международное обозрение», прочитанные в конце 1947 г., методист Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний отметил следующие недостатки: «…первая лекция читалась без достаточного анализа и обобщений. По-

чти совершенно была обойдена работа 2 сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Неверно трактовались положения о неизбежности новой войны (было доложено о нереальности войны вообще, а не в настоящее время). Во второй лекции Беспалов дал понять слушателям, что СССР владеет секретом атомной бомбы». Ответ лектора говорит о явном превалировании идеологии над наукой: «…По поводу обвинения в том, что лекция читалась без достаточного анализа и обобщения <…> я повторил все основные выводы и обобщения из доклада тов. Жданова. Что другое должен был я сделать? Интересно, что конкретно здесь имеет в виду методист? Хочет ли он этим сказать, что на моем месте поступил бы иначе? Как? Может быть, он привел бы какие-то другие выводы и обобщения, чем тов. Жданов? Какие?... Последнее обвинение заключается в том, что т. Беспалов дал понять слушателям, что СССР, якобы, владеет секретом атомной бомбы. В своей лекции я только повторил слова т. Вышинского о том, что монополия на атомную бомбу не является вечной. Ничего другого я не сказал» [13. Оп. 1. Д. 2а. Л. 12–13]. Примечательно, что идеологические установки и воззвания являлись составной частью не только лекций на общественно-политические темы, но и лекций естественнонаучного и научно-технического цикла [6. С. 109]. Кроме того, по заказу партии из года в год лекторы должны были увеличивать количество лекций на общественно-политическую тематику и посвященные решениям Партии и Правительства. С помощью Общества, которое, по задумке С.И. Вавилова, должно было стать популяризатором науки, партия создавала своего рода барьер между общественно-политическими событиями, происходившими в стране и мире, и широкой общественностью. Лекторы должны били разъяснять населению позицию СССР и капиталистических стран по поводу тех или иных событий, рассказывать о достижениях советской экономики, отвечать на сложные, злободневные вопросы, показывая при этом позитивную роль партии в решении вопросов внутренней жизни и международной политики. На руку партийно-государственным структурам играл и тот факт, что Общество формально не входило в сеть партийного просвещения, и лекторы выступали не от лица партии, а от лица научной общественности. Вполне естественно, что многие лекторы вместо глубокого анализа общественных проблем предпочитали цитировать руководителей партии, избегая тем самым критики со стороны методических советов и партийных органов. Довольно часты были случаи, когда слушатели после лекции писали письма в редакции газет или партийные комитеты о том, что в лекциях, якобы было «искажение учения классиков марксизма-ленинизма». По каждому такому случаю проводились разбирательства. В большинстве своем, подобные жалобы не имели продолжения, авторам писем разъяснялось, что «искажения» не было. Но бывали случаи, когда лектору объявляли выговор и отстраняли от чтения лекций [20. Оп. 6. Д. 3996. Л. 9]. В 1983 г. количество лекций на общественно-политические темы достигло 62% от всех прочитанных [21. С. 28]. Естественно, что слушатели, особенно молодежь, к лекциям, наполненным цитатами руководителей партии, восхвалениями преимуществ социалистического строя, особого интереса не испытывали. К началу 1980-х гг. пропагандистская деятельность Общества стала слишком доктринальной и превратилась в официоз, в то время как население начало открывать для себя альтернативные источники информации (от слухов до иностранной пропаганды).

Краеугольным вопросом популяризации науки является качество просветительских мероприятий. Качество лекций должно было обеспечиваться высокой квалификацией лекторов, а также эффективной работой рецензентов научно-методических советов Общества. Проблемой было то, что по задумке Партии Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний должно было объединить в своем составе практически всю интеллигенцию страны, включая сельских учителей, врачей, техников, что довольно сложно было сочетать с задачами качественной и эффективной лекционной работы, которая, как известно, требует серьезной подготовки. Если в начале своего существования Общество действительно более чем наполовину состояло из ученых, то в дальнейшем, состав лекторов становился все более пестрым. Так, на 1 января 1948 г. из 6 000 членов Общества 74% составляли ученые [12. С. 22]. В 1977 г. (через 30 лет после основания Общества) в его составе насчитывалось 3 млн 130 тыс. лекторов. Однако ученых из них насчитывалось всего около 5,5%. Самый массовый отряд лекторов составляли учителя – 33,9% [17. С. 23.]. В Постановлении ЦК КПСС «О состоянии и мерах улучшения лекционной пропаганды» от 27 февраля 1978 г. [22. С. 231–234] и Постановлении Совета Министров РСФСР «О мерах по дальнейшему улучшению работы организации общества «Знание» РСФСР» [23. С. 242–246] была поставлена задача повышения научной основы лекционной пропаганды, было указано на необходимость вовлечения в лекционную работу высококвалифицированных работников, в первую очередь докторов наук и профессоров. Но на деле качественного улучшения состава членов Общества не произошло. На 1 января 1987 г. 91% членов общества «Знание» РСФСР не имели ученых степеней и званий [21. С. 12]. В регионах ситуация была еще хуже. Так, в Татарской республиканской организации общества «Знание» в 1985 г. только 3,4% составляли ученые и, что еще показательнее, 15% лекторов не имели высшего образования [20. Оп. 14. Д. 393. Л. 78].

Вопрос повышения качества лекций был основным практически на каждом заседании Правления Всесоюзного общества, а также его республиканских и областных отделений. Так, заведующий отделом пропаганды и агитации обкома КПСС, выступая с докладом на II Пленуме Татарского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, проходившего 26 марта 1954 г., отмечал, что лекции не оказывают практически никакого воздействия на слушателей. Особенно это касалось лекций в сельской местности. Дело в том, что с лекциями в колхозах и совхозах зачастую выступали агрономы, председатели колхозов, местные учителя.

По замыслу партии они должны были распространять передовой опыт ведения сельского хозяйства. Однако на практике выходила совсем другая ситуация. Лекторы, не знавшие местных особенностей почв, ведения сельского хозяйства, часто давали рекомендации, которые невозможно было применить на практике, а иногда подобные рекомендации могли навредить сельскохозяйственному производству в конкретной местности. Как отмечал на том же пленуме проф. Демидович, если не учитывать особенности почв, давая рекомендации, можно не просто опозорится, но и навредить… «…тем, кто читает лекции, надо посмотреть, что приемы изготовления горшочков [*для посадки овощей*] разные, потому что в одном месте один состав почв, в другом – другой, а наши лекторы с одной лекцией о горшочках везде читают» [24. Оп. 1. Д. 376. Л. 35–36].

Подробно проблемы организаций общества «Знание» на местах описывает в своем письме в отдел пропаганды ЦК КПСС ответственный секретарь Куйбышевской районной организации общества «Знание» Новосибирской области О.М. Ксенофонтова: «…Публичных лекций, которые читаются квалифицированными лекторами из Москвы, бывает очень мало – 2 раза в год, в основном они оседают в Новосибирске, а в сельские районы они ехать не желают… Наш народ хотел бы слушать ученых, но их не знаем, чем заманить. Вот, например, доктор технических наук тов. Мигиренко был у нас, обещал еще приехать, но вот уже 3 года ждем. Этим я хочу сказать, что наш народ хочет слушать Московских лекторов, лекторов-ученых, но их нет. <…> Второе, 60% плана мы должны дать за счет лекций, которые читаются в колхозах и совхозах, на предприятиях города. <…> Ответственному секретарю приходится выжимать рубли <…> так как по условиям договора мы должны взыскать с них по 9–10 руб. за лекцию лектора, не имеющего ученых степеней, а с ученой – даже 15 рублей. Такая стоимость лекций чрезвычайно высока для договаривающейся стороны <…>. Мы получаем справедливые упреки за то, что лекционную пропаганду перевели на деньги. Народ требует от нас хороших, бесплатных лекций, и с этим нельзя не согласиться…

Общество «Знание», несмотря на 25-летие своего существования и его окупаемость, не имеют должной материально-технической базы. На нашу районную организацию из 37 первичных организаций, мы имеем 2 диопроектора. <…> Нет у нас пишущих машинок для размножения материалов в помощь лектору, а горкомы партии не считают нас своими работниками, и нет у нас доступа ни к чему горкомовскому…» [13. Оп. 1. Д. 2007. Л. 87–89].

На дороговизну публичных лекций указывали многие руководители первичных отделений и сами слушатели. Некоторые лекторы в принципе воспринимали просветительскую деятельность исключительно как дополнительный источник заработка, читая по многу раз одни и те же лекции в разных аудиториях. Так, в 1948 г. заведующий парткабинетом завода им. Андреева в г. Таганроге написал письмо в ЦК ВКП(б), в котором критиковал дороговизну публичных лекций, организуемых Обществом. Кроме того, автор отмечал, что даже одна и та же лекция одного и того же лектора в разных местах стоит поразному. Так, лектор Константинов – секретарь Областного отделения Общества – читал лекцию по международному положению сначала в клубе им. Сталина, и лекция стоила 1 руб., а потом – в рабочих районах города уже по 2 руб. Если учесть, что лектор получал 50% валового сбора средств от публичной лекции, то за каждую лекцию Константинов получал больше 1000 руб. [13. Оп. 1. Д. 308б. Л. 95]. Таких примеров можно найти массу. Так, руководитель Буинского районного отделения Татарской АССР С.К. Сибгатуллин отмечал, что по его заявлению в район в 1951–1952 гг. приезжали казанские лекторы, но все они читали лекции только в районном центре, а в колхозы не выезжали. Даже ответственный секретарь Правления Татарского отделения Всесоюзного общества Фан-Юнг в 1951 г. прочитал 3 лекции в Буинске, но в районы не выезжал, о чем пишет С.К. Сибгатуллин: «…ибо в колхозах пришлось бы читать шефские лекции, а он читал платные» [20. Оп. 6. Д. 3620. Л. 100].

С рецензированием лекций ситуация, особенно в регионах, была плачевная. Так, в 1953 г. проверка деятельности Буинского районного отделения Общества Татарской АССР показала, что рецензирование лекций не проводится, и каждый член Общества читает лекции там, где ему вздумается независимо от способностей. Например, 13 января 1953 г. в районном доме культуры г. Набережные Челны лекцию о XIX Съезде партии прочитал директор средней школы, математик по специальности Локтев. Отдел пропаганды райкома знал, что Локтев не может читать лекции на общественно-политические темы и предупреждал руководителя районного отделения Общества. Тем не менее Локтев лекцию прочитал. Чтобы как-нибудь собрать народ, лекцию организовали в читальном зале. Слушателями невольно оказались люди, пришедшие заниматься в библиотеку. Далее в докладной записке указано: «…Читал Локтев лекцию отвратительно, спотыкался на каждом предложении, делал длинные паузы, раз 10 начинал читать одни и те же предложения, путался и во всеуслышание заявил: “Виноват, слишком плохо отпечатан текст, ничего не разберешь”» [Там же. Л. 29]. Подобные лекции не только не вызывали интереса у слушателей, но и наоборот, отпугивали их от лекций. В целом в 1954 г. в Татарской АССР было прорецензировано всего 79 лекций (менее 1,3% от общего количества прочитанных лекций) [24. Оп. 1. Д. 399. Л. 6]. В дальнейшем ситуация изменилась не сильно: количество прорецензированных в ТАССР в 1983 г. лекций составило 2,3% [20. Оп. 14. Д. 393. Л. 12].

Руководство районными, городскими отделениями и первичными организациями со стороны руководящих органов (областных и республиканских отделений) осуществлялось формально. Методические советы и секции также не занимались вопросами повышения качества лекций. Члены советов редко бывали в первичных организациях Общества, плохо знали действительное положение дел на местах. Так, действительный член Всесоюзного общества по распростра-

нению политических и научных знаний (г. Набережные Челны, Татарская АССР) Ю.А. Николаев отмечал: «За время моей работы действительным членом Общества ни разу не получал консультацию от работников и лекторов Татарского Отделения» [20. Оп. 6. Д. 3620. Л. 98].

Имелись и случаи нарушения Устава. Так, тот же лектор Ю.А. Николаев прочитал две платные лекции в ноябре 1952 г. и в марте 1953 г. Деньги были перечислены в Казань на счет Татарского отделения Общества. Лектор неоднократно обращался в Правление Татарского отделения, но не получил ни ответа, ни денег [Там же. Л. 100].

После перевода большинства отделений Общества на самоокупаемость с целью улучшения качества лекций, особенно в сельской местности, стало практиковаться закрепление за вузами конкретных первичных организаций Общества в колхозах и совхозах. Однако к существенным положительным сдвигам это не привело. Так, в Татарской АССР в 1986 г. из КГУ им. Ульянова-Ленина в районы выезжали 4 человека (в две из пяти первичных организации). Преподаватели большинства вузов (Казанского педагогического университета, Казанского финансово-экономического института, Казанского филиала Московского энергетического института, Казанского сельскохозяйственного института, Казанского медицинского института (названия даны на 1986 г.)) ни в один район не выезжали [24. Оп. 2. Д. 925. Л. 1–2].

В середине 1980-х гг. ситуация стала критической. Количество слушателей на проводимых мероприятиях стремительно сокращалось. Не помогали даже методы административного воздействия. Так, в некоторых районах Татарской АССР (Агрызском, Зеленодольском, Камско-Устьинском, Нижнекаском) за 1981–1984 гг. число слушателей сократилось более чем в три раза [20. Оп. 14. Д. 393. Л. 11].

С целью улучшения кадрового состава лекторов в 1978–1980 гг. и 1983–1985 гг. были проведены их общественные аттестации. В результате второй аттестации из 1 млн 543 тыс. аттестуемых лекторов общества «Знание» в РСФСР не подтвердили звание лектора 247 776 человек (16%) [21. С. 16]. Социологические исследования, проведенные в 1980-е гг. в различных регионах СССР, показали, что у населения существует потребность в просветительских мероприятиях, однако эти же исследования зафиксировали серьезное несоответствие проводимых мероприятий ожиданиям и запросам публики [25]. Косвенно это подтверждает, например, такой факт: в Заинском, Мензелинском, Октябрьском, Чистопольском районах Татарской АССР ежегодно читались сотни лекций по научному атеизму, однако за 1980–1984 гг. уровень крещения в этих районах не только не снизился, а вырос и составил 46–69% наличного населения [20. Оп. 14. Д. 393. Л. 77].

Другой большой проблемой Общества было неоправданное увеличение планов по лекциям, утверждаемых Бюро Правления Всесоюзного общества, а фактически устанавливаемых директивами партии. Так, Татарскому отделению в 1956 г. был утвержден план чтения лекций в количестве 14 780 против 9 300 в 1955 г. (рост почти на 60%). Значительно увеличивались также объемы издательской деятельности [24. Оп. 2. Д. 68. Л. 6]. При этом штат областного отделения Общества состоял всего из 5 человек и практически всегда был недоукомплектован. Расширение штата произошло только после передачи функций органов Министерства культуры СССР по проведению лекционной пропаганды Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний [15. С. 86–88]. В результате этого постановления в число лекторов Общества влились лекторские группы при МТС, а в штатную номенклатуру Общества были включены должности инструктора-методиста, организатора лекций и ответственного секретаря Правления районных отделений [24. Оп. 2. Д. 68. Л. 24]. Резкое увеличение количества лекторов и проводимых мероприятий требовало укрепления материальной базы отделений Общества. Однако на практике Министерства и ведомства, которые должны были помогать развитию материальной базы Общества, фактически не были в этом заинтересованы. Так, даже после увеличения штата аппарат Правления Татарского республиканского отделения Общества размещался в двух небольших комнатах, поэтому часть работников не имела места работы. Кроме того, у Правления отсутствовало складское помещение для литературы и наглядных пособий. Неоднократные обращения руководителей Татарского отделения Общества в Совет Министров и партийные органы ТАССР результата не имели. При этом при передаче Обществу функций республиканского и городского лекционных бюро Министерства культуры по проведению лекционной пропаганды, помещения, занимавшиеся этими организациями, были переданы другим учреждениям [20. Оп. 6. Д. 5027. Л. 118]. Планы по лекциям и издательской деятельности надо было выполнять, а материальных и кадровых ресурсов для выполнения показателей у региональных и областных отделений не было.

Подобная ситуация приводила к тому, что «погоня за цифрами» зачастую становилась важнее эффективности работы. Стоит отметить, что членами Общества на местах зачастую были неравнодушные к делу просвещения люди. Веря в то, что партийные органы заинтересованы в качественной работе Организации, они писали письма в агитпроп и даже ЦК КПСС. Так, в 1948 г. аспирант, действительный член Общества по распространению политических и научных знаний Украинской ССР написал письмо в ЦК КПСС о том, что руководитель Львовского отделения Общества «…стал на путь очковтирательства, обмана Правления Общества, республиканского отделения общества и партийных организаций» [13. Оп. 1. Д. 308б. Л. 4]. Дело в том, что ответственный секретарь Львовского отделения Касьянов в отчетах почти в 2 раза завышал численность членов Общества, а в работе Общества реально принимали участие всего 10–12% его членов. При этом автор письма критикует не только деятельность руководителей Общества, но и деятельность партийных работников. Так, он пишет, что за данный участок работы Общества должен был отвечать заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации КП(б)У Стешенко, но он, передав все дела Касьянову,

«наплевательски относился к потребностям общества (держал 3 месяца тематику общества на проверке)» [13. Оп. 1. Д. 308б. Л. 5–6]. Подобные случаи были нередки. После проверки руководителя Львовского отделения отстранили от занимаемой должности. Подобные письма интересны и тем, что сами члены Общества зачастую ратовали не за освобождение, а напротив, за усиление контроля со стороны Партии. Центральные органы власти действительно были заинтересованы в деятельности Общества, однако наладить эффективную работу на местах было достаточно сложно. Партийные работники на местах воспринимали необходимость контроля за деятельностью Общества как дополнительную нагрузку, тем более, что в стране имелась широкая сеть партийного просвещения. При этом масса положительных примеров деятельности Общества, его первичных организаций связана с энтузиазмом членов Общества, с верой руководителей отделений в то, что они делают важное и полезное дело.

«Погоня за цифрами» стала особенно очевидной в 1970-е гг. Руководители районных отделений и первичных организаций рапортовали о выполнении и перевыполнении планов. Так, например, председатель Зеленодольской городской организации общества «Знание» Татарской АССР, отчитываясь о деятельности на III Пленуме правления Татарской республиканской организации Общества, проходившем 27 января 1976 г., заявила, что в среднем каждый лектор читает 10 лекций в год, причем по разным темам. Рекордсменом стала лектор Т.А. Костылева, которая в 1975 г. прочитала 52 лекции [24. Оп. 2. Д. 654. Л. 6–7]. По отчетам в Татарской АССР, в 1985 г. на каждого сельского лектора приходилось в среднем 6 лекций, на городского лектора – 12–15 [Там же. Д. 882. Л. 13]. Естественно, при таком объеме читаемых лекций говорить об их высоком качестве весьма сложно. Напомним, что на I Съезде Общества, состоявшемся в 1948 г., было принято решение, что каждый действительный член Общества должен читать две лекции в год [26. С. 39]. Как показали результаты социологических исследований эффективности лекционной пропаганды, проведенных в Казани в 1983 г., 32% опрошенных слушателей указали на бедность информации на лекциях, 25% – на сознательный уход лекторов от острых вопросов, 17% – на неудовлетворенность ответами на вопросы, 29% – на слабую эрудицию лектора, 18% – на низкую речевую культуру и унылый тон [25. С. 178]. На необходимость сокращения количества читаемых лекций и тем лекций, читаемых одним лектором, было указано в 1983 г. [Там же. С. 177].

Если говорить об издательской деятельности Общества, то ее можно признать наиболее успешной. Партия ставила перед Всесоюзным Обществом задачу по контролю над выпуском научно-популярной литературы. После проверки научно-популярной литературы, выпущенной в 1945–1948 гг., оказалось, что многие брошюры не отвечали критериям научности. Нередки были случаи выпуска в свет под видом научно-популярной литературы псевдонаучных брошюр [13. Оп. 1. Д. 42а. Л. 14]. В связи с этим было принято решение о создании единого плана издания научно-популярной литературы, предварительно прорецензированной секциями общества «Знание». При Президиуме Правления Общества был создан единый научный центр по координации работы издательств, занятых выпуском научно-популярной литературы, – Совет по научно-популярной и научно-художественной литературе. Совет должен был определять не только, соответствуют ли подготовленные к изданию рукописи критериям научности, но и составлять тематический план изданий, создавая таким образом «заказ» на написание тех или иных научно-популярных книг. Так, «Географиздат» должен был предусмотреть в плане издание брошюр о городах, построенных в годы Сталинских пятилеток (Магнитогорск, Кировск, Комсомольск-на-Амуре, Караганда и др.), о странах народной демократии, больше внимания уделить научно-популярной литературе по вопросам геологии [13. Оп. 1. Д. 42а. Л. 16]. Задача Совета состояла также в том, чтобы не допустить к изданию работы случайных авторов, не компетентных в той отрасли науки, по которой они выступали. Так, «Детгиз» наметил к выпуску в 1949 г. две книги журналиста Иванковского под названием «Вселенная» и «Время», несмотря на то, что в вышедшей в 1947 г. его книге «Семья Солнца», по заключению специалистов-астрономов, были допущены грубейшие ошибки. При этом в опале оказалась книга Л. Чуковской «Миклухо-Маклай», намеченная к изданию «Географиздатом», в связи с тем, что на эту тему уже были написаны книги высококвалифицированными специалистами Я.Я. Ро-гинским, И.Г. Шмидтом, С. Марковым [Там же. Л. 17]. Книга Л.К. Чуковской все-таки была издана в 1948 г. Интересен тот факт, что иногда брошюры на одну и ту же тему и даже одного и того же автора издавались разными издательствами и учитывались соответственно в отчетах как разные. Так, брошюры Федоровского «О кислороде» и Богдановича «О воде» издавались «Военгизом» и «Культпросветиздатом» [Там же. Л. 18]. Иногда по поводу научно-популярных брошюр завязывалась целая научная дискуссия, причем на страницах газет. Так, канд. техн. наук, член Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний А.В. Бутневич отправил заметку в редакцию газеты «Культура и жизнь», в которой раскритиковал изданную в виде отдельной брошюры лекцию проф. Б.А. Воронцова-Вельяминова «Строение вселенной», выпущенную издательством «Правда» в 1949 г. А.В. Бутневич процитировал целый ряд неточных формулировок, приведенных в брошюре. Негодование А.В. Бутневича вызвало то, что автор якобы читал лекцию для колхозной аудитории, поэтому не сильно заботился о корректности формулировок [Там же. Д. 308б. Л. 178–179]. В целом Совет по научно-популярной и научно-художественной литературе сыграл положительную роль. Качество и разнообразие научно-популярных изданий значительно улучшилось. Активизировалась издательская деятельность в регионах. Так, В 1949 г. Татгосиздатом были изданы следующие научно-художественные книги и брошюры: Ф. Хусни «Путешествие в страну птиц» (научно-художес-твенный рассказ о птицах), Л. Ихсанова

«7 дней под землей» (рассказ о геологической разведке по Татарии), В.И. Сементовский «Рельеф Татарии» (научно-популярный очерк о рельефе ТАССР), В.А. Попов «Животный мир» (брошюра о богатой и разнообразной фауне позвоночных ТАССР), А.П. Смирнов «Болгары» (очерк истории болгарского государства), Б.А. Арбузов «Теория строения органических соединений в свете современных научных открытий», «Великий преобразователь природы Мичурин» (перевод на татарский язык) и др. [27. Оп. 4. Д. 229. Л. 27–29, 35–35]. Однако уже в 1955 г. количество научно-популярных изданий заметно сократилось. В Таткнигоиздате было выпущено всего 11 наименований научно-популярных изданий, большинство из которых представляли собой переиздания ранее выпущенных книг и брошюр, а также брошюры антирелигиозного содержания: «О реакционной сущности ислама», «Марксистский философский материализм – теоретическое оружие в борьбе с религией», «И.И. Мечников и его борьба против идеализма и религии», «Религия – враг науки и прогресса» [Там же. Д. 327. Л. 32, 33]. Часть рукописей местных авторов была отклонена рецензентами. Кроме того, в середине 1950-х гг. произошло некоторое ослабление влияния партии на сферу культуры, что незамедлительно выразилось в уменьшении планов по выпуску научно-популярной литературы. В 1970-е гг. появляются издания, посвященные нефтяной промышленности и экологическим проблемам. Однако количество научно-популярных изданий оставалось недостаточным. В 1985 г. в ТАССР было выпущено 22 наименования научно-популярной и краеведческой литературы общим тиражом около 250 тыс. экземпляров [Там же. Д. 833. Л. 20]. Если говорить о методических изданиях, то их качество оставляло желать лучшего. Так, из 130 пособий, выпущенных за 1981–1984 гг., более трети написаны аспирантами и соискателями и только 12% докторами наук [20. Оп. 14. Д. 393. Л. 78].

В целом проект научного просвещения СССР требует серьезного осмысления. Результаты воплощения этого проекта в жизнь неоднозначны. С одной стороны, разветвленная сеть городских, районных и первичных организаций позволяла охватить просветительской работой практически всех жителей СССР; разработанные методические рекомендации помогали лекторам работать целенаправленно с конкретными аудиториями, учитывая возрастной, образовательный уровень; была создана система обучения лекторских кадров; масштабная издательская и лекционная деятельность давали возможность каждому человеку овладевать новыми знаниями, независимо от социального статуса, дохода и уровня образования; деятельность в обществе «Знание» дала миру плеяду выдающихся популяризаторов науки (С.И. Вавилов, Н.Г. Басов, И.И. Артоболевский и др.). С другой стороны, предвзятое и зачастую негативное отношение части населения к просветительским лекциям сохраняется до сих пор, тогда как на Западе эта форма работы считается одной из самых эффективных и востребованных. Необходимо отметить, что наиболее эффективно система научного просвещения работала в крупных центрах: Москве, Ленинграде, Самаре, Новосибирске, то есть там, где имелся значительный научный потенциал. Создание разветвленной сети районных и первичных организаций Общества создало сложности в управлении системой. Значительную работу правление Всесоюзного общества «Знание» и партийно-государственные структуры проделывали по руководству областными и республиканскими отделениями Общества. Однако руководство районными отделениями и первичными организациями осуществлялось крайне слабо, зачастую хаотично. Присылаемые из центра директивы не выполнялись либо выполнялись только на бумаге. А ведь именно первичные отделения должны были находиться в постоянном и непосредственном контакте с населением. Партийное руководство процессами научного просвещения не может быть оценено однозначно. С одной стороны, партия способствовала укреплению кадровой и материально-технической базы Общества, с другой – лишало его самостоятельности, творческой инициативы, заставляло выполнять завышенные планы мероприятий в короткие сроки, чем способствовало снижению качества мероприятий и формальному подходу к научному просвещению. Именно поэтому ослабление руководящей роли партии привело к стагнации и последующему распаду Общества. При этом вряд ли верным будет и мнение о том, что партия заставляла интеллигенцию вступать в члены Общества, а лекторы навязывали свою позицию слушателям, умело манипулируя их сознанием. Патриотический подъем после окончания Великой Отечественной войны, восстановление народного хозяйства, масштабные народно-хозяйственные проекты формировали атмосферу энтузиазма, в том числе и среди научной интеллигенции. Лейтмотивом всех просветительских мероприятий Общества были идеи необходимости для каждого человека постоянно овладевать новыми знаниями, совершенствоваться в работе, идеи патриотизма, чувство долга и ответственности. Публикуемые обществом «Знание» материалы оказывали реальную помощь педагогам, инженерам, рабочим и крестьянам, всем, кто стремился расширить свой политический, научный и общекультурный кругозор.

Подводя итог, стоит отметить, что деятельность общества «Знание», несмотря на субъективные и объективные недостатки, развивалась в русле общемировых тенденций – создания целостной системы непрерывного образования [28. С. 148]. Общество «Знание» в советскую эпоху сыграло важную роль в повышении культурного и образовательного уровня населения, удовлетворения интеллектуальных запросов граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лишевский В.П. Ученые – популяризаторы науки. М. : Знание, 1987. 152 с.
2. Гинзбург В.Л. Еще раз к вопросу о популяризации науки // Наука и жизнь. 2007. № 8.
3. Солнце – спутник Земли, или Рейтинг научных заблуждений россиян. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1684. URL: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=111345, свободный (дата обращения: 14.11.2016).

4. Медведева С.М. От научного творчества к популяризации науки: теоретическая модель научной коммуникации // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 4 (37). С. 278–286.
5. Псевдонаучное знание в современной культуре (материалы «Круглого стола») // Вопросы философии. 2001. № 6. С. 3–31.
6. Пинаева Д.А. Пропаганда или просвещение: некоторые аспекты историко-политического анализа советской системы распространения знаний (на примере деятельности Всесоюзного общества «Знание») // Социальные коммуникации и эволюция обществ : матер. V Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск : Новосибирский гос. техн. ун-т, 2016. С. 106–114.
7. Постановление Совета Министров СССР «О Всесоюзном обществе по распространению политических и научных знаний» // Наша власть: дела и лица. 2008. Спецвыпуск «60 лет обществу «Знание». С. 32.
8. Пинаева Д.А. Партийное руководство научно-просветительской деятельностью в СССР (на примере Всесоюзного общества «Знание») // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-3 (61). С. 113–119.
9. Сергей Иванович Вавилов. Новые штрихи к портрету. М. : ФИАН, 2004. 164 с.
10. По ступеням истории. Академия миллионов // Наша власть: дела и лица. 2008. Спецвыпуск «60 лет обществу «Знание». С. 32.
11. Университет миллионов (К 20-летию Всесоюзного Общества «Знание»). М. : Знание, 1967. 154 с.
12. Мезенцев В.А. Знание – народу. М. : Знание, 1972. 64 с.
13. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9547.
14. Постановление ЦК ВКП(б) «О мерах по улучшению работы Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний». 29 июня 1949 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М. : Госполитиздат, 1985. Т. 8. 542 с.
15. Постановление Совета Министров РСФСР «О передаче функций министерства культуры РСФСР по проведению лекционной пропаганды Обществу по распространению политических и научных знаний РСФСР» // Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановления Правительства РСФСР. М. : Госюриздат, 1959. Т. 6. 808 с.
16. Пинаева Д.А. Народные университеты в системе непрерывного образования советских граждан в 1970–1980 гг. (на примере Татарской АССР) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1-2 (39). С. 164–169.
17. Обществу «Знание» – 30 лет // Наука и жизнь. 1977. № 5.
18. Пинаева Д.А. Юнусова Р.Р. Распространение научно-технических знаний и передового производственного опыта в 1940–1980 гг. (на примере деятельности Татарской республиканской организации общества «Знание»). // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 6. С. 40–48.
19. Иванова Ж.Е. Социологические исследования и совершенствование лекционной пропаганды. М. : Знание, 1987. 62 с.
20. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан. Ф. 15.
21. Краткие сведения о деятельности общества «Знание» РСФСР (1982–1986 гг.). М. : «Знание» РСФСР, 1987. 57 с.
22. Постановление ЦК КПСС «О состоянии и мерах улучшения лекционной пропаганды» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М. : Изд-во полит. лит-ры, 1987. Т. 13. 510 с.
23. Постановление Совета Министров РСФСР «О мерах по дальнейшему улучшению работы организаций общества “Знание” РСФСР» // Собрание постановлений Правительства РСФСР № 14. М. : Юридическая литература, 1979. 272 с.
24. Национальный архив Республики Татарстан (далее НАРТ). Ф. 7240.
25. Пинаева Д.А. Оценка эффективности лекционной пропаганды методами социологии (на материалах Татарской АССР) // Казанский педагогический журнал. 2015. № 4-1 (111). С. 175–182.
26. Постановление 1-го Съезда Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний // Наука и жизнь. 1948. № 2.
27. НАРТ. Ф. 273.
28. Шапошникова Т.Д. Социокультурное образование и просвещение взрослых за рубежом // Человек и образование. 2011. № 3. С. 147–150.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 мая 2017 г.

“REMEMBER: YOU HAVE TO KNOW MUCH TO BE USEFUL TO YOUR HOMELAND!”: SOME PROBLEMS OF THE POPULARIZATION OF SCIENCE IN THE USSR (A CASE STUDY OF THE ACTIVITIES OF THE ALL-UNION SOCIETY “ZNANIE”)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 108–118.
DOI: 10.17223/15617793/420/15

Daria A. Pinaeva, Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev (Kazan, Russian Federation). E-mail: dashkevna1@mail.ru

Keywords: popularization of science; educating; dissemination of scientific knowledge; All-Union Association “Znanie”; lecture propaganda.

In the article the author reviews the activities of the All-Union Society for the Distribution of Political and Scientific Knowledge (the society “Znanie” [knowledge] since 1963) as one of the main educating organizations of the USSR in the second half of the 20th century. In the study, the author concluded that the idea of establishing a mass educating organization in the Soviet Union was popular and perspective; however, the methods were not always thought out. On the one hand, the author highlights the positive aspects of popularization of science in the USSR. An extensive network of city, district and primary organizations in the structure of science educating could cover almost all the inhabitants of the Soviet Union. Large-scale publishing and lecture activities allowed each person to acquire new knowledge, regardless of social status, income and educational level. Materials published by the society “Znanie” gave real help to teachers, engineers, workers and farmers, to all who wanted to expand their political, scientific and general cultural outlook. The main ideas of all the educating activities of the society were the ideas of necessity for every person to constantly acquire new knowledge, improve work, the ideas of patriotism, the sense of duty and responsibility. On the other hand, the author specifies essential shortcomings. Being actually incorporated into the network of the party and government institutions, the society had no independence and initiative and tried to carry out the “order” of the Party on the mass involvement of all the population in the educating and propaganda activities. The constant increase of the number of propaganda activities, the involvement of a great number of people who did not always have sufficient education and qualification to give public lectures deteriorated the quality of the educating events and reduced the interest of the population to the popularization of science. The author pointed out that biased and often negative attitude of the part of population to educating lectures has remained to this day. Emphasizing the relevance of the study, the author points out that the necessity of a high-quality system of popularization of science is recognized today by the state authorities, the scientific community and the public in general. According to the author, comprehension of the Soviet project of science popularization can help to design an effective model of science popularization and to avoid the mistakes that were made in the Soviet times.

REFERENCES

1. Lishevskiy, V.P. (1987) *Uchenye – populyarizatory nauki* [Scholars are popularizers of science]. Moscow: Znanie.
2. Ginzburg, V.L. (2007) Eshche raz k voprosu o populyarizatsii nauki [Once again on the issue of the popularization of science]. *Nauka i zhizn'*. 8.
3. Wciom.ru. (2011) *Solntse – sputnik Zemli, ili reyting nauchnykh zabluzhdeniy rossiyan* [The Sun is a satellite of the Earth, or a rating of scientific errors of Russians]. [Online] Available from: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=111345. (Accessed: 14.11.2016).
4. Medvedeva, S.M. (2014) Ot nauchnogo tvorchestva k populyarizatsii nauki: teoreticheskaya model' nauchnoy kommunikatsii [From scientific creativity to the popularization of science: a theoretical model of scientific communication]. *Vestnik MGIMO Universiteta – MGIMO University Bulletin*. 4 (37). pp. 278–286.
5. Voprosy filosofii. (2001) Psevdonauchnoe znanie v sovremennoy kul'ture (materialy "Kruglogo stola") [Pseudoscientific knowledge in modern culture (materials of the "Round Table")]. *Voprosy filosofii*. 6. pp. 3–31.
6. Pinaeva, D.A. (2016) [Propaganda or enlightenment: some aspects of historical and political analysis of the Soviet system of knowledge dissemination (on the example of the activity of the All-Union Society "Znanie")]. *Sotsial'nye kommunikatsii i evolyutsiya obshchestv* [Social communications and the evolution of societies]. Proceedings of the V international conference. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University. pp. 106–114. (In Russian).
7. Council of Ministers of the USSR. (2008) Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR "O Vsesoyuznom obshchestve po rasprostraneniyu politicheskikh i nauchnykh znaniy" [Decree of the Council of Ministers of the USSR "On the All-Union Society for the Dissemination of Political and Scientific Knowledge"]. In: *Nasha vlast': dela i litsa. Spetsvypusk "60 let obshchestvu "Znanie"* [Our Authorities: Business and Persons. Special issue "60 years of the society "Znanie""].
8. Pinaeva, D.A. (2015) Partiynoe rukovodstvo nauchno-prosvetitel'skoy deyatel'nost'yu v SSSR (na primere Vsesoyuznogo obshchestva "Znanie") [Party leadership of scientific and educational activities in the USSR (on the example of the All-Union Society "Znanie")]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 11-3 (61). pp. 113–119.
9. Berezanskaya, V.M. (2004) *Sergey Ivanovich Vavilov. Novye shtrikhi k portretu* [Sergei Ivanovich Vavilov. New strokes to the portrait]. Moscow: FIAN.
10. Anon. (2008) Po stupenyam istorii. Akademiya millionov [On the steps of history. Academy of the millions]. In: *Nasha vlast': dela i litsa. Spetsvypusk "60 let obshchestvu "Znanie"* [Our Authorities: Business and Persons. Special issue "60 years of the society "Znanie""].
11. Znanie. (1967) *Universitet millionov (K 20-letiyu Vsesoyuznogo Obshchestva "Znanie")* [University of millions (To the 20th anniversary of the All-Union Society "Znanie")]. Moscow: Znanie.
12. Mezentsev, V.A. (1972) *Znanie – narodu* [Knowledge to the people]. Moscow: Znanie.
13. State Archive of the Russian Federation. Fund P-9547. (In Russian).
14. Gospolitizdat. (1985) Postanovlenie TsK VKP(b) "O merakh po uluchsheniyu raboty Vsesoyuznogo obshchestva po rasprostraneniyu politicheskikh i nauchnykh znaniy". 29 iyunya 1949 g. [Resolution of the Central Committee of the CPSU (b) "On measures to improve the work of the All-Union Society for the Dissemination of Political and Scientific Knowledge". June 29, 1949]. In: *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK* [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Vol. 8. Moscow: Gospolitizdat.
15. Gosyurizdat. (1959) Postanovlenie Soveta Ministrov RSFSR "O peredache funktsiy ministerstva kul'tury RSFSR po provedeniyu lektsionnoy propagandy Obshchestvu po rasprostraneniyu politicheskikh i nauchnykh znaniy RSFSR" [Decree of the Council of Ministers of the RSFSR "On the transfer of functions of the Ministry of Culture of the RSFSR for conducting lecture propaganda to the Society for the Dissemination of Political and Scientific Knowledge of the RSFSR"]. In: *Khronologicheskoe sobranie zakonov, ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta i postanovleniya Pravitel'stva RSFSR* [Chronological collection of laws, decrees of the Presidium of the Supreme Council and the resolution of the Government of the RSFSR]. Vol. 6. Moscow: Gosyurizdat.
16. Pinaeva, D.A. (2014) Narodnye universitety v sisteme nepreryvnogo obrazovaniya sovetskikh grazhdan v 1970-1980 gg. (na primere Tatarskoy ASSR) [Popular universities in the system of continuous education of Soviet citizens in 1970s–1980s (on the example of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 1–2 (39). pp. 164–169.
17. Nauka i zhizn'. (1977) Obshchestvu "Znanie" – 30 let [Society "Znanie" is 30]. *Nauka i zhizn'*. 5.
18. Pinaeva, D.A. & Yunusova, R.R. (2015) Dissemination of Scientific and Technical knowledge and advanced production experience in 1940-1980 years (on the example of the Tatar Republic branch of All-USSR public organization "Knowledge" ("Znanie")). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 6. pp. 40–48. (In Russian).
19. Ivanova, Zh.E. (1987) *Sotsiologicheskie issledovaniya i sovershenstvovanie lektsionnoy propagandy* [Sociological research and improvement of lecture propaganda]. Moscow: Znanie.
20. Central State Archive of Historical and Political Documentation of the Republic of Tatarstan. Fund 15. (In Russian).
21. Znanie. (1987) *Kratkie svedeniya o deyatel'nosti obshchestva "Znanie" RSFSR (1982–1986 gg.)* [Brief information about the activities of the society "Znanie" of the RSFSR (1982–1986)]. Moscow: "Znanie" RSFSR.
22. Izdatel'stvo politicheskoy literatury. (1987) Postanovlenie TsK KPSS "O sostoyanii i merakh uluchsheniya lektsionnoy propagandy" [Resolution of the CPSU Central Committee "On the state and measures to improve lecture propaganda"]. In: *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK (1898–1986)* [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986)]. Vol. 13. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
23. Government of the RSFSR. (1979) Postanovlenie Soveta Ministrov RSFSR "O merakh po dal'neyshemu uluchsheniyu raboty organizatsiy obshchestva "Znanie" RSFSR" [Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR "On measures to further improve the work of the organizations of the society "Znanie" of the RSFSR"]. *Sobranie postanovleniy Pravitel'stva RSFSR.* 14.
24. National Archive of the Republic of Tatarstan (NART). Fund 7240. (In Russian).
25. Pinaeva, D.A. (2015) Otsenka effektivnosti lektsionnoy propagandy metodami sotsiologii (na materialakh Tatarskoy ASSR) [Assessment of the effectiveness of lecture propaganda by methods of sociology (on the materials of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic)]. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal*. 4-1 (111). pp. 175–182.
26. Nauka i zhizn'. (1948) Postanovlenie 1-go S"ezda Vsesoyuznogo obshchestva po rasprostraneniyu politicheskikh i nauchnykh znaniy [Resolution of the 1st Congress of the All-Union Society for the Dissemination of Political and Scientific Knowledg]. *Nauka i zhizn'*. 2.
27. National Archive of the Republic of Tatarstan (NART). Fund 273. (In Russian).
28. Shaposhnikova, T.D. (2011) Sotsiokul'turnoe obrazovanie i prosveshchenie vzroslykh za rubezhom [Socio-cultural education and adult education abroad]. *Chelovek i obrazovanie*. 3. pp. 147–150.

Received: 10 May 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 119–124. DOI: 10.17223/15617793/420/16

УДК 94(571)

Е.В. Почеревин

БАРНАУЛЬСКИЙ РАСПОРЯДИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КАК ЗВЕНО В УПРАВЛЕНИИ МЕСТНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX в.

Исследована сфера и характер деятельности Барнаульского распорядительного комитета. Проанализированы инициативные предложения комитета и его отдельных членов по изменению порядка функционирования системы местного хозяйства. Выявлена роль Томского губернского управления как контрольно-надзорного органа, утверждающего постановления комитета. Опираясь на строгое законодательство, губернское управление сдерживало многие начинания комитета, в то же время не допуская явных нарушений с его стороны.

Ключевые слова: местное хозяйство; уездный распорядительный комитет; губернское управление.

В условиях отсутствия в Сибири земских органов власти вопросами организации местного хозяйства (содержание транспортных коммуникаций, народное образование и здравоохранение) занимались несколько институтов. Среди них важнейшую роль играли уездные распорядительные комитеты. Для исследования был выбран Барнаульский комитет, поскольку уезд был самым густонаселенным и наиболее экономически развитым в Томской губернии начала XX в. К тому же сохранившиеся архивные документы наиболее полно отражают работу именно этого учреждения.

Истории местного управления в Сибири и Томской губернии уделено большое внимание исследователей. Наиболее изученным является губернский уровень власти. Можно указать на работы А.В. Ремнева [1] и А.В. Палина [2]. Сфера низового крестьянского самоуправления также достаточно исследована [3]. Уездная власть, особенно в разрезе её включенности в управление местным хозяйством, практически не изучалась. Исключение составляет институт крестьянского начальника, изучению которого уделено существенное внимание [4–6]. Пытаясь восполнить данный пробел, автор обратился к вышеуказанной теме. Целью статьи является исследование сферы и характера деятельности уездного распорядительного комитета, его взаимоотношений с вышестоящими органами власти в Томской губернии в начале XX в. Работа построена на анализе делопроизводственной документации.

Деятельность уездных распорядительных комитетов, их взаимоотношения с губернским управлением и волостными правлениями являлись основополагающими факторами в функционировании системы местного хозяйства в губернии. На примере работы Барнаульского распорядительного комитета можно реконструировать механизмы принятия решений, обнаружить разногласия между его членами, вскрыть суть противоречий между комитетом и губернским управлением. Деятельность комитета в основном опиралась на положения «Устава о земских повинностях» [7]. В его задачи входило администрирование натуральных земских повинностей – их раскладка и контроль за должным исполнением. Состав комитета не был постоянным. Как правило, в заседаниях принимали участие от одного до пяти крестьянских начальников, податные инспекторы одного или двух участков. Председательствовал уездный исправник или его помощник. В отдельных случаях в состав собрания входили представители Алтайского округа, Переселенческого управления и другие чиновники. Заседания комитета, на которых решались вопросы раскладки повинностей на трехлетие, были наиболее многолюдными. Кроме перечисленных чинов, в них участвовали представители самоуправления г. Барнаула и всех волостей уезда [8. Л. 2; 9. Л. 52, 54–55, 72; 10. Л. 6]. В документах отмечаются факты нарушения дисциплины со стороны членов комитета. В марте 1910 г. председатель уездного распорядительного комитета жаловался губернатору на невозможность привлечь к регулярному участию в работе комитета крестьянских начальников уезда. Чиновник констатировал, что было несколько случаев отказа крестьянских начальников первого и второго участков от участия в заседаниях комитета. Отказы мотивировались тем, что на заседаниях рассматривались дела, касающихся волостей других участков, либо дела, находящиеся вне компетенции крестьянского начальника. В качестве иллюстрации председатель комитета приводил случай срыва торгов, назначенных к проведению в феврале 1910 г. на заседании комитета. Торги на отдачу постройки зданий Бердской сельской лечебницы не состоялись из-за отказа крестьянского начальника Войниловича принять участие в работе комитета. Крестьянский начальник объяснял свое поведение тем, что «производство торгов его не касается и принимать участие в таковых он не имеет права» [11. Л. 54].

Основным вопросом, для решения которого требовались затраты значительного количества сил и времени, был вопрос о составлении расписания повинностей на трехлетие. Анализируя архивные документы, удалось реконструировать деятельность Барнаульского уездного распорядительного комитета по решению этого вопроса на протяжении первого десятилетия XX в. До 1905 г. в Барнаульском уезде действовало расписание, составленное на трехлетие 1899–1901 гг. Попытки составить новое расписание, предпринятые в сентябре 1901 г. и в июне-июле 1903 г., не увенчались успехом. Они не были утверждены Томским губернским управлением [8. Л. 7 об.]. Последнее не получило одобрение губернского начальства ввиду особого мнения одного из крестьянских начальников уезда [Там же. Л. 2]. На заседаниях в январе и марте 1904 г. было составлено новое расписание на трехлетие 1905–1907 гг., которое и было утверждено губернской администрацией [Там же. Л. 2–7]. Позднее

оно было продолжено до 1908 г. с разрешения Губернского управления [12. Л. 116–118]. В декабре 1909 г. распорядительный комитет просил Томское губернское управление сообщить, каким расписанием руководствоваться в 1910 г., «ныне действующим на трехлетие с 1905 г. расписанием или новым, находящимся на рассмотрении». Комитет выражал беспокойство тем, что с 1904 г. произошли изменения, образовались новые волости, поэтому желательно скорейшее введение в действие нового расписания. Губернское управление предписало руководствоваться действующим расписанием, пока не утверждено новое [9. Л. 128–128 об.]. Комитетом были дважды составлены расписания на трехлетие 1909–1911 и 1910–1912 гг. Одна из сессий комитета состоялась в мае 1909 г. [11. Л. 1]. Однако Губернское управление, рассмотрев эти документы в декабре 1908 г. и апреле 1910 г., оставило их без утверждения ввиду «неправильного распределения… повинностей». Наконец, составлено было расписание на трехлетие 1911–1913 гг., которое и было утверждено в ноябре 1910 г. Этим документом уезд руководствовался самое продолжительное время. Известно, что в декабре 1913 г. расписание, составленное комитетом на трехлетие 1914–1916 гг., находилось на рассмотрении Губернского управления [12. Л. 118]. Даже в начале марта 1917 г. оно еще не было утверждено высшим начальством [13. Л. 6 об.].

Кроме составления трехлетних расписаний, уездный комитет решал и другие вопросы. В частности, рассматривал просьбы и ходатайства от сельских и волостных обществ, а также от чиновников уезда. Так, в 1904 г. было рассмотрено прошение крестьян с. Меретского Малышевской волости, «о предоставлении льгот по отбыванию повинности по опалке лесов» [8. Л. 10 об.]. В октябре 1908 г. волостными старшинами был возбуждён вопрос о постановке в г. Барнауле «за счёт всего уезда пяти пар лошадей для сотников и разных волостных должностных лиц» [9. Л. 52]. Часто предметом обсуждения становилось изменение статуса трактов. Так, в 1904 г. было заслушано предложение пристава четвертого стана об открытии нового земского тракта и обсуждена рекомендация мирового судьи четвертного участка об изменении одного из существующих земских трактов, что позволило бы сократить расстояние на 13 верст [8. Л. 6 об.].

Распорядительный комитет мог выходить с ходатайствами в Томское губернское управление. В 1904 г. комитет ходатайствовал о «принятии» переправы через р. Обь близ с. Красноярского Екатерининской волости на счет сумм губернского земского сбора. Мотивом служило то обстоятельство, что перевоз находился на почтовом тракте [Там же. Л. 7]. Так же было возбуждено ходатайство об отнесении переправы через р. Обь около г. Барнаула по Барнаульско-Томскому почтовому тракту на счет губернского земского сбора. До этого перевоз содержался дворянином Платоновым за плату, что являлось нарушением закона [Там же. Л. 10]. В мае 1909 г. членами комитета обсуждался вопрос о том, как поступать с теми, кто не желает исполнять возложенные на него натуральные повинности. Было принято решение просить Томское губернское управление разрешить применение практики земских губерний России, а именно в указанных выше случаях волостные правления исполняли бы натуральные повинности «наймом в счет виновных с производством взыскания с них бесспорным порядком» [9. Л. 72]. Губернское управление не смогла самостоятельно разрешить данный вопрос и переадресовало его в Главное управление по делам местного хозяйства МВД [Там же. Л. 73–73 об.].

Обычной практикой было рассмотрение и утверждение комитетом смет на постройку мостов. В феврале 1907 г. Барнаульским уездным распорядительным комитетом рассматривались сметы на постройку и ремонт мостов в семи волостях уезда. Все сметы за исключением одной были утверждены. Комитетом было принято решение разложить стоимость работ на население всех волостей уезда пропорционально числу «годных работников» [14. Л. 13–16]. На заседании уездного распорядительного комитета в марте 1908 г. были рассмотрены присланные крестьянским начальником сметы на постройку новых и ремонт старых мостов в Бердской волости. На ремонт шести мостов сметы были свёрстаны полностью. На предполагаемое строительство четырёх новых мостов была составлена только одна смета. Три моста не были оценены совсем, поэтому комитет принял решение о возвращении неполной документации на доработку [Там же. Л. 50].

Торги на отдачу подряда постройки тех мостов, которые строились на средства всего уезда, также контролировались комитетом. Так, в декабре 1909 г. уездный распорядительный комитет не утвердил торги по причине нарушения законодательства и превышения сметной цены [15. Л. 688]. Иногда требовалось принимать экстренные решения. В ночь с 17 на 18 апреля 1910 г. «от пущенных палов» сгорел мост через р. Зудилину по Барнаульско-Ново-Николаевскому почтовому тракту в Шаховской волости. Подряд на постройку временного моста по составленной смете был спешно сдан с торгов. Журналом уездного распорядительного комитета от 25 апреля торги были утверждены. Мост в течение 10 дней был построен и 6 мая принят от подрядчика [16. Л. 101].

Представляется интересным изучить разногласия, возникавшие между уездным распорядительным комитетом и Губернским управлением. В декабре 1908 г. губернское управление рассматривало расписание повинностей по уезду на трехлетие 1909–1911 гг. Ряд положений документа вызвал несогласие со стороны губернских чиновников. Согласно закону этапная повинность должна была исполняться силами населения уезда. Но, распорядительный комитет постановил часть нагрузки переложить на средства губернского земского сбора. Более того, предлагалось продать все этапные помещения и деньги поместить в банк на счет комитета. Оперируя ссылками на «Устав о земских повинностях», губернское управление разъясняло недопустимость вышеуказанных установлений [17. Л. 399–399 об.]. Одной из «любимых» идей уездных распорядительных комитетов, в том числе и Барнаульского комитета, было стремление привлечь городское население к несению земских повинностей. На вышеуказанном заседании общего присутствия Том-

ского губернского управления подобное предложение вызвало весьма эмоциональный ответ. Распорядительный комитет постановил привлечь г. Барнаул к несению натуральной повинности в размере 1/11 части всех повинностей по уезду. Были даже детально расписаны обязанности города с указанием земских станций, дорожных участков и земских квартир, которые должны были содержаться за счет города. Кроме того, комитет предполагал возложить на Главное управление Алтайского округа «устройство и содержание мостов на земских трактах, содержание которых не превышает 200 руб.» [17. Л. 400, 405 об.]. Томское губернское управление своим решением отменило данное постановление комитета. В пояснительной части было указано, что распорядительный комитет «неизвестно на каком основании руководствовался правилами отбывания сказанных повинностей в местностях, где введено в действие положение о земских учреждениях». Более того, губернские чиновники обратили внимание комитета на то, что он «незаконно присвоил себе права и обязанности Уездной земской управы и Уездного земского собрания» [Там же. Л. 400]. Следует указать, что дискуссия по этим вопросам не была исчерпана в рамках переписки между Барнаульским распорядительным комитетом и Томским губернским управлением. В марте 1909 г. один из членов комитета, крестьянский начальник второго участка Барнаульского уезда А.П. Строльман обратился к губернатору с жалобой по поводу отмены губернским управлением вышеуказанного постановления. Свое несогласие чиновник аргументировал обширными ссылками на законодательство [9. Л. 22–27]. В июле 1910 г. от доверенных Бажовского и Повалихинского сельских обществ Белоярской волости на имя министра внутренних дел были отправлены жалобы на упомянутое постановление Томского губернского управления [11. Л. 114–119]. Несмотря на то, что жалобы были поданы от имени сельских обществ, многочисленные ссылки на законодательство и сам стиль изложения заставляет усомниться в их авторстве и заподозрить в составлении прошений крестьянского начальника.

В ходе работы Барнаульского распорядительного комитета обсуждались нововведения. Так, в марте 1904 г. было заслужено мнение крестьянского начальника третьего участка С.Г. Лаптева. Чиновник высказался о введении в уезде прогрессивной системы учета гоньбы по «так называемой, талонной системе, подобно тому, как введено в Пермском земстве и в одном из уездов Тобольской губернии». Система заключалась в следующем: каждый проезжающий, кроме открытого листа, имеет талонную книжку, выданную распорядительным комитетом. На каждой земской станции он выдает её содержателю талоны с указанием числа взятых лошадей. На уплату жалованья делается предварительная и приблизительная раскладка на полугодие, согласно ей собираются средства в волостные правления. Один раз в полугодие подсчитываются талоны и выясняется, сколько было выплачено волостными правлениями жалованья ямщикам. После чего одни волости доплачивают другим, чем достигается большая уравнительность. Кроме того, с помощью данной системы можно было бы иметь точные сведения о разгоне лошадей по станциям [8. Л. 7]. Несмотря на очевидную пользу талонной системы, члены распорядительного комитета отвергли эту идею. Во-первых, она вызовет неудобство проезда лиц, едущих из соседних уездов; во-вторых, на введение системы нет разрешения начальства; в-третьих, ямщики непременно будут нелегально приобретать у проезжающих лишние талоны. «По отзыву лиц, служивших в последнее время в Тобольской губернии, талонная система уже отменена там», – высказался один из противников данного новшества [Там же. Л. 7 об.]. В Барнаульском уезде талонная система была одобрена позднее, на совещании уездного исполнительного комитета с представителями волостей уезда 24–26 ноября 1917 г. [18. Л. 19 об.].

Особенно много предложений по изменению практики функционирования местного хозяйства было сделано во время сессии уездного распорядительного комитета в сентябре 1908 г. Так, было предложено содержать на средства всего уезда земские квартиры в селениях, где располагались волостные правления. Кроме того, предлагалось на средства уезда содержать и ремонтировать все речные переправы. Для этого необходимо было собирать деньги с населения, тем самым натуральная повинность была бы переведена в денежную. Это не допускалось законом, и губернское управление не одобрило данные нововведения [17. Л. 405]. Распорядительным комитетом выдвигалось предложение о приглашении на службу в уезд строительного техника с окладом 1 500 руб., который бы выплачивался ему из общеуездных средств. Даже эта рациональная и полезная мера, способствовавшая более качественному строительству и ремонту мостов, не была поддержана губернским управлением. Новые повинности и должности могли вводиться в уездах только в законодательном порядке [Там же. Л. 405 об.]. В феврале 1914 г. на заседаниях комитета было признано необходимым все повинности «переложить на деньги» за исключением исправления дорог и опалки боров [19. Л. 3]. Однако и это начинание не увенчалось успехом.

Борьба взглядов шла не только между распорядительным комитетом и губернским управлением. Столкновение мнений наблюдалось и внутри комитета. Расписание повинностей, составленное Барнаульским уездным распорядительным комитетом в июне – июле 1903 г., не было утверждено Томским губернским управлением ввиду замечаний крестьянского начальника первого участка Б.И. Войниловича. Оформленное в виде отдельного документа, особое мнение чиновника было приложено к журнальному постановлению комитета. Суть критических суждений состояла в том, что распределение натуральных повинностей в уезде было произведено крайне неравномерно. В частности, крестьянский начальник, указывал на то, что для пятой части населения уезда были установлены дорожные участки, находящиеся в 300–400 верстах от их места жительства. Войнилович предлагал произвести разделение уезда на отдельные самостоятельные участки сообразно с характером местности и экономическими условиями жизни. Он

указывал на необходимость выяснения точной стоимости содержания земских лошадей на каждой станции; на обязательность привлечения к подводной повинности «непричисленного» населения [8. Л. 2]. Комитет не прислушался к его соображениям, но губернское управление признало их справедливыми и настоятельно рекомендовало использовать при составлении нового расписания. Распределение повинностей на трехлетие 1905–1907 гг. было составлено на сессиях распорядительного комитета в январе и марте 1904 г., причем замечания Войниловича легли в основу данного документа [Там же. Л. 2–10].

Столкновение разных точек зрения можно было наблюдать в ходе уже упомянутой сессии распорядительного комитета в сентябре 1908 г. Так, комитет постановил считать все дороги, соединяющие волости с Барнаулом, а равно и волости между собой, земскими трактами. При этом предлагалось «исправлять их наравне с почтовыми трактами», на средства всего уезда. С этим положением не согласился крестьянский начальник А.П. Строльман, который призывал ограничить число земских дорог. По его мнению, опыт истекшего трехлетия показал, что стремление к равномерному распределению нагрузки и стремление к улучшению дорог не дали результата. Дороги, ставши земскими, лучше не сделались. Причина, по словам крестьянского начальника, заключалась в невозможности для «настоящего состава администрации иметь энергичный надзор и энергично понуждать население к соответственному исправлению столь значительного количества земских дорог». Пришлось следить только за исправлением по-настоящему земских дорог (на г. Барнаул, на г. Бийск и к железной дороге), поддержание которых «силою вещей требует фактического, а не номинального отбывания повинностей». Этим нарушилось равномерное распределение нагрузки. Если не ограничить число земских трактов, указывал чиновник, то «в ближайшее будущее поступят требования о постройке за счет уезда мостов на новых земских трактах, получившихся вследствие образования в течение предыдущего трехлетия новых 22 волостей». Крестьянский начальник обратил внимание комитета на тот факт, что в прошедшем трехлетии уже было уплачено уездом на строительство мостов около 100 000 руб. Такие расходы, по его мнению, могли сказаться на успехах сбора казенных податей [17. Л. 401 об.–402]. Подверглась критике практика возведения на общеуездные средства всех мостов стоимостью свыше 200 руб. Это приводило к строительству сооружений, необходимость в которых была крайне малой. Весь уезд, по мнению Строльмана, платил за мосты, расположенные на дороге, соединяющей всего две волости. «Причем, именно на таких трактах было построено большинство мостов в истекшем трехлетии», – резюмировал чиновник. В пример он привел Николаевскую волость, где в течение одного года строилось 12 мостов. К мнению крестьянского начальника присоединились старшины восьми волостей подведомственного ему участка [Там же]. Крестьянский начальник высказал своё мнение по поводу организации земской гоньбы. В частности, он усомнился в точности сведений о количестве выгнанных лошадей на земских станциях за прошлые периоды. Единственным источником данных служили отчеты волостных старшин, заинтересованных в увеличении количества земских лошадей в своих волостях. По словам чиновника, самое большое количество выгнанных лошадей приходилось на волостных рассыльных, развозящих пакеты. Это количество могло быть сокращено при использовании земской почты. Введение этого института на участке Строльмана уже привело к сокращению разгона лошадей в волостях его участка. Поэтому ориентироваться на цифру выгона лошадей, указывал крестьянский начальник, будет несправедливо для его волостей. Нужно учитывать географическое положение, действительную потребность, расстояние до других станций. Комитет не принял это предложение и установил число пар, «согласуясь с прошлым периодом» [17. Л. 403].

Свое несогласие с постановлением распорядительного комитета высказывал и его председатель. В мае 1909 г. Барнаульский уездный исправник М.Н. Белоносов в рапорте на имя губернатора указал на «неосновательность» составленного трехлетнего расписания натуральных повинностей. Чиновник назвал «не отвечающим требованиям жизни и интересам населения» постановление комитета о сокращении числа земских трактов. По словам исправника, дороги эти имеют важное значение и проходят по густонаселенной местности. Десятки лет они именовались земскими трактами и содержались за счет населения всего уезда. Они были приведены в хорошее состояние, на них было сооружено много дорогостоящих мостов. Отдельным селениям, при условии признания дорог только проселочными, будет не по силам поддерживать их в надлежащем виде, и потому сооружения эти неизбежно «должны будут прийти в разрушение, а сами дороги в запущение», – констатировал Белоносов. Для Барнаульского уезда, указывал исправник, «занимающего громадную площадь и не имеющего железнодорожных и, в большей своей части, водных путей, крайне необходимо иметь хотя бы удовлетворительные колесные дороги». Поэтому желательно не сокращение оборудованных дорог, а напротив того, увеличение их. Губернатор поддержал мнение председателя распорядительного комитета [11. Л. 1–2]. Рассмотренные выше суждения крестьянского начальника Строльмана были одобрены губернским управлением. Согласно его мнению, в трехлетнем расписании повинностей было сокращено количество земских трактов. Однако это, в свою очередь, вызвало несогласие председателя комитета, которое разделял губернатор. В итоге в ноябре 1910 г. губернским управлением было утверждено расписание на трехлетие 1911–1913 гг., которое и просуществовало до революционных потрясений 1917 г. [12. Л. 116–118].

Таким образом, автором установлено, что состав Барнаульского уездного распорядительного комитета не был стабилен. Количество участников заседаний колебалось, достигая максимума при решении наиболее важного вопроса о раскладке повинностей на трехлетний период. Комитет предпринимал попытки поддерживать актуальность данного расписания, од-

нако новая раскладка вводилась не каждое трехлетие. Такая нерегулярность была вызвана отказом Томского губернского управления утверждать документы, принятые комитетом. В итоге можно увидеть, что расписание, составляемое на три года, действовало четыре, пять и даже семь лет. Распорядительный комитет занимался «текущей работой»: рассматривал ходатайства по изменению порядка функционирования местного хозяйства, сам выходил с просьбами в вышестоящее учреждение. Одной из обязанностей комитета являлось утверждение смет и подрядных торгов на работы, осуществляемые на средства населения всего уезда. Мнения распорядительного комитета и губернского управления не всегда совпадали. Часто именно эти разногласия служили причиной задержки ввода в действие новых расписаний. Комитет проявлял активность, предлагая меры по более равномерному распределению повинностей, расширению контингента их исполнителей. Внутри распорядительного комитета также возникали противоречия, которые иногда выходили за его пределы. Столкновение мнений, предлагаемые новшества в организации местного земского хозяйства, говорят об инициативности данного учреждения. Начинания уездного распорядительного комитета во многих случаях разбивались о консерватизм губернского управления, связанного строгими законодательными нормами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск, 1997. 253 с.
2. Палин А.В. Томское губернское управление (1895–1917 гг.): структура, компетенция, администрация. Кемерово, 2004. 188 с.
3. Почеревин Е.В. Низовая административно-судебная система в Алтайском округе (конец XIX в. – 1917 г.). Бийск, 2013. 285 с.
4. Яргаев М.Х. Институт крестьянских начальников в Забайкалье и на Дальнем Востоке (1901–1917 гг.) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2004. № 2. С. 107–113.
5. Залюбовская Т.А. Крестьянские начальники Забайкальской области // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 7 (21) : в 3 ч. Ч. 1. С. 76–80.
6. Гильденберг В.Н. Хозяйственно-финансовая деятельность крестьянских начальников по материалам губернских ревизий в Тобольской губернии в конце XIX – начале XX в. // Омский научный вестник. 2012. № 3 (109). С. 26–28.
7. Свод законов Российской империи : в 5 т. СПб., 1899. Т. 4. С. 97–169.
8. Государственный архив Алтайского края (далее ГААК). Ф. 65. Оп. 1д. Д. 1.
9. Государственный архив Томской области (далее ГАТО). Ф. 3. Оп. 19. Д. 1510.
10. ГАТО Ф. 62. Оп. 1. Д. 214.
11. ГАТО Ф. 3. Оп. 19. Д. 1546.
12. ГААК Ф. 198. Оп. 1. Д. 59.
13. ГАТО Ф. 3. Оп. 12. Д. 1635.
14. ГАТО Ф. 62. Оп. 1. Д. 93.
15. ГААК Ф. 32. Оп. 1. Д. 892.
16. ГАТО Ф. 62. Оп. 1. Д. 147.
17. ГАТО Ф. 3. Оп. 23. Д. 43.
18. ГААК Ф. 233. Оп. 1. Д. 48.
19. ГААК Ф. 65. Оп. 1. Д. 237.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 мая 2017 г.

THE BARNAUL COUNTY ADMINISTRATIVE COMMITTEE AS PART OF THE LOCAL ECONOMY MANAGEMENT IN TOMSK PROVINCE AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 119–124.
DOI: 10.17223/15617793/420/16

Evgeniy V. Pocherevin, Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University (Biysk, Russian Federation). E-mail: pev2@mail.ru

Keywords: local economy; county administrative committee; provincial government.

The purpose of the article is to study the activities of the county administrative committees and their relations with the provincial government. These processes were the main factors in the functioning of the local economy in the province. In particular, the author examined the work of the Barnaul County Administrative Committee. The study has benefited from archival materials of office-work nature. The author shows that the Committee did not have a stable composition. As a rule, from one to five peasant heads, tax inspectors and other officials of the county took part in the meetings. Representatives of all counties of the county attended the Committee meetings, devoted to drawing up a schedule for the correction of natural duties for the triennium. The article describes the Committee's attempts to maintain the relevance of this schedule, but the new layout was not introduced every three years. This irregularity was caused by the disagreement of the Tomsk provincial government with the provisions fixed in this document. Thereby, the schedule, compiled for three years, operated for four, five and even seven years. The ordinary activities of the Committee were the consideration of requests and petitions from rural communities and officials of the county. In some cases, the Committee itself went with petitions to the Tomsk provincial government. A common practice for the Committee was to review and approve the estimates for the construction of bridges. The author pays special attention to the attempts of the Committee to attract the urban population and the Main Directorate of the Altai District to carry out local duties. One of the discussions between the Barnaul County Administrative Committee and the Tomsk provincial government went beyond correspondence between these institutions. Peasant head A.P. Strohlman appealed to the governor with a complaint about the cancellation by the provincial administration of the resolution of the Committee, organized the filing of complaints on behalf of rural societies to the Minister of Internal Affairs. The author believes that the proposals of the Committee or its individual members were reduced to a more even distribution of duties among the population of the county. There were also contradictions within the Administrative Committee, which sometimes went beyond it. The author comes to a conclusion that the clash of opinions, attempts to introduce innovations into the organization of local economy indi-

cate the initiative of this institution. However, the initiatives of the County Administrative Committee, in many cases, broke up by the conservatism of the provincial government, bound by strict legislative norms.

REFERENCES

1. Remnev, A.B. (1997) *Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika vtoroy poloviny XIX – nachala XX vekov* [Autocracy and Siberia. Administrative policy of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Omsk: Omsk State University.
2. Palin, A.V. (2004) *Tomskoe gubernskoe upravlenie (1895–1917 gg.): struktura, kompetentsiya, administratsiya* [Tomsk Provincial Department (1895–1917): structure, competence, administration]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
3. Pocherevin, E.V. (2013) *Nizovaya administrativno-sudebnaya sistema v Altayskom okruge (konets XIX v. – 1917 g.)* [Lower administrative and judicial system in the Altai region (end of the 19th century – 1917)]. Biysk: Altai State Academy of Education.
4. Yargaev, M.Kh. (2004) Institut krest'yanskikh nachal'nikov v Zabaykal'e i na Dal'nem Vostoke (1901–1917 gg.) [Institute of Peasant Leaders in Transbaikalia and the Far East (1901–1917)]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*. 2. pp. 107–113.
5. Zalyubovskaya, T.A. (2012) Krest'yanskie nachal'niki Zabaykal'skoy oblasti [Peasant leaders of the Trans-Baikal region]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 7 (21):1. pp. 76–80.
6. Gil'denberg, V.N. (2012) Khozyaystvenno-finansovaya deyatel'nost' krest'yanskikh nachal'nikov po materialam gubernskikh reviziy v Tobol'skoy gubernii v kontse XIX – nachale XX v. [Economic and financial activities of peasant chiefs based on materials of provincial audits in Tobolsk Province in the late 19th – early 20th centuries]. *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*. 3 (109). pp. 26–28.
7. Russian Empire. (1899) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii: v 5 t.* [Code of laws of the Russian Empire: in 5 vols]. Vol. 4. St. Petersburg.
8. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 65. List 1d. File 1. (In Russian).
9. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 19. File 1510. (In Russian).
10. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 62. List 1. File 214. (In Russian).
11. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 19. File 1546. (In Russian).
12. State Archive of Altai Krai (GAAK) Fund 198. List 1. File 59. (In Russian).
13. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 12. File 1635. (In Russian).
14. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 62. List 1. File 93. (In Russian).
15. State Archive of Altai Krai (GAAK) Fund 32. List 1. File 892. (In Russian).
16. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 62. List 1. File 147. (In Russian).
17. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 23. File 43. (In Russian).
18. State Archive of Altai Krai (GAAK) Fund 233. List 1. File 48. (In Russian).
19. State Archive of Altai Krai (GAAK) Fund 65. List 1. File 237. (In Russian).

Received: 04 May 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 125–130. DOI: 10.17223/15617793/420/17

УДК 327.8

В.А. Родионов, И.Г. Аюшиева

«ТРЕТИЙ СОСЕД» МОНГОЛИИ КАК ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ

Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-27-03001 «Внешние факторы политического процесса в современной Монголии».

Исследуется роль концепта «третий сосед» во внешнеполитической стратегии современной Монголии. Анализ наиболее значимых документов, а также официальных речей, имеющих отношение к внешней политике Монголии, показывает, что в основе данного концепта лежит политико-идеологический смысл, основанный на «общности демократических ценностей». В связи с этим главными внерегиональными партнерами Монголии являются страны Запада и его союзники, активно конкурирующие за влияние в регионе с Россией и Китаем.

Ключевые слова: Монголия; Россия; Китай; США; внешняя политика; «третий сосед».

Современная Монголия – это страна, территориально расположенная между двумя великими державами – Россией и Китаем. Именно с Москвой и Пекином Улан-Батор выстраивает стратегические отношения, рассматривая их в качестве своих самых значимых политических и торгово-экономических партнеров. В то же время монгольское руководство, не желая увязывать свою политику исключительно с двумя географическими соседями, стремится диверсифицировать внешние связи, развивая отношения с иными государствами мира.

В отличие от отношений с Россией и Китаем, насчитывающих столетия, взаимодействие Монголии с внерегиональными странами можно признать относительно недавним явлением. Только в послевоенный период МНР сумела добиться значительных успехов в деле расширения внешних связей и международного признания. Первыми государствами, помимо СССР и Китайской республики, официально признавшими Монгольское государство, стали страны социалистического блока – Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария, Албания, Югославия, КНДР. В 1949 г. подтвердили признание независимости Монголии пришедшие к власти в Китае коммунисты. В 1960-е гг. МНР устанавливает дипломатические связи со странами Западной Европы – Великобританией, Францией, Грецией, Австрией, Норвегией, Данией, Финляндией, а также с азиатскими государствами несоциалистической ориентации – Индией, Ираном, Египтом, Алжиром. В 1972 г. были установлены официальные отношения между Улан-Батором и Токио. Наконец, в 1987 г., в период монгольской «перестройки», состоялось взаимное признание Улан-Батора и Вашингтона [1. С. 256–257].

Таким образом, к концу 1980-х гг. МНР поддерживала дипломатические отношения с 83 странами мира, состояла в таких международных организациях как ООН, СЭВ, Движение неприсоединения и ряд других. Однако, несмотря на формально разветвленные международные связи, основной вес внешних контактов МНР приходился на СССР и его восточноевропейских союзников. В 1990 г. свыше 90% всей монгольской внешней торговли приходились на страны – члены СЭВ [Там же. С. 372]. Связи со странами, не входившими в социалистический блок, оставались крайне незначительными.

С распадом Советского Союза и стремительным сокращением интенсивности российско-монгольских взаимоотношений в начале 1990-х гг., для Монголии исчезли прежние гарантии со стороны Москвы в области военной и экономической безопасности. Одновременно с этим основным источником потенциальных вызовов и угроз для страны воспринимался Китай, который, как считали многие в Монголии, способен экономически (а потенциально, и политически) поглотить Монголию [2. С. 7]. В сложившейся ситуации Улан-Батор, провозгласив стратегию «многоопорной» (монг. «олон тулгуурт») внешней политики, сделал акцент на увеличение контактов с внерегиональными государствами [3].

В рамках данной стратегии центральное место заняло понятие «третий сосед» (монг. «гуравдагч хөрш») [4], появившееся в монгольском общественно-политическом дискурсе в начале 1990-х гг. Во время своего визита в Улан-Батор в июле 1991 г. американский госсекретарь Дж. Бейкер назвал США «третьим соседом Монголии, на которого она может полностью полагаться» [5. С. 166–168]. Вскоре в это понятие стали включать множество стран. Наиболее часто называемыми «третьими соседями» Монголии являются США, Япония, Республика Корея, страны-члены ЕС, Канада, Австралия, Турция, Индия. В связи с этим можно заключить, что «третий сосед» подразумевает не одну конкретную страну, а целую группу стран, имеющих тесные связи с Монголией.

В связи с этим возникает вопрос о том, по каким критериям та или иная страна может быть отнесена к «третьему соседу» Монголии. По мнению монгольского эксперта Д. Уламбаяра, стратегия «третьего соседа» носит геополитический характер и основана на принципе баланса сил между двумя географическими соседями Монголии и ее внерегиональными партнерами [6. С. 48]. Согласно данной логике, «третьими соседями» Монголии могут быть названы все без исключения страны, не имеющие с ней общих границ и в то же время способные уравновесить российское и китайское влияние. Однако, как показывает практика, далеко не все внешнеполитические партнеры, с которыми Монголия развивает отношения, называются «третьим соседом». Например, такие страны, как Казахстан, Иран, КНДР, с руководством которых Улан-Батор поддерживает довольно интен-

сивные контакты, никогда не обозначались в качестве «третьего соседа».

В обновленной в 2010 г. Концепции национальной безопасности Монголии в качестве приоритета называется «развитие стратегии “третьего соседа”, двустороннего и многостороннего сотрудничества с высоко развитыми демократиями в политической, экономической, культурной и гуманитарной сферах» [7]. В 2011 г. в новой редакции Концепции внешней политики Монголии также было упомянуто о «третьем соседе»: «Развитие стратегии “третьего соседа”, партнерские отношения и сотрудничество со странами Запада и Востока и объединениями, такими как США, Япония, Европейский союз, Индия, Республика Корея, Турция, будет приоритетом» [8]. Иными словами, в понятие «третий сосед» включаются не все внерегиональные страны, с которыми Улан-Батор поддерживает отношения, а только страны Запада и его союзники, традиционно маркированные как члены мирового демократического сообщества. В этой связи в политических взаимоотношениях Монголии с внерегиональными государствами идеологический фактор с самого начала играл значимую роль, а само понятие «третий сосед» приобрело статус идейно-политического концепта.

Подобная смысловая нагрузка концепта «третий сосед» обусловлена рядом важных факторов экономического и общественно-политического характера.

К 1991 г. монгольская экономика оказалась в состоянии коллапса, что напрямую отразилось на социальном самочувствии населения. По признанию академика Т. Намжима, население Монголии в этот период столкнулось с проблемой нехватки продовольствия [9. С. 83–84]. В этих суровых условиях обращение Улан-Батора за помощью к различным международным организациям и экономически развитым государствам стало практически единственно возможным выходом из сложившейся ситуации. В свою очередь провозглашение Монголией курса на построение демократического общества выполняло функцию «рекламного проекта», при помощи которого можно было привлечь финансовые средства в форме льготных кредитов и безвозмездной помощи со стороны западных демократий. Как отмечают Г. Стейнер-Хамси и И. Столпе, «монгольские власти периодически использовали децентрализацию системы управления в качестве флага для привлечения внешнего финансирования» [10. С. 29]. По мнению Э.Д. Дагбаева, «монгольская многопартийность – это дань требованию Запада» [11. С. 273]. В этой связи провозглашенная многоопорная внешняя политика Монголии виделась составляющей демократических изменений в стране [12. С. 6].

США, Япония, страны Западной Европы со своей стороны, желая поддержать «зарождающуюся демократию в центре Азии», откликнулись на монгольский призыв и начали оказывать Монголии материально-техническую помощь. 12 марта 1991 г. обе палаты Конгресса США приняли резолюцию, в которой американская сторона обязывалась оказать максимальное содействие преобразованиям в Монголии [13. С. 115]. Вашингтон поддержал Монголию при ее вступлении в международные торгово-экономические и финансовые организации. В феврале 1991 г. Монголия стала членом МВФ и ВБ, в январе 1997 г. вступила в ВТО. Япония выступила инициатором движения стран-доноров в поддержку демократических преобразований в Монголии и перехода ее к рыночной экономике. 5–6 сентября 1991 г. японское правительство организовало Международное совещание с участием 7 стран и 3 международных организаций с целью оказания донорской помощи Монголии [13. С. 125]. Только в период с 1993 по 1997 г. японская помощь составила в сумме 507 млн долл. [14. С. 203]. Согласно оценке М. Россаби, на долю Японии в период с 1991 по 1996 г. пришлось 65,6% от всей иностранной помощи [15. С. 215]. В общей сложности западные и японские доноры по состоянию на конец 1992 г. предоставили финансовую помощь Монголии на общую сумму 168 млн долл., что равнялось 11% от ВВП страны [16. С. 344]. Финансовая помощь международных доноров и кредиторов в 2000 г. уже равнялась 17,5% от ВВП страны [17. С. 39].

Спустя годы, когда Монголия сумела преодолеть трудности переходного периода и стабилизировать экономику, у нее по-прежнему осталась крайне высокая степень зависимости от внешних источников, выраженных в иностранных финансовых дотациях, кредитах и инвестициях. А это, в свою очередь, имеет прямое отношение к демократическому имиджу страны. В ходе рабочего визита в США в 1993 г. премьер-министр Монголии П. Жасрай подчеркнул, что «демократия в Монголии укоренилась… и страна надеется быть для США надежным инвестиционным и торговым партнером» [18. С. 45]. Президент Ассоциации финансового рынка Монголии О. Ганзориг отметил, что Монголия «сможет привлечь иностранные инвестиции только тогда, когда сможет доказать им, что она является демократической страной» [19. С. 4]. В 2013 г. в ходе работы Мирового экономического форума в Давосе в рамках мини-конференции «Стратегический диалог по поводу развития Монголии» монгольский министр иностранных дел Л. Болд заявил о «важности поддержания имиджа Монголии в качестве открытой и демократической страны с точки зрения привлечения инвестиций» [20].

На экономическое развитие Монголии опосредованное влияние оказывают ее оценки в различных рейтингах демократий. Главными экспертами в оценке монгольской демократии являются западные неправительственные организации (НПО). Положительные оценки, даваемые монгольской демократии этими НПО, предоставляют возможность Монголии улучшить свой имидж как демократической страны, что, в свою очередь, способно повлечь за собой экономические выгоды – новые льготные кредиты и финансовую помощь западных стран, улучшение инвестиционного климата. Например, в 2014 г. спикер парламента З. Энхболд в своей речи на открытии осенней сессии Великого государственного хурала (ВГХ) отдельно отметил достижения Монголии в сфере борьбы с коррупцией, увязав их с оценками международной организации «Transparency International». По его словам, вследствие государственной политики и дея-

тельности по борьбе с коррупцией Монголия поднялась со 124-го на 84-е место в рейтинге восприятия коррупции, составляемом данной организацией [21. С. 3]. Тем самым ситуация в сфере антикоррупционной политики Монголии напрямую увязывается с внешними оценками аффилированных с Западом организаций.

Тема «общности демократических ценностей» неизменно подается «в одном пакете» с вопросами торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества между Монголией и западными странами. Так, в ходе беседы монгольского президента Ц. Элбэгдоржа и президента США Б. Обамы (в рамках официального визита монгольского президента в США в июне 2011 г.) сторонами были отмечены «значимость защиты и развития демократии, прав и свободы человека, являющиеся общими интересами двух стран… а также важность интенсификации торгово-экономического сотрудничества» [22]. Американский посол в Монголии П. Кемпбелл, используя демократическую риторику, откровенно лоббирует экономические интересы американских компаний в Монголии: «Когда тендерный отбор будут проводить открыто, гласно и справедливо (*в Монголии – прим. авт.*), крупные американские компании смогут предложить свои цены и технологии, опираясь на свои сильные стороны. Например, такие, как компания «Пибоди», которая хотела бы принять участие в проекте по разработке Тавантолгой» [23]. Президент американской государственной корпорации «Фонд испытаний тысячелетия» Д. Хайд во время встречи с монгольскими официальными лицами подчеркнула прямую связь между решением предоставить финансовую помощь Монголии и укреплением в этой стране демократического правления [24].

Помимо американских политиков, к демократическому дискурсу в отношениях с Монголией прибегают и представители других стран. Премьер-министр Индии Н. Моди в ходе официального визита в Монголию в мае 2015 г. подчеркнул, что «наши страны объединяют такие ценности, как демократия, права человека, главенствование закона» [25. С. 5]. В совместном заявлении, сделанном в феврале 2015 г. японским премьер-министром С. Абэ и главой монгольского правительства Ч. Сайханбилэгом, первым пунктом было сказано, что «идея “Свобода и демократия, мир, взаимопомощь” является основой ценностью дружественных отношений между Монголией и Японией» [26].

Идеологический фактор используется в том числе для того, чтобы оказать влияние на отношения Монголии с ее географическими соседями. Рассуждая о демократии в Монголии, западные и некоторые монгольские политики и эксперты указывают на ее принципиальные отличия от России и Китая. При этом статус демократической страны, по замыслу авторов подобных заявлений, должен выступать безусловным преимуществом Монголии в сравнении с Россией и Китаем. Характерными в этом плане являются слова монгольского политика, депутата ВГХ М. Батчимэг о том, что «на карте мира, составленной организацией «Freedom House», Монголия выглядит как одинокий зеленый остров посреди широкого океана… недемократических стран» [27. С. 54]. Не менее показательна фраза научного сотрудника Университета Эмори Б. Кнауфта, утверждающего, что «Монголия являет собой позитивный пример страны, которая успешно развивается, даже будучи окруженной авторитарными и агрессивными сверхдержавами» [28. С. 8].

Современные образы соседей Монголии в интерпретации авторов из ряда внерегиональных держав, как правило, рисуются в негативном цвете, изображаются в качестве главных внешних вызовов и даже угроз по отношению к Монголии, ее независимости и безопасности, а также демократическому развитию. По мнению индийского исследователя Ш. Сони, «Китай не желает, чтобы Монголия усиливала свою демократическую идентичность» [29. С. 40]. Ш. Сони напрямую увязывает демократию и монгольскую независимость, указывая на два основных показателя демократии в Монголии – многопартийные выборы и независимую политическую идентичность [Там же. С. 43]. Американский политолог М. Фиш, подчеркивая уникальность демократической Монголии, указывает на ее «окружение со всех сторон авторитарными режимами» [30. С. 323]. Японский журналист О. Хироки сравнивает отношения Монголии с Россией и Китаем как ситуацию между Сциллой и Харибдой [31].

Экспертное сообщество, оценивая политическое развитие Монголии, также сравнивает ее с соседними постсоветскими республиками Центральной Азии. Ш. Сони пишет о монгольском опыте демократизации как «об относительно мирном транзите… контрастирующем на фоне бывших советских республик Центральной Азии». Это дает ему основание признать Монголию «единственной постсоциалистической демократией в Азии» [29. С. 31]. Сотрудник американского фонда «Наследие» (Heritage Foundation) Д. Ткачик назвал Монголию «рекламной вывеской демократии в Евразии… резко контрастирующей с остальной постсоветской Центральной Азией, где президентские формы правления привели к установлению сильной единоличной диктатуры» [32].

Давая негативную оценку российско-монгольским и монголо-китайским отношениям, западные эксперты выдвигают в качестве «позитивной альтернативы» политику «третьего соседа». Бывший сотрудник Госдепартамента США, член Атлантического совета Дж. Метлз в интервью монгольскому журналисту выразил позицию о том, что «для Монголии сближение и с Китаем, и с Россией всегда было негативным... есть страны, заинтересованные в партнерстве с Монголией на уровне “третьего соседа”, например, Япония. Поэтому Монголии следует уделять больше внимания своей внешней политике “третьего соседа”» [33]. Официальные представители США, демонизируя соседей Монголии, пытаются оказывать влияние не ее внешнеполитическую стратегию. Отвечая на вопрос монгольского журналиста о перспективах членства Монголии в ШОС, посол США в Улан-Баторе П. Кемпбелл заявила, что «самый первый вопрос, который должна задать себе любая страна при решении членства в любой международной организации, насколько принципы этой организации соответствуют

ценностям и идеалам самой страны. При негативном результате страна рискует потерять свой авторитет на мировой арене. У Монголии пока статус наблюдателя, но предоставят ли члены этой организации Монголии возможность соблюдать самую большую ценность, которой придерживается Монголия: права человека?» [34. С. 2]. Стоит отметить, что данное высказывание прозвучало вскоре после официального визита в Монголию Си Цзиньпина и накануне рабочего визита в эту страну В.В. Путина. Во время визита президента Монголии Ц. Элбэгдоржа в Нью-Йорк в сентябре 2014 г. с целью выступления на Генеральной Ассамблее ООН со стороны американских властей ему были заданы вопросы, касающиеся сближения Монголии с Россией и Китаем. В частности, президенту намекнули на то, что «возврат к додемократическому мышлению» может затруднить интеграцию Монголии в мировую экономику через политику «третьего соседа» [35].

Что первично в иерархии интересов внерегиональных держав в Монголии – стратегические задачи международно-регионального масштаба или же приверженность идейно-политическим принципам поддержки демократии в мире – вопрос отчасти риторический. Однако, каков бы ни был на него ответ, однозначно можно говорить о наличии серьезного внешнего фактора, выраженного в политике «третьего соседа», который оказывает постоянное влияние на политический процесс в Монголии. Как следствие, в политике на монгольском направлении российское и китайское руководство, преследуя собственные цели, не могут не учитывать фактор «третьего соседа».

ЛИТЕРАТУРА

1. История Монголии. XX век. М. : ИВ РАН, 2007.
2. Цэнгэлт Г. Возможно, в ближайшие 10 лет Китай завоюет Монголию // Ардчилал. 1993. № 17.
3. Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал (Концепция внешней политики Монголии). Официальный сайт правительства Монголии. URL: http://www.pmis.gov.mn (дата посещения: 20.03.2017).
4. Монгол улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал (Концепция национальной безопасности Монголии). Официальный сайт министерства иностранных отношений Монголии. URL: http://www.mfat.gov.mn (дата посещения: 20.03.2017).
5. Олзвой Х.Ж. Бейкерийн айлчлал хийгээд «гуравдахь түнш»-ийн асуудалд (Визит Дж. Бейкера и вопрос о «третьем соседе») // Олон улсын харилцаа. 2002. № 1. Х. 166–168.
6. Ulambayar D. Mongolia's "Third Neighbor" Policy: Natureand Purpose // World Affairs (Ulaanbaatar). 2015. № 2 (31). P. 47–55.
7. Монгол улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал (Концепция национальной безопасности Монголии) // Официальный сайт министерства иностранных отношений Монголии. URL: http://www.mfat.gov.mn (дата посещения: 20.03.2017).
8. Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал (Концепция внешней политики Монголии) // Официальный сайт правительства Монголии. URL: http://www.pmis.gov.mn (дата посещения: 20.03.2017).
9. Namjim T. The Economy of Mongolia: From Traditional Times to the Present. Occasional Papers of the Mongolia Society / ed. by W. Rozycki. Bloomington : The Mongolia Society, Inc., 2000.
10. Steiner-Khamsi Z., Stolpe I. Decentralization and recentralization in Mongolia: tracing the swing of pendulum // Comparative Education. 2004. Vol. 40, № 1. P. 29–53.
11. Дагбаев Э.Д. Институциональный дизайн политических процессов в российских регионах Внутренней Азии и Монголии. Улан-Удэ : Бурятский госуниверситет, 2011.
12. Chuluunbaatar G. Problems of the contemporary socio-political transformation in Mongolia. Ulaanbaatar: Institute of Philosophy, Sociology and Law, 2009.
13. Гольман М.И. Современная Монголия в оценках западных авторов. М. : ИВ РАН, 2010.
14. Batbayar Ts. Mongolia's Foreign Policy at the Beginning of XX Century: New Identity and New Challenges // RSIM. 2002. № 17. P. 198–204.
15. Rossabi M. Modern Mongolia. From Khans to Commissars to Capitalists. Los Angeles ; London : University of California Press, 2005.
16. Boone P. Grassroots Macroeconomic Reform in Mongolia // Journal of Comparative Economics. 1994. № 18. P. 329–356.
17. World Bank. Mongolia public expenditure and financial management review. Bridging the public expenditure management gap. Washington DC., 2002.
18. Batbayar Ts. Mongolia in 1993: a fragile democracy // Asian Survey. 1994. Vol. 34, № 1. P. 41–45.
19. О. Ганзориг: На объем иностранных инвестиций, кроме правовой среды, огромное влияние имеет общественное мнение // Монголия сегодня. 08.07.2013.
20. Foreign Minister vows to boost cooperation with Davos summit. URL: http://www.news.mn/r/165653 (дата посещения: 20.03.2017).
21. Осталось менее двух лет, когда народ подведет итоги нашей работы // Монголия сегодня. 02.10.2014.
22. США и Монголия будут сотрудничать в сфере экономики и развития демократии. 17 июня 2011 г. URL: http://www.inright.ru/news/economy/20110617/id_7598/ (дата посещения: 20.03.2017).
23. Интервью с чрезвычайным и полномочным послом США в Монголии госпожой Пайпэр Энн Уинд Кэмбэлл. URL: http://www.mongolnow.com/posol_us.html (дата посещения: 20.03.2017).
24. Л. Пүрэвсүрэн сайд мянганы сорилтын корпорацийн дэд ерөнхийлөгчийг хүлээн авч уулзав (Министр Л. Пурэвсурэн принял президента «Фонда испытаний тысячелетия»). URL: http://www.mfa.gov.mn/?p=27878 (дата посещения: 20.03.2017).
25. Нарендра Моди: Географическое положение Монголии не должно быть ей преградой в свободе выбора партнера // Монголия сегодня. 18.05.2015.
26. Совместное заявление премьер-министров Монголии и Японии. URL: http://news.mongolnow.com/11_02_01.html (дата посещения: 20.03.2017).
27. Batchimeg M. Mongolian Economic Background and Political Destiny // Mongolians after Socialism: Politics, Economy, Religion / ed. by Bruce M. Knauft, Richard Tauper. Ulaanbaatar : Admon Press, 2012. P. 53–60.
28. Bruce M. Knauft. Mongolians before, during, and after Socialism: Analytic Overview and Policy Implications // Mongolians after Socialism: Politics, Economy, Religion / ed. by Bruce M. Knauft, Richard Tauper. Ulaanbaatar : Admon Press, 2012. P. 3–17.
29. Soni S. Evaluating Mongolia's Experience of Democratization: The Post Soviet Scenario // The Mongolian Journal of International Affairs. 2013. Vol. 18. Pp. 30–46.
30. Fish S. The Inner Asian Anomaly: Mongolia's Democratization in Comparative Perspective // Communist and Post-Communist Studies 34. № 3 (September 2001). P. 323–338.
31. Ока Хироки. Новый взгляд на значимость Монголии в стратегии Японии. URL: http://asiarussia.ru/articles/8344/ (дата посещения: 20.03.2017).
32. Tkacik J.J. Mongolia's Democratic Identity. 21 June 2005. URL: www.heritage.org (дата посещения: 20.03.2017).

33. Жейми Мэтзл: Ардчилалд эргэлзэж эхэлсэн нь Монголд л хохиролтой (Джейми Метзл: Для Монголии будет хуже, если она усомнится в демократии). URL: http://www.itoim.mn/index.php/site/news/629 (дата посещения: 20.03.2017).
34. Пайпэр Энн Уинд Кемпбелл: Политика «приоритетного» и «третьего соседа» – признак здоровья // Монголия сегодня. 01.09.2014.
35. Campi A. Transforming Mongolia-Russia-China Relations: The Dushanbe Trilateral Summit // The Asia-Pacific Journal. 2014. Vol. 12, is. 44, № 1. November 10. URL: http://apjjf.org/2014/12/45/Alicia-Campi/4210.html (дата посещения: 20.03.2017).

Статья представлена научной редакцией «История» 4 мая 2017 г.

THE "THIRD NEIGHBOR" AS AN IDEOLOGICAL POLITICAL CONCEPT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 125–130.
DOI: 10.17223/15617793/420/17

Vladimir A. Rodionov, Buryat State University (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: vladimir_198025@mail.ru
Irina G. Ayushieva, Buryat State University (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: aig1973@mail.ru

Keywords: Mongolia; Russia; China; USA; foreign policy; "third neighbor".

The main researcher's attention is focused on the analysis of the substantive content of the concept "third neighbor" used in the foreign policy of the post-socialist Mongolia. Being geographically closed between Russia and China, Mongolia seeks to expand its external partners using the strategy of a "multi-pillar" foreign policy. The central place of the diversification strategy of Mongolia's foreign relations is the concept of "third neighbor". Appearing in the early 1990s, the concept "third neighbor" is widely used in most documents on Mongolia's foreign policy. Content analysis of these documents shows that the concept includes the major powers of the West (USA, Canada, EU countries) and its allies (Japan, South Korea, India, Turkey). As a result, the concept "third neighbor" becomes an ideological and political concept, the essence of which is "common democratic values". Mongolia, as a country with relatively small foreign policy resources, demonstrates an extremely high degree of dependence on the outside world. First of all, it concerns economic aid and investment. Since the 1990s, it is the collective West the plays the role of one important source of the economic development of Mongolia. This fact has a major impact on the institutional framing of the political regime of Mongolia that accepts the rules of the game of the "third neighbor" in exchange for certain political and economic preferences. The principle of "common values" is an important channel of influence of foreign states on Mongolia. In an effort to develop and deepen the democratization process, the Mongolian leaders one way or another focused on the experience of the leading democracies of the West that are the main expertise and qualification centers for Mongolia. Moreover, positioning itself on the international stage as a developed democracy for Mongolia is a means of ensuring national security, sovereignty, economic development and international prestige. Affecting Mongolia through various political, economic, cultural and educational channels, the "third neighbor" is actively opposed to its immediate neighbors – Russia and China. In the framework of the democratic discourse, the core of the concept "third neighbor", Russia and China are drawn as the authoritarian and aggressive neighbors of Mongolia, threatening its sovereignty and security. In this regard, in its relations with Mongolia the Russian side needs to take into account extra-regional players capable of damaging Russian interests in Mongolia.

REFERENCES

1. Yaskina, G. (ed.) (2007) *Istoriya Mongolii. XX vek* [History of Mongolia. The 20th century]. Moscow: IES RAS.
2. Tsengelt, G. (1993) Vozmozhno, v blizhayshie 10 let Kitay zavoyuet Mongoliyu [Perhaps in the next 10 years, China will conquer Mongolia]. *Ardchilal*. 17.
3. Official website of the Government of Mongolia. (n.d.) *Concept of foreign policy of Mongolia*. [Online] Available from: http://www.pmis.gov.mn. (Accessed: 20.03.2017). (In Mongolian).
4. Official website of the Ministry of Foreign Affairs of Mongolia. (n.d.) *National security concept of Mongolia*. [Online] Available from: http://www.mfat.gov.mn. (Accessed: 20.03.2017). (In Mongolian).
5. Olzvoy, Kh.Zh. (2002) Visit of J. Baker and the question of the "third neighbor". *Olon ulsyn khariltsaa*. 1. pp. 166–168. (In Mongolian).
6. Ulambayar, D. (2015) Mongolia's "Third Neighbor" Policy: Natureand Purpose. *World Affairs (Ulaanbaatar)*. 2 (31). pp. 47–55.
7. Official website of the Ministry of Foreign Affairs of Mongolia. (n.d.) *National security concept of Mongolia*. [Online] Available from: http://www.mfat.gov.mn. (Accessed: 20.03.2017). (In Mongolian).
8. Official website of the Government of Mongolia. (n.d.) *Foreign Policy Concept of Mongolia*. [Online] Available from: http://www.pmis.gov.mn. (Accessed: 20.03.2017). (In Mongolian).
9. Namjim, T. (2000) The Economy of Mongolia: From Traditional Times to the Present. In: Rozycki, W. (ed.) *Occasional Papers of the Mongolia Society*. Bloomington: The Mongolia Society, Inc.
10. Steiner-Khamsi, Z. & Stolpe, I. (2004) Decentralization and recentralization in Mongolia: tracing the swing of pendulum. *Comparative Education*. 40 (1). pp. 29–53.
11. Dagbaev, E.D. (2011) *Institutsional'nyy dizayn politicheskikh protsessov v rossiyskikh regionakh Vnutrenney Azii i Mongolii* [Institutional design of political processes in the Russian regions of Inner Asia and Mongolia]. Ulan-Ude: Buryat State University.
12. Chuluunbaatar, G. (2009) *Problems of the contemporary socio-political transformation in Mongolia*. Ulaanbaatar: Institute of Philosophy, Sociology and Law.
13. Golman, M.I. (2010) *Sovremennaya Mongoliya v otsenkakh zapadnykh avtorov* [Modern Mongolia in the assessments of Western authors]. Moscow: IES RAS.
14. Batbayar, Ts. (2002) Mongolia's Foreign Policy at the Beginning of XX Century: New Identity and New Challenges. *RSIM*. 17. pp. 198–204.
15. Rossabi, M. (2005) *Modern Mongolia. From Khans to Commissars to Capitalists*. Los Angeles; London: University of California Press.
16. Boone, P. (1994) Grassroots Macroeconomic Reform in Mongolia. *Journal of Comparative Economics*. 18. pp. 329–356.
17. World Bank. (2002) *Mongolia public expenditure and financial management review. Bridging the public expenditure management gap*. Washington DC.
18. Batbayar, Ts. (1994) Mongolia in 1993: a fragile democracy. *Asian Survey*. 34 (1). pp. 41–45.
19. Ganzorig, O. (2013) Na ob"em inostrannykh investitsiy, krome pravovoy sredy, ogromnoe vliyanie imeet obshchestvennoe mnenie [The volume of foreign investment, except for the legal environment, has a huge influence of public opinion]. *Mongoliya segodnya*. July 08.
20. News.mn. (2013) *Foreign Minister vows to boost cooperation with Davos summit*. [Online] Available from: http://www.news.mn/r/165653. (Accessed: 20.03.2017).
21. Mongoliya segodnya. (2014) Ostalos' menee dvukh let, kogda narod podvedet itogi nashey raboty [There are less than two years left when the people will sum up the results of our work]. *Mongoliya segodnya*. 02 October.

22. Inright.ru. (2011) *SShA i Mongoliya budut sotrudnichat' v sfere ekonomiki i razvitiya demokratii. 17 iyunya 2011 g.* [The United States and Mongolia will cooperate in the field of economy and democracy development. June 17, 2011]. [Online] Available from: http://www.inright.ru/news/economy/20110617/id_7598/. (Accessed: 20.03.2017).
23. Mongolnow.com. (n.d.) *Interv'yu s chrezvychaynym i polnomochnym poslom SShA v Mongolii gospozhoy Payper Enn Uind Kembell* [Interview with the Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the United States in Mongolia, Mrs. Piper Ann Wynd Cambell]. [Online] Available from: http://www.mongolnow.com/posol_us.html. (Accessed: 20.03.2017).
24. Mfa.gov.mn. (2014) *Minister L. Purevsuren received the President of the Millennium Challenge Fund*. [Online] Available from: http://www.mfa.gov.mn/?p=27878 . (Accessed: 20.03.2017). (In Mongolian).
25. Narendra Modi. (2015) Geograficheskoe polozhenie Mongolii ne dolzhno byt' ey pregradoy v svobode vybora partnera [The geographical position of Mongolia should not be a barrier to it in the choice of a partner]. *Mongoliya segodnya*. May 18.
26. Mongolnow.com. (2015) *Sovmestnoe zayavlenie prem'er-ministrov Mongolii i Yaponii* [Joint communique of Prime Ministers of Mongolia and Japan]. [Online] Available from: http://news.mongolnow.com/11_02_01.html. (Accessed: 20.03.2017).
27. Batchimeg, M. (2012) Mongolian Economic Background and Political Destiny. In: Knauft, B.M. & Tauper, R. (eds) *Mongolians after Socialism: Politics, Economy, Religion*. Ulaanbaatar: Admon Press.
28. Knauft, B.M. (2012) Mongolians before, during, and after Socialism: Analytic Overview and Policy Implications. In: Knauft, B.M. & Tauper, R. (eds) *Mongolians after Socialism: Politics, Economy, Religion*. Ulaanbaatar: Admon Press.
29. Soni, S. (2013) Evaluating Mongolia's Experience of Democratization: The Post Soviet Scenario. *The Mongolian Journal of International Affairs*. 18. pp. 30–46.
30. Fish, S. (2001) The Inner Asian Anomaly: Mongolia's Democratization in Comparative Perspective. *Communist and Post-Communist Studies*. 34. 3 (September). pp. 323–338.
31. Oka Hiroki. (2015) *Novyy vzglyad na znachimost' Mongolii v strategii Yaponii* [A new look at the importance of Mongolia in the strategy of Japan]. [Online] Available from: http://asiarussia.ru/articles/8344/. (Accessed: 20.03.2017).
32. Tkacik, J.J. (2005) *Mongolia's Democratic Identity*. 21 June. [Online] Available from: www.heritage.org. (Accessed: 20.03.2017).
33. Itoim.mn. (2015) *Jamie Metzl: It will be worse for Mongolia if it doubts democracy*. [Online] Available from: http://www.itoim.mn/index.php/site/news/629. (Accessed: 20.03.2017). (In Mongolian).
34. Campbell, P.A.W. (2014) Politika "prioritetnogo" i "tret'ego soseda" – priznak zdorov'ya [The policy of "priority" and "third neighbor" – a sign of health]. *Mongoliya segodnya*. 01 September.
35. Campi, A. (2014) Transforming Mongolia-Russia-China Relations: The Dushanbe Trilateral Summit. *The Asia-Pacific Journal*. 12:44, 1. November 10. [Online] Available from: http://apjjf.org/2014/12/45/Alicia-Campi/4210.html. (Accessed: 20.03.2017).

Received: 04 May 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 131–135. DOI: 10.17223/15617793/420/18

УДК 329.8; 328.12;325.14

А.С. Сербина, О.А. Прядкина

ПОЗИЦИЯ ПАРТИЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ГЕРМАНИИ ПО ВОПРОСУ РЕФОРМИРОВАНИЯ ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Рассматриваются позиции основных политических партий Великобритании и Германии по иммиграционному вопросу в контексте их перспектив на парламентских выборах. Проводится сравнение британского и немецкого подходов. Сделан вывод, что евроскептицизм больше характерен для британских партий, которые выступают за разную степень ограничения притока мигрантов и ужесточения иммиграционной политики вплоть до полного закрытия границ как для граждан третьих стран, так и для граждан стран – членов ЕС.

Ключевые слова: Великобритания; Германия; политические партии; миграционная политика; парламентские выборы; предвыборные программы.

Миграционный кризис стал серьезным вызовом солидарности внутри ЕС. Как реакция на наплыв беженцев растет популярность европейских праворадикальных партий, а страны-члены больше не хотят передавать новые полномочия наднациональным институтам. Будущее миграционной политики ЕС зависит от позиции отдельных государств-членов по этому вопросу, которая в свою очередь является отражением внутриполитической миграционной риторики. В этом контексте интересно сравнить позицию по миграционному вопросу политических партий Великобритании, заявившей на волне миграционного кризиса о своем выходе из ЕС, и партий Германии, которая продолжает оставаться лидером европейской интеграции.

В Великобритании первая волна сирийских беженцев совпала с периодом проведения предвыборных кампаний партиями в преддверии Парламентских выборов в 2015 г., что, несомненно, нашло отражение в их агитационных программах, а результаты выборов показали отношение британцев к столь острой проблеме, как иммиграция.

Парламентские выборы в Великобритании, состоявшиеся в мае в 2015 г., укрепили положение Консервативной партии в Палате общин, которая заняла 330 мест [1], и позволили ей сформировать однопартийное правительство. Официальная позиция консерваторов относительно формирования иммиграционной политики Великобритании заключается в ее ужесточении путем ограничения свободного доступа иммигрантов к труду, льготному жилью и медицинскому обслуживанию, а также к открытию банковских счетов и получению водительских прав на территории страны [2]. В предвыборной программе 2015 г. консерваторы обозначили следующие положения относительно обеспечения контроля над иммиграцией: ограничение иммиграции в рамках десятков тысяч, реформирование системы социального обеспечения иммигрантов, пресечение нелегальной иммиграции, усиление пограничного контроля и создание фонда социальной поддержки иммигрантов [3. P. 29].

В октябре 2015 г. на ежегодной конференции Консервативной партии министр внутренних дел Великобритании Тереза Мэй в своей речи, посвященной британской иммиграционной политике, заявила о том, что Великобритания должна сконцентрировать свое внимание, в первую очередь, на помощи тем иммигрантам и беженцам, которые уже прибыли в страну, а не на поиске общеевропейского выхода из миграционного кризиса. Мэй подчеркнула, что большой приток иммигрантов в страну усложняет работу социальных служб, а также усиливает конкуренцию на рынке труда, что может привести к росту социальной напряженности. По ее словам, экономический эффект от высокого уровня иммиграции в страну близок к нулю, поэтому она призвала ЕС сконструировать новые механизмы регуляции миграционных процессов внутри блока, так как неконтролируемые миграционные потоки из ЕС в страну могут привлечь не только сирийских беженцев, но людей, бегущих от правосудия в своей стране, а также террористов [4]. На следующей конференции консерваторов в 2016 г., которая состоялась после всенародного решения о выходе Великобритании из состава ЕС, находясь в должности 76-го премьер-министра Великобритании, Мэй провозгласила курс на восстановление суверенитета Британии над своей иммиграционной политикой [5].

Следующей по числу представителей в Палате общин партией является Лейбористская партия, возглавляемая Джереми Корбином и занимающая 232 места [1]. Лейбористы в своей предвыборной программе 2015 г. обозначили не столь жесткую антииммиграционную позицию, как консерваторы. Они выступают за усиление контроля над нелегальной иммиграцией, а также за сокращение низкоквалифицированной трудовой миграции в страну. Лейбористы предлагают ввести строгий учет выезжающих и въезжающих в страну, разработать правила, предотвращающие незаконную эксплуатацию труда иммигрантов, в том числе путем закрытия кадровых агентств, специализирующихся на привлечении трудовых иммигрантов. Они также признают, что британская экономика получает выгоду от привлечения в страну иностранных инвестиций и высококвалифицированных и талантливых работников, включая иностранных студентов британских вузов, поэтому необходимо проводить работу по интеграции иммигрантов, одним из путей которой является обязательное требование для трудящихся иммигрантов, работающих на государственной службе или в социальном секторе, в делопроизводстве использовать исключительно английский язык. Более того, по мнению лейбористов, следует ограничить иммигрантов в получении пособий в течение первых двух лет после приезда в страну, а

также приостановить выплату пособий на детей-иммигрантов, прибывших в Великобританию без сопровождения родителей или официальных представителей. Предвыборная программа Лейбористской партии также провозглашает продолжение выполнения Великобританией международных обязательств по вопросам предоставления убежища лицам, спасающимся от преследований и вооруженных конфликтов, включая сотрудничество с ООН по оказанию помощи беженцам из Сирии [6. P. 66–67].

Шотландская национальная партия (далее – ШНП) – третья по числу представителей в Парламенте, занявшая по результатам парламентских выборов 2015 г. 56 мест в Палате общин, что является лучшим результатом за всю историю существования партии. ШНП является сторонницей ужесточения контроля границ государства, в частности, границ Шотландии, но, с другой стороны, она так же, как и Лейбористская партия, выступает за поддержку высококвалифицированных трудовых иммигрантов, а также выпускников британских вузов путем упрощения процедуры получения ими рабочей визы по окончании обучения сроком на два года, так как те могут внести весомый вклад в экономику страны [7. P. 10]. Помощь сирийским беженцам также является одним из ключевых аспектов иммиграционной политики партии: Шотландия должна реагировать на гуманитарную катастрофу на Ближнем Востоке и предложить беженцам убежище и помощь, но исключительно при полной идентификации прибывающих и сотрудничестве с Министерством внутренних дел Великобритании и Уполномоченным верховного комиссара по делам беженцев ООН во избежание актов подрыва безопасности и стабильности в стране [8].

Партия либеральных демократов по результатам парламентских выборов 2015 г. утратила ранее имеющееся положение в Палате общин: 8 мест против 49 [1]. Либеральные демократы занимают схожую с Лейбористами и ШНП позицию относительно иммиграционной политики Великобритании. Они выступают за пресечение незаконной иммиграции в страну путем совершенствования пограничного контроля, за борьбу с эксплуатацией труда иммигрантов и торговлей людьми [9. P. 118].Также они предлагают четко разграничивать трудовых иммигрантов и беженцев и в соответствии с этим ускорить процедуру рассмотрения прошений с целью получения вида на жительство и статуса беженца, чтобы не давать иммигрантам долго задерживаться на территории страны [Ibid. P. 126]. Либеральные демократы убеждены в том, что иммигранты, обладающие высокой квалификацией, а также студенты, специализирующиеся на естественных и технических науках, инженерии и математике, помогают развитию экономики Британии, поэтому для них необходимо упростить процедуру получения рабочих виз, а иностранцам – выпускникам британских вузов – давать возможность беспрепятственно искать работу в течение полугода на территории страны [Ibid. P. 35].

Партия независимости Соединенного Королевства по результатам выборов, состоявшихся 7 мая 2015 г., впервые за свою историю провела в Палату общин одного депутата [1]. Ведущей целью партии является выход Великобритании из состава ЕС, поэтому она предлагает несколько отличный путь построения иммиграционной политики. Партия независимости Соединенного Королевства выступает за возвращение полного суверенитета Великобритании над ее внешними границами, что невозможно при сохранении членства в ЕС, а также за введение пятилетнего моратория на въезд низкоквалифицированных работников-иммигрантов, что позволит снизить уровень безработицы среди граждан Великобритании и поднять уровень оплаты труда [10. P. 11]. Партия не отрицает возможность введения балльной системы иммиграции в страну по примеру Австралии и провозглашает намерения по борьбе с фиктивными браками. А новая визовая система должна включать пять категорий виз: рабочая; туристическая; студенческая; виза, выдаваемая с целью обеспечения воссоединения семей; виза для беженцев, – выдача которой будет ограничена количеством 50 000 в год [Ibid. P. 12]. Партия выступает за взимание налогов с иммигрантов в течение пяти лет после их приезда в страну, а по истечении этого срока – за предоставление им доступа к социальному обслуживанию (здравоохранение, образование и др.) [Ibid. P. 13].

Таким образом, иммиграционная политика Великобритании определяется курсом Консервативной партии, так как по результатам выборов 2015 г. было сформировано однопартийное консервативное правительство. Схожие позиции занимают Лейбористская, Шотландская национальная и Либерально-демократическая партии: они выступают за ограничение въезда в страну низкоквалифицированных трудовых иммигрантов, но при поддержке иммиграции, представляющей перспективу для британской экономики (выпускники-иностранцы британских вузов, ученые, инвесторы). Наиболее радикальные предложения по реформированию иммиграционной политики Великобритании предлагает Партия независимости Соединенного Королевства, выступающая за введение моратория на въезд низкоквалифицированных трудовых иммигрантов, а также за восстановление суверенитета Великобритании над контролем границ путем выхода страны из ЕС.

Согласно данным программы телеканала ZDF «Политический барометр», если бы всеобщие выборы в Германии прошли в марте 2017 г., то блок ХДС / ХСС мог претендовать на 34% голосов, а СДПГ – на 32%, что является их лучшим результатом в течение последних пяти лет. Предсказуемо партия «Альтернатива для Германии» вышла на третье место, набрав 9% голосов [11].

Главной темой предстоящих осенних выборов в Германии является вопрос, сможет ли Меркель сохранить пост канцлера в условиях огромного наплыва мигрантов с Ближнего Востока. Меркель свою миграционную политику менять не собирается, в отличие от Великобритании ее курс будет ориентирован на открытость и кооперацию. В связи с этим встает вопрос, какая из немецких партий сможет составить конкуренцию христианским демократам.

Основным конкурентом Меркель на выборах является глава СДПГ Мартин Шульц. Как и Меркель, Шульц настаивает на том, чтобы Германия продол-

жила принимать беженцев, но при этом его позиция более прагматичная. Члены СДПГ предлагают внести в иммиграционную политику страны и ЕС в целом следующие изменения:

1. Внести поправки в § 6, п. 1 Закона о предоставлении убежища относительно международной защиты беженцев с ограниченными возможностями. Беженцы-инвалиды согласно Директиве 2013/33/ЕС от 26 июня 2013 г. относятся к числу наиболее уязвимых беженцев и могут воспользоваться первичной медико-санитарной помощью. СДПГ предлагает гарантировать им право на полное медицинское обслуживание сверх принятой Бременской модели. Дополнительно они должны получать необходимые вспомогательные средства (например, инвалидные коляски, ортопедические изделия, очки, слуховые аппараты и т.д.), биологически активные добавки и физиотерапевтическое лечение.

2. С одной стороны, члены СДПГ предлагают расширить возможности для трудовой миграции, не ограничивая ее потребностями рынка труда и высокой квалификацией. Необходимо создать комиссию, которая будет ежегодно оценивать и корректировать возможные объемы иммиграции в страну. С другой стороны, они призывают усилить меры по интеграции всех вновь прибывших в страну, в частности, развивать систему интеграционных курсов и признания иностранных дипломов, предоставлять консультационные услуги, создать единую систему работы с иммигрантами и др.

3. Социал-демократы считают, что в условиях огромного притока беженцев в страну необходима реформа Федерального ведомства по вопросам миграции и беженцев. Предлагается передать его под компетенцию Федерального министерства труда и социальных вопросов, которое имеет больше рычагов давления на общество. Возможно его преобразование в Федеральное ведомство по вопросам миграции и разнообразия, которое должно быть лучше укомплектовано и иметь более четкую структуру. Принимая во внимание и то, что растет нагрузка на ведомство и расширяется круг его задач, количество сотрудников необходимо увеличить до 10 тысяч.

4. Закрепленное в Основном Законе ФРГ право на убежище должно своевременно дополняться законами и нормативными актами. В будущем социал-демократы намерены добиваться следующих изменений:

– в случае угрожающей правам человека ситуации в стране исхода возможно приостановление депортации;

– дать право на получение полного обязательного медицинского страхования всем мигрантам, в отношении которых начато рассмотрение дела о предоставлении убежища;

– полное снятие запрета на работу для лиц, ищущих убежища;

– увеличить сроки апелляции в законе о праве на убежище как минимум на один месяц;

– предоставить право на участие в бесплатных интеграционных курсах;

– обеспечивать школьников деньгами на питание и обучение аналогично получателям пособия по безработице II (SGBII);

– каждому соискателю убежища предоставить независимого переводчика для коммуникации с органами власти.

5. Закрепленное в регламенте «Дублин» положение, согласно которому заявитель может попросить статус беженца только в одной стране ЕС, как правило, это первая страна в которую он въезжает, должно быть отменено. Беженцы будут распределяться по странам ЕС в соответствии с коэффициентом, рассчитанным на основе экономических показателей, численности населения и пожеланий беженцев.

6. СДПГ предлагает всем демократическим силам объединиться против движения «Патриотические европейцы против исламизации Запада», распространяющего человеконенавистнические лозунги. В то же время вхождение партии «Альтернатива для Германии» (далее – АдГ) в парламенты девяти федеральных земель и Европарламент свидетельствует о том, что многие немецкие граждане разделяют правопопулистские лозунги. Поэтому СДПГ призывает с этим бороться, сформулировав неоспоримые доводы против расистских замечаний [12].

За последние несколько лет АдГ заметно укрепила свои позиции. Партия придерживается евроскептических взглядов, поэтому поддержала «Брексит» и требует пересмотреть иммиграционную политику по следующим позициям:

1. Необходимо различать беженцев и нелегальных мигрантов. Беженцы имеют право на защиту до тех пор, пока причины их бегства будут сохраняться в стране исхода. После их устранения они должны покинуть Германию. Нелегальные мигранты не могут претендовать на защиту, которая предоставляется беженцам. Щедрая политика предоставления убежища ведет не только к колонизации Европы представителями других культур, она также ответственна за смерть людей на Средиземном море. АдГ предлагает отказаться от этого циничного гуманизма и тем самым предотвратить опасность возникновения социальных и религиозных волнений, а также постепенного исчезновения европейских культур.

2. АдГ выступает за полное закрытие внешних границ ЕС и предлагает создать центры по приему беженцев в безопасных странах региона их происхождения. В них должны быть размещены отделения Федерального ведомства по вопросам миграции и беженцев, и только после его положительного решения в отношении того или иного соискателя въезд в Германию для него становится возможным. Для предотвращения незаконного пересечения границы на всех контрольно-пропускных пунктах необходимо ужесточить пограничный контроль.

3. Все лица, которым на законных основаниях было отказано в предоставлении убежища, должны немедленно покинуть страну. Возможность оказания помощи развитию и визовая политика должны стать рычагом для сотрудничества со странами происхождения в вопросе репатриации их граждан.

4. АдГ призывает к ограничению передвижения лиц на территории ЕС. Принимающее государство должно контролировать иммиграцию из ЕС рабочих и членов их семьи, которые в течение четырех лет по-

сле приезда в страну не должны иметь доступ к социальной системе.

5. АдГ выступает за умеренную, регулируемую государством иммиграцию из третьих стран, но в соответствии с качественными критериями и в той мере, насколько спрос на рабочую силу не может быть удовлетворен либо за счет внутренних потенциалов, либо за счет иммиграции из стран ЕС.

6. Важное значение в деле предотвращения дальнейшего формирования и существования параллельных обществ в стране имеет интеграция мигрантов. Успешная интеграция подразумевает не только знание языка, но и соблюдение и уважение местных традиций и законов, возможность заработать собственные средства к существованию. Каждый иммигрант должен адаптироваться к своему новому дому, а не наоборот. Те, кто отказываются от интеграции, в конечном итоге могут потерять свое право на проживание в стране.

7. АдГ предлагает сделать расходы, связанные с иммиграцией, прозрачными. По оценкам АдГ, мошенничество в этой сфере достигает сотен миллиардов евро, поэтому необходимо организовать финансирование иммиграции по-новому. Члены партии выступают категорически против введения налога на солидарность для беженцев.

8. Неконтролируемая массовая иммиграция повышает уровень преступности в стране. По мнению членов АдГ, правительство Меркель заманило ложными обещаниями в Германию миллионы людей из разных культур без навыков, необходимых для интеграции. Разочарованные в своих надеждах на процветание, они совершают преступления. Для борьбы с преступностью в иммигрантской среде предлагается создать механизм лишения мигранта, совершившего преступление, права на жительство.

9. АдГ выступает против практики предоставления двойного гражданства. Кроме того, требования к натурализации должны быть значительно увеличены. Дети иностранцев, рожденные на территории Германии, не должны автоматически получать гражданство. [13].

Подобные антииммигранские взгляды все больше и больше разделяют немецких граждан. Однако пока рано говорить о том, что АдГ способна сформировать однопартийное правительство. Ее основной недостаток заключается в ограниченности только одной проблемой – миграцией. ХДС / ХСС и СДПГ – партии более гибкие, они могут корректировать свои программы, лавируя на интересах избирателей. Именно внутрипартийная гибкость позволит им сформировать однопартийное или коалиционное правительство. Таким образом, использование антииммиграционной риторики позволяет политическим партиям повысить свои рейтинги среди избирателей, однако излишний радикализм в этом вопросе может и отпугнуть электорат.

Таким образом, евроскептицизм в той или иной степени характерен для всех партий Великобритании, в то время как среди немецких партий таковой можно считать только АдГ. Позиция британских партий по миграционному вопросу по сравнению с немецкими партиями более консервативна. Это подтверждается и тем, что Консервативная партия Великобритании с легкостью смогла сформировать однопартийное правительство, а в Германии все данные опросов общественного мнения свидетельствуют о вероятности формирования правительства «Большой коалиции». Кроме того, британские партии в своей миграционной риторике делают акцент на ужесточении миграционной политики и ограничении доступа мигрантов на рынок труда и к системе социального обеспечения. Члены немецких партий, напротив, рассуждают о поисках более эффективного механизма регулирования иммиграционных процессов. И, последнее, на что необходимо обратить внимание: представители британских партий рассматривают миграционную политику уже только в национальном контексте, тогда как их немецкие коллеги – как на уровне государства, так и в общеевропейском контексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. General Election 2015. Commons library briefing. UK Parliament. Official website. URL: http://researchbriefings.parliament.uk/ ResearchBriefing/Summary/CBP-7186
2. Our long-term economic plan. Capping welfare and working to control immigration. The Conservative Party. Official website. URL: https://www.conservatives.com/plan/welfareimmigration
3. The Conservative Party Manifesto. The Conservative Party. Official website. 2015. URL: https://s3-eu-west-1.amazonaws.com/manifesto2015/ ConservativeManifesto2015.pdf
4. What Theresa May said about immigration in her infamous speech to Tory conference. The Independent. URL: http://www.independent.co.uk/ news/uk/politics/theresa-may-immigration-policies-speech-conference-2015-tory-conservative-party-views-a7209931.html
5. Theresa May's Conservative conference speech on Brexit. Politics Home.URL: https://www.politicshome.com/news/uk/political-parties/conservative-party/news/79517/read-full-theresa-mays-conservative
6. The Labour Party Manifesto. The Labour Party. Official website. 2015. URL: http://action.labour.org.uk/page/-/A4%20BIG%20_PRINT_ENG_LABOUR%20MANIFESTO_TEXT%20LAYOUT.pdf
7. Stronger for Scotland. SNP Manifesto. Scottish National Party. Official website. 2015. URL: http://votesnp.com/docs/manifesto.pdf
8. Why should Scotland welcome the refugees from Syria? Scottish National Party.Official website. URL: https://www.snp.org/ pb_why_should_scotland_welcome_the_refugees_from_syria
9. The Liberal Democrats Manifesto. The Liberal Democrats. Official website. 2015. URL: https://d3n8a8pro7vhmx.cloudfront.net/libdems/pages/ 8907/attachments/original/1429028133/Liberal_Democrat_General_Election_Manifesto_2015.pdf?1429028133
10. United Kingdom Independence Party Manifesto. United Kingdom Independence Party. Official website. 2015. URL: https://d3n8a8pro7vhmx.cloudfront.net/ukipdev/pages/1103/attachments/original/1429295050/UKIPManifesto2015.pdf
11. PolitbarometerMärz 2017.URL: http://www.forschungsgruppe.de/Aktuelles/Politbarometer/
12. Beschlüsse des ordentlichenBundesparteitags der SPDvom 10. bis 12. Dezember 2015 in Berlin. URL: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Bundesparteitag_2015/Beschlussbuch_SPD_BPT_2015_web.pdf
13. Programm für Deutschland. Das Grundsatzprogramm der Alternative für Deutschland. URL: https://www.alternativefuer.de/wp-content/uploads/ sites/111/2017/01/2016-06-27_afd-grundsatzprogramm_web-version.pdf

Статья представлена научной редакцией «История» 30 апреля 2017 г.

GENERAL POSITIONS OF THE PARTIES OF THE UNITED KINGDOM AND GERMANY ON THE ISSUE OF REFORMING IMMIGRATION POLICY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 131–135.
DOI: 10.17223/15617793/420/18

Anna S. Serbina, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: serbina.anna@mail.ru

Oxana A. Pryadkina, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: oa.pryadkina@gmail.com

Keywords: United Kingdom; Germany; political parties; migration policy; parliamentary elections; election programs.

The paper describes the position of the main political parties of United Kingdom and Germany on the issue of immigration policy in the context of the immigration crisis in Europe. An increase in the interest in this issue is noted in connection with the huge influx of refugees from the Middle East to the EU countries. Main attention is paid to how the position of the parties on migration issues determines their results in the parliamentary elections. Parliamentary elections in the UK in 2015 coincided with the first wave of Syrian refugees, which is reflected in election programmes of parties and election results. The Conservative party, headed by Theresa May, who proposed to toughen immigration policy, had an unambiguous electoral victory, which made it possible to form a single-party government to trigger Brexit. In Germany, all the attention is focused on the upcoming parliamentary elections that will take place in September 2017, the German parties also use anti-immigrant rhetoric. Merkel nominated by the CDU / CSU, again runs for the post of Chancellor, but the failure to change immigration policy can prevent it. A real alternative to the CDU / CSU can be the SPD, headed by Martin Schulz, which, according to the ratings, ranks second. Schultz at this point is more pragmatic than Merkel. Members of the SPD do not propose to refuse to accept refugees, but to amend the migration policy of the country. The conservative and Eurosceptic party Alternative for Germany ranks third; it is able to get about 12% of the votes. As Germany is not a classic country of immigration, the party proposes to radically change the migration policy of the country. From their point of view, it is necessary to clearly define the concepts "refugee" and "illegal migrant": illegal migrants are unable to obtain asylum and are to be deported, also they do not have any right to access the social system. Migration to Germany from EU countries and countries of the third world should be limited and strictly controlled by the government. One of the criteria for immigrants staying in Germany should be the high level of willingness to integrate into the German society. Such views are shared by more and more German citizens, but this is not enough for the Alternative for Germany to form their own government. This party is weak because it deals only with the migration problem. The CDU / CSU and the SPD are more flexible, they can adjust their program to attract more votes. According to this, the Alternative for Germany is doomed to fail at the next parliamentary elections, and the government will be formed by either CDU / CSU or the SPD, or a coalition. Consequently, excessive radicalism on the issue of migration policy can play a low-down trick for the party in the election.

REFERENCES

1. UK Parliament. Official website. (2015) *General Election 2015. Commons library briefing.* [Online] Available from: http://researchbriefings.parliament.uk/ ResearchBriefing/Summary/CBP-7186.
2. The Conservative Party. Official website. (n.d.) *Our long-term economic plan. Capping welfare and working to control immigration.* [Online] Available from: https://www.conservatives.com/plan/welfareimmigration
3. The Conservative Party. Official website. (2015) *The Conservative Party Manifesto*. [Online] Available from: https://s3-eu-west-1.amazonaws.com/manifesto2015/ ConservativeManifesto2015.pdf.
4. The Independent. (2015) *What Theresa May said about immigration in her infamous speech to Tory conference*. [Online] Available from: http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/theresa-may-immigration-policies-speech-conference-2015-tory-conservative-party-views-a7209931.html
5. Politics Home. (2016) *Theresa May's Conservative conference speech on Brexit*. [Online] Available from: https://www.politicshome.com/ news/uk/political-parties/conservative-party/news/79517/read-full-theresa-mays-conservative.
6. The Labour Party. Official website. (2015) *The Labour Party Manifesto.* [Online] Available from: http://action.labour.org.uk/page/-/A4%20BIG%20_PRINT_ENG_LABOUR%20MANIFESTO_TEXT%20LAYOUT.pdf.
7. Scottish National Party. Official website. (2015) *Stronger for Scotland. SNP Manifesto*. [Online] Available from: http://votesnp.com/ docs/manifesto.pdf.
8. Scottish National Party. Official website. (n.d.) *Why should Scotland welcome the refugees from Syria?* [Online] Available from: https://www.snp.org/pb_why_should_scotland_welcome_the_refugees_from_syria.
9. The Liberal Democrats. Official website. (2015) *The Liberal Democrats Manifesto*. [Online] Available from: https://d3n8a8pro7vhmx. cloudfront.net/libdems/pages/ 8907/attachments/original/1429028133/Liberal_Democrat_General_Election_Manifesto_2015.pdf?1429028133.
10. United Kingdom Independence Party. Official website. (2015) *United Kingdom Independence Party Manifesto*. [Online] Available from: https://d3n8a8pro7vhmx.cloudfront.net/ukipdev/pages/1103/attachments/original/1429295050/UKIPManifesto2015.pdf.
11. Forschungsgruppe.de. (2017) *Politbarometer. März 2017*. [Online] Available from: http://www.forschungsgruppe.de/Aktuelles/Politbarometer/.
12. Spd.de. (2015) *Beschlüsse des ordentlichen Bundesparteitags der SPD vom 10. bis 12. Dezember 2015 in Berlin* [Decisions of the SPD's ordinary federal party from 10 to 12 December 2015 in Berlin]. [Online] Available from: https://www.spd.de/filead-min/Dokumente/ Bundesparteitag_2015/Beschlussbuch_SPD_BPT_2015_web.pdf.
13. Alternativefuer.de. (2017) *Programm für Deutschland. Das Grundsatzprogramm der Alternative für Deutschland* [Program for Germany. The principle program of the alternative for Germany]. [Online] Available from: https://www.alternativefuer.de/wp-content/uploads/sites/ 111/2017/01/2016-06-27_afd-grundsatzprogramm_web-version.pdf.

Received: 30 April 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 136–140. DOI: 10.17223/15617793/420/19

УДК 930.2

К.Н. Филькин

МЕТОДОЛОГИЯ КОГНИТИВНЫХ НАУК В АНАЛИЗЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ: ПРОСТРАНСТВО ПЕРСПЕКТИВ И ПРОБЛЕМЫ

Исследуются возможности применения когнитивных методологий в рамках исторической науки, в том числе при анализе исторических источников. В вопросе использования когнитивных методов при анализе исторических источников рассмотрены подходы к когнитивной истории, когнитивном религиоведении и когнитивной антропологии. Примерами методик, применимых к историческому исследованию, могут быть теории повседневных практик и теории фреймов. Отмечены недостатки применения когнитивных методов.

Ключевые слова: методология истории; источниковедение; историческое сознание; когнитивная история; когнитивная антропология; когнитивное религиоведение.

Исторический анализ основывается на эксплицитных публичных репрезентациях – прежде всего текстах и других исторических источниках. Важной задачей исторической науки является применение в рамках исследования методологии, соответствующей стремлению получить по возможности максимально точные и объективные результаты в нередкой ситуации наличия лишь ограниченного круга источников. Нередко в качестве источников выступают объекты, чья значимость как исторического источника может показаться не столь однозначной и очевидной. Речь, в первую очередь, идет о текстах, но, конечно, не только о них. Например, в такой роли оказываются тексты, не являющиеся в прямом смысле носителем исторической нотации. Возможно, по какой-то конкретной культуре или временному периоду оказывается, что вообще отсутствуют источники, прямо преследующие цель описания истории, фиксирования происходящих событий. Столкновения с подобными случаями, как правило, приводят к идее об отсутствии исторического сознания в данной культуре, хотя на самом деле, возможно, проблема может оказаться исключительно лишь в нашем анализе, опирающемся на недостаточные сведения и неподходящую для проведения анализа методологию.

Таким образом, возникает весомая проблема исторической науки – использование источников, в качестве которых, к примеру, могут выступать агиографические тексты, философская и религиозная дидактика, те или иные нарративы, содержащие множество внеисторических и неисторических элементов, характерных даже для летописного текста, – мифологических, религиозных или философских нотаций, элементов летописного субстрата и т.д. Ввиду такого специфического характера содержание данных источников можно охарактеризовать как «внеисторическое». Но, тем не менее, исходя из времени создания текста, актуальности для определенного периода и группы людей, можно однозначно утверждать, что данный объект может выступать в качестве исторического источника; вопрос в том, каким образом и какие исторические сведения можно из источника извлечь.

Одним из решений может быть обращение к современным когнитивным методологиям, позволяющим провести анализ по подобным недостаточно релевантным с точки зрения классической нарративной истории источникам. Кроме того, когнитивная методология, помимо возможности работать со сложными «внеисторическими» источниками, открывает возможность получения в принципе новых результатов.

Исторический источник является носителем репрезентаций автора и/или сообщества, его культурного фона. В рамках задачи изучения феномена исторического сознания источник рассматривается как носитель информации о форме и наполнении данного исторического сознания. Также следует учитывать, что публичные репрезентации представляют собой только верхушку айсберга. В исторических событиях принимают участие субъекты, у которых присутствуют когнитивные системы. Таким образом, представление о сфере ограничений, накладываемых указанными системами, и активизируемых ими механизмах способствуют постижению историками исторических событий. Когнитивные теории преследуют цель конструирования строгой научной классификации, которая основывается на основополагающих каузальных принципах. Это способствует более точным историческим и этнографическим описаниям, в том числе развитию сравнительной историографии [1].

Когнитивная наука (cognitive science) чаще всего описывается не как некая отдельная дисциплина, а как совокупность самостоятельных дисциплин. Наиболее часто к когнитивным наукам относятся антропология, лингвистика, психология, искусственный интеллект и философия. Использование в названии «science» подчеркивает стремление отнести методологию к точным естественным наукам, а не к сфере гуманитарного знания. Познание и исследование культуры ориентированы на изучение взаимодействия между разумом и культурой и присутствует в таких академических областях, как культурная, биологическая и когнитивная антропология, познавательная, социальная и эволюционная психология, археология, лингвистика, философия и религиоведение. В самом широком смысле когнитивная наука может быть описана как попытка объяснить, как работает разум. Ее основными задачами являются следующие: восприятия мира, обучение, запоминание, управляющие воздействия, создание и развитие новых идей, коммуникация с другими людьми и, наконец, создание и фиксирование чувственного опыта, намерений и самосознания.

Деятельность разума изучается с точки зрения теории информации. Когнитивная наука сосредоточена на том, каким образом люди, животные и некото-

рые артефакты информацией оперируют. Когнитивное описание позволяет определить, какие виды информации принимаются в качестве входных данных, какие процессы оказываются задействованными, чтобы преобразовать эту информацию, с какого рода структурами данных, т.е. репрезентациями, эти процедуры оперируют и какого рода репрезентации или поведение порождаются в качестве выходных данных, т.е. входные сигналы, внутренние процессы и взаимодействия, а также выходная информация.

В вопросе применения когнитивного подхода при анализе исторических источников остановимся на областях когнитивной истории, когнитивном религиоведении и когнитивной антропологии. Обращение к последним двум сферам в рамках исторической науки может показаться необычным или даже избыточным, но их привлечение оправдано ввиду их более детальной теоретической проработанности и накопленной практики применения, а также по причине явного пересечения их предметных областей в общих рамках гуманитарного знания.

Когнитивное религиоведение (cognitive science of religion) в вопросе исторического источниковедения актуально в связи с распространенной спецификой источников: зачастую это тексты религиозного содержания или с явным религиозным подтекстом и значением, поскольку сами культуры, в которых тексты появились, имеют весомую религиозную составляющую. Когнитивная наука о религии в основном корнями уходит в когнитивную антропологию и психологию и стремится построить общезначимые объяснительные теории религиозных феноменов. Исходя из представлений о формировании религиозных понятий и поведения, для историков будет возможным сконструировать свой предмет исследования. Точные и универсальные теории религиозных феноменов позволяют историкам получить труднодостижимую иными методами информацию; кроме того, историки получают возможность по-новому систематизировать исторические факты [1].

Религиозные феномены возможно исследовать посредством использования методов, применяемых для изучения нерелигиозных феноменов. Таким образом, можно подчеркнуть, что религиозные понятия – это разновидность понятий, ритуальное поведение – разновидность поведения, а структура религиозной группы – один из видов групповых структур и т.д. Когнитивное религиоведение исследует каузальные механизмы и процессы, находящиеся в основе наблюдаемых проявлений религии [Там же], что позволяет применять его методологический аппарат в том числе и при исследовании исторических источников.

Следует отметить, что когнитивное религиоведение – нечто большее, чем исключительно историческое исследование. Как научная дисциплина оно рассматривает религию и религиозные феномены вне зависимости от их природы и места, причем с использованием многочисленных методов. Поскольку в рамках данных исследований предмет напрямую связан с самим человеком, то для понимания феноменов, имеющих религиозный подтекст или природу, необходимо знание о том, как человеческая ментальность влияет на формирование данных феноменов [1].

Хорошим примером по практическому когнитивному религиоведению в источниковедческом формате является работа финского антрополога и религиоведа Киммо Кетолы «The Founder of the Hare Krishnas as Seen by Devotees: A Cognitive Study of Religious Charisma» [2], в рамках которой применительно к анализу биографических нарративов автор использовал теорию фреймов Ирвинга Гофмана в качестве наиболее успешной попытки описать то, как люди определяют свои повседневные ситуации, и в этом анализе, отталкиваясь от исторических источников, которыми в первую очередь выступали агиографические работы, автор выстраивает картину коммуникаций и восприятие харизмы как ведущего механизма в рамках конкретного исследуемого сообщества. Данное исследование в основном касается аспектов межличностного общения и репрезентаций, регулирующих взаимодействия людей друг с другом.

В качестве одной из предшествовавших когнитивному религиоведению направлений выше упоминалась когнитивная антропология. Происхождение когнитивной антропологии (cognitive anthropology), которая уже развивалась при значительном влиянии структурной лингвистики и психолингвистических теорий, восходит к идеям структурализма. Одно из альтернативных наименований когнитивной антропологии – ethnoscience – также указывает на устремление к точности и формализации в исследуемом пространстве, равное естественным наукам. Д'Андрад и М. Коул сформировали подход к культуре в целом как к когнитивной системе. Одной из особенностей когнитивной антропологии является ее стремление изнутри посмотреть на картину мира глазами носителя исследуемой культуры, осмыслить и реконструировать мир людей иных обществ в рамках их собственных структур и терминов, как они этот мир воспринимают и переживают практически. Здесь также примечателен антропологический подход Клиффорда Гирца, связанный с перцепцией изучаемой культуры «изнутри» [3].

В качестве основных понятий когнитивной антропологии принято считать схемы, рамки и событийные сценарии. Теория схем (schema theory) представляет собой структуру события или явления, отражающую теорию знаний, их репрезентаций, взаимодействий и использования. Согласно описанию Р. Д'Андрада, схема конституирует упрощенный мир и используется для рассуждений о нем. Схема как структурная формация данных репрезентирует общие понятия, которые содержатся в «памяти культуры». Можно говорить о наличии схем, репрезентирующих знания о любых понятиях: объектах, событиях, ситуациях, действиях и их последовательностях. В дополнение к знаниям, уложенным в схемы, имеются также данные о том, как следует этими знаниями оперировать. Понятие схемы в когнитивной антропологии сопоставимо с вышеупоминавшимися концептами фрейма или сценария, широко используемыми в разных когнитивных направлениях, что связано с основополагающим вопросом когнитивистики – проблемой ментальной репрезентации опыта.

Более явной по близости к исторической науке выступает теория когнитивной истории. Одной из наиболее ощутимых презентаций данной теории является монография О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» [4].

Также сразу хотелось бы отметить, что явные предпосылки для дискурса о когнитивной истории, без сомнения, лежат в работах Б.Г. Могильницкого и томской историографической школы. Д.В. Лукьянов в статье «Когнитивная революция в современном историческом познании» [5] проводит сопоставление между оценкой наработок Б.Г. Могильницкого как «современной историографической революции» и описанием подхода О.М. Медушевской как «когнитивной революции» в российской исторической науке. Однако данная дихотомия представляется весьма условной, поскольку «революция» Б.Г. Могильницкого также касалась именно когнитивной сферы – вопросов изучения каузальных механизмов, становящихся предметом исторической науки.

В работах Б.Г. Могильницкого и многих других представителей школы «красной нитью» проходит исследование феномена исторического сознания как совокупности представлений, присущих обществу и его сегментам, о своем прошлом и прошлом всего человечества. Каждая общность обладает известным комплексом исторических представлений о своем происхождении, важнейших событиях и деятелях собственного прошлого, их соотношении с историей других общностей и всего человечества. Данные «исторические предания» составляют неотъемлемую принадлежность духовной жизни каждого народа, способ его самовыражения, и это придает историческому сознанию сильную эмоциональную окраску. История органически присутствует в сознании общества, причем историчными являются все составляющие его элементы – взгляды, идеи, политические и иные теории и т.д. [6] Историческое сознание включает широкий спектр компонент: как рациональные, так и эмоциональные, как познавательные, так и оценочные; при этом, как правило, утверждается, что оно является имманентной частью функционирования общественного сознания, играющей решающую роль в формировании групповой идентичности, а также обеспечивающей выполнение интегративной, эскапистской и легитимирующей функций [7].

К феномену исторического сознания в рамках религиозного подтекста примыкает феномен религиозного историзма (например, см. работы О.В. Хазанова «Феномен религиозного историзма: некоторые подходы к пониманию еврейской и индийской традиций» [8] и О.И. Ивониной «Проблема направленности истории в христианской исторической мысли России XIX – середины XX вв.» [9]). Таким образом, здесь вновь оказываются пересеченными сферы двух направлений когнитивных наук – когнитивной истории и когнитивного религиоведения, образующих общее методологическое пространство.

Одновременная применимость когнитивного религиоведения и когнитивной истории при анализе исторических источников исходит из утверждения пересечения множества интуитивных аспектов, относящихся к историческому пространству, с контринтуитивными аспектами, относящимися к религиозным: религиозные репрезентации – это частный случай репрезентаций, соединяющий эксплицитные минимально контринтуитивные аспекты, которые легко запоминаются, с имплицитными интуитивными аспектами, которыми удобно оперировать [1].

В рамках теории и методологии когнитивной истории О.М. Медушевской на новой основе переосмысливаются задачи исторической науки и источниковедения – отмечается, что текущая ситуация в науке может быть схематично определена как смена парадигм: переход от «нарративизма» к формату когнитивной истории. «Нарративизмом» О.М. Медушевская определяет логику наивного повседневного мышления, в рамках которого ставятся задачи осмыслить причинно-следственные связи состоявшегося события, следуя от результата к причине, с целью извлечения «уроков». Данный подход и позиция его последователей, которые видят задачу историка в описании событий на повседневном уровне восприятия, критикуются как ненаучные, так как предполагают, что результат исследования априори детерминирован: он исключает так называемое сослагательное наклонение в истории, отрицает вариативность процессов и не способен использовать современные аналитические методы [10]. В противоположность этому, когнитивная парадигма истории заслуживает особого анализа, поскольку со всей очевидностью претендует на статус если не новой онтологии истории, то принципиально новой концептуальной стратегии генерализации истории как науки [5].

Согласно данной теории О.М. Медушевской индикатором перестройки внутри исторической науки может служить направление, специально ориентированное на исследование информационного ресурса реализованных продуктов целенаправленной человеческой деятельности, – источниковедение. В его рамках специально рассматривается проблематика исследований информационного ресурса исторических источников [4].

У О.М. Медушевской разрешением конфликта в понимании роли и сути исторической науки стало обращение к структурализму, точнее, к его методологическим свойствам, для обоснования видовой классификации исторических источников. Структурализм во многом соотносился исторически прежде всего с антропологией как новой наукой, претендовавшей на выявление структур общества и сознания, причем, если первоначально исследовали историю и современные «аборигенные» сообщества, то постепенно его методология перешла на исследования «современных цивилизованных» сообществ, в том числе в рамках изучения повседневности (причем стоит добавить, что методологически было показано отсутствие разницы между данными сообществами). Эти исследования заставляли задуматься о соотнесении информации, полученной из различных видов источников, – опросов, бесед и этнографических наблюдений, письменных источников, археологических памятников, – в рамках вопроса о сути, которая объединяет эти источники для понимания феномена человека [11]. Под-

ход О.М. Медушевской же позволил говорить также о переходе структуралистских методов и теоретических положений в пространство исторической науки.

Также в качестве проблемы монографии О.М. Медушевской можно отметить отсутствие описаний конкретных методологических практик и алгоритмов, посредством которых реализуется когнитивный подход в исторических исследованиях: вместо этого больше внимания уделяется утверждению допустимости самой идеи когнитивной истории. При этом те или иные методологические техники излагаются в иных когнитивных направлениях и могут быть применены (в рамках своих уточнений условий и ограничений) и в исторической науке.

Примерами методик, применимых к истории могут быть, например, теории повседневных практик и теории фреймов, родившихся в рамках антропологических и социальных наук, но легко транспонирующихся в другие когнитивные области, например, когнитивные религиоведение и даже историю. Данные методики становятся предметом не только историко-теоретической реконструкции, но и важным механизмом осмысления повседневных взаимодействий. Описанию и теоретическому разделению теории фреймов и теорий повседневных практик большое внимание уделял В.С. Вахштайн. Он отмечал даже противостояние между категорией фрейма и категорией практики: теория практик (П. Бурдье, Э. Гидденса, Г. Гарфинкеля) и теория фреймов (И. Гофман, Г. Бейтсон, М. Минский, Ч. Филлмор) – конкурирующие исследовательские проекты, их разделяют аксиоматика, оптика и логика исследования [12].

Интересным примером использования теории габитуса П. Бурдье, относящейся к практико-ориентированной методологии в качестве методологического инструментария в рамках исторического исследования, является работа А.С. Котова, посвященная изучению психосоциальной идентичности и ценностных установок Тевтонского ордена в Пруссии [13]: в данном случае обращение к теории габитуса позволяет реконструировать трансформацию идеологем, объяснить фиксируемые в источниках свидетельства о практике и стилистике поведения в сравнении с существующим идеалом. В рамках своего исследования автор отмечает, что технология такого анализа должна включать как собственно инструментарий исторического исследования, так и инструменты социально-психологических теорий, т.е., по сути, становясь инструментарием когнитивного подхода.

Тем не менее применение когнитивных методологий сталкивается с рядом проблем. Прежде всего это само по себе недоверие научного сообщества, воспитанного на «классических» подходах, несмотря на небывалый взлет когнитивных наук за последние 10–15 лет. Другой проблемой, выглядящей «оборотной стороной медали», является само опрометчивое и заносчивое желание когнитивных методологий выглядеть новым универсальным подходом, способным дать ответ на все вопросы, причем ответы точные, сопоставимые с решениям в точных науках, хотя очевидно, что сложно ожидать точного однозначно интерпретируемого и четко верифицируемого ответа, если изначальные материалы для анализа – в нашем случае это исторические источники – представляют собой неоднозначные и неточные артефакты, зачастую со спорными характеристиками, особенно в руках различных исследователей. Другими словами, когнитивные науки зачастую претендуют на однозначность и верифицируемость, однако де-факто остаются в руках исследователей зависимыми от субъективизма последних: квалификации, мотивации, сферы интересов и т.д.

Однако при всех возникающих вопросах применение когнитивных методологий оказывается перспективным. Одной из важнейших характеристик является то, что когнитивная наука позволяет выйти из инертного состояния, порожденного постмодернистским солипсизмом [1]. Когнитивизм позволяет получить результаты, которые невозможно получить в результате применения других методологий. Это делает саму когнитивную методологию допустимой и обоснованной. Только не следует впадать в крайности в отношении потенциальных результатов исследований: поле применения любой методологии и теории имеет свои границы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sørensen J. Religion in Mind: A Review Article of the Cognitive Science Of Religion // Numen. 2005. Vol. 52. P. 465–494.
2. Ketola K. The Founder of the Hare Krishnas as Seen by Devotees: A Cognitive Study of Religious Charisma. Leiden & Boston : Brill, 2008. xiii, 234 pp.
3. Гирц К. Интерпретация культур / пер. с англ. М. : РОССПЭН, 2004. 560 с.
4. Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М. : РГГУ, 2008. 358 с.
5. Лукьянов Д.В. «Когнитивная революция» в современном историческом познании // Материалы Всероссийской научной конференции «Будущее нашего прошлого». М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2011. С. 179–193.
6. Историческая наука и историческое сознание / под ред. Б.Г. Могильницкого. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 230 с.
7. Сыров В.Н. В каком историческом сознании мы нуждаемся: к методологии подхода и практике использования // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1 (21). С. 183–190.
8. Хазанов О.В. Феномен религиозного историзма: некоторые подходы к пониманию еврейской и индийской традиций. Saarbrücken, Germany : LAP LAMBERT, 2011. 228 с.
9. Ивонина О.И. Проблема направленности истории в христианской исторической мысли России XIX – середины XX в. : дис. … д-ра ист. наук. Томск, 2001.
10. Сабенникова И.В. О.М. Медушевская. Теория и методология когнитивной истории // Российская история. 2009. № 2. С. 177–179.
11. Медушевская О.М. Теория исторического познания: избранные произведения / сост. И.Л. Беленький. СПб. : Университетская книга, 2010. 572 с.
12. Вахштайн В.С. Теория фреймов как инструмент социологического анализа повседневного мира : автореф. дис. … канд. социол. наук. М., 2007.
13. Котов А.С. Братия Тевтонского ордена в Пруссии XIV – сер. XV в.: трансформация психосоциальной идентичности в контексте специфики процессов «Перехода» : дис. … канд. ист. наук. Томск, 2010.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 мая 2017 г.

METHODS OF COGNITIVE SCIENCE IN HISTORICAL SOURCE CRITICISM: PERSPECTIVES AND CHALLENGES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 136–140.
DOI: 10.17223/15617793/420/19

Konstantin N. Filkin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: indology@eml.ru

Keywords: historical method; source criticism; cognitive science of history; cognitive anthropology; cognitive science of religion.

The paper explores the possibilities of using cognitive methodologies in historical science, including the analysis of historical sources. Historical analysis is based on explicit public representations: texts and other historical sources. An important task of historical science is the use of the research methodology, which allows obtaining the most accurate and objective results. Often the significance of the source may not seem so unambiguous and obvious. One of the solutions is an appeal to modern cognitive methodologies, which makes it possible to analyze similar sources that are not sufficiently relevant as the classical narrative history sees them. Also, cognitive methodologies open up the possibility of obtaining fundamentally new results. This study is based on a comparative analysis of theories of cognitive history, cognitive religion and cognitive anthropology. The appeal to the last two directions within the framework of historical science may seem unusual or even superfluous. Yet they are used since they are more theoretically developed in detail and have a wide application practice. Cognitive science of religion in the issue of historical source study is relevant because of the frequent specificity of the sources: often these are texts of religious content or religious implication and meaning. Based on the notion of the formation of religious concepts and behavior, historians will be able to design their subject of research. Accurate and universal theories of religious phenomena allow historians to obtain information that is difficult to obtain by other methods. In addition, historians are given the opportunity to systematize historical facts in a new way. The methodologies of cognitive religion and anthropology have extensive experience in practical application. The paper describes examples of techniques that can be used in historical sciences: the theory of practices and the theory of frames. These theories were created within anthropological and social sciences, but are easily transposed into other cognitive domains, for example, cognitive science of religion and even cognitive history. These methods become not only the subject of historical and theoretical reconstruction, but also an important mechanism for understanding everyday interactions. The application of cognitive methodologies has a number of problems that are noted in the article. Cognitive sciences often claim to be unambiguous and verifiable, but de facto remain in the hands of researchers dependent on subjectivity: their skills, motivation, spheres of interest, etc. Nevertheless, cognitivism makes it possible to obtain results that can not be obtained as a result of the application of other methodologies. The use of cognitive methodology in historical sciences is permissible, but it has its own limitations.

REFERENCES

1. Sørensen, J. (2005) Religion in Mind: A Review Article of the Cognitive Science Of Religion. *Numen*. 52. pp. 465–494.
2. Ketola, K. (2008) *The Founder of the Hare Krishnas as Seen by Devotees: A Cognitive Study of Religious Charisma*. Leiden & Boston: Brill.
3. Girts, K. (2004) *Interpretatsiya kul'tur* [Interpretation of cultures]. Translated from English Moscow: ROSSPEN.
4. Medushevskaya, O.M. (2008) *Teoriya i metodologiya kognitivnoy istorii* [Theory and methodology of cognitive history]. Moscow: RSUH.
5. Luk'yanov, D.V. (2011) ["Cognitive revolution" in modern historical knowledge]. *Budushchee nashego proshlogo* [The Future of Our Past]. Proceedings of the all-Russian conference Moscow: RSUH. pp. 179–193. (In Russian).
6. Mogil'nitskiy, B.G. (ed.) (2000) *Istoricheskaya nauka i istoricheskoe soznanie* [Historical science and historical consciousness]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Syrov, V.N. (2013) What historical consciousness do we need: on the methodology of approach and practice of use. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1 (21). pp. 183–190. (In Russian).
8. Khazanov, O.V. (2011) *Fenomen religioznogo istorizma: nekotorye podkhody k ponimaniyu evreyskoy i indiyskoy traditsiy* [The phenomenon of religious historicism: some approaches to understanding the Jewish and Indian traditions]. Saarbrücken, Germany: LAP LAMBERT.
9. Ivonina, O.I. (2001) *Problema napravlennosti istorii v khristianskoy istoricheskoy mysli Rossii XIX – serediny XX v.* [The problem of the direction of history in the Christian historical thought of Russia in the 19th – middle of the 20th centuries]. History Dr. Diss. Tomsk.
10. Sabennikova, I.V. & Medushevskaya, O.M. (2009) Teoriya i metodologiya kognitivnoy istorii [Theory and methodology of cognitive history]. *Rossiyskaya istoriya*. 2. pp. 177–179.
11. Medushevskaya, O.M. (2010) *Teoriya istoricheskogo poznaniya: izbrannye proizvedeniya* [Theory of historical knowledge: selected works]. St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
12. Vakhshtayn, V.S. (2007) *Teoriya freymov kak instrument sotsiologicheskogo analiza povsednevnogo mira* [Theory of frames as a tool for the sociological analysis of the everyday world]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Moscow.
13. Kotov, A.S. (2010) *Bratiya Tevtonskogo ordena v Prussii XIV – ser. XV v.: transformatsiya psikhosotsial'noy identichnosti v kontekste spetsifiki protsessov "Perekhoda"* [Brothers of the Teutonic Order in Prussia of the 14th – mid-15th centuries: the transformation of psychosocial identity in the context of the specific processes of the "Transition"]. History Cand. Diss. Tomsk.

Received: 03 May 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 141–145. DOI: 10.17223/15617793/420/20

УДК 929:341.7 Щербина Г. С.

З.М. Элэзович, А.М. Мумович, Д.М. Элэзович

ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ ЩЕРБИНА (1868–1903) В КУЛЬТУРЕ КОСОВСКИХ СЕРБОВ

В работе идет речь о гибели русского консула Григория Степановича Щербины в Митровице в 1903 г. и месте, которое данное событие заняло в памяти и культуре косовских сербов. Во время назначения Щербины на пост консула в Митровице та часть Сербии находилась под властью турок, а положение православного населения здесь было исключительно тяжелым. Его гибель тяжело далась сербскому народу в Косово, который навсегда сохранил Щербину в своей культуре и традиции, сделав символом единства сербов и русских по вопросу статуса Южной сербской провинции.

Ключевые слова: Григорий Степанович Щербина; Косово и Метохия; история; культура; поэзия; общественные памятники.

Во времена, когда сербы боролись против турок за Косово и Метохию – эту фундаментальную и мифическую веху их истории, в Митровицу прибыл русский консул Григорий Степанович Щербина. Молодой русский консул вселял в сербский народ в Косово большие надежды, но вместе с тем был и бельмом на глазу албанских экстремистов. В начале марта 1903 г. Щербина был назначен на должность консула в Косовоской Митровице, куда официальная Москва решила направить этого дипломата, чтобы располагать информацией о страданиях сербов во время усиленного террора албанцев над православным населением Старой Сербии. Россия уже имела свои консульства в Скопье и Призрене, однако в начале мая 1902 г. открыла консульство и в Митровице.

Россия была обеспокоена распространением австро-венгерского влияния среди албанцев как католического, так и мусульманского вероисповедания, что серьезно нарушало установленные еще в 1897 г. отношения между Россией и Австро-Венгрией. Русское консульство в Митровице должно было обеспечить России лучшее понимание албанских движений и работы австро-венгерской пропаганды внутри них. Русские консулы в Призрене и Скопье пользовались среди сербов большим авторитетом как традиционные защитники православного населения от гнета албанцев и давления турецких властей. Обеспокоенные за свое привилегированное положение в вилайете албанцы враждовали также и между собой, они побаивались России и ее влияния на Балканах, опасаясь, что сильное русское дипломатическое присутствие в этом регионе повлияет на проведение реформ и обуздание феодальной анархии. И Австро-Венгрия с явным недовольством приняла решение России открыть консульство в Митровице, откуда с большей достоверностью могла быть отслежена ее работа среди албанцев. Под предлогом сложного обеспечения безопасности для сотрудников консульства австро-венгерская дипломатия влияла на Порту, чтобы затянуть открытие консульства в Митровице [1. С. 311]. Официально русское консульство в Митровице открылось 7 мая 1902 г., а первым консулом был назначен Г.С. Щербина – опытный дипломат, эксперт по балканским вопросам, долгое время служивший чиновником в Царьградском посольстве, бывший посланник в Цетинье и вице-консул в Скадре. В ходе службы вице-консулом в Скадре Щербина отлично выучил албанский язык и познакомился с менталитетом и политическими настроениями албанцев. В Скадре он выделился успехами в защите сербского населения от насилия и пресечении попытки австро-венгерских агентов перевести сербское и греческое население в католических центрах северной Албании в унию. Перед отправлением в Митровицу Щербина посетил в Риме сербского посланника, заявив ему, что будет стараться защищать сербское население на выделенной ему территории, и при этом будет осторожен, особенно на первых порах, пока не утвердит свой авторитет. Затем Щербина выехал в Санкт-Петербург для получения подробных инструкций от царьградского посла И.А. Зиновьева и графа В.Н. Ламсдорфа, министра иностранных дел. После этого в конце сентября Щербина вместе с послом Зиновьевым прибыл из Санкт-Петербурга в Царьград, где был представлен султану. После аудиенции турецкий военный министр попросил Зиновьева о том, чтобы в следующие несколько недель тот не отправлял Щербину в Митровицу, пока местные албанцы не успокоятся. Зиновьев осознавал всю опасность, поэтому поездка Щербины была отложена. Сербский посланник в Царьграде Савва Груич настаивал, чтобы Щербина как можно быстрее выехал в Митровицу, подчеркивая, что с его прибытием сербский народ связывает большие надежды. Тем не менее, получив неблагоприятные новости о ситуации в Старой Сербии, Зиновьев колебался в своем намерении отправить нового консула по месту нахождения консульства. В это время в Митровице влиятельный албанский лидер Иса Болетини, раздраженный вестями о скором прибытии русского консула, открыто собирал людей, чтобы те с оружием в руках не допустили его прибытия. Одновременно с этим австро-венгерские тайные службы пытались заполучить его для своих целей, пользуясь все большим недовольством албанцев. Болетини боялся, что из-за насилия над сербами в Ибарском Колашине и подстрекательства албанцев против русского консула после прибытия последнего в Митровицу он будет интернирован в Царьград. По требованию русской дипломатии Болетини как лидер антирусских демонстраций вскоре был вынужден выехать в Царьград; и ожидалось, что после этого русский консул сразу прибудет в Митровицу. По прошествии нескольких месяцев турецкие власти убедили Болетини покинуть родные края и отправиться в своего рода интернирование в Царьград. Так были созданы условия для прибытия русского консула Щербины в Митровицу [1. С. 313].

Консул тем не менее на протяжении почти целого года никак не мог добраться до местонахождения консульства, так как албанцы взбунтовались против решения о том, что в Косово появится еще один русский консул. Сербы очень радовались этому решению и с нетерпением ждали Щербину, несмотря на то, что его безопасность в Митровице с самого начала была под вопросом. После прибытия Щербины из русского консульства в Митровице информация о страданиях сербов и о разграблении их имущества в данном регионе отправлялась в Россию. Кульминацией беспорядков со стороны албанцев, вызванных учреждением русского консульства, стало их нападение на сербов в Вучитрне, а затем и нападение на Митровицу 30 марта 1903 г. На следующий день Щербина в сопровождении охраны отправился для осмотра положения защиты Митровицы, и 31 марта 1903 г. на его жизнь совершил покушение Арбанас Ибрахим Халит. Как было записано, раненый консул допрашивал напавшего на него убийцу о мотивах его нападения, пообещав смягчить приговор суда, если тот сообщит, от кого поступил заказ на убийство и кем были его соучастники. Несмотря на то, что рана не казалась такой серьезной, тем не менее 31 марта Щербина впал в лихорадку, и его состояние значительно ухудшилось. По приказу сербского короля в Митровицу был направлен доктор Войислав Суботич, самый известный в то время хирург. От полученных ран 10 апреля 1903 года Щербина скончался [1. С. 318]. Спустя годы после убийства Щербины положение сербского населения не только не улучшилось, но и стало еще более тяжелым. Отношения между сербами и албанцами становились все хуже, отмечено множество случаев насилия над сербами в Рожайской, Сьеничкой, Вучитрнской и Приштинское казе. Особенно тяжелой ситуация была в Печском регионе. Русский вице-консул в Призрене Сергей Владимирович Тухолка (1874–1954) описывал положение печских сербов как отчаянное. Многие сербы, спасаясь от насилия, бежали в Сербию. Оценивая ситуацию в Печском регионе, Тухолка считал, что речь идет о фазе полного устранения сербского элемента с этих просторов. Некоторые албанцы предлагали сербам свою помощь, помогали сербам добраться до границы Сербии, а затем захватывали их имущество. Из-за катастрофического положения сербов Тухолка настоятельно рекомендовал принять срочные меры, чтобы спасти сербский народ на данной территории. Смерть Щербины косовские сербы пережили как национальную утрату, ведь он пал в борьбе за православие и свободу сербского народа. Вся Европа знала о том, что молодой дипломат отдал свою жизнь в Косово, помогая неосвобожденным братьям от имени сильного славянского братского народа. Косовские сербы, всегда помнящие русского консула, столкнулись с новой волной албанского насилия в 1990–2000-х гг. [2. С. 174–176]. О храбром и навсегда оставшемся в памяти русском брате – славянине Григории Щербине – в отчете с панихиды Савва Груич пишет, что сказанные, полушутя, слова Г. Зиновьева по поводу назначения Щербины в Митровицу («...сербы должны причислить его к лику святых, если его убьют арнауты») стали пророчеством фактически реального события. Щербина и в самом деле занял в памяти сербского народа свое место в ряду других его косовских героев. Предложение о том, чтобы воздвигнуть памятник Щербине в Белграде, вызвало большой интерес, однако после многомесячных разговоров идея не была реализована, и, к сожалению, памятник установлен не был [1. С. 320].

По причине огромного уважения, любви и потребности выразить свою благодарность человеку, отдавшему славянскую русскую кровь и жизнь за славянские сербские жизни, появился на кусочке святой косовской земли памятник русскому консулу Щербине. В эпицентре события, на месте гибели, рядом со старой железнодорожной станцией на Баире, недалеко от Митровицы, в 1928 г. сербы воздвигли первый большой памятник пирамидальной формы с изображением Щербины и надписью на бронзовой плите: «Григорий Степанович Щербина, русский консул, рожден 1868 году, погиб в 1903 году» [Там же. С. 39]. В 90-х гг. XX в. памятник Щербине перемещен из Баира на площадь перед зданием общины, а бронзовая плита памятника хранилась в храме Святого Саввы в южной части Митровицы. Кроме всех разрушенных сербских культурных объектов и самого памятника Щербине, албанцы брутально разрушили и здание русского консульства и на этом месте построили торговый центр. После войны коммунисты переместили памятник во двор музея, а албанцы во время своего сепаратистского восстания его уничтожили [3. С. 39–41]. При осквернении, разрушении и поджоге храма Святого Саввы 17 марта 2004 г. во время волны массового насилия албанцев над сербами в Косово и Метохии [4], когда из домов в присутствии сил НАТО было изгнано более 4 000 сербов, уничтожили и ту бронзовую плиту, на которой была выгравирована самая короткая биография славного консула Григория Степановича Щербины.

Смерть Щербины была ударом для сербского народа, который видел в нем персонификацию русской поддержки в деле освобождения Косово от турок. Его участие и гибель стали синонимом сербско-русского единства по вопросу Косово и борьбы за сохранение этого пространства в составе сербского государства.

Одно из первых поэтических достижений по этой теме – рефлексивно-лирическая структура Филиппа Джукановича «*Серб!*» [5] – может сегодня рассматриваться в: (1) *историческом контексте*, что отсылает к историческим связям и отношениям сербов и русских в прошлом и сегодня, и (2) *как художественный артефакт*, следовательно, ценность сама по себе, что подразумевает непосредственную ценность ее эстетического содержания. Она была написана в период между двумя мировыми войнами, в 1929-м году, и проникнута гимническим духом благодарных сербов, которые на периферии Косовской Митровицы воздвигли памятник трагически погибшему русскому консулу Щербине.

Риторика названия указывает параллельно на *романтический и национальный настрой* автора, который поднимается из основ мифической и эпической косовской идеи о жертве за свободу, о чем писал Нобелевский лауреат Иво Андрич [6].

Художественная идея и энергия в первых стихах и риторике названия обращена к сербскому народу, который уже два десятилетия живет в свободной Сербии. Песня возникает, хотя и под знаком конкретного исторического события (воздвижение памятника) и памяти об исторической личности (консуле Щербине), в ауре национального самосознания: о пятивековом османском рабстве (а) и осознании ценности свободы (б).

Знаменитый сербский патриотический поэт Алекса Шантич (1868–1924) семнадцатью годами ранее в стихотворении, посвященном «*сербам, которые начали строительство церкви, храма Святого Саввы*» в Митровице, национальную и культурологическую кристаллизацию сознания обрисовал в финальном стихотворении разговорной структуры: «*Зоря сербства родилась*!»

То же сознание в исторической и поэтической плоскости свидетельствуют и подтверждают и названия книг других поэтов из Косово, которые творили в период с 1836 по 1941 г., а характерными являются значения и ценности названия «*Косовские истины*» и «*Кровавые элегии*» Филиппа Й. Джукановича или «*Награда пиона из Косово*» и «*Через искушения*» Павлимира Глиговича [7]. То счастье, что горит свеча свободы, является начальной мыслью, или образом, и первой строфы рефлексии Джукановича, посвященной русскому консулу Щербине:

Сегодня, когда считаешь часы счастья,
Пока оно растекается в твоей груди,
Пусть мысль твоя на мгновение полетит
Туда, где гордый духом Звечан возвышается [8].

В указанной плоскости энергия поэтической идеи читается как обращение художника к сербскому народу, пока он считает «часы счастья» в свободной стране. В поэтическо-эстетической плоскости, на уровне поэтической и / или мифической картины, художественная идея предостерегает, что нужно обратить взгляд на древний гордый средневековый Звечан, возвышающийся на холме и являющийся символом вечности и нерушимости – веками он стоит невредимым.

Актуальная идея рефлексивно-лири-ческого стихотворения Джукановича включает в себя и тот факт, что и сегодня, спустя почти целый век, после гонений и бомбардировки со стороны НАТО сербы борются за существование именно на рубеже у Звечана.

В качестве иллюстрации того исторического и культурологического сознания рассмотрим эпические стихотворения народного рапсода в песне «*Косанчич Иван преследует турок*», которые освещают суть драматической диалога Ивана Косанчича и Милоша Обилича накануне решающего боя в Косово в свете сознания героев: Все мы в соль превратимся, чтобы туркам обед не солили*!* В этом историческом и культурологическом контексте упоминается и древний Звечан Джукановича, который когда-то заняло оттоманское войско:

От Мрамора до сухого Явора,
От Явора, друг, до Сазлии,
До Сазлии к мосту полынному,
От моста до города Звечана,
От Звечана, друг, до Чечана,
От верха Чечана до гор:
Все турецкое войско заняло [9. С. 355].

Таким образом, культурологическая основа песни Джукановича весьма широка, но песня показывает ее в своей простоте и скромности.

Во второй строфе, в первых двух стихах, доминирует реалистичная картина Митровицы и ее окрестностей, где благодарные сербы воздвигнут памятник консулу, который боролся вместе с ними за свободу и расплатился за нее своей жизнью. Как Марко Кралевич вознесся в сознании сербов до вершин самых легендарных героев, говоря как турецкий вассал перед битвой при Ровине в XIV в., что не жалеет отдать свою жизнь, только бы сербы победили, так и пятью веками позже русский консул Щербина обрел бессмертие, когда на сербские призывы беречь себя ответил:

«Не хотите вы моей погибели. А моя смерть принесла бы вам свободу».

После покушения на него в Митровице тогда, в эпицентре сербской исторической драмы, он также высказал легендарную мысль:

«Я – первая жертва в новой сербской истории за освобождение Старой Сербии» [3. С. 25].

Иллюстративным является текст, содержащий уже обозначенные следы истории и эпической поэзии, на что указывает символ «*тихие воды Ситнице*», и стих, который обращается к *благородному славянскому мужу* в качестве доказательства единства веры сербов и русских:

Там, в тихих водах Ситницы,
Где простирается чудесная Митровица,
Где памятник воздвигается, мои соплеменники,
На гробе благородного славянского мужа.

Но поэтическое ядро значения структуры находится в символах «*мои соплеменники»* и «*благородного славянского мужа*»*,* которыми заканчиваются последние две строки четверостишия; поэтически и эстетически они равноценны символу «*одно мгновение полетит»* из первого четверостишия.

Последнее четверостишие, устанавливает близкое отношение художника-нарратора и аудитории в знаке точно адресованных сообщений, которыми, как в ритуальном похоронном обряде, воздаются слава и признание герою – русскому консулу Щербине:

Благоговея, подойди и скинь шапку,
Не вытирай слезы, льющиеся по лицу,
Но легко рукой от сердца отпусти,
И кликни: Слава Григору Щербине!

Художественный посыл отдать честь и славу Щербине, который обладал переводческим даром и переводил албанские народные эпические песни, является поводом для возвращения к историческому контексту песни Джукановича. Она возникает в период, когда Митровица имела около 10 000 жителей и была свободной почти два десятилетия со свежими воспоминаниями о веках рабства и борьбы за свободу, за этот «знаменитый пядь земли». Как подчеркивают исследователи, исторически считалось, что тот, «кто будет владеть Косово, тот будет правителем всего Балканского полуострова» [10. С. 17]. Но сербы из Митровицы помнят трагическое прошлое и жертву Щербины; и этот феномен требует толкования и ком-

плексного объяснения, что поэт и демонстрирует логикой поэтического языка. Как и художественная структура, вся в символах и знамениях поэзии своего времени, рефлексивно-лирическая структура Джукановича очень лаконична. Ясно обозначены и закончены риторики названий: «*Серб!*» и финальное сообщение или призыв: «*И кликни: Слава Григору Щербине!*»; и этим она проверяет историческую истину. «Русские консулы в старой Сербии (Призрен, Скопье) пользовались между сербами большим уважением как традиционные защитники православного населения от арбанашского гнета и злоупотребления турецких властей», – писал Йован Хаджи-Васильевич.

Сербы в 2007 г. воздвигли на центральной площади Митровицы памятник Щербине, отлитый из бронзы, как свидетеля сербского сопротивления, чтобы не оставались они во власти тех, кто убил Щербину. Памятник русскому консулу Щербине для сербов представляет собой символ надежды, что Россия поддержит их в борьбе за территориальную целостность Сербии. Памятники Щербине в Косово несколько раз возрождались из пепла, а повествование о нем в традициях и поэзии никогда не прекращалось.

Известно, что роль общественных памятников состоит в оказании чести, воспоминании о ком-то или о чем-то, а также интеграции в социальные, идеологические, художественные и моральные ценности пространства, которое они занимают. В соответствии с этим можно сделать вывод и о том, что памятник Щербине является знаком сопротивления проходящему и самой поддержкой коллективной памяти сербов о русском дипломате как символе надежды на русскую поддержку и помощь. Так, Щербина своим недолгим пребыванием среди косовских сербов сумел проникнуть глубоко в культуру памяти этого уязвимого сообщества, которое никогда не предаст его имя забвению. Его эпопея навсегда останется частью сербской культуры и традиции, которая сочувствовала его страданиям, но одновременно с этим была ободрена тем, что они (сербы) не одни, что на их стороне понимание и поддержка большого славянского брата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батаковић Д.Т. Погибија руског конзула Г. С. Шчербине у Митровици 1903. године // Историјски часопис. 1987. № 34. С. 309–325.
2. Аншаков Ю.П. Российская дипломатия о положении славянского населения Старой Сербии (1902–1912 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. № 3 (16). С. 170–189.
3. Вукадиновић З.Ч. Григорије Степанович Шчербина. Косовска Митровица : З. Вукадиновић, 2007. 47 с.
4. Јокић Б. Мартовски погром на Косову и Метохији 17–19 март 2004. године. Београд : Министарство културе Републике Србије, 2004. 119 с.
5. Ђукановић Ф. Србине // Српско Косово. 1929. № 4. С. 4–5.
6. Андрић, И. Његош као трагични јунак косовске мисли. Подгорица : Октоих,1996. 73 с.
7. Богавац М. Историја српске књижевнсти на Косову и Метохији 1850–1941. Лепосавић : Институт за српску културу, 2004. 315 с.
8. Богавац М. Долазак из заборава непознато књижевно наслеђе Косова и Метохије. Београд : Књижевна заједница Звездара, 1994. 123 с.
9. Ђурић В. Антологија народних јуначких песама. Београд : Српска књижевна задруга, 1973. С. 772.
10. Клаић В. Слике из словенске повијести. Загреб : Матица хрватска, 1903. С. 177.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 апреля 2017 г.

GRIGORIY STEPANOVICH SHCHERBINA (1868–1903) IN THE CULTURE OF THE KOSOVO SERBS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 141–145.
DOI: 10.17223/15617793/420/20

Zvezdana M. Elezovic, Institute of Serbian Culture (Leposavic, Serbia). E-mail: zvezdana.el@gmail.com
Ana M. Mumovic, Institute of Serbian Culture (Leposavic, Serbia). E-mail: djordj_ana@yahoo.com
Dalibor M. Elezovic, Pristina University (Kosovska Mitrovica, Serbia). E-mail: dalibor.elezovic@pr.ac.rs

Keywords: Grigoriy Stepanovich Shcherbina; Kosovo and Metohija; history; culture; poetry; public monuments.

The authors carried out research on the paper topic in the framework of a research task involving the perception of the place of the historical epopee of Russian consul Grigoriy Stepanovich Shcherbina (1868–1903) in the culture of the Kosovo Serbs. The objective of the paper is to show the extent to which the death of Russian consul Shcherbina in Kosovska Mitrovica was an important event in the culture of remembrance of the Serbs in Kosovo and Metohija. The research has reached a conclusion that Shcherbina's epopee remained woven into the tradition and culture of the Kosovo Serbs, and for more than a century it personified the hope of the Serbs for the Russian support for the preservation of Kosovo and Metohija in the Serbian state. The basic research of the topic by the data of literature on history, literature and art, i.e. culture in general, entailed the use of analysis and synthesis, as well as logical and cognitive methods and procedures. The choice of the method was influenced by the nature of the research problem, i.e. the type and content of sources, as well as the nature of the content that was researched; thus, the historical method was applied. At the time when the Serbs fought for the liberation of Kosovo and Metohija from the Turks, Russian consul Grigoriy Stepanovich Shcherbinaarrived to Kosovska Mitrovica. Albanian riots, caused by the establishment of the Russian Consulate, culminated in the attack on the Serbs in Vucitrn, and then also in the attack on Mitrovica on 30th March 1903. Shcherbina, along with his escort, went to visit defense positions in Mitrovica, and on 31st March 1903, he was assassinated by an Albanian and died of the wounds on 10th April 1903. Seriously wounded, being in the epicenter of the Serbian historical drama at the time, he said a legendary thought: "I am the first victim in the recent Serbian history for the liberation of Old Serbia." The Kosovo Serbs experienced Shcherbina's death as a national tragedy, because he fell in the struggle for Orthodoxy and freedom of the Serbian people. In the cultural memory of the Serbian people, Shcherbina indeed stood alongside the other heroes of Kosovo. His suffering occupied a place in the Serbian cultural creativity forever. A reflexive-lyrical poem of Filip Djukanovic, "A Serb", was among the first poetic achievements on this subject. It was written between the two world wars, in 1929, and it is completely marked by a hymnlike mood of grateful Serbs, who, on the periphery of Kosovska Mitrovica, built a monument to the tragically murdered Russian consul Shcherbina. Shcherbina ascended into immortality when he replied to Serbian requests to stay safe: "You, Serbs, are not so lucky to see me die. My death would bring you

freedom." For the reasons of great respect, love, and the need to express gratitude to the man who gave his life and his Russian blood for the well-being of his Serbian brothers, a monument to the Russian consul was built on a piece of Kosovan land in 1928. The death of the Russian consul befell the Serbian people in Kosovo, who saw him as the personification of the Russian support for the liberation of the area from the Turks. His commitment and suffering became synonymous to the Serbian-Russian unity regarding Kosovo, and the fight for this region to remain part of the Serbian state. The monuments to Shcherbina in Kosovo were rebuilt from the ashes several times, and the culture of remembrance of him has never disappeared in the traditions and the historical consciousness of the Serbs. Shcherbina's epopee was and still is an inspiration to Serbian culture and historiography. In 2007, in the central square of Kosovska Mitrovica, the Serbs built a monument to Shcherbina, cast in bronze, to witness the resistance of the Serbs and to be a symbol of hope that Russia would support them in the fight for the territorial integrity of Serbia.

REFERENCES

1. Bataković, D.T. (1987) The pogrom of the Russian consul G.S. Shcherbina in Mitrovica in 1903. *Istorijski chasopis*. 34. pp. 309–325. (In Serbian).
2. Anshakov, Yu.P. (2014) Rossiyskaya diplomatiya o polozhenii slavyanskogo naseleniya Staroy Serbii (1902–1912 gg.) [Russian diplomacy on the situation of the Slavic population of Old Serbia (1902–1912)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. 3 (16). pp. 170–189.
3. Vukadinović, Z.Č. (2007) *Grigoriy Stepanovich Shcherbina*. Kosovska Mitrovica: Z. Vukadinović. (In Serbian).
4. Jokić, B. (2004) *March pogrom in Kosovo and Metohija, March 17-19, 2004*. Belgrade: Ministry of Cullture of the Republic of Serbia. (In Serbian).
5. Đukanović, F. (1929) Serbs. *Srpsko Kosovo*. 4. pp. 4–5. (In Serbian).
6. Andric, I. (1996) *Njegoš as a tragic hero of Kosovo thought*. Podgorica: Oktoikh. (In Serbian).
7. Bogavac, M. (2004) *History of Serbian Literature in Kosovo and Metohija, 1850–1941*. Leposavić: Institute for Serbian Culture (In Serbian).
8. Bogavac, M. (1994) *Coming from the oblivion of the unknown literary heritage of Kosovo and Metohija*. Belgrade: Literary Community of Zvezdara. (In Serbian).
9. Đurić, V. (1973) *Anthology of folk heroic songs*. Belgrade: Srpska književna zadruga. (In Serbian).
10. Klaić, V. (1903) *Pictures from Slovenian history*. Zagreb: Matica hrvatska. (In Serbian).

Received: 03 April 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 146–149. DOI: 10.17223/15617793/420/21

ПРАВО

УДК 343.12

В.А. Азаров, Д.М. Нурбаев

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЮ ПРАВОМ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ, проект № 16-03-00413.

Рассматриваются варианты противодействия злоупотреблению правом с позиции его правильного нормативного закрепления. Авторами интерпретируются оптимальные схемы законодательной регламентации исследуемого понятия. Анализируются различные формы проявления злоупотребления правом в судебной практике, по результатам предлагается наиболее эффективная законодательная конструкция противодействия данному явлению.

Ключевые слова: злоупотребление правом; противодействие; уголовный процесс; принцип; правоприменение.

Злоупотребление правом в уголовном процессе широко обсуждается в юридической литературе на протяжении последних лет. Причины научного и практического интереса к данному феномену обусловлены совокупностью нескольких причин. Во-первых, это постоянно расширяющаяся с момента принятия УПК РФ практика проявления различных форм злоупотребления правом. Во-вторых, неоднозначное понимание и толкование указанного понятия, как в доктрине уголовного процесса, так и в цивилистической науке. И, в-третьих, отсутствие общего мнения о самой необходимости законодательного закрепления схемы противодействия рассматриваемому явлению, в том числе в нормах действующего УПК РФ.

Относительно сущности злоупотребления правом в уголовном процессе имеется множество мнений. Но ключевым все-таки является вопрос о порядке и критериях выявления и оценки фактов злоупотребления правом в правоприменительной деятельности должностных лиц правоохранительных органов и суда. Так как именно от своевременности отмежевания таких фактов от правомерного поведения субъектов зависит в конечном итоге выполнение задач уголовного процесса.

Раннее мы отмечали, что рассматриваемое понятие имеет межотраслевой характер и к вопросу изучения его сущности необходимо подходить с позиции смежных отраслей процессуального права [1]. Но в условиях публичности уголовного процесса нормативное закрепление схемы противодействия злоупотреблению правом должно учитывать специфические требования. Законодательное регулирование изучаемого явления в цивилистике основывается на следующих положениях: это ст. 10 ГК РФ, закрепляющая само понятие злоупотребления правом, ст. 35 ГПК РФ и ст. 41 АПК РФ, устанавливающие общую обязанность действовать добросовестно при реализации процессуальных прав. Кроме того, в качестве ориентиров для практики там выступают разъяснения пленумов высших судебных инстанций по наиболее актуальным проблемам. Среди них, например, п. 8 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах», где указано, что «возможны ситуации, когда злоупотребление правом допущено обеими сторонами договора, недобросовестно воспользовавшимися свободой определений договорных условий в нарушение охраняемых законом интересов третьих лиц или публичных интересов» [2], а также п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», который разъясняет, что «в случаях, если совершение сделки нарушает запрет, установленный пунктом 1 статьи 10 ГК РФ, в зависимости от обстоятельств дела – такая сделка может быть признана судом недействительной» [3].

То есть в сфере деятельности гражданских (арбитражных) судов имеется как общая нормативная база применения указанного понятия, так и многочисленные разъяснения пленумов Верховного и Высшего Арбитражного Судов РФ. Более того, условия и каноны диспозитивности, особенно в арбитражном процессе, позволяют судьям применять рассматриваемые положения к лицам, злоупотребившим своими правами, руководствуясь общими законодательными положениями [4]. Такой подход позволяет достаточно эффективно пресекать разнообразные виды злоупотреблений правом.

Рассматриваемый вариант законодательной регламентации схемы противодействия злоупотреблению правом вряд ли применим в уголовно-процессуальном праве. Это обусловлено в том числе действием принципа публичности, а также более высокими требованиями к деятельности властных субъектов по обеспечению прав участников уголовного судопроизводства. Поэтому в сфере деятельности органов уголовной юстиции на первый план выходит именно порядок нормативного закрепления средств и способов противодействия злоупотреблению правом.

На выбор конкретной законодательной конструкции существенное влияние оказывает наличие самых различных форм проявления злоупотребления правом, встречающихся в следственной и судебной практике. Анализ научной литературы и практики, позволяет выделить следующие характерные формы зло-

употребления правом: 1) продуцирование многочисленных заявлений о привлечении к уголовной ответственности должностных лиц, с последующим обжалованием постановления об отказе в возбуждении уголовного дела [5. С. 101–105]; 2) подача большого количества необоснованных жалоб на действия и решения следователя (дознавателя) в порядке ст. 125 УПК РФ [6. С. 56–59]; 3) сознательное и неоднократное нарушение подсудимым и защитником порядка в судебном заседании, неподчинение распоряжениям председательствующего [7. С. 58]; 4) неявка защитника в судебное заседание, необоснованный отказ от защитника или его отвод [Там же. С. 60]; 5) умышленное затягивание ознакомления с материалами уголовного дела [8. С. 32]; 6) заявление большого количества необоснованных ходатайств защитником или подсудимым [9. С. 7–9]; 7) многократное заявление отвода суду [10. С. 123–126].

Указанные формы злоупотребления правом в уголовном процессе являются наиболее частыми и, поэтому «злободневными». В связи с этим возникают вопросы: уместна ли здесь единая универсальная норма, способная противодействовать таким проявлениям? Каким же образом сконструировать эту норму, чтобы охватить большинство таких прецедентов?

Для начала отметим, что общим законодательным фундаментом в данном случае выступает ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, согласно которой осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц и, безусловно, основанный на данной норме п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», в котором указано, что суд может не признать право обвиняемого на защиту нарушенным в тех случаях, когда отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса.

Какие же варианты законодательных конструкций предлагаются в этой связи в научной литературе? Так, В.Н. Парфенов предлагает ввести в гл. 2 УПК РФ новый принцип уголовного процесса, который звучит как «Право участников уголовного судопроизводства на защиту и отстаивание своих прав и законных интересов», в рамках которого закрепить право суда по жалобе, ходатайству или представлению другого участника уголовного судопроизводства, а также по собственной инициативе отказать участнику уголовного судопроизводства в защите, отстаивании принадлежащего ему права либо ограничить соответствующее его право [11. С. 23–26].

Идея введения схемы противодействия злоупотреблению правом в ранге принципа уголовного процесса является одной из самых «популярных» в научной среде, но при всех положительных сторонах данного подхода все же выразим некоторые сомнения в ее целесообразности. Во-первых, мы не разделяем позицию многих исследователей о том, что злоупотреблять правом может любой участник уголовного процесса [12], и связи с этим полагаем, что здесь необходимо ограничиваться представителями стороны защиты. Косвенно данный факт подтверждают раннее указанные формы проявления анализируемого явления, а также позиция Верховного Суда РФ, выраженная в Постановлении Пленума. Во-вторых, при таком подходе отсутствует возможность соблюдения обязательного требования, которое, по сути, должно отличать варианты правового регулирования злоупотребления правом в гражданском праве и уголовном процессе; в частности, речь о детальной регламентации применения и способах (а также пределах) ограничения такого права (имеются в виду сроки, основания и т.д.).

Весьма оригинальна идея В.А. Попова, который также предлагает закрепить рассматриваемое положение в качестве принципа, но в совершенно ином контексте. Автор считает целесообразным наделить всех участников уголовного судопроизводства правом отстаивать и применять свои процессуальные права любым не запрещенным законом способом. В этой связи автор пишет: «Лаконичность вносимой в закон нормы позволит избежать различных необоснованных её ограничений со стороны государственных органов, а также шире применять основополагающие принципы права при разрешении конкретного дела, что, в свою очередь, сделает закон более гибким и приспособленным под непосредственное правоприменение» [13. С. 49].

На наш взгляд, изложенный подход еще более либерален по отношению к проявлениям различных форм злоупотребления даже по сравнению с гражданским правом, т.е. чужд отечественному уголовному процессу. Учитывая уровень российской правовой культуры и качество имеющейся законодательной базы, такой вариант принесет практике его применения больше вреда, чем пользы, и вряд ли реализуем.

Анализируя поливариативные способы злоупотребления правом, Т.В. Трубникова предлагает весьма продуктивный подход к вопросу пресечения подобных проявлений. Автор делит все виды злоупотреблений правом на две группы: системные и несистемные. И, исходя из данной градации, определяется степень вмешательства государства в рассматриваемые правоотношения. Для первого случая – это: 1) внесение в уголовно-процессуальный закон изменений, направленных на выстраивание эффективного баланса прав различных участников процесса, регламентацию механизма их реализации (если это необходимо), четкое определение случаев и пределов ограничений этих прав, а также ограничение чрезмерно широких пределов усмотрения должностных лиц, установление в законе критериев, с применением которых должностные лица должны принимать решения в пределах своего усмотрения; 2) совершенствование правоприменительной практики (в том числе с использованием мер административного характера, установлением эффективного судебного надзора). Для несистемных проявлений – данного субъекта нельзя лишить права (или ограничить), государство должно проявлять терпимость к подобным проявлениям, и единственно возможные действия в подобных ситуациях – приме-

нение мер принуждения (удаление из зала судебного заседания на определенный срок, инициирование применения мер дисциплинарной ответственности в отношении адвоката, вынесение частного определения) [14. С. 74–76].

Указанный подход, на наш взгляд, является наиболее рациональным как для пресечения, так и для предотвращения проявления различных форм злоупотребления правом. Но при этом возникает резонный вопрос: разве на данный момент такой практики не существует?

Действительно, на сегодняшний день для предотвращения одного из конкретных системных проявлений злоупотребления правом есть такой правовой механизм, как ограничение сроков ознакомления с материалами уголовного дела (см.: ч. 3 ст. 217 УПК РФ, а также п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве»). Для противодействия проявлению несистемных форм злоупотребления правом складывается и соответствующая судебная практика, включающая обязательное рассмотрение всех заявлений, жалоб, отводов, применение мер дисциплинарной ответственности в отношении «нерадивых» адвокатов.

Изложенное позволяет констатировать, что правоприменительная деятельность (вкупе с действующим законодательством) может и сегодня гибко реагировать на различные формы злоупотребления правом как системного, так и несистемного характера, соблюдая при этом, необходимый баланс прав и интересов участников уголовно-процессуальных отношений.

В связи с этим может возникнуть сомнение: а надо ли тогда закреплять в действующем УПК РФ схему противодействия злоупотреблению правом, да еще и в ранге принципа уголовного процесса?

Мы солидарны с учеными-процессуалистами в том, что весьма сложно гипотетически учесть и описать в действующем законодательстве все потенциально возможные способы злоупотребления правом, в силу чего неизбежно применение общих формулировок, которые в связи с расширением дискреции правоприменителя могут таить в себе негативные последствия. Косвенно данный факт подтверждает практика Европейского Суда по правам человека, не допускающего злоупотребления правом при подаче жалобы в указанную судебную инстанцию [15. С. 248–260]. В этом смысле весьма примечательна идея ч. 3 ст. 5 УПК Швейцарии, прямо запрещающей гражданам злоупотреблять правами в отношениях между собой и в отношениях с государством.

Весьма содержательными и правильными по существу, в этой связи, являются оценки О.И. Андреевой, которая, рассуждая о требованиях к надлежащему осуществлению прав и обязанностей, не допускающих злоупотребления правом, выделяет такие критерии, как добросовестность, разумность и справедливость [16. С. 12]. Хотя указанные требования весьма широки в понимании и не исключают субъективизм правоприменителя при их учете и реализации. Уважаемый автор, на наш взгляд, правильно подмечает, что действие принципа «разрешено все, что не запрещено законом» рассчитано на общество высокой правовой культуры и сознательного индивида, обученного пользоваться своими правами ответственно, на началах взаимности, признавая права других и не причиняя ущерба обществу [Там же. С. 10], для чего нам в России «шагать» еще очень и очень далеко.

Учитывая изложенное, мы полагаем, что правила о противодействии злоупотреблению правом нельзя рассматривать в качестве принципа уголовного процесса. Не может быть основополагающим институт, который не распространяет свое действие на всех участников уголовного процесса и рассчитан исключительно на категорию частных лиц. В уголовном судопроизводстве применительно к изучаемому явлению недопустимо использование общих формулировок, возможны лишь «точечные» изменения законодательства и соответствующая коррекция следственной и судебной практики. В связи с этим обязанность действовать добросовестно и разумно, не допуская злоупотребления правом, должна быть закреплена в нормах, регламентирующих права и обязанности таких участников процесса, как подозреваемый, обвиняемый и защитник, а отнюдь не гл. 2 УПК РФ, фиксирующей систему принципов уголовного судопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азаров В.А., Нурбаев Д.М. Категория «злоупотребление правом» в уголовном процессе РФ: межотраслевой взгляд // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 3 (21). С. 5–12.
2. Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 5.
3. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 3 февраля 2015 г. Дело № 32-КГ14-17.
5. Бурмагин С.В. Проблема права на защиту в уголовном судопроизводстве // Публичное и частное право. 2011. № 3. С. 101–105.
6. Фролов А.Ю. Злоупотребление правом обжалования в уголовном процессе // Правовые проблемы укрепления Российской государственности : сб. статей / отв. ред.: М.К. Свиридов, Ю.К. Якимович ; под ред. О.И. Андреевой, И.В. Чадновой. Томск : Томский государственный университет, 2015. С. 56–59.
7. Коломенский П.Н. Злоупотребление правом на защиту: отдельные вопросы правового регулирования на судебных стадиях уголовного процесса // Судья. 2015. № 11. С. 57–61.
8. Практика применения УПК РФ: практическое пособие / под ред. В.М. Лебедева. М. : Норма, 2004. 448 с.
9. Калинкина Л.Д. К вопросу о злоупотреблении правами и их недобросовестном использовании в уголовном судопроизводстве // Адвокат. 2010. № 4. С. 5–9.
10. Якушева Т.В. Злоупотребление процессуальными правами в судебном следствии // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 2–1. С. 123–126.
11. Парфенов В.Н. Проблемы злоупотребления уголовно-процессуальными правами // Российский следователь. 2014. № 7. С. 23–26.
12. Азаров В.А., Нурбаев Д.М. Субъекты злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве // Охрана прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства : материалы межд. научно-практ. конф. М. : МАЭП, Союз криминалистов и криминологов, 2016. С. 25–38.

13. Попов В.А. Способы противодействия злоупотреблению уголовно-процессуальными правами участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты // Евразийская адвокатура. 2016. № 1 (20). С. 47–49.
14. Трубникова Т.В. Злоупотребление правом в уголовном процессе: критерии вмешательства со стороны государства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 3 (17). С. 65–78.
15. Прозванченков А.В., Шахбазов Р.А. Злоупотребление правом в решениях Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации// Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4. С. 248–260.
16. Андреева О.И. Злоупотребление субъективным правом в уголовном процессе: проблемы правового регулирования // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 2 (16). С. 9–13.

Статья представлена научной редакцией «Право» 24 июня 2017 г.

STANDARD REGULATION OF COUNTERACTION TO ABUSE OF RIGHT IN CRIMINAL TRIAL

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 146–149.
DOI: 10.17223/15617793/420/21

Vladimir A. Azarov, Omsk F.M. Dostoevsky State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: kafprokrim@mail.ru
Daulet M. Nurbayev, Omsk F.M. Dostoevsky State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: daulet_mn@mail.ru

Keywords: abuse of right; counteraction; criminal trial; principle; law enforcing norms regulating rights and duties of suspect, defendant and defender.

Various legislative designs of provisions of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation whose purpose is the creation of effective standard fixation of counteraction to abuse of right in criminal trial are the subject of the present research. The following tasks are solved in the paper: 1) it is established that the current legislation and the developing practice allow to counteract effectively the system and non-system manifestations of abuse of right; 2) the legislative regulation of counteraction to abuse of right in criminal trial and civil law is compared; 3) various theoretical schemes of counteraction to abuse of right available in scientific literature are analysed. The main methods used in work are comparison, logical techniques of induction and deduction. Material on the basis of which conclusions of the research have been received are definitions and decisions of the Supreme Court of the Russian Federation on the considered criminal cases, and also the statistical data obtained from the official site of the Supreme Court of the Russian Federation, the Omsk Regional Court and the Volgograd Regional Court. Within the research such specific scientific methods as formal legal, allowing to compare the concept of abuse of right in criminal trial and civil law, and comparative legal, by means of which the projects of introduction of amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation concerning standard regulation of counteraction to abuse of right which are available in literature have been compared, are used. On the basis of the conducted research the following conclusions have been drawn. Rules about counteraction to abuse of right can not be considered as the principle of criminal trial as an institute which does not extend the action to all participants of criminal trial and works for the category of individuals can not be fundamental. In criminal legal proceedings the use of general formulations is inadmissible in relation to the studied phenomenon, only “individual” changes of the legislation and the corresponding correction of investigative and judicial practice are possible. In this regard the duty to work honestly and reasonably, without allowing abuse of right has to be fixed in the norms regulating the rights and duties of such participants of the trial as the suspect, the defendant and the defender.

REFERENCES

1. Azarov, V.A. & Nurbaev, D.M. (2016) The abuse of right category in criminal procedure of Russia: an inter-branch view. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law.* 3 (21). pp. 5–12. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/21/1
2. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF.* (2014). 5.
3. *Byulleten’ Verkhovnogo Suda RF.* (2015). 8.
4. Definition of the Chamber of Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of February 3, 2015, Case No. 32-KG14-17. (In Russian).
5. Burmagin, S.V. (2011) Problema prava na zashchitu v ugolovnom sudoproizvodstve [The problem of the right to defense in criminal proceedings]. *Publichnoe i chastnoe pravo*. 3. pp. 101–105.
6. Frolov, A.Yu. (2015) Zloupotreblenie pravom obzhalovaniya v ugolovnom protsesse [Abuse of the right to appeal in criminal proceedings]. In: Andreeva, O.I. & Chadnova, I.V. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya Rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening the Russian statehood]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Kolomenskiy, P.N. (2015) Zloupotreblenie pravom na zashchitu: otdel’nye voprosy pravovogo regulirovaniya na sudebnykh stadiyakh ugolovnogo protsessa [Abuse of the right to defense: certain issues of legal regulation in the judicial stages of the criminal process]. *Sud’ya – Judge*. 11. pp. 57–61.
8. Lebedev, V.M. (ed.) (2004) *Praktika primeneniya UPK RF* [The practice of applying the RF Code of Criminal Procedure]. Moscow: Norma.
9. Kalinkina, L.D. (2010) K voprosu o zloupotreblenii pravami i ikh nedobrosovestnom ispol’zovanii v ugolovnom sudoproizvodstve [On the abuse of rights and their unfair use in criminal proceedings]. *Advokat.* 4. pp. 5–9.
10. Yakusheva, T.V. (2011) Zloupotreblenie protsessual’nymi pravami v sudebnom sledstvii [Abuse of procedural rights in the judicial investigation]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – News of the Altai State University*. 2–1. pp. 123–126.
11. Parfenov, V.N. (2014) Problemy zloupotrebleniya ugolovno-protsessual’nymi pravami [Problems of abuse of criminal procedural rights]. *Rossiyskiy sledovatel’ – Russian Investigator*. 7. pp. 23–26.
12. Azarov, V.A. & Nurbaev, D.M. (2016) Sub”ekty zloupotrebleniya pravom v ugolovnom sudoproizvodstve [Subjects of abuse of right in criminal proceedings]. *Okhrana prav i svobod cheloveka i grazhdanina v sfere ugolovnogo sudoproizvodstva* [Protection of human and civil rights and freedoms in criminal proceedings]. Proceedings of the international conference. Moscow: MAEP, Soyuz kriminalistov i kriminologov. pp. 25–38. (In Russian).
13. Popov, V.A. (2016) Sposoby protivodeystviya zloupotrebleniyu ugolovno-protsessual’nymi pravami uchastnikami ugolovnogo sudoproizvodstva so storony zashchity [Ways to counteract the abuse of criminal procedural rights by participants in criminal justice proceedings from the defense party]. *Evraziyskaya advokatura*. 1 (20). pp. 47–49.
14. Trubnikova, T.V. (2015) Abuse of right in criminal proceeding: criteria and state interference limits. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law.* 3 (17). pp. 65–78. (In Russian).
15. Prozvanchenkov, A.V. & Shakhbazov, R.A. (2015) Zloupotreblenie pravom v resheniyakh Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka i Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [Abuse of right in the judgments of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*. 4. pp. 248–260.
16. Andreeva, O.I. (2015) Zloupotreblenie sub”ektivnym pravom v ugolovnom protsesse: problemy pravovogo regulirovaniya [Abuse of right in criminal proceedings: problems of legal regulation]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta.* 2 (16). pp. 9–13.

Received: 24 June 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 150–153. DOI: 10.17223/15617793/420/22

УДК 34.343

О.П. Грибунов

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Статья посвящена вопросам исследования появления нового уголовно-процессуального института – «досудебное соглашение о сотрудничестве», которое в науке и правоприменительной практике вызвало неоднозначную реакцию. Досудебное соглашение о сотрудничестве необходимо для упрощения процесса расследования преступлений, а следовательно, должно быть детально урегулировано законом. Вместе с тем немаловажное значение имеет тактика деятельности следователя на этапе подготовки ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Рассмотрены криминалистические аспекты данного вопроса.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве; обвиняемый; предварительное следствие; тактическая операция; криминалистическая тактика.

Досудебное соглашение о сотрудничестве, пожалуй, одна из самых дискуссионных и обсуждаемых новелл уголовно-процессуального законодательства последнего времени среди ученных и представителей практических органов правоохранительной направленности. В связи с этим представляется вполне актуальным акцентировать внимание на некоторых проблемах реализации норм, предусмотренных гл. 40.1 УПК, несмотря на то, что многие проблемы были обозначены практически сразу же после вступления в силу ФЗ № 141-ФЗ [1. С. 98–102]. Оригинальным следует признать точку зрения Н.А. Дудиной о том, что «соглашение в уголовном судопроизводстве – это новая правовая форма публичных договорных отношений, базирующихся на сочетании императивного и диспозитивного методов правового регулирования, которая позволяет согласовывать разнонаправленные интересы участников со стороны обвинения и защиты для достижения публичных целей уголовного процесса» [2. С. 95]. Абсолютно верное утверждение О.Я. Баева и И.М. Комарова, что досудебное соглашение заключается тогда, когда «невозможно иным путем обеспечить изобличение всех участников расследуемого группового преступления, обеспечить оптимальное возмещение причиненного преступлением материального ущерба, разрешить другие проблемы, составляющие предмет самого назначения уголовного судопроизводства в целом, наконец, причины организационно-экономического характера (причины уголовно-процессуальной экономии)» [3. С. 230]. При всех положительных моментах введения этого правового института следует согласиться с Д.В. Федоровой, что «анализ содержания гл. 40.1 УПК РФ приводит к выводу о том, что в ней закреплены лишь отдельные фрагменты механизма реализации полномочия следователя на получение и разрешение ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Такое положение может порождать проблемы при разрешении следователями ходатайств подозреваемых или обвиняемых о заключении досудебных соглашений о сотрудничестве, и поэтому механизм реализации рассматриваемого полномочия следователя нуждается в совершенствовании» [4. С. 228]. Полагаем именно поэтому в 2012 г. в целях единообразного применения данных норм подготовлено постановление пленума ВС РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». В частности, в постановлении пленума закреплен ряд неурегулированных УПК РФ вопросов, а именно: п.2 относительно отсутствия ограничения заключения досудебного соглашения о сотрудничестве одновременно с несколькими обвиняемыми (подозреваемыми); п. 3 о не распространении норм гл. 40.1 в отношении несовершеннолетнего; п. 5 о выделении в отдельное производство уголовного дела в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. По пунктам 2 и 5 сразу можно отметить и согласиться с мнением ученых, что возможна ситуация, когда реализация данной нормы УПК приводит к «дроблению» уголовного дела и в результате может быть два, три и более уголовных дел об одном преступлении (например, когда несколько обвиняемых согласились заключить досудебное соглашение о сотрудничестве), которые следует рассматривать каждое в отдельности [5. С. 8], что, в конечном счете, сказывается на вопросе экономичности судопроизводства.

Целесообразность заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с несколькими лицами только тогда имеет место быть, когда у таких лиц существенно различаются обязательства. «Например, один обязывается оказать содействие следствию в изобличении своих соучастников в совершении инкриминируемого ему преступления, другой обязуется оказать содействие в обнаружении уголовно-релевантных материальных объектов (ценностей, добытых в результате преступления), местонахождения которых другим соучастникам неизвестны, третий – в выявлении и раскрытии иных преступлений, информацией о которых остальные проходящие по данному уголовному делу лица не располагают» [3. С. 254].

Следует согласиться с позицией Г.В. Абшилава, что при досудебном соглашении содействие в изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления надо истолковывать в широком смысле: не только соучастников инкриминируемого обвиняемому преступления, но и других лиц, о преступной деятельности которых ему известно [6. С. 31]. Как известно, в преступном мире случайных людей не бывает, поэтому у лиц, неоднократно

совершающих преступления, имеются определенные социальные связи с иными преступниками, в том числе не подельниками. В этом смысле в действиях обвиняемого усматривается элемент позитивного постпреступного поведения.

Анализ отдельных публикаций позволяет заключить следующее: в процессуальной литературе не единообразно освещается вопрос о досудебном соглашении о сотрудничестве. Одним из дискуссионных является вопрос о необходимости согласия потерпевшего при заключении соглашения [7. С. 55]. Относительно несовершеннолетних можно констатировать, что любой вопрос раскрытия и расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, заслуживает отдельного, особого внимания.

Безусловно, положения гл. 40.1 УПК направлены, прежде всего, на противодействие и нейтрализацию преступлений коррупционной направленности и наркопреступлений в организованных формах их проявлений; анализ материалов правоприменительной практики позволяет это констатировать. А. Залов предлагает в этом аспекте внести изменения в УПК: требование о возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве только при расследовании уголовных дел о групповых преступлениях или тех дел, которые могут перейти в указанную категорию [8. С. 40].

Относительно учета мнения потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: буквальное толкование норм гл. 40.1 не подразумевает согласия потерпевшего, о потерпевшем в статьях гл. 40.1 УПК вообще ничего не сказано. Такое положение свидетельствует об одном: уголовно-процессуальное законодательство вновь не уделяет внимания обеспечению защиты прав и интересов потерпевших. Человек, который пострадал от преступлений, который желает, чтоб виновное лицо было наказано, как говорится, «по всей строгости закона», изначально понимает и знает, что наказание виновному не только может быть снижено до половины максимального срока, но и заменено на более мягкое. Представляется, что государство заинтересовано только в том, чтобы преступления были раскрыты, а права и интересы личности, конституционные права и интересы отходят на второй план.

И еще один момент, на котором хотелось бы заострить внимание: не углубляясь в процессуальные тонкости, которые достаточно исследованы представителями уголовно-процессуальной науки, хотелось бы затронуть криминалистические аспекты в деятельности следователя при заключении досудебного соглашения. Необходимо отметить, что О.Я. Баев признает этот процессуальный институт тактической операцией [9. С. 30], таким образом, нужный эффект такого соглашения напрямую зависит от того, насколько тактически грамотно и своевременно следователь подготовит ходатайство.

Как верно отмечено О.Н. Тисен, «...характер принимаемого следователем решения имеет ключевое значение на этапе обращения подозреваемого (обвиняемого) с ходатайством о досудебном соглашении и согласования вынесенного постановления с руководителем следственного органа» [10. С. 92]. Именно следователь, приняв принципиальное решение о самой необходимости заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, переходит к обдумыванию и реализации следующего шага алгоритма данной тактической операции – возможности заключения такого соглашения с тем или иным фигурантом (подозреваемым, обвиняемым) с учетом складывающейся по расследуемому делу ситуации.

Нельзя согласиться с точкой зрения Н.А. Дудиной, считающей, что соглашение о сотрудничестве заключается лишь в том случае, «когда иным способом преступление раскрыть невозможно» [2. С. 95]. Полагаем, что способы раскрытия преступления всегда есть в арсенале следователя и оперативного сотрудника, вопрос только во времени, а досудебное соглашение – это реальная возможность в короткие сроки установить все обстоятельства преступления и лиц, причастных к его совершению.

В правоприменительной практике возникает много вопросов относительно исследуемой проблемы. Как тактически поступить следователю, чтобы обвиняемый согласился заключить досудебное соглашение о сотрудничестве, например, в таких ситуациях, когда обвиняемый – рецидивист, ранее уже был условно осужден. Какие для него могут быть смягчающие правовые последствия? Согласно ст. 62 УК назначение наказания с уменьшением верхнего предела возможно только при отсутствии отягчающих обстоятельств, а это нелогично по данному примеру; таким образом, зачем человеку идти на такое соглашение, в чем смысл? Данная проблема подробно освещена Е. Благовым [11. С. 21–26]. Другая ситуация: как оценить действия обвиняемого, если он во всем сознался, но не может показать, кому и где сбыл похищенное, так как находится под стражей или просто не знает лицо, кому сбывал, как это зачастую случается. Как поступить следователю, когда лицо, подозреваемое в совершении преступления, готово заключить досудебное соглашение на стадии возбуждения уголовного дела? Известны случаи, когда подозреваемые готовы давать показания именно на данной стадии, а в последующем в корне меняют свою позицию, а нередко и просто напросто оговаривают невиновных в совершении преступлений.

Относительно последнего следует согласиться с О.Я. Баевым и И.М. Комаровым: принимая решение о вынесении ходатайства о заключении досудебного соглашения, следователь должен «гипотетически предполагать о возможном содержании заведомо ложного доноса со стороны обвиняемого в отношении третьих лиц и составлять типовые версии его проверки… и подлежат непременному учету при структурировании рассматриваемой тактической операции “Досудебное соглашение о сотрудничестве”» [3. С. 249]. Проверка достоверности показаний, реализуется посредством проведения максимально подробного допроса лица, дающего «признательные» показания о соучастниках инкриминируемого ему группового преступления. При таком допросе выясняются все обстоятельства, вплоть до мелочей, по мнению допрашиваемого, не имеющих серьезного значения, и

прежде всего тех, которые несложно проверить. Например, делал ли кто из соучастников в момент совершения преступления звонок по сотовому телефону, что проверяется соответствующим запросом операторам сотовой связи, так называемый «Билинг». Следует согласиться «что во многом таковая возможность предопределяется видом расследуемого преступления (в криминалистическом значении этой категории), обстановкой и способом совершения конкретного преступления» [3. С. 256]. Все показания допрашиваемого лица подлежат проверке с целью закрепления доказательственной базы посредством проведения комплекса следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Следует также согласиться с позицией Р. Саркисянца о том, что на практике цели заключения досудебного соглашения не всегда коррелируют с требованиями уголовно-процессуального закона, так как показания даются в отношении уже известных правоохранительным органам лиц, т.е. фактически нет критериев определения реальности «оказания содействия» [12. С. 17]. В этой части заслуживают внимания рекомендации тактического порядка относительно поведения следователя на этапе составления ходатайства перед прокурором, а именно формулировка вопросов: «Вопросы должны быть сформулированы таким образом, чтобы для ответа на них подозреваемому или обвиняемому не пришлось сообщить весь объем информации, которой он располагает и которую намерен сообщить лишь в случае заключения с ним досудебного соглашения о сотрудничестве» [4. С. 229]. Вместе с тем нельзя согласиться с позицией Д.В. Федоровой о том, что «следователь не вправе задать подозреваемому или обвиняемому прямой вопрос о том, где находится имущество, добытое в результате преступления. Если подозреваемый или обвиняемый ответит на этот вопрос, то смысл заключения досудебного соглашения о сотрудничестве в определенной степени утрачивается» [4. С. 229]. Полагаем, дискуссионность в таком тезисе, очевидна.

В настоящее время институт досудебного соглашения – это своего рода способ получения доказательств следователем с наименьшими временными и организационными затратами, поэтому нельзя признать правильным исключение следователя из этой процедуры, как предлагает О.А. Чабукиани, соглашаясь с мнением И. Гуршумова, В.Н. Парфенова и Д. Арабули о том, что «позиция законодателя о возможности рассмотрения ходатайства, поданного на имя прокурора, следователем ошибочна, т.к. вопрос о возможности заключения соглашения о сотрудничестве рассматривается неправомочным лицом» [13. С. 103].

Подводя определенный итог, следует заметить, что появление данного правового института уголовно-процессуальных отношений повлияло не только на процесс раскрытия и расследования преступлений с точки зрения экономичности судопроизводства. Применение особого порядка проведения судебного заседания и вынесение судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, не должно стать повседневным, это должно быть действительно исключением, иначе данная ситуация приводит к нарушению такого элемента назначения уголовного судопроизводства, как назначение виновным справедливого наказания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Халиулин А., Буланова Н., Конярова Ж. Полномочия прокурора по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовное право. 2010. № 3. С. 98–102.
2. Дудина Н.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: понятие и сущность // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4 (60). С. 92–96.
3. Баев О.Я., Комаров И.М. Тактические операции в досудебном производстве по уголовным делам: основы теории и практики: научно-практическое издание. М., 2016.
4. Федорова Д.В. Особенности предварительного расследования в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве // Общество и право. 2012. № 4 (41). С. 227–233.
5. Новиков С.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве как основание для выделения уголовного дела // Российский следователь. 2012. № 21. С. 5–8.
6. Абшилава Г.В. Деятельное раскаяние как составная часть досудебного сотрудничества обвиняемого с органами следствия // Вестник ЮУрГУ. 2011. № 27. С. 30–35.
7. Винницкий Л., Мельник С. Необходимо ли согласие потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Законность. 2012. № 10. С. 55–58.
8. Залов А. Сделка с правосудием: проблемы правоприменения // Законность. 2011. № 8. С. 34–40.
9. Баев О.Я. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовые и криминалистические проблемы, возможные направления их разрешения. М., 2013.
10. Тисен О.Н. Субъекты досудебного соглашения о сотрудничестве // Судебная власть и уголовный процесс. 2013. № 2. С. 91–95.
11. Благов Е. Назначение наказания в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовное право. 2010. № 3. С. 21–26.
12. Саркисянц Р. Роль прокурора в досудебном соглашении о сотрудничестве // Законность. 2012. № 8. С. 16–22.
13. Чабукиани О.А. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве: понятие, практические вопросы, особенности предварительного расследования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4 (60). С. 101–108.

Статья представлена научной редакцией «Право» 26 мая 2017 г.

CRIMINALISTIC ASPECTS OF THE PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 150–153.
DOI: 10.17223/15617793/420/22

Oleg P. Gribunov, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: gribunov@mail.ru

Keywords: pre-trial cooperation agreement; the accused; preliminary investigation; tactical operation; criminalistic tactics.

The subject of the study is the regularities of law enforcement agencies in the detection and investigation of crimes when applying special rules of criminal procedure in the conclusion of a pre-trial cooperation agreement. The main task was to consider the tactical bases in the activity of the investigator in preparing the persons who committed the crime to conclude a pre-trial cooperation agreement. In preparing the article scientific methods were used such as analysis, synthesis, induction, deduction, analogy, and private law methods: historical-comparative method, involving consideration of the features of formation and development of scientific concepts of this legal institution; statistical method, which allowed to formulate theoretical generalizations and conclusions based on empirical data; specifically sociological method used in conducting sociological studies (questionnaires, surveys, interviews, etc.). A pre-trial cooperation agreement is one of the argumentative and discussed institutions of the criminal procedure legislation. Traditionally, the plenary decision of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2012 No. 16 "On the court application of special procedure for criminal proceedings with a pre-trial cooperation agreement" was prepared to "help" the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation to solve controversial and ambivalent aspects. Particularly, the plenum resolution establishes a number of issues that are not regulated by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Analysis of publications on the topic allows to make a conclusion that the question of a pre-trial cooperation agreement is not covered uniformly. Certainly, the provisions of Chapter 40.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation aim mainly to counteract and neutralize crimes of corruption and drug crimes in organized forms of their manifestations, and analysis of the materials of law enforcement practice allows to state this. Without going deep into the procedural nuances that have been investigated enough by the representatives of the criminal procedure science, criminalistic aspects in the activities of the criminal investigator while making the pre-trial cooperation agreement are discussed. Thus, a new legal institution of criminal procedural relations will influence not only crime disclosure and investigation, but also the efficiency of legal proceedings. At the same time, the application of a special procedure for holding a court trial and pronouncing a verdict against an accused with whom a pre-trial cooperation agreement was made should not become a routine one, this should be really an exception.

REFERENCES

1. Khaliulin, A., Bulanova, N. & Konyarova, Zh. (2010) Polnomochiya prokurora po zaklyucheniyu dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve [Powers of the prosecutor on the conclusion of the pre-trial cooperation agreement]. *Ugolovnoe pravo*. 3. pp. 98–102.
2. Dudina, N.A. (2013) Dosudebnoe soglashenie o sotrudnichestve: ponyatie i sushchnost' [Pre-trial cooperation agreement: concept and essence]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 4 (60). pp. 92–96.
3. Baev, O.Ya. & Komarov, I.M. (2016) *Takticheskie operatsii v dosudebnom proizvodstve po ugolovnym delam: osnovy teorii i praktiki* [Tactical operations in pre-trial proceedings in criminal cases: the fundamentals of theory and practice]. Moscow: Yurlitinform.
4. Fedorova, D.V. (2012) Osobennosti predvaritel'nogo rassledovaniya v otnoshenii podozrevaemogo ili obvinyaemogo, s kotorym zaklyucheno dosudebnoe soglashenie o sotrudnichestve [Peculiarities of preliminary investigation of a suspect or accused with whom a pre-trial cooperation agreement was concluded]. *Obshchestvo i pravo*. 4 (41). pp. 227–233.
5. Novikov, S.A. (2012) Dosudebnoe soglashenie o sotrudnichestve kak osnovanie dlya vydeleniya ugolovnogo dela [Pre-trial cooperation agreement as the basis for the criminal case selection]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 21. pp. 5–8.
6. Abshilava, G.V. (2011) Deyatel'noe raskayanie kak sostavnaya chast' dosudebnogo sotrudnichestva obvinyaemogo s organami sledstviya [Active repentance as an integral part of the pre-trial cooperation of the accused with the investigative authorities]. *Vestnik YuUrGU*. 27. pp. 30–35.
7. Vinnitskiy, L. & Mel'nik, S. (2012) Neobkhodimo li soglasie poterpevshego pri zaklyuchenii dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve? [Is the consent of the victim required in the conclusion of a pre-trial cooperation agreement?]. *Zakonnost'*. 10. pp. 55–58.
8. Zalov, A. (2011) Sdelka s pravosudiem: problemy pravoprimeneniya [A deal with justice: problems of law enforcement]. *Zakonnost'*. 8. pp. 34–40.
9. Baev, O.Ya. (2013) *Dosudebnoe soglashenie o sotrudnichestve: pravovye i kriminalisticheskie problemy, vozmozhnye napravleniya ikh razresheniya* [Pre-trial cooperation agreement: legal and forensic problems, possible directions for their resolution]. Moscow: Norma: Infra-M.
10. Tisen, O.N. (2013) Sub"ekty dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve [Subjects of pre-trial cooperation agreement]. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyy protsess*. 2. pp. 91–95.
11. Blagov, E. (2010) Naznachenie nakazaniya v sluchae zaklyucheniya dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve [Appointment of punishment in case of the conclusion of the pre-trial cooperation agreement]. *Ugolovnoe pravo*. 3. pp. 21–26.
12. Sarkisyants, R. (2012) Rol' prokurora v dosudebnom soglashenii o sotrudnichestve [The role of the prosecutor in the pre-trial cooperation agreement]. *Zakonnost'*. 8. pp. 16–22.
13. Chabukiani, O.A. (2013) Zaklyuchenie dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve: ponyatie, prakticheskie voprosy, osobennosti predvaritel'nogo rassledovaniya [Conclusion of pre-trial cooperation agreement: concept, practical issues, peculiarities of preliminary investigation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 4 (60). pp. 101–108.

Received: 26 May 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 154–159. DOI: 10.17223/15617793/420/23

УДК 347.4

О.С. Груздев

ПРОИЗВОДНЫЕ ФИНАНСОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ БЕЗДОКУМЕНТАРНЫХ ЦЕННЫХ БУМАГ

Поднимается вопрос о возможности квалификации производных финансовых инструментов в качестве бездокументарных ценных бумаг и, соответственно, о возможности применения к ним правового режима бездокументарных ценных бумаг. По результатам анализа, проведенного с применением формально-юридического и герменевтического методов исследования, автор статьи приходит к выводу, что производные финансовые инструменты не могут быть квалифицированы в качестве бездокументарных ценных бумаг и на них не может быть распространен соответствующий правовой режим, поскольку они не всегда представлены в виде субъективного права конкретной стороны.

Ключевые слова: производные финансовые инструменты; бездокументарные ценные бумаги; субъективное право; условие, поставочный финансовый инструмент; расчетный финансовый инструмент.

На разных этапах развития отечественного финансового рынка исследователи придерживались различных точек зрения относительно того, что есть такое производные финансовые инструменты: ценные бумаги или сделки. Конец дискуссиям был положен сначала изменениями [1], внесенными в ФЗ «О рынке ценных бумаг» [2], а впоследствии приказом ФСФР «Положение об утверждении видов производных финансовых инструментов» [3] и указанием Банка России «О видах производных финансовых инструментов» [4]. Из анализа приведенных актов следует, что законодатель занял позицию, близкую к сделочной природе производных финансовых инструментов. Однако данная точка зрения была поддержана не всеми исследователями.

Так, анализируя вопросы правовой квалификации производных финансовых инструментов, А.В. Габов [5. С. 352] указывает на ошибочность такого подхода законодателя, который квалифицировал производные финансовые инструменты как сделки, поскольку, по его мнению, никакой разницы между такими инструментами и ценными бумагами (эмиссионными ценными бумагами. – *О.Г.*) нет. Продолжая рассуждения, А.В. Габов пишет, что отсутствие правового режима ценной бумаги у стандартизированных биржевых контрактов (по тексту автор отождествляет биржевые контракты и производные финансовые инструменты) означает отсутствие у них какого-либо внятного правового режима вообще. Все проблемы, по его мнению, могли бы быть решены, если бы на производные финансовые инструменты был распространен режим ценных бумаг.

После прочтения вышеуказанных строк невольно задаешься вопросом: можно ли распространить правовой режим эмиссионных ценных бумаг на производные финансовые инструменты? А если быть точнее, то правовой режим отдельного вида эмиссионных ценных бумаг – бездокументарных ценных бумаг? Все может быть, однако для ответа на поставленный вопрос нам для начала стоит проанализировать возможность квалификации производных финансовых инструментов в качестве бездокументарных ценных бумаг.

В этой части статьи необходимо сделать небольшую ремарку, касающуюся пределов анализа. Когда ставятся такие вопросы, как, например, можно ли квалифицировать долговую расписку, выданную по договору займа, или номерок в гардеробе в качестве ценной бумаги, практически всегда хочется ответить отрицательно. Такая реакция обусловлена тем, что отечественный правопорядок унаследовал от немецкого разрешительную систему регулирования ценных бумаг. Все дело в том, что в силу принципа numerus clausus в отечественном праве ценной бумагой является ровно то, что поименовано в качестве таковой или признано в установленном законом порядке. Соответственно, раз уж производные финансовые инструменты ни в силу ФЗ «О рынке ценных бумаг», ни в силу Гражданского кодекса РФ не являются ценными бумагами (они там не поименованы), то, мол, и нечего тут рассуждать! Однако мы проигнорируем указанное обстоятельство и постараемся дать объективную оценку возможности квалификации производных финансовых инструментов в качестве ценных бумаг, а также возможности распространения на данные инструменты правового режима бездокументарных ценных бумаг. Только такой подход позволит нам раскрыть правовую природу производных финансовых инструментов в соотношении с бездокументарными ценными бумагами.

Правовое регулирование бездокументарных ценных бумаг осуществляется посредством ФЗ «О рынке ценных бумаг» и Гражданского кодекса РФ. До недавнего времени несоответствие указанных нормативных актов порождало массу противоречий, касающихся определения правовой природы бездокументарных ценных бумаг. Так, в Гражданском кодексе РФ было закреплено, что ценной бумагой является документ, удостоверяющий имущественное право. Тогда как в ФЗ «О рынке ценных бумаг» закреплялось существование такого вида ценных бумаг, как эмиссионные ценные бумаги, которые могли выпускаться и в бездокументарной форме. Более того, в гражданском обороте бездокументарная форма ценных бумаг являлась доминирующей. Данное обстоятельство порождало сомнения у некоторых исследователей в части того, что бездокументарные ценные бумаги надлежит относить к ценным бумагам. Такие исследователи предлагали определять бездокументарные ценные бумаги как самостоятельное правовое явление. К числу таких исследователей следует отнести Суханова Е.А., который, рассуждая над природой бездокументарных ценных бумаг, указывал: «В силу своей «бездокументарности» они (бездокументарные

ценные бумаги. – авт.) не являются ценными бумагами в подлинном смысле слова, и к их обороту лишь по аналогии могут применяться некоторые правила о традиционных ценных бумагах». [6. С. 9]. Изменениями в Гражданский кодекс РФ в части регулирования оборота бездокументарных ценных бумаг данные противоречия были устранены посредством включения в понятие ценной бумаги бездокументарной ценной бумаги.

Бездокументарная ценная бумага традиционно рассматривается как объект гражданских прав. Согласно одной из точек зрения, которая нашла отражение в гражданском законодательстве, бездокументарные ценные бумаги представляют собой субъективные гражданские права. Однако такой подход не бесспорный. На разных этапах развития рынка ценных бумаг бездокументарные ценные бумаги квалифицировали по-разному. Некоторые исследователи рассматривали такие ценные бумаги в качестве вещей, выделяя такую разновидность вещей как бестелесные [7. С. 79]. По мнению других исследователей, бездокументарные ценные бумаги представляют собой нематериальные вещи [8. С. 111]. Однако же законодатель закрепил иное понимание бездокументарной ценной бумаги.

Вопрос о том, когда такие ценные бумаги становятся объектом гражданских прав, исследователями решается по-разному. Условно говоря, их можно поделить на две группы: те, которые полагают, что бездокументарная ценная бумага существует как объект с момента регистрации выпуска таких ценных бумаг, и те, кто полагает, что объектом гражданских прав бездокументарные ценные бумаги становятся лишь тогда, когда у них появляется первый приобретатель. Первая точка зрения обосновывается тем, что последствием регистрации выпуска ценных бумаг является их размещение. Размещение осуществляется посредством договоров купли-продажи. Отсюда возникает тезис: невозможно продать то, на что не имеешь прав![1] Соответственно, эмитент размещает то, на что у него самого есть право. Однако данный подход игнорирует другой вопрос: как может существовать субъективное право по отношению к самому себе? Ведь если исходить из того, что бездокументарная ценная бумага есть субъективное право, то значит, с момента регистрации выпуска его «правообладателем» становится эмитент, который сам же и выступает противной стороной по отношению к самому же себе. Если признать такой подход верным, то следует признать верным и следующее утверждение: лицо может вступать с самим же собой в правоотношения, иметь как субъективные права, так и обязанности. Одним словом, абсурд! Это противоречие разрешается в том случае, если исходить из того, что бездокументарная ценная бумага появляется тогда, когда попадает к своему первому приобретателю. Приобретатель в таком случае выступает не производным[2], а первоначальным собственником. При этом именно с момента попадания в господство какого-либо лица такая ценная бумага и может быть квалифицирована как объект права, который может переходить из правового господства одного лица к другому лицу.

Кроме того, определяя бездокументарную ценную бумагу как субъективное право, нельзя не заметить, что существование такой ценной бумаги возможно лишь тогда, когда субъективное право привязано к конкретному лицу. Например, невозможно себе представить, что бездокументарная облигация как субъективное право существовала бы уже как объект, являясь субъективным правом, но не «принадлежала» никакому лицу. Субъективное право не может существовать вне субъекта. В этой части обнаруживается существенное отличие от документарных ценных бумаг, которые могут объективно существовать и вне связи с каким-либо лицом. Примером такой ценной бумаги следует считать любые предъявительские ценные бумаги. Так, принимая во внимание положения ст. 225 Гражданского кодекса РФ, ничто не мешает квалифицировать документарную ценную бумагу как бесхозяйную вещь. Едва ли эти положения можно применять к бездокументарным ценным бумагам и именовать субъективное право бесхозяйным. Полагаем, что данное обстоятельство должно служить для бездокументарных ценных бумаг квалифицирующим критерием.

Что же такое производный финансовый инструмент? На данном этапе обозначим его неким финансовым активом, который в зависимости от его разновидности может удостоверять несколько видов прав: право требования передачи вещи или осуществления противной стороной расчетов, сумма которых зависит от изменения некоторого условия. Сообразно приведенной структуре прав и обязанностей, а также воле каждой из сторон производные финансовые инструменты делятся на поставочные и расчетные.

Перед тем как проводить сравнительный анализ каких-либо правовых явлений следует выявить у них общее начало, то, вокруг чего можно будет проводить сравнение. Применительно к поставленным вопросам таким общим началом является субъективное право. В производных финансовых инструментах субъективное право проявляется в праве требовать от противной стороны совершения в свою пользу активных действий. Но для того, чтобы такое субъективное право было ценной бумагой, необходимо обеспечить его стабильность. Ведь бездокументарная ценная бумага есть объект права, ее существование не должно быть гарантировано вне зависимости от внешних факторов, за исключением тех, которые связаны с аннулированием выпуска ценных бумаг.

Далее анализ будет проводиться с учетом классификации производных финансовых инструментов на поставочные и расчетные. Так, в расчетных производных финансовых инструментах субъективное право существует постольку, поскольку имеются надлежащие условия. Например, Сторона А «покупает» на бирже фьючерс на поставку через 6 месяцев одной акции некоторого общества по цене 100 руб. за акцию. Правила оборота производных финансовых инструментов допускают, что реальное исполнение контракта производиться не будет, стороны будут лишь производить взаиморасчеты. Допустим, реальная стоимость акций упадет до 50 рублей за акцию. В таком случае сторона выплачивает противоположной сто-

роне разницу в размере 50 руб. Если цена акций поднимется до 130 рублей, то сторона А будет вправе требовать выплаты ей 30 руб. И так далее. Из анализа представленного примера видно, что субъективное право у стороны А присутствует лишь тогда, когда цена на акции растет. Когда цена падает, такая сторона автоматически становится обязанной и никакого субъективного права у нее не возникает. А раз нет субъективного права, то, что же мы тогда должны квалифицировать в качестве бездокументарной ценной бумаги?

Если предположить, что такое субъективное право все же является бездокументарной ценной бумагой, то мы вынуждены будем признать, что в зависимости от движения цен на базисный актив объект будет то появляться, то пропадать. Конечно, такому выводу можно противопоставить аргумент, что, мол, вещь тоже может быть, а может и сгореть. Но ведь в таком случае никто не ставит под сомнение само существование вещи? Такая постановка вопроса была бы не совсем корректна, поскольку вещь статична в силу своей природы. Она материальна, ее можно потрогать, передать другому лицу, физически уничтожить и т.д. Ее существование в широком смысле слова зависит от того, с какой осмотрительностью относится к ней ее титульный владелец. Бездокументарная ценная бумага существует лишь в виде записи в реестре. Ее нельзя ощутить или описать физическими категориями. Это абсолютно идеальный объект. И в контексте производных финансовых инструментов существование такой бездокументарной ценной бумаги будет поставлено под некоторое условие, наступление которого является большой загадкой для всех участников рынка[3]. Получается, что лицо покупает объект, и тут же этот объект исчезает, а потом снова появляется. При этом, поскольку объем субъективного права каждый раз будет меняться, участники рынка будут каждый раз иметь дело с новым объектом гражданских прав.

При анализе поставленных вопросов можно пойти и от обратного. Если субъективное право появляется лишь с наступлением условия, которое на момент «покупки» производного финансового инструмента еще не наступило, то что же в таком случае покупает сторона? Ведь нет условия, нет и субъективного права. Получается, что такой подход в известной степени противоречит и самой сути производных финансовых инструментов.

Конечно же, можно подойти к анализу этой ситуации с другой стороны. Это есть особый вид ценной бумаги, появление которого стоит в зависимости от некоторого условия. То есть условие есть элемент фактического состава, наряду с элементами процедуры эмиссии ценных бумаг, при наступлении которого появляется такая ценная бумага. Однако такой подход не решает вышеуказанных проблем и не снимает противоречий самой природы ценных бумаг. Если бы мы признали такое субъективное право бездокументарной ценной бумагой, то, безусловно, не было бы среди объектов гражданских прав ничего более рискового и непредсказуемого, чем такие «бездокументарные ценные бумаги».

Проанализировав схожие доводы и у других исследователей, А.В. Габов [9. С. 354] приходит к выводу, что такой довод – это вовсе не аргумент в пользу того, что производные финансовые инструменты не могут являться ценными бумагами. В обоснование своей точки зрения он приводит пример с правом акционера требовать от общества – эмитента выплаты причитающихся ему дивидендов. Акцентируя внимание на том, что решение о выплате дивидендов принимает собрание акционеров, оно может быть принято, а может и нет, и право требовать выплаты дивидендов остается в подвешенном состоянии. Но вместе с тем ни у кого не возникает сомнений в том, что акция представляет собой ценную бумагу. В этой части нельзя согласиться с А.В. Габовым, поскольку акции, являясь именной эмиссионной ценной бумагой, удостоверяют комплекс прав, в число которых, помимо права на получение дивидендов, также входят право на участие в управлении обществом и право на получение ликвидационного остатка. В этом контексте за субъектом всегда сохраняется комплекс прав, которые не подвержены таким условиям, как были продемонстрированы выше.

Кроме того, бездокументарные ценные бумаги, как, впрочем, и все ценные бумаги, характеризуются тем, что субъективному праву противостоит субъективная обязанность. Соответственно, именно это субъективное право, которое принадлежит конкретному лицу в силу правоспособности этого лица [10. С. 116], способно переходить от одного «правообладателя» к другому. Производные финансовые инструменты опосредуют не только субъективные права, но и обязанности. Как было проиллюстрировано на примере с фьючерсом на акции, при падении курса ценных бумаг лицо А обязано было выплачивать в пользу другого участника рынка разницу цены, согласованной и реально устоявшейся на рынке. Соответственно однозначно сказать, кто противостоит обладателю субъективного права, нельзя в силу самой природы отношений из производных финансовых инструментов.

Вышеизложенное, на наш взгляд, дает все основания полагать, что расчетные производные финансовые инструменты не могут быть квалифицированы в качестве бездокументарных ценных бумаг. И это даже при том, что мы не обращались к источнику появления бездокументарных ценных бумаг как объектов гражданских прав – к процедуре эмиссии бездокументарных ценных бумаг. Но будет ли верным это утверждение в отношении поставочных производных финансовых инструментов?

Приведем пример: сторона А «покупает» фьючерс на поставку одного барреля нефти марки «Brent» по цене 100 долларов за баррель спустя 3 месяца. По истечении 3 месяцев А сможет реализовать свое субъективное право, предъявив к противоположной стороне требование поставить нефть в обмен на согласованную сумму денежных средств. Принимая во внимание интерес стороны А в приобретении нефти, такой фьючерс будет исполнен поставкой. Если подвергнуть анализу указанное субъективное право, то мы уже не обнаруживаем тех препятствий, которые каза-

лись нам неразрешимыми в части анализа расчетных производных финансовых инструментов. Так, субъективное право налицо – сторона А вправе требовать поставки. Если проводить сравнение с другими ценными бумагами с функциональной точки зрения, то такое субъективное право является обязательственным правом, т.е. правом на действия другой стороны. Оно существует вне зависимости от наступления каких-либо условий, поскольку для целей удовлетворения интересов стороны А такие условия выпадают из содержания отношений сторон. Однако в этой части обнаруживается другая проблема.

По логике вещей если сторона А вправе требовать от другой стороны, допустим, В, поставки барреля нефти, то сторона А имеет также и обязанность оплатить эту нефть. То есть в правоотношении между двумя сторонами присутствует не одно субъективное право с противостоящей ему субъективной обязанностью, а сложная структура прав и обязанностей сторон, где каждой стороне противостоит как право, так и обязанность. Соответственно, помимо права требовать сторона А обязана уплатить известную сумму денежных средств.

М.М. Агарков указывал, что в ценной бумаге не может быть выражено правоотношение, в силу которого обе стороны взаимно приобретают права и обязанности, так как сторона, владеющая бумагой, не сможет осуществить принадлежащие ей права [11. С. 2]. Соответственно, приведенная в примере конструкция отношений противоречит природе ценных бумаг, которые обладателю ценных бумаг предоставляют исключительно субъективное право, которому противостоит субъективная обязанность обязанного по ценной бумаге лица. Такая структура отношений наблюдается и в облигациях, и в векселях, и в депозитарных расписках и т.д. А раз так, то и основания для того, чтобы признать сторону А гипотетическим обладателем ценной бумаги, отсутствуют, поскольку она занимает сторону как управомоченной, так и обязанной стороны.

Но и эта ситуация не предел анализа. Ведь можно представить ситуацию, когда деньги уплачены, т.е. стороной А ее субъективная обязанность исполнена, и у нее осталось лишь субъективное право. В чем же тут препятствия к квалификации такого субъективного права в качестве бездокументарной ценной бумаги? Вообще такая постановка вопроса выводит нас за рамки проблематики производных финансовых инструментов, поскольку вопрос квалификации субъективного права можно поставить и в любой другой сделке, где одна сторона имеет только субъективное право, а другая – субъективную обязанность. А в таком случае что же нам мешает квалифицировать такие субъективные права в качестве ценной бумаги? Не выходя за рамки, поставленные в начале статьи, где мы определились, что будем игнорировать принцип numerus clausus, а также не принимая во внимание процедуру эмиссии бездокументарных ценных бумаг, ответить на поставленный вопрос можно было бы лишь в том случае, если бы мы могли обнаружить принципиальные отличия в качестве субъективных прав, составляющих бездокументарную ценную бумагу, и субъективных прав, составляющих содержание любого другого обязательственного правоотношения. Но такого отличия нам найти не удалось. В связи с чем сущностных препятствий к квалификации поставочных производных финансовых инструментов (где субъективному праву противостоит субъективная обязанность) в качестве бездокументарных ценных бумаг нет, равно как и по отношению к любым другим договорным конструкциям. В этой части применимы рассуждения М.М. Агаркова, который указывал, что право, принадлежащее одной из сторон в двухстороннем договоре, может быть выражено в ценной бумаге после того, как эта сторона исполнит свое обязательство, и право ее сделается безусловным [11. С. 2].

Вместе с тем вышеуказанный вывод в части возможности квалификации поставочного производного финансового инструмента в качестве бездокументарной ценной бумаги представляет интерес лишь в теоретическом смысле. С практической точки зрения разделение прав и обязанностей в поставочном производном финансовом инструменте недопустимо, поскольку такие инструменты по своей сути предполагают неразрывное существование у каждой из сторон как прав, так и обязанностей. То обстоятельство, что одно из обязательств было исполнено, не должно влиять на квалификацию поставочных производных финансовых инструментов.

Учитывая вышеизложенное, полагаем, что ни расчетные, ни поставочные производные финансовые инструменты не могут быть квалифицированы в качестве бездокументарных ценных бумаг. Выводы, безусловно, будут еще более убедительными, если принять во внимание, что появление бездокументарных ценных бумаг обусловлено процедурой эмиссии ценных бумаг. Но допустимо ли распространять на производные финансовые инструменты правовой режим бездокументарных ценных бумаг?

Ввиду отсутствия того самого объекта, на который можно было бы распространять правой режим бездокументарных ценных бумаг, полагаем, что установление такого режима невозможно, да и нецелесообразно. Некоторые авторы пытаются наделить свойствами ценных бумаг производные финансовые инструменты – спецификации, которые размещены организатором торгов в публичном доступе. Полагаем, что такой подход является ошибочным, поскольку такие договоры не являются объектами права, их нельзя купить или продать. То, что выглядит как продажа, осуществляющаяся на организованных торгах, на деле представляет собой заключение договоров – производных финансовых инструментов. То, что выглядит как плата за покупку производного финансового инструмента, в действительности является внесением обеспечительного платежа – суммы денежных средств, гарантирующих последующее исполнение обязательств. Иными словами, ни о каком объекте права в виде производного финансового инструмента и речи быть не может.

Конечно, можно было бы пренебречь данным обстоятельством, и вопреки здравому смыслу на производные финансовые инструменты был бы распространен режим бездокументарных ценных

бумаг. Вместе с тем данное обстоятельство не оказало бы принципиального влияния на развитие финансового рынка, поскольку производные финансовые инструменты, обращающиеся на организованных торгах, и так предельно стандартизированы. Отличие состоит лишь в характеристиках базисных активов, которые оказывают непосредственное влияние на состояние прав и обязанностей. Кроме того, мы не видим оснований для наделения стандартизированных производных финансовых инструментов признаками публичной достоверности и абстрактности.

Таким образом, поскольку производные финансовые инструменты не являются объектами права, а являясь лишь договорами, порождают обязательственные правоотношения; распространение на них режима бездокументарных ценных бумаг представляется невозможным и нецелесообразным.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В данном контексте не учитываются случаи продажи вещей незаконными и недобросовестными владельцами.
[2] Этот вывод будет верным в том случае, если придерживаться первой точки зрения.
[3] В таком случае речь, прежде всего, идет об объективной неизвестности того, наступит условие или нет. Конечно же, есть такие участники рынка, которые в силу своего положения могут оказывать влияние на рыночные показатели. Однако такое поведение является аномалией и скорее характеризуются как противоправное.

ЛИТЕРАТУРА

1. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 25.11.2009 № 281-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г.) // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2016. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
2. О рынке ценных бумаг: федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г.) // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2016. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
3. Об утверждении Положения о видах производных финансовых инструментов: приказ ФСФР РФ от 04.03.2010 № 10-13/пз-н // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2010. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
4. О видах производных финансовых инструментов: указание Банка России от 16.02.2015 № 3565-У // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2015. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
5. Габов А.В. Ценные бумаги: вопросы теории и правового регулирования рынка. М. : Статут, 2011. 1104 с.
6. Суханов Е.А. О понятии ценных бумаг // Частное право и финансовый рынок: Сборник статей / отв. ред. М.Л. Башкатов. М. : Статут, 2011. Вып. 1. С. 8–22.
7. Мурзин Д.В. Ценные бумаги – бестелесные вещи. Правовые проблемы современной теории ценных бумаг. М. : Статут, 1998. 176 с.
8. Решетина Е.Н. К вопросу о правовой природе бездокументарных ценных бумаг // Журнал российского права. 2003. № 7. С. 106–115.
9. Габов А.В. Ценные бумаги: вопросы теории и правового регулирования рынка. М. : Статут, 2011. 1104 с.
10. Белов В.А. Бездокументарные ценные бумаги. М. : Центр ЮрИнфоР, 2012. 212 с.
11. Агарков М.М. Учение о ценных бумагах. М. : Финансовое издательство НКФ СССР, 1927. 167 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 15 мая 2017 г.

DERIVATIVE FINANCIAL INSTRUMENTS IN TERMS OF BOOK-ENTRY SECURITIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 154–159.
DOI: 10.17223/15617793/420/23

Oles S. Gruzdev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: monopolist1@mail.ru

Keywords: derivative financial instruments; book-entry securities; right; condition; deliverable derivative instrument; non-deliverable derivative instrument.

The subject being analyzed in the present article is a point about qualification of derivative financial instruments as book-entry securities and about a possibility of their legal regime application to derivative instruments. The objective of the present article was to examine book-entry securities as objects of civil rights, to determine their characteristics and particularities of their accruer, to compare book-entry securities and derivatives, to determine analogous features. The main objective was to examine derivatives in terms of right. The author considered different literature sources and statutes in force. The general scientific methods used in the study were analysis, synthesis and analog method. The specific scientific methods were technical and hermeneutic methods. As a result of the research the author comes to a conclusion that it is incorrect to qualify derivative financial instruments as book-entry securities. The author adduces the following arguments. Firstly, derivative instruments do not always give rise to right of a particular party. Accrue always depends on the existence of a certain condition. The author points out that by the qualification of derivative financial instruments as book-entry securities, the incurrence or dissolution of derivatives as an object will be always under condition. Secondly, book-entry securities always allow stating an entitled or obliged party. But every party of a non-deliverable derivative instrument can be either entitled or obliged subject under certain conditions. Analyzing special aspects of deliverable derivative instruments the author suggests an idea that such instruments can be qualified as book-entry securities under certain conditions. But such a qualification is rather of theoretical than practical importance. In practical terms the right and duty exist inseparably (in a deliverable derivative instrument). Therefore, such financial instruments can not be qualified as book-entry securities. Furthermore, the author raises a question about the differences between a right as a book-entry security and a right as an element of contractual relationship. As a result, the author comes to a conclusion that it is incorrect to qualify derivative financial instruments as book-entry securities because of the absence of an autonomous right by such financial instruments. Consequently, there are no grounds to extend securities regulation on derivatives. In addition, the author finds this approach impractical in terms of regulation of derivatives turnround.

REFERENCES

1. Konsul'tantPlyus. (2016) *O vnesenii izmeneniy v chasti pervuyu i vtoruyu Nalogovogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 25.11.2009 № 281-FZ (red. ot 03.07.2016 g.)* [On amending Part One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law No. 281-FZ of 25 November 2009 (as amended on 03.07.2016)]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
2. Konsul'tantPlyus. (2016) *O rynke tsennykh bumag: federal'nyy zakon ot 22.04.1996 № 39-FZ (red. ot 03.07.2016 g.)* [On the securities market: Federal Law of 22 April 1996 No. 39-FZ (as amended on 03.07.2016)]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
3. Konsul'tantPlyus. (2010) *Ob utverzhdenii Polozheniya o vidakh proizvodnykh finansovykh instrumentov: prikaz FSFR RF ot 04.03.2010 № 10-13/pz-n* [On approval of the Regulations on the types of derivative financial instruments: Order of the Federal Financial Markets Service of the Russian Federation of 04.03.2010 No. 10-13/pz-n]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
4. Konsul'tantPlyus. (2015) *O vidakh proizvodnykh finansovykh instrumentov: ukazanie Banka Rossii ot 16.02.2015 № 3565-U* [On the types of derivative financial instruments: Instruction of the Bank of Russia of February 16, 2015 No. 3565-U]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
5. Gabov, A.V. (2011) *Tsennye bumagi: voprosy teorii i pravovogo regulirovaniya rynka* [Securities: issues of theory and legal regulation of the market]. Moscow: Statut.
6. Sukhanov, E.A. (2011) O ponyatii tsennykh bumag [On the concept of securities]. In: Bashkatov, M.L. (ed.) *Chastnoe pravo i finansovyy rynok* [Private law and financial market]. Vol. 1. Moscow: Statut.
7. Murzin, D.V. (1998) *Tsennye bumagi – bestelesnye veshchi. Pravovye problemy sovremennoy teorii tsennykh bumag* [Securities – disembodied things. Legal problems of modern theory of securities]. Moscow: Statut.
8. Reshetina, E.N. (2003) K voprosu o pravovoy prirode bezdokumentarnykh tsennykh bumag [On the issue of the legal nature of book-entry securities]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 7. pp. 106–115.
9. Gabov, A.V. (2011) *Tsennye bumagi: voprosy teorii i pravovogo regulirovaniya rynka* [Securities: issues of theory and legal regulation of the market]. Moscow: Statut.
10. Belov, V.A. (2012) *Bezdokumentarnye tsennye bumagi* [Book-entry securities]. Moscow: Tsentr YurInfoR.
11. Agarkov, M.M. (1927) *Uchenie o tsennykh bumagakh* [The doctrine of securities]. Moscow: Finansovoe izdatel'stvo NKF SSSR.

Received: 15 May 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 160–166. DOI: 10.17223/15617793/420/24

УДК 343.9

Л.М. Прозументов, А.В. Шеслер

НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К РАССМОТРЕНИЮ ДЕТЕРМИНАНТ ПРЕСТУПНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КРИМИНОЛОГИИ

Рассматриваются некоторые современные подходы в объяснении причин преступности и отмечается, что сторонников этих подходов объединяет небрежное отношение к терминам, используемым ими при определении процессов детерминации преступности. Проводится анализ этих подходов, предлагается авторское видение проблемы детерминации преступности с определением конкретных терминов, раскрытием их содержания, указанием на наличие связей между ними.

Ключевые слова: преступность; детерминанты; причины; условия; факторы.

Отдельные идеи криминологического характера высказывались в России практически с появлением первых источников уголовного права. Авторами этих идей были в значительном числе случаев богословы-философы, поскольку влияние религии на общественную жизнь было огромно, многие науки об обществе длительное время развивались в рамках религиозного сознания. Кроме того, общественные процессы развивались достаточно медленно, основные устои общества были консервативны, повторялись из поколения в поколение, поэтому религия как теория высокого уровня вполне могла удовлетворить общественные запросы в объяснении основных социальных явлений, в том числе причин преступности.

Отмена крепостного права в России способствовала стремительному развитию промышленности, проникновению капитализма в деревню. Реформы 1861 г. ускорили не только позитивные преобразования в России, но и привели к целому ряду негативных последствий в этой преимущественно крестьянской стране. Капитализация деревни сильно ослабила крестьянскую общину, которая не только консервировала развитие производительных сил, но и защищала экономические и другие интересы крестьян, сохраняла нравственные устои, язык и культуру российского землепашца. Начавшийся процесс разложения сельской общины лишил крестьян единства и защищенности, способствовал их обезземеливанию и обнищанию, вымиранию целых деревень. Безземельные крестьяне становились вынужденными мигрантами, которые покидали свои деревни, вливаясь целыми семьями в многочисленные уголовные шайки, либо по решению сельской общины удалялись из «мира» за «пьянство» и «смуту» и в последующем ссылались в Сибирь в административном порядке, оставаясь без жилья и определенных занятий. Значительная часть сельских мигрантов ушла в города, образовав там целые армии бродяг, проституток и сутенеров или превратившись в маргиналов-пролетариев, неадаптированных к условиям труда на фабрике [1. С. 23–24, 29, 98–99, 127].

Дикая капитализация деревни уже в то время наглядно показала, какими криминальными издержками сопровождается вынужденная и неуправляемая миграция сельского населения. Разрушение сельской общины способствовало падению нравов, ослаблению родственных связей, разрушению семьи как основы биологического и социального воспроизводства населения. В результате преступность в России через несколько лет после реформ стала развиваться по общемировым законам, т.е. расти, причем темпами, опережающими прирост населения [1. С. 86–87, 95].

Такое состояние преступности способствовало расширению предмета классической школы уголовного права, представители которой занимались изучением исключительно юридической модели преступления. Использование представителями классической школы уголовного права при изучении преступности статистики наглядно показало, что количество ежегодно регистрируемых преступлений и преступников обнаруживает определенные закономерности. Одни исследователи, преимущественно реформаторы, обнаружили эти закономерности в социальных процессах общества, другие, преимущественно консерваторы, в особых свойствах преступников. Эти группы исследователей положили начало возникновению в России двух основных теорий причин преступности, которые принято называть социологическим и антропологическим направлениями.

Русскую социологическую школу уголовного права выделяли две основные особенности. Во-первых, многофакторный подход к объяснению причин преступности, во-вторых, меньшая, по сравнению с социологическими школами западных стран, зависимость от антропологических теорий причин преступности. Отечественные криминологи полагали, что основные постулаты теории факторов были впервые сформулированы и обоснованы в виде целостной теории русскими криминалистами, а не итальянцем Э. Ферри, как принято считать на Западе [1. С. 243–249]. В частности, еще в 1873 г. русский криминалист И.Я. Фойницкий в своей статье «Влияние времен года на распределение преступлений» за несколько десятилетий до Э. Ферри отмечал, что преступление определяется совместным действием условий физических, общественных и индивидуальных. К числу общественных факторов И.Я. Фойницкий относил уровень цен на продукты, развитие торговли, организацию труда; к числу физических факторов – пол, возраст, природную среду обитания человека (климат, почву, температуру воздуха). Например, проанализировав французскую уголовную статистику с 1836 по 1869 г., И.Я. Фойницкий утверждал, что «имущественные преступления тяготеют к холодным месяцам, а преступления личные – к месяцам жарким». Исходя из этого, автор делал слишком прямолинейный вывод о том что улучшение климата способствует снижению числа краж [2. С. 142]. К личным факторам И.Я. Фой-

ницкий относил психическую деятельность личности (волю, разум и т.д.).

Основные положения социологической школы развивались в дальнейшем целой плеядой русских исследователей (Е.Н. Тарновским, М.Н. Гернетом и др.).

Сегодня многие выводы, сделанные представителями социологической школы, выглядят поверхностными и наивными, эти выводы не позволяют увидеть механизма порождения преступности, фиксируют лишь несущественную зависимость между преступностью и некоторыми явлениями. Однако большой заслугой представителей этой школы явилось то, что они обратили внимание на взаимосвязь социальных (в том числе и экономических) процессов и преступности, на необходимость улучшения условий жизнедеятельности людей при решении проблем борьбы с преступностью.

Антропологическое направление в России было представлено как медиками, так и юристами. Следует отметить, что и те, и другие не были ортодоксами антропологической доктрины преступности, поскольку признавали влияние на нее социальных процессов, а потому необходимость применения не только карательных мер, но и решения целого ряда социальных проблем.

Профессор права Н.А. Неклюдов утверждал, что именно возраст человека определяет количество преступников и характер совершенных ими преступлений. Изучив данные уголовной статистики на примере Франции, Н.А Неклюдов пришел к выводу о том, что преступления против собственности склонны совершать подростки, против личности – молодые люди, политические преступления – люди в возрасте 40–45 лет [3. С. 40–41, 57–58, 90]. Подмеченная Н.А. Неклюдовым особенность структуры преступности возражений не вызывает. Однако заблуждением является то, что возраст рассматривается исключительно как физическое свойство личности. Между тем это свойство, прежде всего, социальное: каждому возрасту свойственны различные виды социальной активности и различные социальные роли [4. С. 24]. Понимая, что определенный возраст сам по себе не превращает человека в преступника, Н.А. Неклюдов признавал влияние на преступность социальных факторов: порядка управления, имущественных отношений и т.д. [3. С. 235].

Одним из наиболее известных врачей-антропологов являлась П.Н. Тарновская. На основании сравнительного изучения контрольных групп женщин с социально-отклоняющимся поведением (преступницы и проститутки) и женщин с нормативно одобряемым поведением П.Н. Тарновская пришла к выводу о том, что женщины-преступницы анатомически отличаются от законопослушных женщин (по росту, размеру челюстей, асимметричности лица и т.д. [5. С. 5, 21, 63–64]. Однако выводы П.Н. Тарновской приходили в противоречие с жизненной биографией исследованных ею женщин, преступниц и проституток (поскольку большинство из них до совершения преступлений или занятия проституцией находились в тяжелых условиях) [1. С. 306–307]. Это обстоятельство определило непоследовательность антропологических взглядов П.Н. Тарновской на политику противодействия преступности, поскольку она предлагала использовать не только карательные меры, но и меры по улучшению условий жизни людей (трудоустройство, организация обучения и т.д.) [5. С. 21].

И социологическое, и антропологическое направления в теории причин преступности были практически основными в изучении данной проблемы русскими исследователями вплоть до начала Первой мировой войны.

Участие России в мировой войне, долгие годы гражданской войны обострили криминогенную обстановку в стране, остро поставили перед победившим режимом проблему борьбы с преступностью и необходимостью ее изучения. Центрами научных исследований в начале 20-х гг. стали создаваемые в ряде крупных городов кабинеты по изучению преступника и преступности. Практически с самого начала исследовательская деятельность этих кабинетов носила ярко выраженный антропологический характер. Доминирующие позиции во многих кабинетах заняли представители психиатрии и других естественных наук, которые в качестве основных детерминант преступного поведения выделяли психофизические аномалии личности. В результате криминологические исследования стали развиваться в тупиковом направлении, поскольку произошла полная подмена предмета и метода социальной науки. Вместо изучения преступности и преступника изучалось поведение лиц, страдающих психическими отклонениями, сами эти свойства; вместо методов, используемых в психологической и социальных науках активно использовались методы судебно-психиатрические. Вывод о биологической неполноценности преступников, смешение преступников и душевнобольных привели исследователей, претендовавших на первенство в изучении проблем криминологической науки, к заявлениям о необходимости вести борьбу с преступностью по правилам социально-клинической диагностики, заменить суд терапией. Подобных взглядов придерживались В.В. Бунак, Е.С. Вермель, Е.К. Краснушкин и ряд других исследователей.

Такое увлечение криминологических учреждений биологическими факторами преступности в какой-то мере было обусловлено влиянием дореволюционных доктрин причин преступности, т.е. антропологического направления и социологической школы уголовного права, представители которой, как уже отмечалось, также признавали большое значение психофизических свойств личности в преступном поведении. Однако основная причина распространения антропологических теорий состояла в догматическом восприятии последователями общеидеологических «постулатов» марксизма об антикриминогенном характере социализма. Исследователи изначально исходили из того, что после Октябрьской революции «подорваны социальные корни преступности». Такая посылка означала, что причины преступности должны вытекать их каких-либо особых свойств личности преступника. Однако откровенно антропологические выводы психиатров скоро пришли в очевидное противоречие с марксистской доктриной, исходящей из социальной природы преступности.

Теоретические заблуждения сторонников биологического направления в изучении преступников в совокупности с господствовавшей государственной идеологией и реальными успехами в противодействии преступности привели к негативным последствиям: в 1930-х гг. криминологические исследования были практически свернуты, а проводившие их учреждения были либо закрыты, либо перепрофилированы на разработку проблем так называемой исправительно-трудовой политики [6. С. 18–21]. В последующие десятилетия проблемы преступности изучались в основном, в рамках судебной статистики. Вплоть до 60-х гг. отдельные положения о преступности находили отражение в учебниках уголовного права. Однако исследователи в основном ограничивались рассуждениями общего характера о ликвидации в СССР основной причины преступности – эксплуатации, о преступности как пережитке прошлого (капитализма), который сохраняется благодаря во многом подрывной деятельности враждебного империалистического окружения, о поставленной коммунистической партией задаче полного искоренения преступности [7. С. 3–9, 76–77].

С середины 60-х гг. XX в. ситуация стала постепенно изменяться. Криминологические воззрения стали отклоняться от одной крайности к другой:

а) в области идеологической – от признания социализма антикриминогенной системой до признания преступности вечным явлением;

б) в области собственно научного познания – от попытки найти одну-единственную причину преступности до признания невозможности вообще установить причины преступности.

В частности, в 1966 г. И.И. Карпец опубликовал статью «О природе и причинах преступности в СССР». На вопрос существует ли преступность, с присущим ему мужеством ответил честно и однозначно: «...коль скоро существуют причины, порождающие преступность, то и наличие правонарушений и преступности относится к закономерным явлениям» [8. С. 86–90]. В этой же статье И.И. Карпец подверг критике бытовавшее среди советских юристов мнение об отсутствии при социализме социальных причин преступности. По мнению автора, если преступность как социальное явление реально существует, то оно должно иметь причины, которые носят социальный характер. И.И. Карпец отмечал, что в СССР нет коренных причин преступности (эксплуатация человека человеком, безработица, нищета и т.д.), поэтому необходимо искать эти причины в пережитках прошлого, а также в негативном влиянии на социалистический лагерь империалистического окружения. Пережитки прошлого (главным образом капитализма) воплощаются в общественном и индивидуальном сознании граждан, а также в их поведении. Объективные трудности общества, строящего коммунизм, а также отдельные недостатки и упущения советского общества не выступают в качестве причин преступности, они могут лишь способствовать совершению конкретных преступлений. Наличие пережитков прошлого в сознании людей, живущих при социализме, И.И. Карпец объяснял относительной самостоятельностью сознания относительно породившего его базиса, в частности, отставанием сознания от позитивных изменений в обществе [8. С. 86–90].

Динамичное развитие общества уже через несколько лет заставило криминологов развивать концепцию причин преступности, поскольку чрезмерное «долгожительство» «пережитков прошлого» в сознании людей явилось очевидным мифом. В этот период позиции исследователей сходились в одном – они единодушно признавали антикриминогенный характер социализма. Однако единая идеологическая платформа не помешала криминологам разделиться на три группы: одни исследователи объясняли существование преступности субъективными причинами, вторые – объективными социальными процессами, третьи – биологическими свойствами личности.

Наиболее рельефно теория субъективных причин преступности нашла отражение в работах Н.Ф. Кузнецовой, которая исходила из того, что детерминанты преступности при социализме связаны с противоречиями, унаследованными от прошлых частнособственнических формаций. Причинами преступности являются рудименты мелкобуржуазной психологии, индивидуалистические традиции, привычки, интересы и мотивация [9. С. 43, 56]. Эти пережитки прошлого воплощаются в дефектах общественного, группового и индивидуального сознания [Там же. С. 50, 52, 54]. Противоречия, которые встречаются в реальной практике социализма, иногда приводят к отдельным негативным явлениям – ошибкам, упущениям, просчетам в управленческой деятельности и т.д., которые способствуют сохранению преступности. При капитализме общественные противоречия непримиримы, поэтому они неизбежно порождают преступность, являются ее причинами. При социализме они утрачивают свой антагонистический характер, поэтому выступают в качестве условий, а не причин преступности. Кроме того, условием преступности при социализме является криминогенное влияние империалистического окружения [Там же. С. 39, 150–151, 175–183].

Недостатки этой теории достаточно явно проявились еще до краха тоталитарной системы. Это связано, во-первых, с тем, что автором не допускалась даже возможность постановки вопроса об ответственности социалистической системы за состояние преступности, поскольку изначально данная система объявлялась антикриминогенной. Н.Ф. Кузнецова применила двойной стандарт в объяснении причин преступности при капитализме и социализме, полагая, что в одной системе они коренятся в самой природе общества, вытекают из его глобальных противоречий, в другой – лежат в субъективной сфере. Практика реального социализма не подтвердила правильность этой доктрины, а политика противодействия преступности наглядно показала, что действительных успехов можно достичь прежде всего при решении социальных проблем объективного характера.

Во-вторых, недостатком этой теории являлось неправильное определение приоритетов политики противодействия преступности, поскольку чрезмерно большое значение придавалось не улучшению условий жизнедеятельности людей, а уголовно-правовой

политике, связанной, прежде всего, с реализаций уголовного наказания. В частности, Н.Ф. Кузнецова откровенно отмечала: «Как ни мал страх преступников перед наказанием, не следует преуменьшать значение общей и специальной уголовно-правовой превенции. В истории борьбы с преступностью были убедительные подтверждения значимой роли блокирования криминогенной мотивации страхом наказания» [9. С. 101].

Это суждение является справедливым лишь отчасти. Закономерно, что в условиях сильной криминализации общества, падения его антикриминогенного потенциала карательная политика играет весомую роль в противодействии преступности, поскольку потенциал иных мер исчерпан или очень мал. В такие периоды жизни общества появляются многочисленные доктрины, наукообразно обосновывающие высокий уровень карательных притязаний населения и приписывающие наказанию гораздо больший профилактический эффект, чем это есть на с самом деле [10. С. 20, 45]. Реальная практика борьбы с преступностью показывает, что приоритет в этой области принадлежит решению основных социальных проблем, а не усилению уголовных репрессий, профилактический эффект от которых не столь уж велик [11. С. 6, 9–10, 13, 18, 22].

Вместе с тем отметим, что в позиции Н.Ф. Кузнецовой есть целый ряд моментов, заслуживающих внимания, в том числе и сегодня. Прежде всего автору удалось показать тесную взаимосвязь между нравственным состоянием общества, морально-психологическим климатом населения и состоянием преступности.

Во-вторых, Н.Ф. Кузнецова совершенно правильно указала на необходимость выделения причин преступности на трех уровнях: общества, социальных групп, личности, что способствует установлению преломления глобальных социальных процессов в конкретном преступлении. В-третьих, Н.Ф. Кузнецова удачно выделила внешние детерминанты преступности, связанные с криминогенным влиянием Запада на показатели преступности в СССР. Наконец, она справедливо подметила присущие преступности атавистические начала, хотя и преувеличила их значение.

Исследователи, исходившие из объективного характера причин преступности при социализме, отмечали, что существование преступности связано с негативными сторонами противоречий общественного развития. Эти противоречия по своей сути являются пережитками прошлых формаций, которые существуют не только в общественном сознании, но и в общественном бытии.

Внешние противоречия, порождающие преступность, сторонниками указанной позиции связываются с существованием социализма в условиях империалистического окружения, внутренние – делились на противоречия, связанные:

а) с особенностями социализма как систем;

б) конкретно-исторической обстановкой развития социализма;

в) недостатками и ошибками, допускаемыми при управлении обществом [12. С. 30–31].

В рассматриваемом подходе основным позитивным моментом являлось то, что с общества не снималась ответственность за состояние преступности, поскольку ее причины выводились из объективных социальных процессов. Опираясь на этот подход, исследователи в 1970–1980 гг. XX в. сделали достаточно много для объяснения причин преступности на индивидуальном уровне и уровне отдельных социальных групп.

Подход, при котором существование преступности объяснялось биологическими причинами, получил наибольшее обоснование в работах И.С. Ноя [13. С. 164–165, 173, 178–180].

Краткий экскурс в историю отечественной криминологии показывает не только наличие в ней идеологических заблуждений и псевдотеорий, но и наличие конструктивных подходов, ярких и глубоких идей, которые нуждаются в тщательном осмыслении и дальнейшем развитии.

В период новой истории России общей тенденцией многих криминологических работ является недостаточное внимание к вопросу о детерминации как преступности в целом, так и отдельных ее видов. Работ, посвященных специально этой проблеме, немного, но и в них проблема детерминант преступности, отдельных ее видов, остается, как правило, далекой от решения [14, 15]. На фоне такого отношения криминологов к исследованию одного из основных элементов предмета криминологической науки появляются идеи о «расширенной» криминологии (Г.Н. Горшенков). Сторонники этой идеи исходят из того, что накопленный массив знаний в отраслях наук криминологического цикла объективно требует интегративного подхода к анализу и обобщению данных, полученных в результате исследований в рамках соответствующих наук. Вместе с тем следует видеть и более масштабную задачу, связанную с использованием еще более широкого объема информации, накопленной в целом в гуманитарных науках. К числу таких проблем относится и проблема детерминации в криминологии. В качестве основного аргумента сторонники «расширенной» криминологии приводят тезис о том, что преступность как форма противостояния личности и государства – это прежде всего политическая проблема. Но эта проблема имеет также социологическое, экономическое, психологическое измерения, а следовательно, может и должна исследоваться с помощью соответствующих отраслей знания.

Не возражая против идеи использования имеющихся знаний других наук при рассмотрении проблем детерминант преступности, отметим, что во-первых, интеграция таких знаний применительно к отечественной криминологической науке существовала всегда, что не давало повода говорить о «расширенной» криминологии. Во-вторых, необходимо помнить, что основные показатели преступности во многом обусловлены действующим уголовным законодательством, изменения которого в сторону криминализации или декриминализации отдельных общественно опасных деяний влечет за собой и изменения как показателей преступности в целом, так и отдельных ее видов.

В решении проблем детерминации преступности в настоящее время существует и другая крайность. Не-

которые исследователи (Ю.Д. Блувштейн, Я.И. Гилинский) считают, что криминологическая теория может обойтись и без помощи концепции специфических причин преступности. С такой позицией трудно согласиться. Дело в том, что объективно существующая сложность разграничения причин преступности и иных форм социальной патологии не может рассматриваться в качестве повода для отказа от выявления специфических особенностей, свойственных явлениям, обусловливающим именно преступность. Более того, крайне важно в этом плане обнаружить специфику в характере и степени конкретных деформаций, создающих высокую вероятность именно преступного поведения. По мнению сторонников данного подхода, преступность является наиболее опасной формой негативных социальных явлений. В этой связи можно предположить, что она порождается наиболее острыми деформациями экономического и социального развития и является формой социального конфликта. Нередко преступность является результатом изменения менее опасных негативных социальных явлений. От воли законодателя зависит распределение общественно опасных деяний и отнесение одних к кругу правонарушений, других – к кругу преступлений. В этой связи разграничить детерминанты преступлений и правонарушений невозможно. Не случайно сторонники данной позиции включают в предмет криминологии и так называемые «фоновые» явления, которые, по нашему мнению, непосредственного отношения к преступности не имеют.

Сторонников обоих подходов объединяет небрежное отношение к терминам, которые они используют при определении процессов детерминации преступности. Более того, нередко исследователи даже не делают попытки объяснить содержание используемых терминов, наличие связи (или ее отсутствие) между используемыми терминами. Одни выделяют причины и условия преступности, вторые – полную причину преступности, состоящую из собственно причины и ее условия, третьи – причины, условия и факторы, четвертые ведут речь только о факторах. Очевидно, что указанные различия не являются чисто терминологическими, поскольку отражают различные подходы к изучению детерминант преступности, а именно: детерминистский и каузальный. Представляется, что для исследования проблем, связанных с детерминантами преступности, необходимо объединить оба подхода, поскольку рассмотрение в отдельности детерминистской и казуальной связей не отражает всех реально действующих взаимоотношений материального мира.

Основываясь на таком подходе, правильнее вести речь о детерминантах преступности, под которыми мы будем понимать собственно причины, условия действия этих причин и факторы, влияющие на преступность.

Причины выражают такой вид детерминации, как причинение, продуцирование преступности. Связь между причиной и преступностью носит генетический характер, поскольку причина порождает преступность как свое закономерное следствие [16. С. 531]. **Условия** создают благоприятные возможности либо для формирования причин преступности, либо для их реализации. Тем самым условие выражает другой вид детерминации – обусловливание [Там же. С. 707]. **Факторы** не порождают и не обусловливают преступность. Однако выделение их необходимо, поскольку они отражают зависимость развития общественных отношений и экономики, морали, религии, культуры и т.п. [Там же. С. 712]. Применительно к криминологической науке факторы отражают определенную зависимость между преступностью и целым рядом социально значимых явлений: половозрастной структурой населения, алкоголизмом, наркоманией, миграцией и т.д. Эта зависимость носит функциональный характер, т.е. определенному значению фактора соответствует лишь определенное значение преступности [17. С. 129–130]. Причем изменение значения фактора не всегда может привести к адекватным изменениям показателей преступности, поскольку связь между этими явлениями многократно опосредована другими социальными явлениями, в частности, факторами антикриминогенными, способными либо смягчить действие криминогенных факторов, либо нейтрализовать их.

Таким образом, полный набор детерминант преступности образуют: собственно причины, условия и факторы преступности. Очевидно, что выделение указанных детерминант носит условный характер, поскольку в реальной действительности они существуют в тесной взаимосвязи и воплощаются в единую криминогенную социальную ситуацию.

Криминогенная социальная ситуация – это многоуровневый и многозвенный комплекс негативных процессов, происходящих в обществе и выражающих квинтэссенцию общественных отношений. Криминогенная социальная ситуация способствует формированию в обществе социальных конфликтов и моделей их разрешения преступным путем, которые через конкретные проблемные жизненные ситуации групп или отдельных индивидов реализуются в конкретных преступлениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М. : Изд-во МГУ, 1960. 339 с.
2. Фойницкий И.Я. Влияние времен года на распределение преступлений // Судебный журнал. 1873. № 1–2 (январь –февраль). С. 142.
3. Неклюдов Н.А. Уголовно-статистические этюды: Статистический опыт исследования физиологического значения различных возрастов человеческого организма по отношению к преступлению. Рассуждение, написанное для получения степени магистра уголовного права. Этюд 1. СПб. : Тип. Н. Тиблена и комп., 1865. 257 с.
4. Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Личность преступника: криминологический аспект. Томск : Томский филиал РИПК МВД России, 1995. 50 с.
5. Тарновская П.Н. Воровки. Антропологическое исследование // Журнал русского общества охранения народного здравия. 1891. № 10. С. 10–64.
6. Криминология. Исправительно-трудовое право. История юридической науки. М. : Наука, 1977. 192 с.

7. Вышинская З.А., Меньшагин В.Д. Советское уголовное право. М. : Госюриздат, 1950. 520 с.
8. Карпец И.И. О природе и причинах преступности в СССР // Советское государство и право. 1966. № 4. С. 82–91.
9. Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 208 с.
10. Маннс Г.Ю. Общее и специальное предупреждение в уголовном праве. Иркутск : Тип. изд-ва «Власть труда», 1926. 73 с.
11. Никонов В.А. Преступность и репрессия: опыт использования методов математической статистики. Тюмень : ТВШ МВД РФ, 1993. 25 с.
12. Сахаров А.Б. О концепциях причин преступности в социалистическом обществе // Советское государство и право. 1976. № 9. С. 25–34.
13. Ной И.С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1975. 222 с.
14. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Причины преступности в России. Криминологический анализ. М. : Норма, 2006. 112 с.
15. Ларьков А.Н. Причины преступности в России // Вестник Академии Генеральной прокуратуры. 2016. № 6. С. 16–23.
16. Философский энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.
17. Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть : учеб. Томск : ДиВо, 2007. 230 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 4 мая 2017 г.

SOME APPROACHES TO THE CONSIDERATION OF THE DETERMINANTS OF CRIME IN RUSSIAN CRIMINOLOGY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 160–166.
DOI: 10.17223/15617793/420/24
Lev M. Prozumentov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: krim_tsu@mail.ru
Aleksandr V. Shesler, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Kuzbass Institute of the FPS of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: sofish@inbox.ru
Keywords: criminality; determinants; causes; conditions; factors.

The subject of this article is the main positions of Russian researchers in identifying the determinants of crime. The main aim is to analyze the basic approaches to the definition of the determinants of crime in the domestic criminological science and to express the authors' attitude on this issue. The works of Russian researchers on the indicated problem encouraged the authors. In the process of work, the authors used the methodological principles of universal communication, objectivity, consistency; general scientific methods (analysis, synthesis, analogy) and private scientific methods (formal-logical, method of summary and grouping). In the second half of the 20th century, there were two main directions in studying the causes of crime: sociological and anthropological ones. The Russian sociological school was distinguished by two main features. The first is a multifactor approach to the explanation of the causes of crime; the second is a smaller dependence on anthropological theories of the causes of crime than in the sociological schools of Western countries. The anthropological direction in Russia was represented both by doctors and lawyers. But unlike their colleagues from other countries, they were not the orthodox supporters of the anthropological doctrine of crime, because they recognized the influence of social processes. In the USSR, in the early 1920s scientific research centers were offices for studying the criminals and crimes established in several large cities, but their activities did not last long. In the 1930s, criminological research was practically suspended, and the institutions that conducted these studies were either closed or re-profiled. Until the 1960s, certain provisions on crime and its causes were studied in the context of judicial statistics. Since the mid-1960s, the situation began to change. During that period, the positions of researchers converged in the following: they unanimously recognized the anti-criminal nature of socialism. However, it did not prevent criminologists from dividing into three main groups: some researchers explained the existence of crime by subjective causes, the second by objective social processes, the third by the biological features of individuals. The article analyzes all directions in the causes of crime explanation. In the period of modern history of Russia, many criminological works tend to pay insufficient attention to the question of the determination of both criminality in general and its individual types. The article deals with some modern approaches to the causes of crime. The authors note that proponents of these approaches are often careless about the terms they use for defining the processes of determination of criminality. The authors analyze these approaches, give their opinion about the problem of determination of crime, define specific terms, reveal their content and indicate the existence of links between them.

REFERENCES

1. Ostroumov, S.S. (1960) *Prestupnost' i ee prichiny v dorevolyutsionnoy Rossii* [Crime and its causes in pre-revolutionary Russia]. Moscow: Moscow State University.
2. Foynitskiy, I.Ya. (1873) Vliyanie vremen goda na raspredelenie prestupleniy [Influence of the seasons on the distribution of crimes]. *Sudebnyy zhurnal*. 1–2. pp. 142.
3. Neklyudov, N.A. (1865) *Ugolovno-statisticheskie etyudy: Statisticheskiy opyt issledovaniya fiziologicheskogo znacheniya razlichnykh vozrastov chelovecheskogo organizma po otnosheniyu k prestupleniyu. Rassuzhdenie, napisannoe dlya polucheniya stepeni magistra ugolovnogo prava. Etyud 1* [Criminal and statistical studies: Statistical experience of the study of the physiological significance of different ages of the human body in relation to crime. Reason, written to obtain a master's degree in criminal law. Etude 1]. St. Petersburg: Tip. N. Tiblena i komp.
4. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (1995) *Lichnost' prestupnika: kriminologicheskiy aspekt* [Personality of the criminal: a criminological aspect]. Tomsk: Tomskiy filial RIPK MVD Rossii.
5. Tarnovsnaya, P.N. (1891) Vorovki. Antropologicheskoe issledovanie [The thieves. Anthropological research]. *Zhurnal russkogo obshchestva okhraneniya narodnogo zdraviya*. 10. pp. 10–64.
6. Kudryavtsev, V.N. (ed.) (1977) *Kriminologiya. Ispravitel'no-trudovoe pravo. Istoriya yuridicheskoy nauki* [Criminology. Corrective labor law. History of legal science]. Moscow: Nauka.
7. Vyshinskaya, Z.A. & Men'shagin, V.D. (1950) *Sovetskoe ugolovnoe pravo* [Soviet criminal law]. Moscow: Gosyurizdat.
8. Karpets, I.I. (1966) O prirode i prichinakh prestupnosti v SSSR [On the nature and causes of crime in the USSR]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 4. pp. 82–91.
9. Kuznetsova, N.F. (1984) *Problemy kriminologicheskoy determinatsii* [Problems of criminological determination]. Moscow: Moscow State University.
10. Manns, G.Yu. (1926) *Obshchee i spetsial'noe preduprezhdenie v ugolovnom prave* [General and special warning in criminal law]. Irkutsk: Tip. izd-va "Vlast' truda".
11. Nikonov, V.A. (1993) *Prestupnost' i repressiya: opyt ispol'zovaniya metodov matematicheskoy statistiki* [Crime and repression: the experience of using methods of mathematical statistics]. Tyumen: TVSh MVD RF.

12. Sakharov, A.B. (1976) O kontseptsiyakh prichin prestupnosti v sotsialisticheskom obshchestve [On the concepts of the causes of crime in a socialist society]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 9. pp. 25–34.
13. Noy, I.S. (1975) *Metodologicheskie problemy sovetskoy kriminologii* [Methodological problems of Soviet criminology]. Saratov: Saratov State University.
14. Kudryavtsev, V.N. & Eminov, V.E. (2006) *Prichiny prestupnosti v Rossii. Kriminologicheskiy analiz* [The causes of crime in Russia. Criminological analysis]. Moscow: Norma.
15. Lar'kov, A.N. (2016) Prichiny prestupnosti v Rossii [The causes of crime in Russia]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury*. 6. pp. 16–23.
16. Il'ichev, L.F. et al. (eds) (1983) *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical encyclopaedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
17. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2007) *Kriminologiya. Obshchaya chast'* [Criminology. General part]. Tomsk: DiVo.

Received: 04 May 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 167–171. DOI: 10.17223/15617793/420/25

УДК 343.953

В.Л. Юань

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОБЪЕМА ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА: ДИСКУССИЯ И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ

Освещается дискуссия об определении объема изучения личности преступника, достаточного для решения криминалистических задач и достижения криминалистически значимой цели, анализируются причины ее возникновения, делается обзор достоинств и недостатков каждого из трех основных подходов к ее разрешению, проводится их сравнительный анализ, а также предлагаются пути решения проблемы, приведшей к возникновению длительной дискуссии об определении объема изучения личности преступника.

Ключевые слова: личность преступника; криминалистическое изучение личности; объем изучения личности; дискуссия; подходы; формула изучения личности; направления изучения личности; перечни свойств личности; биографический метод.

С середины XX в. в отечественной криминалистической науке длительное время идет дискуссия по поводу определения объема изучения личности преступника, достаточного для решения криминалистических задач и достижения криминалистически значимой цели. Данная дискуссия возникла не случайно: с одной стороны, в научно-исследовательской литературе широко представлены результаты исследований множества факторов, влияющих на личность [1. С. 164], с другой стороны, в криминалистическом исследовании личности преступника возникает необходимость учитывать процессуальные сроки, установленные в УПК РФ (ст. 162 УПК РФ).

Из вышесказанного можно сделать вывод, что основная проблема сводится к выбору между двумя крайностями: либо быстрое, но поверхностное изучение личности преступника, либо длительное, но глубокое изучение личности преступника. Выбор между тем, какой объем сведений о личности преступника является необходимым, а значит, достаточным для расследования уголовного дела, и тем, какой объем позволит всесторонне изучить личность преступника, разными авторами решается по-разному; вместе с тем анализ научных позиций различных авторов позволил выделить основные точки зрения, в которых наблюдается определенное единство. Во-первых, основная цель дискуссии заключается в решении вопроса о пределах изучения личности преступника, которое, как отмечается в научно-исследовательской литературе, сводится к определению объема необходимых данных, обозначению путей изучения, которые бы раскрывали содержание личности, наполняя это содержание конкретными сведениями, дающими в совокупности всестороннее представление о данном человеке [2. С. 84]. Во-вторых, различными авторами подчеркивается, что вопрос о пределах изучения личности преступника значительно осложняется тем, что эти пределы будут неодинаковы в зависимости от категорий преступлений [3. С. 76; 4. С. 204]. В-третьих, авторы указывают на необходимость существования определенного минимума сведений о личности преступника в любом уголовном деле [2. С. 40].

В попытке решить проблему определения необходимого и достаточного объема изучения личности преступника, в то же время дающего всестороннее представление о нем, многими учеными неоднократно предпринимались попытки разработать такую универсальную схему изучения личности преступника, которая бы оптимизировала процесс изучения личности преступника и, следовательно, сам процесс расследования в целом.

На сегодняшний день в ходе дискуссий об определении объема изучения личности преступника в современной криминалистической науке сложились три основные подхода.

I. Первый подход характеризуется конструированием общей формулы в изучении личности преступника. В литературе неоднократно предпринимались попытки вывести универсальную общую формулу личности преступника, которая была бы эффективна в расследовании любого уголовного дела.

В частности, такую попытку предпринял Г.Г. Доспулов: «Личность = общечеловеческое + социально-типичное + национально-типичное + профессионально-типичное + возрастное + половое + типологическое + сугубо индивидуальное» [5. С. 87].

Сторонники рассматриваемого подхода в стремлении избежать, на их взгляд, излишней конкретизации в определении объема изучения личности преступника, с одной стороны, оставляют значительное пространство для адаптации и применения каждой формулы в большом количестве уголовных дел, с другой стороны, в ситуациях, когда требуются более четкие указания на объемы в исследовании личности преступника, отмечают, что этих формул становится недостаточно.

II. Второй подход предлагает ограничиться направлениями в исследовании личности.

Данный подход наиболее конкретизирован, поскольку сужает границы исследования личности к определенным направлениям.

Так, А.С. Кривошеев выделяет три направления исследования личности преступника: криминалистическое, уголовно-правовое и уголовно-процессуальное [6. С. 6–8]. Аналогичную позицию можно встретить в работах И.А. Матусевич [7. С. 6–30], в которой выделяются социальное и естественно-биологическое направления изучения личности преступника, а также, Б.С. Волкова, который рекомендует изучение бессознательных, ситуативных и личностных установок [8. С. 38].

Таким образом, в рамках рассматриваемого подхода личность преступника исследуется преимущественно под одним углом зрения, в зависимости от того, какое направление будет выбрано. Формирование данного подхода связано с тем, что авторы реши-

ли значительно сузить диапазон криминалистического исследования личности преступника, приняв позицию исключительной специализации изучения личности преступника, предложив сконцентрироваться на наиболее существенных группах данных о личности преступника.

III. Третий подход представляют авторы, пытающиеся дать определенную классификацию свойств.

Сторонники данного подхода предлагают определенные перечни сведений о личности преступника, классифицированных по различным признакам [9. С. 178; 10. С. 285; 11. С. 44; 12. С. 64–65; 13. С. 148; 14. С. 78; 15. С. 38–39], пытаются расшифровать общие формулировки и по-разному решают проблему создания исчерпывающего перечня сведений о личности преступника. Способов решения этой проблемы сложилось три.

1) Авторы, приводя перечни сведений о личности преступника в конце признают, что он не является исчерпывающим, а составить исчерпывающий перечень либо чрезмерно сложно, либо вовсе невозможно. При подобном подходе к решению определения объема криминалистического изучения личности преступника вопрос остается открытым, а проблема не устранена.

2) Авторы предлагают перечни групп сведений. При подобном подходе к решению вопроса об определении объема криминалистического изучения личности преступника объем определяется перечнем групп (разделов) сведений о личности преступника, который является исчерпывающим. Вместе с тем каждая группа (раздел) содержит в себе не исчерпываемый перечень сведений о личности преступника.

3) Авторы предлагают связать объем изучения личности преступника с задачами криминалистического изучения личности преступника. При подобном подходе к решению определения объема криминалистического изучения личности преступника определение объема связывается с решением соответствующих задач криминалистического изучения личности преступника, которые вытекают из его процессуального статуса (подозреваемый, обвиняемый), а также, из обстоятельств и характера расследуемого преступления [16. С. 79–81].

Помимо вышеприведенного, встречается и такая точка зрения, которая основывается на необходимости при определении объема криминалистического изучения личности преступника исходить из достаточности такого объема информации для установления психологического контакта с ним [17. С. 277] (помимо обстоятельств совершенного преступления и ролей участвующих в нем лиц). Вместе с тем данная точка зрения напрямую не касается проблемы определения объема изучения личности преступника, оставляя этот вопрос открытым.

В юридической литературе встречается достаточное количество перечней с классификацией свойств личности преступника [18. С. 126; 19. С. 63]. В этой связи рассмотрим научное решение Н.Т. Ведерникова, которое заключается в классификации, состоящей из семи групп сведений, каждая из которых в свою очередь включает в себя определенные признаки и данные о личности преступника и внутри не является исчерпывающей. Данное научное решение дискуссии об определении объема изучения личности преступника уникально тем, что, с одной стороны, являясь продуктом третьего подхода к определению объема изучения личности преступника, она соединяет в себе черты первого подхода, поскольку входящие в перечни признаки и данные о личности преступника имеют вид слагаемых формулы личности; вместе с тем каждый перечень сам по себе является конкретным направлением в изучении личности преступника. Ведущим достоинством рассматриваемой классификации является представление сведений о личности преступника в формализованном виде.

Вероятней всего, возникновение третьего подхода обусловлено стремлением расшифровать слагаемые из формул личности преступника, определив хотя бы приблизительный список сведений о нем. Однако авторы различных перечней групп сведений о личности в своем стремлении к максимальной конкретизации, пытаясь предусмотреть всевозможные варианты, в конечном итоге признают, что даже самых полных и продуманных перечней оказывается недостаточно. Разграничение позиций первого и третьего подходов главным образом заключается в том, что в рамках первого подхода приводится исчерпывающий список определенных данных о личности преступника, без описания того, что включает в себя каждый пункт [20. С. 101–102; 21. С. 101–102]. Сторонники третьего подхода содержание таких списков более подробно [22. С. 30–31] или менее подробно [23. С. 130] расписывают.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что третий подход определил границы изучения личности преступника несколько четче, по сравнению с первым подходом, но не настолько детально и четко, как во втором. Как и первый подход, третий подход применим в значительном количестве практических ситуаций, имея при этом несколько более конкретизированные и четкие положения. Общие формулы, предлагаемые авторами первого подхода, по существу, нашли свою расшифровку во третьем подходе, а направления изучения личности, содержащиеся в положениях авторов-сторонников второго подхода, послужили основой для классификации перечней криминалистически значимых свойств личности преступника.

Рассмотрев три основных подхода к определению пределов и объема изучения личности преступника в криминалистической науке, можно заключить следующее.

1. Первый подход, согласно которому объем изучения личности преступника определяется общей формулой, имеет следующие недостатки: во-первых, это низкая глубина исследования, а во-вторых, присутствует размытость слагаемых приводимых формул; вместе с тем он не лишен преимуществ: во-первых, он применим в широком кругу случаев с последующей адаптацией применительно к каждому делу, а во-вторых, он предоставляет большой охват криминалистически значимых черт и свойств личности.

2. Второй подход, согласно которому объем изучения личности преступника ограничивается опреде-

ленными направлениями, имеет следующий недостаток: вне поля исследования остаются многие элементы, что исключает целостность изучения личности; однако его преимуществом является узкая специализация исследования.

3. Третий подход, согласно которому объем изучения личности преступника определяется перечнями личностных свойств, признаков и данных, имеет два недостатка: во-первых, имеется большое количество перечней, разных по объему и содержанию, а во-вторых, каждый перечень не является исчерпывающим; при этом его преимуществами является то, что, во-первых, он применим в широком кругу случаев с минимальной адаптацией и более четкими практическими указаниями, а во-вторых, положения, развиваемые в рамках данного подхода, могут послужить базой для разработки различных классификаций личности на основе сходств определенных свойств личности.

В процессе расследования могут возникнуть самые разные следственные ситуации. На первый взгляд малозначимые или даже совершенно неважные для решения криминалистических задач и достижения криминалистически значимой цели данные о личности преступника могут потенциально сильно изменить весь ход процесса расследования. Именно поэтому однозначно строго определять, какую именно информацию о личности преступника следует собирать, а какую точно не надо, значит, потенциально ставить эффективность процесса расследования под угрозу. В этой связи решение дискуссии об определении объема изучения личности преступника должно быть ориентировано на качество расследования преступления, т.е. на глубину криминалистического исследования личности преступника, при этом, в целях оптимизации времени, это решение должно содержать в себе алгоритм, упрощающий эту нелегкую деятельность.

В целях решения проблемы определения объема изучения личности преступника в криминалистической науке усматривается целесообразным выделить определенные исследовательские уровни. Так, на первом уровне изучаются личностные свойства и черты характера, на втором уровне выделяется типология, в рамках которой из личностных свойств и черт характера выделяются определенные закономерности, характерные для определенного типа, на третьем уровне формируется модель личности [24. С. 104, 118], которая на сегодняшний день является для исследователей новой и малоизученной.

Из всех проанализированных подходов к определению объема изучения личности преступника первые два, предлагающие общую формулу и направления в изучении личности преступника, в большей степени связаны с первым исследовательским уровнем, когда как выход на второй исследовательский уровень имеет третий подход, предлагающий перечни свойств личности. В связи со сказанным одним из возможных путей решения проблемы определения объема изучения личности преступника видится развитие положений сторонников этого подхода, в частности, предлагаемые Н.Т. Ведерниковым перечни свойств личности преступника. Такое развитие потенциально может иметь три пути.

Первый путь заключается в дальнейшем расширении списка конкретных криминалистических значимых данных внутри каждого из перечня сведений о личности преступника.

Второй путь заключается в применении типологии акцентуированных типов для анализа информации [25. С. 159–161], собранной в рамках каждого из перечня сведений о личности преступника.

Третий путь заключается в применении биографического метода криминалистического исследования личности для анализа информации, собранной в каждом перечне сведений о личности преступника, при этом не исключается возможность использования типологий.

С высокой степенью вероятности в качестве наиболее оптимального решения криминалистических задач и достижения криминалистически значимой цели представляется развитие положений в рамках третьего пути решения дискуссии об определении объема изучения личности преступника.

Резюмируя вышесказанное, следует сделать ряд выводов.

1. Отправным положением в изучении любой личности является ее понимание как целостного образования.

2. Значительная трудность в криминалистическом исследовании личности преступника заключается в выборе между достаточной глубиной исследования личности преступника и соблюдением сжатых процессуальных сроков, установленных в ст. 162 УПК РФ.

3. Дискуссия о пределах изучения личности преступника в криминалистической науке породила три классических подхода: общая формула, направления в изучении личности преступника и перечни свойств криминалистически значимых свойств личности преступника.

4. Каждый подход имеет свои достоинства, недостатки и отличается от другого степенью конкретизации объема познания личности.

5. Решение дискуссии об определении объема изучения личности преступника должно быть ориентировано на глубину криминалистического исследования личности преступника, при этом содержа в себе упрощающий алгоритм.

6. Предложенное Н.Т. Ведерниковым научное решение, заключающееся в классификации самих сведений о личности преступника в виде формализованных перечней, сформировано по технологии типологического подхода и в большей степени выводит на окончательное разрешение дискуссии об определении объема изучения личности преступника.

7. Для решения проблемы определения объема изучения личности преступника целесообразно выделить основные исследовательские уровни криминалистического исследования личности преступника: на первом уровне изучаются конкретные черты и свойства личности, на втором уровне – конкретные типы личности, а на третьем – модель личности.

8. Условно, можно выделить три пути решения дискуссии об определении объема изучения личности преступника, каждый из которых связан с исследовательским уровнем криминалистического изучения личности.

9. В качестве наиболее оптимального решения криминалистических задач и достижения криминалистически значимой цели в рамках дискуссии об определении объема изучения личности преступника представляется применение биографического метода криминалистического исследования личности для анализа информации, собранной при использовании перечня сведений о личности преступника.

ЛИТЕРАТУРА

1. О'Брайен Дж., Ван Котт Х., Векер Дж. и др. Человеческий фактор. Т. 4: Эргономическое проектирование деятельности и систем / пер. с англ. В.П. Зинченко, В.М. Муннпова. М. : Мир, 1991. 495 с.
2. Ведерников Н.Т. Избранные труды. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. Т. 1. 250 с.
3. Яблоков Н.П. Криминалистика : учеб. 3-е изд. М. : Юристъ, 2007. 781 с.
4. Волынский А.Ф., Лавров В.П. Криминалистика : учеб. для вузов. 2-е изд. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. 943 с.
5. Доспулов Г.Г. Психология допроса на предварительном следствии. М. : Юрид. лит., 1976. 112 с.
6. Кривошеев А.С. Изучение личности обвиняемого в процессе расследования. М. : Юридическая литература, 1971. 80 с.
7. Матусевич И.А. Изучение личности обвиняемого в процессе предварительного расследования преступлений. Мн. : Изд-во БГУ, 1975. 128 с.
8. Волков Б.С. Личность преступника. Уголовно-правовое и криминологическое исследование. Казань : Изд-во Казанского университета, 1972. 187 с.
9. Аминов И.И. Юридическая психология : учеб.пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 415 с.
10. Балашов Д.Н., Балашов Н.М., Маликов С.В. Криминалистика : учеб. М. : ИНФРАМ, 2005. 503 с.
11. Бирюков В.В., Мельникова О.Б., Шехавцов Р.Н., Попов И.В. Теория и практика планирования расследования преступлений : учеб. пособие. Луганск : РИО ЛАВД, 2002. 72 с.
12. Васильев А.Н., Карнеева Л.М. Тактика допроса при расследовании преступлений. М. : Юрид. лит., 1970. 208 с.
13. Еникеев М.И. Психология следственных действий : учеб.-практ. пособие. М. : Проспект, 2013. 424 с.
14. Курашвили Г.К. Изучение следователем личности обвиняемого. М. : Юрид. лит., 1982. 96 с.
15. Ахмедшин Р.Л. Изучение личности преступника в методике расследования преступлений. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 138 с.
16. Ануфриева Е.А. Особенности тактики допроса подозреваемого (обвиняемого) по делам о коррупционных преступлениях, совершаемых сотрудниками ОВД // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : сб. статей. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2015. Ч. 1. 294 с.
17. Шурухнов Н.Г. Криминалистика : учеб. пособие. М. : Юристъ, 2005. 639 с.
18. Селиванов Н.А., Викторова Е.Н., Викторова Л.Н. и др. Справочная книга криминалиста. М. : НОРМА (Издательская группа НОРМА – ИНФРА-М), 2000. 727 с.
19. Чуфаровский Ю.В. Психология оперативно-розыскной и следственной деятельности : учеб. пособие. М. : Проспект, ТК Велби, 2006. 208 с.
20. Белкин Р.С., Лифшиц Е.М. Тактика следственных действий. М., 1997. 176 с.
21. Порубов Н.И. Научные основы допроса на предварительном следствии. 3-е изд. Минск : Вышэйшая школа, 1978. 176 с.
22. Ведерников Н.Т. Изучение личности преступника в процессе расследования. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1968. 84 с.
23. Давыдов Г.П., Притузова В.А., Шевченко В.И. Тактика следственных действий. Руководство к практическим занятиям. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1959. 168 с.
24. Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 210 с.
25. Алексеева Т.А. Криминалистическая характеристика содержательности как структурного элемента устной речи // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 159–161.

Статья представлена научной редакцией «Право» 29 июня 2017 г.

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF APPROACHES TO DETERMINING THE SCOPE OF STUDYING A CRIMINAL'S PERSONALITY: THE PROBLEM AND WAYS TO SOLVE IT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 167–171.
DOI: 10.17223/15617793/420/25

Vladimir L. Yuan, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: it-rigon@mail.ru

Keywords: personality of criminal; forensic study of personality; scope of study of personality; discussion; approaches; formula for studying personality; direction of studying personality; lists of personality traits; biographical method.

The subject of the study is the problem of determining the scope of studying the identity of the criminal. The aim of the study is to identify ways to solve the problem of determining the scope of study of the criminal's personality, which is potentially capable of putting an end to a lengthy discussion on the matter. During the research the following tasks were solved: 1. The analysis of the problem on the definition of the scope of studying the criminal's personality was carried out. 2. Advantages and disadvantages of approaches to determining the scope of studying the criminal's personality were singled out. 3. The ways of possible solution of the problem of determining the scope of studying the criminal's personality were considered. Conclusions were made on the basis of the analysis of scientific literature in the areas of forensics and psychology. Special scientific methods used are the method of expert review and synthesis of published independent opinions. Based on the results of the study, the following conclusions were made: 1. The starting point in studying the identity of the criminal is to understand them as an integral entity. 2. A significant difficulty in the forensic investigation of the criminal's personality lies in the choice between the sufficient depth of the investigation of the criminal's personality and following the strict procedural deadlines established in Art. 162 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. 3. Discussion of the limits of studying the identity of the criminal in forensic science gave rise to three classical approaches: the general formula, the directions in the study of the criminal's personality and the lists of the properties of the legally significant characteristics of the criminal's personality. 4. Each approach has its advantages and disadvantages and differs from the others by the degree of limitation of the scope of the study of the individual. 5. The solution of the problem of determining the scope of studying the identity of the criminal should be oriented at the depth of the criminal investigation of the criminal's personality, while containing a simplifying algorithm. 6. The scientific decision proposed by N.T. Vedernikov, which consists in classifying the very information about the identity of the criminal in the form of formalized lists, largely leads to a final solution of the problem on determining the scope of studying the identity of the criminal. 7. To solve the problem of determining the scope of studying the

identity of the criminal, it is expedient to single out the basic research levels of the criminological investigation of the criminal's personality: at the first level, specific personality traits and properties are studied, at the second level specific types of personality are studied, and the personality model is studied at the third level. 8. The most optimal solution to the problem of determining the scope of studying the identity of the criminal is considered to be the application of the biographical method of forensic research of a person to analyze information collected using the list of information about the identity of the criminal.

REFERENCES

1. O'Brien, J. et al. (1991) *Chelovecheskiy faktor* [The human factor]. Vol. 4. Translated from English by V.P. Zinchenko, V.M. Munnpova. Moscow: Mir.
2. Vedernikov, N.T. (2009) *Izbrannye trudy* [Selected works]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
3. Yablokov, N.P. (2007) *Kriminalistika* [Forensic science]. 3rd ed. Moscow: Yurist".
4. Volynskiy, A.F. & Lavrov, V.P. (2008) *Kriminalistika* [Forensic science]. 2nd ed. Moscow: YuNITI-DANA: Zakon i pravo.
5. Dospulov, G.G. (1976) *Psikhologiya doprosa na predvaritel'nom sledstvii* [Psychology of interrogation at the preliminary investigation]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
6. Krivosheev, A.S. (1971) *Izuchenie lichnosti obvinyaemogo v protsesse rassledovaniya* [The study of the identity of the accused in the investigation]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
7. Matusevich, I.A. (1975) *Izuchenie lichnosti obvinyaemogo v protsesse predvaritel'nogo rassledovaniya prestupleniy* [Studying the identity of the accused in the preliminary investigation of crimes]. Minsk: Belarus State University.
8. Volkov, B.S. (1972) *Lichnost' prestupnika. Ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie* [The personality of the criminal. Criminal-legal and criminological research]. Kazan: Kazan State University.
9. Aminov, I.I. (2007) *Yuridicheskaya psikhologiya* [Legal psychology]. Moscow: YuNITI-DANA.
10. Balashov, D.N., Balashov, N.M. & Malikov, S.V. (2005) *Kriminalistika* [Forensic science]. Moscow: INFRAM.
11. Biryukov, V.V., Mel'nikova, O.B., Shekhavtsov, R.N. & Popov, I.V. (2002) *Teoriya i praktika planirovaniya rassledovaniya prestupleniy* [Theory and practice of crime investigation planning]. Lugansk: RIO LAVD.
12. Vasil'ev, A.N. & Karneeva, L.M. (1970) *Taktika doprosa pri rassledovanii prestupleniy* [The tactics of interrogation in the investigation of crimes]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
13. Enikeev, M.I. (2013) *Psikhologiya sledstvennykh deystviy* [Psychology of investigative actions]. Moscow: Prospekt.
14. Kurashvili, G.K. (1982) *Izuchenie sledovatelem lichnosti obvinyaemogo* [Investigation of the personality of the accused by the investigator]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
15. Akhmedshin, R.L. (2000) *Izuchenie lichnosti prestupnika v metodike rassledovaniya prestupleniy* [Studying the personality of the criminal in the methodology for investigating crimes]. Tomsk: Tomsk State University.
16. Anufrieva, E.A. (2015) [Features of tactics of interrogation of the suspect (accused) in cases of corruption crimes committed by IAO officers]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami* [Topical issues of combating crimes and other offenses]. Proceedings of the conference. Vol. 1. Barnaul: Barnaul Law Institute of the MIA of Russia.
17. Shurukhnov, N.G. (2005) *Kriminalistika* [Forensic science]. Moscow: Yurist".
18. Selivanov, N.A. et al. (2000) *Spravochnaya kniga kriminalista* [A reference book of the criminalist]. Moscow: NORMA.
19. Chufarovskiy, Yu.V. (2006) *Psikhologiya operativno-rozysknoy i sledstvennoy deyatel'nosti* [Psychology of operative-search and investigative activities]. Moscow: Prospekt, TK Velbi.
20. Belkin, R.S. & Lifshits, E.M. (1997) *Taktika sledstvennykh deystviy* [Tactics of investigative actions]. Moscow: Novyy Yurist.
21. Porubov, N.I. (1978) *Nauchnye osnovy doprosa na predvaritel'nom sledstvii* [The scientific basis of the interrogation at the preliminary investigation]. 3rd ed. Minsk: Vysheyshaya shkola.
22. Vedernikov, N.T. (1968) *Izuchenie lichnosti prestupnika v protsesse rassledovaniya* [Study of the personality of the criminal in the investigation]. Tomsk: Tomsk State University.
23. Davydov, G.P., Prituzova, V.A. & Shevchenko, V.I. (1959) *Taktika sledstvennykh deystviy. Rukovodstvo k prakticheskim zanyatiyam* [Tactics of investigative actions. A guide to practical exercises]. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo yuridicheskoy literatury.
24. Akhmedshin, R.L. (2005) *Kriminalisticheskaya kharakteristika lichnosti prestupnika* [Criminalistic characteristics of the criminal]. Tomsk: Tomsk State University.
25. Alekseeva, T.A. (2014) The criminalistic description of richness of content as a structural element of speech. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State Universtiy Journal*. 378. pp. 159–161. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/378/27

Received: 29 June 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 172–178. DOI: 10.17223/15617793/420/26

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.378.1

Р.Р. Хадиуллина

РЕАЛИЗАЦИЯ ТЕХНОЛОГИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА СТУДЕНТОВ-СПОРТСМЕНОВ РАЗНЫХ ФОРМ ОБУЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВУЗА ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Описывается технология образовательного процесса студентов-спортсменов разных форм обучения в условиях виртуальной образовательной среды вуза физической культуры. В общем виде представленная технология включает не только цель, содержание, методы и средства для достижения планируемых результатов обучения студента-спортсмена, но и особенности реализации этого процесса. Раскрывается концептуальная идея использования дистанционного обучения и виртуальной образовательной среды вуза физической культуры; алгоритм формирования самообразовательных умений и навыков работы с информационными ресурсами; описываются особенности реализации индивидуальных образовательных траекторий студентами-спортсменами разных форм обучения; раскрываются структура электронных курсов и технология аттестации студентов разных форм обучения.

Ключевые слова: технология образовательного процесса; дистанционное обучение; виртуальная образовательная среда; студенты-спортсмены.

Методы исследования. Анализ законодательных и нормативно-правовых документов, психолого-педагогической и учебно-методической литературы. Экспериментальная работа проводится на факультете физической культуры и спорта ФГБОУ ВО «Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма» (далее – Академия).

Цель исследования: разработать технологию образовательного процесса студентов-спортсменов разных форм обучения в условиях виртуальной образовательной среды вуза физической культуры, раскрывая ее *процессуально-описательные* и *процессуально-действенные аспекты*.

Введение. В педагогике под термином «педагогическая технология» понимают различные ее аспекты: *научный* (Б.Т. Лихачев), *процессуально-описательный* (И.П. Волков), *процессуально-действенный* (В.П. Беспалько, М.А. Чошанов, М.В. Кларин) [1]. В нашем исследовании мы раскрываем *процессуально-описательный* аспект технологии образовательного процесса студентов-спортсменов разных форм обучения – цель, содержание, средства и методы достижения планируемого результата, а также *процессуально-действенный* аспект – технику реализации процесса.

Одной из целей образовательного процесса в вузе физической культуры является формирование профессионально компетентного студента-спортсмена – специалиста, который обладает способностью и умением выстраивать и реализовывать индивидуальную образовательную траекторию, включающую следующие виды деятельности: учебно-познавательную, тренировочно-соревновательную и социально-коммуникативную. Достижение такой цели возможно благодаря внедрению в вузе физической культуры соответствующей педагогической технологии – *модульного обучения с применением дистанционных образовательных ресурсов в условиях виртуальн вуза физической культуры.*

Результаты исследования и их обсуждение.

Концептуальная идея использования дистанционного обучения и виртуальной образовательной среды. Образовательный процесс студентов-спортсменов специфичен: подготовка и участие в соревнованиях обусловливает их длительную территориальную удаленность от преподавателя и учебного заведения. Особенно это характерно для студентов, обучающихся очно по индивидуальному плану или заочно. Для обеспечения равных образовательных возможностей – гарантии доступа к осуществлению качественного образования всем студентам-спортсменам, независимо от формы обучения (очная, очная с индивидуальным планом, заочная), состояния здоровья спортсмена (студенты-инвалиды, адаптационный период после травм) и удаленности от преподавателя и учебного заведения наряду с традиционными применяются дистанционные формы, методы и средства обучения в условиях виртуальной образовательной среды вуза физической культуры.

Концептуальная идея использования виртуальной образовательной среды вуза физической культуры – обеспечение учебно-познавательного и социально-коммуникативного процессов студента-спортсмена во время его тренировочно-соревновательной деятельности. Это становится возможным благодаря внедрению в образовательный процесс дистанционных ресурсов и технологий, реализуемых при дистанционной форме обучения и обеспечивающих равные образовательные возможности всем студентам-спортсменам – доступ к качественному образованию вне зависимости от формы обучения, состояния здоровья и т.д.

Концептуальной идей использования дистанционного обучения студентов-спортсменов в вузе физической культуры определяется нами как цель и результат реализации возможностей виртуальной образовательной среды в процессе подготовки вне зависимости от формы обучения; равные образовательные возможности в соответствии с дидактическими принципами использования дистанционного обучения в вузе физической культуры [2].

Под виртуальной образовательной средой мы понимаем часть информационно-образовательной среды вуза, которая:

– представляет собой комплекс педагогических, методических технологий, информационных ресурсов и компьютерных средств, позволяющих осуществлять управление содержанием образовательной среды;

– состоит из взаимосвязанных компонентов (ценностно-целевого, когнитивного, коммуникативно-деятельностного, пространственно-предметного);

– основана на преимущественном применении в сочетании с традиционными дистанционных форм, методов и средств обучения, коммуникации всех субъектов образовательного процесса (студента, преподавателя, тренера, сотрудников административного управления и отдела информационных технологий) с целью предоставления равных образовательных возможностей студентам-спортсменам разных форм обучения [2] (рис. 1).

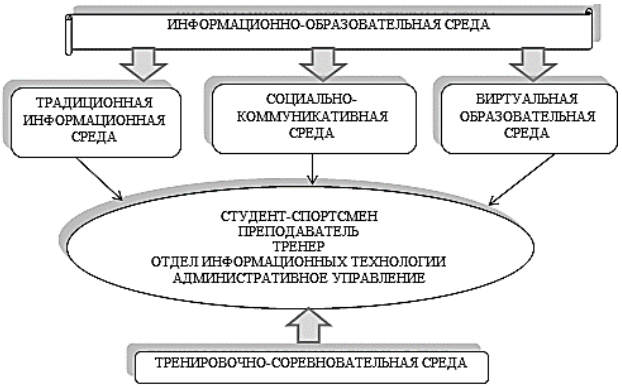

Рис. 1. Образовательная среда вуза физической культуры

Формирование самообразовательных умений и навыков работы с информационными ресурсами. Для успешной работы в системе дистанционного обучения необходимы особые навыки, которые позволяют студентам-спортсменам осуществлять самообразовательную деятельность; самообразовательные умения и навыки (СУН) работы с информационными ресурсами. Формирование СУН работы с информационными ресурсами проходит поэтапно: на начальном этапе в процессе изучения информатики формируются *учебные умения и навыки* работы на персональном компьютере, далее формируются *обобщенные умения и навыки*, позволяющие решать различные задачи с использованием персонального компьютера. В дальнейшем *обобщенные умения и навыки* трансформируются в *самообразовательные умения и навыки,* с помощью которых студенты-спортсмены дистанционно самостоятельно изучают различные дисциплины [2, 3]. Дальнейшим результатом такой цепочки становится способность студента-спортсмена планировать, организовывать и контролировать индивидуальную образовательную траекторию (рис. 2).

Индивидуальные образовательные траектории студентов-спортсменов разных форм обучения. Опираясь на работы ряда исследователей по вопросам технологии образовательного процесса с использованием дистанционного обучения (А.А. Андреев, Е.С. Полат, И.В. Роберт, В.И. Солдаткин, А.А. Хуторской, В.П. Тихомиров, В.А. Чистяков и др.), нормативно-правовые акты, внутренние документы и положения Поволжской государственной академии физической культуры, спорта и туризма (далее – Академия), нами разработана технология образовательного процесса студентов-спортсменов разных форм обучения, основанная на реализации ими индивидуальных образовательных траекторий, включающих различные виды деятельности: учебно-познавательную, тренировочно-соревновательную, социально-коммуникатив-ную [4–8].

Учебные умения и навыки ***(УН):***	Овладение компьютерной грамотностью, основными программами *Microsoft Office*: *Microsoft Word, Microsoft Excel, Microsoft Power Point, Microsoft Access*
Обобщенные умения и навыки ***(ОУН):***	Умение использовать компьютерные информационные технологии, программные продукты общего назначения для решения различных практических задач
Самообразовательные умения и навыки ***(СУН):***	Умение использовать возможности виртуальной образовательной среды: дистанционные ресурсы и технологии при самостоятельном прохождении учебных модулей не только курса «Информатика», но и других дисциплин, например, курса «Физика»
Уровень обученности студента ***(УОС)***	Формирование результата обучения, как по информатике, так и по другим дисциплинам, например, физике
Результат: способность студента-спортсмена планировать, организовывать и контролировать индивидуальную образовательную траекторию: тренировочно - соревновательную, учебно-познавательную, социально-коммуникативную деятельности	

Рис. 2. Формирование СУН работы с информационными ресурсами

Интенсивность тренировочно-соревновательной деятельности студента-спортсмена определяет форму его обучения, а значит, и потребность в использовании дистанционных образовательных технологий. Так, студенты очной формы обучения посещают все лекционные и практические занятия, выполняют задания, предназначенные для самостоятельной работы; часть заданий и тестов выложена на платформе дистанционного обучения. При возникновении сложностей в процессе усвоения материла такие студенты консультируются очно, при этом текущий контроль возможен как в очной, так и в дистанционной формах.

Некоторые студенты-спортсмены очной формы обучения в связи с подготовкой и участием в соревнованиях вынуждены пропускать аудиторные занятия, поэтому переходят на индивидуальный план обучения. Такие студенты перед началом изучения любой дисциплины консультируются с преподавателем: получают методические рекомендации по выполнению заданий, ориентировочный график их выполнения в системе дистанционного обучения. Далее, в свободное от тренировок и соревнований время, такие студенты самостоятельно изучают электронный дистанционный курс (электронный учебно-методический комплекс дисциплины): прорабатывают лекционный материал, выполняют практические, тестовые задания. При возможности они посещают аудиторные занятия; их консультирование проходит как в заочной, так и в очной формах; текущий контроль – в дистанционной форме.

Наибольшую потребность в дистанционных образовательных технологиях испытывают студенты заочной формы обучения. В начале изучения учебной дисциплины для них предусмотрены: установочные лекции, вводные практические занятия, получение графика изучения дистанционных курсов. Вследствие профессиональной занятости (тренерская деятельность, спортивные сборы и участие в соревнованиях) при изучении дистанционных курсов они используют максимальное количество заочных консультационных ча-

тов и форумов, текущий контроль в дистанционной форме.

Вне зависимости от формы обучения сдача зачетов и экзаменов проходит очно (рис. 3).

Структура электронных курсов для студентов-спортсменов разных форм обучения. Технология применения дистанционных образовательных ресурсов в условиях виртуальной образовательной среды вуза физической культуры основана на модульном обучении, истоки которого относят к технологии программированного обучения (50-е гг. XX в.; Н. Кроудер, Б. Скиннер). Модульное обучение позволяет студенту-спортсмену в соответствии с графиком тренировочно-соревновательной деятельности самостоятельно определять темп и время изучения лекционного материала, выполнения практических и тестовых работ, что в итоге позволяет ему индивидуализировать учебный процесс [9].

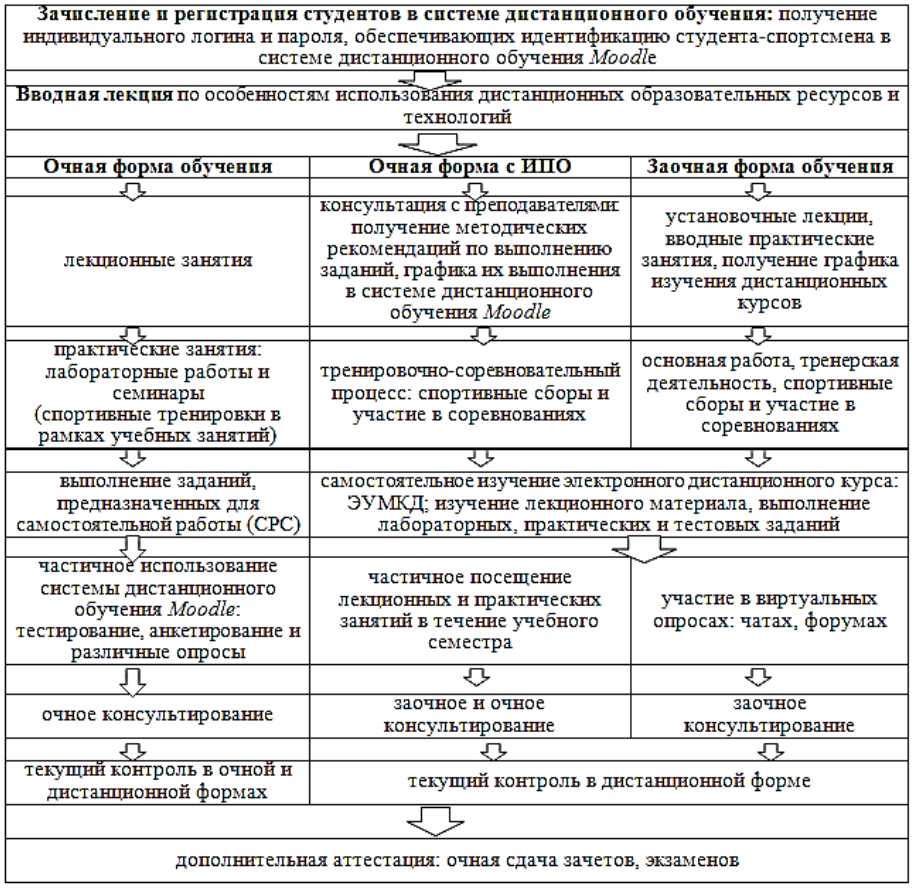

Рис. 3. Индивидуальные образовательные траектории студентов-спортсменов разных форм обучения

Модульное обучение предполагает разбиение учебной дисциплины на учебные модули. С учетом специфики образовательного процесса студента-спортсмена, *учебный модуль* представляет собой функционально законченный и логически связанный блок информации учебного и учебно-методического материала. Содержание и объём модуля варьируются в зависимости от направления, профиля и формы обучения. В учебном модуле обычно представлены следующие компоненты: четко определенная учебная цель, достигаемая по окончании изучения модуля; учебный материал: методические руководства для освоения модуля, практические задания, лабораторные, самостоятельные, проверочные и контрольные работы, тестовые задания, позволяющие достичь поставленной учебной цели. Контроль направлен на оценку качества освоения каждого учебного модуля.

Изучаемые дисциплины представлены в виртуальной образовательной среде Академии на платформе дистанционного обучения *Moodle* в виде одноименных электронных курсов – электронных учебно-методических комплексов дисциплин (ЭУМКД). Электронные курсы создаются согласно ФГОС ВО соответствующего направления, модульной технологии, системе балльно-рейтингового оценивания знаний студентов, методическим рекомендациям по созданию электронных дистанционных курсов в обучающей среде *Moodle.* Структура электронного курса зависит от формы обучения студента, но в общем приближении она имеет следующие основные составные элементы: описание курса (общее назначение, место дисциплины в структуре образовательных программ, формируемые компетенции), план изучения курса (тематическое планирование курса, график прохождения учебных модулей и особенности их оценивания), учебные модули, включающие в себя лекционный материал, методические рекомендации по выполнению практических заданий, задания для самостоятельной работы и отработки пропущенных занятий, контрольные и тестовые задания.

Студенты-спортсмены, обучающиеся очно по индивидуальному плану, фактически записаны на тот же электронный курс, что и студенты очной формы обучения. Поэтому такие студенты имеют доступ ко всем материалам электронного курса для студентов очной формы обучения, но основная работа им отведена в дополнительном модуле: практические задания, проверочные тесты, составление глоссария. Кроме того, если студенты очной формы обучения практические задания выполняют на аудиторных занятиях, то те, кто обучаются по индивидуальному плану обучения (ИПО), – дистанционно, прикрепляя результат выполнения для проверки. Кроме того, для таких студентов ИПО увеличен объем заданий для самостоятельной работы, предсусматривает интерактивные упражнения (рис. 4).

По окончании изучения дисциплины студенты проходят итоговый тест, включающий в себя материалы двух учебных модулей.

Для студентов *заочной формы обучения* электронный курс также включает нулевой блок и два основных модуля. Такой курс насыщен дистанционными формами проведения занятий: чат (*on-line* режим), форум (*off-line* режим) (рис. 5).

Рис. 4. Общая структура электронного курса для студентов-спортсменов очной формы и очной формы с ИПО

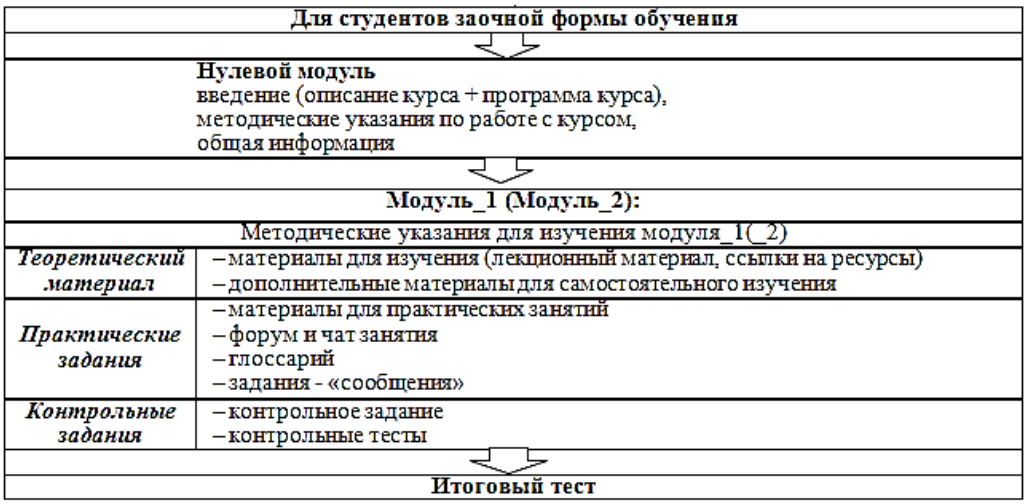

Рис. 5. Общая структура электронного курса для студентов-спортсменов заочной формы обучения

Обучение студентов информатике осуществляется на основании разработанных автором исследования алгоритмов выполнения упражнений по основным темам дисциплины: Microsoft Word, Microsoft Excel,

Microsoft Power Point, Microsoft Access. Обучение студентов физике осуществляется также на основании авторских алгоритмов решения задач по основным темам дисциплины: «Основы механики материальной точки», «Основы механики абсолютно твердого тела», «Основы электричества».

Таким образом, при реализации технологии модульного обучения нами применяются как традиционные, так и дистанционные формы, методы и средства обучения (см. таблицу).

Традиционные и дистанционные формы, методы и средства обучения

	Традиционные	Дистанционные
Преобладающие формы обучения	Лекция, семинар, лабораторная работа, практическое занятие	Чат-занятие (онлайн), форум-семинар (оффлайн), виртуальная лабораторная работа
Преобладающие методы обучения	Синхронное обучение	Асинхронное обучение (оффлайн)
Преобладающие средства обучения	Учебники и учебные пособия,учебно-методические комплексы дисциплин (УМК), технические и аудиовизуальные средства обучения (плакаты, приборы, компьютеры)	Электронные курсы (электронные учебно-методические комплексы дисциплин – ЭУМКД), электронные учебные пособия, тренажеры, комплексы

ЦЕЛЬ: организация образовательного процесса студентов-спортсменов разных форм обучения (на примере обучения информатике и физике)			
СОДЕРЖАНИЕ			
Выбор студентами индивидуальной образовательной траектории	**Очная форма обучения**	**Очная форма с индивидуальным планом обучения**	**Заочная форма обучения**
	Лекция → практические занятия→ спортивные тренировки (в рамках учебных занятий) → самостоятельная работа → частичное использование системы дистанционного обучения (тесты) → очная консультация → промежуточный контроль → текущий контроль (очно, дистанционно) → дополнительная аттестация (очная сдача экзамена)	Консультация (получение индивидуального графика обучения) → спортивно-тренировочный процесс→ самостоятельное изучение дистанционных электронных курсов → частичное посещение лекций → заочное и очное консультирование → текущий контроль (дистанционно) → дополнительная аттестация (очная сдача экзамена)	Установочные лекции → основная тренерская работа, соревнования → самостоятельное изучение дистанционных электронных курсов → участие в виртуальных опросах: чатах, форумах → заочное консультирование → текущий контроль (дистанционно) → дополнительная аттестация (очная сдача экзамена)
Реализация дидактической цепочки:	Учебные умения и навыки → Обобщенные умения и навыки → Самообразовательные умения и навыки работы с информационными ресурсами → Уровень обученности → Способность студента-спортсмена планировать, организовывать и контролировать индивидуальную образовательную траекторию (ИОТ)		
Требования к электронным дистанционным курсам	метод.рекомендации при работе с курсом, лекционный материал, доп. материалы для сам. изучения, итоговое тестирование		
	–материалы для практических занятий –интерактивные упражнения –задания для отработки пропущ. занятий –задания для самостоятельной работы –контрольные тесты для текущего контроля	–задания или тесты для самостоятельной работы студента по каждому модулю –интерактивные упражнения –контрольные тесты или задания по каждому модулю, если не размещены в основных модулях	–чат-занятия, форум-занятия –глоссарий –задания –контрольные тесты
МЕТОДЫ: синхронного (*on-line*) и асинхронного (*off-line*) обучения			
СРЕДСТВА: виртуальная образовательная среда, традиционные и дистанционные ресурсы, алгоритмы формирования самообразовательных умений и навыков работы с информационными ресурсами, алгоритмы выполнения упражнений по информатике и решения задач по физике			
Система балльно-рейтинговой оценки знаний студентов	**КОНТРОЛЬ И ОЦЕНИВАНИЕ** *(за 2 модуля)*		
	Успеваемость: 40 баллов *Посещаемость:* 10 баллов	*Успеваемость:* 40 баллов *Посещаемость:* 10 баллов (автоматически) Дополн. баллы за спортивную деятельность	*Успеваемость:* 40 баллов *Посещаемость:* 10 баллов
	Баллы за экзамен: от 15 до 50 *Итоговые баллы:* 100-85(отлично), 84-66 (хорошо), 65-51 (удовлетворительно), 50 и менее (неудовлетв.)		
РЕЗУЛЬТАТ: организован образовательный процесс студентов-спортсменов разных форм обучения, направленный на формирование профессионально компетентного студента-спортсмена как специалиста, обладающего способностью и умением выстраивать и реализовывать индивидуальную образовательную траекторию, включающую учебно-познавательную, тренировочно-соревновательную и социально-коммуникативную деятельности			

Рис. 6. Технология образовательного процесса студентов-спортсменов разных форм обучения

Технология аттестации студентов-спортсменов разных форм обучения. Оценить успешность изучения учебных модулей и курса в целом позволяет система балльно-рейтингового оценивания знаний, введенная в Академии: по результатам текущего, промежуточного и итогового контроля определяется индивидуальный рейтинг студента (рейтинг студента – это индивидуальная оценка уровня его *текущей* (во время обучения в семестре), *промежуточной* (по результатам зачетно-экзамена-ционной сессии) и *итоговой* (по результатам государственной аттестации) профессиональной подготовленности) [10].

Согласно «Положению о балльно-рейтинговой оценке знаний студентов», утвержденному в Академии, аттестация студентов-спортсменов всех форм обучения, осуществляемая в каждом семестре по каждой дисциплине, имеет текущую и дополнительную составляющие.

В течение семестра во время текущей аттестации каждый студент проходит две рубежные контрольные недели согласно графику, определяемому каждым преподавателем индивидуально. Минимальное необходимое количество баллов для текущей аттестации по каждой контрольной неделе – 13. Минимальное пороговое значение прохождения текущей аттестации по результатам изучения двух учебных модулей – 25 баллов. Максимально за два учебных модуля можно получить 50 баллов (40 – за успеваемость, 10 – за посещаемость). До начала дополнительной аттестации (зачет, экзамен) по решению декана, ходатайству совета факультета, за высокие спортивные результаты студентам-спортсменам могут быть начислены дополнительные баллы. Кроме того, студентам очной

формы обучения можно добрать дополнительные баллы за выполнение задания при отработке пропущенных занятий, участие в научно-практической конференции, выполнение творческого задания.

На дополнительной аттестации студенту необходимо набрать минимум 15 баллов, максимум – 50. В результате минимальный порог удовлетворительной оценки – 51 балл. На основании всех изучаемых дисциплин в дальнейшем формируется семестровый рейтинг, усредненное значение которого и есть накопленный рейтинг студента [3].

Заключение. Таким образом, технология образовательного процесса студентов-спортсменов разных форм обучения, включает:

– цель (организация образовательного процесса студентов-спортсменов разных форм обучения);

– методы (синхронного (*on-line*) и асинхронного (*off-line*) обучения);

– средства (традиционные и дистанционные образовательные ресурсы);

– содержание (выбор студентами индивидуальной образовательной траектории, реализацию дидактической цепочки по формированию самообразовательных умений и навыков работы с информационными ресурсами, учет требований к структурам дистанционных электронных курсов; использование балльно-рейтинговой оценки знаний);

– результат: организация образовательного процесса студентов-спортсменов разных форм обучения, направленная на формирование профессионально компетентного специалиста, обладающего способностью и умением выстраивать и реализовывать индивидуальную образовательную траекторию, включающую учебно-познавательный, тренировочно-соревновательный и социально-комму-никативный виды деятельности [4] (см. рис. 6).

ЛИТЕРАТУРА

1. Беспалько В.П. Педагогика и прогрессивные технологии обучения. М., 1995. 336 с.
2. Хадиуллина Р.Р. Интегративная организация виртуальной образовательной среды в процессе обучения студентов-спортсменов информатике и физике : дис. ... канд. пед. наук. Казань : ИППО РАО, 2015. 274 с.
3. Камалеева А.Р. Концепция формирования самообразовательных умений, навыков и основных естественно-научных компетенций учащейся молодежи в процессе непрерывного естественно-научного образования // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 2. С. 139–146.
4. Андреев А.А. К вопросу об определении понятия «дистанционное обучение» // Дистанционное образование. 1997. № 4. С. 16–19.
5. Полат Е.С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. М. : Академия, 2003. 272 с.
6. Роберт И.В. Современные информационные технологии в образовании: дидактические проблемы, перспективы использования. М. : Школа-Пресс, 1994. 205 с.
7. Хуторской А.В. Методологические основы дистанционного обучения // Тезисы Второй всероссийской научно-методической конференции «Интернет и современное общество». СПб., 1999. С. 149–151.
8. Чистяков В.А. Взаимодействие субъектов образовательного процесса в системе дистанционного обучения: на примере вуза физической культуры : автореф. дис. … д-ра пед. наук. СПб., 2004. 45 с.
9. Чошанов М.А. Гибкая технология проблемно–модульного обучения : метод. пособие. М. : Народное образование, 1996. 160 с.
10. Положение о балльно-рейтинговой оценке знаний студентов ФГБОУ ВПО Поволжская ГАФКСиТ / Принято решением Ученого совета ФГБОУ ВПО «Поволжская ГАФКСиТ» от 5.09.2013 г. Протокол № 1. 16 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 5 июня 2017 г.

IMPLEMENTATION OF THE TECHNOLOGY OF EDUCATIONAL PROCESS OF STUDENT-ATHLETES OF DIFFERENT MODES OF STUDY UNDER THE CONDITIONS OF VIRTUAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF A PHYSICAL CULTURE HIGHER SCHOOL

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 172–178.
DOI: 10.17223/15617793/420/26

Rezeda R. Khadiullina, Volga Region State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism (Kazan, Russian Federation). E-mail: info@sportacadem.ru; h_rezeda@bk.ru

Keywords: technology of educational process; distance learning; virtual learning environment; student-athletes.

The article reveals the process-descriptive and procedurally-effective aspects of the technology of educational process for student-athletes of different modes of study in the conditions of virtual educational environment in a physical culture university. In general, the presented technology includes not only the purpose, content, methods and means for achieving the planned results of training the student-athlete, but also the specifics of the implementation of this process. The specificity of the educational process in the universities of physical culture, namely, long training sessions and participation in competitions, force student-athletes to transfer to an individual education program or a correspondence form of education. Successful combination of sports and training is becoming possible through the introduction of an appropriate pedagogical technology. It is modular training with the use of distance study resources in the virtual educational environment of a physical culture university. This technology provides equal educational opportunities for all student-athletes – access to high-quality education – regardless of the form of training (full-time, full-time with an individual education program, correspondence) or health status (adaptation after injuries, athletes with disabilities). The article reveals the conceptual idea of the application of distance learning and the virtual educational environment in a physical culture university. The author gives the definition of the notion of the virtual educational environment in a university of such kind. The algorithm of formation of self-educational skills and the skills of work with information resources is a necessary condition for successful work in the distance learning system. The formed skills allow student-athletes to carry out self-educational activities, successfully implement individual educational directions, including various types of activities: educational, cognitive, training, competitive, social-communicative. The article presents the similarities and differences of individual educational trajectories for student-athletes of different modes of study; basic elements and features of the study of disciplines at the same electronic courses presented in the Moodle distance learning system are disclosed; features of performance review are revealed depending on the mode of study of the student-athlete. The technology of the educational process for student-athletes of different modes of study presented by the author of the pa-

per is applicable to the study of various disciplines in the conditions of the virtual educational environment of a physical education institution.

REFERENCES

1. Bespal'ko, V.P. (1995) *Pedagogika i progressivnye tekhnologii obucheniya* [Pedagogy and progressive learning technologies]. Moscow: Institute of Professional Education of the Ministry of Education of Russia.
2. Khadiullina, R.R. (2015) *Integrativnaya organizatsiya virtual'noy obrazovatel'noy sredy v protsesse obucheniya studentov-sportsmenov informatike i fizike* [Integrative organization of the virtual educational environment in the process of training of student-athletes in computer science and physics]. Pedagogy Cand. Diss. Kazan: IPPPO RAO.
3. Kamaleeva, A.R. (2012) Kontseptsiya formirovaniya samoobrazovatel'nykh umeniy, navykov i osnovnykh estestvenno-nauchnykh kompetentsiy uchashcheysya molodezhi v protsesse nepreryvnogo estestvenno-nauchnogo obrazovaniya [The concept of formation of self-educational skills and basic natural scientific competencies of students in the process of continuous natural science education]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*. 2. pp. 139–146.
4. Andreev, A.A. (1997) K voprosu ob opredelenii ponyatiya "distantsionnoe obuchenie" [On the definition of the concept "distance learning"]. *Distantsionnoe obrazovanie*. 4. pp. 16–19.
5. Polat, E.S. (2003) *Novye pedagogicheskie i informatsionnye tekhnologii v sisteme obrazovaniya* [New pedagogical and information technologies in the education system]. Moscow: Akademiya.
6. Robert, I.V. (1994) *Sovremennye informatsionnye tekhnologii v obrazovanii: didakticheskie problemy, perspektivy ispol'zovaniya* [Modern information technologies in education: didactic problems, prospects of use]. Moscow: Shkola-Press.
7. Khutorskoy, A.V. (1999) [Methodological basis of distance learning]. *Internet i sovremennoe obshchestvo* [The Internet and Contemporary Society]. Abstracts of the 2nd all-Russian conference. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 149–151. (In Russian).
8. Chistyakov, V.A. (2004) *Vzaimodeystvie sub"ektov obrazovatel'nogo protsessa v sisteme distantsionnogo obucheniya: na primere vuza fizicheskoy kul'tury* [Interaction of subjects of the educational process in the system of distance learning: on the example of a university of physical culture]. Abstract of Pedagogy Dr. Diss. St. Petersburg.
9. Choshanov, M.A. (1996) *Gibkaya tekhnologiya problemno–modul'nogo obucheniya* [Flexible technology of problem-module training]. Moscow: Narodnoe obrazovanie.
10. Academic Council of the Volga Region SAPCST. (2013) *Polozhenie o ball'no-reytingovoy otsenke znaniy studentov FGBOU VPO Povolzhskaya GAFKSiT* [Regulations on the score-rating assessment of students' knowledge of Volga State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism]. Protocol 1.

Received: 05 June 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 179–183. DOI: 10.17223/15617793/420/27

УДК 378.02

Ж.А. Чапкович, В.И. Ревякина

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Статья посвящена проблеме профессиональной социализации студентов. Представлен анализ социологических и педагогических научных источников по данной проблеме. Комплекс использованных теоретических, эмпирических и диагностических методов выявляет сущностные аспекты феномена профессиональной социализации студентов, определяет компонентный состав и классификацию ее критериев. Одним из факторов профессиональной социализации студентов авторами определяется физическое воспитание в процессе занятий фитнесом. Аналитический обзор физкультурно-оздоровительных предпочтений студентов университетов города Томска подтверждает, что фитнес выступает средством формирования профессиональной социализации молодёжи.

Ключевые слова: студенты; образование; профессиональная социализация; физическое воспитание; фитнес.

Студенческая молодежь – это особая возрастная и социальная группа. Студенчество как возрастная группа охватывает период от 18 до 25 лет. Как социальная группа студенчество отличается рядом особенностей: высокий образовательный уровень и познавательная мотивация, социальная активность и стремление к самореализации, сочетание интеллектуальной, творческой и физической деятельности. В плане психосоциального развития студенчество характеризуется развитием высших психических функций и личности в целом.

В 2000-е гг., присоединившись к Болонской конвенции, российские университеты постепенно перешли на европейскую модель образования. Принятие этой модели в настоящее время обусловило некое ограниченное понимание населением, включая студентов и преподавателей, цели высшего образования как выпуска бакалавров и магистров по указанному в дипломе направлению подготовки. Действительно ли только в этом предназначение высшего образования?

Согласно государственным документам об образовании вузы призваны обеспечить рынок труда компетентными специалистами, обладающими качествами, необходимыми для становления профессионализма. При этом и в документах, и в научных трудах подчеркивается, что период студенческой учебы является также важным этапом социализации. Социализация, по энциклопедическому определению, предполагает активное участие самого человека в освоении культуры, в формировании определенных значимых социальных качеств, приобретении умений и навыков, необходимых для их успешной реализации в дальнейшей самостоятельной профессиональной деятельности. Социализация включает в себя познание человеком окружающей действительности, овладение знаниями и компетенциями практической индивидуальной и совместной деятельности. Основополагающее значение для эффективности социализации имеет процесс воспитания и образования [1. С. 64].

Таким образом, становится очевидным, что главную роль в подготовке компетентных специалистов в высших учебных заведениях играет профессиональная социализация.

В научной литературе существуют разные подходы к раскрытию сущности профессиональной социализации. Так, например, социолог Н.А. Перинская понимает под профессиональной социализацией, с одной стороны, процесс вхождения индивида в профессиональную среду, усвоение профессионального опыта, овладение стандартами и ценностями профессионального сообщества. А с другой стороны, имеется в виду процесс активной реализации накапливаемого профессионального опыта, в котором различные типы адекватного поведения проявляются не как подчинение внешним требованиям, а как осознанный выбор оптимального поведенческого решения, предполагающего непрерывное профессиональное саморазвитие [2. С. 36].

Известный отечественный ученый в области социализации молодежи А.И. Ковалёва похожим образом определяет профессиональную социализацию как процесс освоения индивидом определенных профессиональных знаний, умений и навыков, усвоение профессионального опыта, овладение стандартами и ценностями профессионального сообщества [3. С. 109].

Другой российский исследователь, А.Г. Красноперова, в своей статье подчеркивает, что профессиональная социализация личности тесно связана с подготовкой человека к профессионально-трудовой деятельности и заключается в выборе конкретной профессии посредством информационного влияния СМИ, рассказов родственников, знакомых, наблюдения действий профессионалов и их результатов, а также в процессе профессионального обучения и включения в соответствующие действия [4. С. 77].

В исследованиях белорусского ученого-социолога В.А. Клименко профессиональная социализация студенческой молодежи рассматривается как многофакторный и многоуровневый процесс усвоения индивидом специальных знаний, социальных и профессиональных навыков. Наряду с этим на приоритетные позиции выходит формирование профессиональных норм, ценностей, профессиональной культуры с целью развития адаптационно-интегративных характеристик, которые создают необходимый потенциал для эффективного включения в профессионально-трудовую среду, успешного выполнения социальных ролей и профессиональных функций, высокой социальной и профессиональной мобильности на всем жизненном пути индивида [5. С. 96].

Аналогичные взгляды на данный социальный феномен представлены в исследованиях С.И. Кучмие-

вой, Е.С. Студеникиной, И.В. Воробьевой, М.В. Мигачевой [6–9].

Обобщенный анализ научной социологической литературы по исследуемой теме дает основание сделать вывод, что профессиональная социализация предполагает получение человеком профессии, вхождение в определенную профессиональную среду, применение имеющихся знаний на практике и реализацию накапливаемого профессионального опыта. Однако хотя это определение верное, но, как нам видится, не вполне достаточное, поскольку результаты исследований профессиональной социализации молодежи в большей степени представлены в работах социологов, а не педагогов, чем и обусловлен социологический характер определения. Поэтому педагогические исследования, на наш взгляд, представляют потенциал для расширения и уточнения сущности феномена профессиональной социализации студентов. Обратимся к научным позициям педагогов.

Известный отечественный ученый Л.И. Савва обосновала свой авторский взгляд на развитие интеллектуальной культуры, социальной зрелости студентов, на развитие умений самоорганизации, тайм-менеджмента учащейся молодежи в процессе профессиональной подготовки студента – будущего учителя к реализации социальной функции в образовательном процессе [10].

В трудах педагога-исследователя С.М. Марковой доминирует точка зрения, что при профессиональной социализации молодежи приоритетными становятся цели формирования гуманистических, социально значимых ценностей и образцов гражданского поведения, духовно-нравственного становления человека, его жизненного самоопределения, развитие социального и жизненного опыта. Подчеркивается определяющая роль мотивационной сферы, социально-коммуникативных умений, навыков принятия будущим специалистом ответственных решений по осуществлению своих социальных функций, осознанное формирование социально приемлемого образа жизни [11. С. 55].

Педагогический аспект профессиональной социализации интересно изложен молодым педагогом-исследователем Т.Г. Затеевой. Автор уточняет, что профессиональная социализация – это многоаспектный, многоуровневый, сложный процесс, результат освоения и активного воспроизводства человеком социально-профессионального опыта, в основе которого находятся профессионально значимые ценности, установки, социальные нормы, элементы корпоративной культуры, реализуемые в общении и деятельности [12. С. 39].

Как видим, в педагогическом ракурсе в исследованиях профессиональной социализации приоритетными являются вопросы формирования личностных и профессиональных качеств молодых специалистов в процессе адаптации к профессиональной среде. К таким качествам научная психолого-педагогическая общественность относит: готовность к освоению нового профессионального знания, профессиональный интерес, стремление к познанию, интеллектуальную активность, самостоятельность, профессиональный взгляд, умение взаимодействовать в профессиональной среде, владение профессиональной терминологией, потребность в самоактуализации и личностном росте.

Для «измерения» уровня и результативности социализации в педагогической науке используется термин «социализированность». Анализ обширного массива научной литературы показал, что в педагогической теории единой точки зрения по вопросу определения сущностных аспектов понятия «социализированность» не представлено. На наш взгляд, социализированность может рассматриваться лишь как промежуточный результат социализации. Социализированность предполагает соответствие человека социальным требованиям, предъявляемым к его возрастному этапу, наличие личностных и социальных предпосылок, обеспечивающих нормативное поведение и социальную адаптацию.

По каким критериям можно определить, в какой степени студент социализирован? На основе многолетних педагогических наблюдений, анализа научных публикаций и собственной исследовательской работы нам удалось выявить условную классификацию критериев. Среди них:

I. Психолого-мотивационная предрасположенность:

– положительная мотивация к овладению изучаемой специальностью;

– позитивный эмоциональный настрой к будущей профессии;

– сформированная система ценностных ориентаций;

– личное чувство готовности студента к профессиональной деятельности.

II. Профессиональное самоопределение:

– закрепление профессиональных намерений;

– осознанный выбор определенной профессионально-трудовой сферы;

– соответствие личностных качеств требованиям выбранной профессии;

– готовность к профессиональному обучению и воспитанию;

– активное вхождение человека в профессионально-трудовую среду;

– успешное овладение профессией (специальностью) в условиях конкретного трудового процесса и производственных отношений;

– полная или частичная реализация личности в самостоятельном труде.

III. Социально-профессиональная адаптация:

– бесконфликтное принятие условий организации вузовского учебного процесса;

– приобретение навыков самостоятельности в учебной и научной работе;

– коммуникативная адаптация: способность к продуктивному взаимодействию в группе, к установлению коллегиальных взаимоотношений;

– создание собственного стиля поведения;

– способность к обучению в процессе пробной профессиональной деятельности в ходе производственных практик;

– стремление к повышению уровня мастерства и профессиональному совершенствованию.

IV. Физическая профпригодность:

– достаточный уровень здоровья;

– общефизическая подготовленность;

– выносливость, способность к выполнению напряженной работы;

– отсутствие вредных привычек, здоровый образ жизни;

– знание и выполнение правил личной и профессиональной гигиены;

– аккуратный, подтянутый, привлекательный внешний вид;

– эмоциональная и психическая уравновешенность.

С нашей точки зрения, для успешной профессиональной социализации студентов необходимо задействовать весь комплекс факторов и педагогических условий, реализуемых в процессе образования. Наш опыт позволяет утверждать, что одним из важнейших факторов профессиональной социализации студентов является физическое воспитание. Исследованию роли физического воспитания в подготовке будущего специалиста уделено внимание в работах Е.С. Левченко, М.Г. Шнайдер [13, 14]. Практика показывает, что в процессе физического воспитания возможно сформировать у студентов высокий уровень социализированности по большей части критериев: психолого-мотивационным, социально-профессиональной адаптации, физической профпригодности.

Критерий профпригодности будущих специалистов по физическим показателям заслуживает особого рассмотрения. Опыт наблюдений в процессе физического воспитания позволяет утверждать следующее. Двигательная активность, эмоциональное общение, атмосфера соревновательной деятельности молодежи, переключение с умственного вида учебного труда на физическую деятельность, навыки работы в команде, воля к победе, положительная мотивация к здоровому образу жизни – это основополагающие факторы, формирующие у студентов профессионально значимые качества. Прежде всего, это высокий уровень здоровья, физическая подготовленность, которые являются элементами успешной профессиональной социализации личности. Достижение этих целей зависит не только от используемых средств, но и от социальной направленности учебно-воспитательного процесса. Согласимся с утверждением В.Г. Шилько о том, что личностно-ориентированное содержание физкультурно-спортивной деятельности, основанное на использовании в учебном процессе спортивно-видовых, общеразвивающих и оздоровительных технологий, способствует формированию мотивации студентов к двигательной активности, оптимизации уровня здоровья, а также повышению общей и специальной физической подготовленности [15. С. 118].

В настоящее время одним из наиболее популярных видов физической культуры в студенческой среде является фитнес. Поэтому вполне закономерным стало включение фитнеса как элективного курса в образовательные программы по физическому воспитанию студентов.

Популярность фитнеса у молодежи рассматривается как:

– кондиционная тренировка, обеспечивающая гармоничное развитие физических качеств;

– социальное явление, затрагивающее разные стороны жизнедеятельности человека;

– привлекательная форма организации отдыха;

– система физкультурного образования [16. С. 115].

Многолетний опыт авторов статьи позволил выявить преимущества фитнеса как вида двигательной активности. Среди них отметим доступность, самостоятельность выбора, индивидуальность, минимальность затрат, функциональность, эмоциональность, разнообразность, результативность, константность. Подчеркнем выявленные функции фитнеса как эффективного фактора социализации студентов:

– оздоровительная, образовательная, воспитательная, развивающая, аксиологическая, интегративная;

– информационная, профессионально-прикладная, спортивно-тренировочная, рекреативная, реабилитационная, гедонистическая, зрелищная [17. С. 87–89].

Анализ физкультурно-спортивных предпочтений студентов вузов города Томска показал, что из всего многообразия элективных курсов фитнес является наиболее востребованным. Об этом свидетельствует динамика количественных показателей. В Национальном Исследовательском Томском политехническом университете (ТПУ, общее количество студентов – 19 000) как в 2015/2016, так и 2016/17 учебных годах количество студентов, выбирающих фитнес в качестве направления физического воспитания, составило 600 человек. В Национальном Исследовательском Томском государственном университете (ТГУ, общее количество студентов – 17 000) в 2015/16 учебном году специализацию «фитнес-аэробика» выбрали 300 студентов, а в 2016/17 учебном году – 400 студентов. В Томском государственном педагогическом университете (ТГПУ, общее количество студентов – 8 000) в 2015/16 учебном году количество студентов, занимающихся в группах оздоровительной фитнес- и аква-аэробики и атлетической гимнастики, составляло 120 человек, в 2016/17 учебном году этот показатель составил 200 человек. Наблюдаемая динамика позволила сделать предположение, что в процессе физического воспитания фитнес может быть использован в качестве средства формирования у студентов соответствия критериям профессиональной социализированности.

Для подтверждения нами было проведено исследование по типу «поперечного среза» с применением методов педагогического наблюдения, беседы и анкетирования. Целью исследования являлось выявление личностных характеристик студенток, развивающихся в процессе занятий фитнесом. В качестве испытуемых были привлечены студентки разных факультетов ТГПУ, обучающиеся по программе элективного курса «Фитнес» второй год (n = 100). Результаты анкетного исследования показали, что систематические занятия фитнесом способствуют формированию следующих личностных характеристик:

– установка на здоровый образ жизни: отказ от вредных привычек, рациональное питание, соблюдение режима труда и отдыха, правил личной гигиены, регулярная двигательная активность;

– понимание роли фитнеса в формировании образа физического «Я»: стремление к достижению спортивного телосложения, поддержание функциональности мышц и суставов, стройная фигура, правильная осанка;

– повышение самооценки своих внешних и личностных качеств, самоуважение;

– уверенность в себе, целеустремленность, сила воли;

– систематические занятия фитнесом активизируют умственную деятельность, развивают музыкально-ритмические способности и эстетический вкус;

– стремление к личностному росту и творческой самореализации;

– открытость в социальных контактах, коммуникабельность, умение взаимодействовать в группе, успешность в установлении отношений.

Как видим, выявленные формируемые качества во многом соответствуют обозначенным критериям профессиональной социализированности молодого человека, будущего специалиста, что подтверждает наше предположение о социализирующем влиянии фитнеса в процессе физического воспитания. Главное – фитнес как привлекательный вид спортивно-оздоровительной деятельности способен выступить эффективным средством формирования аксиологических установок личности, в которых основополагающее место занимает здоровый и активный образ жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Психологический словарь. М., 1996. 440 с.
2. Перинская, Н. А. Социальная идентичность как результат профессиональной социализации // Социологический сборник. Институт молодежи. М. : Социум, 1998. Вып. 4. С. 36–40.
3. Ковалева А.И. Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 109–115.
4. Красноперова А.Г. Профессионально-трудовая социализация в образовательном процессе комплекса // Фундаментальные исследования. 2008. № 2. С. 77–79.
5. Клименко В.А. Профессиональная социализация студентов // Социологический альманах. 2012. № 3. С. 92–102.
6. Кучмиева С.И. Мотивационные факторы профессиональной социализации студентов в период обучения в вузе : автореф. дис. … канд. социол. наук. Волгоград : Волгоградский институт бизнеса, 2007. 24 с.
7. Студеникина Е. С. Профессиональная социализация студентов в вузе: условия и процессы реализации функции : автореф. дис. … канд. социол. наук. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2007. 21 с.
8. Воробьева И.В. Особенности профессиональной социализации студентов, получающих специальность «социальная работа» : автореф. дис. … канд. социол. наук. М. : Московский гуманитарный университет, 2007. 20 с.
9. Мигачева М.В. Сущность и особенности профессиональной социализации молодых специалистов в период трансформации // Вестник Самарского государственного университета. 2007. № 1 (51). С. 95–101.
10. Савва Л.И., Плотникова Е.Б., Рабина Е.И., Рязанова Л.С. Социализация студентов в профессиональном образовании / под общ. ред. Л.И. Савва. М. : Изд. дом Академии естествознания, 2012. 300 с.
11. Маркова С.М. Социализация и профессионализация личности как цель профессионального образования // Теория и практика общественного развития. 2013. № 12. С. 54–56.
12. Затеева Т.Г. Профессиональная социализация студентов педагогического вуза в процессе самостоятельной работы : дис. … канд. пед. наук. Владикавказ, 2016. 171 с.
13. Левченко Е.С. Факторная структура социальной адаптации студентов // Теория и практика физической культуры. 2007. № 3. С. 26–29.
14. Шнайдер М.Г. Педагогические условия формирования физической готовности к профессиональной деятельности у студентов вуза: дис. … канд. пед. наук, Чебоксары, 2009. 171 с.
15. Шилько В.Г. Модернизация системы физического воспитания студентов на основе личностно- ориентированного содержания физкультурно- спортивной деятельности : дис. … д-ра пед. наук. Томск, 2003. 488 с.
16. Чапкович Ж.А. История развития фитнеса как вида двигательной активности населения // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2016. Вып. 8 (173). С. 112–116.
17. Чапкович Ж.А. Профессиональная социализация студентов в процессе физического воспитания как предмет педагогического анализа // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). 2017. Вып. 1 (15). С. 85–91.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 31 мая 2017 г.

PROFESSIONAL SOCIALIZATION OF STUDENTS IN PHYSICAL EDUCATION: THEORY AND PRACTICE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 179–183.
DOI: 10.17223/15617793/420/27

Zhanna A. Chapkovich, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: jannetch@mail2000.ru
Valentina I. Revyakina, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: val.rev@yandex.ru

Keywords: students; education; professional socialization; physical education; fitness.

The paper is devoted to the problem of professional socialization of students. It is noted that the continuous process of upbringing and education, including the stage of study at the university, is fundamental for the effective socialization of young people. Universities are called upon to provide a wide range of compulsory and additional education for the professional development of future specialists. The paper gives a theoretical analysis of the sociological and pedagogical scientific sources on this issue. The aim of this paper is to identify the essential aspects of the professional socialization phenomenon. The approaches of observation, questioning, self-evaluation and pedagogical modeling have made it possible to identify the components of professional socialization of students, including readiness for mastering new professional knowledge, professional and intellectual activities, independence and the ability to interact in a professional environment. The authors singled out the criteria for the professional socialization of students, including psychological-motivational predisposition, conscious professional self-determination, social and professional adaptation and physical capabilities for the profession. From the authors' point of view, these criteria are most in tune with the notion of professional socialization; they suggest a person's compliance with social requirements for their age stage, personal qualities that ensure normative behavior and conflict-free integration of the individual in society. It is established that one of the important factors of professional so-

cialization is physical education, including the most popular form of physical culture – fitness. The long experience of the authors of the paper made it possible to reveal the advantages of fitness as a kind of socializing motor activity. The results of the research proved that the emotional communication of youth in the process of fitness training, teamwork skills, positive motivation for a healthy lifestyle are the fundamental factors that shape students' personally important qualities that are the guarantor of the successful professional socialization of a young person.

REFERENCES

1. Zinchenko, V.P. & Meshcheryakov, B.G. (eds) (1996) *Psikhologicheskiy slovar'* [Psychological dictionary]. 2nd ed. Moscow: Pedagogika-Press.
2. Perinskaya, N.A. (1998) Sotsial'naya identichnost' kak rezul'tat professional'noy sotsializatsii [Social identity as a result of professional socialization]. In: *Sotsiologicheskiy sbornik* [Sociological collection]. Vol. 4. Moscow: Sotsium. pp. 36–40.
3. Kovaleva, A.I. (2003) Kontseptsiya sotsializatsii molodezhi: normy, otkloneniya, sotsializatsionnaya traektoriya [The concept of socialization of youth: norms, deviations, socialization trajectory]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Socis*. 1. pp. 109–115.
4. Krasnoperova, A.G. (2008) Professional'no-trudovaya sotsializatsiya v obrazovatel'nom protsesse kompleksa "litsey–kolledzh–vuz" [Professional-labor socialization in the educational process of the complex "lyceum–college–university"]. *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental Research*. 2. pp. 77–79.
5. Klimenko, V.A. (2012) Professional'naya sotsializatsiya studentov [Professional socialization of students]. *Sotsiologicheskiy al'manakh*. 3. pp. 92–102.
6. Kuchmieva, S.I. (2007) *Motivatsionnye faktory professional'noy sotsializatsii studentov v period obucheniya v vuze* [Motivational factors of professional socialization of students in the period of study at the university]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Volgograd: Volgograd Institute of Business.
7. Studenikina, E.S. (2007) *Professional'naya sotsializatsiya studentov v vuze: usloviya i protsessy realizatsii funktsii* [Professional socialization of students in the university: the conditions and processes of implementing the function]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
8. Vorob'eva, I.V. (2007) *Osobennosti professional'noy sotsializatsii studentov, poluchayushchikh spetsial'nost' "sotsial'naya rabota"* [Features of professional socialization of students majoring in social work]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Moscow: Moscow University for the Humanities.
9. Migacheva, M.V. (2007) Sushchnost' i osobennosti professional'noy sotsializatsii molodykh spetsialistov v period transformatsii [Essence and peculiarities of professional socialization of young specialists in the period of transformation]. *Vestnik Samarskogo gos. un-ta*. 1 (51). pp. 95–101.
10. Savva, L.I., Plotnikova, E.B., Rabina, E.I. & Ryazanova, L.S. (2012) *Sotsializatsiya studentov v professional'nom obrazovanii* [Socialization of students in vocational education]. Moscow: Academy of Natural Sciences.
11. Markova, S.M. (2013) Sotsializatsiya i professionalizatsiya lichnosti kak tsel' professional'nogo obrazovaniya [Socialization and professionalization of the personality as the goal of professional education]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 12. pp. 54–56.
12. Zateeva, T.G. (2016) *Professional'naya sotsializatsiya studentov pedagogicheskogo vuza v protsesse samostoyatel'noy raboty* [Professional socialization of students of a pedagogical university in independent work]. Pedagogy Cand. Diss. Vladikavkaz.
13. Levchenko, E.S. (2007) Faktornaya struktura sotsial'noy adaptatsii studentov [Factor structure of students' social adaptation]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 3. pp. 26–29.
14. Shnayder, M.G. (2009) *Pedagogicheskie usloviya formirovaniya fizicheskoy gotovnosti k professional'noy deyatel'nosti u studentov vuza* [Pedagogical conditions for the formation of physical readiness for professional activity in university students]. Pedagogy Cand. Diss, Cheboksary.
15. Shil'ko, V.G. (2003) *Modernizatsiya sistemy fizicheskogo vospitaniya studentov na osnove lichnostno- orientirovannogo soderzhaniya fizkul'turno- sportivnoy deyatel'nosti* [Modernization of the system of physical education of students on the basis of personal-oriented content of physical culture and sports]. Pedagogy Dr. Diss. Tomsk.
16. Chapkovich, Zh.A. (2016) History of fitness development as a kind of physical activity of the population. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*. 8 (173). pp. 112–116. (In Russian).
17. Chapkovich, Zh.A. (2017) Professional socialization of students in the process of physical education as the subject of pedagogical analysis. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie – Pedagogical Review*. 1 (15). pp. 85–91. (In Russian).

Received: 31 May 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 184–191. DOI: 10.17223/15617793/420/28

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.4

Н.П. Лукина, П.В. Сазонова

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ СОВРЕМЕННЫХ СЕМЕЙНО-ГЕНДЕРНЫХ ПРАКТИК

Статья посвящена анализу аксиологических оснований моделей семейной политики в современных западных обществах. Аналитика семейных отношений осуществлена в контексте идеологической доктрины государства всеобщего благосостояния и позднейших трансформаций семейно-гендерных практик. Представлен аргументированный вывод о том, что, несмотря на масштабные трансформации института семьи, он остается эксклюзивным агентом, выполняющим основные социокультурные функции: репродуктивную, экзистенциальную, социализирующую.

Ключевые слова: информационное общество; аксиологические основания; семья; жизненный цикл; социально-демографические факторы; деинституциализация семейных отношений; семейная политика.

Введение. В последние десятилетия стремительно и нелинейно меняющиеся социально-экономические, демографические и семейно-гендерные параметры современных обществ выступают объектом социального теоретизирования и прогнозирования, требуя при этом нестандартных методологических решений. Г. Эспин-Андерсен утверждает: «Мы живем во времени, кажущемся необычным, эпохальным. Социология может быть помещена между известной, названной «индустриальным обществом как оно есть», – и неизвестной, развивающейся, пока безымянной, общественной формацией… Как же постичь то, что развивается?» [1. С. 22; 2].

Новую социальную формацию принято называть информационным, или постиндустриальным, обществом, практикуя употребление этих номинаций как синонимичных [3–5]. К числу важнейших направлений изучения информационного общества относятся исследования проблем и последствий повсеместной информатизации с точки зрения ее влияния на социокультурные и экзистенциальные процессы в современных обществах. В междисциплинарном поле европейских и отечественных исследований фиксируются разнообразные признаки продолжающейся трансформации аксиологических основ социо- и- антропосферы: меняются традиционные ценности семьи, любви, самоидентификации, творчества.

Становление социальной реальности в ее информационной стадии совпадает с антропологическим кризисом, симптомами которого являются индивидуализация и рационализация современного общества [6, 7]. Деинституциализация и модернизация семейных отношений приводят к тому, что традиционный зарегистрированный брак перестает быть единственным легитимным институтом с правом контроля над сексуальностью, деторождением и гендерной идентификацией, уступая место новым форматам брачно-семейных союзов [8–10]. Европейская социология предлагает понятие *постсемьи* как гибкой формы репродуктивного и интимного поведения, которая легитимируется договором между партнерами и тем самым выходит за пределы компетенций публичного контроля и морализаторства [7, 8]. Отечественная социологическая традиция предлагает называть данный тип *супружеской (постсовременной) моногамной семьей*, подчеркивая, что подобный союз строится вокруг разнообразных (не обязательно совместных) интересов и ценностей супругов, на фундаменте которых затем возникают родительские поведенческие паттерны [11].

Следствием структурных и аксиологических трансформаций института семьи становится повсеместный рост числа внебрачных рождений, разводов, повторных браков и нелегитимных ранее партнерских союзов. В результате возникают новые идентичности и формы социального взаимодействия: например, совместно проживающие дети от разных браков или дублированные идентичности отца в случае повторного брака матери. Структура семьи становится более неоднородной и зачастую включает в себя не только родственные связи, но также наемных работников, друзей и даже виртуальные контакты и сообщества. Внутри подобных расширенных семейных сетей формируются отличные от традиционных паттерны заботы, поддержки и ресурсообмена, которые дополняют либо компенсируют неэффективные государственные и социальные институты [12].

Общественный и академический дискурс предлагает различные, зачастую полярные оценки современных трансформаций брака и семьи. Наряду с теми, кто рассматривает их как следствие распространения ценностей эгоистического индивидуализма, карьеризма и потребительства [13, 14], есть другие социальные теоретики, которые фиксируют тенденции перехода от традиционных несбалансированных гендерных паттернов к более свободным и равноправным биографическим проектам [7, 8, 15].

Постановка проблемы исследования. Семья – это определенным образом организованная социализация, осуществляемая в интересах личности и общества. Модель семьи всегда опирается на некую теорию общества, имплицитно или эксплицитно подразумевающую, что это правильное или, в терминологии В. Федотовой, *хорошее общество* [16].

Семейные отношения и семейная политика относятся к тем социальным институтам, которые обладают четко выраженными аксиологическими параметрами. Аксиология задает особое видение целей, методов и механизмов воспроизводства семейных отношений. Аксиологическая система семейных отноше-

ний является также практически ориентированной программой, теоретические оформления которой проникают в общественную дискуссию, темами которой оказываются вопросы модернизации семьи, ее демографические характеристики, лежащие в основе успешности национальных экономик.

Проблема предпринятого исследования может быть сформулирована в вопросительном модусе: каким образом и в каком направлении трансформируется аксиологический фундамент семейно-гендерных отношений в социальных реалиях современного общества?

Методологические основания исследования. Очевидно, что обсуждение заявленной проблематики будет аналитически валидным только в рамках междисциплинарного подхода, содержащего потенциал формирования категориального и методологического аппарата для адекватного исследования сферы семейно-гендерных отношений, рассмотренных в аксиологическом ракурсе. Предлагаемый подход представляет собой социально-философскую рефлексию, осуществляемую на основе результатов социологического, сравнительно-исторического, культурологического, экономического, политологического, демографического анализа. Эта методология позволяет интегрировать принципы изучения и оценки теоретических взглядов и представлений о культурно-исторических истоках и динамике развития семейной политики, а также социокультурных механизмах функционирования семейных отношений, регулируемых системой норм, идеалов, ценностей.

Что является содержательным теоретическим основанием исследования семейных отношений в аксиологическом аспекте с учетом его междисциплинарных интенций? На наш взгляд, семья как социальный институт и объект рефлексивной модернизации нуждается в аксиологическом обосновании как предельном варианте влияния на нее со стороны философии.

Аксиологическая проблематика выделилась из контекста онтологических и гносеологических исследований, а понятие ценности приобрело категориальный философский статус. Основными проблемами аксиологии являются вопросы происхождения ценностей, причины изменения ценностных систем. Важными оказываются исследование механизмов внедрения ценностей в общество и характеристика субъектов (творческих индивидов или социальных групп), продуцирующих и продвигающих ценности. В рамках аксиологической традиции социальная жизнь трактуется как совместная форма деятельности по производству материальных и духовных ценностей в рамках социальных институтов и социальных практик. Под практикой, вслед за Э. Гидденсом, мы будем понимать социальные конструкты, которые отражают способность людей изменять обстоятельства своей жизни и одновременно воспроизводить социальные условия, т.е. знания и ресурсы, унаследованные из прошлого. Гидденс артикулирует тезис о возобновляющейся природе социальной жизни, где правила, нормы, ресурсы, которыми мы пользуемся, получая положительный результат, подтверждают их ценность и закрепляются в традиции. Социальное воспроизводство как репродукция связано с пониманием того, как упорядочивается социальная жизнь, как она создает паттерны, каким образом институты и структуры воспроизводятся во времени, обеспечивают непрерывность культурной традиции [17].

Исходя из сформулированных методологических положений, обратимся к анализу ценностных оснований семейно-гендерных отношений в контексте их трансформации при переходе от традиционных к современным моделям семейной политики.

Дискуссия

1. Традиционные подходы к семейной политике. Становление классических моделей семейной политики происходит в условиях развития идеи и практики государства всеобщего благосостояния, регулирующего сферы занятости и социальной заботы [18]. Вмешательство государства в жизнь семьи опосредовано функцией распределения различных видов ресурсов и благ, а также связано с нормативным закреплением того, кто – семья, государство или рынок – осуществляет функции заботы в обществе.

Государства всеобщего благосостояния, ориентированные на максимизацию трудового участия всех его членов, рассматривают оплачиваемую работу в качестве связующего звена между индивидами и обществом и центрального компонента в концепции гражданства, маркируя тем самым неоплачиваемые заботу и уход в качестве второстепенных задач [10]. С позиции работающей женщины выбор в пользу той или иной модели семейной политики означает, буквально, наличие или отсутствие определенных видов и объема поддержки, на которую она может рассчитывать в ситуации совмещения занятости и материнства. Так, в рамках *либеральной модели* семейной политики государство проводит минималистическую социальную политику, оказывая поддержку наиболее нуждающимся категориям граждан и делегируя функции ухода рыночным институтам. *Консервативная модель* закрепляет традиционное гендерное разделение труда в публичной и приватной сферах за счет максимизации государственной поддержки нормативного семейного союза в составе работающего мужа и жены-домохозяйки, чья жизнь строится преимущественно вокруг интересов семьи и детей. *Социально-демократическая модель* семейной политики предполагает предоставление широкого спектра социальной поддержки всем семьям параллельно с реализацией комплекса мер, направленных на стимулирование занятости обоих супругов [1]. Последняя модель, некоторое время назад считавшаяся наиболее перспективной и реализующаяся, например, в Скандинавских странах, подвергается критике как порождающая тотальную зависимость личности от государства и разрушающая солидарные основы семьи [19. С. 313–314].

Формула поиска баланса работы и заботы является одной из самых активно обсуждаемых тем в европейском академическом дискурсе, который, как нам представляется, наиболее преуспел в определении оптимальных условий и стратегий совмещения занятости и родительства. Проиллюстрируем это теоретической дискуссией по поводу практик регулирования

занятости и ухода в рамках социально-философского и социологического дискурсов.

Гендерная экспертиза структурных и аксиологических оснований семейной политики государств всеобщего благосостояния раскрывает потенциал категории *режима заботы*, маркирующей нормативно одобряемых и поощряемых субъектов осуществления практик заботы в обществе на семейном и институциональном уровнях. Замечено, что страны, проводящие либеральную семейную политику, тяготеют к маркетизации заботы, в то время как консервативная модель семейной политики предполагает высокую степень приватизации заботы за счет осуществления ее в рамках домохозяйств. Социально-демократическая модель характеризуется тенденцией этатизации заботы, т.е. распространением практики ее аутсорсинга доступным государственным институтам [20]. Анализ с иных исследовательских позиций обнаруживает пять режимов заботы: полное материнство, когда женщина посвящает все свое время уходу и воспитанию ребенка; участие обоих родителей в осуществлении ухода за ребенком; расширенное материнство при участии в уходе и воспитании ребенка других родственников; суррогатную материнскую заботу за счет привлечения оплачиваемого персонала; профессиональную заботу, осуществляемую институтами государства и рынка [21].

Часто цитируется и выступает теоретическим фундаментом для многих исследовательских инициатив в русле гендерной социологии концепция эмоционального труда, предложенная А.Р. Хохшильд. Она содержит типологию моделей заботы, представленную традиционной моделью, согласно которой неоплачиваемый труд по уходу за детьми и прочими членами семьи возлагается на неработающую женщину; постсовременной моделью, предполагающей совмещение женщинами профессиональных и родительских обязанностей без дополнительной помощи со стороны государства, работодателя или партнера; современной моделью холодной заботы, основанной на предоставлении безличной институционализированной заботы в детских учреждениях и домах престарелых, а также современной моделью теплой заботы, совместно осуществляемой членами домохозяйства при незначительном участии государственных или рыночных институтов [22].

Важным в контексте данной дискуссии представляется наблюдение о том, что государственная политика в сфере семьи и родительства вступает в сложные интеракции с гендерной культурой общества, в результате чего в кросс-культурном контексте могут быть обнаружены шесть семейных/гендерных моделей: модель семейной экономики, модель мужчины-кормильца и женщины-домохозяйки, модель мужчины-кормильца и женщины частично домохозяйки, модель двух кормильцев в сочетании с государственным уходом за детьми, модель двух кормильцев/двух домохозяев, модель двух кормильцев/наемной женщины домохозяйки [23].

Таким образом, мы полагаем, что на уровне конкретного домохозяйства организация разделения труда будет тяготеть к той модели организации семейной экономики, которая позволит максимизировать выгоды, в том числе материальные, для всех его членов, исходя из институциональных условий и культурного контекста соответствующего общества, а также индивидуальных социодемографических характеристик партнеров: классовой принадлежности, уровня образования, состава семьи.

2. Современные семейно-гендерные практики: аксиологические проекции. Радикально изменившиеся социальные, культурные и технологические условия современных обществ фиксируют исчерпанность символических ресурсов предшествующего периода и необходимость поиска новых ценностей, способных определить вектор дальнейшего развития семьи как важного общественного института.

Обратимся к наиболее значимым векторам социетальных трансформаций, которые могут быть рассмотрены в качестве контекста и предпосылок формирования современных подходов к семейной политике.

Исследователи акцентируют внимание на изменениях структуры и связности жизненного цикла современных индивидов за счет роста подвижности и вариабельности траекторий перехода личности к взрослости. Этот процесс существенным образом растягивается во времени из-за роста временных затрат на образование и распространения практики контроля репродуктивности [24].

С позиций демографии структурные изменения института семьи и биографических паттернов трактуются как проявления второго демографического перехода, к признакам которого относят актуальные для развитых стран проблемы недостаточной для простого воспроизводства населения рождаемости и стремительного постарения [25]. В совокупности это провоцирует рост социально-экономической нагрузки на так называемое сэндвич-поколение и, соответственно, стимулирует общественную риторику о необходимости выработки новых моделей социальной и семейной политики.

Рост важности качественного образования и интересной работы для женщин приводит к изменению комплекса социальных норм поведения, в том числе брачного и репродуктивного. За последние 20–30 лет в развитых странах среднее количество детей в семье сократилось с 2,9 до 1,6 ребенка; средний возраст первого рождения у женщины увеличился на 5 лет; утроилось количество женщин, имеющих полную занятость, причем самая активно растущая категория представлена матерями, воспитывающими детей дошкольного возраста [10. P. 15]. При этом низкая и поздняя фертильность более характерна для образованных женщин среднего класса, так как материнство, а также сопутствующий ему перерыв в занятости становятся для них все более рискованным биографическим проектом за счет прямых финансовых потерь и девальвации квалификации.

Возросшая фрагментация общественного пространства и индивидуализация жизненных циклов (образовательного, брачно-семейного, досугового и проч.) позволяет К. Юрчук рассматривать время в качестве новой категории гендерного неравенства. Озадаченная собственным опытом совмещения заня-

тости и материнства, социолог аргументированно показывает, что женщины находятся в более противоречивых взаимоотношениях со временем в связи с потребностью в самореализации, с одной стороны, и необходимостью удовлетворять большое число конфликтующих запросов со стороны семьи и социального окружения, с другой. Преимущества от жизни сразу в двух сферах смогут получить лишь те, кто посредством аккумуляции финансовых, институциональных и сетевых ресурсов смогут достичь баланса в управлении публичными и приватными пространствами. Обратная ситуация чревата асинхронизацией жизни в условиях нехватки ресурсов и навыков управления временным бюджетом [26]. Количественные исследования мобильности работающих мужчин и женщин также свидетельствуют, что женщины, будучи функционально привязанными к домохозяйству и семье, оказываются ограниченными в выборе форм занятости: например, в меньшей степени склонны соглашаться на работу, связанную с частыми командировками [27].

Важную роль в выборе паттернов фертильности и занятости продолжает играть наличие инструментальной, материальной и эмоциональной поддержки женщины со стороны других членов семьи. Эмоциональные инвестиции со стороны старших родственников играют роль дополнительного стимула при решении вопроса о рождении детей в экономически благополучных семьях [28]. С другой стороны, проявляются эмпирические свидетельства трансформации межпоколенческих связей в организации внутрисемейного обмена: бабушки все в меньшей степени воспринимаются в качестве ресурса инструментальной поддержки, особенно средним классом [29, 30]. Это обусловлено усилением тенденции к автономизации и пространственной удаленности поколений друг от друга, но также связано с изменением ценностных ориентаций по поводу воспитания и образования детей. Новые форматы коммуникации и ресурсообмена, составляющие архитектуру информационного общества, позволяют молодым семьям все больше ориентироваться на межсетевые контакты и группы поддержки, что девальвирует практику участия в уходе и воспитании старшего поколения, ранее выступавшего в качестве транслятора ценностей, знаний и опыта.

Актуальные европейские исследования выявляют особый характер дружеских связей, которые начинают иметь все больший вес в структуре организации ухода и поддержки. Эмпирические данные свидетельствуют о размывании границ восприятия семейных и дружеских отношений, когда оба типа оцениваются как одинаково значимые и функционально взаимозаменяемые [31].

Уход и воспитание детей в современных обществах, таким образом, имеет сложную конфигурацию, учитывающую взаимные интересы и потребности всех членов семьи и включающую государство, рыночные организации, третий сектор, социальные сети [32]. На смену косным в структурном и ценностном планах взаимоотношениям между поколениями приходят новые многообразные формы *рефлексивного* родительства, требующего от партнера(ов) разнообразных ресурсов и компетенций, а также личностной зрелости. Идентичность хорошей матери не содержит более этической дилеммы выбора между полнотой собственной жизни и интересами детей, но, напротив, связана с высоким уровнем профессиональной и социальной активности женщины как предпосылки аккумуляции экономического и социокультурного капитала для последующей его инвестиции в детей.

В современных концепциях семьи артикулируется новый тип отцовства: ответственного, вовлеченного, более богатого как в содержательном, так и в эмоциональном смысле. Нормативные представления о хорошем отце отныне не только включают ответственность за финансовое благополучие детей, но также признают важность содержательного и эмоционального участия в многообразных совместных практиках. Большинство исследователей склонны рассматривать современный тип отцовства в качестве новой функциональной практики молодых образованных мужчин среднего класса [10, 32, 33], однако некоторые европейские исследования свидетельствуют о ее распространении на менее образованные группы [34]. Заметим также, что в странах, где описанный тип отцовства получает наибольшее распространение, он становится не только отражением ценностных трансформаций семьи и родительства, но также результатом целенаправленного и системного воздействия государства посредством имплементации гендерно сбалансированной семейной политики (например, в странах Северной Европы).

Обозначенная дискуссия, на наш взгляд, свидетельствует о том, что трансформации социально-экономических отношений в парадигме информационного общества означают наиболее ощутимые изменения в жизненном укладе среднего класса. Более того, использование гендера в качестве дополнительной переменной анализа позволяет предположить, что именно женщины – представительницы нового среднего класса, ставящие перед собой задачу качественного и гармоничного сочетания профессиональной и семейно-родительской самореализации, оказываются уязвимой категорией в современных обществах. Согласимся с Е. Рождественской, что перед ними со всей остротой встает задача поиска *баланса работы и жизни* как формулы оптимального сочетания обязанностей и самореализации [35]. Ж. Чернова подчеркивает, что для образованного городского среднего класса важным требованием к себе остается сохранение высоких стандартов заботы и поддержание личного контакта с детьми [32]. Данные паттерны, очевидно, носят кросс-культурный характер. Женщины – представительницы европейских средних классов рассматривают повседневные практики занятий, игр, учебы, ухода, поддержки и эмоционального сопереживания в качестве важнейших в формировании семейной солидарности и не желают делегировать их третьим лицам [10]. Среднеклассовые паттерны образования, наряду с ответственным подходом к выбору школы и вуза, подразумевают важность раннего образовательного старта в виде разнообразных видов развивающей активности для детей дошкольного возраста.

Появление социальной группы работающих и карьерно ориентированных матерей сформулировало

запрос на разработку и реализацию отдельного направления социальной политики, ориентированной на устранение барьеров и создание условий для совмещения профессиональных и семейно-родительских ролей. При этом если в предыдущий период основным объектом регулирования рассматривались исключительно женщины и их положение на рынке труда, то в современной перспективе усилия государства сосредоточены на разработке мер, призванных сбалансировать гендерные взаимоотношения в публичной и приватной сферах. Согласованное взаимодействие между мерами государственной поддержки (отпуска по беременности и родам, налоговое регулирование) и условиями труда (возможности удаленной, гибкой и неполной занятости), а также наличие доступной инфраструктуры по уходу за ребенком может создать благоприятный социальный климат, который, наконец, позволит работающим матерям освободиться от бремени двойной нагрузки.

Плодотворный диалог власти и науки в европейской практике находит выражение в реально функционирующих моделях семейной политики [36, 37]. В условиях трансформирующейся социальной реальности в конце 20-го в. на смену традиционной семейной политике, ориентированной на поддержку материнства и детства, приходит гендерно чувствительная политика *баланса семьи и работы*, институализирующая практики и поддержки, которые позволяют работающим взрослым выполнять родительские обязанности. Основные направления реализации этой политики связаны с развитием правовой, материальной и сервисной поддержки родительства: имплементацией норм и рекомендаций Европейского союза в области гендерного равенства; внедрением гибкой системы компенсации и оплаты родительского труда в виде пособий и отпусков; созданием инфраструктуры образовательных и досуговых сервисов для семей с детьми разных возрастов; включением работодателей в число акторов семейной политики и стимулированием их к созданию дружественных семье условий труда и устранению барьеров на пути становления практики вовлеченного отцовства. При этом, важно, чтобы мероприятия в рамках семейной политики были системным образом вписаны в более широкий контекст государственных инициатив, комплементарно воздействующих на общественные аттитюды по поводу занятости и родительства.

Несмотря на то, что в последние десятилетия многие страны сделали серьезные шаги на пути утверждения паритета прав и обязанностей мужчин и женщин в профессиональной и лично-семейной сферах, ни одна страна в мире до сих пор не достигла гендерного равенства [38]. Показателями живучести супрессивных тенденций в отношении женщин является хотя и сокращающийся, но все же заметный гендерный дисбаланс во власти и на руководящих должностях, а также сохраняющийся разрыв в доходах [39, 40]. Не устранена гендерная асимметрия в приватной сфере: активному вовлечению женщин в сферу занятости мужчины отвечают более скромным участием в домашних делах [41, 42]. Важным достижением представляется уход академического дискурса и властной риторики в ряде государств от бескомпромиссной дихотомии феминизм/традиционализм в представлениях о том, что было бы лучше всего для всех женщин, и признание естественного плюрализма ценностей, интересов и жизненных путей [43. P. 4].

В европейском контексте важность системной реакции на глобальные социетальные трансформации артикулирована в академическом дискурсе последних десятилетий. В ходе масштабного международного исследования было обнаружено, что степень влияния как негативных, так и позитивных эффектов глобализации на общество зависит от социальной, экономической и семейной политики государства [44]. Большой корпус кросс-национальных исследований подтверждает значимость влияния мер семейной политики на положение женщин на рынке труда [45–47]. В научном сообществе достигнуто понимание того, что проблема низкой рождаемости обусловлена комплексом институциональных, социокультурных и ценностно-мотивационных факторов, а потому не может быть решена исключительно пронаталистскими социально-политическими мерами. Снятие напряжений мыслится за счет имплементации гендерно сбалансированной семейной политики: государству необходимо формировать максимально благоприятную среду для сочетания и примирения конфликтующих друг с другом запросов профессиональной и семейно-родительской самореализации путем объединения усилий и ресурсов государства, рынка и семьи.

Современная семейная политика, таким образом, должна представлять собой гибкий и многоаспектный комплекс норм и мероприятий, отражающих динамику социальных трансформаций, но также учитывающих исходный культурно-исторический контекст и гендерный уклад общества. На идейном уровне она должна опираться на принцип признания многообразия индивидов с точки зрения ценностных ориентиров и выстраиваемых на их основе семейно-репродуктивных паттернов.

Проведенный анализ позволяет сформулировать некоторые выводы.

Во-первых, междисциплинарная область исследования семейных отношений оказывается в зоне активных интервенций разнонаправленных интересов конкретных дисциплин, регионов знания, практической политики, что требует выделения собственного дисциплинарного ядра или основания, которым может стать аксиология с ее теоретическим и методологическим арсеналом, способным концептуализировать и объяснить сущность трансформации современных семейных отношений с позиции их ценностной детерминации.

Во-вторых, радикально изменившиеся социальные и технологические условия современных обществ повлияли на характер семейно-гендерных отношений с точки зрения подвижности их границ. С этим связана необходимость решения проблем исчерпанности символических ресурсов предшествующего периода и поиска новых идеалов и ценностей, способных определить вектор общественного развития, в том числе семьи как важнейшего социального института.

В-третьих, зарубежный и отечественный академический дискурс, признавая масштабность современ-

ных трансформаций института семьи, тем не менее не подвергает сомнению его статус эксклюзивного социального агента общественного воспроизводства за счет выполнения репродуктивной, экзистенциальной и социализирующей функций.

В-четвертых, современное общество существует в условиях острого дефицита трудовой силы, а потому государство не может позволить себе решать актуальные задачи на рынке труда в ущерб долгосрочным демографическим потребностям. Только в том обществе, где государство внедряет практику компенсации части родительских затрат и издержек, семья в состоянии выполнять функции расширенного общественного воспроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьева И. Российская социальная политика в последние годы: между уже пройденным путем и все еще неопределенным будущим // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5, № 1.
2. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge : Polity Press, 1990.
3. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М. : Аспект Пресс, 2004.
4. Bell D. The coming of the post-industrial society. The Educational Forum // Taylor & Francis Group. 1976. Vol. 40, № 4. P. 574–579.
5. Иноземцев В. Постиндустриальный мир Даниела Белла // Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.
6. Bauman Z. Liquid modernity. London : John Wiley & Sons, 2013.
7. Giddens A. The transformation of intimacy: Sexuality, love and eroticism in modern societies. London : John Wiley & Sons, 2013.
8. Beck U., Beck-Gernsheim E. Families in a runaway world // The Blackwell companion to the sociology of families. 2004. P. 499–514.
9. Cherlin A. J. The deinstitutionalization of American marriage // Journal of marriage and family. 2004. Vol. 66, № 4. P. 848–861.
10. Williams F. Rethinking families. London : Calouste Gulbenkian Foundation, 2004.
11. Кузьмина К. Трансформация модели семьи и потребностей в социальной защите в условиях соцтально-демографических и социально-экономических перемен // Журнал исследований социальной политики. 2008. № 6 (2). С. 201–216.
12. Hank K., Kreyenfeld M. A multilevel analysis of child care and women's fertility decisions in Western Germany // Journal of Marriage and Family. 2003. Vol. 65 (3). P. 584–596.
13. Etzioni, A. The Parenting Deficit. London : Demos, 1993.
14. Лексин В. Н. Государственная семейная политика и обычная русская семья // Общественные науки и современность. 2010. № 2. С. 57–69.
15. Beck-Gernsheim E. Reinventing the family. In search of new lifestyles // Polity. 2002.
16. Федотова В. Хорошее общество. М. : Прогресс-Традиция, 2005.
17. Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. University of California Press Berkley and Los Angeles, 1984.
18. Daly M., Rake K. Gender and the Welfare State. Care, Work and Welfare in Europe and the USA. Cambridge : Polity Press, 2003.
19. Чернова Ж. Кто, о ком и на каких условиях должен заботиться? Гендерный анализ режимов заботы и семейной политики // Журнал исследований социальной политики. 2011. № 9 (3). С. 295–318.
20. Lewis J., Daly M. The concept of social care and the analysis of contemporary welfare states // British Journal of Sociology. 2000. Vol. 51 (2). P. 281–298.
21. Kremer M. The Politics of Ideals of Care: Danish and Flemish Child Care Policy Compared // Social Politics: International Studies in Gender, State and Society. 2006. Vol. 13 (2). P. 261–285.
22. Hochschild A. R. The managed heart: Commercialization of human feeling. University of California Press, 2003.
23. Pfau-Effinger B. Gender cultures and the gender arrangement - a theoretical framework for cross-national comparisons on gender // Innovation: the European Journal of Social Sciences. 1998. Vol. 11. P. 147–166.
24. Солодников В. Глобальные демографические и институциональные изменения семьи // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 152–154.
25. Van de Kaa D.J. The Second Demographic Transition Revisited: Theories and Expectations. Population and Family in the Low Countries / ed. by G.C.N. Beets et al. Lisse, Zwets and Zeitlinger, 1993. P. 81–126.
26. Jurczyk K. Time in Women's Everyday Lives Between Self-Determination and Conflicting Demands // Time & Society. 1998. Vol. 2–3. P. 283–308.
27. Schneider N.F., Ruppenthal S., Lück D. Beruf, Mobilität und Familie // Zukunft der Familie. Prognosen und Szenarien. Opladen, 2009. S. 111–136.
28. Tanskanen A.O., Rotkirch A. The impact of grandparental investment on mothers' fertility intentions in four European countries // Demographic research. 2014. Vol. 31. P. 1–26.
29. Zdravomyslova E. Working mothers and nannies: Commercialization of childcare and modifications in the gender contract (a sociological essay) // Anthropology of East Europe Review. 2010. Vol. 28 (2). P. 200–225.
30. Utrata J. Babushki as surrogate wives: How single mothers and grandmothers negotiate the division of labor in Russia. Berkeley Program in Eurasian and East European Studies, 2008.
31. Pahl R., Spencer L. Personal Communities: Not Simply Families of "Fate" or "Choice" // Current Sociology. 2004. Vol. 52 (2). P. 199–221.
32. Чернова Ж. Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 288 с.
33. Рождественская Е. Отцовство: либеральный тренд от отца к папе? // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 75–89.
34. Ferri E., Bynner J., Wadsworth M. Changing Britain, Changing Lives: Three Generations at the Turn of the Century. University of London, 2003.
35. Рождественская Е. Биография как социальный феномен и объект социологического анализа. М., 2012. 555 с.
36. Lewis J. Work-family balance, gender and policy. Edward Elgar Publishing, 2009.
37. Leitner S., Ostner I., Schmitt C. Family policies in Germany. VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. S. 175–202.
38. Bekhouch Y. et al. The global gender gap report. Geneva, Switzerland : World Economic Forum, 2013.
39. Ebert I.D., Steffens M.C., Kroth A. Warm, but maybe not so competent? // Contemporary implicit stereotypes of women and men in Germany. Sex roles. 2014. Vol. 70 (9–10). P. 359–375.
40. Leschke J., Jepsen M. Is the Economic Crisis Challenging the Prevailing Gender Regime? A Comparison of Denmark, Germany, Slovakia, and the United Kingdom // Social Politics: International Studies in Gender, State & Society. 2014. Vol. 21 (4). P. 485–508.
41. Sullivan O. Changing gender relations, changing families: Tracing the pace of change over time. Lanham, MD : Rowman & Littlefield, 2006.
42. Cooke L.P. Persistent policy effects on the division of domestic tasks in reunified Germany // Journal of Marriage and Family. 2007. Vol. 69 (4). P. 930–950.
43. Xydias C. Women's Rights in Germany: Generations and Gender Quotas // Politics & Gender. 2014. Vol. 10 (01). P. 4–32.
44. Lange A., Jurczyk K. The Globalized Family // DJI-Bulletin. 2010. P. 4–6.
45. OECD. Female labour force participation: past trends and main determinants in OECD countries. OECD Economic Policy Reforms. Paris. 2005. P. 161–174.

46. Kenworthy L. Jobs with Equality. Oxford : Oxford University Press, 2008.
47. Pettit B., Hook J.L. Gendered Tradeoffs: Family, Social Policy, and Economic Inequality in Twenty One Countries. New York : Russell Sage Foundation, 2009.

Статья представлена научной редакцией «Социология, политология» 29 мая 2017 г.

AXIOLOGICAL PROJECTIONS OF MODERN FAMILY-GENDER PRACTICES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 184–191.
DOI: 10.17223/15617793/420/28

Nelly P. Lukina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lukinanp1@gmail.com
Polina V. Sazonova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lukinapv@rambler.ru

Keywords: information society; axiological foundations; family; life cycle; socio-demographic factors; deinstitutionalization of family relations; family policy.

The article discusses the axiological foundations of family policy in contemporary Western societies. The analysis is carried out within the framework of a welfare state ideology and current transformations of family and gender relations. The authors consider traditional and modern approaches to the family and gender diversity of modern societies which has become one of the central issues of the socio-humanitarian discourse. Family relations and family policy are among those social institutions that have distinct axiological characteristics. Axiology forms a set of goals, methods, and mechanisms for the reproduction of family relations. Reflections on the axiological parameters of modern family relations penetrate into the public debate. The issues highly discussed are the modernization of a family, its changing gender and demographic characteristics, its impact on the development of national economies. Radical social, economic and technological transformations of modern societies affect the nature of family and gender relations. Traditional wedlock is no longer the only legitimate institution that has the power to control sexuality, reproduction and gender identification. New patterns of marriage and family relations emerge. The family structure becomes more heterogeneous and often includes not only family ties, but also employees, friends and virtual communities. Different types of care, support and resource exchange within the extended family networks are formed. They perform complementary and substitutive functions for inefficient state and social institutions. The research question is: How do the axiological foundations of family and gender relations in modern societies transform? The methodology of the research is an interdisciplinary approach to the family, which unites the knowledge from philosophy, sociology, culture studies, political science, economics and demography. The authors convincingly show that, despite the significant transformations of a family, it remains an exclusive institution that performs the basic socio-cultural functions, mainly reproductive, existential, socializing. The elimination of tensions and contradictions caused by axiological transformations of modern social reality is possible by means of the implementation of a gender-balanced family policy. The authorities need to create the most favorable environment for families, which enables working parents to combine professional and family duties. This requires the combination of efforts and resources of the state, the market and the family.

REFERENCES

1. Grigor'eva, I. (2007) Rossiyskaya sotsial'naya politika v poslednie gody: mezhdu uzhe proydennym putem i vse eshche neopredelennym budushchim [Russian social policy in recent years: between the path already traversed and the future still uncertain]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. 5, 1.
2. Esping-Andersen, G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity Press.
3. Webster, F. (2004) *Teorii informatsionnogo obshchestva* [Theories of the Information Society]. Translated from English. Moscow: Aspekt Press.
4. Bell, D. (1976) The coming of the post-industrial society. *The Educational Forum*. Taylor & Francis Group. 40:4. pp. 574–579.
5. Inozemtsev, V. (1999) Postindustrial'nyy mir Daniela Bella [The post-industrial world of Daniel Bell]. In: Bell, D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo* [The coming of the post-industrial society]. Moscow: Academia.
6. Bauman, Z. (2013) *Liquid modernity*. London: John Wiley & Sons.
7. Giddens, A. (2013) *The transformation of intimacy: Sexuality, love and eroticism in modern societies*. London: John Wiley & Sons.
8. Beck, U. & Beck-Gernsheim, E. (2004) Families in a runaway world. In: Scott, J., Tres, J, & Richards, M. (eds) *The Blackwell companion to the sociology of families*. London: Blackwell Publishing.
9. Cherlin, A.J. (2004) The deinstitutionalization of American marriage. *Journal of Marriage and Family*. 66 (4). pp. 848–861.
10. Williams, F. (2004) *Rethinking families*. London: Calouste Gulbenkian Foundation.
11. Kuz'mina, K. (2008) Transformatsiya modeli sem'i i potrebnostey v sotsial'noy zashchite v usloviyakh sotstal'no-demograficheskikh i sotsial'no-ekonomicheskikh peremen [The transformation of the family model and the needs for social protection in the context of socio-demographic and socio-economic changes]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. 6 (2). pp. 201–216.
12. Hank, K. & Kreyenfeld, M. (2003) A multilevel analysis of child care and women's fertility decisions in Western Germany. *Journal of Marriage and Family*. 65 (3). pp. 584–596.
13. Etzioni, A. (1993) *The Parenting Deficit*. London: Demos.
14. Leksin, V.N. (2010) Gosudarstvennaya semeynaya politika i obychnaya russkaya sem'ya [State family policy and the usual Russian family]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2. pp. 57–69.
15. Beck-Gernsheim, E. (2002) *Reinventing the family. In search of new lifestyles*. Cambridge: Polity Press.
16. Fedotova, V. (2005) *Khoroshee obshchestvo* [Good society]. Moscow: Progress-Traditsiya.
17. Giddens, A. (1984) *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Berkley; Los Angeles: University of California Press.
18. Daly, M. & Rake, K. (2003) *Gender and the Welfare State. Care, Work and Welfare in Europe and the USA*. Cambridge: Polity Press.
19. Chernova, Zh. (2011) Kto, o kom i na kakikh usloviyakh dolzhen zabotit'sya? Gendernyy analiz rezhimov zaboty i semeynoy politiki [Caring: Who, about who and on what conditions? Gender analysis of care regimes and family policy]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. 9 (3). pp. 295–318.
20. Lewis, J. & Daly, M. (2000) The concept of social care and the analysis of contemporary welfare states. *British Journal of Sociology*. 51 (2). pp. 281–298.
21. Kremer, M. (2006) The Politics of Ideals of Care: Danish and Flemish Child Care Policy Compared. *Social Politics: International Studies in Gender, State and Society*. 13 (2). pp. 261–285.
22. Hochschild, A.R. (2003) *The managed heart: Commercialization of human feeling*. University of California Press.
23. Pfau-Effinger, B. (1998) Gender cultures and the gender arrangement – a theoretical framework for cross-national comparisons on gender. *Innovation: the European Journal of Social Sciences*. 11. pp. 147–166.

24. Solodnikov, V. (2014) Global'nye demograficheskie i institutsional'nye izmeneniya sem'i [Global demographic and institutional changes in the family]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Socis*. 7. pp. 152–154.
25. Van de Kaa, D.J. (1993) The Second Demographic Transition Revisited: Theories and Expectations. In: Beets, G.C.N. et al. (eds) *Population and Family in the Low Countries*. Lisse, Zwets and Zeitlinger. pp. 81–126.
26. Jurczyk, K. (1998) Time in Women's Everyday Lives Between Self-Determination and Conflicting Demands. *Time & Society*. 2–3. pp. 283–308.
27. Schneider, N.F., Ruppenthal, S. & Lück, D. (2009) Beruf, Mobilität und Familie [Occupation, mobility and family]. In: *Zukunft der Familie. Prognosen und Szenarien* [Future of the Family. Forecasts and scenarios]. Opladen.
28. Tanskanen, A.O. & Rotkirch, A. (2014) The impact of grandparental investment on mothers' fertility intentions in four European countries. *Demographic research*. 31. pp. 1–26.
29. Zdravomyslova, E. (2010) Working mothers and nannies: Commercialization of childcare and modifications in the gender contract (a sociological essay). *Anthropology of East Europe Review*. 28 (2). pp. 200–225.
30. Utrata, J. (2008) *Babushki as surrogate wives: How single mothers and grandmothers negotiate the division of labor in Russia*. Berkeley Program in Eurasian and East European Studies.
31. Pahl, R. & Spencer, L. (2004) Personal Communities: Not Simply Families of "Fate" or "Choice". *Current Sociology*. 52 (2). pp. 199–221.
32. Chernova, Zh. (2013) *Sem'ya kak politicheskiy vopros: gosudarstvennyy proekt i praktiki privatnosti* [Family as a political issue: state project and privacy practices]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
33. Rozhdestvenskaya, E. (2010) Ottsovstvo: liberal'nyy trend ot ottsa k pape? [Paternity: a liberal trend from father to father?]. *Sotsiologicheskiy zhurnal*. 3. pp. 75–89.
34. Ferri, E., Bynner, J. & Wadsworth, M. (2003) *Changing Britain, Changing Lives: Three Generations at the Turn of the Century*. University of London.
35. Rozhdestvenskaya, E. (2012) *Biografiya kak sotsial'nyy fenomen i ob"ekt sotsiologicheskogo analiza* [Biography as a social phenomenon and the object of sociological analysis]. Abstract of Sociology Dr. Diss. Moscow.
36. Lewis, J. (2009) *Work-family balance, gender and policy*. Edward Elgar Publishing.
37. Leitner, S., Ostner, I. & Schmitt, C. (2008) *Family policies in Germany*. VS Verlag für Sozialwissenschaften.
38. Bekhouch, Y. et al. (2013) *The global gender gap report.* Geneva: World Economic Forum.
39. Ebert, I.D., Steffens, M.C. & Kroth, A. (2014) Warm, but maybe not so competent? Contemporary implicit stereotypes of women and men in Germany. *Sex roles*. 70 (9–10). pp. 359–375.
40. Leschke, J. & Jepsen, M. (2014) Is the Economic Crisis Challenging the Prevailing Gender Regime? A Comparison of Denmark, Germany, Slovakia, and the United Kingdom. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*. 21 (4). pp. 485–508.
41. Sullivan, O. (2006) *Changing gender relations, changing families: Tracing the pace of change over time*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.
42. Cooke, L.P. (2007) Persistent policy effects on the division of domestic tasks in reunified Germany. *Journal of Marriage and Family*. 69 (4). pp. 930–950.
43. Xydias, C. (2014) Women's Rights in Germany: Generations and Gender Quotas. *Politics & Gender*. 10 (01). pp. 4–32.
44. Lange, A. & Jurczyk, K. (2010) The Globalized Family. *DJI-Bulletin*. pp. 4–6.
45. OECD. (2005) *Female labour force participation: past trends and main determinants in OECD countries. OECD Economic Policy Reforms*. Paris. pp. 161–174.
46. Kenworthy, L. (2008) *Jobs with Equality*. Oxford: Oxford University Press.
47. Pettit, B. & Hook, J.L. (2009) *Gendered Tradeoffs: Family, Social Policy, and Economic Inequality in Twenty One Countries*. New York: Russell Sage Foundation.

Received: 29 May 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 192–196. DOI: 10.17223/15617793/420/29

УДК 316.75: 32.019.51

Н.Г. Щербинина

КОНСТРУИРОВАНИЕ САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ИСТОКА РУССКОЙ ВЛАСТИ

Исследуется пространственная политическая конструкция, на основе которой от Средневековья и до сегодняшнего дня мифологизируется русская власть. Для реконструкции ее используется мифогероическая схема, согласно которой политический Герой переживает трансформации сознания. При этом локусный характер пространственных иерофаний (Корсунь – Киев – Москва), сопутствующих героическому преображению в мифе, конституирует политический генезис русской власти. В целом сакрализация ее истоков указывает на конструирование особой политической реальности, глубинным смыслом бытия которой выступает ценность единства. «Правильность» феномена русской власти здесь вытекает из понимания политического контекста нормативно-предельной ее легитимации.

Ключевые слова: сакральное пространство; политическое конструирование; мифоистоки русской власти; характеристики мифопространства власти; сакральная политическая реальность как смысловой мир.

Термин «сакральное» имеет весьма широкое применение, им обозначают все «священное» как в примитивных верованиях, так и в развитых религиях, а также проявления священного в политической и других сферах бытия человека. В архаических культурах смысл данного понятия раздваивался, т.е. сакральные предметы были одновременно и «чистыми» и «скверными». Подобная амбивалентность прослеживается и в значении латинского слова «sacer» («священный»): «Это и посвященное богам, и отмеченное неистребимой запятнанностью, величественное и проклятое, достойное почитания и вызывающее ужас» [1. С. 348]. Священное в христианской традиции относится скорее к сфере ритуального почитания Бога и противостоит мирскому, так же как «сакральное» противостоит «профанному». Сакральное и профанное понимаются как два ментальных мира, требующие ритуалов перехода из одной реальности в другую, при этом подчеркивается сакральное назначение порога и самого феномена промежуточного состояния [2]. Сакральное в политике маркирует все, имеющее священный смысл, в отличие от политической обыденности. Это: предметы (гербы и флаги, книги как догматические тексты, изображения внеобыденного в различных материальных формах); легендарные фигуры, ставшие божествами и пророками; ахетипические ментальные образы (Родины, Нации, Империи); памятные места для паломничества и т.д. Сакральное поддерживается способом эманации священной сущности, тем самым проявляясь в многочисленных конкретных «иерофаниях».

Одной из основных иерофаний, проявлений священного в культуре всех времен и народов, выступает миф [3]. Архаический миф представляет собой сакральное повествование, он касается мощных проявлений сакрального, в конце концов, миф описывает сакральную реальность. Чаще всего содержанием данной мифоистории служит мотив начал и сотворения мира сверхъестественным существом [4. С. 15–16]. Политический миф аналогично повествует об истоках власти (русской, американской) и славит политического героя как творца данного мира (Владимира I, Вашингтона). Конечно, на первый взгляд, политический миф (как и архаический) отсылает нас к изначальному времени, обычно это Революция. Но в ментальной интенции, направленной к мифологизации истоков, важно и конструирование сакрального пространства. Сакральное пространство, согласно своим основным характеристикам, конституируется, опять же, как мифологическое пространство:

– оно совершенно конкретно и структурировано «переживаниями» человека [5. С. 100], т.е. обладает всеми свойствами феноменов и сконструировано;

– его форма неделима, потому, что в нем и мифе часть тождественна целому, в результате весь пространственный мир (и универсум) сводится к одной модели [Там же. С. 104];

– сакральное пространство противостоит профанному, перед нами некое чувство пространства, выражающееся в смысловом контрасте верха и низа, света и тьмы [Там же. С. 110].

Политико-мифологическое пространство, наделенное всеми указанными характеристиками мифопространства, выступает, по нашему мнению, особой конфигурацией политической семиосферы [6. С. 250–252]. В центре так конституированного семиотического пространства находится язык политического мифа, который доминирует и кодирует смысловой мир. В ходе политической коммуникации как символического обмена смыслы, относящиеся к ортодоксальной версии происхождения власти и государства, интерпретируются в знаковой рамке и модели того пространственного мира, который неизбежно приобретет сакральное значение. Семиозис, означивание мира в контексте переживания пространственной модели, конструирует соответствующую картину политического мира, которая неизбежно постулируется как сакральная реальность. Именно так произошло с мифологической по сути трактовкой истоков русской власти, которые связывались с сакральной христианской (православной) реальностью. Данная реальность имела разные номинации, не имеющие отношения к физическому пространству, но обнаруживающие черты мифологического локуса (замкнутого и номинированного). Политический мир символизируется в прошлом и настоящем не только христианской символикой, но и именами, характерными для мифа. И, наконец, как положено в мифе о творении мира, присутствует Герой под видом разных исторических лидеров.

Пространство генезиса русской власти (пространственный образ ее истоков) виделось в рамках мифотворчества как совокупность двух локусов – Корсуни

(Херсонеса) и Древнего Киева. Данные локусы представляют собой некие конкретные пространственные точки, связанные между собой настоящим «извержением» сакрального. Конечно, изначальной манифестацией сакрального стала Корсунь, место, где крестился князь Владимир. Точки пространства манифестируют значимые места, остальные места, ничего не значащие для истоков русской власти, не вошли в состав коллективных переживаний. При этом сущностные характеристики обеих точек полностью совпадают, что проявляет для нас пространственную модель, избранную мифом. Речь идет о верхнем и светлом мире святости, включающем в себя и представление о государстве как истинно христианском. Согласно средневековому общехристианскому представлению человек являл собой образ и подобие Божие, а государство – образ Небесного Царства. Но были лучшие люди, репрезентирующие государства и приближающиеся к источнику всего сущего. На первое место по значению здесь ставились особые люди, в политической сфере – властители. «Каждый человек есть живой символ Бога, но есть люди, символическое значение которых выражено с особой определенностью». В данном «человеке-символе» важна именно его символическая сторона – подвижничество [7. С. 38–39]. Таким человеком-символом для русского православия, с принятием которого наше государство вошло в мир христианства, стал князь Владимир. О его святости свидетельствует номинация «апостол Земли Русской», что говорит об особой святости как близости к Богу. А подвижником Владимир стал после акта выбора истинной веры и тем самым противостояния Злу.

Митрополит Иларион третью часть «Слова о законе и благодати» посвятил восхвалению князя Владимира I. Главным обоснованием особой сакральной роли Владимира послужило его символическое подобие Константину (крестителю греков), крест которого Владимир привез из «нового Иерусалима, града Константинова» [8. С. 49]. Далее в «Слове» Владимир называется «причастником» божьей славы [Там же. С. 51], что обозначает символическую связь божественной и земной властей, в том смысле, что и земная власть является атрибутом божественной. Вводимое понятие причастности к Богу свидетельствовало, на наш взгляд, о первом шаге в коллективном признании за русским властителем прав Наместника Христа на земле, но отчетливо данная мысль была развита позднее в формуле Филофея «Москва – Третий Рим». И, наконец, для символизации Киева – места, куда был перемещен крест Константина, дается следующая характеристика: «И славный град твой [Божий] Киев он окружил величием, как венцом…» [Там же]. Венец славы – это сакральный символ сопричастия города Владимира к сфере священного как такового и посвященного Христу в особенности. Как политический герой в мифологической трактовке, Владимир ходил походом на Корсунь с целью одержать победу. Корсунь выступала в легендах о воцарении того времени субститутом Царьграда, источником истинной, т.е. христианской, государственной власти. Взяв Корсунь, Владимир привез оттуда церковные символы (иконы, мощи, сосуды), попов и христиан для распространения закона христианского [9. С. 325]. Всё назначение победного похода на греческую землю, в результате которого последовал брак с византийской царевной, получение христианских даров и последующее крещение, состояло в том, чтобы показать свершение обряда перехода. Так, из обычного князя, властвующего в профанном городе, Владимир превращается в христианского князя, а Киев – в сакральный центр. Об этом и свидетельствует символ венца: «Заняв прочное место в православных обрядах и ритуалах, связанных с возведением посвящаемого в принципиально новый, более высокий статус, образ венца стал символически переосмысляться как высшая точка какого-либо стремления» [10. С. 153]. Несомненно, духовное перерождение Владимира и трансформация Киева совершились как иерофании, проявления священного. И Киев возвысился именно как сакральное пространство, христианский локус. Данные точки мифологического пространства, локусы (Корсунь – Киев), обладающие сходными характеристиками христианских земель, выступают и некими ступенями в восхождении от земного к небесному, от нижнего к высшему.

Итак, под изначальной русской властью в средневековых толкованиях понимается власть цивилизованная, а не архаически-примитивная и символически оформленная, согласно правильной государственной модели. Норму «правильного», конечно, задавал миф. В понятиях того времени, настоящая власть должна была иметь все характеристики христианской власти. Символическим образцом устроителя для русской христианской власти послужил Константин, который по мере крещения греков обустраивал и христианский мир (государство в союзе с церковью), и христианскую власть (монархию). Потому, как мы уже отмечали, Владимир и был назван «новым Константином». Это манифестировало, что Владимир (образ) должен был повторить символические действия Константина (первообраза). Основным прототипическим деянием Константина, согласно его каноническому житию, выступало утверждение крестов. В данной связи Иларион и похвалил Владимира за то, что он привез крест Константина: «Но даже и в этих образцовых хвалах крест Владимира сохраняет более общий смысл, означая христианство, крещение, но не становясь крестом победы, знаком христианской власти» [11. С. 121]. То есть здесь подчеркивается апостольская христианская роль Владимира, но не политическая, тем самым он, как бы не дотягивает до православного царя. Совершилась духовная, но не статусная трансформация, и православным «царем» по-прежнему признавался византийский император; соответственно, единственным православным государством оставалась византийская империя, неразрывно связанная с православной вселенской церковью. Аналогичной предстает и роль Владимира Мономаха, другого образцового киевского князя, в вопросах христианства. Согласно легендарной версии Мономах как победитель Царьграда получил инсигнии (включающие венец – шапку). Итак, есть победа и дары, но ритуально венцом увенчался позднее

московский великий князь Иван IV, он стал первым венчанным на царство.

Именно образ Ивана Грозного стал той земной формой, в которой мистически воплотился на Руси Христос. «Царь постулировался как Наместник Христа, как вселенский “живой образ” Царя Небесного, а Московское царство провозглашалось Ромейским царством (Москва – Третий Рим), следовательно, претендовало на вселенский характер как “отображение” единого Царствия Небесного» [12. С. 220]. Здесь сакрализация пошла дальше христианской сущности и достигла политической ипостаси Ивана. При этом христианское и политическое выступали как единое сакральное предназначение в ролевом воплощении русского царя, не оставляя места профанному деланию. Другими словами, религиозные и светские функции русского царя не разделялись, а защита православия объявлялась его призванием, священной миссией. Тем самым произошла сакрализация самого наместничества, образа Бога на земле. Постепенно в обряде помазания на царство русский царь приобрел и особую харизму, уподоблявшую его Христу [13. С. 28]. Посредством сущностной трансформации русский царь поднялся по статусной, властной и одновременно сакральной лестнице. Он стал истинно правоверным подобием Христа и, в условиях гибели византийской империи и византийского императора, единственным царем в православном мире.

И здесь мы подошли к проблеме государства, т.е. Москве – Третьему Риму. Согласно «теории движущегося Рима», Москва стала четвертым последним царством, концом земной истории и третьим символическим пристанищем римской государственной формы. Теория Филофея показывает, что вместе с государственной формой перемещается в пространстве и властное содержание. Конечно, власть здесь понимается как мистическая сущность, которая последовательно перебиралась из Старого Рима в Новый Рим (Константинополь), а затем Новым Римом стала и Москва. То есть универсум, согласно тогдашним представлениям, имел форму Рима, и форма задавала феномен присутствия самого мира, потому с уничтожением формы и должен был наступить конец света. Вот почему бытие государства номинировалось именем «Рим», но стать Римом можно было при условии сохранения правильной веры. Так римский мир отгораживался от еретического антимира. Комментируя текст Филофея, Н.В. Синицына пишет: «Последняя фраза, где утверждается, что “Рим – весь мир”, дает дополнительный аргумент, чтобы говорить о возможности перемещения “Ромейского царства”, которое представлено в Послании как величина и функция, не имеющая единственной и постоянной пространственно-временной характеристики» [14. С. 238]. Таким образом, римская форма государства меняла свои пространственные координаты. Трансформация государственных миров совершалось в акте называния «Римом», но отождествлялись сами объекты – миры. Перед нами не физическое, даже не географическое, не абстрактное, но конкретное, локализованное в локусе и номинированное мифопространство.

Оно имеет очевидные сакральные характеристики:

1) перед нами мифореальность, фактами-конструктами которой выступают символы переживаний относительно православной веры (это пространство истинной веры);

2) моделирование данного пространства имеет форму Рима, христиански правильного и единого государства-мира (теперь Рим – это русский мир);

3) последнее третье государственное воплощение (идентичное первым двум) является царством с сакральным предназначением, адекватно отражающим Небесное Царство, и его репрезентантом выступает истинный царь – живой образ самого Христа;

4) политический герой (Владимир, Иван) овладевает политическим центром мира (его субститутами Корсунью и Казанью) и переносит этот центр в Киев – Москву, отмеченные божьей благодатью.

Получается, что с помощью конструирования сакрального пространства русская власть завершила процесс своего генезиса, а к двум предыдущим локусам мифопространства добавился третий – Москва. Пространство истоков русской власти обретает черты семиотического пространства за счет политического мифа о герое и творении, который кодирует его как смысловую сакральную реальность. Не случайно в момент государственной трансформации 2014 г. Путин констатировал, что включение в состав РФ Крыма определено историческим аргументом, ведь в Крыму «находится духовный исток формирования» нашего государства. Толчок к данному коллективному переживанию он связывает с сакральным преображением Владимира в Корсуни [15]. В результате реконструируется аналогичный рассмотренному нами пространственному конструкту смысловой мир: «И это даёт нам все основания сказать, что для России Крым, древняя Корсунь, Херсонес, Севастополь имеют огромное цивилизационное и сакральное значение. Так же, как Храмовая гора в Иерусалиме для тех, кто исповедует ислам или иудаизм. Именно так мы и будем к этому относиться отныне и навсегда» [Там же]. Определение и называние данной реальности дается в фильме «Крым. Путь на Родину» А. Кондрашева, повествующем о событиях «крымской весны». Голос за кадром, упомянув Корсунь и крещение князя Владимира, подчеркивает, что перед нами особое пространство – «православное святое место». Потому, по словам Путина из данного фильма, Крым – «наша земля». Тем самым, историческая аргументация переходит в мифологическую аргументацию: выводится тождество сакральных пространств, территорий истоков русской власти. Отсылка к мифопространству русской власти как основам основ задает отношения политических ценностей высшего порядка и через них совершает трансформацию идентичности.

И, наконец, сакральное пространство власти символически «замкнулось» в визуальный конструкт «единства», когда 4 ноября 2016 г. в Москве на Боровицкой площади был открыт памятник Святому равноапостольному князю Владимиру, держащему монументальный крест. В своем выступлении на церемонии открытия В. Путин обозначил две черты значимости его наследия для современной России:

– его «духовные заветы» являются основами нашей истории,

– как «собиратель» и «защитник» русских земель именно он созидал сильное централизованное государство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М. : Прогресс-Универс, 1995. 456 с.
2. Геннеп А. ван. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М. : Вост. лит., 2002. 198 с.
3. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/comporative_bogoslov/eliade/01.php (дата обращения: 4.05.2016).
4. Элиаде М. Аспекты мифа. М. : Инвест – ППП, 1996. 240 с.
5. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. II : Мифологическое мышление. М. : Академический Проект, 2011. 279 с.
6. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Семиосфера. СПб. : Искусство-СПБ, 2001. С. 149–390.
7. Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб. : Мифрил, 1995. 244 с.
8. Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона // Библиотека литературы Древней Руси. СПб. : Наука, 1997. Т. 1. С. 26–61.
9. Память и похвала князю русскому Владимиру // Библиотека литературы Древней Руси. СПб. : Наука, 1997. Т. 1. С. 316–327.
10. Сафатова Е.Ю. Сакральная география Руси-России: семиотика пространства (на материале «Путешествия по святым местам русским» А.Н. Муравьева). // Вестник ТГПУ. 2009. Вып. 9 (87). URL: http://cyberleninka.ru/article/n/sakralnaya-geografiya-rusi-rossii-semiotika-prostranstva-na-materiale-puteshestviya-po-svyatym-mestam-russkim-a-n-muravieva (дата обращения: 9.05.2016).
11. Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб. : Акрополь, 1995. 336 с.
12. Сакрализация власти в истории цивилизаций. М: Центр цивилизационных и региональных исследований, 2005. Ч. II, III. 269 с.
13. Успенский Б.А. Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М. : Языки русской культуры, 2000. 144 с.
14. Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV–XVI вв.). М. : Индрик, 1998. 416 с.
15. Послание Президента Федеральному Собранию 4 декабря 2014. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/47173 (дата обращения: 12.05.2016).

Статья представлена научной редакцией «Социология, политология» 16 мая 2017 г.

CONSTRUCTION OF SACRAL SPACE AS THE SOURCE OF RUSSIAN POWER

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 192–196.
DOI: 10.17223/15617793/420/29

Nina G. Shcherbinina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sapfir.19@mail.ru

Keywords: sacred space; political construction; mythological sources of Russian power; characteristics of mythological space of power; sacral political reality as semantic world.

The present paper considers the problem of determining the legitimation of Russian power within the context of the traditional archaic political culture. The problem is solved based on the material of the discovered medieval spatial and myth-heroic construct (Korsun, Kiev-Moscow). The fact of Putin's legitimization of the reunification of the Crimea as a sacred land is associated with the sacral sources of political power. To describe the myth-spatial scheme, the method of reconstruction based on the heroic political monomyth model is used. Mythohistory tells about the birth of a new world with the help of a heroic deed, through which the sacred space of the sources of power is constituted. An essential analogy between sacred space and mythological space is made in the paper. The structure of this mythohistory is "dual": originally Prince Vladimir I played the heroic role; he is correlated with the two loci of mythological space, Korsun and Kiev. There are mytho-constructs of the "first move": Vladimir victoriously enters Korsun and takes the sacred symbols out of it, and then his consciousness transforms, and Ancient Kiev becomes the transformed sacred center of the Russian world. Acting as the baptizer of the Russian Land, Vladimir is associated with the cross of Constantine, i.e. the heroic transformation of the political sphere is not symbolically completed. Then comes the "second move": the sacred ritual of "crowning", introction into political power of Ivan IV as a "real" Orthodox king. And here the third locus of the mythological space of the sources of Russian power, Moscow, is constituted. It is in Moscow that the hero completes his political transformation, and the Orthodox state obtains the symbolic form of Rome, becoming its Third Incarnation. The localized mythological space of Russian political power acquires its truly sacred characteristics: it becomes a landmark (Moscow is the land of true Orthodox faith), since the Third Rome is the correct and united Christian state, the image and likeness of the Kingdom of Heaven (and the Orthodox king's charisma is modelled by Christ's one), and, finally, the political-sacred essence of the mythical hero is comprehended. It is to this general sacral-spatial source of Russian power, constituted in the myth, that Vladimir Putin appeals in 2014. Identifying the Crimea and Korsun as Russian Orthodox shrines, he extrapolates this symbolic identity to the similarity of their political value – Moscow's unity of lands was laid under Vladimir the Holy, and is the basis of the Russian world order. Thus the traditional construct of sacred space serves for the ultimate myth-heroic legitimation of Russian power. Furthermore, this constant of Russian political culture served as the basis for the current legitimizing discourse of Putin.

REFERENCES

1. Benvenist, E. (1995) *Slovar' indoevropeyskikh sotsial'nykh terminov* [Dictionary of Indo-European social terms]. Moscow: Progress-Univers.
2. Gennep, A. van. (2002) *Obryady perekhoda: Sistematicheskoe izuchenie obryadov* [Rites of transition: A systematic study of rites]. Moscow: Vost. lit.
3. Eliade, M. (1999) *Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya* [Essays on Comparative Religious Studies]. [Online] Available from: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/comporative_bogoslov/eliade/01.php. (Accessed: 4.05.2016).
4. Eliade, M. (1996) *Aspekty mifa* [Aspects of the myth]. Moscow: Invest – PPP.
5. Cassirer, E. (2011) *Filosofiya simvolicheskikh form* [Philosophy of symbolic forms]. Vol. 2. Moscow: Akademicheskiy Proekt.
6. Lotman, Yu.M. (2001) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. pp. 149–390.
7. Bitsilli, P.M. (1995) *Elementy srednevekovoy kul'tury* [Elements of medieval culture]. St. Petersburg: Mifril.
8. Likhachev, D.S. et al. (eds) (1997) Slovo o zakone i blagodati mitropolita Kievskogo Ilariona [A word about the law and grace of Metropolitan Hilarion of Kiev]. In: *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Ancient Rus literature]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka.
9. Likhachev, D.S. et al. (eds) (1997) Pamyat' i pokhvala knyazyu russkomu Vladimiru [Memory and praise to Vladimir, the Prince of Russia]. In: *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Ancient Rus literature]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka.

10. Safatova, E.Yu. (2009) Sakral'naya geografiya Rusi-Rossii: semiotika prostranstva (na materiale "Puteshestviya po svyatym mestam russkim" A.N. Murav'eva) [Sacral geography of Rus-Russia: Semiotics of Space (on the material of "Travels to Russian holy places" by A.N. Muraviev)]. *Vestnik TGPU – TSPU Bulletin*. 2009. Vyp. 9 (87). [Online] Available from: http://cyberleninka.ru/article/n/sakralnaya-geografiya-rusi-rossii-semiotika-prostranstva-na-materiale-puteshestviya-po-svyatym-mestam-russkim-a-n-muravieva. (Accessed: 9.05.2016).
11. Plyukhanova, M.B. (1995) *Syuzhety i simvoly Moskovskogo tsarstva* [Plots and symbols of the Moscow kingdom]. St. Petersburg: Akropol'.
12. Bondarenko, D.M., Andreeva, L. A. & Korataev, A.V. (2005) *Sakralizatsiya vlasti v istorii tsivilizatsiy* [The sacralization of power in the history of civilizations]. Vols 2–3. Moscow: Tsentr tsivilizatsionnykh i regional'nykh issledovaniy.
13. Uspenskiy, B.A. (2000) *Tsar' i imperator: Pomazanie na tsarstvo i semantika monarshikh titulov* [Tsar and Emperor: Anointing to reign and the semantics of the monarchic titles]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
14. Sinitsyna, N.V. (1998) *Tretiy Rim. Istoki i evolyutsiya russkoy srednevekovoy kontseptsii. (XV–XVI vv.)* [Third Rome. The origins and evolution of the Russian medieval concept. (14th–16th centuries)]. Moscow: Indrik.
15. Kremlin.ru. (2014) *Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu 4 dekabrya 2014* [The President's Address to the Federal Assembly on December 4, 2014]. [Online] Available from: http://kremlin.ru/events/president/news/47173. (Accessed: 12.05.2016).

Received: 16 May 2017

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЗАРОВ Владимир Александрович – д-р юрид. наук, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: kafprokrim@mail.ru

АНТОШИНА Елена Васильевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета. E-mail: arancia@mail.ru

АЮШИЕВА Ирина Гармаевна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и регионоведения стран Азии Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ). E-mail: aig1973@mail.ru

БОНОЛА Анна Паола – д-р наук, профессор кафедры славистики Миланского католического университета Святого Сердца (Италия). E-mail: anna.bonola@unicatt.it

БУБЛИК Евгения Викторовна – менеджер по работе с клиентами ООО «Серконс» (г. Москва). E-mail: shpak-ev@rambler.ru

БУЛДЫГИН Сергей Сергеевич – аспирант кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета. E-mail: buldygin.sergey@mail.ru

ВАСИЛЬЕВА Алина Вячеславовна – магистрант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии, лаборант лаборатории когнитивных исследований языка Томского государственного университета. E-mail: alvasilevaaa@mail.ru

ГРИБУНОВ Олег Павлович – канд. юрид. наук, начальник кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России (г. Иркутск). E-mail: gribunov@mail.ru

ГРИГОРЬЕВА Татьяна Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета (г. Уфа). E-mail: tagrig8@mail.ru

ГРУЗДЕВ Олесь Сергеевич – аспирант кафедры гражданского права Томского государственного университета. E-mail: monopolist1@mail.ru

ДЕНИСОВА Лариса Николаевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва (г. Саранск). E-mail: denisova208@mail.ru

ИВАНОВА Людмила Андреевна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: ludon26@mail.ru

КАЗАКОВ Алексей Аширович – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: akaz75@mail.ru

КРЫЛОВА Диана Дмитриевна – аспирант кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: diana.krylova90@mail.ru

КУЗНЕЦОВА Екатерина Валентиновна – аспирант отдела русской литературы рубежа XIX–XX веков Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (г. Москва). E-mail: katkuz1@mail.ru

ЛУКИНА Нелли Петровна – д-р филос. наук, профессор кафедры гуманитарных проблем информатики Томского государственного университета. E-mail: lukinanp1@gmail.com

МАСЛОВА Алина Юрьевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва (г. Саранск). E-mail: al_mas@mail.ru

МАРИНЕНКО Яна Сергеевна – аспирант кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: janemarin@mail.ru

МОЧАЛОВА Татьяна Ивановна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва (г. Саранск). E-mail: mochalova2014@rambler.ru

МУМОВИЧ Ана – д-р культурологии, науч. сотр. отдела литературы Института сербской культуры – Приштина (г. Лепосавич, Сербия). E-mail: djordj_ana@yahoo.com

НУРБАЕВ Даулет Маулитович – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: daulet_mn@mail.ru

ОСТАНКОВИЧ Анатолий Вячеславович – д-р филол. наук, профессор кафедры отечественной и мировой литературы Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь). E-mail: ost_av@mail.ru

ПЕТРОВА Анна Александровна – д-р филол. наук, зав. кафедрой немецкой и германской филологии Волгоградского государственного университета. E-mail: petrova.anna@volsu.ru

ПИНАЕВА Дарья Алексеевна – канд. ист. наук, доцент кафедры естественнонаучных и гуманитарных дисциплин Зеленодольского института машиностроения и информационных технологий (филиала) Казанского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ. E-mail: dashkevna1@mail.ru

ПОЗОВКИНА Ксения Сергеевна – магистрант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии, лаборант лаборатории когнитивных исследований языка Томского государственного университета. E-mail: senya.gl@mail.ru

ПОЧЕРЕВИН Евгений Владимирович – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина (г. Бийск). E-mail: pev2@mail.ru

ПРОЗУМЕНТОВ Лев Михайлович – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Томского государственного университета. E-mail: krim_tsu@mail.ru

ПРЯДКИНА Оксана Александровна – магистрант кафедры мировой экономики, международных отношений и права Новосибирского государственного университета экономики и управления. E-mail: oa.pryadkina@gmail.com

РЕБРИНА Лариса Николаевна – д-р филол. наук, доцент кафедры немецкой и германской филологии Волгоградского государственного университета. E-mail: lnrebrina@volsu.ru

РЕВЯКИНА Валентина Ивановна – д-р пед. наук, зав. кафедрой педагогики послевузовского образования Томского государственного педагогического университета. E-mail: val.rev@yandex.ru

РЕЗАНОВА Зоя Ивановна – д-р филол. наук, зав. кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета; профессор кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета. E-mail: resso@rambler.ru; resso@mail.tsu.ru

РОДИОНОВ Владимир Александрович – канд. полит. наук, доцент кафедры истории и регионоведения стран Азии Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ). E-mail: vladimir_198025@mail.ru

САЗОНОВА Полина Владимировна – ст. преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, аспирант кафедры гуманитарных проблем информатики Томского государственного университета. E-mail: lukinapv@rambler.ru

СЕРБИНА Анна Степановна – канд. ист. наук, доцент кафедры мировой экономики, международных отношений и права Новосибирского государственного университета экономики и управления. E-mail: serbina.anna@mail.ru

СТЕПУРА Светлана Николаевна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Томского политехнического университета. E-mail: Lana3670@rambler.ru, stepura@tpu.ru

ФИЛЬКИН Константин Николаевич – соискатель кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: indology@eml.ru

ХАБИБУЛИНА Альфия Сабитовна – магистрант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии, лаборант лаборатории когнитивных исследований языка Томского государственного университета. E-mail: abibulina_a@mail.ru

ХАДИУЛЛИНА Резеда Ринатовна – канд. пед. наук, доцент кафедры физико-математических дисциплин и информационных технологий Поволжской государственной академии физической культуры, спорта и туризма (г. Казань). E-mail: info@sportacadem.ru; h_rezeda@bk.ru

ЧАПКОВИЧ Жанна Альбертовна – аспирант кафедры педагогики послевузовского образования Томского государственного педагогического университета. E-mail: jannetch@mail2000.ru

ШЕСЛЕР Александр Викторович – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права Томского государственного университета; профессор кафедры уголовного права Кузбасского института ФСИН России (г. Новокузнецк). E-mail: sofish@inbox.ru

ЩЕРБИНИНА Нина Гаррьевна – д-р полит. наук, профессор кафедры политологии Томского государственного университета. E-mail: sapfir.19@mail.ru

ЭЛЭЗОВИЧ Далибор – д-р ист. наук, зав. кафедрой истории Университета в Приштине (г. Косовска-Митровица, Сербия). E-mail: dalibor.elezovic@pr.ac.rs

ЭЛЭЗОВИЧ Звездана – д-р культурологии, науч. сотр. Института сербской культуры – Приштина (г. Лепосавич, Сербия). E-mail: zvezdana.el@gmail.com

ЮАНЬ Владимир Лишиньевич – аспирант кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail it-rigon@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2017. № 420. Июль

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Д.А. Катунин

Адрес издателя и редакции
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 20 июля 2017 г. Формат 60×84 $^{1}/_{8}$. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Усл. печ. л. 23,2. Тираж 60 экз.
Заказ № 2692. Цена свободная.

Дата выхода в свет 17 августа 2017 г.

Редакторы: К.Г. Шилько, Н.А. Афанасьева
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. **Учредитель – Томский государственный университет.** «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/vestnik. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Founder – Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru